31642

30128.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

ТОМЪ VI

ЛННБ України ім.В.Стефаника
00595204 (Р)

06/10
30128

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

VI

264
91642

БЕРЛИНЪ 1922

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 127

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ
Издательству «СЛОВО»

БІБЛІОТЕКА
МУЗ. ІСТ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Государственная Дума и февральская 1917 года революція

М. В. Родзянко

Отечество должно быть для тебя дороже матери и отца, и какія-бы жестокости, какія-бы несправедливости оно ни совершало по отношенію къ намъ, мы должны выдержать ихъ и не отыскивать способовъ уклониться отъ него . . . *Сократъ*

Темой настоящаго моего труда я избралъ возобновленіе въ памяти общества хода тѣхъ событій, которыя привели къ февральскому 1917 года государственному перевороту, а цѣлью своею поставилъ себѣ правильное освѣщеніе той роли, которую играли Государственная Дума IV-го созыва въ переворотѣ 26 — 27 февраля 1917 года.

Необходимо эту роль освѣтить на основаніи точныхъ данныхъ.

Въ широкихъ слояхъ населенія, или, какъ принято выражаться, въ широкихъ народныхъ массахъ, благодаря крайней ограниченности газетныхъ сообщеній той эпохи и отсутствію широкой информаціи во время самого переворота, укоренилась неправильная точка зрѣнія на роль Государственной Думы во всѣхъ тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, являемся не только свидѣтелями, но отъ которыхъ страдаютъ все и вся.

Принято на вѣру далеко, однако, не безспорное положеніе, что Государственная Дума IV-го созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила въ реальныя формы переворотъ 27 февраля, а также и самую революцію. Всю вину за прошлыя и настоящія ужасающія событія принято валить на Государственную Думу и, въ частности, на ея Предсѣдателя. Я не ставлю себѣ, однако, задачей быть защитникомъ или адвокатомъ Государственной Думы, а намѣренъ лишь возобновить въ памяти русскаго общества и подкрѣпить документальными данными, по возможности, безпристрастную картину тѣхъ историческихъ событій, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія революціи и, давъ матеріалъ, основанный на документахъ, имѣющихся у меня, къ сожалѣнію, въ ограниченномъ количествѣ, предоставить возможность читателямъ имѣть критерій для самостоятельной оцѣнки минувшихъ событій и для своихъ собственныхъ выводовъ.

Я постараюсь въ своемъ трудѣ быть чуждымъ рѣзкой критики, ибо мое глубокое внутреннее убѣжденіе заключается въ томъ, что время такой критики еще не наступило. Я считаю, что оцѣнка нами самими переживаемаго момента не можетъ быть безпристрастной, а потому и критика не можетъ быть правильной. Уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются текущія историческія событія, какъ послѣдствія недавняго прошлаго, диктуется самими условіями жизни. Этотъ уголъ зрѣнія есть безграничное негодованіе всему совершающемуся, а потому позволительно усомниться въ томъ, будетъ ли справедливымъ такой судъ, основанный на односторонніхъ и всегда субъективныхъ впечатлѣніяхъ. Исторія оцѣнитъ эти событія безпристрастно и отведетъ каждому мѣсто по его дѣламъ и заслугамъ.

Второй причиной, побудившей меня, является существующій нынѣ развалъ политической мысли и отсутствіе организованнаго общественнаго мнѣнія. Люди, бывшіе избранниками народа и выразителями его нуждъ и стремленій, обязаны всѣми возможными способами подготовить и выковать такое мнѣніе и приготовить этимъ Россію къ предстоящему, надѣюсь, въ близкомъ будущемъ, разумному Учредительному Собранію.

Наконецъ, третья причина — это сознаніе необходимости, наканунѣ полнаго возрожденія нашей изстрадавшейся Родины, оглянуться назадъ на все содѣянное нами и въ ошибкахъ прошлаго, вольныхъ и невольныхъ, почерпнуть правильные взгляды на предстоящее намъ дѣло строительства на новыхъ началахъ Русской земли. Поэтому настоящій мой трудъ надлежитъ разсматривать какъ историческую справку, которую я признаю себя обязаннымъ дать Русскому обществу, и не ожидать отъ него политическаго или агитаціоннаго значенія.

Общественныя настроенія до войны

Государственная Дума

Считаю совершенно необходимымъ остановиться сначала, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, на дѣятельности Государственныхъ Думъ до войны. Безъ такого разъясненія не можетъ быть правильнаго сужденія о роли Государственной Думы IV-го созыва въ дальнѣйшей жизни страны и, главнымъ образомъ, въ переворотѣ 27 февраля, ибо рядъ послѣдовательныхъ событій слишкомъ тѣсно связанъ между собой въ затронутомъ вопросѣ, составляя рядъ звеньевъ одной и той же цѣпи событій.

Оппозиціонное настроеніе мыслящаго Русскаго Общества къ формѣ Государственнаго устройства въ Россіи и къ порядку осуществленія законодательства и къ дѣйствіямъ Государственной власти началось задолго до дарованія Русскому народу манифеста 17 октября.

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II замѣтно было стремленіе къ сокращенію объема Самодержавной власти (новиковцы, мартинисты), далѣе заговоръ и бунтъ Декабристовъ при воцареніи Императора Николая I. Цѣлый рядъ, несмотря на либеральныя реформы Императора Александра II, политическихъ

процессовъ въ его царствованіе указывалъ на возрастающее броженіе въ русскомъ обществѣ, имѣвшее корнемъ своимъ желаніе установленія въ Россіи конституціоннаго строя. Къ концу царствованія Александра II оппозиціонное настроеніе это значительно расширилось и стало захватывать все болѣе и болѣе широкіе круги русскаго общества.

Настроеніе это выражалось въ рядѣ резолюцій разнообразныхъ общественныхъ организацій и глухомъ броженіи рабочаго и земледѣльческаго крестьянскаго классовъ, въ поискахъ за лучшимъ устройствомъ своей жизни и ея условій.

Припомните, читатели, 80-е года прошлаго столѣтія и стремленіе учащейся молодежи идти въ народъ. Припомните лозунги партій «Земля и воля» и цѣлый рядъ аграрныхъ и фабрично-рабочихъ движеній. Государственная власть полагала тогда, что усиленіемъ репрессивныхъ мѣръ возможно погасить начавшееся пробужденіе общественной политической мысли, основой которой было, конечно, желаніе добиться народнаго участія въ рѣшеніи судебъ отечества въ лицѣ народнаго представительства. И тогда уже политика Правительства, вмѣсто того, чтобы разумными предупреждающими развитіе общественнаго ропота реформами смягчить взаимное раздраженіе, направлялась въ сторону извѣстнаго принципа предупрежденія и пресѣченія.

Въ началѣ 90-хъ годовъ это освободительное движеніе передалось въ земства, и цѣлый рядъ земскихъ слетовъ и съѣздовъ развивалъ мысли о необходимости расширенія участія представителей народа въ законодательствѣ страны и дарованія населенію права контроля надъ аппаратомъ Государственной власти, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи правительства и общества. Характерно при этомъ то обстоятельство, что это развитіе либеральныхъ настроеній въ земской средѣ совпало съ реформами земскихъ учрежденій, предпринятыми при Императорѣ Александрѣ III гр. Д. А. Толстымъ, которыя имѣли цѣлью повернуть земство на наиболѣе консервативный путь, но достигли обратнаго результата. Но Правительство оставалось и тогда глухо къ возникающему броженію общественно-политической мысли и даже проявляло къ ней явную враждебность. Такъ, напримѣръ, такой крупный государственный дѣятель, какъ С. Ю. Витте, въ извѣстной запискѣ своей «Самодержавіе и Земство» прямо доказывалъ, что эти два принципа не совмѣстимы. Въ своемъ трудѣ гр. Витте проводилъ ту мысль, что совмѣстное существованіе въ данномъ Государствѣ Самодержавія и принципа самоуправленія не можетъ воспитать свободныхъ гражданъ, а постоянная борьба этихъ двухъ началъ превращаетъ народъ въ народную пыль, неспособную къ сопротивленію, и которая при первомъ же натискѣ на нее можетъ разлетѣться прахомъ. Къ великому прискорбью слова его оказались пророческими. На этомъ лозунгѣ всегдашняго противодѣйствія развитію общественной самодѣятельности Правительство, принципіально и преемственно, стояло твердо, не уступая ничего, и привело этимъ себя впослѣдствіи къ полному крушенію.

Раздѣленіе Государственной власти и общества было такъ велико, что уже послѣ учрежденія Государственной Думы тогдашній министръ земледѣлія Кривошеинъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ на агрономическомъ Съѣздѣ, указывалъ на прискорбное для дѣла дѣленія русскаго общества на мы — правящія сферы и они — все остальное населеніе внѣ этихъ сферъ. Естественно, что спокойнымъ при такомъ положеніи дѣла русское общество оставаться не могло. Но какъ ни какъ, а правительство и тогда хорошо понимало, что безъ содѣйствія общественныхъ элементовъ не только трудно, но

просто невозможно управлять такимъ огромнымъ по территоріи, при разноплеменномъ составѣ населенія, Государствомъ, какимъ являлась Россія.

Разныя условія мѣстностей ставили властно требованія созданія примѣнительныхъ къ этимъ условіямъ законовъ и мѣстныхъ постановленій и само собою разумѣется, что въ XX вѣкѣ, даже въ невысокомъ по развитію культуры и политическаго сознанія русскомъ народѣ все же политическая и общественная мысль постепенно прогрессировала и не укладывалась уже въ рамки бюрократическаго абсолютизма и полицейскаго режима. Этотъ отживающій Государственный строй съ каждымъ днемъ отставалъ отъ развивающагося государственнаго самосознанія русскаго общества, почему и пропасть между правительствомъ и обществомъ все углублялась и расширялась. Наиболѣе прозорливые государственные люди той эпохи это хорошо понимали и старались разными палліативными мѣрами смягчить назрѣвающій грозный разладъ въ системѣ управленія Государствомъ, но отрѣшиться отъ власти и мужественно идти на коренныя реформы Государственнаго строя они не могли, ибо не хватало главнаго — любви къ народу, какъ къ таковому, и смѣлости размаха въ твердомъ проведеніи либеральныхъ реформъ. Надо признаться при этомъ, что правящій классъ, изъ котораго пополнялись кадры правительственной власти и не думалъ уступать своихъ прерогативъ, полагая, что русскій народъ и общество настолько дики и неразвиты, что система, принятая правительствомъ, единственная возможная въ данное время. Одновременно съ этимъ, мѣръ къ поднятію умственнаго уровня народа принималось мало, школьное дѣло было поставлено совершенно не цѣлесообразно, даже въ направленіи вредномъ для Государства, ибо школы никогда не были національны, а узко схоластичны, не развивая никогда въ народѣ сознанія обязанностей гражданъ къ отечеству, не заботясь о развитіи здороваго патріотизма и беззавѣтной любви къ достоинству и славѣ отечества.

Повторяю, наиболѣе прозорливые государственные люди конца девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія несомнѣнно понимали это, но отказаться отъ своихъ ложныхъ доктринъ не имѣли въ себѣ достаточно мужества и самоотверженности. Таковъ былъ, напримѣръ, всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Я не могу воздержаться, чтобъ не привести здѣсь характерный эпизодъ, происшедшій съ закономъ о мѣстной ветеринаріи. Ветеринарное дѣло, благодаря заботамъ о немъ земскихъ учрежденій, въ большинствѣ земскихъ губерній было поставлено весьма удовлетворительно, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ отчеты Земскихъ Управъ того времени, и дѣло это, близкое населенію и необходимое для развитія его благосостоянія, все улучшалось и развивалось. Но вотъ оказалось, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ явилась злополучная мысль, что ветеринарное дѣло должно быть взято въ руки правительства и централизовано. Началась работа въ этомъ направленіи и изъ нѣдръ Петербургскихъ канцелярій появился небывалый по нецѣлесообразности законъ, ограничивающій право распоряженія ветеринарнымъ дѣломъ Земствъ, превращающій земскихъ ветеринаровъ въ Правительственныхъ чиновниковъ и тормозящій всякую инициативу Земствъ въ постепенномъ и планомѣрномъ развитіи дѣла. Земства подняли невѣроятный шумъ по этому вопросу. Полетѣли ходатайства о томъ, чтобъ законъ былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ. Я тогда былъ Предсѣдателемъ Екатеринославской Губ. Земской Управы и хорошо помню то тяжелое чувство обиды и оскорбленія, которое нами испытывалось, видя, какъ безо всякой надобности, безцѣльно разрушалось стройное зданіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей Земскаго Хозяйства. Между тѣмъ законъ ветеринарный

прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и былъ Высочайшей властью утвержденъ. Но такъ какъ вопль земскихъ протестовъ оказался весьма интенсивнымъ, то умный Плеве понялъ, что изданіемъ этого закона онъ попалъ въ просакъ, что кромѣ раздраженія и справедливаго осужденія изъ этого ничего не выйдетъ и совершилось небывалое — Высочайше утвержденный законъ не увидалъ свѣта и было созвано новое Совѣщаніе съ участіемъ представителей отъ Земскихъ Учрежденій, въ числѣ которыхъ находился и я. Долженъ засвидѣтельствовать, что Плеве отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ заявленію и критикѣ земскихъ членовъ Совѣщанія. Критика эта была поистинѣ безпощадна и отъ закона не осталось камня на камнѣ.

Очевидность нелѣпости изданнаго закона наглядно выступила, когда были составлены журналы Совѣщанія, и пришлось, не взирая на то, что онъ былъ по всѣмъ правиламъ законодательства изданъ и утвержденъ Верховной Властью, вновь представить Государю на предметъ его отмѣны. В. К. Плеве воспользовался присутствіемъ земскихъ делегатовъ и часто собиралъ насъ у себя въ кабинетѣ, стараясь выудить у нихъ ихъ мнѣнія по многимъ насущнымъ вопросамъ. Мнѣнія свои мы высказывали съ полной откровенностью. Къ чести В. К. Плеве надо сказать, что никто за свою прямолинейность изъ насъ не пострадалъ. То-же самое произошло и съ продовольственнымъ вопросомъ, которымъ издавна вѣдало Земство и дѣло обстояло весьма недурно. Запасные магазины были полны зерна, и у каждой волости имѣлись нѣкоторые капиталы. Внезапно у Правительства явилась мысль, передать дѣло въ руки администраціи, что и было выполнено. Былъ составленъ за симъ законопроектъ, который подвергся однако жестокой критикѣ Земскихъ Учрежденій, которымъ онъ былъ препровожденъ для заключенія. Вновь была созвана комиссія съ участіемъ представителей Земствъ, и продовольственный законъ не увидѣлъ свѣта, а дѣло продолжало идти по старымъ и нѣкоторымъ новымъ временнымъ правиламъ, но подъ руководствомъ администраціи, отъ чего дѣло не выиграло ничуть. Вотъ какъ недовѣрчиво, а подчасъ даже враждебно относилась Государственная власть, а такихъ примѣровъ можно насчитать множество. Комментаріи при этомъ излишни — общественность, которая натыкалась на каждомъ шагу на препятствія и тормазы, несомнѣнно раздражали всѣ безполезныя стѣсненія и она глухо выражала свое неудовольствіе.

Вспыхнувшая Японская война застала Русское общество именно въ этомъ состояніи броженія политической мысли, а время учрежденія Государственной Думы, послѣ неудачной Японской войны и революціи 1905 года — знаменательно само по себѣ.

Задачи Государственной Думы послѣ Японской войны

Несомнѣнно, что неудача Японской войны вызвала всеобщее негодованіе и раздраженіе, внѣдрила въ широкіе общественные круги убѣжденіе, что такъ существовать больше нельзя, что рисковать жизнью гражданъ и народнымъ достояніемъ безъ достаточныхъ для того основаній и безъ контроля общества надъ дѣйствіями Правительственной власти дальше невозможно. Японская война стала уже болѣе или менѣе достояніемъ исторіи и, какъ ни больно для національнаго самолюбія Россіи, — необходимо признать горькую истину, что въ этой войнѣ

побѣдила насъ маленькая Японія. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ революціонныхъ эксцессовъ, имѣющихъ въ своей основѣ чувство оскорбленнаго патріотизма. Мало-по-малу, однако, вспыхнувшее революціонное теченіе пошло на убыль, оно было локализировано въ стѣнахъ созданнаго народнаго представительства, и революція умиротворилась. Судьбами Государства призваны были отнынѣ, по духу дарованной конституціи, распоряжаться народные избранники въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Какія же задачи стали передъ ними?

Я не коснусь кратковременной дѣятельности I-й и II-й Государственныхъ Думъ, скажу только, что задачи, поставленныя себѣ Государственной Думой III-го созыва, были слѣдующія: укрѣпленіе расшатанной неудачной войной военной мощи Россіи, возможное исправленіе поколебавшагося финансоваго положенія Государства и экономическихъ производительныхъ силъ страны и засимъ возстановленіе внутренняго порядка и законномѣрности во всемъ.

Стремленіе къ достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей проходитъ красной нитью черезъ всѣ постановленія Государственной Думы. Государственныя Думы I-го и II-го созывовъ, въ силу кратковременности своего существованія, не могли оставить значительный слѣдъ въ этой области: ихъ работы не успѣли даже дойти до разсмотрѣнія бюджета. Но Государственныя Думы III-го и IV-го созывовъ сдѣлали все, что могли сдѣлать въ этомъ направленіи.

Военный бюджетъ ко времени войны съ Германіей съ 350 милліоновъ, каковымъ его застала Японская война, возросъ до 750 милліоновъ. И лучшей характеристикой въ данномъ случаѣ можетъ служить личный отзывъ Великаго князя Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича въ словахъ, сказанныхъ имъ мнѣ: «Я не политикъ, говорилъ онъ, и не знаю, что дѣлаетъ Государственная Дума въ политическихъ вопросахъ, но что касается военнаго законодательства, то Государственная Дума всегда была выше всякихъ похвалъ». Сказано это было за годъ до войны на одномъ изъ военныхъ торжествъ.

За все время существованія Государственной Думы не было ни одного случая отказа въ открытіи кредита на военныя надобности: давалось всегда все безъ отказа, часто давалось даже больше, чѣмъ требовали. Противъ военнаго кредита вотировали лишь завзятые оппозиціонеры, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Военные вопросы разсматривались въ Государственной Думѣ не на почвѣ политичееских программъ и не съ точки зрѣнія политическихъ партій, а исключительно съ точки зрѣнія интересовъ и нуждъ Государства.

Финансовая сторона дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ также достигла въ значительной степени поставленныхъ ею себѣ цѣлей; въ первый же годъ послѣ Японской войны Государственную роспись удалось сбалансировать съ незначительнымъ дефицитомъ. Въ бюджетахъ остальныхъ годовъ доходы превышали расходы, при условіи, что податное бремя, несмотря на значительное увеличеніе размѣра государственныхъ расходовъ, не было увеличено или увеличено лишь въ незначительной степени. Достигнуто это было цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ дѣйствительнаго поступленія доходовъ, возможнымъ сокращеніемъ расходовъ и прекращеніемъ произвола и безконтрольнаго расходованія государственныхъ средствъ.

Этими мѣрами было достигнуто то, что свободная наличность Государственнаго Казначейства къ началу войны равнялась 475 милліонамъ рублей, золотой

запасъ Государственнаго Банка въ это время равнялся одному милліарду восьмистамъ милліонамъ рублей. Государственный бюджетъ къ моменту объявленія намъ Германіей войны возросъ до 3-хъ милліардовъ рублей. Все это, конечно, указываетъ насколько Государственная Дума была чужда какихъ бы то ни было революціонныхъ стремленій, а всѣ свои заботы направляла ко внутреннему благоустроенію Государства. Внѣ всякаго сомнѣнія, что благоустройство военныхъ силъ страны и устойчивость ея финансовъ, охраняя, съ одной стороны, ея безопасность, обезпечиваетъ въ то же время благосостояніе каждаго отдѣльнаго гражданина, гарантируя ему свободу труда, охраняя его производительность, и въ этомъ отношеніи въ дѣятельности Государственной Думы III-го и IV-го созывовъ до войны не было отказа разумнымъ начинаніямъ Правительства, не было мѣста оппозиціи во что бы то ни стало, а слѣдовательно, не было и мѣста подготовкѣ революціи.

Но въ дѣлѣ возстановленія внутренняго порядка и законом'рности дѣло обстояло значительно хуже, и въ отношеніяхъ Государственной Думы и Вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ далеко не все обстояло благополучно. Продолжая стоять на принципѣ предупрежденія и пресѣченія, усматривая вездѣ революціонныя начала, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не могло помириться съ наличіемъ народнаго представительства, его правомъ контроля исполнительной власти и правомъ запросовъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и революціонные эксцессы

Всѣмъ хорошо памятны всякаго рода репрессіи, усиленныя охраны, незаконом'рныя дѣйствія власти, давленія на печать и тормазъ полиціи разнымъ общественнымъ начинаніямъ на мѣстахъ. Всѣ эти неправильныя взаимоотношенія Правительства и общества стали особенно болѣзненно чувствительны при наличности народнаго представительства. Посланные запросы о творившемся на мѣстахъ все больше и больше натягивали и безъ того достаточно натянутыя струны.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ тяжело въ этомъ отношеніи жилось при старомъ режимѣ, какъ была скована творческая народная мысль совершенно ненужными подозрѣніями, постоянно ослаблявшими вѣру въ возможность совмѣстной работы съ Правительствомъ, и поэтому распространяться въ этомъ направленіи я не буду. Государственная Дума, избранная народомъ и облеченная его довѣріемъ, оставаться равнодушной къ такому положенію вещей, конечно, не могла. Велась упорная борьба съ Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но борьба не на почвѣ сверженія или разрушенія общественнаго строя, не на почвѣ колебанія государственныхъ основъ, а на необходимости реформъ, нужныхъ для упорядоченія народной жизни, успокоенія умовъ и внѣдренія во всемъ законности. Велась эта борьба не на почвѣ усиленія революціоннаго настроенія въ странѣ, а напротивъ, въ сознаніи необходимости ослабить дѣйствіе революціонной агитаціи путемъ дарованія всѣмъ гражданамъ равенства передъ закономъ, равнымъ для всѣхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что часто отдѣльныя выступленія болѣе пылкихъ ораторовъ, впадавшихъ въ агрессивный тонъ, инкриминировались всей Думѣ въ совокупности. Это, конечно, надо объяснить малой привычкой рус-

скаго общества разбираться въ томъ, что происходило въ стѣнахъ законодательнаго Учрежденія. Общество не привыкло еще отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что важны не отдѣльныя выступленія, а постановленія Государственной Думы, отражающія мнѣніе ея большинства и могущія вылиться въ форму закона.

Революціонныхъ постановленій III-й и IV-й Государственныхъ Думъ нельзя найти ни въ одномъ журналѣ, ни въ одномъ стенографическомъ очетѣ.

Таково было настроеніе Государственныхъ Думъ III-го и IV-го созывовъ.

Является, однако, вопросъ: вполнѣ ли соотвѣтствовало настроеніе Государственной Думы въ этотъ періодъ времени настроенію страны?

Народное представительство было, несомнѣнно, настроено патріотично и національно, любило свою родную армію, тогда какъ интеллигентное общество было настроено, къ сожалѣнію, антимилитарно, нѣсколько интернаціонально, а поэтому и мало патріотично. Слишкомъ глубоко внѣдрилась въ него привычка критики дѣйствій власти и глубокая неудовлетворенность отечественными порядками, или вѣрнѣе, непорядками Государственной жизни.

Народное представительство — Государственная Дума, — основой своей работы положила убѣжденіе въ необходимости вести страну путемъ эволюціи, но не революціи, къ развитію либеральныхъ реформъ.

Но правительство оставалось глухо къ этому правильному пониманію своихъ задачъ Государственной Думы и продолжало упорно стоять на принципѣ: «сначало успокоеніе, а потомъ реформы». О неправильности этого принципа много будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, но здѣсь умѣстно будетъ сказать, что Государственный Совѣтъ сталъ на ту же точку зрѣнія и усердно помогалъ Правительству тормозить всякія начинанія Государственной Думы, направленныя къ проведенію въ жизнь необходимыхъ либеральныхъ реформъ. Покойный П. А. Столыпинъ не разъ горько жаловался мнѣ на то, что при создавшемся положеніи вещей управлять Государствомъ и законодательствовать невозможно. «Что толку въ томъ, говорилъ онъ, что успѣшно проведешь хорошій законъ черезъ Государственную Думу, зная впередъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ его ожидаетъ неминуемая пробка». И дѣйствительно, можно привести цѣлый рядъ хорошо продуманныхъ и успѣшно проведенныхъ черезъ Государственную Думу законовъ, насущно необходимыхъ для страны, но которые никогда не увидѣли жизни изъ за упорной оппозиціи въ Государственномъ Совѣтѣ. Нельзя не удивляться этой непонятной позиціи нашей верхней палаты, прекрасно знавшей, что революціонныя волны 1905 года вовсе не утихли, а только просочились вглубь народной толщи.

Государственная Дума хорошо понимала, что путь революціонный приведетъ къ такимъ потрясеніямъ государственнаго организма, которыя грозили бы цѣлости Государства, но внѣ Государственной Думы, несомнѣнно, уже тогда шла революціонная работа, весьма интенсивная, какъ это мы и увидимъ ниже.

Громадное большинство членовъ Государственной Думы было вполнѣ солидарно съ мыслью, высказанной во II-ой Думѣ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ въ его обращеніи, въ одной изъ рѣчей къ лѣвому крылу Думы: «Вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна Великая и Сильная Россія». Однако, съ кончиной Столыпина, въ правительственныхъ кругахъ стало одолѣвать крайне правое теченіе, стремившееся сократить и принизить значеніе народнаго представительства. По крайней мѣрѣ, въ докладѣ своемъ Императору Николаю II, даже еще въ 1915 году, во время войны, тогдашній

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ совершенно открыто указывалъ на необходимость такой мѣры, и при этомъ докладѣ я лично видѣлъ собственноручное письмо къ Министру Императора Николая II, въ которомъ онъ писалъ, что эти соображенія Маклакова имъ — Императоромъ — одобряются и раздѣляются. Даже вполнѣ законопослушная и трезво относящаяся къ дѣлу Государственнаго строительства III-я Государственная Дума была взята подъ подозрѣніе, и правящіе круги всячески старались въ чемъ только возможно умалять ея значеніе и достоинство. Такъ, напримѣръ, въ дни празднованія Отечественной войны, 1812 года, въ Москвѣ Государственная Дума, какъ таковая, не была приглашена къ участію въ торжествахъ памяти народной войны, а былъ приглашенъ только Предсѣдатель ея именнымъ приглашеніемъ, тогда какъ Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ, какъ учрежденіе, въ полномъ своемъ составѣ.

При прощальной аудіенціи передъ роспускомъ III-й Государственной Думы, Императоръ Николай II-й не былъ благосклоненъ къ Государственной Думѣ въ прощальномъ своемъ словѣ, обращенномъ къ ней, и Дума разъѣхалась, огорченная и оскорбленная, не чувствуя за собой никакой вины и ожидавшая иного къ себѣ отношенія Верховной власти.

Наступившая вслѣдъ за этимъ избирательная кампанія ясно обнаружила рѣшимость Правительства добиться состава Государственной Думы исключительно изъ правыхъ партій, для чего были пущены въ ходъ всѣ возможныя средства, примѣняемыя съ большою изобрѣтательностью правительствомъ В. Н. Коковцева, и на все прогрессивно мыслящее было воздвигнуто форменное гоненіе. Въ этихъ цѣляхъ сдѣлано было черезъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера основательное давленіе на духовенство. Правительств. Сенатъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, одно разъясненіе за другимъ, въ цѣляхъ сокращенія круга избирателей. Но, несмотря на это, большинства въ Думѣ Правительство все-жъ не добилось, что стало сразу яснымъ при избраніи Предсѣдателя Государственной Думы изъ партіи октябристовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Настроеніе всѣхъ партій отъ октябристовъ и лѣвѣе ихъ было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать, озлобленное къ Правительству, но и внутренній разладъ въ самой Думѣ получился такой, что болѣе мѣсяца Государственная Дума не въ состояніи была избрать Товарищей своего Предсѣдателя, не имѣя возможности сговориться на кандидатахъ. Если къ этому прибавить, что слухи о предстоящемъ переворотѣ, въ смыслѣ превращенія Думы изъ законодательной въ законосовѣщательную, слухи о возможности роспуска ея, въ виду невозможности достигнуть соглашенія между партіями даже въ выборѣ президіума, стали распространяться все шире и шире, то прямая опасность авторитету народнаго представительства вставала для насъ во весь ростъ, какъ реальная дѣйствительность.

Партія Народной Свободы, подвергшаяся наибольшимъ предвыборнымъ гоненіямъ, явно клонилась къ союзу съ крайними лѣвыми элементами, и опасность появленія чисто-революціонныхъ настроеній въ нѣдрахъ самой Государственной Думы зрѣла не по днямъ, а по часамъ. Это обстоятельство въ свою очередь грозило самому существованію Государственной Думы, что повело бы къ неизбѣжнымъ революціоннымъ волненіямъ въ странѣ. При такихъ условіяхъ партія октябристовъ, какъ центральная, увидѣла необходимость, путемъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ, достигнуть при помощи соглашенія прочнаго достаточно многочисленнаго большинства, способнаго отстоять народное представи-

тельство отъ всякихъ на него покушеній какъ со стороны правительства, такъ и со стороны своихъ собственныхъ крыльевъ, праваго и лѣваго. Были начаты переговоры въ соединенныхъ засѣданіяхъ руководителей разныхъ фракцій Думы съ цѣлью привлечь вліятельную въ странѣ кадетскую партію къ соглашенію и предотвратить ея союзъ съ соціалистическими группами. Имѣлось въ виду также оторвать возможно большее число членовъ Думы отъ крайняго праваго, воинствующаго крыла. Переговоры, однако, затянулись. Главнымъ тормазомъ было упорное требованіе к.-д. партіи о включеніи въ программу соглашенія еврейскаго вопроса цѣликомъ. При этомъ нужно по справедливости замѣтить, что гг. кадеты были болѣе правовѣрными, чѣмъ сами евреи, представители которыхъ лично заявляли, что при создавшемся положеніи вещей, по ихъ мнѣнію слѣдуетъ отсрочить жгучій еврейскій вопросъ и отнюдь не ставить его рѣзко программно. Не знаю, повліяли-ли они на руководителей кадетской фракціи Государственной Думы? Но все же центральныя партіи находили, что при создавшемся соотношеніи силъ, вопросъ этотъ надлежало бы оставить открытымъ, а к.-д. партія упорно стояла на своемъ. Все же, въ концѣ концовъ, соглашеніе на основѣ уступокъ состоялось, было подписано представителями партій и собрало значительное и устойчивое большинство Государственной Думы, получившее названіе прогрессивнаго блока Думскихъ партій. Возникновеніе этого блока было встрѣчено крайне враждебно какъ Правительствомъ, такъ равно и крайнимъ лѣвымъ, и крайнимъ правымъ крыломъ Государственной Думы. И надо признаться, что прогрессивный блокъ долженъ былъ быть одинаково нетерпимымъ для всѣхъ этихъ элементовъ. Разрушивъ уже возникавшее соглашеніе партіи Народной Свободы съ соціалистическими революціонными кругами и, отмежевавшись отъ не менѣе опасныхъ для молодого еще Русскаго народнаго представительства крайнихъ правыхъ круговъ, прогрессивный блокъ вводилъ работу законодательнаго учрежденія въ нормальный эволюціонный темпъ, имѣя достаточную силу парализовать всякія революціонныя попытки какъ справа, такъ и слѣва. Не могло это соглашеніе радовать и Правительство, такъ какъ оно вынуждало его считаться съ прочно спаяннымъ прогрессивнымъ большинствомъ Государственной Думы, чѣмъ разрушалась вся упорная предвыборная работа Правительства, стремившагося къ созданію послушнаго ему большинства въ Государственной Думѣ.

На прогрессивный блокъ немедленно же посыпались всякія нареканія изъ нѣдръ перечисленныхъ элементовъ, оставшихся внѣ соглашенія. Его обвиняли во всякихъ небывалыхъ замыслахъ взаимно противорѣчащихъ другъ другу, въ зависимости отъ того лагеря, изъ котораго такія инсинуаціи исходили.

Ненависть къ создавшемуся прочному ядру была такъ велика, что объединила два противоположныхъ полюса въ Государственной Думѣ и можно привести не одинъ примѣръ, когда крайнія правыя монархическія и крайнія лѣвыя соціалистическія партіи оказывались въ трогательномъ единеніи и голосовали вмѣстѣ, стремясь затормозить работу прогрессивнаго блока, что, къ сожалѣнію, иногда и удавалось.

А между тѣмъ, значеніе прогрессивнаго блока было чрезвычайно. Соглашеніе это, создавъ прочное прогрессивное большинство, возвращало Государственной Думѣ ея поколебленный было авторитетъ, дѣлало возможнымъ планомѣрную работу законодательнаго учрежденія и исключало возможность случайныхъ голосованій въ существенныхъ вопросахъ законодательства.

Программа блока была впервые открыто заявлена съ Думской кафедры въ отвѣтъ на декларацію Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, смѣнившаго на этомъ посту В. Н. Коковцева.

Особенно выпуклое значеніе наличія прогрессивнаго блока Думскихъ фракцій сказалось при объявленіи войны.

Блокъ отказался отъ лица входящихъ въ его составъ партій на время войны отъ проведенія какихъ бы то ни было своихъ программъ, и всю свою работу рѣшилъ направить въ помощь Правительству въ исключительно трудныя времена войны. Впослѣдствіи прогрессивный блокъ всѣми возможными мѣрами боролся противъ пораженческаго движенія, несомнѣнно насажденнаго въ Россіи германскимъ шпіонажемъ и агентурой.

Изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ его возникновенія ясно видно, что прогрессивный блокъ въ Государственной Думѣ явился послѣдствіемъ необходимости самообороны и борьбы съ нарождающимся революціоннымъ движеніемъ въ странѣ. Только полною неосвѣдомленностью общества объ этихъ причинахъ и можно объяснить себѣ всѣ кривотолки и несправедливыя нападки, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Въ весеннюю сессію 1914 года въ Государственной Думѣ прошелъ законопроектъ о большой военной программѣ, которая, выполненная въ два года, то-есть къ 1917 году, дѣлала нашу армію и численно, и по снаряженію значительно сильнѣе германской.

Съ момента утвержденія этого закона Верховной властью, для насъ, членовъ Государственной Думы, стало ясной неизбѣжность въ самомъ ближайшемъ будущемъ вооруженнаго столкновенія съ Германіей, которая не могла ждать нашего военнаго усиленія.

Съ этого же момента революціонная агитація, несомнѣнно германскаго происхожденія, среди рабочихъ разныхъ заводовъ усилилась до чрезвычайныхъ размѣровъ. Хотя она явно существовала и раньше, но особенно усилилась съ начала 1914 года.

Здѣсь несомнѣнно была примѣнена излюбленная система Германіи, путемъ широкой подпольной агитаціи внести смуту въ тылу воюющей съ ней страны. Въ современныхъ войнахъ, гдѣ техника играетъ едва ли не первенствующую роль, разрушить правильный транспортъ тыла, лишая армію нормальнаго подвоза провіанта, интендантскаго и боеваго снабженія, представлялось для Германіи вопросомъ несомнѣнно первостепенной важности. Посѣять смуту въ умы оставшагося дома населенія, посѣять недовѣріе къ вождямъ своимъ среди русскаго воинства, путемъ возбужденія рабочихъ и подстрекательства ихъ къ забастовкамъ въ цѣляхъ затрудненія промышленныхъ работъ, направленныхъ къ снабженію арміи — это были безспорно прямыя задачи нашего врага и проводились имъ чрезвычайно умѣло и упорно въ Россіи.

Благодаря попустительству Правительства, препятствій эта пропаганда не встрѣчала, и кромѣ указанныхъ мотивовъ упорно сѣялась преступная идея пораженчества, успѣху которой способствовала неувѣренность русскаго общества въ томъ, что Правительство способно довести войну до побѣднаго конца.

Петроградъ въ 1914 году, передъ самой войной, былъ объятъ революціонными эксцессами. Эти революціонные эксцессы, возникшіе среди рабочаго населенія Петрограда, часто влекли вмѣшательство вооруженной силы; происходили демонстраціи, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и волненія среди фабрично-рабочаго класса были результатомъ дѣятельности Германскаго Генеральнаго Штаба. Такъ, напримѣръ, произошли загадочныя отравленія работницъ на табачныхъ фабрикахъ въ Петроградѣ, которыя не были раскрыты и такъ и остались загадками. Забастовки возникали и организовались безъ всякихъ видимыхъ причинъ и только теперь стало ясно, гдѣ лежалъ корень всѣхъ этихъ событій. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность передъ войной, и внести непоправимую смуту въ русское общество. Сѣмена большевизма на почвѣ разжиганія классовой ненависти сѣялись, очевидно, щедрою рукою, и эта пропаганда, которую не поняли и съ которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль въ подготовкѣ къ Русской революціи.

Все это происходило во время посѣщенія Россіи представителемъ дружественной намъ державы — Президентомъ Французской Республики Пуанкарэ.

Волненія въ столицѣ были настолько сильны, что Президентъ вынужденъ былъ ѣздить по городу въ сопровожденіи значительнаго военнаго конвоя. То же самое, хотя, разумѣется, въ меньшемъ масштабѣ, происходило и на мѣстахъ. Велась энергичная агитація среди крестьянъ на почвѣ земельныхъ отношеній и нельзя не отмѣтить силу и вліяніе этой агитаціи. Землевладѣльцы должны хорошо помнить тѣ условія, въ которыя были поставлены они, въ виду частыхъ волненій сельскихъ рабочихъ и ихъ постоянныхъ забастовокъ въ горячую пору. Справедливое стремленіе къ увеличенію площади своей пахатной земли получило совершенно неправильное направленіе, подъ вліяніемъ той же агитаціи, и назвать состояніе умовъ русской деревни въ то время спокойнымъ — было бы большой ошибкой и, конечно, германская агитація велась на этой почвѣ весьма широко. Однако, за нѣсколько дней до объявленія войны, когда международное политическое положеніе стало угрожающимъ, когда маленькой братской намъ Сербіи — могущественной сосѣдкой Австріей былъ предъявленъ извѣстный всѣмъ и непріемлемый для нея ультиматумъ, какъ волшебствомъ сметено было революціонное волненіе въ столицѣ. Я былъ въ это время за границей, въ Германіи, но, къ счастью, мнѣ удалось избѣжать нѣмецкаго плѣненія.

Вся германская пресса, очевидно, въ цѣляхъ подготовленія общественнаго мнѣнія Германіи къ войнѣ, на всѣ лады трубила о полномъ разложеніи Россіи. Всѣ газеты утверждали, что революція у насъ вспыхнетъ не сегодня — такъ завтра, на всѣ лады обрисовывалось возрастающее вліяніе Wundermönch'a (Чудомонаха) Распутина, ненавистнаго странѣ, но пріобрѣтшаго исключительное вліяніе на Русскую Императорскую Чету и т. д., и т. д.

Объявленіе войны и общественныя настроенія

Вернувшись въ Петроградъ передъ самымъ объявленіемъ войны, я былъ пораженъ перемѣной настроенія жителей столицы. «Кто эти люди?» — спрашивалъ я себя съ недоумѣніемъ, — «которые толпами ходятъ по улицѣ съ національными флагами, распѣвая народный гимнъ и дѣлая патріотическія демонстраціи передъ домомъ Сербскаго посольства».

Я ходилъ по улицамъ, вмѣшивался въ толпу, разговаривалъ съ нею и, къ удивленію, узнавалъ, что это рабочіе, тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопросъ мой: чѣмъ объясняется перемѣна настроенія? я получилъ отвѣтъ: «Вчера было семейное дѣло: мы горячо ратовали о своихъ правахъ, для насъ реформы, проектируемыя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, проходили слишкомъ медленно, и мы рѣшили сами добиться своего, но теперь — сегодня — дѣло касается всей Россіи. Мы придемъ къ Царю, какъ къ нашему знамени, и мы пойдемъ за нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

Аграрныя и всякія волненія въ деревнѣ сразу стихли въ эти тревожные дни, и какъ великъ былъ подъемъ національнаго чувства — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры: къ мобилизаціи явилось 96% всѣхъ призываемыхъ, явились безъ отказа и воевали впослѣдствіи на славу.

Настроеніе было далеко не революціонное, а чисто патріотическое и воодушевленное. А между тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ войны это настроеніе такъ измѣнилось, что обезпечило громадный успѣхъ вспыхнувшей революціи.

Какимъ же образомъ произошла эта перемѣна, и что было причиной коренного измѣненія настроенія массъ, и гдѣ надо искать корень зла?

Готовность жертвовать всѣми средствами и силами на благо Родины, ввиду начавшейся войны, превышала даже потребность въ этихъ жертвахъ, но общій лозунгъ безусловно объединялъ всѣхъ: «Мы должны побѣдить».

Всѣми, хотя и смутно, понималось, что возникшая война является войной рѣшающей въ давнемъ спорѣ между германцами и славянами, но настоящая цѣль войны и перспективы будущаго въ случаѣ побѣды, а также сущность происходящихъ событій, къ сожалѣнію, народнымъ массамъ были неясны, какъ неясно было и то, что произойдетъ въ случаѣ пораженія Россіи и какія гибельныя послѣдствія ожидаютъ нашу Родину въ этомъ случаѣ.

Война и Правительство

Вмѣстѣ съ этимъ, въ самомъ началѣ войны, Правительство стало на совершенно ложную точку зрѣнія. Въ цѣляхъ укрѣпленія монархическаго начала и престижа Царской власти, Правительство полагало, что войну должно и можетъ выиграть одно оно — Царское Правительство, безъ немедленной организаціи народныхъ силъ въ цѣляхъ объединенія всѣхъ въ великомъ дѣлѣ войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанію путемъ приказа и повелѣнія, и тѣмъ самымъ доказать, что Царское Правительство стоитъ на надлежащей высотѣ пониманія народной воли. Таково было, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе изъ бесѣдъ съ лицами, занимавшими крупныя правительственныя мѣста, стоявшими тогда во главѣ управленія страной. Я смѣло утверждаю, что въ теченіе трехлѣтней войны это убѣжденіе Правительства не измѣнилось ни на іоту.

Путемъ здоровой пропаганды не внѣдрялись въ массы народа здоровыя понятія о томъ, что несетъ за собою настоящая война, какія послѣдствія могутъ быть отъ пораженія Россіи, и насколько необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ, не жалѣя ни силъ, ни средствъ, ни жизней, ни крови для достиженія побѣды. Ошибочная точка зрѣнія неправильно понятыхъ своихъ Государственныхъ задачъ, постоянное опасеніе, какъ бы путемъ организаціи народа не создать почву для революціонныхъ очаговъ, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства — не было въ Правительствѣ

Львівська державна наукова бібліотека № 1387

необходимаго довѣрія къ народу. Въ этой позиціи, занятой Правительствомъ, кроются всѣ причины, съ моей точки зрѣнія, дальнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ въ веденіи войны и приведшихъ насъ къ катастрофѣ. Правительство на первыхъ же порахъ не отдало себѣ яснаго отчета въ томъ объемѣ, который можетъ принять міровая война.

Правительство не хотѣло понять, что во всѣхъ главныхъ отрасляхъ и вопросахъ народнаго хозяйства, безъ коренной перемѣны направленія внутренней политики въ смыслѣ довѣрія къ здравому смыслу русскихъ гражданъ, оно не въ состояніи будетъ одолѣть тѣхъ не бывалыхъ еще запросовъ и той грандіозной работы, которая требуетъ отъ него созданія колоссальнѣйшей арміи, необходимой, однако, для спасенія Государства.

Вліяніе Распутина

Къ этому надо прибавить, что вліяніе Распутина, этого оракула Императорской четы, стало все болѣе и болѣе возрастать за это время, и съ нимъ, или, вѣрнѣе, съ его кружкомъ, считались всѣ министры, и, какъ мы увидимъ ниже, Распутинъ и его кружокъ впослѣдствіи пріобрѣли такое значеніе, что только по его совѣту и указанію назначались министры и должностныя лица. Вліяніе его можно объяснить чрезмѣрно мистическимъ настроеніемъ Императрицы, имѣвшей неограниченное вліяніе на своего супруга. Неизвѣстность исхода войны, опасность для династіи въ случаѣ пораженія заставляли царицу прибѣгать къ воображаемому дару пророчества Распутина, чтобы попытаться поднять завѣсу надъ загадочнымъ будущимъ.* Лично Распутинъ, въ вопросахъ войны, держался чрезвычайно двусмысленно. Его рѣчи по поводу войны, которыя передавались изъ устъ въ уста, носили неопредѣленный, неясный характеръ, но скорѣе съ оттѣнкомъ пораженчества и, несомнѣнно, ясно выраженной симпатіей къ Германіи.

Война и Государственная Дума

Но для насъ, членовъ Государственной Думы, вопросъ былъ ясенъ. Намъ, близко и подробно ознакомленнымъ со всѣмъ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, со всѣми обстоятельствами, приведшими къ ней, было совершенно ясно, что дѣло идетъ о продолжительной и упорной борьбѣ, что вопросъ идетъ о принципіальной борьбѣ германцевъ со славянами, что скоро и быстро война эта кончиться не можетъ, такъ какъ Германія, несомнѣнно, еще издавна лелѣяла безумную надежду стать владычицей міра въ полномъ объемѣ и смыслѣ этого слова.

Неправильная позиція, занятая Правительствомъ, внушала уже тогда опасеніе, что оно не справится съ поставленной ему гигантской задачей, а руководствуясь лишь слѣпой цѣлью поддержанія престижа своей власти во что бы то ни стало и видя вездѣ несуществующую еще и въ зародышѣ революцію, оно, несомнѣнно, надѣлаетъ массу ошибокъ.

---

* Справедливость этого мнѣнія находитъ себѣ подтвержденіе въ изданныхъ въ «Общемъ Дѣлѣ» письмахъ Императрицы Александры Феодоровны.

Къ борьбѣ съ возникшей немедленно послѣ объявленія войны нѣмецкой пропагандой Правительствомъ не было ничего ни организовано, ни подготовлено. Старая привычка только повелѣвать и думать, что въ томъ напряженномъ состояніи, въ которомъ находилась страна, можно ограничиться приказомъ и требованіемъ безсознательнаго исполненія, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней политики Правительство посѣяло само первыя сѣмена возникшей потомъ революціи. Несмотря на неоднократныя указанія Государственной Думы, Правительство оставалось къ нимъ глухимъ и продолжало проводить въ жизнь указанную точку зрѣнія. А между тѣмъ, факты указывали совершенно иной путь для внутренней политики. Государственная Дума была созвана 26 іюля 1914 года по настоянію ея Предсѣдателя и только послѣ личнаго доклада о семъ Императору Николаю II. Въ этомъ историческомъ засѣданіи не было партій. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что на партійной почвѣ раньше этого бывали споры, доходящіе до эксцессовъ, до скандаловъ, и Предсѣдателю Государственной Думы нужно было пускать въ ходъ всю полноту своей власти, чтобы добиться хоть внѣшняго спокойствія и внѣшняго порядка.

Въ засѣданіи 26 іюля всѣ партійныя перегородки пали, всѣ безъ исключенія. Члены Думы признали необходимость войны до побѣднаго конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества, и дружно объединились между собой въ этомъ сознаніи и рѣшили всемѣрно поддерживать Правительство.

Безъ различія національностей всѣ поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что пораженіе невыносимаго германскаго милитаризма является безусловно необходимымъ. Только одинъ депутатъ (Чхеидзе) позволилъ себѣ выступить апологетомъ пораженчества, хотя и въ туманныхъ и неясныхъ намекахъ. Онъ встрѣтилъ, однако, суровый отпоръ своей непатріотической рѣчи въ Государственной Думѣ, и послѣдствія доказали въ дальнѣйшемъ близость Чхеидзе къ германскимъ кругамъ. Достаточно прочесть стенографическій отчетъ этого засѣданія, чтобы убѣдиться, насколько великъ былъ національный подъемъ и насколько всѣ народности, входящія въ составъ Россійскаго Государства, представляли въ этотъ моментъ одну семью, одушевленную одной цѣлью и однимъ стремленіемъ.

Правительство и Государственная Дума

Правительство осталось, однако, глухо къ этому внушительному уроку. Свою точку зрѣнія — подозрѣніе въ революціонности страны, ни на чемъ не основанную, оно проводило даже въ мелочахъ.

Я не буду утруждать вниманія читателей перечисленіемъ многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ такое мое утвержденіе, но одинъ изъ нихъ настолько характеренъ, что я не могу не подѣлиться съ вами.

Въ началѣ войны, приблизительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, я былъ вызванъ въ Ставку Великимъ Княземъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, который заявилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я въ безвыходномъ положеніи, — Армія безъ сапогъ, помогите!» Я отвѣтилъ Великому Князю, что это дѣло, несомнѣнно, можно быстро наладить, что этому можно

быстро помочь, но что для этого нужно обратиться къ общественнымъ организаціямъ, которыя близко знаютъ производительныя силы своего района и, несомнѣнно, успѣшно наладятъ это дѣло. Великій Князь назвалъ цифру требуемаго количества сапогъ, цифру сравнительно небольшую: четыре милліона паръ. Легко себѣ представить, что значитъ для двухсотмилліоннаго населенія Россіи доставить Арміи четыре милліона паръ сапогъ — эта цифра казалась мнѣ совершенно ничтожной. Но желая оставаться вполнѣ корректнымъ, я испросилъ у Великаго Князя письменное удостовѣреніе, что указанное количество сапогъ необходимо, и съ этимъ документомъ въ рукахъ явился въ Петроградъ съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій. Несомнѣнно, что Предсѣдатель Государственной Думы никогда не могъ явиться нарушителемъ тѣхъ установленныхъ закономъ нормъ и формъ, которыя дѣйствовали за силой закона. Поэтому для того, чтобы собрать съѣздъ представителей общественныхъ организацій, надо было обратиться за разрѣшеніемъ его къ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ — Маклакову. И вотъ — какой разговоръ произошелъ между мною и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Когда я ему изложилъ обстоятельства дѣла и предъявилъ письменное заявленіе Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, буквально, отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующее: «Я н е м о г у дать вамъ разрѣшенія на созывъ такого съѣзда; это будетъ нежелательной и всенародной демонстраціей въ томъ направленіи, что въ снабженіи Арміи существуютъ непорядки. Кромѣ того, я н е х о ч у дать этого разрѣшенія, такъ какъ, подъ видомъ поставки сапогъ, вы начнете дѣлать революцію». И сколько я ни убѣждалъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Русская Государственная Дума, дѣйствующая съ согласія, вѣдома и пожеланія Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, не можетъ быть заподозрѣна, въ особенности во время народной войны, въ желаніи сдѣлать революцію, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ упорно стоялъ на своемъ, — и мы разстались въ озлобленіи другъ на друга.

Итакъ, изъ одиночнаго, но далеко не мелкаго факта, а ихъ можно привести многое множество, видно, какъ относилось Правительство къ общественнымъ начинаніямъ въ самомъ началѣ войны, какъ оно относилось тамъ, гдѣ дѣло шло о неисчислимыхъ жертвахъ со стороны населенія, къ этому населенію, желающему придти на помощь нашимъ доблестнымъ воинамъ. Тяжелъ былъ трагизмъ создавшагося положенія. Горишь желаніемъ помочь, и безкорыстная помощь ваша отвергается безъ существенныхъ основаній. Въ этомъ духѣ Правительство продолжало свою политику и, мало-по-малу, одушевленіе, охватившее всѣ слои Русскаго народа, стало смѣняться сначала равнодушіемъ къ дѣлу войны, а затѣмъ подозрительностью къ власти. Возникъ жгучій вопросъ: можетъ ли быть война выиграна усиліемъ одного Правительства, способно ли оно на это?

Членамъ Государственной Думы, на первыхъ же порахъ, стало яснымъ, что не хватитъ ни снарядовъ, ни патроновъ, въ виду громадной ихъ потребности. Мы съ тревогой спрашивали себя, какъ же дѣло пойдетъ дальше? И чтобы снять съ себя всякіе упреки въ отсутствіи своевременной информаціи начальствующихъ лицъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, Предсѣдатель Государственной Думы вновь выѣхалъ въ ставку и доложилъ Великому Князю Верховному Главнокомандующему, на основаніи точныхъ, имѣющихся у него данныхъ и цифръ, что размѣры, которые принимаетъ война, и колоссальныя потребности въ боевыхъ припасахъ должны опрокинуть всѣ нормы, установленныя въ этомъ отношеніи въ расчетахъ снабженія орудій и винтовокъ достаточнымъ

количествомъ снарядовъ, патроновъ. Нашъ врагъ превышалъ насъ не менѣе, чѣмъ въ десять разъ техническимъ оборудованіемъ, и для того, чтобы упрочить наше положеніе, и чтобы не оставить Армію совершенно безоружной, безъ пороха, патроновъ, шрапнелей и орудій — необходимо было немедленно, съ нашей точки зрѣнія по крайней мѣрѣ, призвать къ энергичной дѣятельности всю промышленность страны и все общество. Только въ этихъ мѣрахъ можно было видѣть спасеніе Россіи отъ грозящаго ей разгрома.

Правительство и мобилизація страны на нужды военнаго времени

Великій Князь Верховный Главнокомандующій оказался вполнѣ правильно освѣдомленнымъ по этому вопросу и, вполнѣ соглашаясь со мной, просилъ всѣ усилія направить къ тому, чтобы освѣтить вопросъ, съ такой же полнотой, не только ему, но и Государю Императору. Послѣдствія этого были таковы: Военному Министру, Генералу Сухомлинову, всѣ документальныя данныя были доложены. Сухомлиновъ все это долженъ былъ доложить Государю Императору, но доложилъ это, очевидно, въ иномъ свѣтѣ, ибо дѣло продолжало стоять на той же точкѣ замерзанія. Вслѣдствіе этого явилась необходимость въ личномъ докладѣ Предсѣдателя Государственной Думы съ матеріалами въ рукахъ, но и на этотъ докладъ опредѣленнаго отвѣта не послѣдовало. Правда, были приглашены нѣкоторые промышленники и заводовладѣльцы въ Главное Артиллерійское Управленіе, но они были встрѣчены въ немъ далеко невнимательно, и имъ предъявили такія невыполнимыя условія, что стало ясно, что совмѣстной работы съ ними Правительство не ищетъ. Вслѣдствіе этого, большинство изъ этихъ лицъ, видя невозможность, что-либо сдѣлать, не пошло на сдѣланный призывъ, и дѣло оставалось на томъ же мѣстѣ.

Послѣдствія такого отношенія Правительства къ усиліямъ общества помочь общей бѣдѣ, помочь общими усиліями и потушить разгорающійся пожаръ — скоро обнаружили себя. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что все сдѣлаетъ самъ черезъ губернаторовъ и Армію сапогами снабдитъ. Одинъ мой знакомый мнѣ передавалъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ губерній. «По моей дорогѣ тянется странная процессія, — разсказывалъ онъ, — толпа крестьянъ, повидимому, очень мирная, окруженная, однако, стражниками и урядниками. На вопросъ одному изъ нихъ, котораго я зналъ лично: «куда васъ ведутъ?» послѣдовалъ оригинальный отвѣтъ: «Мы, дескать, сапожники, гонятъ насъ по нарядамъ въ губернскій городъ для шитья сапогъ на Армію». И вотъ такимъ кустарнымъ образомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проводилъ великое и отвѣтственное дѣло снабженія Арміи, истекавшей кровью на фронтѣ.

Военно-артиллерійское вѣдомство, не желая, повидимому, довѣрять русской промышленности и не давая, поэтому, промышленности объединиться въ прочныя организаціи, очевидно, изъ страха какого-то революціоннаго движенія, заказы свои дѣлало за границей. Но результаты отъ этого были для насъ очевидны. Доблестные союзники сами не были подготовлены къ войнѣ. У нихъ все, что только было возможно, было мобилизовано для своихъ собственныхъ военныхъ нуждъ, и на русскіе заказы оставалось слишкомъ мало производительныхъ силъ для срочнаго исполненія заказовъ, а дѣло велось въ такихъ пре-

дѣлахъ, чтобы только грубо не нарушить принятыхъ на себя условій и обязательствъ. Необходимость быстро создать огромную Армію, не существовавшую, напримѣръ, въ Англіи, вызвала необыкновенное напряженіе народнаго труда, а на нашу долю оставались только отбросы, которые опять-таки, за отсутствіемъ надлежащаго тоннажа, такъ какъ перевозка и доставка въ Россію возможна была только черезъ замерзающіе сѣверные порты, — опаздывали и прибывали чрезвычайно неаккуратно и, что всего хуже, создали вокругъ заказовъ въ Россіи цѣлую армію авантюристовъ, разобраться въ доброкачественности которой Артиллерійскому вѣдомству не представлялось никакой возможности. Зачастую заказы отдавались въ нежелательныя и даже недобросовѣстныя руки. Но такъ какъ Правительство было убѣждено, что заказы придутъ своевременно, то въ ожиданіи ихъ поступленія оно разрѣшало тратить снаряды, находящіеся въ наличности въ Арміи въ ограниченномъ количествѣ. Заказы изъ за-границы, однако, не приходили въ срокъ, и положеніе получилось такое, что къ веснѣ 1915 года снарядовъ оказалось минимальное количество, и Армія буквально голодала въ этомъ отношеніи.

Предсѣдателемъ Государственной Думы это обстоятельство было доложено Государю Императору Николаю II.

«Вы ошибаетесь, Михаилъ Владиміровичъ», отвѣтилъ онъ мнѣ: «вотъ вѣдомость на сдѣланные заказы снарядовъ, ихъ должно хватить». — «Но, Ваше Величество, вѣдомости поступленія заказовъ, повидимому, у Васъ не имѣется», отвѣтилъ я. И этой вѣдомости дѣйствительно не оказалось въ рукахъ Императора.

Армія тогда сражалась почти голыми руками. При поѣздкѣ моей въ Галицію на фронтъ, весной 1915 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ иногда отбивались непріятельскія атаки камнями, и даже было предположеніе, вооружить войска топорами на длинныхъ древкахъ. И тѣмъ не менѣе, однако, эта нищая по снаряженію, но доблестная по духу Армія безропотно умирала, проливая свою кровь за честь и достоинство Россіи, и все-таки одерживала побѣды.

Вотъ какъ въ это время Правительство относилось къ настойчивому желанію всѣхъ общественныхъ элементовъ страны придти ему на помощь, безъ различія партій и безъ всякой задней мысли, съ исключительной цѣлью поддержать Правительство въ эту до нельзя тяжелую и трудную минуту.

Внутренняя политика Правительства

Не лучше обстояло дѣло и въ политикѣ Правительства по отношенію къ народностямъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого отношенія является историческое знаменитое воззваніе къ полякамъ, выпущенное Верховнымъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ самомъ началѣ войны. Воззваніе это, обѣщаніемъ самостоятельности Польшѣ въ цѣляхъ примиренія Польши съ Россіей въ ихъ вѣковомъ спорѣ, имѣло цѣлью привлечь окончательно симпатіи какъ русскихъ, такъ и зарубежныхъ поляковъ къ Россіи, и объединить всѣ славянскія національности противъ ихъ общаго врага. Воззваніе это было, несомнѣнно, санкціонировано Верховной властью и составлено при участіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова. Иначе оно и быть не могло. Верховный Главнокомандующій, несмотря на значительный объемъ своихъ правъ и власти,

очевидно, не могъ дѣйствовать безъ вѣдома и санкціи главы Государства въ такомъ кардинальномъ вопросѣ.

Однако, послѣ обнародованія упомянутаго документа, рядомъ Министровъ крайнихъ правыхъ теченій была подана Императору Николаю II докладная записка объ опасности сдѣланнаго воззванія къ полякамъ, въ виду возможности расчлененія Государства и откола отъ него Царства Польскаго. Повидимому, Императоръ Николай II внялъ этому представленію, ибо Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ была дана соотвѣтствующая инструкція Варшавскому Губернатору въ смыслѣ желательности нѣкотораго охлажденія возбужденнаго національнаго чувства поляковъ. Ему давалось порученіе вылить на поляковъ какъ бы ушатъ холодной воды. Поляки всполошились. Послѣдовалъ цѣлый рядъ депутацій отъ національныхъ общественныхъ учрежденій Польши въ Петроградъ. Онѣ приходили ко мнѣ и умоляли меня объяснить Императору Николаю II, насколько гибельны могутъ быть послѣдствія отъ такой двойственной политики. Я долженъ былъ испросить всеподданнѣйшій докладъ для этого дѣла, но со стороны Императора Николая II встрѣтилъ отрицательное и даже враждебное отношеніе. «Мы, кажется, поторопились!» сказалъ онъ. Поторопились, но, вѣдь, въ такомъ вопросѣ, разъ сдѣланъ рѣшительный шагъ, вернуться назадъ нельзя. — Не значило ли это колебать престижъ Царской власти, не значило ли такимъ путемъ расшатывать устои самого Государства, и не есть ли это яркій примѣръ отсутствія пониманія Правительствомъ народныхъ и государственныхъ интересовъ.

Характеръ думской оппозиціи

Государственная Дума видѣла также ясно, что и въ другой отрасли народнаго хозяйства распоряженія Правительства заставляли желать много лучшаго. Кореннымъ условіемъ для успѣшнаго веденія кампаніи, несомнѣнно, является правильная постановка транспорта и правильное движеніе по желѣзнодорожнымъ путямъ, тѣмъ болѣе, что сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно, была далеко недостаточна и совершенно не приспособлена къ тѣмъ громаднымъ перевозкамъ, которыя по ней должны были слѣдовать. Что же сдѣлало Правительство въ этомъ направленіи? Вмѣсто того, чтобы объединить все управленіе желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующихъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу, и координировать ихъ однимъ общимъ планомъ, управленіе это было разбито на двѣ самостоятельныхъ группы. Желѣзнодорожные пути, находящіеся въ районѣ дѣйствующей арміи, были подчинены, на диктаторскихъ правахъ, отдѣльному лицу, вѣдающему передвиженіемъ войскъ, а внутри Имперіи — движеніе было подчинено Министру Путей Сообщенія. Оба эти лица другъ отъ друга не зависѣли и взаимно другъ другу не подчинялись. Создать, такимъ образомъ, согласованный графикъ движенія, при условіи недостаточности подвижного состава, явилось дѣломъ совершенно невозможнымъ, и послѣдствія скоро оказались печальными. Получалось постоянное скопленіе грузовъ внутри страны, пробки на узловыхъ пунктахъ, недостаточность вагоновъ и паровозовъ, получился, по мѣткому выраженію одного желѣзнодорожнаго дѣятеля, слоеный пирогъ вагоновъ самаго разнообразнаго состава грузовъ, разобрать который не представлялось никакой возможности, и многіе скоропортящіеся грузы гибли по этой причинѣ и становились негод-

ными къ употребленію. Были случаи, когда приходилось сжигать поѣзда, чтобъ освободить пути.

И вмѣсто того, чтобы понять свою ошибку, Правительство въ этомъ направленіи никакого улучшенія и никакого согласованія между движеніемъ желѣзнодорожнымъ на фронтѣ и въ тылу не сдѣлало. Государственная Дума въ своихъ засѣданіяхъ доводила до свѣдѣнія верховныхъ властей объ этомъ обстоятельствѣ, указывая, что разстройство транспорта можетъ гибельно отозваться на исходѣ кампаніи, что оно можетъ повести къ столь опаснымъ осложненіямъ, что внѣ зависимости отъ доблести нашихъ славныхъ войскъ, внѣ зависимости отъ всенародныхъ жертвъ, — можетъ стоить намъ пораженіемъ. Руководствуясь такими же соображеніями, Министръ Путей Сообщенія — Рухловъ — подалъ въ отставку и былъ уволенъ. Нужно помнить при этомъ, что сѣверныя губерніи Россіи питаются почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, что такая бѣда, какъ несвоевременная доставка продовольствія въ сѣверныя губерніи и промышленныя области Россіи, могла вызвать голодовку въ этихъ мѣстностяхъ, выбить изъ колеи все хозяйство, не говоря уже о томъ, что остановка привоза топлива могла остановить работу заводовъ на оборону. Кромѣ этого, такое положеніе въ тылу могло обезпокоить бойцовъ на фронтѣ, которые, зная, что дома ихъ семьи голодаютъ, могли бы лишиться необходимаго спокойствія и душевнаго равновѣсія.

Но всѣ представленія Государственной Думы оставались втунѣ.

Можно привести цѣлый рядъ фактовъ изъ этой области; у меня имѣются соотвѣтствующіе матеріалы, но я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, за все время войны не были ни разу использованы, въ достаточной степени, водные пути сообщенія внутри страны для подвоза дешевыми способами необходимаго продовольствія къ тѣмъ желѣзнодорожнымъ узламъ, которые смогли бы, въ свою очередь, довезти этотъ хлѣбъ до указанныхъ пунктовъ, сокращая этимъ требованіе на желѣзнодорожный подвижной составъ и ихъ пробѣгъ. То же самое наблюдалось и въ отношеніи организаціи продовольствія страны, и въ отношеніи распредѣленія продуктовъ первой необходимости.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ таковыхъ предметовъ оказывалось очень много, даже съ избыткомъ, а другія терпѣли въ нихъ острую нужду. И все это было послѣдствіемъ исключительной нераспорядительности Правительства, не желавшаго внимать практическимъ указаніямъ общественныхъ дѣятелей.

Другимъ примѣромъ полной безхозяйственности Правительства можетъ служить совершенно напрасная гибель скота, реквизируемаго для продовольствія арміи.

Реквизиція шла безъ всякаго плана и соотвѣтствія съ потребностями арміи въ мясѣ. Забранный у населенія скотъ соединялся въ громадные гурты, которые передвигались за арміей безъ плана и руководства и часто попадали поэтому не въ назначенную для продовольствія мѣстность, не находили тамъ ни пастбищъ, ни корма, ни достаточнаго водопоя. Если при этомъ принять во вниманіе разстройство транспорта, то само собою разумѣется, что ни о какомъ правильномъ снабженіи гуртовъ скота для арміи не могло быть и рѣчи. Гибель скота отъ голода, болѣзни и недостаточнаго ветеринарно-гигіеническаго надзора, исчисляли тысячами головъ и нанесли населенію неисчислимые убытки. Само собою разумѣется, что это не могло ускользнуть отъ народнаго вниманія и что

малая заботливость Правительства о сохраненіи народнаго богатства и не довольно бережливое отношеніе къ интересамъ жителей, не нужная и преступная растрата государственнаго хозяйства не могли усилить, а напротивъ, ослабляли съ каждымъ днемъ довѣріе къ государственной власти и даже раздражали противъ нее. То же самое наблюдалось и въ отношеніи конскаго состава.

Безотвѣтственныя воздѣйствія

А между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ былъ яркій примѣръ, какъ при обратной постановкѣ вопроса возможно достиженіе блестящихъ результатовъ. Такъ было, напримѣръ, съ постановкой санитарнаго дѣла въ Дѣйствующей Арміи. Санитарное дѣло въ Арміи, куда были допущены къ работѣ общественные элементы, стояло всегда на должной высотѣ. Но даже столь яркій примѣръ пользы и благихъ послѣдствій сочетанія всѣхъ силъ страны въ дружной работѣ съ Правительствомъ не убѣдилъ послѣднее примѣнить его и въ другихъ отрасляхъ управленія, и двойственность внутренней политики продолжала проявляться во всемъ.

Такъ, напримѣръ, министры вносили либеральные законы въ Думу и защищали ихъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ безмолвствовали и даже голосовали, какъ члены Государственнаго Совѣта, противъ своихъ же законопроектовъ.

Вести дальше страну по этому пути было просто опасно, — это означало бы привести ее къ опасной катастрофѣ. Общество живо это чувствовало, и его, конечно, охватывало безпокойство и тревога. Изъ этого состоянія умовъ постепенно назрѣвало убѣжденіе, что Правительство неспособно выиграть войну, и стало вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно для всѣхъ, что послѣдствіемъ пораженія будетъ порабощеніе Россіи Германіей и всѣ сопряженныя съ нимъ тяжелыя экономическія послѣдствія. Всѣ чувствовали, что мы идемъ къ политической гибели и, естественно, что напряженное чувство сопротивленія такой опасной политикѣ подсказывало чувство оппозиціонное, чувство возмущенія и сопротивленія тѣмъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя не объединяли всѣ производительныя силы страны, а разъединяли ихъ, и приводили въ состояніе неспособности къ плодотворной работѣ, ослабляя энергію и народный творческій духъ. Возростало неудовольствіе и на почвѣ все большаго и большаго увеличенія дороговизны предметовъ первой необходимости. Населеніе негодовало ввиду усиленныхъ наборовъ солдатъ, призываемыхъ безъ видимой необходимости, что, въ свою очередь, вызывало сокращеніе рабочихъ рукъ на мѣстахъ. Но власть продолжала оставаться глухой къ растущему неудовольствію населенія и ко всѣмъ представленіямъ, которыя постоянно дѣлала Государственная Дума въ этомъ направленіи.

Тактика Предсѣдателя Государственной Думы

Такимъ образомъ война продолжалась среди указаннаго мною хаоса, который достигъ своего апогея въ апрѣлѣ 1915 года, когда былъ сдѣланъ прорывъ на фронтѣ нашей Арміи на Санѣ, когда Армія Радко-Дмитріева, сражаясь противъ сильнѣйшаго въ десять разъ кулака Макензена, превосходящаго наши

силы не только численностью, но въ значительной степени и снабженіемъ, имѣла лишь всего по три снаряда на орудіе и по двадцати пяти патроновъ на винтовку. Незадолго до этой катастрофы на фронтѣ я былъ въ Галиціи и, въ частности, во Львовѣ, и былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда во Львовъ прибылъ Императоръ Николай II. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ мѣстныхъ торжествъ по случаю пріѣзда нашего Государя, во время которыхъ я былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу.

Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ: «Думали ли Вы, Михаилъ Владиміровичъ, что мы встрѣтимся здѣсь?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, я не думалъ и, при настоящихъ создавшихся условіяхъ, очень сожалѣю, что Вы, Государь, рѣшились предпринять эту поѣздку». — «Почему?» — «Потому что черезъ три недѣли Львовъ, вѣроятно, будетъ обратно занятъ нѣмцами, и наша Армія будетъ оттѣснена отъ занятыхъ позицій». — «Вы, Михаилъ Владиміровичъ, всегда меня пугаете и говорите мнѣ только непріятныя вещи». — «Я, Ваше-Величество, не осмѣлился бы доложить Вамъ неправды. Я былъ на фронтѣ и удивляюсь Верховному Главнокомандующему, какъ онъ допустилъ Васъ пріѣхать сюда при теперешнемъ положеніи вещей. Земля, на которую вступилъ Русскій Монархъ, не можетъ быть дешево отдана обратно, но на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не сможемъ».

Къ сожалѣнію, я оказался пророкомъ, и событія пошли послѣ торжествъ во Львовѣ и отъѣзда Государя Императора съ головокружительной быстротой. Положеніе наше съ каждымъ днемъ ухудшалось: былъ отданъ Львовъ, было общее отступленіе въ Польшѣ и постепенно наши доблестныя войска все больше и больше оттѣснялись на востокъ. Вотъ какъ отъ Императора скрывали истинное положеніе вещей. Въ это время я изъ Галиціи поѣхалъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго и здѣсь, къ великой радости, увидѣлъ, что, наконецъ, Верховная власть склонна идти на уступки и готова призвать къ сотрудничеству въ дѣлахъ войны всѣ общественные элементы. Была, наконецъ, получена возможность привлечь новыя свѣжія силы страны къ дѣлу обороны и спасти Россію отъ окончательнаго разгрома.

Въ Ставкѣ я указалъ Его Величеству, что все, что въ цѣляхъ обороны Государства должно быть сдѣлано, нуждается въ немедленномъ Его утвержденіи. И, наконецъ, получилъ предварительное согласіе на привлеченіе общественныхъ элементовъ въ дѣло обороны Государства.

Императоръ Николай II внялъ на этотъ разъ голосу народныхъ представителей. Были уволены пять Министровъ, наиболѣе враждебно настроенныхъ къ народному представительству, съ Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ во главѣ, и призваны были къ власти наиболѣе популярные государственные дѣятели, и послѣ сформированія кабинета была созвана Государственная Дума въ августѣ мѣсяцѣ 1915 года.

Но одновременно съ этими разумными и полезными начинаніями, Императоръ Николай II предпринялъ шагъ, который, по моему мнѣнію, положилъ начало деморализаціи арміи и былъ первымъ толчкомъ къ сознательному революціонному настроенію въ странѣ. Этотъ шагъ было рѣшеніе Императора Николая II отстранить Великаго Князя Николая Николаевича отъ Верховнаго Командованія и принять на свою отвѣтственность это командованіе.

Прежде всего надо замѣтить, что Великій Князь не былъ виновенъ въ той катастрофѣ, которая разыгралась на фронтѣ въ Галиціи въ маѣ 1915 года.

Снабженіе арміи не было въ рукахъ и распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, который настойчиво и постоянно напоминалъ о всѣхъ дефектахъ этого снабженія и требовалъ рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію дѣла. Армія знала это хорошо, Великій Князь былъ очень популяренъ не только въ Арміи, но и во всей Россіи, и незаслуженный ударъ по немъ не могъ не вселить нѣкотораго безпокойства въ умахъ сражавшихся, а также и оставшихся дома жителей. Съ другой стороны, Императоръ Николай II бралъ на себя очевидно непосильную задачу и бремя — одновременно въ небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, принявъ командованіе надъ болѣе чѣмъ десятимилліонной арміей, не будучи совершенно къ этому подготовленъ въ стратегическомъ отношеніи. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что исчезалъ высшій органъ, передъ которымъ Главнокомандующій былъ бы отвѣтственъ.

Русскій царь добровольно и безъ всякой надобности бралъ на себя отвѣтъ въ случаѣ дальнѣйшихъ военныхъ неудачъ и кто же былъ бы въ этомъ случаѣ его судья? Революція дала грозный и кровавый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дѣло осложнялось еще и тѣмъ, что съ перенесеніемъ мѣстопребыванія Императора въ Главную Квартиру — Ставку, неизбѣжно въ нее переносилась атмосфера придворнаго быта, духъ интригъ и взаимныхъ козней. Этотъ вредный духъ неизбѣжно долженъ былъ влиться въ Армію, что и случилось на самомъ дѣлѣ, и гибельно отозваться на дисциплинѣ высшаго командного состава, а засимъ опуститься и въ болѣе низкіе слои. Все это и совершилось, начались назначенія по протекціи, которыя ставили во главу крупныхъ частей войскъ бездарныхъ людей и влекли прискорбныя неудачи.

Предсѣдатель Государственной Думы испросилъ немедленно Всеподданнѣйшій докладъ и всѣми силами старался отговорить Императора отъ этого намѣренія, но онъ оставался неумолимъ. Послѣ доклада предсѣдатель Государственной Думы отправилъ письменный мотивированный докладъ по этому дѣлу Его Величеству, но и это не помогло, и царь своего рѣшенія не измѣнилъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства

Возвращаясь къ послѣдовательному изложенію событій, слѣдуетъ указать, что въ виду катастрофы на фронтѣ основной и главной задачей должна была быть забота объ обезпеченіи Арміи боевымъ снаряженіемъ и предметами снабженія. Въ этихъ цѣляхъ было основано Особое Совѣщаніе по оборонѣ, въ которое вошли: Члены Законодательныхъ Палатъ, представители промышленности, представители финансоваго міра и соотвѣтствующіе представители отъ вѣдомствъ разнаго типа. Работа этого Совѣщанія не могла быть гласной, такъ какъ касалась интимнѣйшихъ сторонъ и секретнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла снабженія и вооруженія Арміи. Вотъ почему русское общество мало знакомо съ плодотворной дѣятельностью этого учрежденія, которое своимъ неусыпнымъ трудомъ, о чемъ будетъ сказано ниже, способствовало дѣлу снабженія Арміи, особенно снарядами и другими предметами снаряженія, и поставило дѣло вооруженія на такую высоту, которая превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Результаты работъ Особаго Совѣщанія сказались довольно скоро. Уже къ серединѣ 1915 года Совѣщаніе вполнѣ сорганизовалось: были привлечены къ дѣлу обороны всѣ живыя реальныя силы страны, создался Военно-Промышленный Комитетъ (централь-

ный) съ отдѣлами на мѣстахъ, объединившій всѣ заводы и всю русскую промышленность. Такимъ образомъ все, что могло работать въ дѣлѣ обороны, укрѣпленія, снабженія и снаряженія Арміи, было поставлено на ноги, фронтъ въ скоромъ времени былъ засыпанъ ящиками со снарядами и патронами, на которыхъ руками рабочихъ было выгравировано: «Снарядовъ не жалѣть!» Насколько плодотворна была работа Особаго Совѣщанія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: когда во время февральскаго переворота возникли неизбѣжныя забастовки на заводахъ, работающихъ на оборону, и Особое Совѣщаніе потребовало отъ Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія свѣдѣнія, въ какомъ положеніи находится дѣло снаряженія и нѣтъ-ли опасности, ввиду забастовокъ, въ томъ, что дѣло снаряженія и поставка снарядовъ замнется и остановится и Дѣйствующая Армія будетъ поставлена въ затруднительное положеніе, — то Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія доложилъ Совѣщанію, что если бы даже всѣ заводы прекратили свою работу совершенно, то запасы снарядовъ такъ велики, что артиллерійскій огонь отъ этого не уменьшится и запасовъ хватитъ на три мѣсяца интенсивныхъ боевъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что снарядовъ и предметовъ снаряженія было изготовлено колоссальное количество, и при томъ, слѣдуетъ отмѣтить, преимущественно русскаго производства, хотя, конечно, извѣстная доля иностранныхъ заказовъ стала, наконецъ, поступать.

Вторымъ доказательствомъ огромности запасовъ снаряженія служитъ то, что въ возникшей гражданской войнѣ большевистскія войска не терпѣли никакой нужды въ снарядахъ и оружіи, пользуясь тѣми складами и запасами, которые были припасены трудами Особаго Совѣщанія по оборонѣ.

Итакъ, вотъ что значитъ правильный шагъ Правительства въ дѣлѣ сплоченія живыхъ реальныхъ силъ страны во имя общей цѣли, вотъ что значитъ отрѣшиться отъ неправильной мысли, что войну можетъ выиграть Правительство одно, безъ участія реальныхъ творческихъ народныхъ силъ.

Результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Интенсивная работа русской промышленности и ея развитіе возбуждали нескрываемое удивленіе иностранцевъ и дали возможность Особому Совѣщанію, въ свою очередь, крайне критически отнестись къ существующимъ контрактамъ и заказамъ снарядовъ за-границей, а это, конечно, въ значительной мѣрѣ явило возможность сокращенія нашей задолженности союзникамъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ и Правительство

Верховная власть, рѣшившаяся самостоятельно на подобный шагъ, встрѣтила, однако, отрицательное къ нему отношеніе со стороны Правительства, которое не могло никакъ помириться съ совершившимся фактомъ, что создался высшій контролирующій аппаратъ — Особое Совѣщаніе по оборонѣ на положеніи высшаго государственнаго учрежденія, — никому кромѣ Верховной власти отчетомъ не обязанный. Вначалѣ Особое Совѣщаніе существовало и дѣйствовало въ порядкѣ 87 статьи, но впослѣдствіи состоялось постановленіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ законодательномъ порядкѣ, утвердившее законодательнымъ актомъ, санкціонированнымъ Верховной властью, учрежденіе и положеніе объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ.

И тѣмъ не менѣе, Государственная Дума, собранная въ августѣ мѣсяцѣ для того, какъ указывалъ Императоръ Николай II въ своемъ рескриптѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы въ трудную годину жизни Государства услышать мнѣніе земли, была внезапно и безъ видимыхъ причинъ распущена. Трудясь добросовѣстно надъ выясненіемъ причинъ возникшихъ въ войнѣ неудачъ и катастрофъ, Государственная Дума не проявила никакой агрессивности, и ея дѣятельность была направлена исключительно къ устраненію тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели къ роковой бѣдѣ. Само собой разумѣется, что роспускъ Государственной Думы, по непонятнымъ причинамъ, ничѣмъ не вызванный съ ея стороны, создалъ сугубое раздраженіе и озлобленіе противъ Правительства. Возвращаясь къ Особому Совѣщанію по оборонѣ, нельзя не отмѣтить, что дѣятельность его была не по нутру правящимъ кругамъ. Вторженіе живого общественнаго элемента въ замкнутыя формы бюрократическаго строя раздражало правящіе круги. Тысячи препонъ, мелочей и треній тормозили работу, ихъ приходилось преодолѣвать съ большими затрудненіями и на это уходила чуть ли не треть всей энергіи работающихъ въ Особомъ Совѣщаніи. И несмотря на то, что засѣданія Особаго Совѣщанія были закрытыя, — скрыть этого обстоятельства отъ вниманія общества было невозможно.

Правительство ухитрилось даже въ настроеніи чисто патріотическомъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, работающихъ въ Совѣщаніи по оборонѣ, видѣть стремленіе къ революціи, и отношеніе его къ Совѣщанію получилось совершенно неожиданное.

Правительство какъ бы задалось цѣлью создать во что бы то ни стало оппозицію даже въ средѣ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Получилось убѣжденіе, что идея необходимости революціи ни кѣмъ инымъ такъ обязательно не была внушаема всѣмъ и каждому, какъ самимъ Правительствомъ.

Постановленіе Особаго Совѣщанія утверждались Военнымъ Министромъ, и пока во главѣ Военнаго Министерства стоялъ генералъ Поливановъ, дѣло шло болѣе или менѣе гладко, но замѣна генерала Поливанова генераломъ Шуваевымъ сразу измѣнила взаимныя отношенія. Новый Военный Министръ не видѣлъ надобности подчиняться постановленіямъ Особаго Совѣщанія, и все болѣе и болѣе приходилось вступать съ нимъ въ пререканія и доказывать необходимость дать ходъ рѣшеніямъ Совѣщанія, которыя имъ тормозились, и на эту борьбу уходило не мало драгоцѣннаго времени.

Диктатура въ тылу

Въ половинѣ 1916 года въ Ставкѣ возникло предположеніе, что все возрастающее неустройство тыла требуетъ экстраординарныхъ мѣръ, и виднымъ лицомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ составленъ проектъ объ учрежденіи единоличной диктатуры для тыла Арміи въ видѣ облеченнаго чрезвычайными полномочіями лица, которому должны были подчиняться всѣ учрежденія какъ правительственныя, такъ и общественныя, по типу Главноуполномоченнаго по Санитарной Части (Принцъ Ольденбургскій). Когда извѣстіе о такомъ проектѣ дошло до Предсѣдателя Государственной Думы и до ея членовъ, — у насъ, естественно, возникла тревога, что учрежденіе такой диктатуры еще болѣе затормозитъ и запутаетъ дѣло, создавая параллельно двѣ диктатуры — Верховнаго Главнокомандующаго на фронтѣ и диктатуру въ тылу. Предсѣда-

тель Государственной Думы, испросивъ съ этой цѣлью докладъ, поѣхалъ въ Ставку и, по возможности, старался убѣдить Государя Императора Николая II не только въ безполезности, но и опасности такой мѣры, которая такимъ образомъ могла окончательно разъединить театръ военныхъ дѣйствій и территорію тыла. Правительство, какъ таковое, должно было бы потерять всякое значеніе Государственной власти, принимая во вниманіе огромныя полномочія проектируемаго диктатора. Было совершенно ясно, что учрежденіе такой диктатуры можетъ повлечь за собой опасные толки въ народѣ, что Царь не справился съ принятыми на себя задачами, что онъ не можетъ одновременно командовать Арміей и управлять Государствомъ. Сверхъ того, утрачивалась всякая возможность общественнаго контроля. Между тѣмъ, только съ осуществленіемъ этого контроля являлась надежда на побѣду. Являлась еще и такая опасная альтернатива. Если такимъ лицомъ будетъ назначенъ членъ Царской фамиліи, то легко можетъ возникнуть династическій вопросъ. Если же будетъ назначено частное лицо изъ правящихъ классовъ, то примѣръ Юаншикая въ Китаѣ, провозгласившаго себя президентомъ Китайской Республики, могъ бы оказаться довольно соблазнительнымъ для вновь испеченнаго диктатора, и опасность новыхъ смутъ и броженія угрожающе выдвигалась бы тогда на первый планъ, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны всѣ средства для того, чтобы убѣдить Императора отъ такого шага отказаться. Къ сожалѣнію, попытка въ этомъ направленіи увѣнчалась успѣхомъ только на-половину: проектъ былъ на первыхъ порахъ отвергнутъ Императоромъ Николаемъ II, но бывшій Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ — Штюрмеръ — использовалъ его при содѣйствіи и вліяніи темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ Императрицу, а именно Распутина и его присныхъ. Негласно, секретнымъ указомъ, Верховная власть диктаторскія права указаннаго мною выше типа возложила на него, Штюрмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюрмеръ, облеченный столь обширными полномочіями, оказался сразу же въ коллизіи съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, остановилъ нѣсколько его постановленій, уже утвержденныхъ Военнымъ Министромъ. Это вызвало въ свою очередь въ членахъ Особаго Совѣщанія, незнакомыхъ еще съ секретнымъ указомъ Верховной власти, тревогу и недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, вылилось въ бурное объясненіе съ Военнымъ Министромъ, и опять-таки, вмѣсто планомѣрной и плодотворной работы создался прецедентъ для безконечныхъ подозрѣній, недоумѣній и треній.

Одновременно съ этимъ появился и другой секретный указъ, которымъ изъ состава Совѣта Министровъ выдѣлился, такъ называемый, Малый Совѣтъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ Министра Путей Сообщенія Трепова, въ которомъ Штюрмеръ не участвовалъ. Малый Совѣтъ Министровъ находился въ коллизіи съ Большимъ Совѣтомъ и, конечно, ничего путнаго изъ этого не выходило. Когда я узналъ объ этомъ секретномъ указѣ и сообщилъ это товарищамъ, то послѣ обсужденія дѣла мнѣ было поручено переговорить объ этомъ съ Штюрмеромъ.

Результатъ разговора оказался благопріятнымъ, и черезъ нѣкоторое время Малый Совѣтъ Министровъ былъ упраздненъ. Изъ сказаннаго видно, насколько Правительство той эпохи было нерѣшительно въ своихъ дѣйствіяхъ. Принимая шаги въ одномъ направленіи, оно сейчасъ же отъ нихъ отказывалось, и путемъ противорѣчивыхъ постановленій, путемъ отказа отъ одного принципа въ угоду другому — вносило такую сумятицу, такой сумбуръ въ отвѣтственную работу

созданныхъ уже учрежденій, что, кромѣ вреда, опаснаго и гибельнаго, ничего другого ожидать было невозможно.

Политика Царскаго Правительства того времени отличалась необыкновенной двойственностью.

Политика въ Польшѣ, согласіе привлечь въ Особое Совѣщаніе представителей Законодательныхъ Палатъ и одновременно докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о превращеніи Законодательной Думы въ законосовѣщательную, позиція, занимаемая въ Государственной Думѣ въ одномъ направленіи, въ Государственномъ Совѣтѣ въ обратномъ, двойственное отношеніе къ Распутину и постоянно скрытое недовѣріе къ народному представительству, все это способно было только раздражать, но не успокаивать взволнованнаго войной обывателя.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ было, какъ я уже отмѣтилъ, встрѣчено не особенно сочувственно не только Правительствомъ, но и Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго.

При самомъ возникновеніи Совѣщанія оказалось, что существуетъ при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи однородная комиссія по снабженію подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Михайловича. Ясно, что совмѣстно однородныя учрежденія существовать не могли. Ясно, что явился бы цѣлый рядъ вопросовъ о взаимоотношеніяхъ, предѣлахъ власти той или иной комиссіи, порядкѣ сношеній по заказамъ и т. п. Гибельное двоевластіе погубило бы дѣло въ корнѣ. Много труда стоило убѣдить Великаго Князя отказаться отъ Предсѣдательствованія и согласиться на упраздненіе двойственной его комиссіи, состоявшей изъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и неимѣвшей или не желавшей поэтому имѣть постояннаго общенія съ общественными и промышленными кругами, тогда какъ во вновь учрежденномъ Особомъ Совѣщаніи именно этотъ элементъ и былъ особенно цѣненъ. Въ смыслѣ закрытія комиссіи Великаго Князя Сергія Михайловича Военнымъ Министромъ генераломъ Поливановымъ и былъ представленъ Всеподданнѣйшій докладъ, и Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ по болѣзни уволенъ отъ званія Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія и его комиссія по артиллерійскому снабженію была упразднена. Такимъ образомъ Особому Совѣщанію по оборонѣ были развязаны руки, и оно являлось единственнымъ распорядителемъ въ дѣлѣ снабженія арміи боевыми припасами. Но въ скоромъ времени Великій Князь Сергій Михайловичъ былъ вновь назначенъ Главнымъ Начальникомъ по Артиллерійскому снабженію на фронтѣ Дѣйствующей Арміи и, конечно, чинилъ не одно препятствіе начинаніямъ Особаго Совѣщанія. Пререканія со Ставкой по части снабженія были явленіемъ обыденнымъ, и какъ я уже говорилъ, очень много времени уходило на эти пререканія и много энергіи приходилось тратить на улаженіе самыхъ неожиданныхъ и малозначущихъ недоразумѣній. Лично со мной произошелъ такой инцидентъ.

Въ бытность въ Петроградѣ французскаго министра снабженія соціалиста Альберта Тома этотъ послѣдній, часто меня посѣщавшій, передъ отъѣздомъ далъ мнѣ полномочіе, въ случаѣ какихъ либо задержекъ въ заказахъ и вообще иныхъ какихъ либо недоразумѣній обращаться къ нему и Генералиссимусу Жофру съ указаніемъ на происходящіе непорядки. «Мы повѣримъ народнымъ представителямъ и немедленно исполнимъ все по Вашему требованію», прибавилъ онъ. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій вернувшійся изъ Ставки Военный Министръ Д. С. Шуваевъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію докладъ о томъ, что переданный Французскому Правительству заказъ на крайне необходимыя для

арміи аэропланы не только не исполняется, но какъ будто бы даже къ заказу этому французы относятся недовѣрчиво, и дѣло тормозится, аэропланы между тѣмъ до нельзя нужны. Тогда, вспомнивъ слова г. Альберта Тома, я заявилъ въ засѣданіи Особаго Совѣщанія, что если таковое найдетъ это нужнымъ и полезнымъ, то я немедленно составлю телеграммы на имя Генералиссимуса Жофра и г. Альберта Тома, и если г. Военный Министръ найдетъ это полезнымъ, то я, вручая ему эти телеграммы, прошу его препроводить ихъ адресатамъ по безпроволочному телеграфу.

Военный Министръ и Совѣщаніе весьма сочувственно приняли такое рѣшеніе вопроса и одобрили его какъ бы своимъ постановленіемъ. Я тутъ же составилъ телеграммы и передалъ ихъ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Начальникомъ Главнаго Штаба, которому тутъ же Военный Министръ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной ихъ отправкѣ.

Черезъ два дня получился отвѣтъ отъ Генералиссимуса Жофра и г. Альберта Тома, что ими сдѣлано распоряженіе о немедленной погрузкѣ имѣющихся готовыхъ аэроплановъ желаемаго типа и скорѣйшей заготовкѣ остального заказа съ такимъ расчетомъ, чтобъ весь заказъ былъ доставленъ въ Архангельскъ до закрытія навигаціи. Отвѣтъ этотъ своей благопріятной развязкой удовлетворилъ Особое Совѣщаніе, и вся переписка эта была записана въ журналъ. Казалось, не было совершенно никакого преступленія — все было совершенно гласно и на основаніи постановленія Особаго Совѣщанія, одобреннаго Военнымъ Министромъ. Это было лѣтомъ 1916 года. Каково же было мое удивленіе, когда нѣкоторое время спустя (недѣли черезъ три) я получилъ оффиціальное письмо отъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ которомъ этотъ послѣдній извѣщалъ меня, что Государь Императоръ очень недоволенъ, что Предсѣдатель Государственной Думы выходитъ изъ круга своихъ правъ, вмѣшиваясь въ дѣла, не подлежащія его компетенціи, и что онъ желалъ бы чтобъ этого больше не повторялось. Меня это письмо, даже не конфиденціальное, напечатанное на машинкѣ, поразило какъ громомъ. Въ чемъ же заключался мой проступокъ, возбудившій неудовольствіе Государя Императора? Я этого понять не могъ. Очевидно Государю былъ сдѣланъ неправильный докладъ. Я догадывался, гдѣ корень этого дѣла. Когда я обратился къ Военному Министру Шуваеву съ упрекомъ, что это его рукъ дѣло, онъ съ негодованіемъ отвергъ такое подозрѣніе и даже вызвался немедленно ѣхать въ Ставку и все разъяснить. Но я предпочелъ испросить личный Всеподданнѣйшій докладъ и съ документами въ рукахъ доложилъ подробно, какъ было дѣло. Выслушавъ меня внимательно, Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Да, Вы были правы, мнѣ дѣло не такъ доложили». Я испросилъ однако у Его Величества, чтобъ онъ повторилъ свои слова въ присутствіи генерала Алексѣева, подписавшаго письмо ко мнѣ, и Государь Императоръ, снисходя къ моей просьбѣ, Всемилостивѣйше ее исполнилъ. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но недружелюбное отношеніе къ членамъ Особаго Совѣщанія и въ частности къ Предсѣдателю Государственной Думы проявилось въ этомъ случаѣ особенно ярко. Другой инцидентъ, въ которомъ Особому Совѣщанію пришлось выдержать борьбу со Ставкой произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ Ставки было прислано сообщеніе, на заключеніе Особаго Совѣщанія, что Англійское Главное Командованіе вступило въ Ставку со слѣдующимъ предложеніемъ: ввиду того, что отъ дѣйствій германскихъ подводныхъ лодокъ утрата тоннажа торговаго флота союзниковъ весьма значительна, Англійское Правительство предлагаетъ

весь русскій торговый флотъ, находящійся въ свободныхъ моряхъ, передать ему въ его распоряженіе и вѣдѣніе, причемъ Англійское Морское Министерство заявляло, что извѣстный процентъ русскихъ судовъ будетъ всегда обслуживать русскіе заказы, а остальное будетъ посвящено общимъ интересамъ. Ставка въ своемъ извѣщеніи давала понять, что она готова согласиться съ этимъ предложеніемъ, усматривая въ немъ гарантію бо̀льшаго порядка и планомѣрности въ дѣлѣ морскихъ перевозокъ, ввиду того, что распоряженіе каботажнымъ флотомъ будетъ сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Двуличіе этого предложенія бросалось однако въ глаза. Ясно было всѣмъ членамъ Особаго Совѣщанія, что для русскихъ нуждъ оставлены будутъ поддонки каботажнаго флота и что подъ видомъ общей пользы Англія просто на просто стремится наложить свою тяжелую руку на русское Государственное достояніе. Являлся вопросъ, вернется ли оно намъ, принимая въ соображеніе нашу задолженность союзникамъ. Являлся и другой вопросъ, — въ какомъ видѣ этотъ зарождающійся нашъ торговый флотъ былъ бы намъ сданъ, ибо понятно, что чужіе корабли были бы поставлены Англійскимъ морскимъ министерствомъ на самыя опасныя мѣста. Это коварное предложеніе возмутило Особое Совѣщаніе и встрѣтило въ немъ такой рѣзкій отпоръ и критику, что представители англійскаго посольства являлись къ Предсѣдателю Государственной Думы съ объясненіями и заявленіями о своей лойяльности.

Особое Совѣщаніе такъ шумѣло по этому поводу, что въ концѣ концовъ англійское командованіе взяло свое предложеніе обратно.

Россія и союзники

Небезынтересно будетъ упомянуть объ отношеніяхъ союзниковъ къ Россіи вообще и, въ частности, къ Правительству и Государственной Думѣ. Для того, чтобы ярче освѣтить, какъ оцѣнивали страны, союзныя намъ, отношеніе Государственной Думы къ дѣлу войны, — имѣется достаточное количество фактовъ въ моемъ распоряженіи. Такъ, напримѣръ, иностранная печать того времени писала слѣдующее: «По словамъ союзныхъ делегатовъ, неопредѣленность внутренней политики Россіи учитывается общественнымъ мнѣніемъ союзныхъ державъ, какъ неблагопріятный признакъ для общаго дѣла союзниковъ. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе производитъ не вполнѣ благожелательное отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ. Продолженіе такого рода неопредѣленной внутренней политики можетъ вызвать въ союзныхъ странахъ охлажденіе, что особенно нежелательно теперь, когда возникаетъ вопросъ о финансированіи Россіи. Дѣловые круги Европы, не имѣя твердой увѣренности въ политическомъ курсѣ Россіи, воздержатся вступать въ опредѣленныя съ нею соглашенія».

Въ началѣ 1916 года состоялся съѣздъ делегатовъ иностранныхъ державъ въ Петроградѣ, и отзывы этихъ представителей о настроеніи и общихъ событіяхъ Россіи представляютъ глубокій историческій интересъ. По словамъ отдѣльныхъ делегатовъ, неопредѣленность положенія страны и общее недовольство Правительствомъ считалось необлагополучнымъ признакомъ для общаго дѣла борьбы съ Германіей. Конечно, неправильныя соотношенія Правительства и общества въ Россіи могли вызвать охлажденіе иностранцевъ и сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ войны. Да и у самихъ русскихъ уже появилось нѣ-

которое чувство безнадежности, и все же, несмотря на всѣ указанія, несмотря на всѣ вопли о необходимости дружной работы Правительства съ общественными элементами — идея эта, хотя бы во имя упроченія довѣрія союзниковъ къ Россіи, не получила осуществленія, и, конечно, продолженіе такого настроенія правящихъ круговъ являлось крайне опаснымъ для успѣшнаго окончанія войны. Пораженческое движеніе въ это время подняло голову, и выступленія въ этомъ направленіи разнаго вида агитаторовъ стали учащаться. Отзывы отдѣльныхъ лицъ иностранныхъ делегацій о положеніи дѣлъ въ Россіи и отношеніе къ ней союзныхъ державъ чрезвычайно характерны. При посѣщеніи Государственной Думы делегаты говорили: «Французы горячо и искренно относятся къ Государственной Думѣ и представительству русскаго народа, но не къ Правительству. Вы заслуживаете лучшаго Правительства, чѣмъ оно у васъ существуетъ». На совѣщаніи конференціи съ союзниками, делегаты иностранцы выражали свои мысли по поводу того, насколько они поражены единеніемъ всего русскаго народа и общества. «Это трогательное единеніе всей Россіи, — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей французскій депутатъ, — имѣетъ своею единственной цѣлью достиженіе побѣды, и передъ нимъ можно только преклониться». Но не такого мнѣнія были иностранцы о нашихъ министрахъ.

Когда я задалъ одному изъ нихъ вопросъ, какое впечатлѣніе на него произвелъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, то онъ отвѣтилъ буквально: «Это народное бѣдствіе». На такой же мой вопросъ о другомъ министрѣ — военномъ — послѣдовалъ отвѣтъ: «Это катастрофа». Другой представитель французскаго Правительства, которому я задалъ при его отъѣздѣ вопросъ: «Какъ Вы оцѣниваете состояніе умовъ въ Россіи (это было въ январѣ 1916 года), скажите откровенно мнѣ Ваше впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ Вами въ Россіи», — отвѣтилъ, сдѣлавшись сразу серьезнымъ и вдумчивымъ: «Г-нъ Предсѣдатель, нужно быть очень богатымъ экономически, а морально быть очень увѣреннымъ въ себѣ и вѣрить въ эту экономическую и моральную мощь свою, чтобы пребывать, въ такой исключительный моментъ, въ состояніи сладкой и безмятежной анархіи, въ которой находится Россійское Правительство и Русское общество; сознательно или нѣтъ — я этого рѣшить не берусь». Считаю здѣсь необходимымъ, говоря о союзникахъ, рѣшительно опровергнуть взводимое на почтеннаго Англійскаго посла сэра Бьюкенена обвиненіе, что онъ былъ душою переворота и революціи и своей дѣятельностью воодушевлялъ и помогалъ революціоннымъ элементамъ Россіи. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всѣми уважаемаго политическаго дѣятеля; также точно неправда и клевета увѣреніе, что съ Англійскими агентами члены Государственной Думы имѣли сношенія и подготовляли революцію. Государственная Дума IV-го Созыва состояла преимущественно изъ умѣренныхъ элементовъ и все предыдущее изложеніе настоящаго труда свидѣтельствуетъ, что большинство ея объединившееся въ прогрессивный блокъ боролось именно съ революціонными теченіями. Умѣренные элементы въ Государственной Думѣ болѣе всего боялись, что накопленное въ странѣ неудовольствіе можетъ легко вылиться въ крайне не желательныя формы. Одинъ изъ бытописателей той эпохи справедливо замѣтилъ, что «умѣренная среда Государственной Думы въ особенности боялась внутреннихъ осложненій и вспышекъ во время войны. Ради этого страха люди золотой середины шли на уступки, старались примирять противорѣчія, а если нельзя примирить противорѣчія, то о нихъ умалчивать. Ради этого они все время призывали страну къ спокойствію. Безпокойство имъ представлялось

опаснымъ вдвойнѣ: волненіями можетъ воспользоваться не только врагъ внѣшній — нѣмецъ, но и врагъ внутренній — реакція, желающая скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ нѣмцами». Это совершенно справедливая характеристика настроеній думскаго большинства и ни о какихъ переговорахъ тайныхъ или явныхъ съ Англійскимъ посломъ я никогда не слышалъ ни малѣйшаго намека. Въ этомъ отношеніи всѣ представители нашихъ союзниковъ были до-нельзя корректны и рѣшительно отвергали всегда всякія попытки вмѣшивать ихъ въ наши внутреннія дѣла.

Вотъ, какой хаосъ царилъ въ правящихъ кругахъ и среди Государственной власти въ этотъ страшный часъ, переживаемый Россіей (да, пожалуй, и въ общественныхъ кругахъ). И надобно признать, что постепенное измѣненіе настроенія изъ патріотическаго въ революціонное и глухое недовольство коренились именно въ недовѣріи всѣхъ мыслящихъ Русскихъ круговъ къ своему Государственному аппарату, который, очевидно, стоялъ не на высотѣ своего заданія и не могъ справиться съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя разрѣшить выпало на его долю.

Я еще разъ долженъ напомнить, что съ самаго возникновенія войны партіи въ Государственной Думѣ сгладились: былъ единственный лозунгъ огромнаго большинства Государственной Думы — это всемѣрно помогать Правительству въ его тяжеломъ дѣлѣ веденія міровой войны и достиженія побѣды во славу Отечества.

Дезорганизація власти

Обязанностью народныхъ представителей являлось, такимъ образомъ, въ это время стремленіе къ измѣненію отношенія Правительства къ народу и общественнымъ силамъ въ цѣляхъ побудить его пойти на путь объединенія съ отечественными производительными силами и сдѣлать все возможное въ этой области. Но шло ли Правительство навстрѣчу ему? Я смѣло утверждаю, что нѣтъ. Чѣмъ дальше развивалась война, тѣмъ суровѣе и безпощаднѣе, если можно такъ выразиться, становилось отношеніе Правительства къ обществу. Правительству вездѣ снилась и грезилась возникающая революція и, вмѣсто того, чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнѣніями умы населенія, Правительство дѣлало, вѣроятно безсознательно, все возможное къ тому, чтобы еще больше возбудить къ себѣ всеобщее неудовольствіе и заслуженное къ себѣ недовѣріе.

Была ли Государственная власть предупреждена о надвигающейся бѣдѣ? Привожу здѣсь мое письмо конца 1915 г. къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ Ивану Логгиновичу Горемыкину.

Предсѣдатель
Государственной Думы
19 Декабря 1915 г.

Милостивый Государь
Иванъ Логгиновичъ!

Пишу Вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыя обнаружились въ только что бывшемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія

по оборонѣ и касаются катастрофическаго положенія вопроса о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Этотъ вопросъ поднятъ былъ въ особомъ Совѣщаніи перваго созыва, ему посвящены работы особой комиссіи, но дальше разговоровъ, справокъ и вычисленій дѣло не пошло, и та катастрофа, которая тогда предвидѣлась, нынѣ наступила.

Подробности выяснившагося положенія заводовъ, работающихъ на оборону, которые должны при такихъ условіяхъ остановиться, а также соображенія о надвигающейся голодовкѣ населенія въ Петроградѣ и Москвѣ и сопряженныхъ съ нею возможныхъ безпорядковъ, несомнѣнно сообщены уже Вамъ г. Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Мнѣ, какъ и всѣмъ членамъ Совѣщанія, стало ясно, въ какую пропасть идетъ отечество наше вѣрными шагами, благодаря полной апатіи правительственной власти, которая не принимаетъ никакихъ активныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію возникающихъ грозныхъ событій. Я считаю, что Совѣтъ Министровъ, предсѣдательствуемый Вами, обязанъ въ силу этихъ обстоятельствъ безотлагательно проявить ту заботливость о судьбѣ Россіи, которая составляетъ его государственный долгъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ предвидѣли все случившееся нынѣ, еще полгода тому назадъ, и Вы, Иванъ Логгиновичъ, не можете отрицать, что обо всемъ этомъ я лично неоднократно ставилъ Васъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что, однако, слышалъ лишь одно увѣреніе, что это не Ваше дѣло и что Вы въ дѣла войны вмѣшиваться не можете. Нынѣ такіе отвѣты уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а въ тылу нашей доблестной и многострадальной арміи растетъ общее разстройство всѣхъ проявленій народной жизни и удовлетворенія первѣйшихъ потребностей страны. Бездѣятельностью власти угнетается побѣдный духъ народа и вѣра въ свои силы. И Вашъ первѣйшій долгъ, немедленно, не теряя ни минуты, проявить, наконецъ, полноту заботы объ устраненіи всего, что мѣшаетъ достиженію побѣды. Мы, члены Государственной Думы, не можемъ, имѣя лишь совѣщательный голосъ, принять на себя отвѣтственность за неизбѣжную катастрофу, что я и заявляю Вамъ категорически. Если Совѣтъ Министровъ не приметъ, наконецъ, тѣхъ мѣръ, которыя возможны и которыя спасутъ родину отъ позора и униженія — отвѣтственность падетъ на Васъ, и если Вы, Иванъ Логгиновичъ, не чувствуете въ себѣ силъ нести это тяжелое бремя и не используете всѣ имѣющіяся средства для того, чтобы помочь странѣ выйти на стезю побѣды, то имѣйте мужество въ этомъ сознаться и уступить свое мѣсто болѣе молодымъ силамъ. Насталъ рѣшающій моментъ, наступаютъ грозныя событія, чреватыя гибельными послѣдствіями для чести и достоинства Россіи. Не медлите, горячо прошу Васъ объ этомъ, Отечество въ опасности.

Примите и проч. М. Родзянко.

Невѣроятно быстрая и ничѣмъ не вызванная перемѣна и перетасовка Министровъ получила характеръ системы, и Членомъ Государственной Думы Пуришкевичемъ съ каѳедры громко было мѣтко охарактеризовано «Министерской чехардой». Ясно, что быстрая перемѣна главъ вѣдомствъ наносила непоправимый ущербъ планомѣрному теченію дѣлъ, внося въ работу вѣдомствъ сумбуръ, что, конечно, выгодно могло быть только нашимъ врагамъ. Въ прочность и долговѣчность назначаемыхъ министровъ никто не вѣрилъ, да не вѣрили и они сами въ себя. Послѣдствіемъ такого настроенія было то, что энергіи въ работѣ не было.

Никто изъ назначаемыхъ не вѣрилъ въ то, что проектируемыя мѣры или реформы удастся провести въ жизнь за кратковременностью своего пребыванія у власти. Въ вѣдомствахъ устраивались, при назначеніи новаго Министра, пари или нѣчто въ родѣ тотализатора на срокъ пребыванія даннаго лица у власти.

Какъ назначались, напримѣръ, Министры, столь быстро смѣнявшіе другъ друга? На этотъ вопросъ я отвѣчу ихъ собственными словами. Когда на постъ Премьера былъ назначенъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, я спросилъ его: «Какъ Вы, Иванъ Логгиновичъ, при Вашихъ преклонныхъ годахъ, рѣшились принять такое отвѣтственное назначеніе»? Горемыкинъ, этотъ безупречно честный государственный дѣятель и человѣкъ, отвѣтилъ мнѣ однако буквально слѣдующее: «Ахъ, мой другъ, я не знаю почему, но меня вотъ уже третій разъ вынимаютъ изъ нафталина». Когда князь Голицынъ получилъ назначеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я его спросилъ: «Какъ Вы, почтенный князь, идете на такой постъ въ столь тяжелое время, не будучи совершенно подготовлены къ такого рода дѣятельности». Князь Голицынъ буквально отвѣтилъ слѣдующее: «Я совершенно согласенъ съ Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорилъ самъ о себѣ Императору, я утверждаю, что если бы обо мнѣ сказалъ все это кто либо другой, то я вынужденъ былъ бы вызвать его на дуэль». Возможенъ ли былъ при этихъ условіяхъ порядокъ!?

На почвѣ жгучаго страха за будущее Родины, на почвѣ все возрастающаго хаоса въ транспортѣ, на почвѣ все возрастающей дороговизны предметовъ первой необходимости, на почвѣ ненужныхъ наборовъ воиновъ, отрывающихъ рабочія руки отъ необходимой работы внутри страны, причемъ всѣ эти неурядицы падали, главнымъ образомъ, всей тяжестью на низшіе слои народа, на неимущее населеніе, — назрѣвало такое недовольство, которое вѣрными шагами вело народъ къ революціоннымъ эксцессамъ. Могло ли при видимомъ неустройствѣ народнаго хозяйства, при видимой, очевидной неспособности Правительства создать болѣе или менѣе нормальныя условія для того, чтобы, хотя бы сносно, но возможно было бы переносить тяготы войны и сопряженныя съ ней жертвы, могло ли отношеніе населенія быть благожелательнымъ къ Правительству и, даже, къ Верховной власти, и могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловѣческія усилія, удержать назрѣвающій взрывъ? Я смѣло утверждаю и беру на себя отвѣтственность за эти слова, что Государственная Дума 4-го созыва сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы удалить всѣ эти возникшія недоразумѣнія. Но голосъ ея никогда ни Верховной властью, ни Правительствомъ въ достаточной мѣрѣ не былъ услышанъ. Судите поэтому сами, насколько обвиненіе, падающее на Государственную Думу, въ томъ, что она возглавила, подготовила, воодушевила и осуществила революцію — справедливо.

Никто изъ Министровъ не рѣшался воздѣйствовать сообща съ Государственной Думой на политику внутреннюю, уклоняющуюся отъ правильнаго пути. Такъ было всегда и задолго до войны. Еще въ 1912 г. по поводу конфискаціи брошюры профессора Московской Духовной Академіи Новоселова, направленной противъ Распутина и начинавшейся словами «Quo usque tandem Catilina abutere patienta nostra», былъ предъявленъ въ Государственной Думѣ запросъ по поводу этого незакономѣрнаго дѣйствія. Обстоятельство это грозило развернуться въ общественный скандалъ. Въ цѣляхъ предохраненія Верховной власти отъ такой бѣды и желая сдѣлать попытку прекратить вредное для Императора Николая II пребываніе при дворѣ его пресловутаго старца

Распутина, я пытался склонить къ совмѣстному докладу Императору Предсѣдателя Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. А. Акимова и Петроградскаго Митрополита Владиміра; всѣ эти три сановника отказались меня поддержать, и я вынужденъ былъ сдѣлать докладъ одинъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что совмѣстный докладъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ все возрастающаго вліянія Распутина произвелъ бы значительное впечатлѣніе и, быть можетъ, достигъ бы цѣли. Въ концѣ 1916 г. я пытался убѣдить Предсѣд. Совѣта Министровъ Кн. Н. Д. Голицына и Предсѣд. Госуд. Совѣта Ив. Гр. Щегловитова въ необходимости уступокъ обществу. Я просилъ ихъ совмѣстно со мной сдѣлать объ этомъ докладъ, заявляя имъ, что невозможно далѣе сдерживать народное возмущеніе; я получилъ рѣзкій отказъ. Мнѣ было при этомъ заявлено, что Предсѣдатель Государственной Думы долженъ предпринять сверхчеловѣческія усилія, но сдержать возникающія волненія. На мое возраженіе, что легче въ предѣлахъ человѣческаго разума совершить благоразумный поступокъ, чѣмъ требовать сверхчеловѣческихъ дѣйствій, послѣдовалъ насмѣшливый отвѣтъ, что такое дѣйствіе, какое я требую, не входитъ въ предѣлы ихъ власти.

Нельзя все-же не отмѣтить, что Императоръ Николай II хорошо понималъ, что ему необходимо помириться съ народнымъ представительствомъ и загладить тѣ ошибки, которыя упорно продолжало дѣлать его Правительство, — ошибки, роковыя и во всякомъ случаѣ неумѣстныя во время народной войны. Но окружающіе его люди, сама атмосфера придворной обстановки при недостаточно твердой волѣ, не давала ему возможности осуществить свои добрыя намѣренія.

Нерѣдко даже, сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ черезъ нѣкоторое время совершалъ обратный шагъ и тѣмъ портилъ въ корнѣ прекрасное первоначальное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, когда, подъ впечатлѣніемъ тяжкихъ неудачъ нашихъ въ Маѣ и Іюнѣ 1915 г., было учреждено въ порядкѣ 87 ст. Особое Совѣщаніе по оборонѣ, то Государь относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ, о чемъ мы знали черезъ бывшаго еще военнымъ министромъ В. А. Сухомлинова.

Когда въ Августѣ 1915 г. Совѣщаніе это вылилось уже въ форму закона, пройдя Законодательныя Палаты, и было Высочайше утверждено, Государь Императоръ пожелалъ его лично открыть, въ первомъ же засѣданіи и въ своей рѣчи заявилъ, что въ минуту тяжелыхъ переживаній онъ лично будетъ руководить нашими занятіями. Въ первое время онъ относился дѣйствительно съ полнымъ довѣріемъ къ работамъ Особаго Совѣщанія. Но уже съ отставкой Генерала Поливанова, и затѣмъ Ив. Л. Горемыкина это отношеніе подъ вліяніемъ новыхъ министровъ, въ особенности предсѣдателя Сов. Министровъ Б. А. Штюрмера, значительно ухудшилось, какъ это видно изъ моихъ сообщеній и, въ концѣ 1916 года, когда тревога захватила всѣ умы и члены Особаго Совѣщанія ходатайствовали передъ его Величествомъ, въ особой запискѣ, о томъ, чтобы Онъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣщаніи и выслушалъ бы полный докладъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла, Ему угодно было отклонить это ходатайство, что вселило значительное неудовольствіе.

Такимъ же добрымъ и правильнымъ побужденіемъ было и посѣщеніе Государемъ Госуд. Думы 9-го февр. 1916 г. Посѣщеніе это состоялось внезапно, безъ предупрежденія, такъ что даже Предсѣдатель Думы узналъ о немъ за часъ до открытія Засѣданія. Слѣдовательно, ничего не могло быть подготовленнаго или искусственнаго.

Небывалый энтузіазмъ съ которымъ былъ встрѣченъ Императоръ Николай II въ этотъ значительный день не только членами Думы, но и многочисленной публикой на хорахъ, — энтузіазмъ искренній, неподдѣльный не былъ ли явнымъ указаніемъ, какъ жаждалъ тогда весь русскій народъ полнаго, довѣрчиваго единенія съ своимъ Царемъ, въ дни небывалыхъ лишеній, жертвъ и страданій.

Государь это понялъ, но не додѣлалъ своего добраго начинанія. Будь въ этотъ день дано отвѣтственное министерство, революціи не было бы и война была бы выиграна.

Но окончательнаго согласія не состоялось, дѣло ограничилось однимъ лишь Высочайшимъ посѣщеніемъ, а Правительство продолжало подозрительно и недовѣрчиво относиться къ народному представительству и вообще къ общественнымъ кругамъ, чѣмъ только углубляло и расширяло раздѣляющую ихъ пропасть.

Деморализація Арміи

Когда совершился переворотъ и, такъ называемое, углубленіе революціи привело къ тому, что страсти разнуздались и всѣ дурные инстинкты выплыли наружу, получилось трагическое по своимъ тяжкимъ послѣдствіямъ для Государства разложеніе Арміи, которая отказалась воевать и, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, ушла съ фронта, обнаживъ его для противника, который не имѣлъ уже никакихъ препонъ для вторженія въ страну. Впослѣдствіи всю вину за эти прискорбныя событія взвалили на плечи Государственной Думы 4-го созыва; обвиненія эти отчасти получили популярность и были приняты на вѣру, безъ критическаго и внимательнаго отношенія къ правдивости подобныхъ слуховъ. Признаюсь откровенно, я всегда съ болью въ сердцѣ выслушивалъ эти обвиненія, потому что направленіе, въ которомъ работала Государственная Дума въ теченіе десяти лѣтъ, какъ это видно изъ изложенныхъ выше моихъ сообщеній, и существо этой работы по отношенію къ родной отечественной Арміи — вполнѣ противорѣчатъ такому обвиненію.

Для Государственной Думы, какъ читатель могъ убѣдиться изъ вышеизложеннаго мною, не было болѣе священной обязанности, какъ помогать возрожденію Арміи и флота въ той или другой формѣ. И законодательное учрежденіе положило много силъ и энергіи для увеличенія боеспособности нашихъ войскъ и улучшенія быта ея чиновъ.

Да, это тяжелое и незаслуженное обвиненіе. Поэтому надлежитъ обратиться къ фактамъ, которые въ достаточной мѣрѣ могутъ освѣтить создавшееся положеніе.

Съ самаго начала войны порядокъ укомплектованія войскъ на фронтѣ былъ установленъ слѣдующій: внутри Имперіи были созданы, такъ-называемые, запасные баталіоны, время-отъ-времени, по мѣрѣ надобности, посылавшіе различнаго вида пополненія на фронтъ, въ составѣ маршевыхъ ротъ. Эти запасные баталіоны, достигавшіе иногда небывалой цифры отъ 12 до 19 тысячъ человѣкъ въ каждомъ, были очень недостаточно оборудованы надежными инструкторами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронтѣ и лучшіе опытные бойцы оставались въ Дѣйствующей Арміи въ пылу огня.

Между тѣмъ, частыми усиленными наборами призывался подъ знамена въ запасные батальоны далеко необученный и совершенно сырой матеріалъ, ко-

торый еще требовалъ тщательной и внимательной обработки, а сверхъ того требовалась разумная пропаганда въ цѣляхъ внушенія призваннымъ смысла и значенія войны, а также и объема долга и обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ для призываемыхъ на службу.

Ничего этого не было. Запасные батальоны или поручались совершенно неопытнымъ офицерамъ, или лицамъ, далеко незнакомымъ съ порядкомъ обученія войскъ, или даже такимъ, которые стремились избѣжать службы на фронтѣ, и, такимъ образомъ, не представляли изъ себя надлежащій примѣръ боевыхъ опыта, доблести и знанія современныхъ условій войны.

Правда, что при недостаткѣ, который чувствовался въ офицерскомъ составѣ, задача эта была не изъ легкихъ, но при разумной организаціи дѣла, путемъ отправки быстро производимыхъ офицеровъ на фронтъ для замѣны ими кардовыхъ офицеровъ и обратнаго откомандированія кадровыхъ офицеровъ для обученія запасныхъ войсковыхъ частей — задача могла быть болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена.

Такимъ образомъ, вышеупомянутые запасные батальоны, о роли которыхъ въ переворотѣ я буду говорить впослѣдствіи, были, если можно такъ выразиться, предоставлены самимъ себѣ безъ надлежащаго надзора, безъ надлежащей инспекціи, были плохо обставлены въ матеріальномъ отношеніи, нуждались въ обмундировкѣ, продовольствіи и даже оружіи. Тамъ, въ самыхъ нѣдрахъ этихъ запасныхъ батальоновъ, будущихъ бойцовъ на фронтѣ, возникло глухое броженіе и недовольство на почвѣ разныхъ недочетовъ, и тамъ же къ тому же работала во всю германская и революціонная пропаганда.

Наборы и пополненія этихъ запасныхъ батальоновъ производились безъ достаточно продуманной системы, безъ должнаго вниманія къ сохраненію рабочихъ силъ на мѣстахъ, которыя были необходимы для успѣшной работы въ тылу. И если принять въ соображеніе хроническій недостатокъ винтовокъ, то нужно признать, что запасные батальоны представляли изъ себя зачастую просто орды людей недисциплинированныхъ и мало-по-малу развращаемыхъ искусными агитаторами германскаго производства.

Самая система призыва населенія, оставшагося дома, къ исполненію воинской повинности, какъ я уже говорилъ, не имѣла никакого плана и, не считаясь съ хозяйственными условіями тыла, зачастую возбуждала этимъ вредное для дѣла недовольство населенія. Такъ, напримѣръ, призывъ подъ знамена въ 1916 г. былъ объявленъ въ концѣ іюня мѣсяца въ самый разгаръ уборки хлѣбовъ, и только по настойчивому ходатайству Предсѣдателя Государственной Думы передъ Верховной властью былъ перенесенъ на осенніе мѣсяцы. Но тѣмъ не менѣе наборъ былъ объявленъ, смущеніе среди населенія, работавшаго на поляхъ, было внесено. Конечно, такая мѣра отозвалась, съ одной стороны, гибельно на успѣхахъ полевыхъ работъ, а съ другой — подорвало довѣріе къ власти, не считающейся съ насущнѣйшими надобностями экономическаго быта страны.

Между тѣмъ, точнаго подсчета общаго числа призванныхъ на службу не было и различныя учрежденія, вѣдающія эту отрасль, утверждали разныя цифры, которыя разнились между собою на милліонъ и больше людей.

Ставка считала меньше призванныхъ, мобилизаціонный отдѣлъ военнаго министерства значительно больше и, наконецъ, подсчетъ, сдѣланный по порученію Особаго Совѣщанія по оборонѣ, послѣ неудачнаго набора въ рабочую пору, установилъ третью цифру, расходящуюся съ двумя первыми.

Ставка имѣла основанія требовать все новые наборы, что ясно видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Я не хочу порочить нашу доблестную Армію, а тѣмъ болѣе доблестнѣйшее офицерство, которое кровью своею стяжало себѣ неувядаемую, безсмертную, всемірную славу, но справедливость требуетъ указать, что симптомы разложенія Арміи были замѣтны и чувствовались уже на второй годъ войны. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1915 и 1916 г.г. въ плѣну у непріятеля было уже около 2 милліоновъ солдатъ, а дезертировъ съ фронта насчитывалось къ тому же времени около полутора милліона человѣкъ. Значитъ, отсутствовало около 4-хъ милліоновъ боеспособныхъ людей, и цифры эти краснорѣчиво указываютъ на извѣстную степень деморализаціи Арміи.

Но это явленіе указываетъ на то, что съ нимъ не было достаточной борьбы и противъ него не принимались достаточно рѣшительныя и суровыя мѣры. Дисциплина очевидно расшатывалась и чувство долга по отношенію къ родинѣ не развивалось и не укрѣплялось въ достаточной мѣрѣ въ призываемыхъ.

По подсчету, сдѣланному однимъ изъ членовъ Государственной Думы, получилось такого рода соотношеніе: число убитыхъ изъ состава солдатъ выразится 15%, но по отношенію къ офицерству этотъ процентъ выразится цифрой 30%, а раненыхъ еще больше.

Такимъ образомъ, по соотношенію состава офицеровъ и солдатъ — убитыхъ офицеровъ во время войны было въ два раза больше.

Процентное отношеніе плѣнныхъ ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тѣмъ какъ по отношенію къ офицерамъ это % обозначеніе выражается 3%. Дезертировъ офицеровъ не было вовсе.

Въ полевыхъ бояхъ убыль здоровыхъ солдатъ и раненыхъ въ палецъ была очень значительна. Какъ примѣръ, приведу фактъ, который далеко не единственный: въ одномъ изъ полковъ въ битвѣ подъ Гельчевымъ, 26 августа 1914 г., послѣ боя оказалось на лицо только 1500 человѣкъ изъ трехъ съ половиной тысячъ, но черезъ три дня къ кухнямъ собралось еще вполнѣ здоровыхъ 1500 человѣкъ.

Та же картина произошла послѣ боя въ одномъ изъ полковъ подъ Краковомъ.

Утверждаю, что эти случаи не единственные, но взяты мною, какъ точно провѣренные, которые можно доказать документально.

Пополненія, посылаемыя изъ запасныхъ батальоновъ, приходили на фронтъ съ утечкой въ 25% въ среднемъ, и, къ сожалѣнію, было много случаевъ, когда эшелоны, слѣдующіе въ поѣздахъ, останавливались въ виду полнаго отсутствія состава эшелона, за исключеніемъ начальника его, прапорщиковъ и другихъ офицеровъ.

Здѣсь не мѣсто глубоко анализировать причины этихъ прискорбныхъ и мрачныхъ обстоятельствъ, но мнѣ необходимо было освѣтить истинное положеніе и настроеніе Арміи для того, чтобы, когда я буду говорить о полномъ разложеніи, послѣдовавшемъ послѣ переворота, которое инкриминируется всецѣло Государственной Думѣ, имѣть возможность сослаться на то, что предшествовавшія событія вовсе не служили доказательствомъ полной скованности и строгой дисциплины въ Арміи. Кромѣ этого, я съ большимъ огорченіемъ долженъ констатировать, что далеко не всегда распоряженія высшаго командnаго состава были на высотѣ своего положенія. Такъ, напримѣръ, было съ блестяще подготовленной, блестяще начатой и имѣвшей въ началѣ успѣхъ операціей

прорыва на Стоходѣ. Когда, подъ командованіемъ генерала Брусилова, совершенъ былъ глубокій прорывъ, и наши войска въ началѣ имѣли крупный успѣхъ, этой операціей не было достигнуто поставленныхъ цѣлей и, главнымъ образомъ, потому, что распоряженія командnаго состава не всегда обезпечивали успѣшныя военныя дѣйствія доблестныхъ нашихъ частей.

Я былъ на мѣстѣ во время этихъ боевъ и знаю, что въ силу недостаточной артиллерійской подготовки и невыполненныхъ своевременно другихъ условій — я говорю это со словъ спеціалистовъ и участниковъ боевъ, — напримѣръ, Гвардейскій корпусъ, пополненный блестяще за время своего отдыха въ тылу, потерялъ до 60% своего состава вслѣдствіе неумѣлаго командованія, полнаго отсутствія воздушной развѣдки (на весь Гвардейскій корпусъ было, кажется, только четыре аэроплана) и другихъ причинъ.

Я не позволю себѣ винить отдѣльныхъ лицъ. Фронтовая Армія отъ генерала до солдата безтрепетно сражалась, исполняла честно свой долгъ и безстрашно умирала во славу Родины. Но несовершенство организаціи и неправильная система назначеній командnаго состава сыграла свою пагубную роль.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивиться доблести и беззавѣтной отвагѣ, съ которой эти молодыя войска шли въ бой и ложились цѣлыми ротами подъ губительнымъ огнемъ противника.

Мнѣ помнится такой разговоръ въ одномъ изъ лазаретовъ Краснаго Креста, который мнѣ приходилось ревизовать. Въ немъ, въ палатѣ, находилось около 60 тяжело раненыхъ. Въ этой палатѣ была молодежь, цвѣтущая, крѣпкая и сильная. Раненія были чрезвычайно тяжелы и, тѣмъ не менѣе, настроеніе было превосходное, бодрое и жизнерадостное. Одинъ изъ раненыхъ, старшій унтеръ-офицеръ того же полка, кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго, участникъ Японской кампаніи, полный Георгіевскій кавалеръ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Господинъ Предсѣдатель, внушите этой молодежи, что такъ сражаться, какъ они сражаются, нельзя. Я опытный вояка, продѣлалъ Японскую кампанію, не выходилъ изъ строя за все время этой войны, — эта молодежь просто сумасшедшая, они безъ разбору лѣзутъ въ самый огонь безъ надобности, при малѣйшемъ приказѣ идти въ атаку идутъ на непріятельскія проволочныя загражденія безъ оглядки и безъ разума и гибнутъ совершенно напрасно и зря». На это молодые солдаты съ насмѣшкой отвѣчали: «Ты старый, а мы молодые и смѣлые».

Вотъ, какой матеріалъ находился въ рукахъ командnаго состава. И какъ это ни странно сказать, но броженіе въ Арміи въ этотъ періодъ 1916 г. начался, именно, съ побѣдныхъ боевъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, составилось убѣжденіе, что всѣ нечеловѣческія усилія вочнувъ и принесенныя ими жертвы оказались, въ сущности, безрезультатны и безплодны, ввиду неумѣлыхъ и неудачныхъ распоряженій, которыя критиковались на всѣ лады.

Кампанія могла и должна была быть окончена тогда же полной побѣдой, именно тогда, въ этотъ періодъ начинавшагося наилучшаго снабженія Арміи людскими пополненіями и предметами боевого снабженія: почетный и славный миръ могъ быть купленъ цѣною этихъ жертвъ и этого послѣдняго напряженія народной энергіи, а между тѣмъ этого-то достигнуто и не было.

Воздушная развѣдка была плохо поставлена.

Какъ я уже упоминалъ раньше, на весь Гвардейскій корпусъ приходилось только 4 аэроплана. По докладу моему въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ былъ рѣзко поставленъ вопросъ о несовершенствѣ военной авіаціи, и была учреждена

особая авіаціонная комиссія. Коренная реформа организаціи авіаціоннаго дѣла была рѣшена, но достигнуто это рѣшеніе было только въ 1916 г. А между тѣмъ, въ бояхъ на Стоходѣ цѣлыя экскадрильи непріятельскихъ аэроплановъ появлялись надъ нашими резервами и снижались чуть не на 500 метровъ, безнаказанно разстрѣливая ихъ изъ пулеметовъ.

Броженіе въ Арміи началось на почвѣ недовольства высшимъ командныхъ составомъ. Это вызвано было перечисленными выше причинами, а также, несомнѣнно, было результатомъ многолѣтней упорной агитаціи въ войскахъ. Впослѣдствіи недовольство это перенеслось на доблестное, ни въ чемъ не повинное младшее офицерство и своимъ послѣдствіемъ имѣло ужасное пролитіе дорогой намъ офицерской крови, свидѣтелями чего мы всѣ были съ содроганіемъ и отвращеніемъ при полномъ разложеніи Арміи, послѣ февральскаго переворота.

Не надо при этомъ забывать, что офицерскій составъ значительно измѣнился по своему составу за время войны. Вотъ довольно мѣткая характеристика этого измѣненія одного изъ военныхъ корреспондентовъ: «Старое кадровое офицерство, воспитанное въ извѣстныхъ традиціяхъ, вслѣдствіе значительной его убыли въ бояхъ стало лишь небольшимъ процентомъ по сравненію съ новымъ офицерствомъ, призваннымъ подъ знамена во время войны и прошедшимъ иную школу въ смыслѣ критическаго отношенія къ традиціоннымъ представленіямъ о Государственномъ устройствѣ и порядкѣ. Въ общемъ командный составъ теперь проникнутъ болѣе штатскимъ духомъ и болѣе близокъ къ интеллигенціи и ея понятіямъ, чѣмъ это было до войны, да, пожалуй, и въ первое время войны».

Незадолго до переворота прибыла въ Петроградъ группа офицеровъ съ генераломъ Крымовымъ во главѣ. Между прочимъ, генералъ Крымовъ заявилъ мнѣ: «Такъ дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствію связи въ распоряженіяхъ и строго продуманнаго плана, назначенію на высшіе посты въ Арміи безъ разбора, наши блестящіе успѣхи сводятся на нѣтъ, и въ Арміи, въ ея солдатскомъ составѣ растетъ недовольство и недовѣріе къ офицерству вообще и начальству въ частности и, такимъ образомъ, Армія постепенно разлагается и дисциплинѣ грозитъ полный упадокъ. Легко можетъ быть, что при такихъ условіяхъ солдаты откажутся идти впередъ и, что всего ужаснѣе, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, съ которой никто не борется и которой не умѣютъ положить предѣлъ, Армія въ теченіе зимы можетъ просто покинуть окопы и поле сраженія. Таково грозное, все растущее настроеніе въ полкахъ».

Генералъ Крымовъ, нынѣ покойный, покончивъ самъ съ собой во время прискорбныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1917 г. Я не посмѣлъ бы приписать ему то, что онъ не говорилъ, да и тѣ офицеры, которые сообщали все это, живы еще, и я смѣло могу сослаться на нихъ, и они удостовѣрятъ, что именно такое настроеніе и броженіе въ Арміи было.

Изъ сказаннаго ясно, что почва для окончательнаго разложенія Арміи имѣлась на-лицо еще задолго до переворота, когда о немъ еще не говорили громко и когда никто и не думалъ въ правящихъ сферахъ, что революція такъ близка и такъ быстро наступитъ въ столь ближайшемъ будущемъ.

Таковы были событія, предшествовавшія перевороту. Позволю себѣ причины переворота, обусловливавшія его и его вызвавшія, разбить на четыре категоріи: къ первой и самой главной категоріи я отношу чрезмѣрное усиленіе вліянія темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ и завладѣвшихъ волею и мыслью Верховной власти.

Безотвѣтственныя силы и германскій штабъ

Вліяніе Распутина и всего кружка, окружавшаго Императрицу Александру Ѳедоровну, а черезъ нее — на всю политику Верховной власти и Правительства возросло до небывалыхъ предѣловъ.

Я не обинуясь утверждаю, что кружокъ этотъ, несомнѣнно, находился подъ воздѣйствіемъ нашего врага и служилъ интересамъ Германіи. Иначе нельзя себѣ объяснить безпричиннаго удаленія дѣйствительно полезныхъ государственныхъ дѣятелей, которые въ 1915 году, послѣ погрома въ Галиціи, были призваны къ власти въ силу требованія общественнаго мнѣнія, и которые, при извѣстномъ разумномъ направленіи своей дѣятельности, въ полномъ согласіи съ общественными силами страны могли бы, несомнѣнно, довести страну до побѣды. Стоило появиться на высшемъ государственномъ посту талантливому и честному дѣятелю, какъ сейчасъ же изъ Распутинскихъ сферъ начиналось на него гоненіе, и онъ бывалъ удаляемъ со стремительной быстротой и безъ объясненія причинъ. А если такое лицо имѣло несчастье сдѣлаться популярнымъ въ общественныхъ кругахъ, то участь его была заранѣе предрѣшена. Въ тяжелые дни народной войны залогъ ея успѣха, конечно, заключался въ стройной организаціи всѣхъ факторовъ, обслуживающихъ потребности борьбы съ врагомъ. Для врага не менѣе боеспособной арміи была опасна правильная организація тыла, общее воодушевленіе и вѣра народа въ своихъ вождей. А между тѣмъ, мы всѣ видѣли, что все это послѣдовательно разрушалось. Чьей-то невидимой рукой упорно, всѣми возможными способами, вносилось въ народъ взаимное раздраженіе и недовѣріе, и всѣ попытки соединить правящіе круги съ обществомъ терпѣли неизбѣжную неудачу. Кому же это было на руку? Только Германіи. Кто руководилъ такой преступной политикой? Распутинскій кружокъ. Связь и аналогія стремленій настолько логически очевидна, что сомнѣній во взаимодѣйствіи германскаго штаба и Распутинскаго кружка для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ: это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Германскій Императоръ предпринималъ и другіе шаги, чтобы привлечь на свою сторону видныхъ общественныхъ дѣятелей. Онъ подсылалъ къ нимъ разныхъ предателей Россіи изъ плѣнныхъ и оставшихся добровольно въ Германіи русскихъ, въ цѣляхъ убѣдить заключить сепаратный миръ. И я подвергся такому нападенію, но послѣ принятыхъ мною сразу крутыхъ мѣръ эти попытки больше не повторялись.

Это трагическое явленіе, выросшее на почвѣ печальной русской дѣйствительности, сложное, темное и недостаточно изученное — въ результатѣ оказалось гибельнымъ для Православной церкви и для Царствующей династіи, а главнымъ образомъ для государства, потому что оно растлило народную душу и народныя вѣрованія.

Подробныя обстоятельства этой категоріи причинъ настолько мрачны и такъ гибельно отозвались на всѣхъ сторонахъ государственной жизни, что имъ, для полнаго освѣщенія, необходимо было бы посвятить отдѣльную монографію, основанную на дѣйствительныхъ фактахъ, такъ какъ въ общихъ чертахъ охарактеризировать это явленіе является крайне труднымъ, не ссылаясь на рядъ подробностей и мелкихъ, но важныхъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на всѣ тормазы этой категоріи причинъ, жизненность производительныхъ силъ страны и ея творческихъ силъ подтверждаются тѣми фактами, которые я изложилъ въ первой части своей работы.

Сумѣли же общественныя организаціи, въ видѣ земскаго и городского союзовъ, поставить на должную высоту санитарную часть арміи, сумѣли же общественные элементы, призванные для этого, хотя и поздно, но снабдить Армію нашу снарядами и предметами боевого и иного снаряженія. Несмотря на кажущуюся разруху и общее недовольствіе, они все-же исполнили данную имъ задачу. Не есть ли это блестящее доказательство того, что огромный запасъ государственной энергіи, которая таится въ русскомъ народѣ, проявляется блестяще тамъ, гдѣ ему оказываютъ должное довѣріе и гдѣ въ достаточной степени его организуютъ и пользуются плодами его богатаго творчества.

Вторая категорія причинъ, обусловившихъ наше государственное крушеніе, заключается въ томъ, что неумѣлыя и несогласованныя распоряженія власти привели къ окончательной разрухѣ экономическихъ условій жизни населенія, оставшагося въ тылу, главнымъ образомъ, разстроился транспортъ, за симъ финансы, обнаружилась общая безхозяйственность, отсутствіе достаточной заботливости о плѣнныхъ и раненыхъ, выходящихъ изъ лазаретовъ, не создана была организація борьбы съ возрастающей спекуляціей, которая сама по себѣ есть явленіе отрицательное и которая вызвала небывалое вздорожаніе предметовъ первой необходимости.

Къ этой категоріи причинъ нужно прибавить необыкновенно интенсивную нѣмецкую агитацію, ведущуюся на нѣмецкое золото, которой не было противопоставлено разумно организованной пропаганды на русскія деньги, въ цѣляхъ парализованія того губительнаго вліянія, которое этой агитаціей оказывалось въ ущербъ развитію и поднятію въ высшей мѣрѣ патріотическаго чувства.

Къ третьей категоріи причинъ, вызвавшихъ легкость, съ которой совершился переворотъ, я отношу начавшееся разложеніе Арміи, о которомъ я только что говорилъ.

Наконецъ четвертая причина революціи была чрезвычайная и во всемъ двойственность правительственной внутренней политики.

Эта система имѣть два лика до нельзя раздражала русское общество, такъ какъ никто заранѣе не зналъ, какъ поступитъ завтра Правительство, такъ ли какъ сегодня, или совсѣмъ наоборотъ. Въ искренность заявленія правительства русское общество поэтому перестало вѣрить, зная, что оно мѣняло свой курсъ съ поразительной легкостью. Такъ было съ обращеніемъ къ полякамъ, съ отношеніемъ къ Государственной Думѣ съ одной стороны будто бы благожелательнымъ, съ другой явно враждебнымъ. Такъ было съ рядомъ существенныхъ вопросовъ, уже мною перечисленныхъ.

Всѣ эти явленія, вызывавшія негодованіе, одновременно подтачивали довѣріе страны къ государственной власти, не умѣющей наладить государственную жизнь, и лишали увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ побѣдномъ исходѣ кампаніи.

Я утверждаю, что при совокупности этихъ причинъ, если бы и не было революціи, война все равно была бы проиграна и былъ бы по всей вѣроятности заключенъ сепаратный миръ, быть можетъ, не въ Брестъ-Литовскѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но, вѣроятно, еще болѣе позорный, ибо результатомъ его являлось бы экономическое владычество Германіи надъ Россіей.

Послѣднія попытки

Я уже раньше указывалъ, что умѣренныя партіи не только не желали революціи, но просто боялись ея. Различнымъ думскимъ фракціямъ было ясно, что революція во время разгара войны неизбѣжно приведетъ къ развалу и разложенію Россіи. Въ частности, партія народной свободы, какъ стоящая на лѣвомъ флангѣ умѣренныхъ группъ и поэтому имѣвшая больше всѣхъ точекъ прикосновенія съ революціонными партіями страны, была озабочена надвигающейся катастрофой болѣе всѣхъ. Очевидно было, что если революціонная волна разыграется въ революціонный штормъ, то наиболѣе консервативнымъ элементомъ и поэтому правымъ крыломъ оказалась бы партія к.-д., такъ какъ все стоящее правѣе кадетъ должно было быть неизбѣжно сметено. Положеніе партіи кадетской въ этомъ случаѣ становилось бы крайне тяжелымъ, ибо на нее очевидно были бы направлены всѣ удары и громы развивающагося революціоннаго вихря. Кадеты прекрасно сознавали это и предчувствовали, что они въ свою очередь будутъ съ большой жестокостью сброшены съ арены политической борьбы. И тѣмъ не менѣе, однако, мы всѣ понимали, что курсъ, принятый правительствомъ, еще съ большей вѣроятностью приведетъ къ краху Государство. Поэтому рѣшеніе сказать громко правду въ законныхъ рамкахъ Учрежденія Государственной Думы представлялось послѣднимъ средствомъ, могущимъ образумить какъ Верховную власть, такъ и призванное къ власти Правительство.

При такомъ положеніи настроенія Государства во всѣхъ его слояхъ Государственная Дума увидѣла для себя необходимость выйти изъ пассивнаго положенія, ею занятаго, исчерпавъ всѣ средства воздѣйствія въ дѣлѣ поворота государственной политики правительства на разумный путь.

Въ томъ, что въ этотъ моментъ Государственная Дума стояла на правильномъ пути, можно привести, какъ доказательство, постановленіе Московскаго Губернскаго Собранія, которое имѣется у меня въ подлинникѣ: «Московское Губернское Земское Собраніе чрезвычайной сессіи горячо привѣтствуетъ Государственную Думу въ день ея открытія и взираетъ на предстоящее ей государственное дѣло съ большими ожиданіями. Изъ докладовъ, разсмотрѣнныхъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ, явствуетъ, что хозяйственное состояніе Московской губерніи стало угрожающимъ, что наступаетъ тотъ часъ, когда міровая борьба должна развиться въ послѣднемъ окончательномъ столкновеніи, когда Россія должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и найти въ себѣ силы нанести окончательный рѣшающій ударъ. Въ этотъ историческій отвѣтственный часъ общество обречено на молчаніе. Московское Губернское Земство, въ полномъ сознаніи невѣроятныхъ трудностей предстоящей работы, встрѣчаетъ создавшееся положеніе твердо со спокойной и неизмѣнной готовностью продолжать свое отвѣтственное дѣло. Московское Губернское Земство вѣритъ въ силы русскаго народа, вѣритъ нашимъ могучимъ доблестнымъ Арміи и Флоту, вѣритъ, что народные представители найдутъ всѣми ожидаемый путь къ взаимному пониманію въ странѣ общественныхъ силъ и власти, въ единеніи которыхъ единственный залогъ къ тому, чтобы Россія съ достоинствомъ вышла изъ посланныхъ ей судьбой тяжкихъ испытаній».

Это же подтверждается и резолюціей Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ!

Предсѣдатели Губернскихъ Земскихъ Управъ, собравшіеся въ Москвѣ 25 октября для обсужденія продовольственнаго дѣла, сочли своимъ долгомъ подвергнуть обсужденію общее тревожное политическое положеніе страны. Вотъ итоги ихъ единодушнаго мнѣнія. Годъ тому назадъ на сентябрьскомъ собраніи уполномоченныхъ Губернскихъ Земствъ, представители земской Россіи, въ сознаніи своей отвѣтственности и долга передъ родиной, указывали на гибельность созданнаго правительствомъ разъединенія власти съ народомъ. Высказывавшіяся тогда опасенія получили теперь осуществленіе и правительственная политика дала свои роковые плоды. Могучій патріотическій подъемъ всей страны остался неиспользованнымъ властью.

Правительство не пошло даже на совмѣстную работу съ Государственной Думой, которая являла собою яркое отраженіе охватившаго слои населенія единодушія. За все время войны правительство пребывало сперва въ скрытой, а затѣмъ въ нескрываемой явной борьбѣ съ народнымъ представительствомъ и всѣми организованными общественными силами. Пожаръ міровой борьбы все болѣе разгорается, ставя передъ Россіей новыя сложныя задачи. Въ то же самое время осложняется и наша внутренняя жизнь. Страна переживаетъ послѣдовательно острое разстройство въ области транспорта, производства необходимыхъ для населенія предметовъ и наконецъ, даже продовольствія. Разъединенныя, противорѣчивыя, лишенныя опредѣленнаго плана и мысли дѣйствія и распоряженія правительственной власти, неуклонно увеличиваютъ общую дезорганизацію всѣхъ сторонъ государственной жизни. На мѣстахъ всѣ эти распоряженія вызываютъ чувство недоумѣнія, раздраженія, а иногда и прямого возмущенія и озлобленія. Всѣ распоряженія высшей власти какъ бы направлены къ особой цѣли еще больше запутать тяжелое положеніе страны. Такой характеръ высшаго управленія явно проявляется въ продовольственномъ вопросѣ, принимающемъ все болѣе острое и опасное положеніе. Такой же характеръ носятъ условія, въ которыя поставлено за послѣдніе полгода производство мобилизаціи. Осуществленіе цѣлаго ряда мѣропріятій, связанныхъ съ нуждами войны, невольно приводятъ къ выводу о допускаемой правительствомъ не только безцѣльной, но и прямо преступной растратѣ людскихъ и матерьяльныхъ силъ страны.

Безпрерывная смѣна министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ государства въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ она происходитъ въ связи съ постояннымъ измѣненіемъ проводимой этими лицами политики ведетъ къ прямому параличу власти. Не пощажена даже и область международныхъ отношеній, съ которой отнынѣ окончательно связана участь Россіи, та область, гдѣ нужна наибольшая твердость и устойчивость, гдѣ особенно нуженъ государственный опытъ и прежде всего искренняя, не вызывающая въ странѣ никакихъ подозрѣній, преданность интересамъ родины. Подъ вліяніемъ всего этого въ странѣ вполнѣ созрѣло сознаніе, что стоящее у власти правительство не въ силахъ успѣшно заключить войну и подготовить предстоящую ея ликвидацію съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ Россіи. Происходящая въ правительствѣ частичная смѣна лицъ не вноситъ измѣненій въ общій правительственный курсъ. Она лишь въ корнѣ дезорганизуетъ власть и подрываетъ послѣдніе остатки ея авторитета. Но этого мало. Мучительныя, страшныя подозрѣнія, зловѣщіе слухи

о предательствѣ и измѣнѣ, о тайныхъ силахъ, работающихъ въ пользу Германіи и стремящихся путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ. Естественно, что на этой почвѣ возникаютъ слухи о признаніи въ правительственныхъ кругахъ безцѣльности дальнѣйшей борьбы, своевременности окончанія войны и необходимости заключенія сепаратнаго мира. Таково глубокое тревожное сознаніе, которое объединило всѣхъ собравшихся въ Москвѣ предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ при обсужденіи современнаго положенія Россіи. Съ негодованіемъ отвергая всякую мысль о безславномъ и гибельномъ для будущихъ судебъ Россіи мирѣ, они видятъ и долгъ чести, и залогъ спасенія родины въ неуклонномъ продолженіи войны до конечной побѣды рука объ руку съ тѣми народами, которые вмѣстѣ съ нами ополчились за право и свободу. Земскіе люди исполнены вѣры въ конечный успѣхъ браннаго подвига русской арміи. Но они явно сознаютъ, что главная опасность нынѣшняго положенія не во внѣ, а внутри страны. Сознаніе грозности настоящаго положенія и отвѣтственности за судьбу родины должно стать источникомъ дальнѣйшаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ и ея спасенія. Начало войны и періодъ послѣ Галиційскаго отступленія показали, чего можетъ достигнуть русскій народъ, сознавшій надвигающуюся на Россію опасность. Предсѣдатели Губернскихъ Земскихъ Управъ пришли къ единодушному убѣжденію, что стоящее у власти правительство, открыто подозрѣваемое въ зависимости отъ темныхъ и враждебныхъ Россіи вліяній, не можетъ управлять страной и ведетъ ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили меня въ лицѣ Вашемъ довести до свѣдѣнія членовъ Государственной Думы, что въ рѣшительной борьбѣ Государственной Думы за созданіе правительства, способнаго объединить всѣ живыя народныя силы и вести нашу родину къ побѣдѣ, земская Россія будетъ стоять за одно съ народнымъ представительствомъ.

Примите увѣренія въ искреннемъ уваженіи и преданности

Князь Львовъ.

Тогда же я получилъ и письмо отъ Главноуполномоченнаго Всероссійскаго Союза Городовъ:

Главноуполномоченный

Всероссійскаго Городского Союза

Помощи

Больнымъ и раненымъ войнамъ

Октября 31 дня 1916 г.

Москва.

Милостивый Государь

Михаилъ Владиміровичъ!

Тревога и негодованіе все больше охватываютъ Россію.

Зловѣщія настроенія, смѣнившія недавній высокій подъемъ духа, создаются не потому, что страна обезсилена въ борьбѣ, что въ ней измѣнилось представленіе объ ея историческомъ долгѣ, а потому, что мѣропріятія правительства

привели ее къ невозможности въ должной мѣрѣ поддержать борющуюся армію, и достиженіе ея историческихъ задачъ становится все болѣе затруднительнымъ.

Россія полна неисчерпаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, несокрушима воля ея въ единеніи съ доблестными союзниками побѣдить врага; свой долгъ передъ будущимъ она сознаетъ также глубоко и свято, какъ знаетъ его и исполняетъ ея самоотверженная геройская армія.

Сознаніе этого долга чуждо, однако, тѣмъ, кто пользуясь безотвѣтственностью, изъ побужденій враждебныхъ Россіи, скрываясь въ безотвѣтственности и дѣйствуя самозванно, парализуетъ своимъ злонамѣреннымъ вліяніемъ власть.

Это сознаніе долга подавлено у тѣхъ, кто случайно появляясь у власти въ этой безпримѣрной борьбѣ не сумѣлъ проявить ни одного высокаго порыва, который могъ бы внушить бодрость народу, призвать его къ подвигу, дать ему возможность хотя бы повѣрить, что лица стоящія у власти служатъ интересамъ Россіи.

Между тѣмъ съ каждымъ новымъ днемъ исчезаетъ вѣра, разсѣиваются надежды. Съ каждымъ новымъ днемъ становится очевиднѣе, что враждебныя интересамъ Россіи вліянія претворяются въ систему сложныхъ мѣропріятій. Эти вліянія направляютъ всѣ усилія на борьбу съ Россіей и ея общественностью, на разъединеніе силъ страны, ослабленіе ея мощи и созданіе неодолимыхъ препятствій къ тому, чтобы арміи въ полной мѣрѣ была оказана должная помощь въ великой ея борьбѣ.

Въ обществѣ невольно зрѣетъ сознаніе, что безчисленныя мѣры, которыми разрушается снабженіе продовольствіемъ населенія и арміи являются послѣдствіемъ не только неумѣнія и непониманія, но и результатомъ дѣйствій направленныхъ къ тому, чтобы вызвать острую борьбу классовъ, разрушить единство земской и городской Россіи и разстройствомъ тыла затруднить продолженіе борьбы.

Международная политика находится въ сферѣ тѣхъ же губительныхъ вліяній. Преступная медленность проявленная въ польскомъ вопросѣ бросила Россію въ новую опасность и поставила передъ ней новыя затрудненія.

Среди этихъ явленій страну терзаютъ зловѣщіе слухи, что готовится постыдный миръ, что принесенныя страной безчисленныя жертвы и затраченныя усилія напрасно погибаютъ.

Миръ безъ полной побѣды невозможенъ для Россіи. Миръ безъ согласія доблестныхъ союзниковъ — безчестенъ. Замышляющіе такой миръ готовятъ предательство и измѣну.

Власть не можетъ оставаться въ рукахъ тѣхъ, кто не умѣетъ одолѣть темныхъ враждебныхъ Россіи вліяній и организовать всѣ живыя силы страны на борьбу съ врагомъ. Главный Комитетъ Всероссійскаго Союза Городовъ поручилъ мнѣ просить Васъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, что наступилъ рѣшительный часъ — промедленіе не допустимо, должны быть напряжены всѣ усилія къ созданію, наконецъ, такого правительства, которое въ единеніи съ народомъ доведетъ страну къ побѣдѣ.

Главноуполномоченный Всероссійскаго

Союза Городовъ

М. Челноковъ.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ былъ въ это тревожное время назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ бывшій товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, назначеніе котораго вызвало массу осложненій и раздраженій. А. Д. Протопоповъ, бывшій уѣздный, а засимъ Губернскій Предводитель Дворянства въ Симбирской губерніи, былъ членомъ III-ей Государственной Думы и числился съ партіи октябристовъ, примыкая скорѣе къ ея лѣвому, болѣе прогрессивному крылу. Таковыхъ же политическихъ убѣжденій онъ держался и въ IV Думѣ. Когда депутація членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ 1916 году должна была посѣтить союзныя страны, во главѣ оной былъ поставленъ А. Д. Протопоповъ, какъ товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, и успѣшно справился со своей задачей. Ничто не предвѣщало въ немъ такой быстрой перемѣны фронта, какая воспослѣдовала въ весьма скоромъ будущемъ. Уже при возвращеніи депутаціи въ Россію, Протопоповъ имѣлъ въ Стокгольмѣ тайную и загадочную бесѣду и невыясненныя тогда сношенія съ нѣкіимъ г. Варбургомъ, нѣмецкимъ агентомъ. Тайна его бесѣды съ Варбургомъ, однако, обнаружилась очень быстро и стала достояніемъ печати. Полнаго освѣщенія обстоятельствъ этой бесѣды, ея сущности и политическаго значенія, ея причинъ и послѣдствій не удалось достигнуть, и дѣло такъ и осталось въ туманѣ. Тѣмъ не менѣе, не имѣя еще никакихъ доказательствъ о какихъ бы то ни было замыслахъ г. Протопопова, я позволилъ себѣ указать на него, какъ на желательнаго Министра Торговли въ предполагавшемся тогда Министерствѣ адмирала Григоровича, долженствовавшаго смѣнить на посту премьера Штюрмера. Но дѣло это не состоялось. Основаніями къ такой рекомендаціи было большое знакомство Протопопова съ дѣйствительными нуждами торговли и промышленности, и тѣ богатые матеріалы, которые онъ почерпнулъ во время поѣздки во главѣ Парламентской делегаціи въ союзныя страны. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что Протопоповъ вызванъ помимо меня въ Ставку, якобы для доклада о своей поѣздкѣ за границу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и таинственные переговоры со Штюрмеромъ и всѣмъ Распутинскимъ кружкомъ. Протопоповъ въ это время явно избѣгалъ меня, и мнѣ съ трудомъ удалось добиться съ нимъ свиданія и рѣшительнаго разговора. Протопоповъ сознался, что ему предложенъ постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и что онъ рѣшилъ его принять. Возмущенію моему не было границъ на основаніи слѣдующихъ обстоятельствъ. Принятіе товарищемъ Предсѣдателя Государственной Думы поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерствѣ Штюрмера, послѣ того, какъ Дума только-что высказала свое рѣзко отрицательное отношеніе къ премьеру и признала громко направленіе его политики вреднымъ для Государства, и послѣ того, что Протопоповъ подписалъ резолюцію прогрессивнаго блока Думскихъ партій, являлось предательствомъ Государственной Думы съ его стороны, а явный и рѣзкій поворотъ его, отъ исповѣдываемыхъ имъ прогрессивныхъ убѣжденій въ лагерь крайней реакціи, не сулилъ ничего хорошаго въ переживаемое тревожное время. Все это было мною опредѣленно высказано г. Протопопову и предъявлено было оффиціальное требованіе отъ предложенной ему кандидатуры рѣшительно отказаться. Но Протопоповъ былъ непоколебимъ, и мы разстались врагами. Правительство Штюрмера хорошо знало, что дѣлало, выдвигая и настаивая на кандидатурѣ Протопопова. Этимъ назначеніемъ предполагалось скомпрометировать Государственную Думу. Протопоповъ не могъ справиться съ задачами, выпадающими на его долю, и это было

совершенно ясно Штюрмеру и К°. Правительство въ этомъ случаѣ имѣло бы полное основаніе, указать странѣ, что оно пошло на уступки Государственной Думѣ, выдвинуло на отвѣтственный постъ излюбленнаго ею человѣка, признаваемаго ею достойнымъ быть товарищемъ Предсѣдателя Думы, и этотъ-то достойный человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ народныхъ представителей, оказался неспособнымъ вести свой трудный, отвѣтственный постъ.

Такими послѣдствіями явно подрывался бы авторитетъ Государственной Думы, не говоря уже о томъ, что пути, по которымъ пошелъ Протопоповъ, дѣйствуя черезъ заклятыхъ враговъ Государственной Думы, являли собой явное предательство своихъ товарищей, ибо Правительство всѣ свои мѣропріятія противъ Народнаго Представительства могло основать на авторитетномъ мнѣніи новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ члена Государственной Думы. Послѣдней оставался только одинъ выходъ — это, сразу стать въ полную оппозицію къ новому министру. Дальнѣйшія событія ясно показали, въ какую бездну вреда Государство было приведено этимъ назначеніемъ.

Передъ открытіемъ сессіи осенью 1916 г. Предсѣдатель Государственной Думы собралъ совѣщаніе изъ представителей партій, входящихъ въ составъ прогрессивнаго блока, и, изложивъ имъ въ подробностяхъ создавшееся грозное положеніе вещей и близость неминуемаго общаго взрыва, предложилъ попытаться еще разъ предотвратить его, что, конечно, составляло, во время кровопролитнѣйшей войны, священную обязанность Государственной Думы. Доложивъ собравшимся въ подробностяхъ всѣ доклады, сдѣланные мною Императору Николаю II, я просилъ членовъ Думы придти мнѣ на помощь. Мнѣ было ясно, что моихъ предупрежденій недостаточно, и я указывалъ на необходимость испросить коллективный докладъ у Верховной власти, въ составѣ собравшихся представителей партій, въ присутствіи которыхъ я бы вновь повторилъ всѣ свои доводы и указанія на необходимость уступокъ, а присутствующіе члены Думы поддержали бы при этомъ мои слова своими рѣчами. Несомнѣнно, что это было бы внушительнымъ и авторитетнымъ актомъ и усилило бы авторитетъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому воспротивились представители кадетской партіи въ лицѣ ея лидера, члена Думы Милюкова, который находилъ, что такое дѣйствіе было бы актомъ неконституціоннымъ, и увлеченіе формой, въ ущербъ существу дѣла, одержало верхъ. А между тѣмъ, всѣмъ было ясно, что революція во время войны приведетъ неизбѣжно сперва къ разложенію Арміи, а потомъ и Государства. Представители кадетской партіи считали, что надлежитъ все высказать публично съ думской трибуны и, выждавъ результаты такого шага, предпринять иныя мѣры.

Въ виду полнаго разногласія въ данномъ вопросѣ, предложеніе мое осталось открытымъ вопросомъ, и коллективный докладъ Императору не состоялся. Мнѣ уже впослѣдствіи стало извѣстно, что группа членовъ Думы націоналистовъ добилась частной аудіенціи у Государя Императора, докладывала ему, въ свою очередь, о тревожномъ положеніи страны, но успѣха не имѣла.

Памятуя о своемъ долгѣ избранниковъ народа, несущихъ отвѣтственность передъ нимъ за свои дѣйствія, Государственная Дума рѣшила громко высказать правду передъ страной. Мы были правы въ своемъ рѣшеніи, мы должны были предпринять этотъ шагъ, ибо проклятіе населенія, а, главнымъ образомъ, проклятіе гражданъ, еще не родившихся, впослѣдствіи легло бы тяжкимъ камнемъ на нашу совѣсть и на нашу память. Отвѣтственность за окончательную гибель Россіи мы должны были бы раздѣлить съ Правительствомъ въ такомъ

случаѣ, и Государственная Дума поэтому рѣшилась высказать свое слово искренне и правдиво.

Предварительно состоялся докладъ объ истинномъ положеніи дѣлъ Государю Императору Николаю II, но предостереженія этого оказалось недостаточнымъ, чтобы перемѣнить курсъ политики Правительства.

И въ историческомъ засѣданіи 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Какъ бы ни относиться къ рѣчамъ, произнесеннымъ тогда съ каѳедры Государственной Думы, можно увидѣть въ нихъ только боль за судьбу Россіи, дорогого нашего отечества; нельзя увидѣть тамъ желаніе сверженія власти, но указаніе на необходимость перемѣны лицъ и системы управленія, не желаніе переворота и стремленіе къ тѣмъ ужасамъ, которые являются конечнымъ результатомъ всякой революціи, но лишь сердечную боль и печалованіе о судьбахъ Россіи, могучей, и еще сильной, но неумѣло управляемой. Наши стенографическіе отчеты доказываютъ, что я правъ.

Мало-по-малу въ концѣ 1916 г. волненія среди низшихъ слоевъ населенія, наиболѣе обездоленнаго войной и всевозможными ненужными лишеніями, дороговизна, отсутствіе предметовъ первой необходимости и предметовъ питанія — дошли до своего апогея. А къ этому прибавилась еще жестокая политика Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который стремился разогнать Государственную Думу, который направлялъ свои стрѣлы и громы на все мыслящее въ Россіи, который производилъ давленіе на Земскій и Городской союзы.

Все, даже Дворянскія Общества, тоже громко заявившія, что такъ дальше идти нельзя, было взято подъ подозрѣніе.

Протопоповъ громко проповѣдывалъ, что роспускъ Думы есть единственное средство для умиротворенія страны.

Не ужасъ ли долженъ былъ обуять при видѣ происходившей вакханаліи, которая начала разыгрываться.

Можно ли было оставаться безучастнымъ зрителемъ при видѣ разрушенія Государства.

Я позволю себѣ процитировать рѣчь одного изъ крайнихъ правыхъ депутатовъ, небезызвѣстнаго Пуришкевича, который въ одномъ изъ засѣданіи Думы, говоря о Протопоповѣ, сказалъ нижеслѣдующее: «Онъ хочетъ разгона Думы, о чемъ мы читали неоднократно. Онъ, несомнѣнно, этого добивается, ибо онъ не смѣетъ появиться среди своихъ бывшихъ товарищей, и вопросы государственнаго спокойствія приноситъ въ жертву личнымъ счетамъ уязвленнаго самолюбія. Наряду съ этими карами и бичами, которые раздаются направо и налѣво всѣмъ неугоднымъ, мы видимъ пріемы такой демагогіи, которой могъ бы позавидовать самый большой революціонеръ. Дѣлаются посулы крестьянамъ о надѣленіи ихъ землей, — я не знаю — за счетъ-ли нѣмцевъ или дворянъ; дѣлаются посулы евреямъ не только расширенія черты осѣдлости, но и полнаго равноправія; дѣлаются посулы будущему составу Законодательныхъ Палатъ путемъ увеличенія въ три раза окладовъ. Словомъ, куда ни обернешься, гдѣ можно искать, онъ беретъ искательствомъ, гдѣ чувствуетъ, что искательство не поможетъ, туда идетъ съ бичемъ»...

Вотъ каково положеніе. При такихъ условіяхъ Дума едва-ли въ состояніи не потерять должнаго равновѣсія, едва-ли въ состояніи работать такъ, какъ хотѣла, какъ можетъ и должна была бы, если бы въ каждомъ шагѣ главныхъ руководителей внутренней жизни страны не видѣла скрытаго или явнаго врага.

«Я сознаю, — заканчиваетъ Пуришкевичъ, — безцѣльность всякихъ рѣчей въ Думѣ, ибо между высшимъ священнымъ источникомъ власти и народомъ въ эти тяжелые, историческіе дни, — страшно даже подумать, — стоитъ стѣна... живущихъ только благополучіемъ сегодняшняго дня лицъ, которымъ нѣтъ дѣла до Россіи и до ея, можетъ быть, кроваваго болѣе, чѣмъ сейчасъ, будущаго, которое ей уготовлено. Я сознаю безцѣльность всякихъ рѣчей и признаю безсодержательность въ данный моментъ работы Думы. Никакая работа и никакія рѣчи ничему не помогутъ. Я увѣренъ, что удержу не будетъ и что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дойдетъ до такихъ предѣловъ, которые никому не снились. Для борьбы со всей Россіей Протопоповымъ будутъ пущены всѣ средства, какія только можно себѣ вообразить. Какое ему, въ сущности, дѣло до Россіи!

Россія стоитъ сейчасъ, какъ древній Гераклъ въ хитонѣ, пропитанномъ ядомъ крови кентавра. Онъ жжетъ ее. Она мечется въ мукахъ своего безсилія, Она взываетъ о томъ, чтобы правда русская дошла туда, гдѣ она должна быть понята, оцѣнена и услышана. Разсвѣта еще нѣтъ, но онъ не за горами, и настанетъ день, я чую, какъ солнце правды взойдетъ надъ обновленной Родиной въ часъ побѣды, но этого разсвѣта еще нѣтъ. Онъ потребуетъ, можетъ быть, новыхъ жертвъ лучшихъ сыновъ русскаго народа. Подождемъ, дадимъ имъ эти жертвы въ твердой увѣренности, что въ концѣ концовъ, возсіяетъ русская правда, и тотъ, кто долженъ услышать и почуять, почуетъ ее, кто въ эти тяжелые годы испытаній, ниспосланныхъ Россіи, стоитъ у престола, какъ вѣрный Кочубей».

Тотъ же правый депутатъ Пуришкевичъ, обрисовывая весь ужасъ и мракъ Распутинскаго вліянія, закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствующимъ министрамъ, такими приблизительно словами: «Вы должны немедленно всѣ ѣхать въ ставку, броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу Распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить курсъ своей политики».

Мнѣ кажется, что эта рѣчь, яркая и образная, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того настроенія, которое обуяло всѣхъ гражданъ Россійскаго Государства въ этотъ ужасающій по своему трагизму часъ.

Итакъ, рѣшеніе свое сказать правду, Государственная, Дума привела въ исполненіе въ историческихъ ноябрьскихъ засѣданіяхъ 1916 г., а засимъ въ засѣданіяхъ 14 февраля 1917 г.

Очевидно, что все было исчерпано, но всѣ мѣры, принимаемыя Государственной Думой для дружнаго взаимодѣйствія съ Правительствомъ въ интересахъ Государства, оказались напрасными.

А между тѣмъ, продовольственный вопросъ въ столицѣ принималъ все болѣе и болѣе острыя формы: подвозъ продуктовъ сокращался до минимума и злонамѣренные люди, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, всячески настраивали всѣ слои населенія Петрограда во враждебномъ отношеніи къ Правительству и вели сознательно къ возникновенію самаго ужаснаго бунта—бунта голоднаго. Между тѣмъ Государственная Дума хорошо помнила и понимала извѣстную всѣмъ поговорку, что нельзя перепрягать лошадей, когда переѣзжаешь рѣку вбродъ.

Всѣ старанія Государственной Думы не возбуждать, а успокаивать населеніе, были безплодны, и вывести застрявшій возъ на сухое прочное мѣсто—оказалось задачей не по силамъ.

Между тѣмъ, упорные слухи о роспускѣ Государственной Думы только подливали масло въ огонь.

Рабочіе многочисленныхъ заводовъ Петрограда рѣшили было произвести демонстрацію въ защиту Государственной Думы, а Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго того времени прямо заявилъ, что я долженъ испытать всѣ средства для того, чтобы предотвратить Императора Николая II отъ роспуска Государственной Думы, такъ какъ если Государственная Дума будетъ распущена, то легко возможенъ отказъ Арміи сражаться.

Но тогда же Предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ одной изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, показалъ ему находящіеся въ его распоряженіи три указа, подписанные Императоромъ Николаемъ II, безъ обозначенія, однако, даты ихъ обнародованія. Первый указъ былъ о полномъ роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ, второй указъ — о роспускѣ Государственной Думы до окончанія войны, и третій указъ — о роспускѣ Государственной Думы на неопредѣленное время. Каждымъ изъ этихъ указовъ Государственная Дума лишалась возможности доводить всю истинную правду до Верховной власти.

Такимъ образомъ уничтожался послѣдній оплотъ источника правды и точнаго освѣщенія состоянія умовъ Государства.

Видя такое положеніе вещей и отлично понимая, что въ случаѣ роспуска Государственной Думы вся страна будетъ отдана въ руки Протопопова, Распутина и компаніи, что протеста ни отъ кого уже послѣдовать не можетъ, что дѣло идетъ, несомнѣнно, къ сепаратному миру и позору Россіи, я оказался вынужденнымъ искать ту организацію общественнаго характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно по самому существу дѣла. Я остановился на дворянскихъ собраніяхъ и вызвалъ телеграммами въ Петроградъ изъ Москвы Губернскаго Предсѣдателя Дворянства, Базилевскаго, и Предсѣдателя Съѣзда Объединеннаго Дворянства, Самарина, его товарищей — князя Куракина и В. П. Карпова и Петроградскаго Губернскаго Предводителя Сомова. Разъяснивъ имъ положеніе вещей и возможность моего ареста и высылки, я просилъ въ этомъ случаѣ ихъ стать на стражѣ интересовъ Родины и взять на себя долгъ бороться съ тѣми оскорбленіями, которыя, несомнѣнно, выпадутъ на ея долю.

Представители дворянства вполнѣ раздѣлили мою точку зрѣнія и поняли мой опасенія.* Они признали, что необходимо создать такое ядро людей не-

---

* Р е з о л ю ц і я Новгородскаго Дворянскаго Собранія въ январѣ 1917 года: Новгородское Дворянство въ очередномъ Губернскомъ Собраніи, выслушавъ докладъ о рѣшеніяхъ XII Съѣзда Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ по вопросамъ нестроеній государственныхъ, единодушно присоединяется къ постановленіямъ Съѣзда и признаетъ всю силу и значеніе ихъ правдивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство полагаетъ своимъ священнымъ долгомъ въ переживаемую тревожную годину сказать слово правды передъ Престоломъ и Родиной. Здѣсь, въ самомъ Новгородѣ, гдѣ зародилась Великая Россійская Держава, въ тяжелую годину еще не бывалыхъ въ исторіи Русской земли испытаній, долженъ раздаться твердый, нелицемѣрный голосъ перваго сословія колыбели русской земли, предостерегающій Государя отъ того опаснаго пути, на который влекутъ его лукавые совѣтники.

Тяжесть страшной войны съ врагомъ человѣчества, требующей тѣснаго непрерывнаго единенія Царя съ народомъ въ единой мысли, въ единомъ чувствѣ и единой волѣ внутренняго мира для достиженія побѣды, усугубляется смутою, созданной правителями, вступившими въ борьбу съ единеніемъ всего русскаго народа, образовавшимся

зависимыхъ, которое, въ случаѣ разгона Думы, должно стать на стражѣ интересовъ и достоинства Россіи.

Они признали, что дворянство, которое нельзя ни упразднить, ни разогнать, обязано, въ случаѣ роспуска Думы, встать во главѣ движенія для блага Родины и борьбы съ предателями ея. Въ силу такого рѣшенія А. Д. Самаринъ испросилъ аудіенцію у Императора и еще разъ долженъ былъ попытаться изложить всю правду о наростающихъ событіяхъ, и было рѣшено на 19 января созвать съѣздъ Объединеннаго Дворянства для вторичнаго обсужденія создавшагося положенія вещей. Кромѣ этого, изъ Москвы ко мнѣ прибыли отъ Земскаго Союза князь Львовъ, М. В. Челноковъ отъ союза городовъ, А. Ив. Коноваловъ отъ съѣзда промышленниковъ и фабрикантовъ, какъ представители союзовъ. Положеніе, по ихъ мнѣнію, было таково, что надо признать, что катастрофа уже наступила, и для спасенія Отечества отъ гибели нужны экстраординарныя мѣры. Они требовали, чтобы я пріѣхалъ въ Москву на ихъ общій съѣздъ и сталъ во главѣ движенія въ томъ смыслѣ, чтобы еще разъ гласно выразить желаніе о спасеніи страны. По ихъ мнѣнію, надо было ясно и твердо сказать свое правдивое слово, не страшась отвѣтственности и репрессій. Но въ виду открытія Государственной Думы 14 февраля я не счелъ возможнымъ исполнить ихъ желанія.

Историческіе дни

Волненія начались на почвѣ отсутствія продовольствія. Но это было предлогомъ, а объ истинныхъ причинахъ все возрастающаго народнаго негодованія я уже достаточно говорилъ.

По имѣвшимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, волненія, возникшія въ столицѣ, стали быстро передаваться въ другіе города.

во имя побѣды и спасенія Родины. Новгородское Дворянство полагаетъ, что во время крайняго напряженія народной воли и мысли, только величавое спокойствіе, свойственное мощному русскому духу, можетъ помочь странѣ, отойдя отъ края бездны, надъ которой она поставлена. Только въ тѣсномъ единеніи со своимъ законнымъ, природнымъ Государемъ придетъ Свѧтая Русь къ лучезарному окончанію правой распри, минуя гибельныя внутреннія потрясенія, наступленія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашъ лютый врагъ. Но къ несчастью родины, правители, явившіеся порожденіемъ безотвѣтственнаго вліянія, отвращаютъ Лицо Царское отъ печальниковъ земли ея избранниковъ. Клевету и злобу на свой же народъ несутъ они къ престолу. Свое нерадѣніе, свое неумѣніе тщетно пытаются они прикрыть преступною ложью. Не въ правдѣ, а въ лести полагаютъ свой долгъ передъ Царемъ. Русскій народъ знаетъ свою грозную мощь, а видитъ угрожающее безсиліе, русскій народъ знаетъ безпредѣльныя богатства своей земли, а испытываетъ тяжкія лишенія. По всей землѣ Русской отъ подножья Престола до хижины бѣдняка не смолкаетъ трепетъ тревоги народной. Роковая неправда толкаетъ народъ противъ его воли на беззаконіе и кровавую месть. Изъ устъ въ уста передается зловѣщее слово: — измѣна. И остается у народа одна надежда: правдивый голосъ его избранниковъ, обращенный къ мудрости и силѣ духа своего Государя. Но если къ величайшей скорби народной Государственная Дума и Государственный Совѣтъ не будутъ созваны и, являющіеся врагами общественнаго блага, правители, которымъ страна не вѣритъ, будутъ подкапываться подъ устои народнаго представительства, если свѣточь, озаряющій тернистые, кровавые пути къ величію и счастью родины, будетъ затуманенъ, настанетъ мракъ разнузданныхъ страстей и неудержимой злобы. И тогда — Престолъ, Россія и ея упованія будутъ ввергнуты въ пропасть, въ глубинѣ коей погибнуть лучшія силы и надежды Россіи, ея честь, ея цѣлость, ея достоинство, ея мощь и слава.

Уже 25 февраля 1917 года волненія въ столицѣ дошли до своего апогея. Утромъ мнѣ дали знать, что часть заводовъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, забастовала, и толпы рабочихъ двинулись по направленію къ центру столицы.

Я объѣхалъ эти части города и убѣдился въ томъ, что работы дѣйствительно прекращены, что возмущеніе народа, преимущественно въ лицѣ рабочихъ женскаго пола, дошло до крайней степени и что, дѣйствительно, толпы рабочихъ приближаются къ центру столицы, въ какихъ цѣляхъ — мнѣ еще неизвѣстно.

Волненіе уже охватило зарѣчную часть города. Возвращаясь назадъ черезъ Литейный мостъ, я увидѣлъ, что набережныя, какъ Французская, такъ и остальныя, уже заняты отрядами войскъ, и тогда въ моей головѣ созрѣлъ планъ немедленно добиться созыва Совѣта Министровъ и настоять передъ нимъ, чтобы въ этомъ засѣданіи были представители Законодательной Палаты, Земскаго и Городского Самоуправленія, дабы совмѣстными усиліями выработать тѣ мѣры, которыя могли бы, хотя и временно, успокоить взволнованное населеніе столицы.

Въ этихъ цѣляхъ я посѣтилъ Министра Земледѣлія Риттиха, взялъ его съ собой и поѣхалъ къ генералу Бѣляеву, бывшему тогда Военнымъ Министромъ. Изобразивъ ему положеніе дѣлъ, я указалъ, что это не простое волненіе, что это начинается настоящая революція, и что надлежащія энергичныя мѣры должны быть приняты безотлагательно. Я убѣдилъ Военнаго Министра своими доводами, и онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ — князю Голицыну, откуда по телефону далъ мнѣ знать, что желаемое мною совѣщаніе будетъ въ этотъ же день, 25 числа, собрано въ Маріинскомъ дворцѣ и что мнѣ предоставляется право пригласить всѣхъ лицъ общественныхъ организацій, которыхъ я сочту нужнымъ.

Такимъ образомъ была еще разъ сдѣлана попытка спасти положеніе и принять необходимыя для успокоенія рабочихъ мѣры, въ смыслѣ снабженія продовольствіемъ.

Совѣщаніе о продовольствіи состоялось 25 февраля вечеромъ и постановило, по настоянію представителей отъ общественныхъ организацій, передать дѣло продовольствія въ руки Городского Самоуправленія и Земства по принадлежности.

Вотъ какъ оффиціозная пресса отмѣтила это событіе:

«Совѣщаніе пришло къ единственному заключенію о немедленной передачѣ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ Петроградѣ Петроградскому Городскому общественному Управленію. Дабы юридически оформить такую передачу, экстренное Совѣщаніе пришло къ соглашенію между представителями законодательныхъ учрежденій и правительствомъ, что въ порядкѣ думской инициативы будетъ возбуждено въ Государственной Думѣ соотвѣтствующее законодательное предположеніе о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій въ смыслѣ предоставленія имъ права урегулированія продовольственнаго дѣла. Означенное законодательное предположеніе предоставляется провести въ спѣшномъ порядкѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ одобренными правительствомъ предположеніями привлечь населеніе къ заботамъ о продовольствіи вечеромъ 25 февраля въ центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ собралась продовольственная комиссія въ составѣ представителей больничныхъ кассъ, кооперативовъ и выборныхъ отъ рабочихъ. Неожиданно въ засѣданіе явился приставъ Литейной части съ сильнымъ нарядомъ полиціи

и солдатъ и предъявилъ бумагу о задержаніи всѣхъ присутствующихъ на засѣданіи. Устраивайте сколько угодно продовольственныхъ обывательскихъ комитетовъ, полиція будетъ ихъ арестовывать. Вотъ и все рѣшеніе вопроса, по поводу котораго правительство, Дума и Совѣтъ готовы были придти къ единодушію».

Вотъ газетное сообщеніе. Но для членовъ Думы было ясно, что этими арестами искусственно раздувается пламя вспыхнувшей искры.

Разсмотрѣніе закона въ спѣшномъ порядкѣ однако же продолжалось 26 февраля, но участь Думы тогда уже была предрѣшена и указъ о перерывѣ занятій былъ подписанъ.

25 февраля я по телефону въ Гатчину далъ знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходившемъ и о томъ, что ему сейчасъ же нужно пріѣхать въ столицу, ввиду нарастающихъ событій.

27 февраля Великій Князь Михаилъ Александровичъ прибылъ въ Петроградъ, и мы имѣли съ нимъ совѣщаніе въ составѣ Предсѣдателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савича. Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣлъ въ столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе: онъ долженъ былъ явочнымъ порядкомъ принять на себя диктатуру надъ городомъ Петроградомъ, понудить личный составъ Правительства подать въ отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о дарованіи отвѣтственнаго министерства.

Нерѣшительность Великаго Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благопріятный моментъ былъ упущенъ.

Вмѣсто того, чтобы принять активныя мѣры и собрать вокругъ себя еще непоколебленныя въ смыслѣ дисциплины части Петроградскаго гарнизона, Великій Князь Михаилъ Александровичъ повелъ по прямому проводу переговоры съ Императоромъ Николаемъ II, получилъ въ своихъ указаніяхъ полный отказъ, и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи попытка Государственной Думы потерпѣла неудачу.

При этой бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ и выше названными членами Государственной Думы присутствовалъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ Князь Голицынъ. Несмотря на всѣ убѣжденія въ томъ, что ему надлежитъ выйти въ отставку, что это облегчитъ Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, Князь Голицынъ оставался неумолимымъ въ своемъ рѣшеніи, объяснивъ, что въ минуту опасности онъ своей должности не оставитъ, считая это позорнымъ бѣгствомъ, и этимъ только еще больше усложнилъ и запуталъ создавшееся положеніе.

Въ ночь съ 26 на 27-е февраля мною былъ полученъ указъ о перерывѣ занятій Государственной Думы, и такимъ образомъ возможности мирнаго улаженія возникающаго конфликта былъ положенъ рѣшительный предѣлъ, и тѣмъ не менѣе Дума подчинилась закону, все же надѣясь найти выходъ изъ запутаннаго положенія, и никакихъ постановленій о томъ, чтобы не расходиться и насильно собираться въ засѣданіи, не дѣлала.

Безпорядки начались съ военнаго бунта запасныхъ батальоновъ Литовскаго и Волынскаго полковъ. Рано утромъ началась въ раіонѣ расположенія этихъ полковъ перестрѣлка, и мнѣ по телефону дали знать, что командиръ Литовскаго батальона (фамилію забылъ) убитъ взбунтовавшимися солдатами и убито еще

два офицера, а остальные гг. офицеры арестованы. Съ трудомъ удалось успокоить взволнованныя части эти и убѣдить ихъ выпустить арестованныхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, революція началась съ военнаго бунта тѣхъ самыхъ запасныхъ батальоновъ, о печальномъ состояніи которыхъ я писалъ выше.

Злоба озвѣрѣвшихъ людей сразу направилась на офицеровъ и такъ далѣе шло, какъ по трафарету, во всѣхъ бунтахъ и волненіяхъ въ полкахъ впослѣдствіи.

Среди дня 27 февраля произошли первыя безчинства: былъ разгромленъ Окружный Судъ и Главное Артиллерійское Управленіе, а также Арсеналъ, изъ котораго было похищено около 40 тысячъ винтовокъ рабочими заводовъ, которыя сейчасъ же были розданы быстро сформированнымъ батальонамъ красной гвардіи.

Толпы народа, вооруженныя чѣмъ попало, стали появляться тутъ и тамъ на улицахъ города; вечеромъ того же дня значительныя толпы инсургентовъ запрудили уже собою улицы столицы, кое-гдѣ происходили безпорядки, столкновенія между ними и вызванными частями войскъ.

Правительство засѣдало въ Маріинскомъ дворцѣ, но никакого распоряженія, никакого распорядка, никакой попытки къ подавленію въ самомъ корнѣ начинающихся безпорядковъ имъ сдѣлано не было, потому что Правительствомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, овладѣла паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: при извѣстіи о движеніи толпы на Маріинскій дворецъ, въ немъ были потушены всѣ огни и собрано нѣкоторое количество оставшихся еще вѣрными правительству войскъ для того, чтобы сопротивляться.

Однако, нападеній не было, и, по словамъ одного изъ членовъ Правительства, когда снова зажгли огонь, то онъ, къ своему удивленію, оказался подъ столомъ. Мнѣ кажется, что такой, нѣсколько анекдотичный разсказъ, лучше всего можетъ характеризовать настроеніе Правительства въ смыслѣ полнаго отсутствія руководящей идеи для борьбы съ возникающими безчинствами.

На улицахъ, между прочимъ, начиналась форменная рѣзня, и ночь была проведена чрезвычайно тревожно.

27-го февраля Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Князь Голицынъ, увѣдомилъ меня, что онъ подалъ въ отставку, какъ и всѣ члены Правительства.

Такимъ образомъ, создалось такое безвыходное положеніе, передъ которымъ меркли всѣ самыя широкія революціонныя идеи.

При наличіи военныхъ дѣйствій и войны, при необходимости самаго строгаго порядка и самаго отвѣтственнаго исполненія Правительствомъ своихъ обязанностей, при наличіи нарождавшейся революціи — въ столицѣ не оказалось центральной власти. Изъ Ставки никакихъ распоряженій отъ Императора Николая II не поступало, и городъ Петроградъ былъ предоставленъ нарождающейся безбрежной анархіи.

Какъ я уже говорилъ, былъ разгромленъ Арсеналъ, горѣлъ Окружный Судъ, горѣли и разгромлялись всѣ полицейскіе участки, и отъ власти никакихъ указаній и распоряженій, что дѣлать, не было. Государственной Думѣ ничего не оставалось другого, какъ взять власть въ свои руки и попытаться хотя бы этимъ путемъ обуздать нарождавшуюся анархію и создать такую власть, которую бы послушались всѣ, и которая способна была прекратить нарождающуюся бѣду.

Конечно, можно было бы Государственной Думѣ отказаться отъ возглавленія революціи, но нельзя забывать создавшагося полнаго отсутствія власти и того, что при самоустраненіи Думы сразу наступила бы полная анархія и Отечество погибло бы немедленно.

Дума была бы арестована и перебита въ полномъ составѣ бунтующими войсками, и властъ сразу очутилась бы у большевиковъ, а между тѣмъ Думу надо было беречь хотя бы какъ фетишъ власти, который все же сыгралъ бы свою роль въ трудную минуту.

Предсѣдатель Государственной Думы еще 26 числа послалъ Государю Императору телеграмму: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца». Но Царь не внялъ предупрежденію главы народнаго представительства. 27 февраля Предсѣдателемъ Государственной Думы была отправлена еще болѣе категорическая телеграмма Государю Императору:

«Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба Родины и династіи». Но и на эту телеграмму Предсѣдатель Государственной Думы отвѣта не получилъ. Уже здѣсь въ Сербіи я еще разъ получилъ отъ бывшаго тогда начальника почтоваго управленія г. Похвиснева увѣреніе, что мои обѣ телеграммы были въ точности доставлены по адресу. Только 28 февраля генералъ Рузскій увѣдомилъ, что Государь Императоръ, наконецъ, рѣшился даровать странѣ отвѣтственное министерство и поручаетъ Предсѣдателю Государственной Думы сформированіе кабинета.

Этимъ манифестомъ, однако, положеніе запуталось еще болѣе, ибо, пока происходили сомнѣнія и колебанія Императора Николая II, событія шли своимъ чередомъ и разрѣшенія отъ него не ожидали.

Временный Комитетъ Государственной Думы

Уже 27 февраля былъ образованъ Временный Комитетъ Государственной Думы для сношенія съ населеніемъ и для приведенія расшатанныхъ устоевъ въ нормальное состояніе, который обратился къ населенію со слѣдующимъ воззваніемъ: «Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго Правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и Армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго Правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ».

Между тѣмъ вышеупомянутый манифестъ возвращалъ все происшедшее въ старое русло, вернуть же вспять бурное революціонное теченіе манифестомъ уже не представлялось возможнымъ.

Съ другой стороны, Предсѣдателю Государственной Думы оставить Государственную Думу безъ главы, принявъ въ свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможнымъ, такъ какъ Дума была временно распущена, и выбирать ему замѣстителя было невозможно.

Отреченіе Николая II

Вслѣдствіе этого, Предсѣдатель Государственной Думы вынужденъ былъ отклонить предложеніе, переданное ему черезъ генерала Рузскаго, и заявить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ единственный исходъ для Императора Николая II — это отречься отъ престола въ пользу сына. *

Я утверждаю совершенно категорически, что эта комбинація, внѣ всякаго сомнѣнія, была бы принята, и волненія, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ были бы успокоены. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Николай II не повѣрилъ указаніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и запросилъ своего Начальника Штаба и всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами о томъ, каково ихъ мнѣніе по поводу указаній, сдѣланныхъ ему Предсѣдателемъ Государственной Думы.

Телеграммы эти имѣлись въ моемъ распоряженіи, и, если не уничтожены въ Петроградѣ, гдѣ онѣ находятся, то, вѣроятно, документально можно будетъ возстановить то послѣдующее, о чемъ я буду говорить.

Отвѣты Командующихъ фронтами и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго были получены Императоромъ Николаемъ II въ тотъ же день. Всѣ лица, запрошенныя имъ, единогласно отвѣтили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться отъ престола.

Чтобы не быть голословнымъ, помимо моего утвержденія, что эти телеграммы въ подлинникѣ были въ моихъ рукахъ, я процитирую выдержку изъ дневника Императора Николая II, въ свое время опубликованнаго въ печати: «2 марта. Четвергъ. Утромъ пришелъ Рузскій и прочелъ мнѣ длиннѣйшій разговоръ по аппарату съ Родзянко. По его словамъ, положеніе въ Петроградѣ таково, что министерство изъ Членовъ Государственной Думы будетъ безсильно что-либо сдѣлать, ибо съ нимъ борется эсъ-дековская партія въ лицѣ рабочаго комитета. Нужно мое отреченіе. Рузскій передалъ этотъ разговоръ въ Ставку Алексѣеву и всѣмъ Главнокомандующимъ. Въ 12 съ половиной часовъ пришли отвѣты. Для спасенія Россіи и удержанія Арміи на фронтѣ я рѣшился на этотъ шагъ. Я согласился, и изъ Ставки прислали проектъ манифеста. Вечеромъ изъ Петрограда прибыли Гучковъ и Шульгинъ, съ которыми я переговорилъ и передалъ подписанный передѣланный манифестъ. Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ; кругомъ измѣна, трусость, обманъ».

Привожу изъ доклада о поѣздкѣ своей въ Армію одного изъ членовъ Думы записанный со словъ генерала Рузскаго разсказъ о послѣднихъ словахъ отрекшагося Императора: онъ снялъ съ себя фуражку, сталъ передъ образомъ, который былъ въ углу вагона, перекрестился и сказалъ: «Такъ Господу

* Въ разговорѣ моемъ 2 марта 1917 г. съ генераломъ Рузскимъ мною были приведены и мотивы такого мнѣнія. См. Архивъ Русской Революціи. Т. III, Документы къ воспоминаніямъ генерала Лукомскаго, стр. 255 сл.

Богу угодно, и мнѣ надо было давно это сдѣлать». Подписывая поданное генераломъ Рузскимъ отреченіе и отдавая ему текстъ подписанный, онъ сказалъ: «Единственный, кто честно и безпристрастно предупреждалъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко», и съ этими словами повернулся и вышелъ изъ вагона. Привожу эти слова, для меня дорогія и знаменательныя, не для самовосхваленія, а какъ доказательство, что отъ Царя ничего не было скрыто.

Для полученія подлиннаго отреченія Императора Николая II, Предсѣдатель Государственной Думы, который не имѣлъ возможности ни на одинъ шагъ оставить столицу по суммѣ разныхъ причинъ, были командированы: Членъ Государственнаго Совѣта А. И. Гучковъ и Членъ Государственной Думы Шульгинъ. Лица эти, прибывъ въ Ставку въ Псковъ, явились къ Государю и получили уже готовое отреченіе въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

Отреченіе было подписано 2 марта 1917 года.

Здѣсь умѣстно самымъ категорическимъ образомъ отвергнуть и опровергнуть всѣ слухи о томъ, что командированными лицами производились какія-то насильственныя дѣйствія, произносились угрозы, съ цѣлью побужденія Императора Николая II къ отреченію.

Вышеприведенный мною дневникъ Царя не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній, и я съ негодованіемъ отвергаю всѣ эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличіи подобныхъ дѣйствій со стороны лицъ, безупречныхъ по своему прошлому за время своей государственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, Верховная власть перешла, якобы, къ Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возникъ для насъ вопросъ, какія послѣдствія можетъ вызвать такая совершенно неожиданная постановка вопроса и возможно ли воцареніе Михаила Александровича, тѣмъ болѣе, что объ отказѣ за сына отъ престола въ актѣ отреченія не сказано ни слова.

Прежде всего, по дѣйствующему закону о престолонаслѣдіи царствующій Императоръ не можетъ отказаться въ чью-либо пользу, а можетъ этотъ отказъ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцареніе тому лицу, которое имѣетъ на то законное право, согласно акта о престолонаслѣдіи.

Такимъ образомъ, при несомнѣнно возрастающемъ революціонномъ настроеніи массъ и ихъ руководителей, мы, на первыхъ же порахъ, получили бы обоснованный юридическій споръ о томъ, возможно ли признать воцареніе Михаила Александровича законнымъ. Въ результатѣ получилась бы сугубая вспышка со стороны тѣхъ лицъ, которыя стремились опрокинуть окончательно монархію и сразу установить въ Россіи республиканскій строй.

По крайней мѣрѣ, членъ Государственной Думы Керенскій, входившій въ составъ Временнаго Комитета Государственной Думы, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что если воцареніе Михаила Александровича состоится, то рабочіе города Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустятъ.

Идти на такое положеніе вновь воцаряемому Царю, очевидно, въ смутное, тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существеннѣй — это то, что принимая въ соображеніе настроенія революціонныхъ элементовъ, указанныя членомъ Государственной Думы Керенскимъ, для насъ было совершенно ясно, что Великій Князь процарствовалъ бы всего нѣсколько часовъ, и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе въ стѣнахъ столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ.

Для насъ было ясно, что Великій Князь былъ бы немедленно убитъ и съ нимъ всѣ сторонники его, ибо вѣрныхъ войскъ уже тогда въ своемъ распоряженіи онъ не имѣлъ и поэтому на вооруженную силу опереться бы не могъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ поставилъ мнѣ ребромъ вопросъ, могу ли ему гарантировать жизнь, если онъ приметъ престолъ, и я долженъ былъ ему отвѣтить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имѣлъ за собой. Даже увезти его тайно изъ Петрограда не представлялось возможнымъ: ни одинъ автомобиль не былъ бы выпущенъ изъ города, какъ не выпустили бы ни одного поѣзда изъ него. Лучшей иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ: когда А. И. Гучковъ вмѣстѣ съ Шульгинымъ вернулись изъ Пскова съ актомъ отреченія Императора Николая II въ пользу своего брата, то Гучковъ отправился немедленно въ казармы или мастерскія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, собралъ послѣднихъ и, прочтя имъ актъ отреченія, возгласилъ: «Да здравствуетъ Императоръ Михаилъ», но немедленно же онъ былъ рабочими арестованъ съ угрозами разстрѣла, и Гучкова съ большимъ трудомъ удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшаго полка. Несомнѣнно, что были и сторонники Великаго Князя Михаила, и его воцареніе означало бы начало гражданской войны въ столицѣ. Возбуждать же гражданскую войну, при наличіи войны на фронтѣ и яснаго пониманія нами, что гражданская война вызоветъ такую смуту въ тылу, которая лишитъ Дѣйствующую Армію необходимаго подвоза пищевыхъ и боевыхъ припасовъ, — на это могъ рѣшиться только Ленинъ, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась въ этотъ ужасный моментъ не въ возбужденіи страстей, а въ умиротвореніи и приведеніи взволнованнаго моря народной жизни въ должное успокоеніе. Такой мѣрой было, несомнѣнно, отреченіе Императора Николая II и воцареніе Цесаревича Алексѣя Николаевича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Но упущеніе времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. Въ революціонную эпоху событія мчатся съ такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможнымъ, завтра дѣлается уже невозможнымъ къ осуществленію. Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Возставшее населеніе столицы уже признало, что Государственная Дума приняла на себя власть, и поэтому пришлось ограничиться избраніемъ Временнаго Комитета изъ состава Государственной Думы, которому и поручены были дальнѣйшія мѣропріятія по умиротворенію столицы и страны.

Временный Комитетъ Государственной Думы и Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ

Долженъ здѣсь отмѣтить, что, въ силу своего партійнаго состава, Государственная Дума принуждена была во Временный Комитетъ избрать представителей разныхъ теченій, и эта неоднородность состава Временнаго Комитета, какъ мы это увидимъ дальше, послужила значительнымъ тормазомъ къ его авторитету и къ возможности, опираясь на реальную силу, принимать надлежащія мѣры къ водворенію порядка.

Гибельный недостатокъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность созданнаго Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Временнаго Правительства, обнаружился на первыхъ же порахъ. Когда обсуждался

вопросъ о томъ, надлежитъ ли Государственной Думѣ сразу вступить во всю полноту Государственной власти въ виду революціоннаго настроенія, членъ Государственной Думы Керенскій, на требованіе Предсѣдателя Государственной Думы, въ случаѣ положительнаго разрѣшенія вопроса предоставить въ его руки полную власть во всемъ объемѣ и безусловно слѣпое повиновеніе всѣмъ его распоряженіямъ, заявилъ, что онъ признаетъ это условіе необходимымъ, но можетъ ему подчиниться постольку, поскольку онъ не связанъ съ состояніемъ его въ должности товарища Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Итакъ, въ зародышѣ уже новая власть получила первородный грѣхъ — это двоевластіе.

28 февраля Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ воззваніе: «Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть больше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба Царское Правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ Правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ Правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27 февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы, немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться для полнаго устраненія стараго Правительства и созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права».

Вы видите, что въ этомъ воззваніи демократическіе слои и наиболѣе революціонные элементы призывались къ исключительному единенію и повиновенію своему выборному органу — Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, конечно, существовалъ, хотя и тайно, безъ перерыва, начиная съ 1905 года, и своей агитаціонной дѣятельности не прекращалъ.

Изложенное мною должно убѣдить всякаго, даже предубѣжденнаго противъ Государственной Думы, что послѣдняя совершенно не была внутри себя подготовлена къ вспыхнувшей революціи и для воплощенія таковой не имѣла никакого плана и никакой организаціи.

Существованіе подземныхъ революціонныхъ водъ, еле скрытыхъ зыбкою почвою самодержавнаго режима, многими оспаривалось; оспаривалось, быть можетъ, изъ боязни, впасть въ оптимизмъ, увлечься надеждами, но то, что эти воды существуютъ, не было секретомъ. И, когда почву сорвали взрывомъ 26—27 февраля, онѣ мощной рѣкой хлынули въ проломъ и вынесли на поверхность земли революціонную идею пятаго года, революціонную тактику пятаго года и революціонную программу, вмѣстившую важнѣйшіе боевые лозунги того же пятаго года, начиная съ амнистіи и свободы и кончая созывомъ учредительнаго собранія, подлежащаго избранію на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Революція подготовлялась и организовалась внѣ стѣнъ Таврическаго Дворца въ средѣ Исполнительнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, который имѣлъ несомнѣнно опредѣленныя директивы и дѣйствовалъ по заранѣе тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную Думу какъ бы въ видѣ народнаго революціоннаго знамени. Вихрь революціонной вспышки сыгралъ ему въ руку, а слабость и нерѣшительность созданнаго Государственной Думой Временнаго Правительства, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, только способствовали дальнѣйшему, какъ принято выражаться, углубленію революціи. Даже зданіемъ и помѣщеніемъ Государственной Думы сразу же въ первый день овладѣли вооруженные рабочіе, чему воспротивиться было уже невозможно. Но, повторяю, однообразіе плана, руководимаго Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, сказывалось и въ деревнѣ, и въ провинціи, и въ городахъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ.

Фактически же 27 февраля партія соціалистовъ овладѣла Петроградскимъ гарнизономъ и сдѣлалась хозяйкой положенія по этой причинѣ, но до поры до времени скрывала свою игру. Наиболѣе крайніе революціонные элементы, расточая цѣлый букетъ посуловъ о грядущихъ благахъ путемъ завоеванія ихъ революціей, хотя не задумывались надъ вопросомъ, выполнимы ли эти посулы или нѣтъ, тѣмъ не менѣе имѣли громадный успѣхъ, и этимъ путемъ привлекали къ себѣ массы, и войска гарнизона, и рабочихъ.

Но колебаться было уже поздно, да и невозможно въ виду поступавшихъ тревожныхъ извѣстій о волненіяхъ, начинавшихся въ провинціи. Предсѣдатель Государственной Думы долженъ былъ силою вещей рѣшиться на возглавленіе Государственной Думой Государственной власти.

Еще считаю нужнымъ подчеркнуть, что именно въ это самое время члены Временнаго Комитета, избраннаго Государственной Думой, Чхеидзе и Керенскій, сразу стали на знаменательную платформу «постольку-поскольку», и двоевластіе это проявилось на первыхъ же порахъ.

Повторяю еще разъ, двоевластіе красной нитью проходило черезъ всѣ дѣйствія созданнаго дальнѣйшимъ Временнаго Правительства, которое проявило слабость и безхарактерность, не сумѣло справиться съ этимъ двоевластіемъ и подчинить себѣ, своей Верховной власти, всѣ оттѣнки политической мысли.

Временное Правительство

Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, носящихъ, несомнѣнно, характеръ force majeur, конструкція власти въ первые же дни революціонной эпохи создалась такая: Временный Комитетъ Государственной Думы, избранный съ самыхъ первыхъ часовъ начала революціоннаго движенія, явился источникомъ Верховной власти.

Составляя и назначая Правительство, безспорно, на законномъ правѣ, какъ единственный преемственный источникъ власти и какъ органъ, замѣщающій министровъ въ случаѣ ихъ ухода, онъ основалъ свое право на данномъ ему полномочіи народнаго представительства.

Полнота власти исполнительной была передана Комитетомъ Временному Правительству, и Временное Правительство, говоря словами манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, по почину Государственной Думы возникшее, было признано не только всей Россіей, но и иностранными державами, почему былъ избранъ именно тотъ составъ лицъ во Временное Правительство, который призванъ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы къ власти. Хотя, по первой мысли Императора Николая II, сформированіе перваго отвѣтственнаго министерства онъ предполагалъ поручить Предсѣдателю Государственной Думы, но, какъ я объяснилъ это выше, принять эти порученія я не могъ по разнымъ властнымъ причинамъ, и, кромѣ того, партія кадетъ рѣшительно воспротивилась моему Министерству, о чемъ лидеръ ихъ заявилъ Предсѣдателю Думской фракціи земцевъ-октябристовъ. Безъ участія же кадетской партіи образовать устойчивый кабинетъ было невозможно. Причины были слѣдующія: Князь Львовъ однимъ изъ послѣднихъ указовъ Императора Николая II былъ назначенъ Предсѣдателемъ перваго отвѣтственнаго передъ Палатами Совѣта Министровъ и, такимъ образомъ, носилъ на себѣ преемственность власти, делегированной ему отъ лица еще не сверженной Верховной власти, а къ тому же, учитывая популярность Князя Львова, какъ руководителя дѣятельности Всероссійскаго Земскаго Союза и пріемлемость его кандидатуры для всѣхъ политическихъ группъ, выборъ Предсѣдателя Правительства оставался на немъ. Всѣ остальные министры были избраны изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, каковыми являлись: Милюковъ, Шингаревъ, Гучковъ, Годневъ, какъ безсмѣнный работникъ по контрольнымъ вопросамъ, Владиміръ Львовъ — знатокъ церковныхъ вопросовъ, постоянный предсѣдатель комиссіи Государственной Думы по церковнымъ дѣламъ, Терещенко — крупный финансовый и популярный дѣятель въ Кіевѣ, и, наконецъ, Керенскій, который долженъ былъ быть введенъ въ составъ кабинета по требованію демократическихъ элементовъ, безъ соглашенія съ которыми не было никакой возможности водворить даже подобіе порядка и создать популярную власть.

Указанный мною только-что зародышъ двоевластія проявился на первыхъ же порахъ и позволительно задать себѣ вопросъ, была ли Государственная Дума вообще, а, въ частности, ея Предсѣдатель, облечена тѣмъ полнымъ довѣріемъ и той полнотой власти, которая рисовалась на мѣстахъ, въ провинціи, не преувеличено ли было въ странѣ представленіе о могуществѣ надъ толпой Государственной Думы, и не было ли уже въ столицѣ на первыхъ же порахъ такого тайнаго лозунга среди революціонной демократіи, въ силу котораго на первый планъ выдвигалась Государственная Дума только какъ щитъ, долженствующій прикрыть дальнѣйшія революціонныя дѣйствія.

Позволяю отвѣтить на этотъ вопросъ нѣсколькими, чрезвычайно характерными фактами: 27 февраля, то-есть въ первый день переворота, неизвѣстно по чьему распоряженію, солдаты Петроградскаго гарнизона начали производить аресты, и однимъ изъ первыхъ приведенныхъ въ Думу арестованныхъ сановниковъ стараго режима былъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ. Онъ былъ приведенъ ко мнѣ группою солдатъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, кажется Преображенскаго полка, если память не измѣняетъ мнѣ, и когда я, пораженный этимъ произволомъ, для котораго не сдѣлано было никакого распоряженія, пригласилъ И. Г. Щегловитова пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, солдаты наотрѣзъ отказались выдать его мнѣ, объяснивъ, что они отведутъ его къ Керенскому или въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Когда я попробовалъ проявить свой авторитетъ и строго приказалъ немедленно подчиниться моему распоряженію, то солдаты сомкнулись вокругъ своего плѣнника и съ самымъ вызывающимъ, дерзкимъ видомъ показали мнѣ на свои винтовки, послѣ чего, безъ всякихъ обиняковъ, Щегловитовъ былъ уведенъ неизвѣстно куда.

Лозунги соціальной революціи

Инцидентъ этотъ послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію между мною и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, но онъ былъ улаженъ въ виду того, что выпустить И. Г. Щегловитова на свободу — значило бы подвергнуть его просто-на-просту самосуду толпы, а потому онъ былъ временно задержанъ въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы, а впослѣдствіи, распоряженіемъ Временнаго Правительства, былъ препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

2 марта въ Государственную Думу, къ ея Предсѣдателю, явился Семеновскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ, но съ малымъ числомъ офицеровъ, послѣ моей привѣтственной рѣчи, устроилъ мнѣ шумную овацію, проводилъ съ криками «ура» въ мой кабинетъ, гдѣ въ это время собрался Временный Комитетъ Государственной Думы.

Но немедленно выступившій послѣ моей рѣчи ораторъ, членъ Государственной Думы Чхеидзе, стремился опорочить рѣчь Предсѣдателя Государственной Думы, и посовѣтовалъ семеновцамъ, вновь потребовать меня, дабы я точно и опредѣленно высказалъ свои взгляды по поводу учрежденія въ Россіи демократической республики и разрѣшенія вопроса о землѣ. Когда я пришелъ въ залъ къ Семеновскому полку, настроеніе солдатъ было уже совсѣмъ не то, какимъ было прежде, а, напротивъ, было чрезвычайно агрессивнымъ. Тѣмъ не менѣе, удалось полкъ, взволнованный рѣчью члена Думы Чхеидзе, успокоить ссылкой на то, что всѣ эти вопросы подлежатъ разрѣшенію не представителя Государственной Думы и не Временнаго Правительства, а Учредительнаго Собранія.

3 марта явившійся тоже демонстративно въ Государственную Думу 2-ой флотскій экипажъ держалъ себя еще болѣе агрессивно, и офицеры, его приведшіе, въ большинствѣ случаевъ юные, только-что произведенные мичманы, произносили тутъ же въ залѣ зажигательныя рѣчи, причемъ одинъ изъ нихъ, въ моемъ присутствіи, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что меня нужно, какъ завѣдомаго «буржуя», разстрѣлять, что, повидимому, матросы были не прочь исполнить.

И только благодаря вмѣшательству другихъ офицеровъ, изобразившихъ матросамъ всю нелѣпость ихъ поведенія по отношенію къ Государственной Думѣ и ея Предсѣдателю, мнѣ удалось избѣжать въ этотъ моментъ разстрѣла.

Такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ фактовъ можно вывести заключеніе, что авторитетъ и полнота власти Государственной Думы и ея Предсѣдателя, въ столицѣ, по крайней мѣрѣ, стояли не такъ высоко, какъ казалось съ мѣста. Требовался огромный тактъ, огромное самообладаніе и выдержка, чтобы среди разбушевавшагося моря народныхъ страстей столицы удержать такъ или иначе равновѣсіе и не допустить возникновенія гражданской войны, губительной во всѣхъ отношеніяхъ и опасной для удачнаго завершенія кровопролитнѣйшей борьбы, находящейся въ самомъ апогеѣ своего развитія.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ ясно видно, что уже 27 февраля сформировавшійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ еще названіе Солдатскихъ Депутатовъ, имѣлъ опредѣленную программу дѣйствій въ смыслѣ превращенія политически національнаго переворота въ соціальную революцію, основанную на безпощадной классовой борьбѣ подъ лозунгомъ «углубленія революціи». Его цѣлью уже тогда, очевидно, была жестокая борьба съ буржуазіей во имя побѣды пролетаріата и водворенія его владычества, и, конечно, проводимыя впослѣдствіи кровью и желѣзомъ въ жизнь соціалистическія ученія большевиковъ были въ нѣкоторой степени исповѣдуемы и этой частью революціонной демократіи, зараженной теоріями интернаціонализма.

Точно также очевидно и то, что успѣхи соціалистическихъ партій были обязаны абсолютной солидарности съ ними и готовности поддерживать ихъ вездѣ и всегда тѣхъ запасныхъ батальоновъ, о которыхъ я говорилъ уже, а въ частности батальоновъ Петроградскаго гарнизона. Создавая эти батальоны безъ надлежащаго за ними надзора, правительство создало въ сущности «вооруженный народъ», который въ полной своей разнузданности и выполнилъ кровавыя дѣла.

Руководители движенія не считались вовсе съ національными запросами Россіи, но вели свое дѣло осторожно, идя какъ бы въ союзѣ съ буржуазными элементами въ дѣлѣ подавленія нарождающейся анархіи и приведенія страны къ порядку. Эту скрытую цѣль Временный Комитетъ и Временное Правительство не уяснили себѣ въ достаточной степени и своевременно не поставили вопросъ ребромъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Достаточно упомянуть здѣсь, что производимые въ столицѣ, якобы, самочинные аресты совершались безъ вѣдома Временнаго Комитета Государственной Думы и его распоряженія.

Временный Комитетъ неоднократно объявилъ о незакономѣрности такихъ арестовъ, но они продолжались съ поразительной планомѣрностью, причемъ производившими ихъ воинскими чинами постоянно указывалось имя члена Государственной Думы Керенскаго, какъ руководителя ихъ дѣйствій.

Волненіе въ обществѣ было чрезвычайно и порождало невѣроятное количество затрудненій.

Собравшійся, если память мнѣ не измѣняетъ, 3-го марта офицерскій составъ Петроградскаго гарнизона, собравшись въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, въ зданіи Собранія Арміи и Флота, вынесъ самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста Императора Николая II; ихъ многочисленная депутація явилась ко мнѣ ночью во Временный Комитетъ съ цѣлью поддержать свои резолюціи, и съ трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности пу-

блику. Въ то же время начались агрессивныя дѣйствія и настроенія солдатъ противъ своихъ офицеровъ, образовалась группа офицеровъ-республиканцевъ, и революціонное движеніе стало принимать все болѣе и болѣе острый и сложный характеръ.

Въ скоромъ времени вспыхнулъ Кронштадтскій бунтъ, извѣстный всѣмъ по своему кровопролитному характеру, и, не взирая на численное превосходство Петроградскаго гарнизона надъ Кронштадтскимъ, Временное Правительство ничего сдѣлать съ этимъ бунтомъ не могло, такъ какъ части Петроградскаго гарнизона не соглашались идти усмирять своихъ взбунтовавшихся товарищей.

Номинальный характеръ власти Временнаго Правительства

Мало-по-малу Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ имя и Солдатскихъ Депутатовъ, развивался все болѣе и болѣе, получая поддержку изъ провинціи, главнымъ образомъ отъ запасныхъ батальоновъ, находящихся на мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Пріобрѣтая моральную силу и авторитетъ въ глазахъ революціонной демократіи, а, вѣрнѣе сказать, рабочаго пролетаріата въ столицѣ и на мѣстахъ, онъ немедленно приступилъ къ изобличенію Государственной Думы вообще и ея Предсѣдателя въ частности въ контръ-революціонности и повелъ атаку на Временное Правительство.

На чемъ же основывалось такое обвиненіе Государственной Думы въ контръ-революціонности со стороны революціонной демократіи. Какъ я уже говорилъ, Государственная Дума не хотѣла революціи во время войны, отлично понимая, что перемѣнить Государственный и связанный съ нимъ общественный строй, произвести это потрясеніе и благополучно довести войну до конца — такое дѣйствіе выше силъ и энергіи какого бы то ни было народа. Но, какъ видите, сила хода историческихъ событій оказалась сильнѣе нашей воли, и Государственная Дума была вовлечена и невольно связана съ революціей. Революція пришла снизу, помимо Думы. Но пока дѣло шло о спасеніи Россіи, пока революція базировалась на сознаніи необходимости, во что бы то ни стало, достигнуть побѣды, страна могла оправдать позицію, занятую народнымъ представительствомъ. Но когда классовые интересы и классовая борьба подъ лозунгами «углубленія революціи» стали затушевывать національный интересъ, затемнять величіе родины, ввергая ее въ бездну несчастій и позора, и когда ее вели по пути отказа защищать честь, достоинство и цѣлость родины, когда приходилось отвѣтить на вопросъ: за революцію и противъ Россіи, или обратно, за Россію и противъ революціи, то, конечно, Государственная Дума не могла поступить иначе, какъ отвергнуть такой вопросъ, и потому прослыла очагомъ контръ-революціи.

Такимъ образомъ, вмѣсто согласованныхъ дѣйствій Временнаго Правительства со всѣми слоями населенія, получалось рѣзко и характерно выраженное двоевластіе.

Членъ Правительства Керенскій, занимавшій тогда постъ Министра Юстиціи, состоялъ одновременно съ этимъ и товарищемъ Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и не только получалъ директивы отсюда, но

вынужденъ былъ на первыхъ порахъ постоянно являться на собранія Совѣта, давать объясненія и, естественно, въ качествѣ причастнаго къ этой организаціи лица, вносить порученныя директивы и требовать ихъ проведенія въ нѣдрахъ Временнаго Правительства.

Здѣсь умѣстно будетъ дать хотя бы краткую характеристику А. Ф. Керенскаго, этого яркаго и гибельнаго для Россіи государственнаго дѣятеля. А. Ф. Керенскій для меня, хорошо его знающаго, былъ совершенно ясенъ. Въ высшей степени безпринципный человѣкъ, легко мѣняющій свои убѣжденія, мысли, не глубокій, а, напротивъ, чрезвычайно поверхностный, онъ не представлялъ для меня типа серьезнаго государственно-мыслящаго человѣка. Его рѣчи въ Государственной Думѣ, всегда нервно-истеричныя, были въ большинствѣ случаевъ безсодержательны, въ видѣ фейерверка громкихъ, звонкихъ фразъ, и не всегда даже соотвѣтствовали его внутреннему настроенію. Такъ, напримѣръ, въ началѣ лѣта 1916 года, когда стало очевиднымъ, что Государственной Думѣ нѣтъ больше дѣла и члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить ихъ на каникулы по домамъ, Керенскій разразился громовой рѣчью по адресу своихъ товарищей членовъ Думы. Онъ упрекалъ ихъ въ нежеланіи положить свои труды на пользу Родины, укорялъ ихъ въ томъ, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать въ безконтрольное распоряженіе бездарнаго, развращеннаго Правительства, сыпалъ на ихъ головы упреки въ измѣнѣ и угрожалъ народнымъ гнѣвомъ. Рѣчь была страстная, горячая и стремительная. Я предсѣдательствовалъ въ это время, и, когда А. Ф. Керенскій кончилъ, я, передавъ предсѣдательствованіе своему Товарищу, направился къ выходу изъ зала засѣданія. Здѣсь меня встрѣтилъ Керенскій и сказалъ: «Когда же, наконецъ, Михаилъ Владиміровичъ, Вы насъ распустите — пора и по домамъ, намъ больше дѣлать нечего?» Когда же я высказалъ ему свое несказанное удивленіе по поводу несоотвѣтствованія такихъ словъ съ содержаніемъ только-что произнесенной имъ рѣчи, я получилъ въ отвѣтъ такія слова: — «одно дѣло кафедра, гдѣ требуется подчиненіе партійнымъ лозунгамъ, чтобъ нанести ударъ врагамъ, а другое — это существо дѣла, обсужденное безпристрастно». Въ этомъ отвѣтѣ Керенскій сказался весь по всему своему существу. Я смѣло утверждаю, что никто не принесъ столько вреда Россіи, какъ А. Ф. Керенскій. Любитель дешевыхъ эффектовъ, рисующійся демагогическими принципами, Керенскій былъ всегда двуличенъ, заигрывалъ со всѣми политическими теченіями и не удовлетворялъ рѣшительно никого, — безвольный, безъ всякихъ твердыхъ государственныхъ принциповъ, безспорно тайно покровительствовавшій большевикамъ.

Вѣдь несомнѣнно кромѣ того, что Керенскій способствовалъ ввозу въ Россію въ запечатанныхъ, для видимости только, вагонахъ того букета главарей большевизма, которые, добившись, при помощи, главнымъ образомъ, тѣхъ же революціонированныхъ запасныхъ батальоновъ, власти, залили кровью и покрыли позоромъ всю матушку Россію. Это онъ, несомнѣнно изъ тайнаго сочувствія къ большевикамъ, но быть можетъ и въ силу иныхъ соображеній, побудилъ Временное Правительство согласиться на этотъ преступный актъ. Керенскій не могъ не понимать, къ чему поведетъ эта свобода проповѣди коммунизма и анархіи, и тѣмъ не менѣе не принялъ мѣръ къ огражденію Родины отъ ея растлѣвающаго вліянія. Комментарій тутъ излишенъ.

Хотя Керенскій и балансировалъ во всѣ стороны, однако же справедливость требуетъ напомнить, что нѣкоторое время онъ былъ всеобщимъ ораку-

ломъ, вождемъ и любимцемъ. Имъ увлекались всѣ, вѣря его заманчивымъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ онъ, однако же, ни одного не выполнилъ.

Такъ же точно и Временное Правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо вліянія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обнаруживъ сильный кренъ въ его сторону. Сразу по своемъ вступленіи во власть оно стало какъ бы игнорировать Временный Комитетъ Государственной Думы, но чутко прислушивалось къ мнѣніямъ и преніямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Была даже учреждена спеціальная комиссія, называющаяся «контактной», для согласованности дѣйствій. Однако, никакихъ мѣръ для связи своихъ дѣйствій съ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Правительство не приняло.

Ошибки Временнаго Правительства

21 апрѣля состоялось выступленіе нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, выразившееся въ уличныхъ манифестаціяхъ съ плакатами, на которыхъ было написано: «Долой Милюкова! Долой Временное Правительство!»

Коренная и роковая ошибка князя Львова, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и всѣхъ его товарищей заключалась въ томъ, что они сразу же въ корнѣ не пресѣкли попытку поколебать вновь созданную власть, и въ томъ, что они упорно не хотѣли созыва Государственной Думы, какъ антитезы Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на которую, какъ носительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу съ провозглашеннымъ принципомъ «углубленія революціи», знаменующимъ на самомъ дѣлѣ лишь развитіе національно-политической революціи въ соціально-интернаціональную.

А между тѣмъ, въ концѣ концовъ, необходимость въ такой конструкціи власти была признана, и, распустивъ Государственную Думу, Правительство Керенскаго создало Совѣтъ Россійской Республики при Временномъ Правительствѣ, который вскорѣ палъ подъ давленіемъ и пулеметами большевиковъ. Поэтому совершенно непонятно, почему Правительство князя Львова на первыхъ же порахъ отшатнулось и старалось отмежеваться отъ Государственной Думы, тогда еще весьма популярной въ странѣ и обладающей всѣми возможностями быть буферомъ для Правительства при напорѣ на него чрезмѣрно революціоннаго теченія.

Временное Правительство оказалось, такимъ образомъ, однобокимъ и, подъ настойчивымъ напоромъ гласной кафедры Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣвшихъ свой печатный органъ, не имѣло, съ другой стороны, опоры въ болѣе умѣренныхъ элементахъ страны, не создало такого учрежденія, вокругъ котораго эти умѣренные элементы могли бы объединиться и дать Временному Правительству надежную точку опоры.

Временному Правительству пришлось танцовать на одной лѣвой ногѣ, не имѣя фундамента подъ правой, а поэтому оно, очевидно, и потеряло равновѣсіе, было вовлечено въ водоворотъ все возрастающаго революціоннаго настроенія столицы и удержаться на своихъ принятыхъ позиціяхъ — умиротворенія страны и доведенія ея до Учредительнаго Собранія — конечно, не было уже въ силахъ.

Вотъ та грубая ошибка, которую совершилъ князь Львовъ въ силу своего безволія, а также и умѣренные элементы, входившіе тогда въ составъ руководителей внутренней жизни страны.

Могъ ли бороться съ такимъ явленіемъ Временный Комитетъ Государственной Думы?

Нѣсколько выше мною было указано, что фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войска завладѣли соціалистическія партіи, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой, какъ временнымъ щитомъ. Но въ такомъ же точно положеніи оказалось буржуазное Временное Правительство, потому что войска Петроградскаго гарнизона поддерживали его «постольку-поскольку» его дѣятельность была согласована съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ, при нежеланіи созданнаго Временнымъ Комитетомъ Правительства считаться съ первымъ, Комитету, не обладавшему уже силой штыка, оставался только одинъ путь борьбы — платоническіе протесты, на которые Временное Правительство перестало даже обращать вниманіе, хотя само оно оказывалось безсильнымъ при напорѣ на него съ лѣвой стороны. Между тѣмъ, вліяніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ возрастало очень быстро, распространяясь преимущественно среди Арміи и рабочихъ классовъ. Такъ, всѣ прибывающіе изъ Арміи депутаты, являясь сначала къ Предсѣдателю Государственной Думы, шли засимъ въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и съ невѣроятной легкостью усваивали его теоріи и міросозерцаніе, возвращаясь въ Армію уже сторонниками Совѣта. Явленіе это было повальное и принесло свои пагубные плоды, расшатавъ въ корнѣ дисциплину въ войскахъ.

Для широкой публики остается невыясненнымъ вопросъ, почему Государственная Дума какъ бы стушевалась на первыхъ же порахъ и не проявила достаточной жизненности, не собираясь въ засѣданія и не продолжая своей законодательной работы.

Причины этого явленія довольно сложны и лежатъ, съ одной стороны, въ самомъ существованіи революціоннаго переворота, а съ другой — находятъ себѣ объясненіе отчасти въ неподготовленности членовъ Государственной Думы къ упорному сопротивленію въ революціонной борьбѣ и въ сущности отношеній къ вопросу о созывѣ Государственной Думы въ данный моментъ различныхъ думскихъ фракцій.

Не надо забывать, что Государственная Дума 26 февраля указомъ Императора Николая II была распущена и занятія ея прерваны на неопредѣленный срокъ одновременно съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такимъ образомъ, юридически при дѣйствующей конституціи Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному Комитету Государственной Думы, какъ то разъяснено выше, пришлось возглавить начавшееся революціонное движеніе и взять всю власть въ свои руки, явился естественный вопросъ, что и актъ отреченія Императора Николая II съ передачей Верховной власти Великому Князю Михаилу Александровичу и отреченіемъ отъ нея послѣдняго, должны состояться въ публичномъ засѣданіи Государственной Думы.

Государственная Дума, такимъ образомъ, явилась бы носительницей Верховной власти и органомъ, передъ которымъ Временное Правительство было бы отвѣтственнымъ. Таковъ былъ проектъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому проекту рѣшительно воспротивились, главнымъ образомъ, дѣятели кадетской партіи, а съ нею, само собой разумѣется, и все лѣвое крыло Государственной Думы. Какъ ни настаивалъ Предсѣдатель Государственной Думы на необходимости созыва Государственной Думы, юристы кадетской партіи рѣзко возражали ему на основаніи слѣдующихъ аргументовъ: во-первыхъ, говорили

они, при созывѣ Государственной Думы является юридическая необходимость и созыва Государственнаго Совѣта, если считать, что дѣйствующая конституція остается въ силѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, однако, невозможно было бы подвести обоснованнаго юридическаго фундамента подъ такое толкованіе. Во-вторыхъ, дѣятели кадетской партіи считали, что созывъ Государственной Думы явился бы самъ по себѣ безцѣльнымъ, такъ какъ Государственная Дума въ составѣ своемъ, несомнѣнно, была буржуазная и сдѣлалась бы объектомъ атаки въ цѣляхъ ея сверженія со стороны крайнихъ элементовъ для учрежденія Національнаго или иного собранія, болѣе демократическаго и болѣе подходящаго къ революціонному настроенію страны. Въ третьихъ, указывалось, что при настоящемъ положеніи страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотой власти, до права законодательствовать включительно, такъ какъ событія, сопровождающіяся революціонными эксцессами, могли бы потребовать принятія экстраординарныхъ мѣръ, и необходимость въ этомъ случаѣ санкцій Государственной Думы, какъ это проектировалъ Предсѣдатель Государственной Думы, съ ихъ точки зрѣнія, тормозила бы только планомѣрную дѣятельность Правительства, направленную къ упорядоченію дѣла войны и внутренней жизни Государства. Форма опять побѣдила существо. Дѣятели кадетской партіи просто не хотѣли имѣть дѣйствующую Думу, чтобы пользоваться во всей полнотѣ своею властью. Опять-таки существо дѣла принесено въ жертву формѣ.

Такимъ образомъ, положеніе становилось чрезвычайно запутаннымъ. Если припомнить при этомъ, что еще 27 февраля былъ созванъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, водворившійся, подъ защитой нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, въ зданіи Государственной Думы, — то станетъ совершенно яснымъ, что конфликтъ между Государственной Думой и нарождающимся революціонно-демократическимъ органомъ началъ уже назрѣвать съ самаго начала, остановить же развитіе этого явленія представлялось почти невозможнымъ.

Если принять при этомъ еще въ соображеніе отказъ признанія необходимости созыва Государственной Думы всѣмъ лѣвымъ ея крыломъ, до партіи октябристовъ, то созывъ Государственной Думы — при такихъ условіяхъ упорнаго нежеланія лѣваго крыла созвать Государственную Думу — привелъ бы къ тому, что было бы ясно всей Россіи и всему міру, что въ Государственной Думѣ существуетъ расколъ во взглядахъ на ея тактику и дальнѣйшую организацію Государства.

Возражающіе просто не посѣщали бы Государственной Думы, что для меня было совершенно ясно. Пришлось бы подъ давленіемъ возбужденныхъ умовъ приступить къ новой конструкціи Государственной Думы, путемъ кооптированія въ нее революціонной демократіи, — пришлось бы, можетъ быть, созвать всѣхъ Членовъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ и объявить ихъ Національнымъ Собраніемъ, а это въ свою очередь, послужило бы значительнымъ тормазомъ къ успѣшному и быстрому созыву Учредительнаго Собранія. На послѣднемъ условіи сошлись, однако, всѣ партіи, обѣщая въ этомъ случаѣ объединиться вокругъ созданнаго Временнаго Правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этотъ средній путь.

Не надо забывать при этомъ, что если бы Государственная Дума, возглавившая собою переворотъ, и была, несомнѣнно, авторитетна и популярна въ странѣ, и признавалась бы ею, какъ дѣйствительный источникъ Верховной власти, то это явленіе продолжалось бы недолго, а въ отношеніи настроенія столицы, какъ мною уже представленъ цѣлый рядъ примѣровъ, обнаружилась бы сразу же по-

дозрительность къ Государственной Думѣ революціонныхъ элементовъ, въ смыслѣ ея контръ-революціонности.

При такихъ условіяхъ Предсѣдатель Государственной Думы не могъ принять на себя отвѣтственность созыва Государственной Думы и призналъ болѣе правильнымъ выждать время, когда — для него было ясно, по крайней мѣрѣ яснымъ казалось, — Временное Правительство будетъ вынуждено обратиться къ Государственной Думѣ для того, чтобы въ ней найти опору противъ чрезмѣрнаго развитія революціонныхъ эксцессовъ. Но Временное Правительство на первыхъ же порахъ слишкомъ преувеличивало значеніе своей популярности, силы и вліянія своей власти, а потому ошибочно не использовало популярности Государственной Думы и вовсе не учло того обстоятельства, что крайніе революціонные демократическіе и соціалистическіе круги на самомъ дѣлѣ отнюдь не намѣрены были предоставить всю полноту власти Временному Правительству, состоящему въ большинствѣ своемъ изъ буржуазныхъ элементовъ, и что атака на него воспослѣдуетъ въ ближайшіе дни.

Считаю теперь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, насколько обвиненіе Государственной Думы въ томъ, что она на первыхъ порахъ революціи развратила Армію, по существу своему справедливо.

Приказъ № 1-й

Прежде всего я буду говорить объ исторіи пресловутаго приказа № 1.*

Установилось довольно твердое убѣжденіе, что этотъ приказъ № 1 написанъ и изданъ Государственной Думой или, вѣрнѣе, Временнымъ Комитетомъ ея, и былъ изданъ за подписью Военнаго Министра Гучкова. Но простое сопоставленіе историческихъ датъ разрушаетъ въ корнѣ обвиненіе и подозрѣніе.

Приказъ № 1 появился утромъ 2 марта 1917 года, когда Временное Правительство, въ составъ котораго вошелъ, какъ Военный Министръ, Гучковъ, еще не существовало, оно было сформировано днемъ 2-го марта, и декретъ объ его сформированіи Правительствующему Сенату былъ опубликованъ Временнымъ Комитетомъ за моею подписью лишь 3 марта.

Такимъ образомъ, Гучковъ, какъ Военный Министръ, такого приказа подписать не могъ. Онъ не входилъ въ составъ Временнаго Комитета Государ-

---

Приказъ № 1.

* 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

1. Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2. Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра 3-го сего марта.

3. Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4. Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ственной Думы 1 марта, а былъ привлеченъ къ активной дѣятельности только 3-го марта.

Кромѣ того, я категорически заявляю, что Гучковъ такого приказа не подписывалъ и никакого участія въ его составленіи не принималъ.

Что же касается до Государственной Думы, то изъ предыдущаго моего сообщенія ясно видно, что отношеніе Думы къ Арміи было вовсе не таково, чтобъ задаваться цѣлью ее разрушить. Съ другой стороны фактически не было времени такъ быстро составить и издать столь опасный и вредный въ Государственномъ смыслѣ приказъ. Логическое теченіе дѣла уже поэтому исключаетъ всякую возможность инкриминировать Государственной Думѣ изданіе приказа № 1.

Наконецъ, вѣдь совершенно очевидно, что если Дума возглавляла революцію, то ей прежде всего необходима была бы строго дисциплинированная и послушная армія, а не орда дикихъ, разнузданныхъ людей, не признающихъ ни властей, ни авторитетовъ. Разложеніе и уничтоженіе боеспособности арміи могло быть на руку тѣмъ, для кого сильная скованная армія представляла внушительную угрозу, то-есть Германіи, и вотъ почему я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ нѣмецкомъ происхожденіи приказа № 1-ый.

По крайней мѣрѣ начальникъ одной изъ дивизій дѣйствующей арміи, номеръ ея ускользнулъ изъ моей памяти, генералъ Барковскій, прямо заявилъ мнѣ, что этотъ приказъ въ огромномъ количествѣ былъ доставленъ въ расположеніе его войскъ изъ германскихъ окоповъ.

Вечеромъ 1 марта въ созданную при Временномъ Комитетѣ Военную Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Члена Думы Энгельгардта, явился неизвѣстный солдатъ отъ лица избранныхъ представителей Петроградскаго гарнизона, потребовавшій выработки приказа, регулирующаго на новыхъ основаніяхъ взаимоотношенія офицера и солдата, на что Энгельгардтъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, указавъ на то, что Временный Комитетъ находитъ недопустимымъ изданіе такого приказа.

Тогда солдатъ этотъ заявилъ полковнику Энгельгардту: «не хотите, такъ мы и безъ васъ обойдемся».

Въ ночь съ 1-го на 2-е марта приказъ этотъ былъ напечатанъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ распоряженіемъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, которому абсолютно подчинялись рабочіе всѣхъ типографій

---

5. Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ районныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6. Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

7. Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п. и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности обращеніе съ ними на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петрограда, и неизвѣстнымъ Временному Комитету распоряженіемъ былъ разосланъ на фронтъ.

Когда это дошло до свѣдѣнія Временнаго Комитета, а Временнаго Правительства еще тогда не существовало, Комитетомъ было сдѣлано постановленіе о томъ, что этотъ приказъ считается недѣйствительнымъ и незаконнымъ.

Произошло крупное объясненіе съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и въ результатѣ этотъ послѣдній выпустилъ въ одномъ изъ номеровъ своихъ «Извѣстій» другой приказъ, въ которомъ объявлялось для всеобщаго свѣдѣнія, что приказъ № 1 обязателенъ только для Петроградскаго гарнизона и войскъ Петроградскаго Военнаго Округа.

Но, конечно, вредное дѣло было сдѣлано.

Благодаря чрезвычайно активной работѣ, направленной уже тогда противъ Временнаго Комитета Государственной Думы, я не могу съ увѣренностью утверждать, что распоряженіе Временнаго Комитета, аннулирующее силу и значеніе приказъ № 1, было своевременно напечатано и своевременно получено на фронтѣ.

Въ книгѣ г. Клодъ Анэ «Русская революція», изданной въ Парижѣ въ 1918 году, мы находимъ слѣдующее заявленіе одного изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ г. Іосифа Гольденберга: Приказъ № 1 не былъ ошибкой, это была необходимость. Это не есть редакція Соколова, это есть выраженіе единогласной воли совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ тотъ день когда мы создали революцію, мы поняли, что если мы не разрушимъ прежнюю армію — то она въ свою очередь раздавитъ революцію. Намъ надо было выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались: мы выбрали послѣднюю и примѣнили, смѣю сказать, геніальнымъ образомъ необходимыя средства.

Поэтому самымъ рѣшительнымъ, самымъ категорическимъ образомъ заявляю, что ни Временный Комитетъ, ни Государственная Дума рѣшительно не при чемъ въ его изданіи, а наоборотъ, принимались всѣ возможныя въ то время и зависящія отъ нихъ мѣры къ аннулированію его значенія и даже къ уничтоженію его, и что Гучковъ никогда такого приказа не подписывалъ.

Возможно, однако, что приказъ этотъ и появился въ нѣкоторыхъ экземплярахъ съ подписью Гучкова, но это было не что иное, какъ политическій шантажъ и завѣдомый подлогъ.

По всей вѣроятности участіе Гучкова въ изданіи приказа № 1 смѣшиваютъ съ участіемъ его въ до нельзя ошибочномъ и вовсе ненужномъ учрежденіи Военной Комиссіи Генерала Поливанова, результатъ работы которой вылился въ пресловутой декларации правъ солдата. Но опять таки Гучковъ повиненъ только въ учрежденіи вредной комиссіи Генерала Поливанова, но когда революціонное теченіе взяло въ этой комиссіи верхъ и получился прискорбный результатъ, Гучковъ отказался подписать декларацію, создался министерскій кризисъ, Гучковъ вышелъ въ отставку и декларація была подписана Керенскимъ.

Дѣйствующая Армія и Государственная Дума

Тѣмъ не менѣе, Временный Комитетъ Государственной Думы учелъ возможныя послѣдствія изданія этого приказа, и вслѣдствіе этого немедленно были сформированы партіи изъ Членовъ Государственной Думы и откомандированы въ Дѣйствующую Армію на фронтъ для того, чтобы путемъ личныхъ бесѣдъ

съ солдатами и офицерами разъяснить смыслъ и существо происшедшихъ въ столицѣ событій, значеніе совершившагося переворота и тѣ обязанности, которыя новая форма правленія возлагаетъ на Дѣйствующую Армію. Я позволю себѣ предложить одно изъ моихъ воззваній къ арміи, которое сохранилось у меня въ подлинникѣ и которое ярко подчеркиваетъ мое отношеніе къ офицерамъ и арміи.

Братья Офицеры и Солдаты!

Свершилось великое дѣло. Могучимъ порывомъ народа низверженъ старый строй. Народившаяся свобода сулитъ свѣтлое будущее нашей родины и великой Россіи. Въ эти радостные дни русскій народъ шлетъ свой горячій привѣтъ дорогой, доблестной, самоотверженной арміи.

Братья офицеры и Солдаты!

Врагъ не дремлетъ и зорко слѣдитъ за Вами и за нами. Паденіе старой власти встревожило его, ибо онъ понимаетъ, что освобожденный народъ съ большей силой поведетъ войну къ побѣдоносному концу. Но у него осталась одна надежда — коварная надежда. Онъ надѣется на разстройство фронта, на волненіе среди Васъ, онъ крѣпко надѣется на несогласіе между офицерами и солдатами. Братья офицеры и солдаты! Напрягите всѣ Ваши силы и помогайте другъ другу, старайтесь во что-бы то ни стало сохранить миръ между собой, сохранить порядокъ и дисциплину. Ибо если взволнованные вѣстью о свободѣ, вы хоть на мгновеніе разстроите свои ряды, врагъ можетъ воспользоваться этимъ и нанесетъ Вамъ страшный ударъ. А вѣдь побѣда намъ такъ необходима. Необходима теперь больше, чѣмъ прежде, необходима для того, чтобы сберечь эту долгожданную свободу, которая наконецъ, послѣ тяжкой борьбы пришла къ намъ.

Братья, неужели мы отдадимъ нѣмцамъ свободную Россію?

Да не будетъ этого. Съ Богомъ на врага.

Предсѣдатель Государственной Думы

М. Родзянко.

Точнаго и яснаго пониманія настроенія Дѣйствующей Арміи и отношенія ея къ перевороту мы еще составить себѣ не могли за отсутствіемъ свѣдѣній и быстротой развивавшихся событій, но самый фактъ, что всѣ командующіе фронтами, начиная съ Великаго Князя Николая Николаевича, посовѣтовали Императору Николаю II отречься отъ предстола, служилъ достаточнымъ показателемъ, что къ перевороту, совершившемуся въ Петроградѣ, относятся въ Арміи положительно, а то, что проектъ текста отреченія былъ составленъ въ Ставкѣ и посланъ Императору во Псковъ, ярко потверждаетъ эту мысль.

О томъ, какъ относилась Государственная Дума, ея Временный Комитетъ и Предсѣдатель, лучше всего можно судить по нижеслѣдующимъ документамъ. 27 февраля мною были сказаны слѣдующія слова 9-му запасному кавалерійскому полку въ концѣ рѣчи: «Приглашаю васъ, братцы, помнить, что воинскія части только тогда сильны, когда онѣ въ полномъ порядкѣ и когда офицеры

находятся при своихъ частяхъ. Православные воины, послушайте моего совѣта. Я старый человѣкъ, я васъ обманывать не стану, — слушайте офицеровъ, они васъ дурному не научатъ и будутъ распоряжаться въ полномъ согласіи съ Государственной Думой. Да здравствуетъ Святая Русь!»

На Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года въ обращеніи моемъ къ Правительству были сказаны г. Керенскому такія слова: «Ваша вина — это дезорганизація Арміи, которая не сумѣла противостоять непріятельскому натиску. Причина этой дезорганизаціи не въ войскахъ. Я видѣлъ, какъ наша Армія безъ ружей отбивалась отъ вооруженнаго непріятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха. Неужели Правительство не имѣло силы, а если имѣло, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацію, которая развратила нашего солдата и сдѣлала его небоеспособнымъ?»

Въ резолюціи IV Государственной Думы на томъ же Московскомъ Совѣщаніи въ пунктѣ 2-мъ говорится: «Для достиженія указанныхъ цѣлей боеспособность Арміи должна быть установлена въ кратчайшій срокъ путемъ полнаго устраненія политики изъ Арміи вплоть до избранія Учредительнаго Собранія. Необходимо возстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ, ограниченіе дѣятельности комитетовъ исключительно хозяйственными функціями, проведеніе правъ солдата и гражданина, строгое соотвѣтствіе его гражданскихъ и военныхъ обязанностей предоставленіе Верховному Главнокомандующему возможности осуществить во всемъ объемѣ права, предоставленныя ему закономъ, необходимыя для единаго руководства дѣломъ Арміи».

Если къ этому прибавить, что Армія еще задолго до переворота носила въ себѣ признаки разложенія, о чемъ я говорилъ раньше, то быстрота, съ которою это разложеніе фактически совершилось, станетъ понятной.

Революція сразу смела всѣ традиціонные устои въ Арміи, не успѣвъ создать новые, и спустила вѣковое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цѣли дальнѣйшей борьбы, просто потянулись домой въ виду начавшихся смутъ въ тылу и, конечно, подъ вліяніемъ преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествіе по домамъ шло преступной и кровавой дорогой.

Все, что было возможно, для пресѣченія этихъ явленій Государственной Думой было сдѣлано, но еще разъ повторяю, что развитіе революціоннаго настроенія среди пролетаріата приняло такія формы, бороться съ которыми уже не представлялось возможнымъ, не имѣя поддержки въ вооруженной силѣ, которая, выбитая изъ колеи, отказалась повиноваться Государственной Думѣ и Временному Правительству. Историческій ходъ событій остановить было невозможно.

Активная и упорная работа элементовъ враждебныхъ Государственной Думѣ принесла свои обильные плоды, и значеніе Государственной Думы, не имѣющей уже опоры ни въ войскахъ, ни во Временномъ Правительствѣ, было сначала мало-по-малу поколеблено и въ народныхъ массахъ, а затѣмъ начало блѣднѣть и терять свое значеніе.

Народная мысль пошла за тѣми проповѣдниками, которые завѣдомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить этого они не могутъ.

Возбужденные умы и легковѣрныя сердца приняли это обѣщаніе на вѣру и пошли за тѣми лживыми учителями, которые сулили имъ недобросовѣстно то, чего дать не могли. Государственная Дума дѣлать такихъ обѣщаній не

могла, не поступившись своимъ достоинствомъ и авторитетомъ, и на путь дешевыхъ посулъ не пошла.

Вотъ логическія причины того обстоятельства, что въ періодъ наибольшаго развитія революціоннаго движенія, когда оно достигло зенита — высшей точки своего проявленія, — Государственная Дума, какъ элементъ законности и порядка, а не разрушенія, должна была уступить мѣсто болѣе активнымъ и агрессивнымъ элементамъ революціи.

Я не буду болѣе утомлять вниманія читателей развитіемъ и объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ и событій, которыя привели наше Отечество къ настоящему положенію. Изъ изложеннаго ясно видно, что иного хода событій ожидать было нельзя. Однако, слава Богу, народный умъ начинаетъ просвѣтляться.

Всѣ лже-учителя потеряли, конечно, свой авторитетъ; идеи коммунизма, идеи, якобы, правильнаго распредѣленія всѣхъ земныхъ благъ поровну между всѣми — потерпѣли полное крушеніе.

Для всѣхъ стало очевидно, что вмѣсто пресловутаго лозунга, — равенство, братство и свобода, — странѣ преподносится жесточайшій деспотизмъ, основанный на насиліи, крови, убійствахъ и такомъ произволѣ, о которомъ не мечтало никогда и самодержавное Правительство, уступившее ему мѣсто.

Выводы

Какіе же выводы надлежитъ сдѣлать изъ всего сказаннаго?

Послѣдовательное изложеніе мною наростанія сначала оппозиціонныхъ, а потомъ революціонныхъ настроеній приводитъ къ первому безспорному выводу: невозможно и неправильно приписывать краткосрочной работѣ одного лица или даже одной группѣ лицъ всю вину за вспыхнувшую революцію и отечественную разруху. Послѣдовательныя ошибки въ управленіи Государствомъ, въ цѣломъ рядѣ десятилѣтій, вотъ причина возникновенія революціи въ Россіи. Правящіе классы не отдавали, или не хотѣли отдавать себѣ отчета въ томъ, что русскій народъ выросъ изъ дѣтской распашонки и требовалъ иного одѣянія и иного къ себѣ отношенія.

Постепенное развитіе образованія, развитіе русской науки и литературы, общеніе съ болѣе передовыми, культурными странами, увеличившееся сознаніе въ необходимости уваженія правъ каждаго гражданина, сознаніе въ несомнѣнномъ правѣ населенія знать, что его ожидаетъ завтра, и въ правѣ участія въ рѣшеніи своей судьбы — всѣ эти запросы народной совѣсти встрѣчали постоянный суровый отпоръ Государственной власти, явно не желавшей уступить своихъ позицій и привилегій. Упорная борьба на этой неблагодарной для Государственной власти почвѣ вызвала тотъ историческій ходъ событій, предотвратить и задержать отвѣтственныя послѣдствія котораго и оказалось задачей непосильной слишкомъ поздно призванному къ дѣятельности народному представительству. Послѣднее, какъ элементъ эволюціи, но не революціи, не могло, конечно, устоять противъ долго сдерживаемаго народнаго негодованія. Недаромъ великій сердцевѣдъ и патріотъ Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что всякая революція сильна не столько своими эксцессами и отказомъ признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена въ ея идею. И эта глубокая мысль встрѣчаетъ подтвержденіе и въ нашей Русской революціи, уже впослѣдствіи развившейся въ дикій разгулъ неудержимой пугачевщины. Вѣдь происшедшій въ февралѣ 1917 года переворотъ былъ встрѣченъ всей

страной спокойно и съ одобреніемъ. Наша армія — цвѣтъ населенія — сильная и вооруженная, тоже не возражала противъ него и, очевидно, была за переворотъ. Неужели же не ясно, что отъ Арміи зависѣло положить рѣшительный предѣлъ всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, какъ отъ силы реальной и непобѣдимой внутри страны.

Однако, этого не послѣдовало, а, слѣдовательно, Армія революцію признала и противъ нея не возстала.

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ и второй выводъ. Политика Государственной власти послѣ освободительнаго движенія 1905 года была въ корнѣ неправильной.

Лозунгъ: сначала успокоеніе, а потомъ реформы, оказался нежизненнымъ, такъ какъ народное волненіе и безпокойство имѣло корнемъ своимъ потребность неотложныхъ реформъ, которыя доказали бы, что курсъ Государственнаго корабля рѣшительно измѣненъ, и это обстоятельство, безспорно, внесло бы и успокоеніе.

Изъ моей работы видно, какъ гибельно и пагубно отозвалось на цѣлости Государства возникшее съ первыхъ же поръ революціоннаго движенія двоевластіе, основанное на недовѣріи, на классовой борьбѣ, двоевластіе, возбуждающее и пробуждающее низменные, дурные инстинкты. Да будетъ это обстоятельство намъ яркимъ примѣромъ того, какъ опасны для нашего собственнаго бытія раздоры тамъ, гдѣ должно быть единство и всеобщее пониманіе.

Не будемъ забывать, какъ низко мы пали въ сонмѣ народовъ въ силу разложенія національной Государственности, подъ вліяніемъ содѣянныхъ нами ошибокъ за цѣлый рядъ лѣтъ и, преимущественно, за время смутнаго времени послѣднихъ дней.

Россія въ моментъ развязки міровой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная, поэтому, самой себѣ. Мы сами, своими руками, разрушили нашу красавицу Мать-Родину. Обуреваемые революціонными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почвѣ классовыхъ интересовъ и низменныхъ побужденій, мы не сумѣли понять, что только въ самой себѣ, черпая силы въ родномъ народномъ творчествѣ, — возможно сохраненіе цѣлости и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теоріями, правда, приведенные въ это состояніе всей неурядицей прошлыхъ десятилѣтій, — положили начало разложенію Государства и растлили народную душу.

Преступная пропаганда интернаціонализма, — очевидно, безпочвенная — сдѣлала, однако, свое дѣло. Потухли и принижены были національныя идеи, принижено было и уваженіе къ самимъ себѣ.

Да, Россія одна, и она только сама въ себѣ должна черпать силу для своего возрожденія, и, я скажу, слава Богу. Пусть тѣ страданія, которыя выпали на нашу долю, сметутъ безъ остатка всѣ лживыя понятія объ интернаціонализмѣ, о ненадобности, даже вредѣ національной идеи, о вредѣ народной гордости и достоинства.

Да, Россія осталась одна въ розыгрышѣ міровой эпопеи, который теперь совершается.

Единая, Великая, Недѣлимая, Мощная и самостоятельная Россія никому не нужна кромѣ насъ, русскихъ, и нашихъ единственныхъ братьевъ славянъ, съ которыми насъ связываетъ общность національныхъ интересовъ, хотя, быть можетъ, не всѣми славянскими народами вполнѣ уясненная себѣ и понятая.

Сильная и могучая Россія даже опасна всѣмъ, кромѣ славянскаго міра. И мы видимъ теперь, какъ прежніе союзники въ одинаковой степени какъ и былые и настоящіе враги упорно не желаютъ помочь Россіи избавиться отъ ига большевизма и стать на твердыя ноги. Но пусть убѣдятся всѣ, что всемірнаго мира безъ самостоятельной сильной Россіи быть не можетъ.

И если революція, причинившая намъ столько горя и страданія, пролившая потоки крови братской, измучившая всѣхъ и каждаго, цѣною этихъ страданій приведетъ насъ къ убѣжденію въ необходимости спаять себя въ одно цѣлое, прочное ядро; если послѣдствіемъ всѣхъ кровавыхъ событій террора окажется прочное возрожденіе всѣми понятой и навсегда усвоенной національной идеи, уваженія самихъ себя Русскихъ людей, и убѣжденіе въ наличіи огромныхъ и неизсякаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ нашего родного Отечества войдетъ въ плоть и кровь Русскаго народа, — если произойдетъ такая эволюція народной мысли и возродится неудержимое стремленіе націи создать исключительно своими руками изъ себя дѣйствительно мощный, культурный народъ, руководимый исключительно велѣніями Русскаго сердца, Русскаго ума и Русскихъ интересовъ, то я скажу, что революція сдѣлала въ народномъ самосознаніи огромное завоеваніе.

Намъ не на кого разсчитывать. А между тѣмъ есть-ли согласіе между нами? Всюду партійность и взаимное непониманіе. Партійность можетъ окончательно погубить Россію.

Сейчасъ намъ нужно быть ни правыми, ни лѣвыми, ни соціалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами — намъ нужно быть прежде всего Русскими людьми, безмѣрно любящими Отечество свое и вѣрующими въ его силы, и, несмотря на все наше временное униженіе, мы должны воспрянуть въ духѣ уваженія къ себѣ, къ своей національной идеѣ.

На насъ, Русскихъ людей, выпало тяжелое испытаніе обнаружить силу духа не только во внѣшней борьбѣ, но и во внутренней — съ собственнымъ безсиліемъ и малодушіемъ. Да сумѣютъ русскіе граждане-патріоты выстоять до конца такъ же, какъ выстояли назадъ тому 300 лѣтъ Русскіе люди въ ужасную и въ то же время славную эпоху смутнаго времени иноземнаго нашествія, да найдутъ русскіе люди въ себѣ эту доблесть!

Все пережитое нами, несомнѣнно, есть болѣзнь, болѣзнь тяжкая, но болѣзнь къ росту, — болѣзнь, послѣ выздоровленія отъ которой Русская Государственность должна расцвѣсть еще болѣе мощной и страшной по силѣ своей для всѣхъ.

Къ прошлому возврата нѣтъ и быть не должно, но Россія должна воскреснуть на основаніяхъ горячаго и безграничнаго чувства патріотизма, чувства любви къ своей родной землѣ, чувства сознанія необходимости вновь возсоздать, и въ лучшемъ устройствѣ, нашу великую Родину, памятуя, что въ теченіе тысячи лѣтъ наши предки создавали ее путемъ горя, страданія и потоковъ крови, въ цѣпяхъ рабства и угнетенія, въ тяжкихъ лишеніяхъ и безправіи.

И если послѣдствія тяжкихъ, грубыхъ ошибокъ управленія неправомѣрными взаимоотношеніями гражданъ и иными имъ подобными причинами насъ довели до національнаго униженія, до оскорбленія національной гордости, — то пусть переживаемыя нами страданія, горе и позоръ послужатъ источникомъ очищенія насъ отъ этихъ пороковъ.

И пусть изъ этихъ страданій мы поймемъ, что только вокругъ иныхъ началъ народной жизни можетъ создаться мощное и сильное Государство.

Изъ воспоминаній

Ген. А. С. Лукомскаго

Деникинскій періодъ*

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, я, прежде всего, отправился къ представителю Добровольческой Арміи при Донскомъ Атаманѣ, генералу Эльснеру.

Отъ него узналъ:

Генералъ Алексѣевъ назвалъ себя «Верховнымъ руководителемъ Добровольческой Арміи», но, по прежнему, вѣдаетъ только вопросами финансовыми и внѣшнихъ сношеній.

Добровольческая Армія, пополнившись и отдохнувъ, совмѣстно съ Кубанскими частями, наступаетъ на Екатеринодаръ.

Значительно усилилась армія послѣ присоединенія къ ней отряда полковника Дроздовскаго, прибывшаго походнымъ порядкомъ съ Румынскаго фронта. Тяжелую потерю понесла армія въ лицѣ убитаго въ бою генерала Маркова, командовавшаго дивизіей.

Атаманомъ Войска Донского, въ маѣ мѣсяцѣ, Кругомъ Спасенія Дона, былъ выбранъ генералъ Красновъ; но, въ концѣ августа, въ началѣ сентября, будетъ собранъ Большой Кругъ, который долженъ переизбрать Атамана; въ данное время идетъ предвыборная борьба; главными противниками генерала Краснова являются Харламовъ, Агѣевъ, Сидоринъ, Поповъ и Парамоновъ**; генералъ Красновъ, считая Парамонова наиболѣе опаснымъ, не допуститъ его пребыванія на Дону.

---

* При составленіи описанія этого періода въ моемъ распоряженіи были дѣла политической канцеляріи, бывшей при предсѣдателѣ Особаго Совѣщанія.

Это, конечно, давало мнѣ возможность составить подробное описаніе, пользуясь документальными данными; но, какъ я узналъ, этотъ же періодъ описываетъ генералъ Деникинъ.

Поэтому я рѣшилъ ограничиться краткимъ изложеніемъ событій, остановившись болѣе подробно лишь на сложной внутренней обстановкѣ, въ которой пришлось вести работу на территоріи Донского и Кубанскаго войскъ.

** Харламовъ-бывшій членъ государственной Думы; видный Донской общественный дѣятель; членъ партіи ка-дэ.

Агѣевъ — соціалистъ, донской общественный дѣятель.

Сидоринъ — полковникъ генеральнаго штаба. Принималъ участіе въ борьбѣ при освобожденіи Дона отъ большевиковъ.

Поповъ — генералъ, бывшій походный атаманъ войска донского.

Парамоновъ — членъ партіи ка-дэ; крупный донской общественный и промышленно-финансовый дѣятель.

Затѣмъ генералъ Эльснеръ подтвердилъ мнѣ чисто германофильскую оріентацію генерала Краснова и высказалъ предположеніе, что Красновъ, съ одной стороны, опираясь на нѣмцевъ, а, съ другой стороны, имѣя много вліятельныхъ сторонниковъ среди донского казачества, будетъ вновь выбранъ Донскимъ Атаманомъ.

На другой день я пошелъ къ генералу Краснову.

Донской Атаманъ сталъ жаловаться мнѣ на несправедливое къ нему отношеніе со стороны генераловъ Алексѣева и Деникина, происходящее, какъ онъ выразился, вслѣдствіе того, что его не хотятъ понять. Все его стремленіе, говорилъ онъ, заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность сплотить и обучить молодую Донскую Армію и получить достаточное количество обмундированія, снаряженія, вооруженія и боевыхъ припасовъ; все это можно получить отъ Гетмана Украины, но только съ разрѣшенія нѣмцевъ; это его вынуждаетъ поддерживать хорошія отношенія съ нѣмцами; безъ этого, Донъ ничего съ Украины не получитъ и вновь будетъ раздавленъ большевиками; соглашеніе, которое онъ заключилъ съ Гетманомъ Скоропадскимъ, и хорошія отношенія, которыя онъ поддерживаетъ съ германскимъ командованіемъ, даютъ ему возможность оборонять Донъ; а этимъ онъ прикрываетъ отъ большевиковъ тылъ Добровольческой Арміи и Кубанскаго казачества, и, слѣдовательно, этимъ помогаетъ операціямъ генерала Деникина по очищенію Кубани отъ большевиковъ; наконецъ, его помощь Добровольческой Арміи и Кубанскому казачеству заключается въ томъ, что уже много изъ вооруженія и боевыхъ припасовъ, полученныхъ имъ отъ Гетмана Скоропадскаго, передано въ распоряженіе генерала Деникина и что, и впредь, онъ будетъ дѣлиться съ Добровольческой Арміей всѣмъ, что будетъ получать отъ Украины.

«А вѣдь все это, добавилъ генералъ Красновъ, возможно только при моей германофильской политикѣ, за которую такъ меня ругаетъ генералъ Деникинъ».

Затѣмъ генералъ Красновъ просилъ меня, все то, что онъ мнѣ сказалъ — передать генералу Деникину и сказать, что онъ вообще всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ, будетъ помогать Добровольческой Арміи, но проситъ оказывать ему довѣріе, не преслѣдовать его за вынужденную германофильскую политику и, при первой возможности, оказать Дону помощь, прославъ часть Добровольческой Арміи — съ цѣлью занять Царицынъ.

«Пока Царицынъ въ рукахъ большевиковъ — до тѣхъ поръ постоянная опасность будетъ угрожать и Дону, и Добровольческой Арміи», — закончилъ Красновъ.

Онъ не договорилъ одного:

Кромѣ вынужденной политики по отношенію къ нѣмцамъ, онъ шелъ гораздо дальше. Онъ съ ними заигрывалъ и, считая, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, въ предвидѣніи возможнаго, временнаго, расчлененія Россіи на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, выговаривалъ для Дона часть Ставропольской губерніи, часть Саратовской губерніи и города Царицынъ, Камышинъ и Воронежъ. Считая, что Германія, въ этомъ отношеніи, въ будущемъ, можетъ помочь Дону — онъ все это изложилъ въ письмѣ на имя Императора Вильгельма*.

---

* Письмо Донского Атамана Краснова къ Императору Вильгельму II отпечатано въ Архивѣ Рус. Рев. т. V стр. 210. Прим. Ред.

Копія же съ этого письма, передъ его отправленіемъ, была снята и содержаніе его было извѣстно генералу Деникину и политическимъ противникамъ генерала Краснова на Дону *.

1/14 августа я выѣхалъ изъ Новочеркасска и утромъ 2/15 августа пріѣхалъ на станцію Тихорѣцкую, гдѣ, со своей политической канцеляріей, находился генералъ Алексѣевъ.

Я нашелъ генерала Алексѣева сильно постарѣвшимъ за пять съ лишкомъ мѣсяцевъ, что я его не видѣлъ. Отъ него я узналъ, что взятіе Екатеринодара ожидается со дня на день.

Въ разговорѣ со мной генералъ Алексѣевъ затронулъ два вопроса, которые его сильно безпокоили. Одинъ касался отношеній сложившихся у Командованія Добровольческой Арміи съ Донскимъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ, другой относительно правильности направленія наступленія Добровольческой арміи на Кубань.

Касаясь генерала Краснова, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ меньше, чѣмъ кто другой, склоненъ оправдывать политику Донского Атамана, но что Добровольческая Армія во многомъ зависитъ отъ Дона и просто неразумно напрягать и безъ того натянутыя отношенія.

Что касается наступленія Добровольческой Арміи на югъ, на Екатеринодаръ, генералъ Алексѣевъ высказалъ сомнѣніе въ правильности выбраннаго направленія, добавивъ, что одно время онъ настойчиво отговаривалъ отъ этого генерала Деникина, настаивая на необходимости выйти на Волгу; что теперь, конечно, объ этомъ говорить уже трудно, такъ какъ, въ силу создавшейся обстановки, Добровольческая Армія на долго будетъ привязана къ югу Россіи, но, что лично онъ, вѣроятно, скоро переѣдетъ въ Сибирь.

Эти мысли вполнѣ опредѣленно были высказаны въ письмѣ генерала Алексѣева на имя генерала Деникина, отъ 30 іюня 1918 г., выдержки изъ котораго я и привожу:

---

* Насколько помню, нами было получено впослѣдствіи изъ Донского правительства собщеніе, что посланная генераломъ Красновымъ делегація не была принята германскимъ Императоромъ, и это письмо въ дѣйствительности не было вручено по принадлежности. По своему содержанію это письмо не явилось указаніемъ на что либо новое, не извѣстное Командованію Добровольческой арміей.

26 іюня (9 іюля) 1918 года генералъ Алексѣевъ писалъ генералу Деникину:

. . . «Что въ лицѣ генерала Краснова нѣмецкія притязанія нашли отзывчиваго исполнителя, доказывается прилагаемой копіей его инструкціи, данной уполномоченному Войска Донского въ Кіевѣ генералу Черячукину.

Побужденія этой инструкціи слишкомъ ясны:

а) При помощи нѣмцевъ и изъ рукъ ихъ получить право называть себя «самостоятельнымъ государствомъ, управляемымъ Атаманомъ» (опытъ Украины не смущаетъ).

б) Воспользоваться случаемъ и округлить границы будущаго «государства» за счетъ Великороссіи, присоединеніемъ пунктовъ, на которые «Всевеликое» отнюдь претендовать не можетъ.

в) За эту . . . . Родинѣ (позволю себѣ назвать такъ всю инструкцію) нѣмцы должны снабдить войско боевыми припасами, принадлежащими всей Россіи.

г) За будущія заслуги нѣмцевъ Войско, въ лицѣ атамана, предоставитъ имъ выгоды торговыя и «будетъ держать вооруженный нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ Державамъ, не посягающимъ на неприкосновенность Войска и Юго-Восточнаго Союза, и не допуститъ никакой вражеской силы на его территоріи . . .

Это послѣднее столь опредѣленное выраженіе должно остановить на себѣ особое вниманіе Добровольческой Арміи . . .»

«Долженъ откровенно сказать, что обостренность отношеній (между генераломъ Красновымъ и Командованіемъ Добровольческой арміи), достигшая крайнихъ предѣловъ и основанная менѣе на сути дѣла, чѣмъ на характерѣ сношеній, на тонѣ бумагъ и телеграммъ, парализуетъ совершенно всякую работу. Мы отъ Дона зависимъ еще во многомъ..... Если денегъ не получу..... (отъ союзниковъ), то единственный источникъ — снова идти къ Дону, ибо Вы знаете, что на Кубани получить ничего нельзя. При нашихъ отношеніяхъ я не знаю, какимъ придется мнѣ идти путемъ, чтобы обезпечить существованіе еще на мѣсяцъ (5 милліоновъ), необходимый для обязательнаго выхода нашего на Волгу. Только тамъ я могу разсчитывать на полученіе средствъ. Оставаясь въ гниломъ углу Кубани, мы должны черезъ 2—3 недѣли поставить безповоротно вопросъ о ликвидаціи арміи .....»

.....«Мой выводъ личный, что углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели, что обстановка зоветъ насъ на Волгу, гдѣ, повидимому, сосредоточаться, по указанію и при содѣйствіи нѣмцевъ, всѣ усилія большевиковъ, чтобы сломить чехо-словаковъ и тѣмъ разрушить планъ созданія Восточнаго фронта. Есть свѣдѣнія, что нѣмцы добиваются выдачи имъ чехо-словаковъ по мѣрѣ ликвидаціи ихъ силъ. Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ; мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ».

Переговоривъ съ генераломъ Алексѣевымъ, я въ тотъ же день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ генералу Деникину, поѣздъ котораго подвигался непосредственно за войсками, наступавшими на Екатеринодаръ.

Вечеромъ 2/15 августа я былъ уже у генерала Деникина.

Онъ, съ минуты на минуту, ожидалъ донесенія о занятіи Екатеринодара.

Въ тотъ же вечеръ имъ былъ подписанъ приказъ о назначеніи меня помощникомъ Командующаго Добровольческой арміи.

Рано утромъ 3/16 августа было получено донесеніе о занятіи Екатеринодара, и нашъ поѣздъ туда двинулся.

Генерала Деникина очень безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ сложаться отношенія между Командованіемъ Добровольческой арміи и Кубанскими атаманомъ и правительствомъ.

Чтобы понять причины, вызывавшія это безпокойство, надо вернуться нѣсколько назадъ.

Кубанскій Атаманъ, полковникъ Филимоновъ, Кубанское Правительство, во главѣ съ Л. Л. Бычемъ, и Кубанская Законодательная Рада, во главѣ со своимъ предсѣдателемъ Н. С. Рябоволомъ, съ небольшимъ Добровольческимъ и Кубанскимъ отрядами, присоединились къ Добровольческой Арміи еще въ мартѣ 1918 года во время перваго Кубанскаго (названнаго «ледянымъ») похода.

Послѣ неудавшейся попытки занять Екатеринодаръ и смерти генерала Корнилова, вся перечисленная группа кубанскихъ дѣятелей отошла вмѣстѣ съ Добровольческой арміей на территорію Дона и съ тѣхъ поръ неотлучно находилась при Добровольческой арміи.

Передъ вторымъ Кубанскимъ походомъ Добровольческой арміи кубанскіе политическіе дѣятели (члены правительства и законодательной Рады) сами подняли вопросъ о томъ, не лучше ли имъ сложить съ себя полномочія, если Командованіе арміи считаетъ, что они, чѣмъ либо, могутъ затруднить его дѣятельность. Но генералы Алексѣевъ и Деникинъ признали, что присутствіе при

арміи не только Кубанскаго Атамана, но и правительства съ законодательной Радой Кубанскаго войска, принесетъ общему дѣлу пользу и будетъ способствовать организаціи возстанія среди Кубанскихъ казаковъ противъ большевиковъ и формированію кубанскихъ частей. Слухи о возможности направленія Добровольческой Арміи на Волгу волновали представителей Кубанскаго Войска и Кубанская Законодательная Рада, обсудивъ въ своемъ засѣданіи 2/15 мая 1918 года политическое и военное положеніе Кубанскаго края, вынесла слѣдующее постановленіе:

«Кубанская законодательная Рада находитъ:

1. Что первѣйшей и основной задачей Кубанскаго правительства должно, по прежнему, являться очищеніе кубанскаго края отъ большевисткихъ бандъ и прочихъ анархическихъ элементовъ и возстановленіе на его территоріи твердаго государственнаго порядка.

Для достиженія этой цѣли необходимо продолженіе героической дѣятельности Добровольческой арміи, дѣйствующей въ полномъ согласіи съ Кубанскимъ Правительствомъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что оздоровленіе и возстановленіе государства Россійскаго невозможно безъ предварительнаго установленія порядка на югѣ, Рада выражаетъ пожеланіе, чтобы Добровольческая Армія, совмѣстно съ Кубанскими войсками, въ первую же очередь приступила къ освобожденію отъ совѣтской власти Кубанскаго края.

2. По вопросу объ отношеніи къ Австро-Германіи, въ связи съ занятіемъ г. Ростова на Дону германскими войсками, Рада считаетъ, что, въ настоящее время, вооруженная борьба съ центральными державами представляется нецѣлесообразной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ, что, во имя свободы и независимости Кубанскаго края, необходимо принять всѣ мѣры для предотвращенія возможнаго продвиженія германской арміи въ предѣлы краевой территоріи безъ согласія на то Кубанскаго Правительства.

3. Для успѣшности борьбы съ анархіей и установленія общихъ отношеній съ Украиной и Германіей необходимо полное единеніе Кубанскаго края съ Дономъ и другими южными областями.

4. Для заключенія союзныхъ отношеній съ Дономъ, выясненія цѣлей германскаго движенія и опредѣленія отношеній съ Украиной — Рада находитъ необходимымъ отправить въ Новочеркасскъ, Ростовъ на Дону и Кіевъ делегацію, снабдивъ ее соотвѣтствующими полномочіями».

Въ чемъ именно заключались эти «полномочія» — командованію Добровольческой Арміи не было точно извѣстно, но данныя о дѣятельности делегаціи, полученныя впослѣдствіи, указывали на то, что она стремится договориться съ Дономъ, Украиной и нѣмцами съ цѣлью обезпечить себя отъ большевиковъ и получить возможность приступить къ мирному строительству края.

На совѣщаніи въ Новочеркасскѣ, 10/23 іюня, генерала Алексѣева съ Кубанскимъ Правительствомъ, во главѣ съ Л. Л. Бычемъ, Кубанцы допытывались, какъ отнесется Командованіе Добровольческой Арміи къ соглашенію Кубани съ Украиной, а черезъ это и съ нѣмцами.

Основной мотивъ былъ:

«Добровольческая Армія вѣроятно уйдетъ; мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству; большевики же, если Добровольческая Армія уйдетъ и мы не сговоримся съ Украиной и нѣмцами, насъ раздавятъ».

Генералъ Алексѣевъ обрисовалъ всю обстановку и, не отрицая возможности ухода Добровольческой Арміи, если нѣмцы займутъ Царицынъ, указалъ на то, что борьба съ нѣмцами будетъ, вѣроятно, продолжаться на территоріи Россіи, такъ какъ союзники надѣются создать по Волгѣ новый восточный фронтъ, привлекая для этого и чехо-словаковъ; что тогда и Кубань, естественно, войдетъ въ сферу борьбы, ибо Кубанцы, которыхъ будутъ грабить и обирать нѣмцы, возьмутся за оружіе.

Генералъ Алексѣевъ рекомендовалъ пока ни въ какіе разговоры съ нѣмцами не вступать, а если обстоятельства этого потребуютъ, то вступить лишь въ торговое соглашеніе, но отнюдь не политическое или территоріальное; указалъ, что Добровольческая Армія съ нѣмцами ни въ коемъ случаѣ разговаривать не будетъ.

По мѣрѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ во время второго Кубанскаго похода чувствовалось, что Кубанское правительство и Кубанская Законодательная Рада будутъ покорными исполнителями требованій Командованія Добровольческой Арміи лишь до освобожденія края, а дальше возможны серьезныя разногласія изъ-за полнаго расхожденія во взглядахъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Командованіе Добровольческой Арміи, имѣя цѣлью бороться съ большевиками для возсозданія Единой — Великой Россіи и считая своимъ долгомъ быть вѣрнымъ союзническимъ обязательствамъ Россіи, рѣшило освободить отъ большевиковъ Кубань и сѣверный Кавказъ, какъ одну изъ составныхъ частей Россіи, и для полученія возможности на освобожденной территоріи, изъ мѣстныхъ жителей, какъ казаковъ, такъ и не казаковъ, создать прочную армію, съ которой можно было бы приступить къ выполненію главной задачи — освобожденію отъ большевиковъ остальной Россіи.

При этомъ освобождаемый раіонъ долженъ былъ бы явиться продовольственной базой — какъ для арміи, такъ и для снабженія голодающаго населенія Великороссіи; въ связи съ общей задачей по подготовкѣ къ рѣшительной борьбѣ съ совѣтской властью, а возможно, что и съ Германіей, представлялось необходимымъ обезпечить за собой портъ на Черномъ морѣ, черезъ который, послѣ занятія союзниками Дарданелъ и Босфора, можно было бы получать отъ послѣднихъ все необходимое.

Кубанскіе же дѣятели, типа гг. Быча, Рябовола и Макаренко, послѣ очищенія края отъ большевиковъ, прежде всего стремились обезпечить безопасность Кубанскаго края и приступить къ мирному его благоустройству.

Въ этомъ отношеніи крайне характерно заявленіе членовъ Кубанскаго правительства на совѣщаніи съ генераломъ Алексѣевымъ 10/23 іюня — «мы ни съ кѣмъ воевать не хотимъ, а хотимъ приступить къ мирному строительству».

Для многихъ политическихъ дѣятелей Кубани соглашеніе съ Украиной, Дономъ, Терекомъ и Кавказскими народностями — было необходимо лишь въ цѣляхъ самообороны, созданія «суверенаго» государства и установленія у себя въ краѣ покоя и благоденствія.

Они не понимали, что сосѣдство большевистской Великороссіи этого покоя имъ не дастъ.

Хотя они равнялись «по Дону», но, по существу, ихъ политика не вполнѣ совпадала съ Донской.

Я глубоко убѣжденъ, что Донской Атаманъ, генералъ Красновъ, входя въ соглашеніе съ нѣмцами, велъ двойную игру и, страхуя Донъ отъ всякихъ

случайностей, лишь временно «по стратегическимъ (какъ онъ выразился) соображеніямъ» хотѣлъ присоединить къ Дону части сосѣднихъ губерній.

Конечно въ его письмѣ къ германскому Императору и въ сношеніяхъ съ германскимъ командованіемъ есть много такого, чего, даже при создавшейся обстановкѣ, нельзя было писать; его отношенія къ Командованію Добровольческой Арміи зиждилось не на государственныхъ соображеніяхъ, а на личныхъ антипатіяхъ, или, можетъ быть, на желаніи играть первую роль; но все же чувствовалось, что онъ, въ концѣ концовъ, не отдѣляетъ Донъ отъ Россіи, и на борьбу съ совѣтскимъ правительствомъ до конца пойдетъ и поведетъ за собой Донъ.

Кубанскіе же «самостійники» явно отмежевывались отъ Россіи.

Чувствовалось, что, послѣ освобожденія отъ большевиковъ Кубанскаго края, присутствіе въ немъ Добровольческой Арміи будетъ для этихъ дѣятелей стѣснительнымъ и не желательнымъ.

Было совершенно очевидно, что, при существованіи самостоятельнаго войска Донского, Кубанскіе дѣятели захотятъ обособиться отъ Командованія Добровольческой Арміи; кромѣ того, было опасеніе, что члены Кубанскаго правительства захотятъ совершенно обезсилить Войскового Атамана.

Но генералъ Деникинъ вѣрилъ въ разумъ Кубанскаго казачества, ведущаго такую рѣшительную борьбу съ большевиками, и надѣялся, что Кубань не пойдетъ по пути самостійности.

Утромъ 3/16 августа было генераломъ Деникинымъ лично составлено и подписано письмо на имя Кубанскаго Атамана, въ которомъ указывалось, что обстановка требуетъ, чтобы Атаманъ являлся полноправнымъ главой казачества, независимымъ ни отъ правительства, ни отъ Законодательной Рады; что Командованіе Добровольческой Арміи не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе краемъ, но что кубанскія части всецѣло должны быть подчинены Командованію Добровольческой Арміи и что вопросы обще-государственнаго значенія будутъ рѣшаемы общей правительственной властью *.

Около 12 часовъ нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу г. Екатеринодара.

Черезъ нѣсколько времени генералъ Деникинъ вышелъ на вокзалъ, гдѣ его привѣтствовали представители города, и послѣ краткой рѣчи онъ передалъ составленное имъ письмо Атаману Кубанскаго Казачьяго Войска, полковнику Филимонову.

4/17 августа состоялся торжественный въѣздъ въ городъ генерала Деникина въ сопровожденіи Кубанскаго Атамана и Кубанскаго Правительства. Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ 5/18 августа.

* * *

Изъ территоріи, не входящей въ составъ казачьихъ областей, Командованію Добровольческой Арміи была подвѣдомственна только часть освобожденной Ставропольской губерніи и при штабѣ арміи была образована небольшая гражданская часть.

Генералъ Деникинъ поручилъ мнѣ вѣдать гражданскими вопросами.

Вскорѣ послѣ занятія Екатеринодара былъ освобожденъ отъ большевиковъ

---

* Точнаго содержанія этого письма я не помню и передаю, по памяти, суть его содержанія.

БИБЛІОТЕКА

Новороссійскъ и вслѣдъ за этимъ Черноморская губернія, которая и вошла въ вѣдѣніе Командованія арміей.

Хотя въ вѣдѣніи Командованія Добровольческой Арміи, въ смыслѣ гражданскаго управленія, оказалась очень незначительная территорія и не предвидѣлось, что она скоро значительно увеличится (такъ какъ подлежавшіе освобожденію отъ большевиковъ раіоны сѣвернаго Кавказа почти полностью входили въ составъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, а слѣдовательно и подлежали управленію казачьяго правительства), но съ мѣста возникъ рядъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло многое. Ошибки, въ установленіи гражданскаго управленія и въ принципіальномъ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ частной собственностью (особенно земельный вопросъ), и въ установленіи самоуправленія (городского и земскаго), связаннаго съ выборнымъ закономъ, грозили очень серьезными послѣдствіями.

Я доложилъ генералу Деникину, что разрѣшать эти вопросы кустарнымъ способомъ людьми, которые въ этомъ мало что понимаютъ, не возможно; что я лично считаю себя совершенно не подготовленнымъ для правильнаго ихъ разрѣшенія и считаю необходимымъ, чтобы при генералѣ Алексѣевѣ было образовано особое совѣщаніе по гражданскимъ дѣламъ и соотвѣтствующіе отдѣлы по гражданскому управленію.

Генералъ Деникинъ съ этимъ вполнѣ согласился и по этому вопросу была подана генералу Алексѣеву особая записка.

Пріѣхавшій, по вызову генерала Алексѣева, въ Екатеринодаръ генералъ А. М. Драгомировъ, назначенный помощникомъ Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи, при участіи бывшихъ въ Екатеринодарѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, составилъ положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ, которое и было утверждено генераломъ Алексѣевымъ 18/31 августа 1918 года. *

Впослѣдствіи это положеніе было переработано и измѣнено. Отдѣла Государственнаго устройства не создавалось, а для агитаціонныхъ цѣлей былъ образованъ особый отдѣлъ пропаганды.

На первыхъ же порахъ генералъ Алексѣевъ встрѣтился съ очень серьезнымъ затрудненіемъ въ выборѣ лицъ для назначенія на должности начальниковъ отдѣловъ: въ раіонѣ Добровольческой Арміи подходящихъ было мало, а ѣхали къ намъ съ большой опаской, такъ какъ въ успѣхъ дѣла мало еще кто вѣрилъ и не хотѣли рисковать.

Съ образованіемъ Особаго Совѣщанія надѣялись добиться соглашенія съ казачьими правительствами относительно объединенія въ немъ всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Представители Кубанскаго Правительства и Законодательной Рады, съ первыхъ же дней послѣ освобожденія отъ большевиковъ Екатеринодара, сначала осторожно, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчиво стали добиваться, чтобы Командованіе Добровольческой Арміи предоставило имъ полную свободу во всѣхъ вопросахъ управленія Кубанью.

Прежде всего они заговорили о выдѣленіи Кубанской Арміи.

Опираясь на то, что Донъ имѣетъ свою самостоятельную армію, представители Кубанскаго Правительства считали необходимымъ всѣ Кубанскія

* Положеніе объ особомъ совѣщаніи отпечатано въ Архивѣ Рус. Революціи т. IV, стр. 242. Прим. Ред.

части, входившія въ составъ Добровольческой Арміи, объединить въ Кубанскую Армію, которую, во всѣхъ отношеніяхъ, подчинить Кубанскому Атаману, а уже черезъ него Командующему Добровольческой Арміи.

Затѣмъ они настаивали, чтобы всѣ кубанскіе казаки, находящіеся въ какихъ-либо частяхъ Добровольческой Арміи, были немедленно изъ нихъ выдѣлены и изъ нихъ сформированы чисто Кубанскія части, которыя должны были бы быть включены въ составъ Кубанской Арміи.

Для пополненія же рядовъ Добровольческой Арміи они предлагали изъ населенія Кубанской Области брать въ войска лишь не казачье, такъ-называемое, иногороднее населеніе.

Настаивая на немедленномъ созданіи отдѣльной казачьей арміи, Кубанскій Атаманъ Филимоновъ и предсѣдатель Кубанскаго Правительства Бычъ — указывали на то, что, по ихъ мнѣнію, это должно быть вполнѣ пріемлемо для Командованія Добровольческой Арміи, такъ какъ они, нисколько не возражая противъ подчиненія Кубанской Арміи въ оперативномъ отношеніи Командованію Добровольческой Арміи, этой мѣрой не уменьшаютъ боеспособности арміи.

На засѣданіяхъ, бывшихъ 12/25 и 13/26 августа, подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, совмѣстно съ представителями Кубанскаго Правительства, Командованіе Добровольческой Арміи отнеслось рѣзко отрицательно къ проекту, выдвинутому представителями Кубани.

Генералъ Деникинъ на первомъ засѣданіи очень рѣзко возразилъ противъ домогательствъ Кубанцевъ и во второмъ засѣданіи участія не принималъ.

Кубанскимъ представителямъ было разъяснено, что если во время непрерывныхъ боевъ съ большевиками выдѣлить изъ частей Добровольческой Арміи всѣхъ казаковъ, въ нихъ состоящихъ, то это поведетъ за собой дезорганизацію частей и ослабитъ боевую мощь арміи; что въ будущемъ, по мѣрѣ призыва на службу новыхъ военнообязанныхъ, не казаковъ, казаки будутъ постепенно выдѣляться изъ состава Добровольческихъ частей и изъ нихъ будутъ формироваться чисто казачьи части.

Что касается образованія отдѣльной Кубанской Арміи, Командованіе Добровольческой Арміи категорически отвергло это предположеніе, указавъ, что Добровольческая Армія можетъ успѣшно вести борьбу лишь при условіи, если Кубанскія части, въ зависимости отъ обстановки, будутъ включаться въ составъ опредѣленныхъ отрядовъ, а не составлять отдѣльной арміи, съ отдѣльнымъ командным составомъ и отдѣльными оперативными заданіями.

Кромѣ этихъ причинъ, о которыхъ говорилось въ засѣданіяхъ, были другія, о которыхъ, въ этотъ періодъ, еще стѣснялись опредѣленно говорить представителямъ Кубанскаго Правительства, которые сами еще не высказывали своего недоброжелательнаго отношенія къ Добровольческой Арміи.

Дѣло въ томъ, что среди членовъ Кубанскаго Правительства было нѣсколько человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Правительства, Бычемъ, явно стремились къ образованію, по примѣру Дона, вполнѣ самостоятельнаго Кубанскаго Государства и добивались отстраненія Командованія Добровольческой Арміи отъ какого-либо вліянія на Кубанскія дѣла.

Первымъ этапомъ въ достиженіи своей цѣли и должно было быть образованіе отдѣльной Кубанской Арміи.

Но такъ какъ Кубань еще не вся была освобождена отъ большевиковъ и ссориться съ Командованіемъ Добровольческой Арміи они не смѣли, то и

проводили они свои мысли осторожно, не рискуя открыть всѣ карты и высказаться откровенно.

Для Командованія же Добровольческой Арміи, находящейся на территоріи Кубани, было совершенно не допустимо пойти на встрѣчу домогательствамъ Кубанскихъ самостійниковъ.

Такъ какъ всѣ Кубанскія части безпрекословно подчинялись генералу Деникину и такъ какъ всѣ начальствующія лица изъ состава Кубанскаго казачества совершенно не сочувствовали самостійнымъ стремленіямъ своихъ представителей въ составѣ Кубанскаго Правительства и Законодательной Рады, то это дало возможность генераламъ Алексѣеву и Деникину опредѣленно отклонить домогательства объ образованіи отдѣльной Кубанской Арміи.

Съ этого времени начинается упорная, сначала скрытая, а затѣмъ открытая, борьба Кубанскихъ самостійниковъ съ генераломъ Деникинымъ.

Другой вопросъ, который съ мѣста надо было такъ или иначе разрѣшить, былъ вопросъ финансовый.

Донское Правительство устроило въ Ростовѣ, при отдѣленіи Государственнаго Банка, экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Къ этимъ денежнымъ знакамъ уже привыкло населеніе Дона, и они охотно принимались населеніемъ во всѣхъ раіонахъ, освобождаемыхъ отъ большевиковъ.

Кубанское Правительство заявило, что оно хочетъ выпустить свои денежные знаки.

Добровольческая Армія также должна была откуда-то ихъ получить. Поставить себя, въ этомъ отношеніи, въ полную зависимость отъ Донского или Кубанскаго Правительствъ было невозможно, а выпускать, въ сущности говоря, на той же территоріи новый видъ денежныхъ знаковъ было не желательно.

Было опасно допустить, чтобы каждое изъ новыхъ государственныхъ образованій, для обращенія въ одномъ и томъ же раіонѣ, выпускало столько денежныхъ знаковъ, сколько пожелаетъ.

Для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ и, въ частности, для выясненія возможности устроить единый государственный банкъ, по иниціативѣ генерала Алексѣева, подъ моимъ предсѣдательствомъ, была образована комиссія, въ составъ которой вошли представители Донского и Кубанскаго Правительствъ и всѣ болѣе видные финансовые и банковые дѣятели, бывшіе въ это время на территоріи Дона и Кубани.

На засѣданіяхъ этой комиссіи всѣ, принципіально, высказались, что необходимо образовать единый государственный банкъ, имѣть общіе денежные знаки и эмиссіонное право должно быть предоставлено центральному, объединенному правительству.

Но до какихъ либо практическихъ результатовъ не договорились. Представители Донского и Кубанскаго правительствъ, основываясь на томъ, что объединеннаго правительства еще нѣтъ и что эти основные вопросы правомочны будутъ разрѣшить лишь Донской Большой Войсковой Кругъ и Кубанская Краевая Рада, отказались принять какое-либо рѣшеніе.

Въ сущности же дѣло заключалось въ томъ, что Донскіе представители не считали возможнымъ отказаться отъ своего права выпускать сколько имъ вздумается своихъ денежныхъ знаковъ, а Кубанскіе представители, по примѣру Дона, хотѣли завести свою экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ.

Ясно было, что для правильнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ государственной важности, надо, прежде всего, договориться съ Донскимъ Атаманомъ. До тѣхъ же поръ, пока Донъ будетъ совершенно игнорировать Командованіе Добровольческой Арміи и не пойдетъ по пути объединенія въ одномъ общемъ правительствѣ всѣхъ общегосударственныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ мы не договоримся ни съ Кубанью, ни съ Терекомъ, когда послѣдній будетъ освобожденъ отъ большевиковъ.

Противъ Донского Атамана Краснова на Дону была довольно сильная опозиція за его германофильское направленіе и считалось возможнымъ, что Большой Войсковой Кругъ, который долженъ былъ быть собранъ въ Новочеркасскѣ въ концѣ августа (началѣ сентября), можетъ высказаться противъ оставленія Краснова Атаманомъ и тогда можетъ измѣниться отношеніе Донского Правительства къ Добровольческой Арміи, въ смыслѣ возможности образовать общее правительство, подчиненное генералу Алексѣеву.

Я былъ командированъ въ Новочеркасскъ въ качествѣ представителя генераловъ Алексѣева и Деникина — ко времени открытія Большого Войскового Круга.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, я переговорилъ со многими представителями Донского казачества, съѣхавшимися къ открытію Круга, и вынесъ впечатлѣніе, что, хотя опозиція среди Донской интеллигенціи противъ генерала Краснова довольно сильна, но въ массѣ казачества онъ пользуется популярностью и, вѣроятно, будетъ вновь выбранъ въ Атаманы.

Собравшійся Войсковой Кругъ (18/31 августа) выбралъ своимъ предсѣдателемъ бывшаго члена Государственной Думы Харламова.

Кругъ былъ открытъ рѣчью Атамана.

Генералъ Красновъ прекрасный ораторъ и, надо отдать ему справедливость, рѣчь его была составлена мастерски.

Онъ кратко изложилъ все, что сдѣлано для усиленія Дона по день открытія Круга, и перечислилъ то, что предстоитъ еще сдѣлать.

Не отрицая принятой имъ германской оріентаціи, онъ оправдывалъ ее невозможностью безъ этого получить для Дона отъ Украины вооруженіе, снаряженіе и боевые припасы.

«Да, я принужденъ брать отъ нѣмцевъ снаряды и патроны, но я обмываю ихъ въ чистыхъ водахъ Тихаго Дона и чистыми передаю нашей и Добровольческой арміямъ», — сказалъ генералъ Красновъ.

Послѣ отвѣтной рѣчи предсѣдателя Круга и рѣчи предсѣдателя Правительства, слово было предоставлено мнѣ.

Я сказалъ: «Добровольческая Армія братски привѣтствуетъ Большой Кругъ Всевеликаго Войска Донского.

По иниціативѣ генерала Алексѣева и съ согласія покойнаго Атамана Войска Донского, великаго русскаго патріота, генерала Каледина, въ ноябрѣ 1917 года на территоріи Дона начала формироваться Добровольческая Армія.

Цѣль, которую преслѣдовали генералъ Алексѣевъ, генералъ Калединъ и, вступившій въ декабрѣ 1917 года въ командованіе арміей, генералъ Корниловъ, была борьба съ совѣтской властью, разрушившей государство, освобожденіе Дона отъ большевиковъ и образованіе на Руси твердаго правительства, могущаго объединить всѣхъ русскихъ людей и положить предѣлъ разрухѣ въ Государствѣ и въ арміи.

Господство большевиковъ не оказалось кратковременнымъ, какъ то думало большинство политическихъ дѣятелей, а, наоборотъ, власть ихъ крѣпла, и

начавшееся сумасшествіе стало охватывать все большіе и большіе раіоны. Печальной участи не избѣгли и казачьи области.

Въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ ничтожная по численности, но крѣпкая духомъ Добровольческая Армія, шагъ за шагомъ отстаивая территорію Дона, кровью своей съ нимъ сроднилась.

Въ концѣ января этого года не стало генерала Каледина, а 10 февраля маленькая Добровольческая Армія, не имѣя возможности оставаться въ Ростовѣ, перешла у Аксая на лѣвый берегъ Дона.

14 февраля начался легендарный по своей трудности походъ Добровольческой Арміи къ Екатеринодару съ цѣлью освободить Кубань отъ власти большевиковъ и оттуда продолжать свою государственную работу.

Цѣль эта тогда достигнута не была.

Въ серединѣ апрѣля Добровольческая Армія, отойдя отъ Екатеринодара, гдѣ погибъ генералъ Корниловъ, вновь вступила на территорію Войска Донского.

Къ этому времени началось оздоровленіе Дона отъ тяжкой большевистской болѣзни.

Добровольческая Армія, найдя вновь пріютъ на землѣ Тихаго Дона, оправилась отъ труднаго похода, окрѣпла и пополнилась.

Но и въ этотъ періодъ армія охраняла и очищала южныя и юго-восточныя окраины Дона отъ большевиковъ. Рядъ боевъ съ большевиками у Сосыки, Гуляй-Борисова, Егорлыкской, Цѣлины — за это время стоили арміи болѣе 1500 убитыми и ранеными.

Затѣмъ, при поддержкѣ кубанскихъ казаковъ, Добровольческая Армія пошла освобождать Кубань отъ большевиковъ.

Нынѣ сердце Кубани — Екатеринодаръ — освобожденъ, и очищенъ отъ большевиковъ весь правый берегъ Кубани; освобождается остальная часть Кубани и Ставропольская губернія; части Добровольческой Арміи заняли Новороссійскъ.

Такимъ образомъ, выполняя свою общую государственную задачу, своимъ походомъ, Добровольческая Армія, непосредственно или косвенно, помогала Донскому Войску, освобождая его земли и вмѣсто большевистскихъ позицій создавая ему прочныя границы съ замиреннымъ и дружественнымъ населеніемъ.

Со времени возникновенія Добровольческой Арміи многое измѣнилось:

Большевиками заключенъ позорный Брестскій миръ; создалась самостоятельная Украина; Россія развалилась на рядъ отдѣльныхъ частей, нѣкоторыя изъ которыхъ, позорно забывъ единую Великую Россію, ради мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, готовы идти въ кабалу — къ кому угодно, лишь бы получить временное и обманчивое покойное существованіе.

Большевики продолжаютъ разрушать Россію.

Измученное населеніе сѣверной и центральной Россіи гибнетъ отъ голода, проклинаетъ совѣтскую власть, но, терроризованное, само ничего сдѣлать не можетъ и ждетъ помощи извнѣ.

Донъ и Кубань бьются съ большевиками; возстанія охватываютъ раіонъ Волги; Терекъ ждетъ поддержки, чтобы сбросить ненавистную власть. Но, къ сожалѣнію, и въ этихъ раіонахъ не всѣми сознается, что спасеніе и счастье заключается не въ созданіи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ и областей, а въ возсозданіи единой Великой Россіи.

Добровольческая Армія ставитъ своею задачею борьбу за объединеніе нашей оплеванной и попранной Матери-Родины, за возсозданіе могучей, единой Россіи.

Враги Россіи, тѣ, которымъ выгодно поддерживать разруху въ нашемъ многострадальномъ отечествѣ, не стѣсняются никакими средствами, имѣющими цѣлью задержать ростъ Добровольческой Арміи и посѣять рознь между нею и возрождающимися частями когда-то великаго нашего государства.

Да не будетъ этого!

Мы вѣримъ, что разумъ русскихъ людей возьметъ верхъ, что всѣ честные сыны нашего отечества объединятся въ общей работѣ по возсозданію единой Великой Россіи, единой мощной русской арміи.

Генералы Алексѣевъ и Деникинъ, отъ имени Добровольческой Арміи, поручили мнѣ привѣтствовать васъ, представителей Всевеликаго Войска Донского, и выразить глубокую увѣренность арміи въ томъ, что всѣ слухи о какихъ-то анти-русскихъ и сепаратныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ на Дону — являются злостной клеветой.

Добровольческая Армія увѣрена, что славные Донцы, потомки могучихъ и славныхъ витязей и защитниковъ Руси, и въ настоящій историческій моментъ сумѣютъ разобраться, гдѣ правда и гдѣ неправда, поймутъ свою государственную задачу и, наряду съ внутренней работой по устройству Всевеликаго Войска Донского, всѣ, какъ одинъ, пойдутъ по пути возсозданія Великой Россіи и, объединясь съ Добровольческой Арміей и славнымъ Кубанскимъ Войскомъ, положатъ начало Русской могучей арміи».

Генералъ Деникинъ, по поводу телеграммы отъ предсѣдателя Круга, Харламова, и полученнаго текста рѣчи генерала Краснова, прислалъ мнѣ слѣдующихъ два письма:

Отъ 20 августа (2 сентября): «Генералъ Алексѣевъ получилъ сегодня телеграмму отъ предсѣдателя Круга Харламова съ выраженіемъ чувствъ, одушевляющихъ Кругъ въ отношеніи Добровольческой Арміи.

Между тѣмъ, отношенія къ арміи Атамана были всегда совершенно отрицательными. Между прочимъ, въ своей программной рѣчи, онъ счелъ возможнымъ принятіе нѣмецкой оріентаціи оправдывать нежеланіемъ моимъ идти на Царицынъ, хотя соглашеніе съ нѣмцами послѣдовало ранѣе 15-го мая (совѣщаніе въ Манычской*. Точно также звучитъ оскорбительно фраза его «частное предпріятіе». Такъ названо освобожденіе Добровольческой Арміей трехъ русскихъ областей и Задонья.

Нахожу чрезвычайно желательнымъ, чтобы Вы нашли способъ черезъ членовъ Круга поднять вопросъ о точномъ опредѣленіи Кругомъ отношеній Атамана къ Добровольческой Арміи, которыхъ онъ обязанъ былъ бы держаться въ будущемъ».

Отъ 22 августа (4 сентября): «Въ вопросѣ о конституціи власти на Дону при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ находится нынѣ область, Вамъ надлежитъ держаться слѣдующихъ положеній:

1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегіями, необходима.

2. Кругъ долженъ обязать будущаго Атамана къ прямому, честному и вполнѣ доброжелательному отношенію къ Добровольческой Арміи.

3. Расколъ среди политическихъ партій на Дону, новыя потрясенія, подрывъ и умаленіе атаманской власти совершенно не желательны.

* Совѣщаніе генерала Деникина съ генераломъ Красновымъ, на которомъ послѣднимъ возбуждался вопросъ о направленіи части Добровольческой Арміи на Царицынъ.

Поэтому, если опозиція не имѣетъ прочной почвы подъ ногами и сильныхъ кандидатовъ, и считаетъ нужнымъ поддерживать кандидатуру генерала Краснова, возраженій со стороны Командованія Добровольческой Арміи не будетъ, при соблюденіи п. 2-го.

4. Такъ какъ личная политика генерала Краснова совершенно не соотвѣтствуетъ позиціи, занятой Добровольческой Арміей*, то активной поддержки (напримѣръ публичное выступленіе съ соотвѣтствующей рѣчью, оффиціальный разговоръ и т. п.) оказывать отнюдь не слѣдуетъ.

Изложенное въ пунктѣ 3-мъ надлежитъ сообщить довѣрительно отдѣльнымъ виднымъ представителямъ опозиціи.

5. Выдѣленіе отдѣльныхъ частей Добровольческой Арміи на Царицынскій фронтъ пользы не принесетъ, а среди разнородныхъ элементовъ донскихъ ополченій, астраханскихъ организацій — могло бы вызвать чреватыя послѣдствіями тренія. На Дону остались неиспользованными части новой Донской Арміи; длительность ихъ подготовки значительно больше, чѣмъ мобилизованныхъ Добровольческой Арміи . . .

Во всякомъ случаѣ Добровольческая Армія, какъ только справится со своей задачей на Кубани, будетъ двинута безотлагательно на Царицынъ и поможетъ въ полной мѣрѣ Дону.

При этомъ обязательно подчиненіе дѣйствующихъ на этомъ фронтѣ Донскихъ частей Командованію Добровольческой Арміи.

Незаконченность работы здѣсь подорвала бы въ корнѣ моральное значеніе Добровольческой Арміи и привело бы опять къ «исходному положенію», то-есть окруженію всѣхъ границъ Дона большевиками».

Послѣ перваго засѣданія Круга выяснилось, что выборы новаго Атамана будутъ произведены въ самомъ концѣ сессіи, а первоначально будутъ происходить чисто дѣловыя засѣданія, на которыхъ члены Донского Правительства сдѣлаютъ доклады по своимъ вѣдомствамъ.

Оттяжка выбора Атамана была сдѣлана генераломъ Красновымъ, конечно, съ цѣлью выиграть время, дать перебродить страстямъ и убѣдить Кругъ, что Атаманомъ, для пользы Дона, можетъ остаться только онъ, генералъ Красновъ.

Надо признать, что генералъ Красновъ очень ловко и очень умно направлялъ работу Войскового Круга и достигъ того, что опозиція противъ него постепенно ослабѣла.

Въ рукахъ лидеровъ опозиціи, кромѣ копіи съ письма генерала Краснова на имя Германскаго Императора, были еще два документа, доставленныхъ на Войсковой Кругъ и Командованію Добровольческой Арміи изъ управленія Иностранныхъ Дѣлъ Донского Правительства: выдержки изъ письма генерала Краснова фельдмаршалу Эйхгорну и выдержки изъ протокола совѣщанія** Донского Атамана съ маіоромъ фонъ Кохенгаузенъ, представителемъ Германскаго Командованія въ Ростовѣ.

Письмо на имя фельдмаршала Эйхгорна заканчивалось такъ:

«Я искренно желаю, въ союзѣ съ германскимъ народомъ, не допустить чехо-словаковъ на Донскую территорію, но исполнить это я смогу лишь тогда,

---

* Т. е. невозможность какого-бы то ни было соглашенія съ нѣмцами.

** 26 іюня/9 іюля 1918 г.

когда все населеніе будетъ видѣть, что въ лицѣ германскаго народа мы имѣемъ друзей и союзниковъ, а не враговъ, оккупировавшихъ Донскую землю.

Было бы самымъ выгоднымъ и для Васъ, если бы Вы помогли Донскому Войску окрѣпнуть въ полной мѣрѣ, давъ при этомъ опредѣленное завѣреніе, что, по достиженію сего, германскія войска будутъ выведены изъ предѣловъ Донской области. Тогда Вы могли бы быть увѣрены, что Донское Войско, а за нимъ и весь Доно-Кавказскій союзъ Вамъ преданы, Вамъ благодарны и Вамъ никогда не измѣнятъ.

Вы могли бы быть спокойны за Вашъ тылъ на Украинѣ и за Вашъ правый флангъ въ томъ случаѣ, если бы Державы согласія возстановили восточный фронтъ . . .»

Совѣщаніе Донского Атамана съ маіоромъ фонъ-Кохенгаузенъ касалось, между прочимъ, и Добровольческой Арміи, о которой маіоръ фонъ Кохенгаузенъ хотѣлъ получить самыя точныя свѣдѣнія.

Отвѣты генерала Краснова были очень сдержаны, и получается вполнѣ отчетливое впечатлѣніе, что, не считая для себя возможнымъ совершенно уклониться отъ отвѣтовъ, Донской Атаманъ старался не сказать чего-нибудь такого, что могло повредить Добровольческой Арміи.

Представитель Германскаго Командованія, повидимому, понялъ и учелъ затруднительное положеніе генерала Краснова и не настаивалъ на болѣе ясныхъ и точныхъ отвѣтахъ.

Въ заключеніе маіоръ Кохенгаузенъ выразилъ генералу Краснову свои завѣренія въ томъ, что, послѣ того, что онъ слышалъ, германское правительство, въ его лицѣ, будетъ всячески поддерживать Атамана, содѣйствовать укрѣпленію его власти въ области, какъ въ смыслѣ престижа власти путемъ моральнаго воздѣйствія на населеніе (возвращеніе плѣнныхъ, вопросъ о Таганрогѣ и т. д.), такъ и въ смыслѣ подержки таковой реальной силой, оружіемъ и идя на встрѣчу личнымъ пожеланіямъ Атамана.

Конечно, на Кругу генералъ Красновъ могъ бы объяснить, что все это онъ принужденъ пока дѣлать ради спасенія и укрѣпленія Дона, что цѣль оправдываетъ средства, но опозиція вначалѣ была сильна и, повторяю, оттяжка выборовъ была для генерала Краснова необходима.

Къ моменту выбора Атамана единственнымъ серьезнымъ для него противникомъ былъ предсѣдатель Донского Правительства генералъ Богаевскій.

Но, передъ выборами, на закрытомъ засѣданіи Круга, генералъ Богаевскій огласилъ телеграмму, полученную изъ штаба Германскаго Командованія въ Ростовѣ, въ которой совершенно опредѣленно указывалось, что только при выборѣ Войсковымъ Кругомъ Атаманомъ генерала Краснова, Германское Командованіе будетъ по прежнему относиться доброжелательно къ Войску Донскому; въ противномъ же случаѣ это отношеніе измѣнится *.

---

* Телеграмма генералъ-лейтенанту Денисову (Военный министръ войска Донского и Командующій Донской Арміей).

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

«Его Превосходительству.

По порученію высшаго германскаго командованія имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующее: происшедшее за послѣдніе дни показываетъ, что на Кругѣ имѣется стремленіе ограничить власть Атамана. Въ виду чего предвидится опасность, что будетъ образовано правительство со слабой властью, которое не сможетъ въ достаточной мѣрѣ противостоять многочисленнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ Донского государства.

Генералъ Богаевскій сказалъ на Кругѣ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ его выставляютъ какъ кандидата въ Атаманы; что онъ благодаритъ за честь, но вслѣдствіе необходимости, прежде всего, не осложнять труднаго положенія Дона вмѣшательствомъ нѣмцевъ, онъ заявляетъ о категорическомъ своемъ отказѣ дать согласіе на выставленіе своей кандидатуры въ Атаманы.

Генералъ Красновъ былъ вновь выбранъ Атаманомъ Войска Донского.

Обстановка для Дона была дѣйствительно трудная и сложная; это рѣшеніе Круга было, для даннаго момента, единственно возможное.

* *
*

Командованіе Добровольческой Арміи надѣялось, что генералъ Красновъ постепенно измѣнитъ свою политику по отношенію къ Добровольческой Арміи и будутъ найдены пути соглашенія для образованія одного общаго правительства.

Но, для установленія соглашенія съ Кубанью выборъ Донскимъ Войсковымъ Кругомъ въ Атаманы опять генерала Краснова былъ крайне непріятенъ, такъ какъ знаменовалъ, на первое, во всякомъ случаѣ, время, что политика Дона по отношенію къ Командованію Добровольческой Арміи останется прежней.

Кубань же, какъ я уже сказалъ, равнялась на совершенно независимое Донское государственное образованіе.

Командованіе Добровольческой Арміи стремилось договориться съ Дономъ и Кубанью, но на нѣкоторые вопросы существовали столь непримиримо противоположные взгляды между нами и представителями казачества, что трудно было надѣяться добиться полнаго соглашенія.

Еще 28 іюля (10 августа) Кубанскій Атаманъ, полковникъ Филимоновъ, передалъ генералу Деникину для ознакомленія проектъ декларації Правительства Доно-Кавказскаго Союза, присланный ему Донскимъ Атаманомъ для разсмотрѣнія и подписанія; при этомъ полковникъ Филимоновъ сказалъ, что если генералъ Деникинъ будетъ возражать противъ содержанія декларації, то онъ ее не подпишетъ.

Въ декларації Доно-Кавказскаго Союза, въ первой части, было сказано: «. . . . въ видахъ государственной необходимости атаманы: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Астраханскаго, Войска Терскаго и предсѣдатель союза горцевъ сѣвернаго Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной власти, настоящимъ провозглашаютъ суверенным государтвомъ Доно-Кавказскій Союзъ.

Такъ какъ съ другой стороны высшее командованіе можетъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ только съ такимъ государствомъ, которое по конструкціи своего правительства дастъ увѣренность быть сильнымъ и защищать свою свободу, оно (высшее германское командованіе) видитъ себя вынужденнымъ, до тѣхъ поръ пока это обстоятельство является сомнительнымъ, временно воздержаться отъ всякой поддержки оружіемъ и снарядами. Примѣненіе этого рѣшенія продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ Атаманъ, въ которомъ высшее германское командованіе будетъ увѣрено, что онъ поведетъ политику Донского государства въ направленіи дружественномъ Германіи и который будетъ облеченъ кругомъ полнотой власти, необходимой для настоящаго серьезнаго момента. Я прошу Ваше Превосходительство сообщить объ этомъ еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, къ которому высшее германское командованіе питаетъ самое полное довѣріе, а также сообщить господину предсѣдателю Совѣта Министровъ генералъ-лейтенанту Богаевскому. Подписалъ: Фонъ-Кохенгаузенъ.»

Объявляя объ этомъ, просимъ Васъ, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству нижеслѣдующее: *

I) Доно-Кавказскій союзъ состоитъ изъ самостоятельно управляемыхъ государствъ: Всевеликаго Войска Донского, Войска Кубанскаго, Войска Терскаго, Войска Астраханскаго, Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа и Дагестана, соединенныхъ въ одно государство на началахъ федераціи.

II) Каждое изъ государствъ..... управляется во внутреннихъ дѣлахъ своихъ..... на началахъ автономіи.

III) Законы ..... раздѣяются на общіе и мѣстные.

IV) Свой флагъ, печать и гимнъ.

V) Во главѣ — Верховный Совѣтъ (Атаманы или ихъ замѣстители и главы Союза Горцевъ и Дагестана), избирающій изъ своей среды предсѣдателя, исполняющаго постановленія Верховнаго Совѣта.

VI) При Верховномъ Совѣтѣ — Сеймъ.

VII) О собраніяхъ Сейма.

VIII) Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общіе армію и флотъ. Командующій назначается Верховнымъ Совѣтомъ.

IX) Общіе Министры — Иностранныхъ Дѣлъ, Военный и Морской, Торговли и Промышленности, Путей Сообщенія, Почты и Телеграфа, Государственный Контролеръ и Государственный Секретарь.

X) Временная резиденція — Новочеркасскъ.

XI) Общіе — монетная система, кредитные билеты, почтовыя и гербовыя марки, тарифы: желѣзнодорожный, таможенный и торговый, а также почтовые и телеграфные.

XII) Доно-Кавказскій Союзъ объявляетъ, что онъ находится въ состояніи нейтралитета, и, не будучи въ положеніи войны съ какой либо Державой міра, борется лишь съ большевистскими войсками, находящимися на его территоріи.

XIII) ..... не допускаетъ вторженія на свою территорію никакихъ войскъ.

XIV) Доно-Кавказскій Союзъ настоящимъ изъявляетъ свое намѣреніе, вступить въ торговыя и иныя сношенія съ Державами, которыя признаютъ его Державныя права.

XV) Границы ..... по стратегическимъ соображеніямъ, южная часть Воронежской губерніи со станціей Лиски и городомъ Воронежомъ, а также часть Саратовской губерніи съ городами Камышинымъ и Царицынымъ и колонія Сарепта.

XVI) Доно-Кавказскій Союзъ выражаетъ увѣренность, что нарожденіе его будетъ благопріятно принято всѣми Державами, заинтересованными въ его существованіи, и что онѣ не замедлятъ прислать своихъ представителей, равно какъ и союзъ не замедлитъ послать свои дипломатическія миссіи къ признавшимъ его Державамъ».

Генералъ Деникинъ обратился съ нижеслѣдующимъ письмомъ, отъ 10/23 августа 1918 года за № 51, къ предсѣдателю Донского Правительства **.

---

* Далѣе указываются мною лишь краткія выдержки содержанія пунктовъ декларацiи.

** На поляхъ приводятся резолюціи генерала Краснова, сообщенныя намъ изъ Правительства Войска Донского.

Командующій
Добровольческой Арміей
No. 51

10 августа 1918 года
гор. Екатеринодаръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Его Превосходительству А. П. Богаевскому

Образованіе въ октябрѣ 1917 года Юго-Восточнаго Союза, въ дѣйствительности, осталось только на бумагѣ.

Успѣхи большевиковъ, развалъ казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Терекѣ — не дали возможности провести въ жизнь образованіе Юго-Восточнаго Союза.

Резолюція Генерала Богаевскаго: «Въ докладъ Д. Атаману. Ген. Богаевскій. 13/VIII 18»

Нынѣ обстоятельства вновь позволяютъ вернуться къ мысли создать прочный и сильный союзъ, могущій предотвратить новыя испытанія.

Измѣненію обстановки Донъ и Кубань, въ значительной степени, обязаны Добровольческой Арміи, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

«Армія внѣ политики».

Добровольческая Армія, имѣющая задачей возрожденіе единой великой Россіи, кровью своею сроднилась съ Дономъ и Кубанью и далѣе, передъ выполненіемъ своей основной, исторической задачи, она поможетъ и Тереку освободиться отъ большевиковъ.

При образованіи Юго-Восточнаго Союза въ октябрѣ 1917 года никто не имѣлъ никакихъ сепаративныхъ стремленій и авторы идеи Союза считали, что образованіе союза необходимо лишь временно, до возстановленія единой Россіи.

Составленная же нынѣ правительственная декларація Доно-Кавказскаго Союза вызываетъ самыя серьезныя возраженія:

«Это не вѣрно».

1) Прежде всего создается впечатлѣніе, что идетъ рѣчь о созданіи постоянной федеративной Державы вполнѣ самостоятельной на подобіе «самостійной» Украины.

Авторы этой декларації, какъ бы, думали объ узаконеніи расчлененія Россіи, а не объ ея объединеніи.

«При чемъ тутъ Добровольческая Армія».

2) Совершенно игнорируется Добровольческая армія, которая помогала Дону и Кубани въ борьбѣ съ большевиками.

Даже больше: пунктъ XIII даетъ право думать, что и Добровольческая армія, находящаяся на территоріи союза, можетъ быть признана враждебной.

3) Включеніе съ составъ Доно-Кавказскаго союза Ставропольской губерніи, въ которой уже введено управленіе распоряженіемъ Командующаго Добровольческой арміи, безъ особаго представителя отъ губерніи является недопустимымъ.

Эта губернія можетъ быть включена въ союзъ, лишь какъ полноправный членъ союза, такъ какъ и по размѣрамъ, и по значенію она является значительной, и интересы ея и Добровольческой арміи должны быть вполнѣ обезпечены особымъ ея представителемъ въ Верховномъ совѣтѣ.

«Согласенъ».

4) Пунктъ IV устанавливаетъ особый флагъ Державы, въ то время, когда врядъ ли допустимо имѣть какой либо другой, помимо родного Русскаго.

5) Декларація не можетъ включать въ себѣ такіе пункты, какъ XII, XIII и XIV, которые связываютъ дальнѣйшую политику Державы, веденіе коей возлагается на Верховной совѣтъ.

«Ничего подобнаго».

6) Пунктъ XV особенно подчеркиваетъ стремленіе къ «самостійности» и къ дальнѣйшему расчлененію Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не возражая противъ пользы образованія Доно-Кавказскаго союза, считаю необходимымъ:

«Само собой разумѣется».	1) Опредѣленно указать, что Союзъ образуется временно впередь до возсозданія Россіи.
«Можно».	2) Включить въ составъ проектируемаго Верховнаго Совѣта представителя Добровольческой арміи и Военнаго Генералъ-Губернатора Ставропольской губерніи.
«Никогда».	3) Командующимъ всѣми вооруженными силами Союза назначить Командующаго Добровольческой арміей.
«Совершенно вѣрно, но причемъ тутъ Добровольческая армія».	4) Окончательная редакція декларації должна быть выработана послѣ созыва большого круга на Дону и рады на Кубани, при участіи представителя Добровольческой арміи, игнорировать которую недопустимо.

Подпись: Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности А. Деникинъ.

Резолюціи генерала Краснова ясно указываютъ на непримиримость его по отношенію къ Командованію Добровольческой Арміи.

Договориться съ нимъ, при этихъ условіяхъ и при позиціи, занятой имъ, вольно или невольно, по отношенію къ нѣмцамъ было невозможно.

Оставалась надежда добиться соглашенія съ Кубанскимъ Казачествомъ, а затѣмъ и съ Терскимъ, въ предположеніи, что впослѣдствіи, силою обстоятельствъ, и генералъ Красновъ пойдетъ на уступки.

Въ то же время нельзя не отмѣтить, что, при остро сложившихся отношеніяхъ съ Командованіемъ Добровольческой Арміи, генералъ Красновъ не упускалъ случая, дѣлать оффиціальныя заявленія о лучшихъ чувствахъ, которыя онъ питаетъ къ самой Арміи. Такъ напримѣръ, телеграммой на имя генерала Алексѣева, отъ 14/27 августа, онъ опровергаетъ слухи о скверныхъ его отношеніяхъ къ «дружеской намъ Добровольческой Арміи, которой Донъ такъ многимъ обязанъ и въ которой видитъ будущее Россіи». *

Для точнаго опредѣленія нашихъ отношеній съ казачьими областями и созданія «гражданской конституціи» представлялось необходимымъ выработать особое положеніе, которое, по мѣрѣ освобожденія отъ большевиковъ частей государства Россійскаго, позволяло бы автоматически примѣнять его къ освобождаемымъ раіонамъ.

Генералъ Алексѣевъ считалъ необходимымъ, чтобы положеніе о конструкціи власти и управленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ основывалось на слѣдующихъ принципахъ:

1) Армія — единая.

Командованіе арміей должно быть сосредоточено въ рукахъ Командующаго Добровольческой Арміей.

2) При Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміи образуется «Особое Совѣщаніе» (Правительство), которое и вѣдаетъ всѣми правительственными функціями.

Начальники отдѣловъ назначаются Верховнымъ Руководителемъ Арміи.

---

* Насколько ненормальны были и впослѣдствіи отношенія Донского Атамана къ командованію Добровольческой арміи, показываетъ отвѣтъ генерала Краснова, 9/22 января 1919 г. за No. 92, на запросъ, нѣтъ ли препятствій устроить въ Ростовѣ отдѣлъ пропаганды, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «я категорически возражаю противъ устройства его въ Ростовѣ. На землѣ Войска Донского не можетъ и не должно помѣщаться ни одно изъ учрежденій обще-русскихъ. Это требованіе автономіи Войска».

По примѣру же Донскихъ дѣятелей и Кубанскіе политическіе дѣятели, послѣ освобожденія ихъ территоріи отъ большевиковъ подъ руководствомъ Командованія Добровольческой арміи и беззавѣтной боевой работы Добровольческой арміи, стремились удалить отъ себя все «обще-русское»!

3) Отрасли управленія — внѣшняя политика, военное дѣло, судъ, пути сообщенія и финансы — должны быть общими для всего государства* и вѣдаться соотвѣтствующими отдѣлами «Особаго Совѣщанія», и въ отношеніи ихъ полнота государственной власти принадлежитъ Верховному Руководителю Добровольческой Арміи.

4) Неказачьи территоріи и области подчиняются непосредственно Верховному Руководителю Добровольческой Арміи, который и утверждаетъ положенія объ ихъ управленіи.

5) Казачьи области и другія области, пользующіяся автономнымъ устройствомъ, въ отношеніи частей управленія, не находящихся въ вѣдѣніи общегосударственной власти, управляются на основаніи законовъ, вырабатываемыхъ мѣстными законодательными органами.

6) При Верховномъ Руководителѣ, въ качествѣ законодательнаго органа, можетъ быть образованъ Совѣтъ, въ составъ котораго входятъ члены по выбору отъ освобождаемыхъ областей и по назначенію Верховнаго Руководителя.

Послѣ смерти генерала Алексѣева эта схема подверглась измѣненію лишь въ томъ отношеніи, что функціи Верховнаго Руководителя и Командующаго арміей должны были объединиться въ рукахъ Главнокомандующаго генерала Деникина.

Командованіе Добровольческой Арміи надѣялось, что Кубанскіе политическіе дѣятели пойдутъ въ концѣ концовъ на соглашеніе добровольно, понявъ, что этого требуетъ государственная необходимость.

Считалось, что при подобной «конституціи» и конструкціи высшей правительственной власти — широкая автономія казачьихъ областей будетъ вполнѣ обезпечена и государственный разумъ казачества возьметъ верхъ надъ «самостійными» тенденціями отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей.

Созданіе проекта «конституціи» было поручено К. Н. Соколову съ участіемъ нѣкоторыхъ членовъ кадетской партіи.

Прежде чѣмъ подвергнуть составленное «положеніе» оффиціальному разсмотрѣнію съ представителями Кубанскаго Правительства, признано было желательнымъ, чтобы представители политическихъ круговъ, поддерживавшихъ Добровольческую Армію, позондировали почву частнымъ образомъ.

Но частныя бесѣды показали, что на соглашеніе надежды мало. Кубанскіе дѣятели говорили, что предлагаемая «конституція» есть фактически диктатура, а на диктатуру Главнокомандующаго Добровольческой Арміей они добровольно не согласятся.

«Диктатура устанавливается силой, а не по соглашенію. Если у васъ есть сила, проводить диктатуру — проводите; мы же на это согласіе не дадимъ».

Генералъ же Деникинъ считалъ необходимымъ дѣйствовать убѣжденіемъ и добиться желательнаго результата путемъ соглашенія.

Считалось, что если будетъ достигнуто соглашеніе съ Кубанью, то оно же будетъ принято Терекомъ послѣ освобожденія сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ и затѣмъ будетъ принято и Дономъ.

---

* Были перечислены лишь тѣ отрасли управленія, кои безспорно должны были быть обще-государственными. Относительно другихъ надо было договориться и рѣшить, что должно быть отнесено къ обще-государственному управленію и что могло остаться въ вѣдѣніи мѣстныхъ законодательныхъ органовъ и правительствъ.

На послѣднее надѣялись особенно вслѣдствіе того, что, въ лицѣ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей Дона, мы имѣли, какъ казалось, союзниковъ.

На 26 октября (8 ноября) 1918 года, подъ моимъ предсѣдательствомъ, было назначено согласительное засѣданіе.

Отъ Командованія Добровольческой Арміи на засѣданіи присутствовали А. А. Нератовъ, генералъ Романовскій и В. А. Степановъ.

Отъ Кубани — Л. Л. Бычъ, А. А. Намитоковъ, полковникъ Савицкій, Д. Е. Скобцовъ, полковникъ Успенскій и М. С. Воронковъ.

Особо приглашенные Донскіе политическіе дѣятели — В. Ф. Зеелеръ и В. А. Харламовъ (предсѣдатель Большого Войскового Круга).

Открывая засѣданіе, я сказалъ, что еще въ августѣ была попытка договориться о конструкціи власти, не давшая никакихъ результатовъ; указалъ на невозможность вести работу при существующихъ треніяхъ, и предложилъ вновь договориться, взявъ въ основаніе проектъ конструкціи власти, выработанный нѣсколькими членами партіи народной свободы.

Мною было указано, что въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ вся полнота власти должна принадлежать Главнокомандующему, а въ области остальныхъ вопросовъ надо договориться и выяснить, какіе изъ нихъ должны считаться общегосударственными и разрѣшаться правительствомъ, подчиненнымъ Главнокомандующему, и какіе вопросы должны считаться мѣстными и разрѣшаться мѣстной властью.

Л. Л. Бычъ указалъ, что возможенъ только одинъ путь соглашенія, по которому договаривающіяся стороны образуютъ союзный совѣтъ, который, какъ Верховная власть, выдѣляетъ правительство, облеченное большими полномочіями, и назначаетъ Командованіе, а также опредѣляетъ организацію самой арміи на началахъ воинской повинности.

Съ этими взглядами не согласились представители Добровольческой Арміи.

Представители Дона (особо приглашенные) стали на сторону представителей Добровольческой Арміи, но представители Кубани категорически отказались разсматривать предложенный проектъ конструкціи власти и обѣщали разработать и представить въ ближайшемъ будущемъ, до начала работъ Рады, свой контръ-проектъ.

Привожу здѣсь выдержки изъ рѣчей В. А. Харламова и В. Ф. Зеелера (взято изъ протокола засѣданія, подписаннаго генералъ-лейтенантомъ Лукомскимъ, генералъ-маіоромъ Романовскимъ, Л. Л. Бычемъ и А. А. Намитоковымъ):

«В. А. Харламовъ: Что касается строительства власти, то здѣсь слишкомъ много выдвигается положеній, не соотвѣтствующихъ исключительности момента.

Добровольческая Армія взяла на себя задачу государственнаго строительства, а мѣстныя власти къ этому стремились очень мало.

Установленіе власти путемъ сложенія мѣстныхъ властей — путь очень сложный и длительный, а жизнь требуетъ быстраго рѣшенія. Мнѣ кажется, что Донъ пойдетъ на предоставленіе полноты власти въ области военныхъ и дипломатическихъ вопросовъ Добровольческой Арміи, а въ раздѣлъ 6-ой, трактующій о мѣстной автономіи, придется внести поправки».

«В. Ф. Зеелеръ: Если хотите объединенія Россіи, то нужно создать сейчасъ зародышъ такого объединенія.

И вотъ, создавая общегосударственную власть, я не могу, подобно Л. Л. Бычу, расцѣнивать Добровольческую Армію, какъ территоріальную

представительницу Ставропольской и Черноморской губерній. Я бы хотѣлъ смотрѣть на Добровольческую Армію, какъ на реальную силу, преслѣдующую не мѣстныя, а общегосударственныя задачи; и ни Крымъ, ни Терекъ, ни Донъ не могутъ становиться на одинаковую почву съ Добровольческой Арміей, такъ какъ она, повторяю, имѣетъ не мѣстное, а общегосударственное значеніе.

Первая задача — борьба съ большевиками, для чего необходимо объединить дѣйствіе двухъ имѣющихся реальныхъ силъ — Добровольческой и Донской Армій; нужно образовать общій фронтъ, и для всѣхъ насъ понятно, что выполненіе этихъ задачъ по объединенію нужно передать въ руки Добровольческой Арміи.

Второй вопросъ — разговоръ съ союзниками. Союзники явятся и съ кѣмъ-нибудь связаться пожелаютъ. Естественно, что они обратятъ свои взоры опять на тѣ же двѣ реальныя силы:

Донскую и Добровольческую Армію.

Съ тѣмъ Красновымъ, который послалъ извѣстное письмо въ Берлинъ, они, конечно, разговаривать не пожелаютъ.

Вполнѣ естественно, что руку помощи они протянутъ Добровольческой Арміи, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ за помощью къ нѣмцамъ не обращалась.

Тогда и Дону, и Грузіи, и Украинѣ придется поклониться Добровольческой Арміи.

Нужно придти къ заключенію, что Верховная власть и выполненіе задачи внѣшней политики должны быть отнесены къ центру — Добровольческой Арміи.

Что же касается федераціи и автономіи, то я долженъ сказать, что сколько я ни изучалъ этотъ вопросъ — разницы не вижу; это одно и то же».

Обѣщаннаго контръ-проекта Кубанское Правительство такъ намъ и не прислало.

* *
*

Послѣ занятія, 2/15 августа, Екатеринодара Добровольческая Армія стала развивать операціи противъ Таманской группы большевиковъ, а также дѣйствовавшихъ въ раіонѣ г. Новороссійска и на Черноморскомъ побережьѣ. Во время развитія этой операціи, въ штабѣ Добровольческой Арміи были получены свѣдѣнія, что въ раіонѣ Туапсе и Майкопа дѣйствуютъ противъ большевиковъ возставшіе и ушедшіе изъ своихъ станицъ отряды Кубанскихъ казаковъ, которымъ помогаютъ грузины.

Вслѣдъ за этимъ, съ Туапсе была установлена связь и въ его раіонѣ былъ обнаруженъ небольшой грузинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Мазніева. При этомъ отрядѣ находилось до шести сотенъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Майкопскаго отдѣла.

Грузины помогали казакамъ оружіемъ и боевыми припасами; мы же начали снабжать грузинъ хлѣбомъ. Такъ какъ генералъ Мазніевъ дѣйствовалъ противъ большевиковъ, то Добровольческая Армія установила съ нимъ самую тѣсную связь и смотрѣла на этотъ отрядъ какъ на союзный. Генералъ Мазніевъ обнаружилъ полную готовность помогать Добровольческой Арміи и возставшимъ Кубанскимъ казакамъ.

Къ этому времени относятся первые переговоры по вопросамъ товарообмѣна съ Грузіей.

Генералъ Мазніевъ передалъ въ распоряженіе начальника отряда Добровольческой Арміи одинъ броневой поѣздъ и обѣщалъ передать санитарный поѣздъ; съ нашей стороны было обѣщано отпустить для Грузіи хлѣба на сумму 250 тысячъ рублей.

Въ это время крупныя силы большевиковъ, отступая подъ давленіемъ Добровольческой Арміи отъ Новороссійска вдоль Черноморскаго побережья, вытѣснили грузинскій отрядъ генерала Мазніева изъ Туапсе и заняли городъ.

26 августа (8 сентября) большевики очистили г. Туапсе и отступили на сѣверъ, надѣясь соединиться со своими частями, дѣйствовавшими въ раіонѣ сѣвернаго Кавказа. Наши части въ тотъ же день заняли г. Туапсе.

Дружескія отношенія, налаживавшіяся между нами и грузинами, рѣзко измѣнились послѣ занятія нами Туапсе и водворенія тамъ нашей власти.

Генералъ Мазніевъ, какъ показавшій себя расположеннымъ къ Добровольческой Арміи, былъ отозванъ и замѣненъ генераломъ Коніевымъ. Въ раіонѣ селенія Лазаревскаго (въ 60 верстахъ къ юго-востоку отъ Туапсе) грузины стали сосредоточивать значительныя силы (пять тысячъ пѣхоты съ 40 пулеметами и 18 орудій) и приступили къ укрѣпленію позицій у Сочи, Дагомыса и Адлера. Одновременно въ два послѣдніе пункта вступили германскіе отряды и всякія сношенія грузинъ съ нашими войсками были прерваны.

По заявленію нашимъ представителямъ генерала Коніева, измѣненіе отношенія грузинъ къ Добровольческой Арміи было основано на указаніи германскаго Командованія.

Къ этому же періоду относятся свѣдѣнія, полученныя изъ Тифлиса, что русскіе, особенно офицеры и чиновники, подвергаются самому безпощадному гоненію.

12/25 сентября въ Екатеринодаръ прибыла грузинская делегація во главѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Грузинскаго Правительства, Гегечкори; въ составъ делегаціи входилъ генералъ Мазніевъ.

Г. Гегечкори заявилъ, что делегація прибыла съ цѣлью вести переговоры по вопросамъ товарообмѣна и для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Добровольческой Арміей, а также Кубанью.

Пріѣздъ этой делегаціи вполнѣ совпадалъ съ желаніемъ Командованія Добровольческой Арміи, договориться съ Грузинскимъ Правительствомъ и установить дружескія отношенія.

Прежде всего представлялось крайне желательнымъ получить увѣренность, что ничто не можетъ угрожать нашему тылу и явится возможность не держать на границѣ съ Грузіей войска, столь необходимыя для борьбы съ большевиками на сѣверномъ Кавказѣ.

Затѣмъ нужно было сговориться по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Въ Грузіи, послѣ ликвидаціи Кавказскаго фронта, осталось большое интендантское, артиллерійское, инженерное и санитарное имущество, принадлежавшее Русскому государству.

Представлялось желательнымъ, хотя бы, часть этого имущества получить въ распоряженіе Добровольческой Арміи.

Если не удалось бы договориться о полученіи этого имущества безвозмездно, то выработать условія, на которыхъ Грузія согласилась бы это имущество передать намъ.

2) Въ Грузіи оставалось большое имущество, принадлежавшее Красному Кресту, Военно-Промышленному Комитету и Всероссійскимъ Союзамъ Земствъ и Городовъ.

Надо было добиться, чтобы Грузія признала право на это имущество образовавшихся при Добровольческой Арміи временныхъ главныхъ управленій этихъ организацій.

3) О прекращеніи преслѣдованія въ Грузіи русскихъ гражданъ; о полученіи права русскимъ офицерамъ, находящимся въ Грузіи, отправиться на службу въ Добровольческую Армію безъ опасенія за участь ихъ семействъ, оставляемыхъ въ Грузіи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя были получены изъ Тифлиса о преслѣдованіи всего русскаго, не давали надежды добиться полнаго соглашенія и установить дружескія отношенія. Грузинское Правительство и грузинская пресса подвергали рѣзкой критикѣ Добровольческую Армію и ея Командованіе, называя ихъ черносотенцами, контръ-революціонерами.

Наконецъ, на Грузинское Правительство оказывалось давленіе со стороны Германскаго Командованія, которое, естественно, стремилось изолировать Добровольческую Армію и поставить ее въ трудное положеніе.

Но для насъ такъ важно было достигнуть соглашенія съ Грузіей, что генералъ Алексѣевъ рѣшилъ пойти на всѣ возможныя уступки лишь бы установить сносныя отношенія.

12/25 сентября генералъ Алексѣевъ, открывая засѣданіе, началъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Разрѣшите, отъ имени Добровольческой Арміи и Кубанскаго Правительства, привѣтствовать представителей дружественной и самостоятельной Грузіи.

Я желаю, чтобы тѣ весьма важные переговоры, которые намъ предстоятъ, привели бы къ удовлетворительнымъ результатамъ. Разнорѣчій быть не должно. Съ нашей стороны никакихъ поползновеній на самостоятельность Грузіи не будетъ — въ этомъ отношеніи Грузія можетъ считать себя обезпеченной; но давъ такое обезпеченіе отъ имени Добровольческой Арміи и Кубанскаго Правительства, которое, конечно, это подтвердитъ, мы должны ожидать равноцѣннаго отношенія со стороны Грузинскаго Правительства къ намъ . . .»

Изъ дальнѣйшаго хода переговоровъ выяснилось, что грузинскіе представители заняли совершенно непримиримую, и при томъ необоснованную ни историческими, ни этнографическими, ни экономическими данными, позицію въ вопросѣ объ установленіи границы Черноморской губерніи, настаивая на томъ, что Сочинскій округъ долженъ входить въ составъ Грузіи.

Вторичное засѣданіе, совмѣстно съ представителями Грузинскаго Правительства, состоялось 13/26 сентября.

Во время обмѣна мнѣній, членамъ грузинской делегаціи былъ предложенъ вопросъ о тѣхъ гарантіяхъ, которыя могли бы быть даны Грузинскимъ Правительствомъ въ томъ, что хлѣбъ, направляемый въ Грузію, не попадетъ къ германцамъ. При этомъ были приведены факты отправки германцами хлѣбныхъ грузовъ изъ Грузіи въ Константцу на пароходахъ «Генералъ», «Гамбургъ» и «Коркова».

Представители Грузіи отъ отвѣта уклонились.

Въ основномъ вопросѣ объ установленіи границы грузины отказались пойти на какія либо уступки. Въ числѣ мотивовъ, вслѣдствіе которыхъ Грузія настаиваетъ на сохраненіи за собой Сочинскаго округа, г. Гегечкори выдвинулъ

опасеніе Грузіи, что силъ Добровольческой Арміи недостаточно, чтобы защищать Сочинскій округъ отъ большевиковъ.

Генералъ Алексѣевъ указалъ, что, признавая въ настоящее время существованіе самостоятельной Грузіи, Командованіе Добровольческой Арміи не можетъ санкціонировать и согласиться съ расчлененіемъ чисто русской Черноморской губерніи; что русское населеніе Сочинскаго округа проситъ о возвращеніи округа въ составъ Черноморской губерніи.

Дальнѣйшее обсужденіе, какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ, приняло острый характеръ.

Г. Гегечкори, въ заключеніи, заявилъ:

Отъ Сочинскаго округа Грузія отказаться не можетъ.

Всѣ свѣдѣнія и слухи о преслѣдованіи Русскихъ въ Грузіи не вѣрны.

Все имущество, принадлежавшее прежде Русскому Правительству и различнымъ организаціямъ, работавшимъ на армію, Грузинское Правительство разсматриваетъ, какъ принадлежащее нынѣ Грузинской Республикѣ, и можетъ часть дать Добровольческой Арміи въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты, нужные Грузіи.

Генералъ Алексѣевъ пытался повліять на представителей Грузіи, указавъ, что для самой Грузіи необходимо установить дружескія и союзническія отношенія съ Добровольческой Арміей, такъ какъ, если послѣдняя не выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы съ совѣтской властью, то, рано или поздно, Грузія будетъ большевиками раздавлена.

Но все было напрасно, и переговоры были прерваны.

Какъ потомъ выяснилось, г. Гегечкори, ведя оффиціальные переговоры въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, велъ частные, сепаратные переговоры съ предсѣдателемъ Кубанскаго Правительства Бычемъ.

Вполнѣ возможно, что эти послѣдніе переговоры, давая основаніе Гегечкори считать, что положеніе Добровольческой Арміи на Кубани недостаточно прочно, и повліяли, въ значительной степени, на его несговорчивость.

Впрочемъ, нельзя забывать, что въ этотъ періодъ Грузинское Правительство должно было дѣйствовать по указкѣ нѣмцевъ и, наконецъ, для Грузіи Сочинскій округъ имѣлъ громадное значеніе въ смыслѣ зоны, отдѣляющей отъ Добровольческой Арміи Сухумскій округъ, населенный свободолюбивымъ и воинственнымъ Абхазскимъ народомъ, не желавшимъ подчиниться Грузіи.

Грузинское Правительство опасалось, что если Сочинскій округъ войдетъ въ составъ Черноморской губерніи, то непосредственное сосѣдство раіона, подчиненнаго Добровольческой Арміи, съ Сухумскимъ округомъ можетъ повліять на отпаденіе Абхазіи отъ Грузіи и лишеніе послѣдней портовъ на Черномъ морѣ.

Грузинская делегація уѣхала изъ Екатеринодара.

Послѣ отъѣзда делегаціи, Командованіе арміи заняло по отношенію къ Грузіи выжидательное положеніе, не предпринимая никакихъ враждебныхъ военныхъ дѣйствій.

Но граница для пропуска товаровъ была закрыта.

* *
*

Въ теченіе лѣта 1918 года въ Сибири стало сорганизовываться антибольшевистское движеніе.

Московскій Національный Центръ, по соглашенію съ представителями сибирскихъ политическихъ партій, рѣшилъ образовать въ Сибири Директорію*, въ которую изъ состава Московскаго Національнаго Центра должны были войти Николай Ивановичъ Астровъ (бывшій Московскій городской голова) и Василій Александровичъ Степановъ (В. А. Степановъ въ составъ «Директоріи» не вошелъ. Возможно, что я ошибаюсь, указывая на первоначальное предположеніе включить его въ составъ «Директоріи», но объ этомъ генералу Алексѣеву было сообщено изъ Москвы).

При образованіи этой «Директоріи» Командующимъ Сибирской Арміей былъ назначенъ генералъ Болдыревъ, а его замѣстителемъ генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ былъ назначенъ «замѣстителемъ», конечно, только потому, что былъ на Кубани. Всѣ же считали, что если онъ пріѣдетъ въ Сибирь, то естественно приметъ командованіе арміей.

Генералъ Алексѣевъ, какъ мною уже было отмѣчено, въ періодъ «Кубанскаго похода» занимался почти исключительно вопросами финансоваго характера. Послѣ занятія Екатеринодара, несмотря на безукоризненно хорошія отношенія, бывшія между нимъ и генераломъ Деникинымъ, все же чувствовалось, что въ работѣ по гражданской части происходятъ тренія, такъ какъ нѣкоторые вопросы разрѣшались по управленію генерала Алексѣева, а другіе — по штабу генерала Деникина.

Чувствовалось, что во главѣ нуженъ о д и н ъ человѣкъ.

Генералъ Алексѣевъ это сознавалъ и рѣшилъ, передавъ все дѣло на югѣ Россіи генералу Деникину, самому ѣхать въ Сибирь. Въ качествѣ своего будущаго начальника штаба онъ пригласилъ генерала Абрама Михайловича Драгомирова, который, до ихъ отъѣзда въ Сибирь, былъ назначенъ помощникомъ къ генералу Алексѣеву.

Отъѣздъ въ Сибирь генераловъ Алексѣева и Драгомирова задержался вслѣдствіе болѣзни генерала Алексѣева. Онъ не поправился и 25 сентября (8 октября) 1918 года скончался.

Послѣ смерти генерала Алексѣева генералъ Деникинъ принялъ званіе Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, объединяя въ своемъ лицѣ

---

* Лѣтомъ 1918 года (въ іюнѣ) М. В. Алексѣевъ получилъ отъ національнаго центра изъ Москвы письмо (за подписями: М. М. Федорова, Н. И. Астрова, П. Б. Струве, Д. Н. Шипова, А. Е. Бѣлорусова, Н. К. Волкова, П. В. Герасимова, В. А. Степанова, Четверикова, Галяшкина, А. В. Карташева, Н. Н. Щепкина, В. И. Арандаренко, А. А. Червинъ-Водали, проф. Колокольцова, Н. А. Бородина), въ которомъ указывалось на то, что, повидимому, скоро наступитъ моментъ, когда Добровольческой арміи нужно будетъ отойти на Волгу, чтобы стать тамъ руководящей частью новаго фронта, и выражалась надежда увидѣть Алексѣева во главѣ общаго командованія военными силами, подъ прикрытіемъ которыхъ должна образоваться русская національная власть.

Въ письмѣ, между прочимъ, было сказано:

«Когда мы говоримъ объ образованіи власти въ Россіи — мы не ставимъ себѣ форму раньше содержанія. Мы думаемъ, что историческая Россія должна для своего возсозданія и возсоединенія имѣть Монарха. Но изъ этого мы не строимъ себѣ кумира. Мы полагаемъ, что для переходнаго времени — нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была пріемлема для безпокойно-подозрительно настроенныхъ массъ, мы готовы принять предлагаемую «Союзомъ Возрожденія» форму «Директоріи» съ военнымъ авторитетнымъ лицомъ во главѣ.

Для насъ Вы, Михаилъ Васильевичъ, представляетесь — и въ этомъ качествѣ. Эта директорія должна очистить территорію, установить порядокъ, подготовить населеніе и дать ему новое основаніе для выборовъ въ народное собраніе, которое и должно установить окончательно форму правленія».

высшую гражданскую и военную власть; генералъ Драгомировъ былъ назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго и предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ (исполнявшимъ функціи правительства), а я былъ назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго и начальникомъ военнаго и морского управленій.

Пріѣхавшій въ Екатеринодаръ Н. И. Астровъ рѣшилъ въ Сибирь не ѣхать и вошелъ, безъ портфеля, въ составъ Особаго Совѣщанія.

* *
*

1/14 ноября 1918 года состоялось открытіе Кубанской Краевой Рады. Я и еще два представителя отъ Добровольческой Арміи, по соглашенію съ Кубанскимъ Правительствомъ, вошли въ составъ Рады, какъ ея члены.

На открытіи Рады генералъ Деникинъ произнесъ рѣчь, изъ которой я привожу выдержки, указывающія программу дальнѣйшей работы Командованія Добровольческой Арміи.

«..... Въ февралѣ мѣсяцѣ, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая Армія, предводимая генераломъ Корниловымъ, двинулась на Кубань. Съ тѣхъ поръ судьбы ея тѣсно переплелись съ судьбами Кубани и въ боевомъ содружествѣ, и въ перенесенныхъ страданіяхъ, и въ тысячахъ братскихъ могилахъ, и въ радости ратныхъ побѣдъ.

Добровольцы шли въ жару и стужу, переносили невѣроятныя лишенія, гибли тысячами... Шли безокрыстно; деревянный крестъ или жизнь калѣки — были удѣломъ большинства.

И только одна завѣтная мысль, одна яркая надежда, одно желаніе одухотворяло всѣхъ — спасти Россію...»

«.... Можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами?

Нѣтъ! Пора бросить споры, интриги, мѣстничество. Все для борьбы. Большевизмъ долженъ быть раздавленъ. Россія должна быть освобождена. Иначе не пойдетъ въ прокъ ваше собственное благополучіе, которое станетъ игрушкою въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго.

Добровольческая Армія, въ рядахъ которой доблестно сражается множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеваній, а для освобожденія...»

«.... По мѣрѣ роста силъ Добровольческой Арміи и боевыхъ успѣховъ, растетъ число ея друзей и крѣпнетъ злоба ея враговъ.

Я съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ признать, что повсюду, по Кубанскому краю, среди родного намъ по крови и по духу славнаго, привѣтливаго, храбраго Кубанскаго казачества, Добровольческая Армія встрѣчала и встрѣчаетъ радушный, сердечный пріемъ и гостепріимный кровъ.

Но въ послѣднее время идетъ широкая агитація, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогрѣваемая людьми, которые жадными руками тянутся къ власти, не разбирая способовъ и средствъ. Хотятъ поселить рознь въ рядахъ арміи и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотятъ привести армію въ то жалкое состояніе, въ которомъ она была зимой 1917 года. Это тѣ самые люди, которые смиренно кланялись большевикамъ, скрывались въ подпольѣ, или прятались за Добровольческіе штыки...»

«. . . Въ кровавой жестокой борьбѣ, близкаго конца которой еще не видно, нельзя идти врозь . . .»

«. . . . Не должно быть арміи Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти».

«. . . . я вѣрую и исповѣдую, что великій русскій народъ, оправившись отъ болѣзни, стряхнувъ навожденіе, станетъ вновь страшной силою, которая никогда не забудетъ ни тѣхъ державъ, что въ дни ея несчастья любовно, безкорыстно поддержатъ его, ни тѣхъ, что, съ небывалой жестокостью и эгоизмомъ, высасывали изъ него послѣдніе соки и толкали въ бездну анархіи . . .»

«. . . . Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть . . .»

«. . . . единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая Армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю.

Отъ насъ требуютъ партійнаго флага. Но развѣ трехцвѣтное знамя Великодержавной Россіи не выше всѣхъ партійныхъ флаговъ?»

«. . . . . Единеніе возможно и потому, что Добровольческая Армія признаетъ необходимость и теперь, и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта.

И съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія я могу сказать, что теперь уже, не взирая на нѣкоторыя расхожденія, выяснилась возможность единенія нашего съ Дономъ, Крымомъ, Терекомъ, Арменіей, Закаспійской областью.

Возможно единеніе и съ Украиной, когда, быть можетъ, цѣною тяжкихъ внутреннихъ потрясеній, она сброситъ съ себя иноземное иго и вспомнитъ о сыновнихъ обязанностяхъ передъ общей Родиной. Возможно и съ мирнымъ грузинскимъ народомъ, когда измѣнится политика его правительства, которое воздвигло гоненіе на русскихъ людей, присвоило себѣ русское государственное имущество, захватило въ свое незаконное и несправедливое управленіе Сочинскій округъ и толпами красноармейцевъ угрожаетъ русской Добровольческой Арміи».

«. . . . Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской Арміи, Добровольческая Армія въ самыхъ тяжелыхъ, казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни, оставалась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе. И мы съ открытой душой шлемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ . . .»

«. . . . Я увѣренъ, что Краевая Рада найдетъ въ себѣ разумъ, мужество и силу залѣчить глубокія раны во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, нанесенныя ей изувѣрствомъ разнузданной черни. Создастъ единоличную твердую власть, состоящую въ тѣсной связи съ Добровольческой Арміей. Не порветъ сыновней зависимости отъ Единой Великой Россіи. Не станетъ ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру въ будущихъ Всероссій-

скихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. И не повторитъ соціальные опыты, приведшіе народъ къ взаимной дикой враждѣ и обнищанію . . .»

Въ этой рѣчи, какъ я уже отмѣтилъ, изложены основанія политики, которую проводилъ впослѣдствіи генералъ Деникинъ и состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе.

Надежда на то, что Кубанская Краевая Рада пойметъ необходимость тѣснаго общенія съ Командованіемъ Добровольческой Арміи для правильной конструкціи власти и откажется отъ мысли создавать самостоятельное Кубанское государство, не оправдалась.

Предсѣдатель Кубанскаго Правительства и его единомышленники проводили мысль, что Кубань должна быть самостоятельнымъ государствомъ, которое должно объединиться на федеративныхъ основаніяхъ съ такими же самостоятельными государствами — Украиной, Крымомъ, Дономъ, Терекомъ, Союзомъ Кавказскихъ Горскихъ Народовъ, Грузіей и сюда же должны постепенно примыкать и освобождаемыя отъ большевиковъ части Россіи; что во главѣ этого союза долженъ стать Верховный Совѣтъ.

Рада большинствомъ голосовъ высказалась за самостоятельность Кубанскаго государства.

Представители Добровольческой Арміи изъ состава Рады были генераломъ Деникинымъ отозваны.

Руководители кубанской политики на открытый разрывъ не пошли; была назначена особая согласительная комиссія, но и она ни до чего договориться не могла.

Съ этого времени началась открытая борьба самостійныхъ представителей Кубанскаго казачества съ правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) генерала Деникина.

* *
*

Послѣ упорныхъ боевъ, длившихся съ іюня до декабря 1918 года, Добровольческая Армія, совмѣстно съ Кубанскими казачьими частями, очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ портомъ и большую часть Ставропольской губерніи. Во время этихъ боевъ потери съ обѣихъ сторонъ были велики.

Къ осени 1918 года стало замѣчаться среди большевистскихъ войскъ проявленіе большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мѣрами. Большевистскія части научились драться съ большимъ упорствомъ и стали проявлять большую наступательную энергію.

Въ значительной степени этому способствовалъ страхъ попасть въ плѣнъ, такъ какъ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя высшимъ начальствомъ, съ плѣнными наши войска расправлялись съ большой жестокостью. Кромѣ того, перспектива отхода, въ случаѣ неудачи, въ глубь Астраханскихъ степей, гдѣ ихъ ожидала голодная смерть, придавала имъ стойкость и упорство въ бояхъ.

Затяжной характеръ операцій являлся, отчасти, слѣдствіемъ крайняго утомленія войскъ Добровольческой Арміи*, ведшихъ изо дня въ день, въ теченіе

* При дальнѣйшемъ изложеніи, говоря «войска Добровольческой Арміи» я буду подразумѣвать также Кубанскія, Терскія и Астраханскія казачьи части и Горскія части, составлявшія одно цѣлое съ Добровольческой Арміей.

8 мѣсяцевъ, упорные бои и при томъ безъ всякой смѣны свѣжими частями. Даже очень успѣшные бои не заканчивались полнымъ разгромомъ противника за отсутствіемъ свѣжихъ силъ для преслѣдованія. Наконецъ хронически не хватало патроновъ и снарядовъ. Въ первый періодъ Добровольческая Армія добывала ихъ путемъ захвата у тѣхъ же большевиковъ. Позднѣе сталъ приходить на помощь Донъ, но въ размѣрахъ, совершенно не соотвѣтствующихъ потребности. Въ теченіе сентября мѣсяца были дни почти полнаго отсутствія патроновъ и снарядовъ.

Въ результатѣ этой длительной и тяжелой операціи, силы большевиковъ, насчитывавшія не менѣе 100 тысячъ хорошо вооруженныхъ и обильно снабженныхъ припасами бойцевъ, были надломлены. Появились симптомы начавшагося разложенія въ ихъ войскахъ. Начались массовыя сдачи въ плѣнъ, ссоры между старшими начальниками, обвинявшими другъ друга въ неудачахъ, въ предательствѣ и т. п.

Въ ноябрѣ долго жданная эскадра союзниковъ вошла въ Черное море и явилась надежда на скорое полученіе обмундированія, вооруженія и боевыхъ припасовъ.

Присланные къ генералу Деникину военные представители Англіи и Франціи заявили отъ имени своихъ правительствъ, что Англія и Франція рѣшили поддержать генерала Деникина въ его борьбѣ противъ большевиковъ и что, въ ближайшемъ будущемъ, въ Новороссійскъ прибудутъ транспорты со всѣмъ необходимымъ для арміи юга Россіи.

Побѣда Державъ Согласія въ міровой войнѣ, крушеніе Германіи и, въ связи съ этимъ, уходъ нѣмцевъ изъ раіоновъ, какъ Европейской Россіи, такъ и Кавказа, занятіе англичанами Баку, появленіе флота союзниковъ въ Черномъ морѣ и высадка англичанъ въ Батумѣ, все это, казалось, должно было, въ недалекомъ будущемъ, измѣнить, какъ общую политическую обстановку на всемъ югѣ Россіи, такъ, въ частности, и въ Закавказьѣ.

Политика Германіи, послѣ Брестъ-Литовскаго договора, была построена на раздѣленіи Россіи на отдѣльныя части, на уничтоженіи ея какъ Великой Державы, на разжиганіи внутренней междоусобицы и поддержаніи искусственно вызванной классовой борьбы.

Съ побѣдой Державъ Согласія и съ распаденіемъ Державъ Центральнаго Союза надо было ожидать совершенно иного отношенія со стороны союзниковъ къ Россіи.

На основаніи заявленій прибывшихъ къ генералу Деникину военныхъ представителей Великобританіи и Франціи, а также сообщеній, получавшихся изъ Парижа и Лондона, создавалось вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что союзники ясно опредѣлили свое отношеніе къ Россіи въ смыслѣ возсозданія ея, какъ Единой и Недѣлимой. Представлялось, что только чисто польскія губерніи отойдутъ отъ бывшей Россіи для образованія самостоятельной Польши.

Казалось, что только для того, чтобы облегчить переходъ къ единому правительству и спасти части Россіи отъ анархіи, союзниками выдвинутъ принципъ временнаго поддержанія, въ отдѣльныхъ областяхъ Россіи, образовавшихся правительствъ, не стоящихъ на платформѣ возсозданія Россіи.

* *
*

Общее политическое состояніе областей юга, юго-востока Россіи и Сибири, къ началу (серединѣ) декабря 1918 года, было слѣдующее:

Украина. Послѣ разгрома Центральныхъ Державъ на Западѣ, Гетманъ Скоропадскій измѣнилъ свою политику и призвалъ къ власти новый руссофильскій кабинетъ съ С. Н. Гербелемъ во главѣ.

Послѣ изданія Гетманомъ грамоты о федераціи съ Россіей, 5/18 ноября, поднялось возстаніе украинскихъ «самостійниковъ», возглавлявшихся бывшими членами Украинской Центральной Рады — Петлюрой, Винниченко и другими.

Цѣлью возстанія было сверженіе Гетмана и провозглашеніе «соціалистической Украинской Народной Республики» до прибытія союзниковъ, дабы поставить ихъ передъ совершившимся фактомъ.

Во главѣ республики была объявлена «Директорія» въ составѣ Винниченко Петлюры, Швеца и Андріевскаго.

Въ цѣляхъ успѣшности возстанія и привлеченія въ свои ряды широкихъ народныхъ массъ, «самостійники» вошли въ контактъ съ мѣстными большевиками и со всѣми другими политическими организаціями, недовольными дѣятельностью гетманскаго правительства.

Въ народныхъ массахъ Украины «украинское самостійное» движеніе сочувствія не встрѣчало, но, на почвѣ общаго недовольства гетманскимъ правительствомъ, допускавшимъ, при возстановленіи правъ помѣщиковъ на землю, самыя жестокія репрессіи по отношенію крестьянъ, захватившихъ помѣщичьи земли и разграбившихъ экономіи и усадьбы, провозглашеніе лозунга «за землю и волю» привлекло крестьянскую массу и городскую чернь на сторону руководителей самостійнаго движенія.

Возможность, вновь захватить землю помѣщиковъ, пограбить и отомстить за репрессіи, производившіяся подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ штыковъ, толкнула массу въ сторону Петлюры и Винниченко.

Въ германскихъ войскахъ, еще бывшихъ на Украинѣ, началось разложеніе и образовались свои «совѣты солдатскихъ депутатовъ».

Эти «совѣты», провозгласившіе соціалистическіе лозунги, конечно, всячески поддерживали движеніе, возглавляемое Петлюрой и Винниченко. Но и отношеніе къ этому движенію со стороны представителей германскаго Командованія, принявшаго участіе въ переговорахъ съ Петлюрой, давало основаніе предполагать, что созданіе анархіи на Украинѣ — въ интересахъ германцевъ.

Получалось впечатлѣніе, что германское Командованіе способствуетъ анархіи, распространеніе которой можетъ поставить въ тяжелое положеніе войска Державъ Согласія, если они сюда прибудутъ.

Германія, лишенная возможности открыто продолжать борьбу съ Державами Согласія, естественно стремилась создать въ Россіи обстановку, при которой возможно было бы ей, въ скрытомъ видѣ, продолжать эту борьбу.

Отряды Украинской директоріи, подъ предводительствомъ Петлюры, быстро заняли Харьковъ, Екатеринославъ, Полтаву, Одессу и рядъ важныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, окруживъ кольцомъ и Кіевъ.

Гетманъ, находясь въ Кіевѣ, передалъ всю полноту власти на Украинѣ генералу графу Келлеру, принявшему, съ согласія генерала Деникина, незадолго до того командованіе сѣверной арміей (въ раіонѣ Пскова) и не успѣвшему выѣхать изъ Кіева.

Порядокъ въ Кіевѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, до ихъ паденія, поддерживался почти исключительно малочисленными добровольческими дружинами.

Сформированныя при Гетманѣ на Украинѣ воинскія части совершенно разложились.

Черезъ нѣсколько дней графъ Келлеръ отказался отъ этого поста, мотивируя это тѣмъ, что Совѣтъ украинскихъ министровъ не захотѣлъ ему подчиниться. Его мѣсто занялъ генералъ-лейтенантъ князь Долгоруковъ, а 1/14 декабря 1918 года Гетманъ Скоропадскій, не будучи въ состояніи справиться съ движеніемъ, отрекся отъ Гетманства и, при содѣйствіи нѣмцевъ, выѣхалъ изъ Кіева.

4/17 декабря Кіевъ былъ занятъ войсками Директоріи.

Директорія принялась за гоненіе всего русскаго. Отношеніе Директоріи къ идеѣ федераціи съ Россіей опредѣлилось въ слѣдующей декларації:

«Предоставляя украинскому рабочему народу полное обезпеченіе независимости національнаго развитія, Директорія рѣшительно будетъ бороться съ провозглашенными бывшимъ Гетманомъ лозунгами федераціи съ Россіей.

Директорія всѣми силами будетъ отстаивать независимость республики украинскаго народа.

Всякая агитація и пропаганда лозунговъ бывшаго Гетмана о федераціи будетъ Директоріей караться по законамъ военнаго времени».

Издавъ декларацію о «землѣ и волѣ», возстановивъ дѣйствіе универсаловъ бывшей Центральной Рады о соціализаціи земли, новое правительство, какъ я уже сказалъ, привлекло первое время на свою сторону крестьянскія массы и городскую чернь. Начались вновь разгромы экономій помѣщиковъ и владѣній зажиточныхъ крестьянъ и казаковъ по всей Малороссіи.

Для сверженія Гетмана Директорія стала на путь близкій къ большевизму и вскорѣ стала подпадать подъ вліяніе большевизма, сначала внутренняго, а затѣмъ и внѣшняго. Всюду появились Совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ и возобновился красный терроръ по отношенію къ офицерамъ и интеллигенціи.

Со всѣхъ мѣстъ, угрожаемыхъ анархіей, къ Командованію Добровольческой Арміи стали поступать просьбы о помощи.

Для обезпеченія отъ захвата большевиками Донецкаго угольнаго раіона, а также обезпеченія отъ анархіи сѣвернаго побережья Азовскаго моря, въ началѣ (серединѣ) декабря въ Донецкій бассейнъ была двинута, изъ состава Добровольческой Арміи, одна пѣхотная дивизія.

6/19 декабря въ г. Одессѣ высадился дессантъ союзниковъ (части 56-ой пѣхотной французской дивизіи), подъ начальствомъ генерала Боріусъ.

При поддержкѣ огня съ французскихъ судовъ, отрядъ русскихъ добровольцевъ-офицеровъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гришина Алмазова, очистилъ г. Одессу отъ бандъ петлюровцевъ. Генералъ-маіоръ Гришинъ Алмазовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Одессы.

Высадка союзныхъ дессантовъ въ Одессѣ, а затѣмъ въ Крыму, и освобожденіе, по ихъ настоянію, г. Николаева отъ петлюровскихъ бандъ германскими войсками, поставили передъ украинской Директоріей вопросъ объ отношеніяхъ ихъ къ союзникамъ. Это въ Директоріи вызвало расколъ; во главѣ партіи непримиримаго отношенія къ союзникамъ сталъ Винниченко, а за соглашеніе съ союзниками — Петлюра.

Крымъ, какъ самостоятельное государственное новообразованіе, началъ существовать съ приходомъ нѣмцевъ и изгнанія ими большевиковъ.

Образовавшееся правительство генерала Сулькевича опредѣленной политики не вело; подъ давленіемъ нѣмцевъ оно поддерживало мѣстные татарскіе элементы во вредъ русскому большинству. Образовавшійся татарскій парламентъ «Курултай» придерживался туркофильской оріентаціи.

Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ была сдѣлана попытка объединиться съ Украиной; однако требованіе послѣдней о полномъ подчиненіи Крыма встрѣтило рѣзкій отказъ послѣдняго. Разрывъ съ Украиной привелъ къ таможенной войнѣ. Правительство Сулькевича, не пользовавшееся въ странѣ популярностью, пало съ оставленіемъ Крыма нѣмцами. Новое правительство, во главѣ съ С. С. Крымомъ, обратилось къ Командованію Добровольческой Арміи съ просьбой прислать войска для обезпеченія края, какъ отъ вторженія большевиковъ извнѣ, такъ и для огражденія отъ возможныхъ возстаній мѣстныхъ большевиковъ.

Просьба была исполнена и небольшіе отряды высажены въ Керчи и въ Севастополѣ.

Въ Крымъ былъ назначенъ особый Командующій войсками; ему было поручено объявить мобилизацію въ Крыму офицеровъ и приступить къ формированію мѣстныхъ добровольческихъ отрядовъ.

Съ Крымскимъ Правительствомъ установились вполнѣ согласованныя дѣйствія.

Донъ. Послѣ геройской, упорной, восьмимѣсячной борьбы, Донское казачество очистило отъ большевиковъ всю свою область и къ серединѣ декабря 1918 года были даже заняты южные уѣзды Саратовской и Воронежской губерній.

Съ выдвиженіемъ частей Добровольческой Арміи въ Донецкій бассейнъ возникъ вопросъ о необходимости образовать единый фронтъ въ направленіи на сѣверъ и, въ связи съ этимъ, осуществить идею единаго командованія.

Благодаря воздѣйствію на Атамана Донского Войска Начальника британской военной миссіи при Добровольческой Арміи генерала Пуль, генералъ Красновъ, наконецъ, согласился на подчиненіе Донской Арміи Главнокомандующему Добровольческой Арміи, и 26 декабря (8 января) 1919 года генералъ Деникинъ отдалъ приказъ, что, по соглашенію съ Атаманами Войскъ Донского и Кубанскаго, онъ вступилъ въ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на югѣ Россіи.

Терская область. Въ концѣ октября около пяти тысячъ казаковъ, не желавшихъ признать большевистскую власть, пройдя черезъ Кабарду, присоединились къ Добровольческой Арміи.

Къ концу декабря Терская область находилась еще подъ властью большевистскаго правительства, образовавшагося во Владикавказѣ; многіе раіоны области къ этому же времени находились въ полной анархіи, вытекавшей изъ сложныхъ взаимоотношеній между казаками и горцами.

Закавказье. Образовавшійся въ 1917 году въ Закавказьѣ высшій органъ власти — Закавказскій Сеймъ, не призналъ совѣтской власти и заключенный ею Брестскій договоръ, по которому къ Турціи должны были отойти Карская область и Батумскій округъ.

Для заключенія мира съ Турціей, 17 февраля (2 марта) 1918 года, въ Трапезондъ Сеймомъ была командирована делегація съ Чхенкели во главѣ.

Переговоры затянулись, и 28 марта (10 апрѣля) турки предъявили делегаціи Чхенкели ультиматумъ: признать Брестскій договоръ, или провозгласить отдѣленіе отъ Россіи, какъ основу для начала переговоровъ о перемиріи.

Первоначальное согласіе Чхенкели признать Брестскій договоръ вызвало расколъ въ Закавказскомъ Сеймѣ.

Послѣ этого, по иниціативѣ того же Чхенкели, сеймъ 1/14 апрѣля провозгласилъ Закавказье независимой федеративной республикой.

Провозглашеніе независимости Закавказья развязало руки Турціи, она отказалась признать Брестскій договоръ и предъявила новыя требованія. Она потребовала присоединенія къ ней половины Эриванской губерніи и частей Тифлисской и Кутаисской губерній. Въ подкрѣпленіе ультиматума турки двинули войска въ Закавказье.

Грузинское Правительство, заручившись согласіемъ Германіи обезпечить охрану своихъ границъ нѣмецкими войсками, объявило независимость Грузіи.

13/26 мая, по предложенію Грузинскаго Правительства, Закавказскій Сеймъ объявилъ себя распущеннымъ, и Закавказье распалось на три самостоятельныхъ республики: Грузію, Азербайджанъ и Арменію.

Грузія. 13/26 мая Грузія объявила себя самостоятельной соціалистической республикой подъ протекторатомъ Германіи.

Дѣятельность Грузинскаго Правительства, съ первыхъ же дней своего существованія, ознаменовалась преслѣдованіемъ всего русскаго. Все оставшееся имущество Кавказскаго фронта было объявлено собственностью Грузіи.

Гоненію подверглось, въ первую очередь, русское офицерство и русскіе чиновники. Былъ проведенъ законъ о принудительномъ гражданствѣ въ Грузіи.

Пользуясь поддержкою Германіи, Грузія заняла, противъ воли населенія, Абхазію и Сочинскій округъ Черноморской губерніи, откуда начался вывозъ продуктовъ въ Грузію и въ Германію.

Азербайджанъ. Азербайджанская республика занимала Елисаветпольскую губернію, Бакинское градоначальство и Закатальскій округъ.

Съ распаденіемъ общаго Закавказскаго Правительства власть перешла въ Азербайджанской республикѣ нъ національному мусульманскому Совѣту, выдѣлившему изъ своего состава правительство изъ партіи «Муссаватъ» (буржуазно-умѣренная, туркофильскаго направленія) во главѣ съ ханомъ Хойскимъ.

Съ углубленіемъ турокъ въ Закавказье оно потеряло свое значеніе и власть въ странѣ, фактически перешла къ турецкому Командованію въ Елисаветполѣ.

Арменія. Несмотря на окупацію Арменіи турками, она неизмѣнно стремилась сохранить вѣрность Россіи и имѣла своего представителя при Добровольческой Арміи.

Сибирь. На государственномъ совѣщаніи въ Уфѣ, съ 26 августа по 23 сентября (8 сентября по 6 октября), въ которомъ участвовали представители всѣхъ восточныхъ частей Россіи, освобожденныхъ отъ власти большевиковъ, членами Учредительнаго Собранія 1917 года и представителями различныхъ политическихъ партій и организацій, — было избрано и назначено Всероссійское Правительство. Въ составъ провозглашенной Директоріи вошли: Н. И. Астровъ, Н. Д. Авксентьевъ, генералъ Болдыревъ, П. В. Вологодскій и Н. В. Чайковскій *.

---

* Н. И. Астровъ въ Сибирь не ѣздилъ, а прибывъ въ Екатеринодаръ, вошелъ въ составъ Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ. Н. В. Чайковскій былъ потомъ въ составѣ сѣвернаго правительства при генералѣ Миллерѣ.

Замѣстителями имъ были выбраны: В. А. Аргуновъ, М. В. Алексѣевъ, В. В. Сапожниковъ, В. М. Зензиновъ и В. А. Виноградовъ.

18 ноября (1 декабря) нами было получено извѣстіе отъ русскаго посла въ Аѳинахъ о происшедшемъ государственномъ переворотѣ въ Омскѣ. Директорія была распущена, и вся полнота Верховной власти перешла къ адмиралу Колчаку.

* *
*

Въ серединѣ декабря 1918 года Командованіе Добровольческой Арміи ставило себѣ первой задачей очистить отъ большевиковъ сѣверный Кавказъ и Ставропольскую губернію. Представлялось необходимымъ, прежде всего установить въ этомъ краѣ полный порядокъ и нормальныя условія жизни.

Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ и получивъ въ этомъ раіонѣ, вмѣстѣ съ Кубанской и Донской областями, богатѣйшую продовольственную базу, какъ для арміи, такъ и для голодающихъ раіоновъ центральной Россіи, было рѣшено приступить къ операціямъ для освобожденія отъ большевиковъ Европейской Россіи.

Командованіе Добровольческой Арміи всегда считало, что освобожденіе Россіи отъ большевиковъ должно быть сдѣлано русскими руками, при помощи исключительно русской вооруженной силы.

Участіе военной силы союзниковъ признавалось крайне желательнымъ лишь для поддержанія порядка на той территоріи юга и юго-запада Россіи, которая будетъ очищена отъ большевиковъ русскими военными силами и будетъ предназначена для формированія русской арміи.

Считалось, что занятіе на территоріи юга и юго-запада Россіи главнѣйшихъ центровъ вооруженными силами Союзныхъ Державъ дало бы возможность, имѣвшимся въ распоряженіи Командованія Добровольческой Арміи силами, обезпечить эту территорію отъ покушеній большевиковъ извнѣ, а на ней спокойно произвести мобилизацію и формированіе новой арміи. Присутствіе союзныхъ вооруженныхъ силъ должно было ускорить возстановленіе нормальной и спокойной жизни, а также работу торгово-промышленнаго аппарата.

Командованіе Добровольческой Арміи разсчитывало, что, при полученіи отъ союзниковъ необходимой матеріальной части въ теченіе января и февраля 1919 года, и при обезпеченіи ими, при помощи своихъ вооруженныхъ силъ, порядка и спокойствія въ тылу Добровольческой Арміи, формированіе и организацію новой арміи можно закончить къ маю мѣсяцу 1919 года и затѣмъ приступить, въ полномъ согласіи съ адмираломъ Колчакомъ, къ послѣдовательному очищенію Россіи отъ большевиковъ.

* *
*

Въ серединѣ декабря начались крупные успѣхи на Терскомъ фронтѣ Добровольческой Арміи.

Послѣ ряда блестящихъ побѣдъ была захвачена желѣзнодорожная линія Святой Крестъ—Георгіевскъ. 7/20 января 1919 года была занята группа Минеральныхъ водъ.

Ударъ, нанесенный по важнѣйшимъ коммуникаціоннымъ сообщеніямъ противника, привелъ къ полному разгрому его арміи. Она разбилась на отдѣльныя группы, лишенныя единства командованія и связи между собой.

Большая часть разстроенныхъ большевистскихъ частей бросилась на юго-востокъ вдоль желѣзной дороги на Владикавказъ, гдѣ была встрѣчена терскими войсками генералъ-маіора Колесникова *.

Одновременно колонна англичанъ, высадившаяся въ Петровскѣ, была направлена вдоль желѣзной дороги на Грозный, который большевики начали эвакуировать.

26 января (8 февраля) былъ занятъ войсками Добровольческой Арміи Владикавказъ и Грозный и, фактически, закончилось очищеніе отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа.

Въ связи съ очищеніемъ отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа, намѣчавшейся переброской частей Добровольческой Арміи въ Малороссію и распространеніемъ вліянія на Западъ, было предположено Ставку и Центральныя управленія перевести въ февралѣ мѣсяцѣ въ Севастополь.

Этотъ переводъ признавался желательнымъ и по внутреннимъ политическимъ соображеніямъ. Нахожденіе Ставки и центральныхъ управленій Добровольческой Арміи въ Екатеринодарѣ создавало все болѣе и болѣе тяжелую атмосферу въ отношеніяхъ съ Кубанскими политическими дѣятелями.

Была увѣренность, что, при переходѣ на не казачью территорію, повседневныя мелкія дрязги и недоразумѣнія отпадутъ и отношенія наладятся.

Но, съ одной стороны, встрѣтился совершенно неожиданный протестъ противъ перехода Ставки въ Севастополь со стороны французскаго Командованія, а съ другой стороны, что главнымъ образомъ и измѣнило первоначальное намѣреніе, этому помѣшали событія на фронтѣ.

На Донецкомъ фронтѣ неудачи начались еще въ серединѣ (концѣ) декабря 1918 года, когда, послѣ ряда серьезныхъ боевъ, Донцамъ пришлось очистить почти полностью занятые ими раньше уѣзды Воронежской и Саратовской губерній.

Въ теченіе января неуспѣхи на Донскомъ фронтѣ продолжались, и Донцы, подъ давленіемъ большевиковъ, отошли на своемъ сѣверномъ и восточномъ участкѣ фронта, а также очистили ст. Миллерово и г. Бахмутъ.

Собравшійся въ Новочеркасскѣ Большой Войсковой Кругъ выразилъ недовѣріе Командующему Донской Арміи, и Войсковой Атаманъ, генералъ Красновъ, считая, что этимъ выражается недовѣріе и ему, подалъ 1/14 февраля въ отставку.

6/19 февраля Донскимъ Атаманомъ былъ выбранъ генералъ Богаевскій.

Въ теченіе февраля и марта усиленные бои продолжались по всему фронту Донской Арміи, которая постепенно отходила къ югу, и на фронтѣ частей Добровольческой Арміи въ Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, которымъ большевики стремились овладѣть.

Угольный Донецкій бассейнъ частямъ Добровольческой Арміи удалось отстоять; Донцы же, къ концу марта, принуждены были отойти къ переправамъ на р. Манычъ.

Большевистское Командованіе, сумѣвшее къ этому времени создать значительную по численности армію, одновременно съ направленіемъ главныхъ силъ

---

* Войска генералъ-маіора Колесникова, оперировавшія въ раіонѣ Петровска и къ югу отъ Кизляра и Грознаго, состояли изъ бывшаго отряда полковника Бичерахова и различныхъ мѣстныхъ, терскихъ и туземныхъ, формированій. Генералъ Колесниковъ, еще до соединенія съ Добровольческой арміей, прислалъ донесеніе, что онъ съ отрядомъ считаетъ себя подчиненнымъ генералу Деникину.

противъ казачества и Добровольческой Арміи, повело наступленіе отъ Екатеринослава и Харькова на Крымъ и приступило къ очищенію правобережной Малороссіи отъ Петлюровскихъ бандъ.

Ошибочная политика французскаго Командованія въ Одессѣ, не допустившаго Командованіе Добровольческой Арміи создать въ раіонѣ Одессы прочную армію, привело къ тому, что, ко времени наступленія большевиковъ на Херсонъ и Одессу, въ этой зонѣ, кромѣ французскихъ и греческихъ войскъ, была только слабая по численности русская бригада генерала Тимановскаго.

При наступленіи большевиковъ на Украину, Украинская Директорія объявила войну Совѣтской Россіи и, черезъ командированнаго въ Одессу генерала Грекова, вступила въ переговоры съ французскимъ Командованіемъ.

Послѣднее, запутавшееся въ сложной политической обстановкѣ въ Одессѣ, повѣрило заявленію Директоріи (находившейся въ то время въ Винницѣ), что она, опираясь на довѣріе къ ней крестьянства, выставитъ пятисотъ-тысячную армію. Но Директорія ничего серьезнаго создать не могла и выставленное ею ополченіе, почти безъ сопротивленія, отходило передъ войсками Совѣтскаго Правительства.

26 февраля (11 марта) большевики атаковали французскія войска у города Херсона.

Французы и небольшой греческій отрядъ очистили Херсонъ и Николаевъ и на транспортахъ отошли къ Одессѣ.

Директорія переѣхала въ Тарнополь.

Неудача подъ Херсономъ, при который союзники потеряли 400 человѣкъ (въ томъ числѣ 14 офицеровъ), произвела тяжелое впечатлѣніе на французское Командованіе.

Къ этому времени въ Одесскомъ раіонѣ находилось:

а) Части вооруженныхъ силъ юга Россіи: бригада генерала Тимановскаго 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ и 6 броневыхъ машинъ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, всего 30—35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Противъ этихъ силъ, со стороны большевиковъ, дѣйствовало два совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ наскоро организованныхъ отрядовъ, всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Послѣ занятія большевиками Херсона, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій мѣстнаго французскаго Командованія, большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство войскъ союзниковъ.

Опасаясь потерь и, повидимому, не вполнѣ увѣренное въ устойчивости своихъ войскъ, французское Командованіе рѣшило, по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго раіона, создать въ Одесскомъ раіонѣ «укрѣпленный лагерь». 15/28 марта было приступлено къ инженернымъ работамъ.

До 20 марта (2 апрѣля) не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго раіона.

Вечеромъ 20 марта (2 апрѣля) французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа и 21 марта (3 апрѣля) заявило Начальнику штаба русскихъ войскъ въ Одесской зонѣ, что отъ г. Пишона получена телеграмма о вывозѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Генералъ Д'Ансельмъ, командовавшій союзными войсками въ южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ.

Эвакуація, какъ русскихъ учрежденій, бывшихъ въ Одессѣ и гражданскаго населенія, а также французскихъ войскъ, началась 21 марта (3 апрѣля) и носила сумбурный, паническій характеръ.

23 марта (5 апрѣля) въ Одессѣ уже хозяйничалъ мѣстный Совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Послѣдніе французскіе суда покинули рейдъ Одессы 26 марта (8 апрѣля); такимъ образомъ закончить эвакуацію въ 48-мичасовой срокъ, естественно, оказалось невозможнымъ.

Назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи Одессы отнюдь не вызывался обстановкой — ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой, при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ, можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти всѣхъ бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество.

При этой же эвакуаціи, носившей характеръ паническаго, постыднаго бѣгства, тяжко пострадало лояльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи.

Брошенныя на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они, въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія.

Бригада генерала Тимановскаго принуждена была отойти въ Румынію, гдѣ по распоряженію французскихъ властей, была обезоружена и затѣмъ, испытавъ массу униженій и оскорбленій, была на транспортахъ доставлена въ Новороссійскъ.

Изъ англійскихъ источниковъ мы впослѣдствіи получили свѣдѣнія, что эвакуація Одессы, вопреки мнѣнію англичанъ, послѣдовала по постановленію Совѣта «Десяти» въ Парижѣ, на основаніи донесеній генерала д'Ансельма и полковника Фрейденберга (начальникъ штаба при генералѣ д'Ансельмѣ) о катастрофическомъ продовольственномъ положеніи и «прекрасномъ» состояніи большевистскихъ войскъ.

* *
*

Еще въ концѣ декабря 1918 года небольшія части Добровольческой Арміи были выдвинуты на сѣверъ Таврической губерніи для прикрытія сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, сохраненіе которыхъ за ними представлялось крайне важнымъ, такъ какъ въ нихъ имѣлись богатые продовольственные запасы.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей вооруженныхъ силъ юга Россіи, дѣйствовавшихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищавшихъ Крымскій полуостровъ, стало крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижней части Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска, и бывшія въ этомъ раіонѣ разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска Атамана Григорьева перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой Арміи принуждены были отойти на Крымскій полуостровъ.

Прорывъ нашего фронта у Перекопа и дессантъ противника, произведенный со стороны Геническа, заставилъ части арміи продолжать отходъ, и къ 1/14 апрѣля они заняли у Ѳеодосіи Акманайскую позицію, фланги которой обезпечивались огнемъ судовой артиллеріи русскихъ, французскихъ и британскихъ кораблей.

Непрочность положенія въ Крыму сознавалась и прибывшимъ въ Севастополь 13/26 марта генераломъ Франше д'Эспере, который тогда указалъ, что надо постараться продержаться въ теченіе двухъ недѣль, послѣ чего французами будетъ оказана помощь.

Гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ батальоновъ 175-го пѣхотнаго французскаго полка, одного батальона грековъ, двухъ батарей и небольшого числа вспомогательныхъ французскихъ войскъ; на берегу находился экипажъ сѣвшаго на мель французскаго корабля «Мирабо». На рейдѣ были французскія, британскія и греческія суда.

Со дня на день ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ.

Французское Командованіе заявило, что Севастополь ими оставленъ не будетъ.

30 марта (12 апрѣля) прибыло 2000 алжирцевъ, а 1/14 апрѣля столько же сенегальцевъ.

Командовалъ всѣми союзными частями французской службы полковникъ Труссонъ.

30 марта (12 апрѣля) полковникъ Труссонъ и адмиралъ Аметъ предложили коменданту крѣпости генералу Субботину и командующему русскимъ флотомъ адмиралу Саблину отдать распоряженіе, чтобы всѣ добровольцы, находящіеся въ Севастополѣ и всѣ учрежденія Добровольческой Арміи немедленно покинули Севастополь.

Эвакуація гражданскаго населенія началась еще 20 марта (2 апрѣля).

Около 2-хъ часовъ ночи со 2/15 на 3/16 апрѣля адмиралъ Аметъ потребовалъ, чтобы всѣ суда, которыя предположено было увести въ Новороссійскъ, вышли въ море въ теченіе ночи и утра 3/16 апрѣля.

Днемъ 3/16 апрѣля ушелъ изъ Севастополя послѣдній русскій пароходъ «Георгій», на которомъ былъ штабъ крѣпости, и крейсеръ «Кагулъ» подъ флагомъ Командующаго флотомъ.

Послѣ этого французы заключили съ большевиками недѣльное перемиріе, въ теченіе котораго закончили снятіе съ мели корабля «Мирабо», и затѣмъ оставили Севастополь.

* *
*

Въ связи съ неудачами на фронтѣ начались волненія въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, а 4/17 апрѣля и грузинскія войска перешли р. Бзыбь.

Главнокомандующій англійскими силами генералъ Мильнъ пригрозилъ грузинскому правительству, что если наступленіе не будетъ прекращено, то онъ пошлетъ британскія войска. Инцидентъ былъ ликвидированъ.

* *
*

Въ этотъ тяжелый для вооруженныхъ силъ юга Россіи періодъ положеніе на главномъ фронтѣ было спасено благодаря тому, что весь сѣверный Кавказъ

былъ очищенъ отъ большевиковъ, и явилась возможность освободившіяся части Добровольческой Арміи, Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ сосредоточить къ угрожаемымъ раіонамъ.

Большевики, къ апрѣлю мѣсяцу, сломивъ сопротивленіе Донскихъ частей, подошли къ Манычу.

Это направленіе наступленія большевиковъ, грозившее разрѣзать на двѣ части вооруженныя силы юга Россіи, было наиболѣе опасно.

Генералъ Деникинъ все, что только было возможно, сосредоточилъ на этомъ направленіи.

Положеніе было настолько серьезно, что въ Екатеринодарѣ, какъ общій резервъ, было приказано сформировать изъ тыловыхъ учрежденій офицерскій отрядъ, къ которому должны были быть приданы недавно передъ тѣмъ привезенные англичанами танки.

Группа войскъ, сосредоточенная на Манычѣ, подъ начальствомъ генерала барона Врангеля, и подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Деникина, должна была рѣшить участь всей операціи.

Послѣ ряда ожесточенныхъ боевъ, преимущественно кавалерійскихъ, генералу Врангелю удалось 7/20 мая сломить противника, который сталъ отходить.

Явилась возможность усилить части, дѣйствовавшія въ Донецкомъ угольномъ раіонѣ.

* *
*

Въ серединѣ (концѣ) декабря 1918 года въ Батумѣ высадилась англійская дивизія подъ начальствомъ генерала Форестье Іокера, продвинувшаяся до Тифлиса.

Бакинскій раіонъ былъ занятъ англійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Томсона, подчиненнымъ генералу Форестье Іокеру.

Въ Батумскую область, въ качествѣ генералъ-губернатора былъ назначенъ британскій генералъ Кукъ-Коллисъ.

Отношеніе этихъ начальствующихъ лицъ къ вооруженнымъ силамъ юга Россіи было различное:

Въ Баку нашъ представитель встрѣтилъ сначала къ себѣ самое корректное отношеніе, и получалось впечатлѣніе, что съ русскими интересами въ Бакинскомъ раіонѣ англичане считаться будутъ.

Въ Тифлисѣ, генералъ Форестье Іокеръ, съ самаго начала своего тамъ пребыванія, сталъ опредѣленно на сторону грузинскаго правительства, поддерживая его въ разногласіи съ Командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи изъ-за Сочинскаго округа.

Въ Батумской области, при генералъ-губернаторѣ, для управленія областью былъ образованъ «Совѣтъ» въ составѣ девяти лицъ.

Права вооруженныхъ силъ юга Россіи на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировавъ область, впредь до выясненія въ будущемъ вопроса о ея судьбѣ Державами Согласія, считаютъ только себя хозяевами въ ней.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что англичане собираются въ Закавказьѣ вести особую политику, поддерживая отдѣленіе отъ Россіи образовавшихся

тамъ республикъ, а Батумъ, какъ вывозной портъ для нефти, насколько возможно сохранить въ своихъ рукахъ.

* *
*

Весенній періодъ 1919 года ознаменовался не только крупными военными неудачами на фронтѣ вооруженныхъ силъ юга Россіи, но и полнымъ разочарованіемъ въ размѣрахъ той помощи, которую мы ожидали отъ союзниковъ, основываясь на заявленіяхъ ихъ представителей при арміи.

Несмотря на рядъ телеграммъ, посылавшихся въ Англію военнымъ представителемъ Британіи, генераломъ Пуль, транспорты съ обѣщаннымъ матеріаломъ и вооруженіемъ не приходили.

3/16 февраля 1919 года прибылъ генералъ Бригсъ, замѣнившій генерала Пуль.

6/19 февраля прибылъ въ Новороссійскъ первый транспортъ съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, одеждой и другимъ снабженіемъ; вслѣдъ за этимъ транспортомъ должны были придти другіе и доставить все необходимое по расчету на 250-тысячную армію.

Еще въ ноябрѣ 1918 года, согласно заявленію, сдѣланнаго генераломъ Бертело (былъ главнокомандующимъ арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи) генералу Щербачеву (былъ военнымъ представителемъ генерала Деникина сначала въ Румыніи, а затѣмъ адмирала Колчака и генерала Деникина въ Парижѣ) для занятія важныхъ центровъ на югѣ Россіи было предположено двинуть двѣнадцать дивизій союзныхъ войскъ (французскихъ и греческихъ).

Присылка союзныхъ войскъ въ Одессу и Крымъ разматривалась, какъ начало приведенія въ исполненіе намѣченнаго плана.

Послѣ же эвакуаціи Одессы и Крыма стало ясно, что на новую присылку союзныхъ войскъ мы разсчитывать не можемъ.

Намѣченный первоначально планъ спокойнаго формированія арміи въ раіонахъ, обезпеченныхъ союзными войсками и прикрытыхъ со стороны большевиковъ вооруженными силами юга Россіи, рухнулъ.

Послѣ пріѣзда въ Екатеринодаръ Главнокомандующаго британскими войсками на ближнемъ Востокѣ, генерала Мильна*, стало ясно, что помощь союзниковъ ограничится присылкой снабженія для арміи и моральной поддержкой.

Размѣръ снабженія по расчету на 250-тысячную армію, на первый взглядъ, казался достаточнымъ, но если принять во вниманіе, что это снабженіе должно было прибывать постепенно, на протяженіи долгаго времени, то, при громадной убыли въ арміи (ранеными, убитыми, плѣнными и дезертирами), ясно было, какъ это впослѣдствіи и подтвердилось, что нѣкоторыхъ категорій снабженія, особенно обмундированія, должно было не хватить.

Передъ Командованіемъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи стала задача, выполнить тотъ же планъ по освобожденію отъ большевиковъ Россіи, но въ несравненно болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ это намѣчалось первоначально.

Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что съ потерей Одессы, сѣвернаго побережья Чернаго моря и Крыма, и невозможности разсчитывать на скорое возвращеніе обратно оставленныхъ раіоновъ, утрачивалась надежда на скорое

* Весной 1919 г.

возстановленіе нормальной торгово-промышленной жизни края, а вмѣстѣ съ этимъ терялась возможность получить отъ союзниковъ кредитъ, безъ котораго являлось почти непреоборимымъ препятствіемъ возсоздать и наладить нормальную жизнь на Югѣ Россіи.

* *
*

Одесская Добровольческая Бригада генерала Тимановскаго, отошедшая въ Румынію при оставленіи Одессы французами, стала прибывать на судахъ въ Новороссійскъ 21 апрѣля (4 мая).

Въ результатѣ своихъ мытарствъ, прибывшія части бригады не имѣли ни одной лошади, ни одной походной кухни, ни одной повозки, ни одной палатки.

Артиллерія представляла только одинъ личный составъ.

Люди 2 мѣсяца не были въ банѣ и многіе 2 мѣсяца не мѣняли бѣлья.

Вообще видъ людей былъ самый жалкій, ободранный.

Надо сказать правду — прибытіе въ такомъ видѣ бригады, работавшей подъ Одессой совмѣстно съ французами, отошедшей по ихъ же требованію въ Румынію и тамъ разоруженной, произвело удручающее впечатлѣніе и вызвало взрывъ негодованія противъ французовъ.

* *
*

Къ маю вся Малороссія снова превратилась въ театръ гражданской войны. Въ ней боролись самыя разнообразныя теченія, объединенныя лишь общей ненавистью къ совѣтской власти и къ установленному ею режиму. Наиболѣе крупными возстаніями противъ совѣтской власти руководили на югѣ Малороссіи Григорьевъ (первоначально ставшій на сторону совѣтской власти) и Махно.

Возстанія въ Екатеринославской губерніи облегчили боевую работу Добровольческой Арміи въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ.

Псявленіе, въ первыхъ числахъ мая, въ этомъ раіонѣ танковъ произвело ошеломляющее впечатлѣніе на дрогнувшія совѣтскія войска.

Въ общемъ, періодъ съ 21 апрѣля (4 мая) по 15/28 мая ознаменовался полнымъ разгромомъ красныхъ на р. Манычъ и въ каменноугольномъ Донецкомъ раіонѣ.

Кавказская Армія, подъ начальствомъ генерала Врангеля, одержала рядъ серьезныхъ успѣховъ на Царицынскомъ направленіи.

Послѣ 15/28 мая боевые успѣхи продолжали развиваться на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи.

Преслѣдуя разбитаго на линіи Манычскихъ озеръ противника, части Кавказкой Арміи къ 31 мая (12 іюня) подошли къ самому городу Царицыну.

Послѣ упорныхъ боевъ, 17/30 іюня, заранѣе укрѣпленная красными позиція была взята, и г. Царицынъ былъ занятъ арміей генерала Врангеля.

На фронтѣ Донской Арміи, Донцы вошли въ связь съ возставшими казаками Верхне-Донского округа, а къ 15/28 іюня очистили отъ большевиковъ всю свою область.

Къ этому же времени были очищены отъ большевиковъ большая часть губерній Харьковской (Харьковъ былъ нами занятъ 11/24 іюня) и Екатеринославской, и почти вся территорія Крыма.

Развивая достигнутые успѣхи, наши части вступили въ предѣлы Саратовской, Тамбовской, Воронежской и Полтавской губерній.

Столь успѣшному продвиженію нашихъ войскъ, въ значительной степени, способствовала начавшаяся деморализація совѣтскихъ войскъ.

Получалось впечатлѣніе, что сопротивленіе большевиковъ окончательно сломлено и что они не въ силахъ сдерживать наступленіе нашихъ войскъ на сѣверъ.

Но главнокомандующій и его штабъ отлично понимали, что наше положеніе недостаточно прочно, такъ какъ фронтъ Добровольческой Арміи страшно растянулся, вездѣ былъ слабъ и не было свободныхъ резервовъ.

Съ одной стороны, нужно было остановиться, пополнить убыль въ рядахъ, образовать резервы, привести въ порядокъ тылъ; но, съ другой стороны, рискованно было давать противнику передышку, являлся соблазнъ развивать успѣхъ, не давать оправиться разстроеннымъ частямъ войскъ совѣтскаго правительства.

Послѣ занятія Харькова и Царицына, для развитія дальнѣйшихъ операцій, можно было поступить двояко:

Перейдя къ оборонѣ у Царицына, взять изъ состава Кавказской Арміи генерала Врангеля все, что только возможно (считали, что можно взять 3½—4 конныхъ дивизіи), перевезти ихъ на Харьковскій фронтъ и развивать наступленіе по кратчайшему направленію на Москву. Или же, перейдя къ оборонѣ на Харьково—Московскомъ направленіи, развивать операціи отъ Царицына на Саратовъ, съ цѣлью занятія этого важнаго пункта а затѣмъ уже, съ юга и юго-востока, перейти въ наступленіе на Москву.

Первое рѣшеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, сулило болѣе быстрое занятіе Москвы и скорѣйшее завершеніе борьбы.

Другіе же считали, что лучше принять второе рѣшеніе, которое дастъ возможность оказать болѣе дѣйствительную помощь арміямъ адмирала Колчака и, кромѣ того, дастъ возможность пополнить и привести въ порядокъ Добровольческую Армію, которая, когда обстановка потребуетъ, перейдетъ въ наступленіе на Москву съ юга.

Генералъ Деникинъ приказалъ командующему Кавказкой Арміей, генералу Врангелю, начать операціи въ направленіи на Саратовъ.

Командующему Добровольческой Арміей, генералу Май-Маевскому, приказано было, не зарываясь впередъ, продвинуть къ сѣверу и западу авангарды для надежнаго прикрытія Харьковскаго раіона и принять самыя энергичныя мѣры для пополненія арміи и для устройства ея тыла.

* *
*

Несмотря на благопріятное развитіе военныхъ операцій на всѣхъ фронтахъ армій юга Россіи, внутреннее политическое состояніе, къ 1/14 іюня, приняло крайне тревожное положеніе.

По мѣрѣ отдаленія большевистской опасности, политическіе дѣятели казачьихъ областей стали проявлять все большее и большее стремленіе отдѣлаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства генерала Деникина и состоящихъ при немъ органовъ власти въ государственную жизнь казачьихъ областей.

Затѣмъ политическіе дѣятели казачьихъ областей указывали, что такъ какъ казачество въ рядахъ вооруженныхъ силъ юга Россіи является по численности главной силой, на которую опирается главное командованіе, то казачество не

только имѣетъ право, но должно принимать непосредственное участіе въ государственномъ строительствѣ въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ Россіи.

Будучи совершенно не согласными съ конструкціей власти, установленной генераломъ Деникинымъ, и отрицая правильность назначенія министровъ (начальниковъ управленій) единоличной властью главнокомандующаго, они продолжали настаивать на созданіи Юго-Восточнаго союза, со включеніемъ въ него и Кавказскихъ государственныхъ новообразованій.

Добровольческая же армія, по ихъ мнѣнію, могла войти въ составъ союза лишь какъ равноправный членъ.

При этихъ условіяхъ значеніе главнаго командованія Добровольческой Арміи совершенно обезличивалось бы и являлось серьезное опасеніе, что цѣли и идеи борьбы съ большевиками, по возсозданію Единой Великой Россіи, провозглашенные адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Деникинымъ, будутъ совершенно извращены.

Генералъ Деникинъ, не отрицая необходимости договориться съ казачествомъ и устранить всѣ тренія, не соглашался на разрѣшеніе вопроса въ томъ видѣ, какъ предлагали представители казачества, и отношенія между ними и Главнымъ Командованіемъ все болѣе и болѣе портились. Не возражали представители казачества лишь противъ полнаго подчиненія казачьихъ войскъ генералу Деникину въ оперативномъ отношеніи. Но и здѣсь чувствовалась возможность, въ будущемъ серьезныхъ недоразумѣній: среди политическихъ дѣятелей казачества было много такихъ, которые свои личные и мѣстные интересы ставили выше интересовъ государственныхъ, и которые не возражали противъ полнаго подчиненія казачьихъ воинскихъ силъ генералу Деникину только вслѣдствіе того, что знали, что весь казачій командный составъ будетъ подчиняться генералу Деникину и что этотъ вопросъ открыто они ставить не могутъ.

Эти господа начали агитацію и пропаганду въ казачьихъ войскахъ и пытались проводить мысль, что казачество должно вести борьбу съ большевиками лишь до полнаго освобожденія казачьихъ областей и обезпеченія ихъ отъ посягательствъ со стороны совѣтской власти.

Особое неудовольствіе и даже ненависть политическихъ дѣятелей казачьихъ войскъ были направлены противъ «Особаго Совѣщанія» (Правительства), состоявшаго при генералѣ Деникинѣ и проводившаго въ жизнь программу имъ провозглашенную.

Интересно отмѣтить, что этими лицами «Особое Совѣщаніе» никогда, гласно, не отождествлялось съ генераломъ Деникинымъ, какъ будто это былъ какой-то совершенно обособленный зловредный органъ, проводившій свою, а не генерала Деникина, политику.

Но это понятно. Большинство изъ этихъ «политиковъ» были мелкіе мѣстные дѣятели, не отличавшіеся достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ, и не смѣвшіе вступить въ открытую борьбу съ генераломъ Деникинымъ, за которымъ стояла не только Добровольческая Армія, но и казачьи войска.

Зато «Особое Совѣщаніе» и его отдѣльные члены мѣшались съ грязью, и противъ нихъ велась открытая и непримиримая борьба, какъ путемъ выступленія въ казачьихъ законодательныхъ учрежденіяхъ такъ и пропагандой въ раіонахъ казачьихъ областей.

Особенно старались представители, такъ называемыхъ, «самостійныхъ» круговъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Серьезность создавшагося положенія въ тылу борющихся за освобожденіе Россіи арміи не могло не безпокоить Главное Командованіе.

Прибывшая къ этому времени (25 мая/7 іюня) изъ Парижа делегація отъ политическаго Совѣщанія, въ составѣ генерала Щербачева, Аджемова и Вырубова, освѣтила положеніе русскаго вопроса на мирной конференціи въ смыслѣ признанія единаго Всероссійскаго Правительства въ лицѣ Верховнаго правителя адмирала Колчака, въ случаѣ признанія его всѣми борющимися противъ большевиковъ въ Россіи силами.

Подобное признаніе несомнѣнно повліяло бы на отношеніе Правительствъ Державъ Согласія къ домогательствамъ отдѣльныхъ государственныхъ новообразованій — въ отрицательную для нихъ сторону и, тѣмъ самымъ, вырвало бы почву изъ-подъ ихъ ногъ.

Генералъ Деникинъ рѣшилъ признать власть адмирала Колчака, и 30 мая (12 іюня) отдалъ слѣдующій приказъ:

«Безмѣрными подвигами Добровольческой Арміи, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и Горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхомъ русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами, въ глубокомъ тылу, зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ единой Верховной власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи».

Къ сожалѣнію, начавшіяся неудачи на Сибирскомъ фронтѣ анулировали значеніе этого приказа.

* *
*

Военный представитель Великобританскаго Правительства при генералѣ Деникинѣ генералъ Бригсъ былъ замѣненъ генераломъ Хольманомъ.

Мы всѣ были крайне огорчены отъѣздомъ генерала Бригса, показавшаго себя искреннимъ другомъ Россіи и помогавшаго вооруженнымъ силамъ юга Россіи всѣмъ, чѣмъ онъ могъ.

На прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь генерала Бригса 30 мая (12 іюня), онъ, между прочимъ, сказалъ: «Здѣсь въ Екатеринодарѣ творится великое дѣло. Дѣла на всѣхъ фронтахъ блестящи. Не то въ тылу. Здѣсь мелкіе политиканы занимаются мелкими интригами, въ то время, какъ необходимо единство...

..... Я надѣюсь, что смогу принести Добровольческой Арміи въ Лондонѣ бо̀льшую пользу, чѣмъ я могъ бы сдѣлать, оставаясь въ Екатеринодарѣ».

Генералъ Хольманъ привезъ генералу Деникину письмо отъ военнаго министра Великобританіи, лорда Черчиля, въ которомъ, между прочимъ, было

сказано: «Цѣль пріѣзда генерала Хольмана — всяческимъ образомъ помочь Вамъ въ Вашей задачѣ сломить большевистскую тиранію».

Генералъ Хольманъ, какъ и французскіе военные представители, до самаго конца, самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ генерала Деникина.

* * *

Съ продвиженіемъ нашихъ армій вглубь Россіи, сталъ на очереди вопросъ о возстановленіи въ освобождаемыхъ раіонахъ органовъ администраціи и разрушенныхъ въ корнѣ аппаратовъ мѣстнаго городского и земскаго самоуправленій.

Было отдано распоряженіе, чтобы немедленно послѣ освобожденія отъ большевиковъ новыхъ территорій назначалась на мѣста губернская и уѣздная администрація, устраивался судебный аппаратъ, формировались въ каждой губерніи бригады государственной стражи и возстановилась дѣятельность органовъ городского и земскаго самоуправленій.

Отчасти недостатокъ выбора для назначенія подходящихъ лицъ, а отчасти ничтожное денежное содержаніе, установленное для оплаты служащихъ, крайне затрудняло назначенія на должности, и на отвѣтственныя мѣста часто попадали совершенно не подходящіе люди, или не справлявшіеся со своимъ дѣломъ, или бравшіе съ населенія взятки и допускавшіе всевозможныя злоупотребленія.

По этимъ же причинамъ, а также вслѣдствіе недостатка вооруженія и обмундированія, формированіе государственной стражи встрѣтило большія затрудненія, и порядокъ въ тылу не налаживался.

Нѣкоторыя затрудненія и недоразумѣнія вызвала попытка Донского Войскового Круга установить свой порядокъ управленія въ тѣхъ раіонахъ Россіи, которые занимались Донской Арміей. Это было тѣмъ опасно, что законы, проводившіеся черезъ Донской Кругъ, были отличны отъ законовъ, проводимыхъ Главнокомандующимъ черезъ Особое Совѣщаніе.

Не допуская установленія разнообразнаго порядка управленія въ освобождаемыхъ смежныхъ губерніяхъ, генералъ Деникинъ принужденъ былъ 6/19 іюня отдать слѣдующій приказъ:

«Всѣ занимаемыя на югѣ Россіи территоріи, лежащія внѣ предѣловъ областей казачьихъ войскъ, въ границахъ ихъ существованія до 28 октября (10 ноября) 1917 года, поступаютъ въ управленіе Верховнаго Правителя Россіи, а временно — въ управленіе Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Крупные успѣхи армій на фронтѣ омрачились донесеніями, что крестьяне освобожденныхъ отъ большевиковъ раіоновъ начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ началось, при помощи войскъ, возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ.

Генералъ Деникинъ, 9/22 іюня, обратился къ Командующимъ арміями со слѣдующей телеграммой:

«По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками при наступленіи въ очищенныя отъ большевиковъ мѣста являются владѣльцы, насильственно возстанавливающіе, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести.

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго

и административнаго аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ. Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти.

Насильниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія, отдѣльныхъ лицъ или группъ, должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ. Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популярность арміи падать; вмѣсто одного насилія появится другое, населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой Арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

* *
*

Въ связи съ признаніемъ генераломъ Деникинымъ власти адмирала Колчака, у Главнокомандующаго состоялось засѣданіе при участіи атамановъ и предсѣдателей правительствъ казачьихъ войскъ.

Представители казачьихъ войскъ не возражали противъ признанія адмирала Колчака Верховнымъ Главнокомандующимъ, но, относительно признанія его Верховнымъ Правителемъ Россіи, высказались, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ компетенціи законодательныхъ учрежденій областей.

Вмѣстѣ съ этимъ представители казачества указали на то, что при созданіи Всероссійской власти и опредѣленія ея задачъ казачество считаетъ необходимымъ руководствоваться декларацією Донского Войскового Круга, объявленной 1/14 іюня*.

---

* Донскимъ войсковымъ Кругомъ, передъ закрытіемъ послѣдней весенней сессіи, была объявлена слѣдующая декларація:

«Войсковой Кругъ В. В. Д., прерывая свои работы до слѣдующей сессіи, считаетъ необходимымъ огласить во всеобщее свѣдѣніе основныя начала, коими онъ руководствуется въ дѣлѣ государственнаго строительства и указать ближайшія задачи законодательства.

1) Главнѣйшей цѣлью въ настоящее время войсковой Кругъ считаетъ рѣшительную борьбу съ большевизмомъ, поправшимъ законъ, разорившимъ трудовое достояніе народа и повергшимъ Россію въ бездну анархіи. Продолженіе этой борьбы, необходимой для спасенія Россіи, Кругъ мыслитъ въ условіяхъ вѣрности доблестнымъ союзникамъ нашимъ и въ непремѣнномъ боевомъ сотрудничествѣ не только съ арміями Колчака, Деникина, казачествомъ и горцами, но и съ самимъ русскимъ народомъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы войска.

2) Войсковой Кругъ считаетъ виновными въ постигшемъ Россію развалѣ главнымъ образомъ вдохновителей большевизма — комиссаровъ и такъ называемыхъ коммунистовъ, насилующихъ русскій народъ терроромъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ, и не допускаетъ мысли о мести въ отношеніи къ широкимъ народнымъ массамъ, хотя бы и брошеннымъ въ братоубійственную бойню безумной рукой политическихъ проходимцевъ.

3) Будущую Россію войсковой Кругъ мыслитъ, какъ единую свободную демократическую страну съ государственнымъ устройствомъ, какое будетъ дано ей волей и разумомъ самого народа на новомъ Учредительномъ собраніи, которое должно быть созвано на началахъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, при тайномъ голосованіи. Войсковой Кругъ считаетъ, что это право — самому рѣшить свою судьбу — есть

Ясно было, что никакое признаніе адмирала Колчака не измѣнитъ запутаннаго положенія на югѣ Россіи до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся договориться съ казачествомъ. Совѣщаніе, собранное генераломъ Деникинымъ, признало необходимымъ, въ возможно ближайшее время, достигнуть соглашенія между казачествомъ и представителями Главнаго Командованія по вопросамъ о созданіи на югѣ Россіи единой правительственной власти. Для участія въ работахъ конференціи казачьихъ войскъ по созданію южно-русской власти представителями отъ Главнаго Командованія были назначены: М. М. Федоровъ, Н. В. Савичъ, В. Н. Челищевъ, А. С. Щетининъ и В. П. Носовичъ.

Представители политическихъ группъ (Союза Возрожденія, Совѣта Государственнаго Объединенія и Всероссійскаго Національнаго Центра), съ цѣлью, поддержать генерала Деникина и укрѣпить его положеніе, на объединенномъ засѣданіи 5/18 іюня, приняли слѣдующую резолюцію:

неотъемлемое достояніе русскаго народа, оправданное его страданіями, и не допускаетъ мысли, чтобы кто бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ посягнулъ на это право.

4) Непремѣнными условіями будущаго устройства Россіи Кругъ считаетъ: а) государственную автономію съ правомъ законодательства по вопросамъ мѣстнаго значенія и правомъ заключенія областныхъ политическихъ, экономическихъ и національныхъ союзовъ, и б) правовой порядокъ, дѣйствительно обезпечивающій гражданскія свободы, огражденныя закономъ и системой управленія.

5) Неотложной задачей строительства жизни на мѣстахъ, по мѣрѣ продвиженія боевыхъ силъ за предѣлы войска, войсковой Кругъ считаетъ принятіе всѣхъ мѣръ къ незамедлительному возстановленію тамъ нормальнаго правопорядка, основаннаго на законѣ, съ отмѣной исключительныхъ положеній, и возстановленіе органовъ земскаго и городского самоуправленія.

Непремѣннымъ условіемъ такого строительства жизни на мѣстахъ Кругъ считаетъ организацію временной до Учредительнаго Собранія Всероссійской власти, въ которой принимали бы участіе государственныя образованія, ведущія активную борьбу за возстановленіе Россіи.

6) Очередной задачей рабочаго законодательства, строительство котораго должно проходить въ сотрудничествѣ съ рабочимъ представительствомъ, войсковой Кругъ ставитъ повышеніе производительности и обезпеченіе труда отъ эксплоатаціи государствомъ или капиталомъ. Въ частности основаніями рабочаго законодательства войсковой Кругъ полагаетъ: а) право профессіональныхъ союзовъ для обезпеченія экономическихъ интересовъ рабочихъ, б) 8-ми часовый рабочій день въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, в) учрежденіе примирительныхъ камеръ и промысловыхъ судовъ, г) развитіе государственнаго страхованія рабочихъ, д) охрану здоровья трудящихся, въ частности женщинъ и дѣтей, и е) борьбу съ безработицей.

7) Кругъ уже принялъ законъ о землѣ, утвержденный на принципѣ, что земля принадлежитъ трудящимся на ней, и отчужденныя земли крупнаго и средняго частнаго землевладѣнія выдѣлилъ въ особый фондъ для надѣленія землею малоземельнаго и безземельнаго казачьяго и коренного крестьянскаго населенія Войска.

Убѣжденный въ исключительной политической важности земельной реформы, Кругъ считаетъ недопустимымъ рѣшеніе земельнаго вопроса за предѣлами Войска въ формѣ возвращенія до революціонныхъ земельныхъ отношеній, или ликвидацію земельныхъ отношеній революціоннаго времени въ порядкѣ административныхъ штрафовъ и взысканій.

8) Коренное крестьянское населеніе области войсковой Кругъ мыслитъ какъ полноправный въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи элементъ, и озабоченъ вопросомъ объ обезпеченіи его права на участіе въ самоуправленіи и законодательствѣ.

9) Неотложной ближайшей заботою войсковой Кругъ считаетъ заключеніе въ кратчайшій срокъ Юго-Восточнаго Союза, въ первую очередь съ Терекомъ и Кубанью, для укрѣпленія экономической мощи края и утвержденія кровью добытыхъ автономныхъ правъ, при дружномъ боевомъ сотрудничествѣ съ главнымъ командованіемъ юга Россіи въ дѣлѣ осуществленія общихъ задачъ по возсозданію единой Великой Родины-Россіи.

10) Разработку законопроектовъ по содержанію настоящей декларації Кругъ поручаетъ правительству и комиссіи законодательныхъ предположеній войскового Круга».

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: Союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный Центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго Государства, какъ Единаго Цѣлаго. Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самозабвенномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго Ея государственное объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ, довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народными массами, какъ избавитель отъ тиранніи большевиковъ и глава объединенной Россіи; Всероссійское же Правительство, возглавляемое адмираломъ Колчакомъ, получитъ санкцію международнаго признанія.

Да здравствуетъ воскресшая Россія. Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшіе на себя подвигъ возрожденія Россіи къ новой свободной жизни.

Подписали: Предсѣдатель Національнаго Центра Федоровъ, Предсѣдатель Совѣта Государственнаго Объединенія Россіи Кривошеинъ, Предсѣдатель Союза Возрожденія Мякотинъ».

* *
*

Признаніе власти адмирала Колчака вызвало необходимость разрѣшенія ряда вопросовъ первостепенной государственной важности. Главнокомандующимъ, 8/21 іюня, была командирована въ Парижъ спеціальная делегація въ составѣ предсѣдателя Особаго Совѣщанія генерала А. М. Драгомирова и членовъ Особаго Совѣщанія: Н. И. Астрова, К. Н. Соколова и А. А. Нератова. Впослѣдствіи къ ней долженъ былъ присоединиться М. В. Бернацкій.

Делегаціи поручено было передать изъ Парижа адмиралу Колчаку подробный докладъ объ организаціи управленія на югѣ Россіи и получить отъ Верховнаго Правителя соотвѣтствующія указанія. Затѣмъ на делегацію была возложена задача постараться познакомить политическихъ дѣятелей въ Парижѣ и Лондонѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣла на югѣ Россіи и разрѣшить рядъ экономическихъ, финансовыхъ и торговыхъ вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

На время отсутствія генерала Драгомирова я былъ назначенъ временно-исполняющимъ обязанности предсѣдателя «Особаго Совѣщанія», съ оставленіемъ въ должности Начальника военнаго управленія.

* *
*

Въ ночь на 14/27 іюня въ Ростовѣ былъ убитъ предсѣдатель Краевой Кубанской Рады Н. С. Рябоволъ, бывшій членомъ конференціи по созданію южно-русскаго союза.

Убійца не былъ открытъ, но упорно распространялись слухи, что онъ офицеръ Добровольческой Арміи, гвардеецъ-монархистъ.

Въ Кубанскомъ оффиціальномъ органѣ «Вольная Кубань» появилась статья, за подписью Ю. Разумовскаго, которая кончалась такъ: «Говорятъ о возможности ухода Кубанцевъ съ фронта. Говорятъ и сами пугаются, такъ какъ всѣ отлично знаютъ, что на фронтѣ тамъ, далеко, кубанцы, терцы, донцы, а добровольцы ютятся въ штабахъ, театрахъ и интендантствахъ».

На торжественномъ засѣданіи въ Екатеринодарѣ двухъ Кубанскихъ Радъ (краевой и законодательной), посвященномъ памяти Н. С. Рябовола, нѣкоторые ораторы, опредѣленно намекая, что убійство совершено офицеромъ Добровольческой Арміи — монархистомъ, открыто возбуждали противъ «Особаго Совѣщанія», проводящаго, яко-бы, преступную помѣщичью политику и стремящагося, вопреки воли народа, вернуть Россію къ старому режиму.

Начиная съ этого времени, агитація на Кубани и среди Кубанскихъ частей, направленная противъ идей, проводимыхъ Командованіемъ, а въ частности противъ «Особаго Совѣщанія» — усилилась.

* *
*

Успѣхи Добровольческой Арміи, занятіе Харькова и Екатеринослава, вступленіе передовыхъ отрядовъ въ Полтавскую губернію — серьезно отразились на положеніи совѣтской власти въ Малороссіи.

Въ Полтавской губерніи, послѣ 15/28 іюня, возстаніе противъ «совѣтовъ» охватило весь раіонъ губерніи.

Повстанческое Командованіе предъявило Украинскому совѣтскому правительству ультиматумъ, требуя немедленно отказаться отъ власти.

Совѣтская власть объявила Кіевъ, Одессу, Херсонъ и Николаевъ на осадномъ положеніи.

Въ то же время Петлюра, учитывая возможность занятія въ ближайшее время всей Малороссіи войсками Добровольческой Арміи, собралъ остатки своихъ войскъ и повелъ рѣшительное наступленіе отъ Галиційской границы на Кіевъ. Разложившіяся большевистскія войска не могли дать отпора даже Петлюровскимъ почти не организованнымъ войскамъ, и 26 іюня (9 іюля) войска Петлюры прервали сообщеніе Кіева съ Одессой, заняли Жмеринку и повели наступленіе на Кіевъ.

Въ этотъ же періодъ, 16/29 іюня, нашими войсками было закончено очищеніе отъ большевиковъ Крыма.

Несмотря на первоначальное рѣшеніе не зарываться впередъ и не растягивать свои и безъ того слабыя силы, слагавшаяся обстановка на правомъ берегу Днѣпра соблазнила отступить отъ первоначальнаго плана.

Занятіе такихъ центровъ, какъ Одесса и Кіевъ, представлялось слишкомъ заманчивымъ.

29 іюля (11 августа) былъ занятъ Кременчугъ, 1/14 августа части Добровольческой Арміи подошли къ Курску, а затѣмъ были заняты Одесса и Кіевъ (18/31 августа).

Кавказская Армія, послѣ занятія 15/28 іюля Камышина, приблизилась на 60 верстъ къ Саратову. Дальнѣйшія операціи въ направленіи на Саратовъ успѣхомъ не увѣнчались.

Противникъ понялъ всю серьезность угрозы коммуникаціоннымъ путямъ своего восточнаго фронта и, временно пренебрегая продвиженіемъ Добровольческой Арміи отъ Харькова къ сѣверу, сосредоточилъ все, что могъ, къ Саратову и перешелъ въ наступленіе противъ Кавказской Арміи. Значительныя силы противникъ перевелъ къ Саратову съ Сибирскаго фронта.

Обрушившись на Кавказскую Армію, ослабленную тысячеверстнымъ походомъ и выдѣленіемъ части своихъ силъ на Харьковскій фронтъ, противникъ отбросилъ ее къ югу.

Отошедшіе къ Царицыну части Кавказской Арміи были настолько ослаблены, что не представляли изъ себя уже серьезной силы и на армію была возложена задача удерживать Царицынъ и способствовать, съ сѣвера, операціямъ генерала Эрдели противъ Астрахани (развивавшимся вдоль Каспійскаго моря).

* *
*

Съ освобожденіемъ отъ большевиковъ Крыма, Екатеринославской и Харьковской губерній, признано было возможнымъ осуществить прежде намѣчавшійся переводъ штаба Главнокомандующаго и Особаго Совѣщанія съ территоріи Кубанскаго Казачьяго Войска.

Было стремленіе расположить эти учрежденія вообще внѣ территоріи казачьихъ войскъ. Но, вслѣдствіе невозможности имѣть достаточно помѣщеній въ небольшихъ городахъ юга Россіи, пришлось остановиться на выборѣ города Таганрога для штаба и города Ростова для учрежденій Особаго Совѣщанія.

Ставка 15/28 іюля перешла въ Таганрогъ, а центральныя управленія Особаго Совѣщанія, нѣсколько позже, въ Ростовъ.

Размѣщеніе штаба съ Главнокомандующимъ въ одномъ мѣстѣ, а управленій Особаго Совѣщанія въ другомъ, при скверномъ желѣзнодорожномъ сообщеніи, вызывавшемъ на поѣздки Главнокомандующаго въ Ростовъ или начальниковъ управленій въ Таганрогъ потерю цѣлаго дня, было болѣе чѣмъ неудачно.

Правда, Главнокомандующій, при этихъ условіяхъ, имѣлъ возможность располагать большимъ временемъ для работъ съ начальникомъ штаба, но дѣло гражданскаго управленія отъ этого страдало.

Если прибавить къ этому, что у насъ вообще не была строго разграничена компетенція штаба и нѣкоторыхъ центральныхъ управленій, то станетъ понятно, что, съ размѣщеніемъ ихъ въ разныхъ пунктахъ, стали возникать различныя тренія и недоразумѣнія.

24 августа (6 сентября) вернулась изъ Парижа делегація во главѣ съ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія.

Генералъ Драгомировъ былъ назначенъ Главноначальствующимъ и Командующимъ войсками Кіевской области, а мнѣ было указано продолжать исполнять обязанности предсѣдателя Особаго Совѣщанія.

* *
*

Съ переходомъ штаба въ Таганрогъ я видѣлъ главнокомандующаго только разъ въ недѣлю и не былъ поэтому въ курсѣ всѣхъ текущихъ, ежедневныхъ оперативныхъ распоряженій.

Издали получалось впечатлѣніе, что основная директива не зарываться впередъ, а заняться приведеніемъ въ порядокъ войскъ и устройствомъ тыла, нарушалась войсками Добровольческой Арміи самовольно; при чемъ съ продвиженіемъ войскъ впередъ и занятіемъ все новыхъ и новыхъ пунктовъ штабъ мирился какъ съ совершившимся, и при томъ пріятнымъ, фактомъ.

Курскъ былъ занятъ для болѣе надежнаго прикрытія Харькова и обезпеченія желѣзно-дорожнаго сообщенія въ предѣлахъ Харьковской области.

Части же войскъ, выдвинутыя для обезпеченія Курска, какъ магнитомъ тянулись къ сѣверу.

Противникъ сѣрьезнаго сопротивленія не оказывалъ и части постепенно продвигались впередъ, стараясь скорѣй приблизиться къ Москвѣ.

Въ октябрѣ былъ занятъ Орелъ.

Но, на ряду съ успѣхами на фронтѣ, изъ тыловыхъ раіоновъ арміи все чаще и чаще стали поступать свѣдѣнія о возростающемъ неудовольствіи среди крестьянъ и рабочихъ.

Неудовольствія и возмущенія крестьянъ происходили вслѣдствіе участившихся случаевъ безплатныхъ реквизицій, грабежей и поддержки войсками помѣщиковъ, вымѣщавшихъ на крестьянахъ свои потери и убытки. Недовольство рабочихъ объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что приходъ Добровольческой Арміи не улучшалъ условія ихъ жизни, которыя становились все болѣе и болѣе трудными.

Въ концѣ сентября генералу Деникину была представлена слѣдующая справка:

«Всюду, куда приходитъ Добровольческая Армія, крестьянство — и великорусское и малорусское — встрѣчаетъ ее съ радостью, какъ избавительницу отъ безчинствъ, творимыхъ до нея большевиками, петлюровцами и различными атаманами и батько. Крестьяне ждутъ отъ Добровольческой Арміи внесенія въ ихъ жизнь началъ правопорядка, считая ее большой силой, которая все устроитъ и все наладитъ.

Къ укорененію указанныхъ началъ направлены всѣ стремленія центральной власти. Однако на мѣстахъ далеко не всѣ администраторы исполнены тѣхъ же стремленій. Нѣкоторые изъ нихъ придаютъ всей своей дѣятельности характеръ защиты интересовъ одного, немногочисленнаго и не популярнаго въ широкихъ кругахъ населенія, класса, а именно — крупныхъ землевладѣльцевъ. Другіе, получивъ видное мѣсто, стараются какъ можно скорѣе вознаградить себя сторицею за мѣсяцы вынужденной нищеты и униженія, проявляя «полноту власти», причемъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, начинаютъ съ того, что обращаютъ свое особенное вниманіе на крестьянство, начинаютъ извлекать изъ его среды виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ еще въ 1917 году, заставляютъ крестьянъ платить убытки, причиненные когда то, по цѣнамъ существующимъ въ настоящее время и пр. Наконецъ, администраторы третьяго типа, уклоняются отъ вмѣшательства во взаимоотношенія между возвращающимися въ свои имѣнія помѣщиками и крестьянами, предоставляя событіямъ идти своимъ порядкомъ. Въ результатѣ страдательной стороной являются опять-таки крестьяне.

Среди крестьянъ найдутся быть можетъ лишь ничтожныя единицы, не принимавшія активнаго участія въ разореніи и обезземеливаніи помѣщичьихъ хозяйствъ. Это — истина непреложная. Но вычитываніемъ всѣхъ винъ крестьянству въ настоящее время, немедленнымъ наложеніемъ на него, быть можетъ, вполнѣ имъ заслуженныхъ, каръ, мѣстная администрація содѣйствуетъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ чья угодно агитація, необезпеченности тыла Добровольческой Арміи.

Общій голосъ съ мѣстъ: крестьяне встрѣтили Добровольческую Армію очень хорошо, сейчасъ отношеніе къ ней въ корнѣ измѣнилось. Конечно, въ этомъ виноваты не одни администраторы, виноваты также и тѣ войсковыя единицы и отдѣльные воинскіе чины, особенно изъ числа обозныхъ и туземцевъ, которые позволяютъ себѣ совершенно откровенный грабежъ населенія, но при благожелательной администраціи это зло было бы и легче устранимо и не играло бы роли послѣдней капли, переполняющей чашу крестьянскаго долготерпѣнія, каковую оно играетъ сейчасъ.

Полковникъ, недавно пріѣхавшій въ Ростовъ изъ Острогожскаго уѣзда, самъ крупный помѣщикъ, разсказываетъ, что крестьяне въ этомъ уѣздѣ, вооружившіеся противъ большевиковъ и имѣющіе хорошо спрятанные гдѣ-то не только винтовки и пулеметы, но даже орудія, теперь готовы пустить все это въ ходъ противъ Добровольческой Арміи, доведенные до этого грабежами, чинимыми войсками, а также безудержно разыгравшимися аппетитами помѣщиковъ, поощряемыхъ мѣстной администраціей. Оставленнымъ большевиками въ тылу нашихъ войскъ ячейкамъ для организаціи возстаній, такимъ образомъ, задача до нельзя облегчается, а насколько банды въ тылу нашихъ войскъ обѣщаютъ быть хорошо организованными, можетъ служить доказательствомъ то, что въ Острогожскомъ уѣздѣ у крестьянъ въ укромныхъ уголкахъ скрыты отличныя верховыя лошади съ полной конной амуниціей. Помощникъ уѣзднаго начальника одного изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, нынѣ возвратившійся въ Ростовъ, такъ какъ его уѣздъ снова занятъ большевиками, говоритъ, что уйдетъ въ оставку, такъ какъ вся администрація и войска наперерывъ стараются возбудить противъ себя населеніе, и онъ чувствуетъ свою полную безпомощность. Бывшій предводитель дворянства, крупный помѣщикъ, пишетъ изъ Курска: «у насъ въ губерніи благодаря ..... администраціи царитъ полный кавардакъ, который выльется не сегодня-завтра въ махновщину и зеленыхъ. Предѣла аппетитамъ помѣщиковъ не существуетъ, при этомъ все это дѣлается чертъ знаетъ какъ».

Все вышеизложенное побуждаетъ придти къ заключенію, что безъ оздоровленія администраціи и принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ грабительства отдѣльныхъ представителей арміи всѣ успѣхи Добровольческой Арміи на фронтѣ будутъ анулированы созданіемъ въ тылу новыхъ кадровъ махновцевъ, зеленоармейцевъ и прочихъ бандъ, пополняемыхъ, главнымъ образомъ, отчаявшимся во внесеніи въ его жизнь началъ права и порядка, такъ какъ вѣра въ организующую силу Добровольческой Арміи утеряна, — крестьянствомъ».

Главнокомандующимъ приказано было вновь подтвердить войскамъ и гражданской администраціи о необходимости не допускать въ тылу какихъ либо злоупотребленій.

Были командированы въ тыловые раіоны фронта особыя комиссіи, на обязанности которыхъ было разбирать всѣ случаи злоупотребленій и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Но это мало чему помогло.

Неустройство тыла арміи становилось все болѣе и болѣе грознымъ.

* *
*

Командованіе совѣтской арміи еще зимой 1918 г. поняло, что безъ конницы оно потерпитъ пораженіе и, въ теченіе зимы 1918—1919 годовъ, весны и лѣта 1919 г., настойчиво и крайне энергично приступило къ ея формированію.

Въ октябрѣ 1919 г. сформированныя части, усиленныя пѣхотой, посаженной на подводы, и сильными пулеметными командами, были выдвинуты противъ Добровольческой Арміи, очень растянутой по фронту и не пополненной въ должной степени.

Успѣхи большевиковъ противъ арміи адмирала Колчака и отступленіе Кавказской Арміи генерала Врангеля къ Царицыну дали возможность совѣтскому командованію сосредоточить главныя свои силы противъ Добровольческой и лѣваго фланга Донской Арміи.

Когда противникъ сталъ тѣснить части Добровольческой Арміи отъ Орла, 20 октября (2 ноября), было приказано изъ Кавказской Арміи перебросить въ раіонъ Харькова сначала двѣ Кубанскихъ конныхъ дивизіи, а затѣмъ еще полторы конныхъ дивизіи.

Но время было уже упущено, да и перевозимыя дивизіи, сильно потрепанныя въ бояхъ къ сѣверу отъ Царицына, были слабаго состава.

Подъ натискомъ противника Добровольческая Армія стала отходить къ югу.

Командующій Добровольческой Арміи, генералъ Май-Маевскій, былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ Командующій Кавказской Арміи генералъ Врангель *.

Генералъ Врангель прибылъ въ Добровольческую Армію 26 ноября (9 декабря), послѣ оставленія Харькова, и нашелъ армію въ полномъ отступленіи.

---

* При описаніи этого періода я совсѣмъ не касаюсь событій, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не знаю, такъ какъ указанія были даны генералу Врангелю непосредственно генераломъ Деникинымъ.

Въ двухъ словахъ, эти событія заключались въ слѣдующемъ: Кубанская делегація въ Парижѣ, въ составѣ Быча, Калабухова, Намитокова и Савицкаго, вела крайне вредную агитацію за границей, направленную противъ командованія Добровольческой арміи и за отдѣленіе Кубани отъ Россіи. Подписаніе этой делегаціей союзнаго договора съ меджилисомъ горскихъ народностей переполнило чашу терпѣнія, и генералъ Деникинъ приказалъ, въ случаѣ возвращенія на Кубань членовъ этой делегаціи, ихъ арестовать и предать военно-полевому суду.

Нѣкоторые члены краевой рады, во главѣ съ замѣстителемъ председателя рады И. Л. Макаренко, находясь въ постоянной связи съ «парижской делегаціей» и получая указанія отъ Быча, къ концу октября, опредѣленно выступили противъ командованія Добровольческой арміи и начали открытую пропаганду среди Кубанскихъ войсковыхъ частей.

Чтобы положить конецъ измѣническимъ дѣйствіямъ этой группы противъ русскаго дѣла, генералъ Деникинъ приказалъ включить Кубань въ тыловой раіонъ Кавказской арміи, съ назначеніемъ генерала Покровскаго командующимъ войсками этого раіона. Генералу Врангелю было поручено наблюсти за приведеніемъ въ порядокъ тыла.

Калабуховъ, пріѣхавшій изъ Парижа, и группа членовъ рады, такъ называемыхъ «самостійниковъ», были арестованы. И. Л. Макаренко успѣлъ скрыться.

Калабуховъ, по приговору военно-полевого суда, былъ 7/20 ноября повѣшенъ въ Екатеринодарѣ, а остальные арестованные члены рады были высланы за границу.

Въ своемъ донесеніи на имя главнокомандующаго генералъ Врангель указываетъ, что, ко дню его пріѣзда въ армію, въ боевомъ составѣ числилось всего около 3 600 штыковъ и 4 700 сабель и въ тылу находилась, отведенная для пополненія Алексѣевская дивизія, насчитывавшая не болѣе 300 штыковъ. Силы противника, по даннымъ развѣдки, состояли изъ 51.000 штыковъ, 7 000 сабель и 205 орудій.

Генералъ Врангель доносилъ: «Войска вслѣдствіе безпрерывныхъ переходовъ и распутицы переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно и артиллерія и обозы сплошь и рядомъ бросаются, такъ какъ лошади падаютъ по дорогѣ.

Состояніе конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованныя, всѣ подбиты. Масса истощенныхъ съ набитыми холками.

По свидѣтельству командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вотъ горькая правда. Арміи, какъ боевой силы, — нѣтъ . . .»

Касаясь причинъ развала арміи, генералъ Врангель, въ своемъ рапортѣ, пишетъ такъ:

«Безпрерывно двигаясь впередъ, армія растягивалась, части разстраивались, тылы непомѣрно разрастались. Разстройство армій увеличилось еще и допущенной Командующимъ Арміей* мѣрой «самоснабженія» частей.

Сложивъ съ себя всѣ заботы о довольствіи войскъ, штабъ арміи предоставилъ войскамъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами, используя ихъ попеченіемъ самихъ частей и обращая въ свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію . . .

Каждая часть спѣшила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на мѣстѣ — отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и обращенія въ денежные знаки . . . Подвижные запасы войскъ достигли гомерическихъ размѣровъ, — нѣкоторая части имѣли до двухсотъ вагоновъ подъ своими полковыми запасами . . . Огромное число чиновъ обслуживало тылы. Цѣлый рядъ офицеровъ находился въ длительныхъ командировкахъ по реализаціи военной добычи частей, для товарообмѣна и т. п.

Армія развращалась . . .

Въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ «самоснабженія», . . . оказались бѣшенныя деньги, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились развратъ, игра и пьянство . . . Къ несчастью, примѣръ подавали нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ, гомерическіе кутежи и бросаніе бѣшенныхъ денегъ которыми производилось на глазахъ всей арміи . . .»

Большевики, сломивъ сопротивленіе Добровольческой Арміи, рѣшительно и настойчиво развивали преслѣдованіе.

Остатки Добровольческой Арміи, теряя артиллерію и обозы, обходимыя съ фланговъ конницей противника, безостановочно отходили.

Пораженіе Добровольческой Арміи немедленно отражалось на другихъ фронтахъ.

---

* Генераломъ Май-Маевскимъ.

Царицынъ былъ оставленъ. Стала отступать по всему фронту Донская Армія, пришлось эвакуировать Кіевъ...

Добровольческая Армія была переименована въ Добровольческій Корпусъ*.

Для этого корпуса было два направленія отступленія: или на Крымъ, или на Ростовъ. Преимущество перваго заключалось въ томъ, что остатки Добровольческой Арміи можно было оттянуть туда съ гораздо меньшими потерями и спасти большее количество имущества. Но, при этомъ направленіи отступленія, Добровольческій Корпусъ терялъ непосредственную связь съ казачьими областями и бросались на произволъ судьбы всѣ семейства служащихъ.

Второе направленіе, на Ростовъ, было болѣе трудное, такъ какъ приходилось исполнить фланговый маршъ подъ непрерывными ударами конницы противника; но связь съ казачествомъ не терялась.

Генералъ Деникинъ выбралъ второе направленіе. Онъ сказалъ: «Я бросить казачество не могу. Мы совмѣстно съ нимъ начали борьбу и должны ее вмѣстѣ и продолжать»**.

25 декабря (7 января 1920 г.). части Добровольческаго Корпуса уже заняли позицію непосредственно у Ростова.

Генералъ Деникинъ надѣялся удержать Ростовъ и переправы черезъ Донъ, затѣмъ, удерживая примѣрно линію долины р. Маныча, переформировать и пополнить части.

26 декабря (8 января 1920) палъ Новочеркасскъ. Штабъ главнокомандующаго перешелъ въ Батайскъ, а 27 декабря (9 января) — на ст. Тихорѣцкую.

Я выѣхалъ изъ Ростова 27 декабря (9 января) вечеромъ. Къ этому времени уже шла перестрѣлка на сѣверной окраинѣ города.

28 декабря (10 января) я былъ на ст. Тихорѣцкой у главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ мнѣ сказалъ, что представители казачества настаиваютъ

---

* Генералъ Врангель получилъ особое назначеніе на Кубань — принять мѣры по подъему всего боеспособнаго казачества и руководить укрѣпленіемъ Новороссійскаго раіона.

** Я совершенно упускаю описаніе хода переговоровъ съ представителями казачества о конструкціи Южно-Русской власти и не останавливаюсь на переформированіи «Особаго Совѣщанія» въ правительство. Предсѣдателемъ правительства былъ назначенъ я. Приказъ о преобразованіи «Особаго Совѣщанія» въ правительство состоялся 17/30 декабря 1919 г. (См. Архивъ Рус. Революціи т. IV, стр. 249.)

Въ связи съ послѣдовавшимъ кореннымъ измѣненіемъ направленія внутренней политики генерала Деникина, многое изъ событій этого періода не вполнѣ ясно мнѣ до настоящаго времени.

Содержаніе наказа указываетъ, что генералъ Деникинъ твердо рѣшилъ продолжать проводить въ жизнь принципы, неоднократно имъ провозглашавшіеся.

Приказомъ о преобразованіи Особаго Совѣщанія въ правительство клался предѣлъ неопредѣленному положенію, которое получалось вслѣдствіе того, что вопросъ объ образованіи правительства откладывался до соглашенія съ казачествомъ о созданіи южнорусской власти.

Преобразованное правительство, въ своей дѣятельности, должно было руководствоваться «наказомъ» отъ 14/27 декабря 1919 года. (См. Архивъ Рус. Рев. т. IV, стр. 248.)

Но, подъ вліяніемъ неуспѣховъ на фронтѣ и настояній представителей казачества, съ 28 декабря 1919 г./10 января 1920 г. генералъ Деникинъ постепенно идетъ на уступки и соглашается на образованіе коалиціоннаго правительства съ участіемъ соціалистовъ и на образованіе при немъ законодательнаго, а не законосовѣщательнаго органа, передъ которымъ правительство, конечно, уже является отвѣтственнымъ.

Никто изъ насъ, членовъ бывшаго Особаго Совѣщанія и Правительства, къ разрѣшенію этихъ послѣднихъ вопросовъ не привлекался.

на измѣненіи состава правительства и на назначеніи предсѣдателемъ правительства одного изъ общественныхъ дѣятелей казачьихъ войскъ; но что онъ пока никакихъ перемѣнъ въ составѣ правительства дѣлать не предполагаетъ.

29 декабря (11 января), будучи въ Екатеринодарѣ, я получилъ телеграмму, что мнѣ надо подождать пріѣзда Донского атамана генерала Богаевскаго (я хотѣлъ ѣхать въ Новороссійскъ, куда эвакуировались гражданскія управленія), который везетъ мнѣ письмо отъ Главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ, въ письмѣ на мое имя, сообщалъ о томъ, что обстановка его заставила согласиться на назначеніе предсѣдателемъ правительства Донского войскового атамана генерала Богаевскаго; меня же онъ просилъ остаться въ составѣ правительства въ качествѣ начальника военнаго управленія.

Для меня было ясно, что въ составъ коалиціоннаго правительства отъ Кубанскаго казачьяго войска войдутъ представители «самостійнаго» теченія, работа съ которыми у меня не пойдетъ.

Поэтому я категорически отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. Послѣ этого состоялось мое назначеніе главноначальствующимъ и командующимъ войсками Черноморской губерніи, и генералъ Деникинъ предложилъ, впредь до образованія новаго правительства, старому правительству продолжать работу.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Новороссійскъ, генералъ Врангель, не получая никакого назначенія въ армію, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку и, временно, до приказа объ увольненіи взялъ отпускъ.

Положеніе въ Черноморской губерніи, въ частности въ Новороссійскѣ, было тяжелое.

Большая часть губерніи была охвачена возстаніемъ; возстаніемъ руководили большевики, свободно пропускавшіеся въ губернію изъ Грузіи. Изъ Грузіи же въ Черноморскую губернію проникъ небольшой большевистскій отрядъ, ставшій ядромъ для формировавшихся повстанческихъ отрядовъ.

Войскъ въ моемъ распоряженіи для подавленія возстанія, въ сущности говоря, совершенно не было; бывшія въ губерніи войсковыя части были совершенно деморализованы.

На мои просьбы прислать хоть какую-нибудь надежную часть — была прислана 2-я пѣхотная дивизія. Но она была въ такомъ видѣ, что ее нужно было сначала пополнить, а только потомъ можно было пустить въ дѣло. Составъ всей дивизіи не превышалъ одного батальона мирнаго времени!

Надежныхъ пополненій на мѣстѣ не было.

Между тѣмъ положеніе у Туапсе было критическое и я, вливъ въ одинъ изъ полковъ дивизіи 400 человѣкъ пополненія, перевезъ этотъ полкъ на пароходѣ въ Туапсе. Но, черезъ нѣсколько дней, во время боя подъ Туапсе, этотъ полкъ потерялъ почти всѣхъ офицеровъ, а пополненіе, влитое въ полкъ, перешло къ повстанцамъ.

Въ самомъ Новороссійскѣ творилось что-то неописуемое. Всѣ лѣчебныя заведенія были переполнены большей частью сыпнотифозными, а раненыхъ, привозимыхъ съ сѣвера, некуда было размѣщать.

Въ Новороссійскъ направилась лавина семействъ служащихъ и бѣженцевъ, подлежавшихъ эвакуаціи, а союзники для эвакуаціи прислали крайне ничтожное число судовъ.

Своими судами, изъ за недостатка угля, мы воспользоваться не могли.

Вслѣдствіе полной невозможности выполнить нѣкоторыя получавшіяся мною распоряженія, на выполненіи которыхъ продолжалъ настаивать штабъ главно-

командующаго несмотря на мои протесты, я просилъ объ освобожденіи меня отъ должности Черноморскаго Главноначальствующаго и объ увольненіи въ отставку.

Получивъ въ концѣ января (началѣ февраля) телеграмму изъ Севастополя о томъ, что моя мать при смерти, я, съ разрѣшенія генерала Деникина, выѣхалъ туда.

Въ Севастополѣ я засталъ полный развалъ среди офицерской среды.

Въ крайне неудачной эвакуаціи Одессы, произведенной въ концѣ января, всѣ винили главноначальствующаго Новороссійской области генерала Шиллинга.

Пріѣздъ его въ Севастополь и вступленіе въ командованіе войсками, находившимися въ Крыму, вызвали сильное возбужденіе, какъ среди старшихъ, такъ и среди младшихъ чиновъ.

Общее положеніе осложнилось еще тѣмъ, что на южномъ берегу Крыма появился отрядъ капитана Орлова, поднявшаго возстаніе противъ существующаго строя. Возстаніе носило явно большевистскій характеръ, но лозунгами была выставлена необходимость бороться съ разрухой тыла и добиться улучшенія положенія строевого офицерства.

При начавшемся развалѣ арміи и дѣйствительной разрухѣ тыла, лозунги капитана Орлова находили много сочувствующихъ и являлось серьезное опасеніе, что движеніе можетъ разрости́сь.

Познакомившись съ обстановкой я пришелъ къ убѣжденію, что, совершенно независимо отъ правильности, или неправильности обвиненій, которыя предъявлялись къ генералу Шиллингу, онъ, при создавшейся обстановкѣ, не будетъ въ силахъ возстановить порядокъ въ Крыму и что ему нельзя оставаться главноначальствующимъ.

Въ Севастополѣ былъ въ это время генералъ Врангель, который, по общему въ Севастополѣ, а также по моему мнѣнію, могъ остановить развалъ Крымскихъ войсковыхъ частей и водворить порядокъ въ тылу.

Генералъ Врангель соглашался принять должность главноначальствующаго.

Переговоривъ съ генераломъ Шиллингомъ и убѣдившись въ томъ, что и онъ видитъ и понимаетъ всю трудность для него наладить порядокъ въ Крыму, я условился съ нимъ, что онъ переговоритъ по прямому проводу съ генераломъ Деникинымъ, очертитъ ему всю обстановку и испроситъ разрѣшеніе передать свою должность генералу Врангелю.

Онъ такъ и сдѣлалъ; но въ отвѣтъ получилъ указаніе, что онъ долженъ оставаться на своемъ посту и что на назначеніе генерала Врангеля согласіе не можетъ быть дано *.

Утромъ 8/21 февраля я получилъ телеграмму отъ генерала Деникина, съ предложеніемъ «всей силой вашего авторитета», какъ было сказано въ теле-

---

* Захватившій въ это время г. Ялту капитанъ Орловъ объявилъ, что онъ безпрекословно подчинится только одному генералу Врангелю.

Въ отвѣтъ на это воззваніе генералъ Врангель послалъ капитану Орлову (копіи генералу Шиллингу и мнѣ) слѣдующую телеграмму: «Мнѣ доставлено воззваніе за Вашей подписью, въ коемъ Вы заявляете о желаніи, минуя всѣхъ Вашихъ начальниковъ, подчиниться мнѣ, хотя я нынѣ не у дѣлъ.

Еще недавно присяга, обязывая воина подчиненію начальникамъ, дѣлала русскую армію непобѣдимой.

Клятвопреступленіе привело Россію къ братоубійственной войнѣ. Въ настоящей борьбѣ мы связали себя вмѣсто присяги добровольнымъ подчиненіемъ, нарушить которое безъ гибели нашего общаго дѣла не можете ни Вы, ни я. Какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ двадцать лѣтъ жизни, я горячо призываю Васъ, во имя блага ея, подчиниться требованіямъ Вашихъ начальниковъ. 8/21 февраля 7 часовъ № 627. Врангель».

граммѣ, поддержать престижъ генерала Шиллинга, который остается главнокомандующимъ въ Крыму.

Я отвѣтилъ, что чувствую себя въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ и въ тотъ же день отправился на пароходѣ обратно въ Новороссійскъ.

Прибывъ въ Новороссійскъ, я узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ объ увольненіи въ отставку меня, генераловъ Врангеля и Шатилова, а также Командующаго Черноморскимъ флотомъ и его начальника штаба.

Телеграмма о нашемъ увольненіи въ отставку была «срочная» и разослана штабомъ Главнокомандующаго по всѣмъ инстанціямъ.

Всѣми было понято, что перечисленныя въ телеграммѣ лица увольняются въ отставку, яко бы, за интригу противъ генерала Шиллинга и вмѣшательство не въ свое дѣло, возбуждая вопросъ о назначеніи генерала Врангеля.

* *
*

Оставшись не у дѣлъ и получивъ право на эвакуацію, я рѣшилъ съ семьей не ѣхать на иждивеніе союзниковъ, а устроиться гдѣ-либо поближе къ Россіи. Выбрали г. Самсунъ на Черноморскомъ побережьѣ Малой Азіи, гдѣ, по слухамъ, жизнь была очень дешева. Съ небольшой компаніей, подходящей для устройства маленькой сельско-хозяйственной колоніи, я и моя семья, 21 февраля (6 марта), отправились сначала въ Батумъ.

Оттуда, воспользовавшись случаемъ безплатнаго проѣзда на моторной шхунѣ, груженной керосиномъ, отправились въ Самсунъ.

Устроились на шхунѣ на палубѣ, соорудивъ изъ парусовъ подобіе палатокъ.

До Самсуна дошли благополучно, но тамошній британскій комендантъ, подъ предлогомъ, что турецкія власти категорически не разрѣшаютъ русскимъ селиться въ Малой Азіи, не только не позволилъ намъ высадиться, но даже не разрѣшилъ съѣхать на берегъ на короткій срокъ.

Мои спутники, смѣясь, говорили, что англичане боялись, чтобы я не поступилъ на службу къ Кемаль-пашѣ въ качествѣ начальника штаба.

Пришлось направиться въ Константинополь.

Послѣ цѣлаго ряда злоключеній, и чуть не погибнувъ въ морѣ во время штурма, въ ночь на 26 марта (8 апрѣля) мы пришли въ Константинополь.

На другой день послѣ прихода нашей шхуны въ Константинополь, на нее прибылъ флагъ-офицеръ Главнокомандующаго британской эскадрой въ Средиземномъ морѣ, адмирала де-Робекъ (бывшаго въ то же время Верховнымъ Великобританскимъ комиссаромъ въ Константинополѣ) и, отъ имени адмирала, пригласилъ меня отправиться съ нимъ къ адмиралу на флагманскій корабль.

Адмиралъ де-Робекъ встрѣтилъ меня крайне любезно и сказалъ, что меня уже нѣсколько дней розыскиваютъ по всему Черному морю.

Отъ него я узналъ, что, послѣ эвакуаціи Новороссійска (14/27 марта), войска Добровольческаго Корпуса и часть казачьихъ войскъ сосредоточены въ Крыму; что генералъ Деникинъ отказался отъ званія Главнокомандующаго и уѣзжаетъ въ Англію; что Главнокомандующимъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, приказомъ генерала Деникина, назначенъ генералъ баронъ Врангель; что генералъ Врангелъ предлагаетъ мнѣ быть его представителемъ въ Константинополѣ.

Отъ него же я узналъ объ убійствѣ въ Константинополѣ, въ зданіи Русскаго посольства, бывшаго начальника штаба генерала Романовскаго.

Съ броненосца меня доставили въ Русское Посольство.

Здѣсь я встрѣтился съ новымъ помощникомъ Главнокомандующаго генерала Врангеля — генераломъ Шатиловымъ, который, отъ имени генерала Врангеля, предложилъ мнѣ быть представителемъ Главнокомандующаго при союзномъ Командованіи въ Константинополѣ.

Я согласился.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

La critique est aisée
L'art est difficile

Если всякая крупная государственная или общественная работа и при нормальныхъ условіяхъ вызываетъ критику, то естественно, что, въ условіяхъ гражданской войны, дѣятельность Командованія Добровольческой Арміи и Особаго Совѣщанія (Правительства) вызывали постоянную, какъ доброжелательную, такъ и недоброжелательную, критику.

Въ работѣ, какъ Командованія Добровольческой Арміи, такъ и Особаго Совѣщанія, конечно, было много крупныхъ ошибокъ. Но, какъ мнѣ представляется, если въ настоящее время, для безпристрастнаго критика, и возможно правильно разобрать и указать ошибки, такъ сказать, техническаго характера, то ошибки политическія правильно оцѣнить еще невозможно.

Ни одинъ добросовѣстный политическій дѣятель, къ какой бы онъ партіи ни принадлежалъ, не можетъ еще сказать, какой политическій лозунгъ, какая линія поведенія были нужны и нашли бы откликъ въ массѣ русскаго народа, чтобы онъ за ними пошелъ.

Необходимо имѣть въ виду, что на югѣ Россіи до конца 1918 года рабочіе и крестьяне еще не испытали на себѣ полностью всѣхъ прелестей большевистскаго режима.

Въ казачьихъ областяхъ иногороднее, не казачье населеніе во время владычества большевиковъ въ концѣ 1917 и въ 1918 годахъ было, въ массѣ, на ихъ сторонѣ и, при богатствѣ края, также не испытало серьезныхъ лишеній.

При этихъ условіяхъ лозунги «земля и воля», «диктатура пролетаріата» и самоуправленіе черезъ «Совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ» — для массы знаменовало еще истинное народоправство, избавленіе отъ помѣщиковъ и правительственной администраціи, право на казенныя, монастырскія и помѣщичьи земли, право устраивать жизнь по собственному желанію, а главное — безнаказанно грабить и распоряжаться награбленнымъ, какъ своей собственностью.

Всякое возвращеніе къ государственному порядку, для значительной массы населенія, знаменовало собой стѣсненіе правъ и страхъ отвѣтственности за тѣ грабежи и насилія, въ которыхъ былъ повиненъ громадный % населенія.

Только испытавъ на себѣ ужасы совѣтской власти, крестьяне и рабочіе стали сознавать необходимость возвращенія государственнаго порядка.

Въ 1918 и 1919 годахъ провозглашеніе монархическаго лозунга не могло встрѣтить сочувствія не только среди интеллигенціи, но и среди крестьянской и рабочей массы.

Угаръ послѣ «революціи — бунта» 1917 года былъ еще слишкомъ силенъ и этотъ лозунгъ знаменовалъ бы явную «контръ-революцію», «возвращеніе къ старому режиму», «городовому», «помѣщику» и другимъ жупеламъ.

Провозглашеніе же республиканскихъ лозунговъ не дало бы возможности сформировать маломальски приличную армію, такъ какъ кадровое офицерство, испытавшее на себѣ всѣ прелести революціоннаго режима, за ними не пошло бы.

Надо было идти по пути, который былъ пріемлемъ для главной массы населенія и для офицерства.

Будущій историкъ подробно разберетъ причины неуспѣха «бѣлыхъ армій». Теперь это преждевременно, а намъ, участникамъ борьбы съ совѣтской властью, совершенно и не подъ силу.

Я остановлюсь лишь на главнѣйшихъ нападкахъ на дѣятельность Командованія Добровольческой Арміи и Особаго Совѣщанія, которыя приходилось слышать и встрѣчать въ печати.

ПРОГРАММА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

(политическое лицо арміи; партійный флагъ).

Впервые о необходимости объявить программу Добровольческой Арміи, открыть свое политическое лицо — заговорилъ въ Новочеркасскѣ, въ декабрѣ 1917 года, Б. Савинковъ.

Онъ убѣдилъ тогда генераловъ Алексѣева, Корнилова и Каледина заявить, съ цѣлью опровергнуть слухи о реакціонныхъ замыслахъ, что Добровольческая Армія имѣетъ цѣлью, свергнувъ большевиковъ, довести Россію до Учредительнаго Собранія.

Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи, на открытіи, 1/14 ноября 1918 года, Кубанской Краевой Рады, заявилъ, что «армія не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю».

Но это не удовлетворило — ни правыхъ, ни лѣвыхъ.

Правые говорили: «Безъ монархическаго лозунга вамъ не создать мощной арміи. Офицеры должны знать, за что они проливаютъ кровь, и вы должны это опредѣленно сказать».

Лѣвые, наоборотъ, указывали, что неопредѣленность политическаго лица арміи — отталкиваетъ отъ нея симпатіи массы; что надо провозгласить чисто демократическіе лозунги, подвердить, что возврата къ старому нѣтъ.

Генералъ Деникинъ твердо стоялъ на своемъ мнѣніи, указывая, что никто изъ насъ не можетъ предрѣшать ни будущей формы правленія, ни того, будетъ ли собрано учредительное или національное собранія, или Земскій Соборъ, или, наконецъ, можетъ быть воля народа выльется въ такой формѣ, которую мы теперь и не предвидимъ.

Впослѣдствіи, въ значительной степени по настоянію представителей союзнаго Командованія, была составлена и подписана генераломъ Деникинымъ и членами Особаго Совѣщанія (Правительства) политическая программа Добровольческой Арміи; въ ней было указано, что армія должна довести Россію до Національнаго Собранія.

Представители «демократіи» увѣряли, что только опредѣленное указаніе на республиканскую форму правленія привлечетъ сердца народа къ Доброволь-

ческой Арміи; другіе, не менѣе подлинные демократы (какъ писатель Наживинъ), указывали, что народъ жаждетъ только порядка, ждетъ «Хозяина земли Русской», то-есть Царя.

Въ казачьихъ хатахъ, при первомъ господствѣ большевиковъ, съ рискомъ для жизни, казачки сохраняли подъ половицами портреты Царской Семьи.

Махно (разбойникъ и народный атаманъ, дѣйствовавшій въ раіонѣ Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерній), по доходившимъ до насъ слухамъ, то провозглашалъ лозунгъ «земля и воля народу», то «земля крестьянамъ, а Царь народу».

Изъ центральныхъ губерній шли разнообразныя свѣдѣнія; въ однихъ раіонахъ мечтали о «Хозяинѣ Земли Русской», а въ другихъ провозглашали тотъ же лозунгъ, который былъ объявленъ и возставшимъ Кронштадтомъ противъ совѣтской власти (въ мартѣ 1921 года) «Противъ коммунистовъ, но за Совѣты».

Наконецъ, лицамъ, обвинявшимъ Главное Командованіе Добровольческой Арміи въ неправильномъ направленіи политики надо вспомнить, что были «бѣлыя арміи» и съ опредѣленными политическими лозунгами:

Армія Учредительнаго Собранія, созданная на Волгѣ Самарскимъ Правительствомъ, имѣла чисто демократическіе-соціалистическіе лозунги, но успѣха никакого не имѣла. Самарское Правительство было замѣнено сначала Уфимской Директоріей, а затѣмъ адмираломъ Колчакомъ.

Савинковъ, формируя части для борьбы съ большевиками, провозглашалъ чисто демократическіе лозунги.

Правительства генераловъ Миллера и Юденича были также достаточно демократичны.

Южная Армія и Астраханскій Корпусъ, формировавшіеся на германскія деньги на территоріи Дона, имѣли чисто монархическіе лозунги.

Но ни одна изъ этихъ армій и ни одно изъ ихъ возглавлявшихъ правительствъ успѣха не имѣли.

Добровольческая Армія оказалась, все же, наиболѣе жизнеспособной.

Все это показываетъ, что горе не въ томъ, что генералъ Деникинъ не провозгласилъ того или иного лозунга, а скорѣй въ томъ, что наши политическія партіи, преслѣдуя свои партійныя программы, не объединились для достиженія первой и главнѣйшей цѣли — ниспровергнуть совѣтскую власть.

КОНСТРУКЦІЯ ВЛАСТИ

Генералъ Деникинъ, въ своей программной рѣчи 1/14 ноября 1918 года, заявилъ: «Должна быть единая Русская Армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти» . . . «Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть . . .»

Въ послѣднемъ своемъ наказѣ «Особому Совѣщанію» (14/27 декабря 1919 года), наканунѣ краха и коренного измѣненія своей программы, Главнокомандующій опредѣленно указалъ на необходимость проведенія военной диктатуры.

Въ первый періодъ послѣ занятія Екатеринодара, то-есть въ теченіе второй половины 1918 года, генералъ Деникинъ не допускалъ и мысли, чтобы

рядомъ съ его Правительствомъ (Особымъ Совѣщаніемъ) былъ какой-нибудь органъ съ законодательными или законосовѣщательными функціями (законосовѣщательный органъ намѣчался лишь въ случаѣ достиженія соглашенія съ казачествомъ и образованія единаго Правительства).

Первымъ поднявшимъ вопросъ объ образованіи при генералѣ Деникинѣ законосовѣщательнаго органа былъ бывшій предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

Онъ нѣсколько разъ просилъ генерала Деникина согласиться образовать такой законосовѣщательный органъ, въ составѣ котораго вошли бы члены четырехъ Государственныхъ Думъ и Государственнаго Совѣта.

Генералъ Деникинъ эти предложенія отклонилъ, указывая, что бывшіе члены прежнихъ русскихъ законодательныхъ учрежденій не могутъ считаться правомочными представителями народа, а относительно другихъ предложеній представителей различныхъ политическихъ партій образовать при немъ законосовѣщательный органъ, отвѣчалъ, что образовавшіеся на югѣ Россіи союзы — являются, опять-таки, выразителями взглядовъ отдѣльныхъ партій, относящихся нетерпимо къ программамъ другихъ политическихъ партій, не вошедшихъ въ составъ ихъ союза, и не могутъ претендовать быть выразителями мнѣнія страны.

Всѣ эти проекты отвергались въ надеждѣ достигнуть соглашеніе съ казачествомъ и создать «южное объединеніе».

На поднятый мною вопросъ о желательности, не дожидаясь соглашенія съ казачествомъ, образовать при Особомъ Совѣщаніи законосовѣщательный органъ первоначально изъ состава членовъ Государственнаго Объединенія, Государственной Думы, генералъ Деникинъ, запиской, отъ 24 октября (6 ноября) 1918 г., мнѣ отвѣтилъ:

«Добровольческая Армія отнюдь не можетъ стать орудіемъ политической партіи, особливо съ шаткой оріентаціей. Строить «южное объединеніе» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацію — нельзя.

То, что предлагаютъ теперь, было предложено Родзянкой еще въ Мечеткѣ, строилось ими въ Кіевѣ, но неудачно. Противополагать эту комбинацію всѣмъ другимъ — нецѣлесообразно.

Вооруженная сила никогда не «останется въ одиночествѣ»*.

Ее всегда пожелаютъ! Во всякомъ случаѣ, до рѣшенія вопроса объ «южномъ объединеніи» нельзя разрѣшать вопросъ о новой комбинаціи, которая можетъ только затруднить соглашеніе.

Если же эта комбинація возникнетъ сама собой, безъ нашего участія, если она дѣйствительно будетъ имѣть нравственный авторитетъ въ странѣ и поддержитъ идеи и цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой Арміей, то тѣмъ лучше для всѣхъ насъ и паче всего для Россіи».

Въ началѣ 1919 года явилась надежда добиться скораго соглашенія съ казачьими войсками и образовать общее правительство.

Предполагалось въ составъ его привлечь по одному представителю отъ казачьихъ войскъ и при Главнокомандующемъ образовать законосовѣщательный органъ, члены котораго выбирались бы, какъ населеніемъ казачьихъ областей, такъ и другихъ раіоновъ государства, освобождаемыхъ отъ большевиковъ; предполагалось, что часть членовъ законосовѣщательнаго органа будетъ назначаться Главнокомандующимъ.

---

* Это послѣднее выраженіе взято изъ моего доклада.

Въ теченіе всего 1919 года велись переговоры съ представителями казачьихъ войскъ, но ни до чего договориться не могли. И только въ декабрѣ 1919 года, въ періодъ серьезныхъ неудачъ на фронтѣ, соглашеніе было близко къ осуществленію; но разразившаяся катастрофа, какъ мною уже было отмѣчено выше, повліяла на полное измѣненіе взгляда генерала Деникина на конструкцію власти.

Нападокъ на генерала Деникина и на состоявшее при немъ Особое Совѣщаніе было много; указывали, что законодательная работа ведется въ замкнутомъ небольшомъ кружкѣ членовъ Особаго Совѣщанія людьми недостаточно понимавшими окружающую обстановку и что издаваемые законы не жизнены и не отвѣчаютъ интересамъ населенія.

Трудно, конечно, сказать, насколько болѣе жизнена была бы работа Особаго Совѣщанія при существованіи законосовѣщательнаго органа, но несомнѣнно, что если-бъ онъ существовалъ, то работа Особаго Совѣщанія была бы болѣе на виду и оно, вѣроятно, не стало бы столь «одіозно».

Работой Особаго Совѣщанія были не довольны всѣ — и правые, и лѣвые; это надо признать откровенно.

Если-бъ существовалъ законосовѣщательный органъ и была бы кафедра съ которой раздавалась бы критика законопроектовъ и дѣятельности начальниковъ управленій, а послѣдніе могли бы давать свои объясненія и разъясненія, то работа Особаго Совѣщанія отъ этого только бы выиграла.

ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ (ПРАВИТЕЛЬСТВО)

Представители лѣвыхъ партій обвиняли генерала Деникина въ томъ, что онъ сформировалъ чуть ли не черносотенное правительство, которое не можетъ вызвать довѣрія народной массы.

Представители правыхъ теченій, наоборотъ, указывали на то, что дѣятельность Особаго Совѣщанія, при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, носила слишкомъ лѣвое направленіе.

Генералъ Деникинъ неоднократно говорилъ: «Во главѣ правительственныхъ учрежденій должны ставиться люди по признаку дѣловитости, а не по признаку партійности.

Недопустимы лишь изувѣры справа и слѣва».

Включать въ составъ Особаго Совѣщанія соціалистовъ признавалось недопустимымъ, такъ какъ они и въ періодъ борьбы съ большевиками пытались неоднократно продолжать свою разрушительную работу, начатую съ первыхъ дней революціи.

Изъ членовъ Особаго Совѣщанія къ партіи «к.-д.» принадлежало пять-шесть человѣкъ, то-есть половина изъ числа гражданскихъ членовъ совѣщанія. Но правда, что къ ихъ голосу прислушивалось главное командованіе, а потому и было распространено мнѣніе о, яко-бы, «кадетскомъ» засиліи.

Лѣтомъ 1919 года нѣкоторые члены «кадетской» партіи возбуждали нѣсколько разъ вопросъ о слишкомъ правомъ составѣ Особаго Совѣщанія.

При разсмотрѣніи, однажды, въ засѣданіи особаго совѣщанія вопроса о привлеченіи въ составъ правительства кандидата болѣе праваго крыла, одинъ изъ видныхъ представителей партіи к. д. сказалъ: «Насъ и такъ упрекаютъ, что составъ Особаго Совѣщанія слишкомъ правый; ничего не возражая противъ

предложеннаго кандидата, котораго я знаю, какъ безукоризненно честнаго и высоко-порядочнаго человѣка и отличнаго работника, я только позволю себѣ поставить вопросъ: не слишкомъ ли мы сильно перегружаемъ нашъ правый бортъ?»

Но, въ началѣ декабря 1919 года, тотъ же представитель партіи к. д. сказалъ: «Я пришелъ къ убѣжденію, что намъ надо вести болѣе лѣвую политику, но болѣе правыми руками».

И послѣ этого представители партіи к. д. просили генерала Деникина о включеніи въ составъ Особаго Совѣщанія А. В. Кривошеина.

Въ январѣ 1920 года, когда разразилась катастрофа, генералъ Деникинъ, надѣясь спасти положеніе и устранить всѣ бывшія тренія съ представителями казачества, согласился на образованіе коалиціоннаго министерства и на образованіе при себѣ законодательнаго органа.

Но это, конечно, положенія не спасло и, вѣроятно, если-бы это было сдѣлано раньше, то и тогда пользы не принесло; а расколъ въ армію внесло бы навѣрное, такъ какъ и безъ того Особое Совѣщаніе, за свою, яко-бы, лѣвизну, не пользовалось популярностью среди офицерства.

Очень многіе (въ томъ числѣ и нѣкоторые видные военные дѣятели) объясняли неудачу борьбы на югѣ Россіи прежде всего тѣмъ, что мы вели слишкомъ правую политику.

Безусловно вѣрно, что Особое Совѣщаніе, въ общемъ, и начальники отдѣльныхъ управленій не справились съ задачей. Но, думаю, что «политика» въ этомъ отношеніи менѣе всего виновата.

Обстановка была слишкомъ сложна, работу приходилось вести въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ и конечный неуспѣхъ явился слѣдствіемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ.

ОТДѢЛЪ ПРОПАГАНДЫ

Для широкаго распространенія среди населенія идей, проводимыхъ Командованіемъ Арміи, для привлеченія симпатій населенія на свою сторону, для освѣщенія вопросовъ въ желаемомъ для Командованія смыслѣ — было образовано лѣтомъ 1918 года освѣдомительное отдѣленіе, преобразованное потомъ въ освѣдомительное агентство (Освагъ).

Оно должно было вести работу при посредствѣ прессы, выпуска отдѣльныхъ брошюръ, печатанія плакатовъ, проведеніемъ идей при посредствѣ театра и кинематографа и, наконецъ, устной пропагандой.

Для ріентированія заграницы постепенно открывались заграничные освѣдомительные пункты.

Кромѣ центральнаго управленія, по мѣрѣ освобожденія раіоновъ государства отъ большевиковъ, открывались освѣдомительно-агитаціонные пункты въ городахъ и крупныхъ селеніяхъ.

16/29 января 1919 года освѣдомительное агентство было преобразовано въ отдѣлъ пропаганды и во главѣ его сталъ донской общественный дѣятель Н. Е. Парамоновъ.

Центральное правленіе отдѣла открыло свою дѣятельность въ г. Ростовѣ.

Средства на дѣятельность отдѣла пропаганды были отпущены большія, и надѣялись, что дѣло будетъ поставлено хорошо.

Къ этому времени дѣятельность освѣдомительнаго агентства «Освага» вызывала уже много нареканій: одни указывали на привлеченіе къ работѣ совершенно не подходящихъ лицъ, которые стали вести чуть ли не большевистскую пропаганду; другіе указывали на погромное направленіе, проводимое нѣкоторыми мѣстными агентами «Освага»; представители Кубанскаго Праивтельства указывали на то, что на Кубанской территоріи агенты «Освага» проводили идеи, которыя находились въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядами Кубанскаго Правительства.

Надежда на то, что новый начальникъ отдѣла пропаганды наладитъ работу, не оправдалась; да и взгляды на работу отдѣла пропаганды у Главнаго Командованія и у Н. Е. Парамонова были различны. Парамоновъ считалъ необходимымъ сильный уклонъ «влѣво» и не желалъ особенно считаться съ Особымъ Совѣщаніемъ, полагая, повидимому, что онъ долженъ имѣть дѣло лишь съ генераломъ Деникинымъ.

24 февраля (9 марта) въ письмѣ на имя генерала Деникина, Н. Е. Парамоновъ писалъ: «Я очень огорченъ, что у меня туго подвигается наборъ видныхъ сотрудниковъ, стоящихъ теоретически въ рядахъ соціалистическихъ партій. Окруженіе себя сотрудниками изъ кадетъ и направо будетъ коренной ошибкой. Привлеченіе видныхъ болѣе лѣвыхъ элементовъ — необходимое условіе успѣха...»

Генералъ Деникинъ, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 25 февраля (10 марта), между прочимъ, написалъ: «Вашу программу — вести дѣло пропаганды съ излишнимъ уклономъ влѣво считаю опасной. До меня начинаютъ уже доходить свѣдѣнія, крайне волнующія армію, что подборъ Вашихъ сотрудниковъ далекъ отъ идеала...»

Вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій между Особымъ Совѣщаніемъ и Парамоновымъ относительно направленія дѣятельности отдѣла пропаганды и нѣкоторыхъ треній, возникшихъ на почвѣ взаимоотношеній, онъ, 4/17 марта, отказался отъ должности, и профессору Соколову было предложено стать во главѣ отдѣла пропаганды.

К. Н. Соколовъ согласился принять эту должность временно, съ тѣмъ, что, послѣ своего ознакомленія съ дѣятельностью отдѣла и съ постановкой дѣла, онъ сдѣлаетъ подробный докладъ Особому Совѣщанію и только послѣ этого рѣшитъ, можетъ ли онъ принять на себя руководство отдѣломъ пропаганды.

Примѣрно черезъ мѣсяцъ Соколовъ сдѣлалъ Особому Совѣщанію болѣе чѣмъ безотрадный докладъ.

Приведя цѣлый рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ совершенно неправильную постановку дѣла, онъ доложилъ, что исправить работу отдѣла пропаганды почти невозможно; что выходъ одинъ: это немедленно совершенно расформировать весь отдѣлъ пропаганды со всѣми его мѣстными отдѣленіями и поставить дѣло наново.

«Но на это потребуется, вѣроятно, 1½—2 мѣсяца», — добавилъ К. Н. Соколовъ.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе признали невозможнымъ на такой срокъ оказаться безъ органа пропаганды.

Соколовъ сказалъ, что брать на себя безнадежное исправленіе совершенно испорченнаго дѣла онъ не можетъ и проситъ его не назначать начальникомъ пропаганды.

Послѣ настояній генерала Деникина, К. Н. Соколовъ принялъ эту должность, но предупредилъ: «Я опредѣленно заявляю, что вполнѣ исправить дѣло нельзя. Постараюсь сдѣлать — что могу, но заранѣе прошу быть готовымъ къ тому, что изъ этого ничего не выйдетъ».

Онъ оказался правъ.

Нападки на отдѣлъ пропаганды не только не прекращались, но все болѣе и болѣе усиливались. Начиная съ самаго начальника отдѣла пропаганды, всѣ видѣли и сознавали, что дѣло идетъ болѣе чѣмъ неудовлетворительно, и исправить его не могли.

Въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ даже хотѣлъ совсѣмъ закрыть отдѣлъ и перестроить его наново; то-есть сдѣлать то, что предлагалъ сдѣлать К. Н. Соколовъ въ началѣ 1919 года.

Надо откровенно признаться, что съ дѣломъ постановки «пропаганды» и правильнаго освѣдомленія населенія мы совсѣмъ не справились и наша «пропаганда» никакой пользы не принесла. Составъ же сотрудниковъ на мѣстахъ былъ такъ слабъ и такъ не подготовленъ къ работѣ, что ихъ дѣятельность часто была явно вредна.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

Вокругъ земельнаго вопроса страсти разгорались.

Одни считали, что генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе ведутъ слишкомъ лѣвую политику и разоряютъ прочныя помѣщичьи хозяйства, что, съ государственной точки зрѣнія, преступно; другіе, наоборотъ, указывали, что политика Командованія Добровольческой Арміи слишкомъ правая, «помѣщичья», которая отталкиваетъ отъ арміи крестьянское населеніе.

Многіе указывали, что получается совершенно ненормальное положеніе: генералъ Деникинъ черезъ Особое Совѣщаніе проводитъ земельный законъ для не казачьихъ раіоновъ иной, чѣмъ законы, проводимые на Дону, Кубани и Терекѣ; что это подрываетъ значеніе вырабатываемаго закона и вызываетъ на него нападки массъ, какъ на «контръ-революціонный». Послѣднее указаніе было совершенно справедливо, но Командованіе Добровольческой Арміи и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ базироваться на законы, проводимые казачьими правительствами, а послѣднія, считая себя независимыми отъ Командованія Добровольческой Арміи, въ проведеніи своего законодательства не находили нужнымъ считаться съ законопроектами, вырабатываемыми Особымъ Совѣщаніемъ.

Въ основаніе земельнаго закона, разрабатывавшагося особой комиссіей при Особомъ Совѣщаніи, были положены слѣдующія указанія генерала Деникина (23 марта/5 апрѣля 1919 года), данныя предсѣдателю Особаго Совѣщанія:

«Государственная польза Россіи властно требуетъ возрожденія и подъема сельскаго хозяйства.

Полное разрѣшеніе земельнаго вопроса для всей страны и составленіе для всей необъятной Россіи земельнаго закона будетъ принадлежать законодательнымъ учрежденіямъ, черезъ которыя русскій народъ выразитъ свою волю.

Но жизнь не ждетъ. Необходимо избавить страну отъ голода и принять неотложныя мѣры, которыя должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому Совѣщанію надлежитъ теперь же приступить къ разработкѣ

и составленію положеній и правилъ для мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Считаю необходимымъ указать тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу этихъ правилъ и положеній:

1) Обезпеченіе интересовъ трудящагося населенія.

2) Созданіе и укрѣпленіе прочныхъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ за счетъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

3) Сохраненіе за собственниками ихъ правъ на землю. При этомъ въ каждой отдѣльной мѣстности долженъ быть опредѣленъ размѣръ земли, которая можетъ быть сохранена въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, и установленъ порядокъ перехода остальной частновладѣльческой земли къ малоземельнымъ.

Переходы эти могутъ совершаться путемъ добровольныхъ соглашеній или путемъ принудительнаго отчужденія, но обязательно за плату.

За новыми владѣльцами земля, не превышающая установленныхъ размѣровъ, укрѣпляется на правахъ незыблемой собственности.

4) Отчужденію не подлежать земли казачьи, надѣльныя, лѣса, земли высоко-производительнаго сельско-хозяйственнаго назначенія и составляющія необходимую принадлежность горнозаводскихъ и иныхъ промышленныхъ предпріятій; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ — въ установленныхъ для каждой мѣстности повышенныхъ размѣрахъ.

5) Всемѣрное содѣйствіе землевладѣльцамъ путемъ техническихъ улучшеній земли (мелiорація), агрономической помощи, кредита, средствъ производства, снабженія сѣменами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ и проч.

Не ожидая окончательной разработки земельнаго положенія, надлежитъ принять теперь же мѣры къ облегченію перехода земель къ малоземельнымъ и поднятію производительности сельско-хозяйственнаго труда.

При этомъ власть не должна допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу государства».

Пріѣзжавшій на югъ Россіи чешскій профессоръ Крамаржъ указывалъ, что правильное и срочное разрѣшеніе земельнаго вопроса явится однимъ изъ способовъ привлечь къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія и должно помочь свергнуть совѣтскую власть.

Профессоръ Крамаржъ говорилъ такъ: Крестьяне должны получить землю и быть увѣренными, что ее у нихъ никто не отниметъ. Но, при этомъ, нельзя вышвырнуть за бортъ и разорить интеллигентный помѣщичій классъ, который, въ будущемъ, будетъ необходимъ для улучшенія и развитія въ Россіи культурнаго хозяйства.

По мнѣнію проф. Крамаржа надо было при усадьбахъ оставить помѣщикамъ минимальное, необходимое для культурнаго хозяйства, количество земли, а остальную землю, давъ обязательство помѣщикамъ, что она будетъ у нихъ выкуплена государствомъ на золото, немедленно передать крестьянамъ.

При подобномъ разрѣшеніи вопроса помѣщики не оказались бы разоренными и, впослѣдствіи, сѣли бы опять на землю. При этомъ проф. Крамаржъ указывалъ на то, что передачу помѣщичьей земли въ руки крестьянства должна взять на себя правительственная власть, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отношенія между помѣщиками и крестьянами еще болѣе обострятся.

Не будучи совершенно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, не берусь судить о правильности того или иного его рѣшенія, но долженъ отмѣтить, что, фактически, никакого земельнаго закона (или положенія) Командованіемъ Добро-

вольческой Арміи издано не было. Законъ былъ выработанъ незадолго до катастрофы, случившейся на фронтѣ въ декабрѣ 1919 года*, но если бы катастрофы и не случилось, то на проведеніе его въ жизнь потребовалось, вѣроятно, не менѣе года.

А въ этомъ вопросѣ, какъ правильно было указано проф. Крамаржомъ, срочность его разрѣшенія должна была играть существенную роль.

Въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ крестьяне относились крайне недовѣрчиво ко всѣмъ указаніямъ, что сборъ урожая за ними обезпечивается... Русскій крестьянинъ непреклонный собственникъ, и крестьяне успокоились бы только тогда, когда получили бы въ руки законный документъ, удостовѣряющій, что земля дѣйствительно принадлежитъ имъ.

Пока же это не было сдѣлано — каждый крестьянинъ, работавшій на землѣ, отобранной отъ помѣщика, со дня на день ожидалъ, что или у него эту землю отберутъ, или его посадятъ въ тюрьму, какъ захватчика чужой собственности.

Къ сожалѣнію, при продвиженіи Добровольческой Арміи на сѣверъ, какъ мною было уже указано, были случаи, когда помѣщики, подъ прикрытіемъ войскъ и при помощи сочувствовавшихъ имъ офицеровъ и мѣстной администраціи, не только сами отбирали у крестьянъ скотъ и инвентарь, ограбленный въ ихъ экономіяхъ, но и расправлялись съ крестьянами, мстя за свое разореніе.

Эти случаи обобщались, быстро распространялись между крестьянами, и возбуждали полное недовѣріе къ заявленіямъ и обѣщаніямъ, объявлявшихся отъ имени генерала Деникина.

ВЫБОРНЫЙ ЗАКОНЪ

При возстановленіи городского и земскаго самоуправленій необходимо было установить порядокъ производства выборовъ, то-есть выборный законъ.

Вопросъ былъ очень серьезный, такъ какъ опредѣленіе порядка выборовъ въ городскія и уѣздныя самоуправленія предрѣшалъ общій выборный законъ.

Споровъ было много. Одни указывали на недопустимость примѣнять систему выборовъ — всеобщихъ, равныхъ, прямыхъ и тайныхъ, справедливо указывая, что, при этой системѣ, будутъ проводиться крайніе лѣвые элементы, не исключая и большевиковъ.

Другіе признавали совершенно недопустимымъ идти по опредѣленно контръреволюціонному (многіе говорили — по черносотенному пути) и вводить въ выборы какія либо ограниченія.

Эта группа указывала, что должно быть только одно ограниченіе — совершеннолѣтіе. Всѣ же граждане, достигшіе совершеннолѣтія и не лишенные по суду своихъ правъ, должны быть правомочными избирателями.

Особое Совѣщаніе признало необходимымъ, признавая всеобщее избирательное право, внести въ него ограниченіе въ смыслѣ возрастного ценза (25 лѣтъ) и времени проживанія въ данномъ городѣ, уѣздѣ (не менѣе двухъ лѣтъ).

---

* Онъ даже не разсматривался Особымъ Совѣщаніемъ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ НОВЫМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОВАНІЯМЪ НА ТЕРРИТОРІИ РОССІИ

Польша, конечно, признавалась какъ самостоятельное государство, но генералъ Деникинъ категорически отвергалъ возможность санкціонировать захватъ Польшей исконныхъ русскихъ земель и указывалъ, что границы съ Польшей будутъ установлены впослѣдствіи, когда въ Россіи будетъ законная Всероссійская власть.

Польша же добивалась получить отъ генерала Деникина вексель впередъ и опредѣленно уклонялась оказать помощь въ борьбѣ съ большевиками до соглашенія съ нимъ относительно ея границъ съ Россіей.

Относительно фактическаго признанія самостоятельности правительствъ Грузіи, Арменіи и Азербайджана возраженій не было — до рѣшенія этого вопроса будущей Всероссійской властью.

Подъ давленіемъ союзниковъ такое же признаніе пришлось сдѣлать относительно Прибалтійскихъ государственныхъ новообразованій.

Что же касается Украины, Дона, Кубани, Терека, то противъ признанія ихъ полной самостоятельности опредѣленно высказывались и генералъ Деникинъ, и Особое Совѣщаніе.

Считая, что указанныя части государства Россійскаго должны будутъ получить широкую автономію, мы всѣ боролись противъ домогательствъ расчленять Россію и создавать новыя «суверенныя» государства.

За эту политику насъ многіе упрекали. Даже многіе изъ тѣхъ, которые были противъ расчлененія Россіи, говорили, что эта прямолинейная политика не разумна; что надо идти на соглашенія, лишь бы объединить всѣ силы для борьбы противъ большевиковъ; что для возрожденія Россіи не будутъ опасны никакія обѣщанія генерала Деникина и что Россія, когда придетъ время, во всемъ разберется и каждый будетъ поставленъ на свое мѣсто.

Но генералъ Деникинъ на это не шелъ, говоря, что это путь опасный, не честный и не допустимый.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Что касается промышленности, то, конечно, не было ни времени, ни возможности ее наладить, какъ слѣдуетъ. Ограничились лишь тѣмъ, что все, что можно было, приспособливали для обслуживанія арміи, флота и желѣзныхъ дорогъ.

Серьезныя упреки были относительно того, что не сумѣли добиться большей добычи угля въ Донецкомъ бассейнѣ и подачи излишка угля къ портамъ.

Эти обвиненія дѣйствительно справедливы, но финансовыя затрудненія не позволили идти на установленіе цѣнъ на уголь въ томъ размѣрѣ, какъ на этомъ настаивали углепромышленники.

Съ правильнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ торговли мы совсѣмъ не справились.

Обстановка была крайне сложная. Донъ, Кубань и Терекъ окружили себя таможенными рогатками и пропускали черезъ нихъ безпрепятственно только

грузы, предназначенные на довольствіе арміи и ея надобности, и всѣ проходящіе черезъ ихъ раіоны транзитомъ.

Все же, не предназначавшееся непосредственно для арміи, Правительства Дона, Кубани и Терека соглашались пропускать черезъ свои границы только на товарообмѣнъ.

На этой почвѣ возникало много треній и недоразумѣній. Получались иногда самыя невѣроятныя положенія. Кубань была полна хлѣбомъ и другими продовольственными продуктами, а населеніе прилегавшей къ ней Черноморской губерніи въ нѣкоторые періоды буквально голодало; бывали случаи, когда намъ приходилось посылать поѣзда съ продовольствіемъ съ Кубани въ Черноморскую губернію въ сопровожденіи военной охраны, чтобы продовольствіе не было задержано таможенной заставой.

Создавшееся положеніе особенно тягостно отражалось на правильномъ разрѣшеніи вопросовъ внѣшней торговли.

Генералъ Деникинъ и Особое Совѣщаніе не считали возможнымъ, допустить, чтобы каждое изъ казачьихъ правительствъ вело самостоятельную внѣшнюю торговлю. Въ результатѣ же получалось, что на ихъ территоріяхъ имѣлось неиспользованнымъ большое количество хлѣба и различнаго сырья, а управленіе торговли и промышленности не могло подать въ порты, находившіеся въ вѣдѣніи Командованія арміей, продукты, которые можно было бы направить за границу для полученія столь необходимой валюты, или для товарообмѣна.

Но, кромѣ того, и Особое Совѣщаніе, отвергая первоначально принципъ свободной внѣшней торговли и желая ее монополизировать въ рукахъ правительства, съ этимъ вопросомъ не справилось.

Только осенью 1919 года, убѣдившись, что казенный аппаратъ не можетъ какъ слѣдуетъ наладить внѣшнюю торговлю и товарообмѣнъ, рѣшили объявить свободу торговли, отчисляя, за вывозимые товары, извѣстный % въ валютѣ въ пользу государственной казны.

Въ связи съ вопросомъ внѣшней торговли, неоднократно подымался вопросъ о предоставленіи нашимъ союзникамъ различныхъ концессій.

Сторонники концессій указывали, что это единственный способъ получить значительныя средства въ иностранной валютѣ; что это экономически затянетъ въ русскія дѣла союзниковъ и они будутъ болѣе рѣшительно помогать для сверженія совѣтской власти и для установленія въ Россіи порядка.

Генералъ Деникинъ опредѣленно былъ противъ концессій, считая, что онъ не имѣетъ права связывать будущее всероссійское правительство какими либо долгосрочными обязательствами и заниматься распродажей Россіи по частямъ.

Только въ декабрѣ 1919 года генералъ Деникинъ, съ большой неохотой, далъ согласіе на предоставленіе союзникамъ концессій на эксплоатацію лѣсовъ въ Черноморской губерніи. Но это предположеніе, вслѣдствіе развернувшихся событій, не было осуществлено.

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВЪ ТЫЛУ

Генералъ Деникинъ постоянно требовалъ, чтобы на подборъ администраціи обращалось самое серьезное вниманіе.

Требовалось, чтобы въ распоряженіи начальника управленія Внутреннихъ Дѣлъ были заранѣе намѣченные начальники губерній и уѣздовъ, которыхъ

можно было бы посылать на мѣста немедленно по освобожденію раіоновъ отъ власти большевиковъ.

Но для занятія этихъ должностей не было много охотниковъ, а потому выборъ былъ очень малъ. Надо признать, что среди назначенныхъ начальниками губерній, а особенно начальниками уѣздовъ, оказалось много совершенно не подходящихъ и не соотвѣтствующихъ лицъ.

Плохой подборъ служащихъ и ничтожное жалованіе, дававшееся имъ и обрекавшее ихъ на полунищенское существованіе, привело скоро къ тому, что среди младшихъ служащихъ стали процвѣтать взятки и поборы съ населенія, А это, естественно, способствовало развалу тыла и возбуждало противъ администраціи населеніе.

КОНТРЪ-РАЗВѢДКА

Задача органовъ контръ-развѣдки, подчиненной штабу Главнокомандующаго, заключалась: въ арестѣ большевисткихъ агитаторовъ и видныхъ большевистскихъ дѣятелей, оставляемыхъ большевиками въ раіонахъ, которые они принуждены были очищать при наступленіи нашей арміи; въ производствѣ предварительныхъ дознаній относительно тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые, во время господства большевиковъ въ данной мѣстности, своей дѣятельностью, особо способствовали укрѣпленію совѣтской власти; въ арестѣ въ войсковыхъ раіонахъ вновь проникающись туда большевистскихъ агентовъ. Въ приморскихъ пунктахъ органы контръ-развѣдки обязаны были наблюдать за всѣми въѣзжающими и выѣзжающими, вылавливая и передавая слѣдственнымъ властямъ большевистскихъ агентовъ.

Дѣятельность органовъ контръ-развѣдки вызывала не только серьезныя жалобы, но и всеобщее возмущеніе.

На службу въ контръ-развѣдку, нормально, шелъ худшій элементъ, а соблазновъ было много: при арестахъ большевистскихъ дѣятелей обыкновенно находили много награбленныхъ драгоцѣнностей и крупныя суммы денегъ; такъ какъ отвѣтственнымъ большевистскимъ дѣятелямъ грозила смертная казнь, то, за свое освобожденіе, многіе изъ нихъ предлагали крупныя взятки; за полученіе разрѣшенія на выѣздъ за границу многіе также предлагали крупныя суммы. Наконецъ, вообще характеръ дѣятельности органовъ контръ-развѣдки открывалъ широкое поприще для всевозможныхъ злоупотребленій и преступныхъ дѣйствій.

Многіе изъ чиновъ контръ-развѣдки были отданы подъ судъ, но общее мнѣніе было, что это дѣла не измѣнило и грабежъ, и взяточничество среди чиновъ контръ-развѣдки процвѣтали.

Особое Совѣщаніе нѣсколько разъ обсуждало этотъ вопросъ и возбуждало передъ главнокомандующимъ ходатайство о передачѣ функцій контръ-развѣдки въ уголовно-розыскную часть, составъ чиновъ которой (преимущественно чины судебнаго вѣдомства), въ значительной степени, гарантировалъ честное отношеніе къ дѣлу.

Но штабъ Главнокомандующаго доказывалъ, что безъ органовъ контръ-развѣдки онъ обойтись не можетъ, и дѣло оставалось безъ измѣненія до конца.

Суровыя же мѣры, которыя генералъ Деникинъ требовалъ примѣнять по отношенію къ преступнымъ элементамъ контръ-развѣдки, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели.

СНАБЖЕНІЕ АРМІИ

Снабженіе арміи производилось, главнымъ образомъ, двумя путями: черезъ союзниковъ и заготовленіемъ черезъ органы снабженія. Былъ еще третій способъ — это захватомъ военной «добычи» отъ большевиковъ.

Союзники (привозили англичане, а французы принимали на себя половину стоимости предметовъ, доставляемыхъ англичанами) доставляли предметы вооруженія, снаряженія, боевые припасы, авіаціонное имущество, предметы инженернаго снабженія и обмундированіе.

По численности арміи, на первое время, доставляемыхъ боевыхъ предметовъ снабженія — было достаточно, но обмундированія было совершенно не достаточно; при постоянной перемѣнѣ личнаго состава (убитые, раненые, больные, плѣнные, дезертиры *) армія не могла быть одѣта даже сносно.

Заготовленіе предметовъ снабженія на своей территоріи, средствами органовъ снабженія, мы наладить, какъ слѣдуетъ, не могли. Отчасти, конечно, это происходило вслѣдствіе неналаженности работы управленія снабженія, но главная причина заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ и невозможности пріобрѣтать заграницей то, чего нельзя было достать на мѣстѣ.

Съ денежнымъ довольствіемъ также происходили постоянныя задержки, и части войскъ по 2, по 3 мѣсяца не получали денегъ для выдачи жалованія чинамъ и на текущее довольствіе.

Что касается такъ-называвшейся «военной добычы», то съ ней дѣло обстояло совсѣмъ плохо.

Хотя въ тылу арміи имѣлись особыя комиссіи, которыя должны были принимать все захваченное имущество и его сортировать (для выдачи на довольствіе войскъ; для возвращенія владѣльцамъ, у которыхъ оно было отобрано большевиками; для продажи), но, фактически, въ эти комиссіи попадали жалкіе остатки.

Части войскъ, захватившія то или иное имущество, прежде всего, старались устроить свои собственные запасы, а часть посылали въ тылъ для продажи, или обмѣна на что-нибудь другое, нужное для частей войскъ. При этомъ, конечно, были злоупотребленія, и многіе чины, занимавшіеся «товарообмѣномъ» и продажей имущества старались обогатиться сами.

Все это являлось слѣдствіемъ плохо организованнаго снабженія и попустительства со стороны командnаго состава.

А если къ этому добавить, что командованіе арміей совершенно не считалось съ общимъ органомъ снабженія, а считало, что все захваченное на фронтѣ принадлежитъ по праву «военной добычи» данной арміи (Донское Командованіе перевозило къ себѣ на Донъ даже станки съ заводовъ не Донской территоріи), то ясна будетъ та картина безобразія, которая происходила при продвиженіи арміи впередъ, вызывая, со стороны населенія и владѣльцевъ различнаго имущества, жалобы и нареканія.

Вслѣдствіе неналаженности снабженія и несвоевременнаго полученія всего необходимаго, командный составъ армій и войсковыя части прибѣгали къ реквизиціямъ у населенія.

---

* Во время гражданской войны, въ періодъ неудачъ, особенно великъ % убыли сдающимися въ плѣнъ и дезертирами.

Платныя реквизиціи, въ этихъ случаяхъ, были вполнѣ законными; но такъ какъ были часто случаи, что войсковыя части не получали своевременно причитающихся имъ денежныхъ средствъ, то реквизиціи производились и безплатныя. Въ началѣ случаи безплатныхъ реквизицій были рѣдкіе и при ихъ производствѣ выдавались населенію квитанціи на забранные продукты, но впослѣдствіи, къ концу лѣта 1919 года, они не только участились, но стали обыденнымъ явленіемъ.

Войска называли это «самоснабженіемъ», а, фактически, эти реквизиціи превратились просто въ грабежъ, возбуждавшій населеніе противъ арміи.

ФИНАНСОВЫЕ ВОПРОСЫ

Между главнымъ Командованіемъ и казачествомъ состоялось соглашеніе о необходимости образовать единый государственный банкъ и перейти къ единому денежному знаку, но фактически это не было проведено въ жизнь.

Ростовская экспедиція заготовленія денежныхъ знаковъ осталась въ вѣдѣніи Донского Правительства, которое согласилось часть выпускаемыхъ денежныхъ знаковъ передавать въ распоряженіе управленія финансовъ Добровольческой Арміи, а также Кубанскому и Терскому Правительствамъ. Но количество получаемыхъ денежныхъ знаковъ совершенно не удовлетворяло потребности въ нихъ.

Управленіе финансовъ Добровольческой Арміи, хотя и оказало помощь Донскому Правительству по лучшему оборудованію Ростовской экспедиціи, но, параллельно съ этимъ, принуждено было оборудовать въ Кіевѣ, Одессѣ и Новороссійскѣ (впослѣдствіи и въ Ѳеодосіи) свои экспедиціи.

Кромѣ того, въ Англіи были заказаны, по особому образцу, денежные знаки различныхъ достоинствъ. Заграничный заказъ сталъ выполняться незадолго до катастрофы 1919 года и эти денежные знаки не были пущены въ обращеніе. Кіевская и Одесская экспедиціи, вскорѣ послѣ ихъ оборудованія, должны были быть эвакуированы; Новороссійская и Ѳеодосійская эспедиціи были окончательно оборудованы къ концу 1919 года.

Въ результатѣ мы почти все время ощущали острую нужду въ денежныхъ знакахъ и, изъ-за этого, генералъ Деникинъ не могъ своевременно увеличить содержаніе служащихъ въ соотвѣтствіи съ вздорожаніемъ жизни*. Недостаточное же содержаніе и жизнь впроголодь толкали очень многихъ на преступные поступки; поборы и взяточничество развивались.

---

* Плохо были обезпечены не только младшіе, но и старшіе чины.

При первоначальномъ формированіи Добровольческой арміи въ 1917 г., когда жизнь уже сильно вздорожала, оклады были приняты минимальные. Генералъ Корниловъ получалъ 1000 р. въ мѣсяцъ, а ближайшіе его сотрудники, генералъ Деникинъ и я, по 700 р. въ мѣсяцъ.

Разбирая документы, я нашелъ слѣдующаго содержанія записку генерала Алексѣева на имя завѣдывающаго контрольно-финансовымъ отдѣломъ Добровольческой арміи, которая мнѣ объяснила, почему семья генерала Алексѣева, бывшая на Донской территоріи во время перваго кубанскаго похода, очень бѣдствовала:

«Лично мнѣ за время дѣятельности въ организаціи опредѣлено вознагражденіе отъ Московскаго центра по 1500 р. въ мѣсяцъ.

Вслѣдствіе потери связи я не получилъ этого вознагражденія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1918 г.

Конечно, нельзя говорить, что это единственная причина, развившая взяточничество и поборы, но, при вообще значительно понизившемся моральномъ уровнѣ за періодъ войны и революціи, это была одной изъ главныхъ причинъ.

Недостатокъ денежныхъ знаковъ вліялъ на скупку зерна, на широкія угольныя заготовки и на развитіе работъ по заготовкамъ всего необходимаго для арміи.

Несвоевременные переводы денегъ на довольствіе войскъ, какъ я уже отмѣтилъ, вызывали производство безплатныхъ реквизицій.

Управленіе финансовъ доказывало, что дѣлалось все, что только возможно для полученія большаго числа денежныхъ знаковъ, но обстановка не позволяла, какъ слѣдовало, наладить дѣло.

Судить не берусь, можно ли было сдѣлать больше, но всѣ обвиняли управленіе финансовъ въ неумѣніи наладить печатаніе достаточнаго количества денежныхъ знаковъ, въ то время, когда большевики налаживали печатаніе чуть ли ни въ вагонахъ.

Положеніе управленія финансовъ было чрезвычайно трудное. Но думаю, что если бъ ему вначалѣ и удалось наладить работу печатнаго станка, то на долго этого не хватало бы и это, конечно, не было разрѣшеніемъ вопроса.

Курсъ бумажныхъ денегъ такъ катастрофически падалъ, что какъ бы много ни печаталось денегъ — ихъ, все равно, скоро перестало бы хватать.

Заемъ заграницей или значительный кредитъ получить не удалось, а наладить вывозъ хлѣба и сырья мы не сумѣли.

Изъ русскихъ средствъ, находившихся заграницей, Добровольческая Армія получила право располагать нѣкоторой, сравнительно, незначительной суммой, но этого было недостаточно.

Былъ еще способъ получить въ распоряженіе казны значительное количество цѣнностей — путемъ скупки золота и драгоцѣнностей у частныхъ лицъ и въ магазинахъ.

На это нѣсколько разъ обращали вниманіе управленія финансовъ; было предположено поручить это дѣло нѣсколькимъ агентамъ, но, насколько мнѣ извѣстно, это осуществлено не было. Думаю, что если бъ это было организовано и за драгоцѣнности казна платила выше рыночной цѣны, то можно было бы скупить ихъ очень много и образовать довольно значительный валютный фондъ. Надо имѣть въ виду, что, какъ ни грабили большевики, но бѣженцы, все же, умудрялись провозить съ собой много драгоцѣнностей, и ихъ на югѣ Россіи накопилось очень много.

Очень сложнымъ былъ вопросъ съ признаніемъ или непризнаніемъ совѣтскихъ денегъ.

Населеніе, у котораго скопилось много этихъ денегъ, было недовольно отказомъ Командованія ихъ признавать; войска, при продвиженіи впередъ, при

Прошу, позаимствовавъ временно эту сумму изъ общихъ запасовъ организаціи и проведя ее по отчетамъ, выдать мнѣ впередъ до расчета съ Московскимъ центромъ. Генералъ Алексѣевъ. 22 апрѣля 1918 г. Егорлыкская».

Значительное повышеніе окладовъ содержанія послѣдовало только осенью 1919 года. Лѣтомъ же 1919 года моя, напримѣръ, семья, при томъ, что я тогда получалъ уже 1800 р. въ мѣсяцъ, едва сводила концы съ концами, и то только благодаря тому, что жена и дочь сами готовили обѣдъ и стирали бѣлье.

Одинъ изъ губернаторовъ жаловался мнѣ на то, что онъ не только не можетъ пригласить къ своему столу кого либо изъ вызванныхъ къ нему изъ уѣздовъ по дѣламъ службы, но самъ съ семьей буквально голодаетъ.

захватѣ военноплѣнныхъ, совѣтскихъ штабовъ и различныхъ учрежденій, насыщивались этими деньгами и также были недовольны ихъ непризнаніемъ.

Особое Совѣщаніе считало недопустимымъ признавать эти деньги хотя бы и временно*. При временномъ ихъ признаніи, то-есть назначеніи срока на обмѣнъ ихъ на денежные знаки, имѣющіе хожденіе на территоріи, освобожденной отъ большевиковъ, у насъ не хватило бы денегъ для производства этой операціи. Свободное же допущеніе въ обращеніе совѣтскихъ денегъ давало бы въ руки Совѣтскаго Правительства слишкомъ могучее оружіе для борьбы съ нами.

Генералъ Деникинъ, при объѣздѣ фронта, прислалъ мнѣ изъ Харькова (23 іюня/6 іюля 1919 года) телеграмму, въ которой, между прочимъ, указывая, что распоряженіе о непризнаніи совѣтскихъ, въ частности пятаковскихъ, денегъ, возбуждаетъ населеніе, въ которое выпущено ихъ около милліарда, сообщаетъ, что генералъ Май-Маевскій это распоряженіе пріостановилъ, и просилъ дать объясненіе.

Въ отвѣтъ на телеграмму я послалъ (24 іюня/7 іюля) Главнокомандующему слѣдующій отвѣтъ:

«Вопросъ о совѣтскихъ деньгахъ, въ частности пятаковскихъ, подробно обсуждался Особымъ Совѣщаніемъ и съ практической и научной точекъ зрѣнія. Единогласно признано, что если допустить и признать эти деньги, то мы оставляемъ страшное орудіе въ рукахъ совѣтской власти и ведемъ Россію къ вѣрному банкротству.

Вѣдь при дальнѣйшемъ продвиженіи мы встрѣтимъ еще большее количество милліардовъ этихъ денегъ. То, что населеніе, имѣющее конечно и романовскія, и керенки, и украинскія, выбрасываетъ на рынокъ именно совѣтскія, прежде всего указываетъ на то, что оно само сознаетъ непрочность этихъ денегъ. Конечно и у войскъ совѣтскихъ денегъ оказалось много. Характеренъ одинъ изъ мотивовъ Май-Маевскаго, что на армію жертвуется много этихъ денегъ. Конечно эта операція (то-есть непризнаніе совѣтскихъ денегъ) болѣзненная, но Особое Совѣщаніе и Управляющій финансами другого выхода не видѣли. Постановлено предложить всѣ совѣтскія деньги сдавать на текущій счетъ, объявивъ населенію, что пока ихъ судьба не рѣшается; но выдавать можно каждому, независимо отъ принесенной суммы, не болѣе пятисотъ рублей признаваемыми знаками** съ отмѣткой на видѣ на жительство.

Единственное, что возможно — это нѣсколько увеличить выдачу, но врядъ ли допустимо эти деньги признавать».

Генералъ Деникинъ согласился съ этимъ объясненіемъ, и имъ были преподаны соотвѣтствующія указанія.

Но эта мѣра, особенно среди рабочихъ, вызвала большое неудовольствіе противъ «бѣлой арміи».

---

* Исключеніе изъ этого правила, въ смыслѣ временнаго признанія совѣтскихъ денегъ, насколько помню, было допущено только для раіона сѣвернаго Кавказа.

** Эту уступку, т. е. незначительный размѣнъ, признано было необходимымъ сдѣлать, такъ какъ дѣйствительно городское населеніе, а особенно рабочіе, при полномъ непризнаніи совѣтскихъ денегъ ставилось въ очень тяжелое положеніе.

Вести правильную работу по формированію и организаціи арміи въ условіяхъ гражданской войны, не имѣя устроеннаго тыла и не будучи хозяевами на территоріи казачьихъ войскъ, было крайне трудно.

Въ этой области ошибокъ было, конечно, много, но я остановлюсь только на вопросѣ формированія новыхъ войсковыхъ частей и, въ частности, на созданіи регулярной кавалеріи.

Отъ «добровольческаго» принципа генералъ Деникинъ отказался съ началомъ 2-го Кубанскаго похода, то-есть, примѣрно, съ мая 1918 года.

Хотя армія и продолжала называться «Добровольческой», но, какъ на территоріи Кубанскаго казачьяго войска, такъ и въ освобождаемыхъ не казачьихъ раіонахъ, были образованы управленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и военнообязанные, какъ запасные, такъ и новобранцы, призывались на службу въ войска.

Всѣ находившіеся въ освобождаемыхъ раіонахъ также обязаны были поступить на службу.

Перешли, такимъ образомъ, къ принципу обязательной службы.

Съ расширеніемъ территоріи, въ распоряженіи Командованія Арміи оказался значительный контингентъ военнообязанныхъ и явилась возможность приступить къ значительному увеличенію арміи.

Увеличеніе арміи могло производиться двумя путями: или развертываніемъ существующихъ полковъ въ бригады, бригадъ въ дивизіи, дивизій въ корпуса; или формированіемъ новыхъ полковъ и сведеніемъ ихъ въ новыя болѣе крупныя соединенія.

У насъ были примѣнены оба способа, но первому, какъ обезпечивающему болѣе прочныя части, было отдано предпочтеніе.

Увеличеніе арміи путемъ новыхъ формированій производилось въ раіонахъ, гдѣ не было старыхъ частей Добровольческой Арміи (въ Крыму, въ Новороссіи, въ Кіевской Области, на сѣверномъ Кавказѣ) и при возсозданіи старыхъ полковъ Императорской Арміи.

Эти рѣшенія не вызывали сомнѣній, да и другихъ рѣшеній не было; но способъ формированія частей вызывалъ критику.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе растянутости фронта и его слабости, штабъ Главнокомандующаго примѣнилъ способъ формированія новыхъ частей на фронтѣ. Получая укомплектованіе, скажемъ, Корниловскій полкъ, выдѣлялъ кадръ и тутъ же на фронтѣ формировалъ новый 3-й или 4-й Корниловскій полкъ.

Вновь сформированный полкъ, въ который на укомплектованіе поступали и присланныя пополненія изъ запасныхъ батальоновъ и только что взятые въ плѣнъ красноармейцы, въ ближайшіе же дни попадалъ въ бой и, какъ недостаточно сплоченный, при малѣйшей боевой неудачѣ, несъ большія потери дезертирами и плѣнными.

Противники развертыванія частей на фронтѣ указывали и на другой существенный недостатокъ этой системы, а именно, начальники дивизій, желая скорѣй развернуть свои части, скрывали отъ органовъ снабженія число захваченныхъ у большевиковъ орудій, пулеметовъ, винтовокъ и боевыхъ припасовъ; образовывали свои запасы и это, при общемъ недостаткѣ всякихъ запасовъ, естественно отражалось на планомѣрности формированій; а захваченное

имущество, безъ должнаго ремонта, который произвести на фронтѣ было не возможно, скоро приходило въ полную негодность.

Штабъ Главнокомандующаго не соглашался на выдѣленіе кадровъ изъ дѣйствующихъ частей и на отправку ихъ для формированія новыхъ частей въ глубокій тылъ, указывая на невозможность ослаблять фронтъ.

Конечно, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу, фронтъ усиливался бы новыми частями значительно позже и это, естественно, должно было бы уменьшить темпъ развитія операцій и не позволило бы сильно растягивать фронтъ.

Но, по мнѣнію многихъ, при формированіи новыхъ частей въ глубокомъ тылу, усиленіе арміи было бы поставлено болѣе основательно и болѣе прочно, а новыя части были бы крѣпче.

Что касается развитія формированій частей регулярной кавалеріи, то на это не было обращено должнаго вниманія.

Командованіе Добровольческой Арміи отлично понимало, что въ гражданской войнѣ, при сравнительной слабости пѣхоты противника, конница должна играть громадную роль. Но у насъ на развитіе формированій регулярной конницы было обращено большее вниманіе лишь лѣтомъ 1919 г., но и то не въ достаточной степени.

Между тѣмъ, если-бъ этотъ вопросъ былъ правильно поставленъ съ осени 1918 года, то, при наличіи большого числа кавалерійскихъ офицеровъ, можно было бы преодолѣть всѣ трудности и къ осени 1919 года имѣть значительную регулярную конницу.

Оперативные планы Главнаго Командованія подвергались, конечно, также критикѣ.

Я остановлюсь только на тѣхъ нападкахъ, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія.

Указывалось на то, что весной 1919 года, послѣ очищенія отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа, было бы болѣе правильно, не занимая Донецкаго Бассейна, а лишь удерживая на правомъ берегу Дона плацдармъ у Ростова, всѣ силы сосредоточить на Царицынскомъ направленіи и, занявъ Царицынъ, развивать операціи вдоль Волги, что нарушило бы операціи большевиковъ противъ армій адмирала Колчака и дало бы возможность войти въ связь съ послѣдними.

Трудно сказать, конечно, насколько такая операція была бы удачна.

Если-бы удалось удержать Ростовъ и Новочеркасскъ, то она могла дать блестящіе результаты; но если-бъ линію Дона удержать не удалось и если-бъ большевики, опрокинувъ заслонъ и потѣснивъ Донскую Армію, отрѣзали группу войскъ оперирующую на Царицынскомъ направленіи отъ ея базы на Кубани, то это могло бы кончиться плохо.

Затѣмъ многіе обвиняли Главное Командованіе, что оно, гонясь за захватомъ большей территоріи, не сообразуясь съ наличными силами, слишкомъ продвигало армію впередъ, растягивало войска и, въ результатѣ, не имѣя нигдѣ резервовъ, потерпѣло пораженіе.

Этотъ упрекъ, въ связи съ общимъ неустройствомъ тыла, надо признать правильнымъ.

* *
*

Значительный % преступнаго элемента среди воинскихъ чиновъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, объясняется, прежде всего, тѣмъ, что съ лѣта 1918 года, вооруженныя силы юга Россіи* фактически перестали быть Добровольческой Арміей.

Ряды арміи пополнялись не только идейными людьми, какъ это было въ первый періодъ существованія арміи, а по набору, по принужденію, по повинности; много въ армію попадало и изъ числа военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ красной, большевистской арміи.

При общемъ пониженіи моральнаго уровня за періодъ Европейской войны и русской смуты, естественно, что въ ряды вооруженныхъ силъ юга Россіи, а въ частности Добровольческой** Арміи, попадалъ довольно значительный % преступнаго элемента.

Но тѣ преступныя дѣянія, которыя омрачили дѣятельность вооруженныхъ силъ юга Россіи, тонули въ геройскомъ поведеніи и самоотверженной работѣ русскаго*** офицерства, русской молодежи (студентовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и кадетъ) и многихъ простыхъ казаковъ и солдатъ, которые, неся страшныя тяготы и лишенія, безстрашно и безропотно шли на смерть ради спасенія несчастной, опозоренной Родины.

* *
*

Конечную неудачу такъ называемаго «Деникинскаго періода» большинство приписываетъ тому, что руководители арміи и Особое Совѣщаніе совершенно не справились съ устройствомъ тыла и не уберегли армію отъ развала.

Какъ конечный выводъ — это вѣрно. Но обстановка была такъ сложна, условія работы по государственному строительству были такъ трудны, что неудачи этого періода врядъ ли можно объяснять только неправильной политикой генерала Деникина и его правительства, ошибками послѣдняго и неудачнымъ подборомъ сотрудниковъ.

Не знаю, насколько удачно, но въ своемъ изложеніи я хотѣлъ очертить ту совокупность условій, которыя и привели къ конечной неудачѣ.

Что касается собственно Добровольческой Арміи, то, несмотря на многія тѣневыя стороны, ея самоотверженная и патріотическая работа будетъ отмѣчена исторіей.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести выдержки изъ статьи «Побѣда духа» (газета Свободная Рѣчь, отъ 30 марта [12 апрѣля] 1919 г., № 71) чистаго сердцемъ, большого русскаго патріота профессора князя Евгенія Трубецкого:

«Главное отличіе Добровольческой Арміи отъ большевистской — діаметрально противоположный жизненный укладъ... у нихъ (добровольцевъ) есть то, чего нѣтъ у большевиковъ. Есть воинская честь и несокрушимая сила духа.

Въ дни всеобщаго униженія и разложенія, Добровольческая Армія явила эту силу. Въ этомъ ея заслуга, которая больше всѣхъ одержанныхъ ею

---

* Вооруженными силами юга Россіи называлась совокупность всѣхъ воинскихъ силъ, сформированныхъ на югѣ Россіи для борьбы съ большевиками.

** Оставшейся «Добровольческой» только по названію.

*** Я, конечно, казачество не отдѣляю отъ русскаго офицерства и русской молодежи. Да для нихъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ самостійниковъ, это было бы и кровнымъ оскорбленіемъ.

побѣдъ. Въ эпохи національнаго упадка самое ужасное — это тотъ духовный параличъ, который наступаетъ, когда народъ утрачиваетъ вѣру въ себя. Сколько разъ Россія переживала это мучительное состояніе! Съ него началась русская исторія, когда, отчаявшись въ себѣ, наши предки послали за варягами.

Потомъ то-же отчаяніе — въ дни татарщины и въ тяжкое лихолѣтіе смутнаго времени.

Чѣмъ спасаются въ такія времена? Конечно, не какими либо великими дѣлами массъ, которыя всегда сѣры, безцвѣтны и малодушны, а героическими подвигами избранныхъ, лучшихъ людей...

А народъ былъ тогда, какъ и теперь, все та же колеблющаяся, измѣнчивая масса, которая то звѣрѣетъ и неистовствуетъ, то кается въ своихъ грѣхахъ и подчиняется національному инстинкту, то коснѣетъ въ тупомъ равнодушіи. Не масса дѣлаетъ исторію, а личность.

Она зажигаетъ массы, отъ нея рождается стихійныя, неудержимыя народныя движенія.

Вотъ почему намъ такъ безконечно дороги тѣ героическіе подвиги, которые были явлены на Кубани и на Терекѣ.

Они пробуждаютъ въ насъ вѣру въ Россію...

Въ заключеніе помянемъ еще заслугу, за которую мы должны отвѣсить земной поклонъ Добровольческой Арміи. Мы живемъ въ эпоху неслыханнаго упадка патріотизма. Одни мѣняютъ родину на выгоду личную, другіе на выгоду классовую. Третьи дѣлаютъ видъ, что ее любятъ, но, на самомъ дѣлѣ, дѣлаютъ карьеру на патріотизмѣ.

И вотъ теперь, среди этой деморализаціи и разложенія, — ясный проблескъ національнаго возрожденія. Мы видимъ людей, которые любятъ Россію безъ завѣтно и безгранично, ради нея самой, какъ любятъ безконечно дорогого человѣка. Ибо какой корысти ждутъ отъ Россіи тѣ, кто добровольно, безъ принужденія, жертвуютъ для нея жизнью или становятся ради нея калѣками.

Въ минуту, когда мы не знали, жива Россія или мертва, добровольцы явили горячую, пламенную любовь къ родинѣ и тѣмъ засвидѣтельствовали о таящейся въ ней жизненной силѣ.

Нѣтъ того народа, который въ теченіе многихъ вѣковъ своей исторіи не переживалъ бы критическіе, страшные дни упадка и смуты.

Но отличіе великаго народа — въ его способности подниматься изъ глубины паденія на высоту, недоступную слабымъ и малодушнымъ. Теперь мы видимъ начало такого подъема, онъ засвидѣтельствованъ не словами, а дѣлами, которыя перейдутъ въ исторію и останутся навсегда предметомъ восхищенія и гордости...»

Изъ Кіевскихъ воспоминаній

(1917—1921 гг.)

А. А. Гольденвейзера

I. Эпоха Временнаго Правительства

(февраль—октябрь 1917 года)

Наканунѣ. — Первые дни. — Организація мѣстной власти. — Еврейская общественность. — Праздникъ равноправія. — Первый украинскій съѣздъ. — «Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій». — Кіевскій Исполнительный Комитетъ и его члены. — Пресса. — Пріѣздъ А. Ф. Керенскаго. — Нашъ конфликтъ съ украинцами. — Пріѣздъ Церетели. — Соглашеніе съ украинцами и вступленіе «меньшинствъ» въ Центральную Раду. — Областное еврейское совѣщаніе и агитація Рафеса. — Нѣсколько словъ о пропорціональныхъ выборахъ. — Выборы въ Кіевскую Городскую Думу. — Національно-политическія размышленія. — Корниловщина. — Новая Дума. — Наканунѣ новыхъ событій.

Въ концѣ февраля 1917 года въ Кіевѣ ничто не предвѣщало великихъ событій, на самомъ порогѣ которыхъ мы находились.

Убійство Распутина, повидимому, не произвело у насъ того впечатлѣнія, которое мнѣ пришлось наблюдать въ Петроградѣ, гдѣ я какъ разъ въ эти дни былъ. Послѣдовавшія затѣмъ предсмертныя судороги реакціи — премьерство кн. Голицына, увольненіе министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатьева, двухкратное отсрочиваніе Думской сессіи, — все это было воспринято, какъ очередной поворотъ вправо, какъ политическій эпизодъ, которыхъ было и которыхъ будетъ еще такъ много . . .

На фронтѣ было зимнее затишье, продовольственное положеніе не обострялось и жизнь текла своимъ чередомъ. Наша провинціальная общественность концентрировалась главнымъ образомъ вокругъ трехъ военно-общественныхъ организацій: Земскаго Союза, Союза Городовъ и Военно-Промышленнаго Комитета. Руководящіе органы всѣхъ этихъ учрежденій состояли сплошь изъ прогрессивныхъ элементовъ — земцевъ, городскихъ дѣятелей и промышленниковъ. Во главѣ областного комитета Земсоюза стоялъ С. П. Шликевичъ, во главѣ Согора — баронъ Ф. Р. Штейнгейль, предсѣдателемъ Военно-промышленнаго комитета былъ съ самаго его основанія Михаилъ Ивановичъ Терещенко — баловень судьбы, обладавшій колоссальнымъ богатствомъ и пользовавшійся исключительными симпатіями въ торгово-промышленныхъ и общественныхъ кругахъ. Всѣ проникавшія къ намъ частныя свѣдѣнія о непорядкахъ

въ дѣлѣ снабженія арміи, о тлетворномъ вліяніи Ставки, объ антагонизмѣ между отдѣльными военачальниками — все это обычно шло черезъ эти комитеты. Въ ихъ же канцеляріяхъ перепечатывались на машинкахъ и оттуда распространялись безчисленные списки со знаменитыхъ рѣчей Милюкова, Шульгина и Маклакова въ засѣданіяхъ Государственной Думы 1-го и 3-го ноября 1916 года.

Партійныя и національныя организаціи, хотя и существовали у насъ съ самаго 1905 года, но работали довольно вяло. Лѣвыя партіи работали въ подпольѣ. Изъ полу-легальныхъ политическихъ организацій былъ замѣтенъ пожалуй только областной комитетъ партіи Народной Свободы, во главѣ котораго, послѣ смерти Е. Г. Шольпа, стоялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и уважаемыхъ кіевскихъ дѣятелей — Д. Н. Григоровичъ-Барскій. Въ качествѣ суррогата еврейской національной организаціи существовала нѣкая «Комиссія общихъ дѣлъ», числившаяся при суррогатѣ еврейской общинной организаціи — «Представительствѣ по дѣламъ еврейской благотворительности при кіевской городской управѣ». Дѣло же помощи многочисленнымъ еврейскимъ бѣженцамъ и выселенцамъ изъ прифронтовой полосы сосредоточивалось въ такъ-называемомъ КОПЕ — «Кіевскомъ обществѣ помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій». Въ обоихъ учрежденіяхъ преобладали политически-умѣренные элементы еврейства — сіонисты, кадеты, крупные торгово-промышленники — и оба подвергались систематическимъ нападкамъ со стороны евреевъ-соціалистовъ, взгляды которыхъ выражалъ въ печати талантливый сотрудникъ «Кіевской Мысли» М. Лировъ.

Повторяю: къ концу февраля 1917 года наша кіевская атмосфера не была сгущена болѣе, чѣмъ обыкновенно, и ничто не предвѣщало близкой грозы. Напротивъ, барометръ общественныхъ настроеній — биржа — реагировала на послѣднія политическія событія бѣшеной hausse'ой. Курсы всѣхъ бумагъ (валютой тогда еще не интересовались) неслись неудержимо вверхъ, а публика все покупала и покупала; мѣстные банки не успѣвали выполнить всѣхъ порученій на Петроградъ, которыми ихъ ежедневно заваливала биржа. И любопытно, что именно биржевой бюллетень петроградскаго телеграфнаго агентства былъ для Кіева первымъ вѣстникомъ петроградскихъ событій. 25 или 26 февраля кіевляне нашли въ своей газетѣ, вмѣсто ожидаемыхъ свѣдѣній о послѣдней котировкѣ въ Петроградѣ, — пустое мѣсто. Биржи не было — что бы это могло означать?

Естественно было привести это въ связь съ тѣми безпорядками на почвѣ недостатка продовольствія, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ Кіевъ. За серьезность этихъ безпорядковъ говорило то, что правительство, видимо, нервничало: намъ сообщали о созывѣ какого-то совѣщанія изъ представителей министерствъ и законодательныхъ учрежденій и это совѣщаніе, чуть ли ни подъ предсѣдательствомъ самого Щегловитова, высказалось за передачу продовольственнаго дѣла въ руки городскихъ управленій. Это былъ явный поворотъ курса, явное пораженіе Протопопова и его политики, состоявшей въ захватѣ всего и вся въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ...

Однако, никакихъ прямыхъ свѣдѣній о размѣрѣ движенія и о позиціи правительства въ Кіевѣ не было. Газеты печатали оффиціальныя и оффиціозныя сообщенія, сквозь которыя и не проглядывалъ истинный характеръ происходившихъ событій. И только биржа подозрительно и упорно бездѣйствовала.

Но вотъ однажды вечеромъ — должно быть, это было 28 февраля или 1 марта — получилась въ Кіевѣ знаменитая телеграмма за подписью Бубли-

кова, назначеннаго комиссаромъ Комитета Государственной Думы въ Министерство Путей Сообщенія. Телеграмма эта съ быстротой электрической искры распространилась по городу. Всѣ были въ этотъ вечеръ у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не зналъ, кто такой Бубликовъ; стали справляться по стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы и пришлось удовлетвориться тѣмъ, что онъ депутатъ, инженеръ и, если не ошибаюсь, членъ партіи прогрессистовъ. Ни въ подлинности телеграммы, ни въ рѣшающемъ значеніи происшедшаго переворота не могло быть сомнѣній; порукой служилъ включенный въ телеграмму текстъ воззванія Родзянко къ населенію. Опасались только одного: какъ бы ходъ событій не повернулъ обратно. Уже послѣ отреченія Царя одна дама призналась мнѣ, что въ эти дни она каждое утро просыпалась съ мыслью, что вотъ ей подадутъ газету и она на первой страницѣ увидитъ опять слова: «а посему признали Мы за благо»...

Всѣ въ эти дни ждали извѣстій, жаждали узнать подробности. Получаемыя въ редакціяхъ газетъ телеграммы переписывались и распространялись по городу — чаще всего въ перепутанномъ и невразумительномъ видѣ. А по утрамъ мы выбѣгали на улицу и часами простаивали въ очередяхъ у газетныхъ кіосковъ.

Настроеніе было праздничное. Да и какъ было не радоваться? Грандіозный переворотъ, осуществленіе вѣковой нашей мечты мы получили какъ бы въ подарокъ, безъ борьбы и усилій, безъ крови и стоновъ...

Это чувство восторга по поводу происшедшаго съ Россіей феерическаго превращенія сохранилось еще долго. Въ письмѣ моемъ, писаномъ черезъ пять мѣсяцевъ, въ августѣ 1917 года, я нахожу слѣдующія строки:

> «Трудно себѣ представить глубину пропасти, отдѣляющей насъ отъ Россіи 26 февраля 1917 года. Большаго контраста, большей разительности въ перемѣнѣ и придумать невозможно. Вѣдь именно того, чего прежде такъ недоставало, теперь больше всего — столько, что его не замѣчаешь, не цѣнишь и не знаешь, куда дѣть. Старый строй болѣе всего ощущался скованностью личности, приводившей и къ бѣдности политической жизни, и къ неравенству, и къ деспотической власти монарха съ его кастой бюрократовъ; теперь — столько свободы и такъ мало власти, что это уже перестало радовать, равенство же пришло такъ само собой, самотекомъ, что послѣ минутнаго торжества его и не замѣчаешь»...

Въ первые дни революціи эти чувства были всеобщими.

Были, вѣроятно, сожалѣющіе о старомъ режимѣ, были, можетъ быть, и встревоженные за свою собственность, — но они терялись въ общей массѣ. Разумѣется, эта масса радующихся и торжествующихъ не была однородна. Съ первыхъ же дней можно было провести демаркаціонную черту между сторонниками «углубленія революціи» и болѣе умѣренными элементами. Это отразилось прежде всего на различномъ отношеніи отдѣльныхъ группъ къ актамъ отреченія Николая II и Михаила Александровича. Отреченіе Николая было, впрочемъ, встрѣчено всѣми, какъ что-то естественное и неизбѣжное. Но еще до 3 марта населеніе Кіева ознакомилось съ рѣчью Милюкова, въ которой онъ говорилъ о регентствѣ, и многіе ждали именно такого выхода изъ положенія. Личность Михаила Александровича внушала довѣріе; онъ слылъ англоманомъ и многихъ вполнѣ удовлетворяла перспектива имѣть его въ качествѣ «царствующаго, но не управляющаго» монарха. Опасались, какъ бы переходъ къ

совершенно новой власти не былъ воспринятъ широкими массами, какъ переходъ къ безвластью; и думали, что сохраненіе въ этотъ моментъ монархіи способствуетъ развитію у народа чувства преемственности власти и поможетъ предотвратить анархію. Поэтому, повторяю, къ отреченію Великаго Князя отнеслись различно; не всѣ въ эти первые дни радовались этому отреченію.

Нельзя, однако, не признать, что въ этомъ вопросѣ умѣренные были въ ничтожномъ меньшинствѣ и что правы оказались тѣ, которые говорили: «вотъ вы увидите — въ Россіи черезъ двѣ недѣли не будетъ больше монархистовъ» . . .

Второй вопросъ, въ оцѣнкѣ котораго разошлись мнѣнія «углубителей»* и умѣренныхъ, это былъ составъ Временнаго Правительства. Противъ большинства назначеній, впрочемъ, ничего нельзя было возразить. Нѣсколько удивлялъ Некрасовъ въ качествѣ министра путей сообщенія — мы тогда еще не привыкли къ парламентаризму и къ замѣщенію техническихъ постовъ профанами; никто не ожидалъ увидѣть Терещенко министромъ финансовъ. Но наибольшей неожиданностью было, несомнѣнно, назначеніе Керенскаго. Никто не сомнѣвался въ томъ, что министромъ юстиціи будетъ В. А. Маклаковъ. И замѣнѣ его Керенскимъ радовались тогда только самые ярые «углубители». Впрочемъ, быстро возраставшая популярность Керенскаго, его пламенныя рѣчи, и роль, которую онъ, какъ затѣмъ выяснилось, сыгралъ въ событіяхъ, скоро примирили всѣхъ съ передачей такому молодому и экспансивному депутату поста Генералъ-Прокурора Россійской Державы.

Такъ, въ приподнятомъ, радостномъ настроеніи и при почти полномъ единствѣ мыслей и чувствъ провелъ Кіевъ медовый мѣсяцъ революціи. Свое внѣшнее выраженіе этотъ подъемъ и это торжество получили въ организованномъ 16 марта «Праздникѣ революціи». Въ этотъ день грандіозныя шествія войскъ и гражданъ проходили по главнымъ улицамъ, съ красными знаменами, подъ звуки Марсельезы. Съ думскаго балкона, памятнаго кіевлянамъ съ 18 октября 1905 года, произносились привѣтственныя рѣчи. Весь городъ былъ на улицѣ, у оконъ, на балконахъ. Это было настоящее всенародное торжество . . .

Какъ организовалась въ Кіевѣ первая революціонная власть? Организаціоннымъ центромъ оказалась Городская Дума — впрочемъ, въ большей мѣрѣ думское зданіе, чѣмъ личный составъ Городской управы или гласныхъ. Октябристское большинство Думы, политически безцвѣтную управу и городского голову Ф. С. Бурчака тотчасъ же перегнали и обошли событія. Но въ залахъ Думы стали собираться представители организацій и партій, къ которымъ перешла власть, и изъ числа гласныхъ были взяты лица, ставшія во главѣ ея. Это отчасти придало организаціи новой власти такой характеръ, какъ будто она исходитъ отъ Городской Думы.

Въ образовавшемся органѣ были представлены всѣ существовавшія въ Кіевѣ общественныя, культурныя, просвѣтительныя и національныя организаціи; а также представители возникшихъ сейчасъ же Совѣтовъ Рабочихъ и Военныхъ Депутатовъ. Это импровизированное представительство организованной

* Я хочу здѣсь же оговориться, что употребляю это слово отнюдь не въ ироническомъ, или насмѣшливомъ смыслѣ. Надъ этими людьми уже достаточно зло посмѣялась дѣйствительность. «Углубителями революціи» я называю тѣхъ, кто не довольствовался одной перемѣной политическихъ формъ и желалъ увидѣть результатомъ переворота немедленное повышеніе благосостоянія и счастья массъ. Цѣль ихъ была болѣе, чѣмъ симпатичная, и заслуживала полнаго сочувствія. Но только эти люди не хотѣли или не умѣли понять, что эта цѣль неосуществима революціонными средствами и въ революціонномъ темпѣ.

кіевской общественности вылилось въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева». Однако, этотъ органъ сейчасъ же оказался слишкомъ громоздкимъ, и изъ его состава былъ выдѣленъ «Исполнительный Комитетъ», къ которому фактически и перешла вся власть. Въ первый составъ Исполнительнаго Комитета вошли представители Городской Думы (Н. Ф. Страдомскій, Д. Н. Григоровичъ-Барскій), Земскаго Союза (С. П. Шликевичъ), Городского Союза (бар. Ѳ. Р. Штейнгейль), Военно-Промышленнаго Комитета (проф. Ю. Н. Вагнеръ), украинскихъ организацій (А. В. Никовскій), еврейскихъ организацій (И. Фруминъ), рабочихъ (П. И. Незлобинъ, А. В. Доротовъ), военныхъ (офицеръ Карумъ, солдатъ Зайцевъ) и др. Этотъ «Исполнительный Комитетъ» (никто тогда не чувствовалъ потребности сокращать это наименованіе въ «Исполкомъ») и сталъ въ первые полгода революціи представителемъ власти Временнаго Правительства въ городѣ Кіевѣ*.

Я ближе познакомился съ этимъ учрежденіемъ, когда (въ концѣ апрѣля) вступилъ въ число его членовъ. Въ первые же два мѣсяца революціи моя общественная работа ограничивалась участіемъ въ еврейскихъ національныхъ организаціяхъ. Къ нимъ-то и относятся поэтому мои первыя наблюденія и воспоминанія.

Кіевская еврейская общественность была впервые поставлена въ необходимость реагировать на происходящія событія, когда, въ первые же дни послѣ революціи, предъ нею сталъ вопросъ о представительствѣ еврейства въ органахъ новой власти. Уже въ самыхъ первыхъ числахъ марта было созвано соединенное засѣданіе упомянутыхъ выше двухъ еврейскихъ организацій — Комиссіи общихъ дѣлъ и КОПЕ. Я присутствовалъ на этомъ засѣданіи въ качествѣ секретаря Комиссіи общихъ дѣлъ. Настроеніе было довольно растерянное.

Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено созвать на 5 марта большое собраніе изъ представителей всѣхъ существующихъ въ городѣ Кіевѣ еврейскихъ общественныхъ организацій. На этомъ собраніи предполагалось избрать делегатовъ въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева» и его «Исполнительный Комитетъ», а также создать временный органъ, который являлся бы національно-политическимъ представительствомъ кіевскаго еврейства.

5 марта это собраніе состоялось въ самомъ большомъ концертномъ залѣ города (въ Купеческомъ клубѣ). Зрѣлище было довольно импозантное, чувствовалось вѣяніе духа новыхъ временъ. Въ городѣ, откуда евреевъ постоянно выселяли, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только «для лѣченія минеральными водами» и «для воспитанія дѣтей», гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о дѣлѣ Бейлиса, — въ этомъ городѣ, впервые за его тысячелѣтнюю исторію, состоялось

---

* По примѣру Исполнительнаго Комитета Госуд. Думы, нашъ Исп. Ком. назначилъ своихъ комиссаровъ въ отдѣльныя городскія учрежденія; впослѣдствіи большинство изъ назначенныхъ комиссаровъ стали начальниками этихъ учрежденій. Такъ комиссаръ судебныхъ учрежденій Д. Н. Григоровичъ-Барскій сталъ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты, комиссаръ военнаго округа К. Оберучевъ — начальникомъ округа, комиссаръ почты и телеграфа А. Н. Зарубинъ — начальникомъ почт.-тел. округа. Кромѣ названныхъ, были еще назначены: комиссаръ учебнаго округа Архимовичъ, комиссаръ духовной консисторіи о. Постоловскій. Губернскимъ комиссаромъ, согласно общему распоряженію Вр. Правительства, сдѣлался предсѣдатель губ. земск. управы М. А. Суковкинъ. При немъ былъ свой губернскій Исп. Комитетъ и свой Губернскій Совѣтъ общ. орг. Эти губернскіе органы, представлявшіе всѣ уѣзды безъ гор. Кіева, съ самаго начала были окрашены въ украинскій цвѣтъ.

открытое и гласное собраніе представителей еврейства. И открывая его, предсѣдательствовавшій С. Л. Франкфуртъ въ приличествующей случаю торжественной формѣ привѣтствовалъ «первое свободное собраніе евреевъ — свободныхъ гражданъ».

Послѣ продолжительныхъ преній, которыя уже не всецѣло оказались на соотвѣтственной моменту высотѣ, были произведены выборы пяти еврейскихъ представителей въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій» и десяти членовъ организаціонной комиссіи, которой было поручено провести выборы въ еврейскій представительный органъ. *

Часовъ въ пять утра, взволнованные и уставшіе, возвращались мы изъ Купеческаго собранія. Шелъ густой снѣгъ. «Природа не благопріятствуетъ русской революціи, — сказалъ д-ръ Фруминъ, мандатъ котораго, несмотря на всѣ старанія конкуррентовъ-сіонистовъ, былъ все-таки подтвержденъ. — Того и гляди, заносы пріостановятъ транспортъ»...

Организаціонная Комиссія, въ составъ которой вошелъ и я, послѣ десяти дней лихорадочной работы сорганизовала и провела выборы въ центральный органъ, долженствовавшій представлять все организованное еврейство гор. Кіева — общественныя, культурныя, филантропическія организаціи, политическія партіи, кооперативы, больницы, профессіональные союзы и, наконецъ, синагоги и молитвенные дома. И 16 марта состоялось открытіе «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева». А черезъ пять дней, 21 марта, депутація отъ Совѣта могла привѣтствовать органы мѣстной революціонной власти по поводу провозглашенной Временнымъ Правительствомъ отмѣны всѣхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій. **

Въ качествѣ участника депутаціи я впервые могъ присмотрѣться ближе къ этимъ самопроизвольно зародившимся органамъ — «Исполнительному Комитету», Совѣту рабочихъ депутатовъ и Совѣту военныхъ депутатовъ. Они помѣщались тогда въ Дворянскомъ домѣ, на Думской площади.

Чего-чего только не видѣлъ за эти годы въ своихъ стѣнахъ этотъ сѣрый домъ, въ которомъ до 1917 года засѣдали одни только сонные генералы изъ Дворянской опеки и Дворянскаго депутатскаго собранія! Въ 1917 году — Исполнительный Комитетъ, а затѣмъ (послѣ его переѣзда во Дворецъ) — Совѣтъ профессіональныхъ союзовъ; въ 1918 году — нѣмецкая комендатура, военно-полевой судъ и пр. армейскія учрежденія; въ 1919 году — Совнархозъ; въ 1920—1921 годахъ — клубъ какой-то красноармейской части...

Въ мартѣ 1917 года зданіе и мебель еще не были потрепаны и помѣщеніе производило довольно эффектное впечатлѣніе. Исполнительный Комитетъ стоя

---

* Делегатами отъ еврейскаго населенія въ «Совѣтъ» оказались д-ръ Г. Б. Быховскій, пр. пов. М. С. Мазоръ, магистръ агрономіи С. Л. Франкфуртъ, д-ръ И. О. Фруминъ и д-ръ С. И. Флейшманъ. Изъ нихъ двое (Быховскій и Франкфуртъ) были кадетами, одинъ (Мазоръ) сіонистомъ, одинъ (Фруминъ) — эсэромъ и одинъ (Флейшманъ) — эсдэкомъ (меньшевикомъ). Всѣ пять были черезъ нѣсколько дней кооптированы Городской Думою въ составъ гласныхъ.

** Было также принято рѣшеніе ознаменовать этотъ день какимъ-либо вѣчнымъ памятникомъ. Вопросъ долго обсуждался и, въ концѣ концовъ, остановились на мысли воздвигнуть на собранныя среди евреевъ средства зданіе для Народнаго Университета. Для сбора денегъ была организована особая комиссія. Всего успѣли собрать около милліона рублей, которые съ тѣхъ поръ и числятся на текущемъ счету въ одномъ изъ кіевскихъ банковъ.

выслушалъ наше привѣтствіе, на которое въ теплыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ его предсѣдатель Н. Ф. Страдомскій.

То была — въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи, — эпоха привѣтствій, и я тогда уже отъ души жалѣлъ предсѣдателей всѣхъ этихъ привѣтствуемыхъ учрежденій и искренно удивлялся ихъ долготерпѣнію. Вѣдь каждый изъ насъ — членовъ депутаціи — приходилъ по одному разу; но каково было имъ всѣхъ насъ выслушивать и каждому отвѣчать!.. Кіевскій «Исполнительный Комитетъ» буквально осаждался желавшими его привѣтствовать. И особенно любопытно было наблюдать, какъ самыя благонамѣренныя правительственныя учрежденія — губернское правленіе, консисторія, судъ, учебный округъ и т. д. — одно за другимъ извлекали изъ своей среды своего самаго либеральнаго, а потому наиболѣе затертаго сочлена и его устами выражали предъ Исполнительнымъ Комитетомъ свой восторгъ по поводу совершившагося переворота. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такія депутаціи являлись почти каждый день; говорились рѣчи и затѣмъ члены Исполнительнаго Комитета поднимались съ мѣстъ, пожимали руки депутатамъ и благодарили ихъ...

Изъ президіума Совѣта рабочихъ депутатовъ насъ встрѣтилъ одинъ только товарищъ предсѣдателя А. В. Доротовъ. Наиболѣе торжественнымъ оказалось посѣщеніе Военнаго Совѣта. Въ тотъ день въ театрѣ Бергонье было общее собраніе офицеровъ кіевскаго гарнизона. Мы рѣшили передать ему наше привѣтствіе и посѣтили это собраніе. Я помню, какъ, стоя за кулисами и ожидая своей очереди, мы слушали, одно за другимъ, выступленія офицеровъ. Всѣ выступавшіе какъ будто искренно желали служить новому строю. Но всѣ были въ ужасѣ отъ начинавшейся дезорганизаціи среди солдатъ, въ ужасѣ отъ своего трагическаго безсилія. Помню, рѣчь шла объ организаціи охраны тюрьмы *. Никто не хотѣлъ браться за командованіе предназначенной для этого частью. Положеніе становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. По просьбѣ предсѣдателя выступилъ полковникъ К. Оберучевъ — сотрудникъ «Кіевской Мысли», назначенный тогда Комиссаромъ, а вскорѣ затѣмъ Начальникомъ Кіевскаго Военнаго Округа. Онъ прочелъ собравшимся цѣлую лекцію объ организаціи службы и дисциплинѣ въ деморализированной арміи. Его рѣчь нѣсколько подняла настроеніе и, наконецъ, среди собравшихся нашелся смѣльчакъ, взявшій на себя миссію охранять губернскую тюрьму.

Пришелъ и нашъ чередъ, мы вышли на сцену, и нашъ ораторъ — С. И. Флейшманъ — сказалъ нѣсколько подходящихъ къ случаю словъ. Ихъ встрѣтили рукоплесканіями, но все же чувствовалась какая-то неловкость. Едва ли многіе изъ присутствовавшихъ въ душѣ одобряли актъ о равноправіи. И едва ли многіе выслушали съ удовлетвореніемъ красивую рѣчь, которую произнесъ въ отвѣтъ на наше привѣтствіе секретарь собранія, живописный Е. П. Рябцевъ — тогда присяжный повѣренный, призванный по мобилизаціи, впослѣдствіи избранный Кіевскимъ Городскимъ Головой, а въ 1919 году уже оказавшійся, по опредѣленію В. В. Шульгина, «революціонной реликвіей города Кіева»...

* Въ Кіевѣ (какъ, вѣроятно, и въ другихъ городахъ) извѣстіе о совершившемся переворотѣ вызвало большое возбужденіе среди тюремныхъ сидѣльцевъ. Ихъ умъ никакъ не могъ обнять того, что воцарившаяся «свобода» не можетъ растворить ихъ узилище. По порученію Исп. Ком. въ тюрьму ѣздили судебный комиссаръ Д. Н. Григоровичъ-Барскій, Я. С. Гольденвейзеръ и др., — пытаясь разъяснить заключеннымъ смыслъ происшедшихъ событій и примирить ихъ съ своей судьбой. Требовались, однако, и болѣе реальныя мѣры охраны.

Припоминаю еще одно наше привѣтственное выступленіе, относящееся къ той же эпохѣ. Это было, кажется, 8 апрѣля. Собрался первый украинскій національный съѣздъ, составленный изъ представителей всевозможныхъ «спилокъ» изъ всѣхъ городовъ и весей Украины. На этомъ съѣздѣ, закончившемся избраніемъ Центральной Украинской Рады, впервые проявилась вся значительность украинскаго движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организаціонные таланты его вождей.

Всѣмъ извѣстно — и украинцы справедливо на это жалуются, — что многіе круги русской интеллигенціи до 1917 года съ какимъ-то легкомысленнымъ пренебреженіемъ относилась къ національнымъ движеніямъ отдѣльныхъ россійскихъ народностей и, въ частности, къ движенію украинскому. Достаточно припомнить хотя бы появившіяся во время войны статьи по украинскому вопросу П. Б. Струве, которыя тѣмъ болѣзненнѣе были восприняты въ украинскихъ кругахъ, что отвѣчать на нихъ, по цензурнымъ условіямъ, было невозможно. Нельзя было отговариваться ненароднымъ характеромъ украинскаго движенія; вѣдь все наше освободительное движеніе предъ революціей носило болѣе или менѣе интеллигентскій характеръ... Это,повторяю, легкомысленное пренебреженіе къ украинскому національному движенію со стороны русской и еврейской интеллигенціи проявилось и въ первыя недѣли революціи. Мы, въ эти недѣли, не знали и не хотѣли знать ничего объ украинствѣ и объ его національныхъ домогательствахъ. И каждое напоминаніе о нихъ, исходившее отъ заинтересованныхъ круговъ, воспринималось нами, какъ грубая безтактность. Вскорѣ на этой почвѣ предстояло разыграться довольно грознымъ конфликтамъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, побѣдителями вышли украинцы.

Итакъ, 8 апрѣля, въ традиціонномъ залѣ Купеческаго собранія, открылся Всеукраинскій національный съѣздъ. Помню этотъ залъ, переполненный молодой, чужой мнѣ по настроеніямъ и говору толпой. Помню сѣдую голову проф. М. С. Грушевскаго, занимавшаго центральное мѣсто за столомъ президіума. Помню его волшебную власть надъ всей этой неотесанной аудиторіей. Достаточно было ему поднять руку съ цвѣткомъ бѣлой гвоздики, которой былъ украшенъ столъ, и залъ затихалъ... Послѣ дипломатическихъ привѣтствій предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Страдомскаго и губернскаго комиссара Суковкина, слово получилъ предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій. Онъ произнесъ краткую, сдержанную рѣчь (надъ редакціей которой мы проработали весь предыдущій вечеръ) и импровизированное заключительное личное привѣтствіе Грушевскому, скрѣпленное публичнымъ лобызаніемъ...

8 апрѣля 1917 года былъ первый смотръ украинскихъ національныхъ силъ и первая встрѣча украинской и русской общественности послѣ революціи. И привѣтствія, и поцѣлуи — все это было прекрасно и даже трогательно. Но отъ внимательнаго наблюдателя не могли уже въ этотъ день ускользнуть предвѣстники совсѣмъ иныхъ встрѣчъ въ близкомъ будущемъ.

Кромѣ посылки телеграммъ, отправки депутацій и редактированія воззваній, дѣятельность вновь образованнаго «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» сводилась, главнымъ образомъ, — къ самозащитѣ. Составъ Совѣта оказался не вполнѣ удачнымъ. Въ него вошли, въ качествѣ представителей своихъ организацій, всѣ прежніе ихъ предсѣдатели, члены правленій и президіумовъ. Объединенный синклитъ этихъ безсмѣнныхъ руководителей нашей до-революціонной еврейской общественности производилъ ужъ слишкомъ старо-режимное впечатлѣніе. Это лишало Совѣтъ надлежащей поддержки даже въ средѣ тѣхъ

группъ, которыя были въ немъ представлены. Значительно важнѣе было однако то, что, какъ вскорѣ выяснилось, Совѣтъ объединялъ далеко не всѣ группы и партіи. Соціалистическое крыло еврейства, приглашенное къ участію въ Совѣтѣ, частью въ него не вступило, а частью, вступивъ, тотчасъ же вышло.

Выходъ соціалистовъ былъ сигналомъ къ яростной агитаціи и борьбѣ противъ Совѣта на всевозможныхъ митингахъ и въ прессѣ. Совѣту ставилось въ вину самозванство, узурпація, подтасовка выборовъ и пр., и пр. Соціалисты призывали рабочихъ къ бойкоту Совѣта во имя неприкосновенности ихъ «классоваго самосознанія». Все это было, однако, отчасти клевета, а отчасти демагогія. При помощи такихъ пріемовъ не удалось бы свалить Совѣтъ, если бы не было другихъ, чисто принципіальныхъ возраженій противъ его raison d'être, дѣйствительно подкапывавшихся подъ самый его фундаментъ . . . Эти внутренніе, неисцѣлимые пороки «Совѣта» раскрылись мнѣ значительно позже — примѣрно, въ іюлѣ и августѣ. Пока же еще вѣрилось въ возможность продуктивной работы. И мы работали много и съ увлеченіемъ.

Въ концѣ апрѣля изъ Совѣта, вмѣстѣ съ остальными соціалистами, вышелъ нашъ делегатъ въ Исполнительномъ Комитетѣ И. О. Фруминъ, и я былъ избранъ на его мѣсто.

Участіе въ Исполнительномъ Комитетѣ, продолжавшееся съ этого времени вплоть до выборовъ въ Городскую Думу и ликвидаціи Комитета, было однимъ изъ самыхъ напряженныхъ и интересныхъ для меня моментовъ въ моей общественной работѣ. Также какъ впослѣдствіи участіе въ Центральной Радѣ, оно дало мнѣ возможность нѣкоторое время стоять въ самой гущѣ политической жизни города и края. И вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда мы не чувствовали себя еще, какъ затѣмъ въ Радѣ и еще болѣе при большевикахъ, безсильными зрителями роковыхъ событій. Напротивъ, именно тогда казалось, что открывается поле широкой и плодотворной работы . . .

Исполнительный Комитетъ засѣдалъ тогда въ бывшемъ Императорскомъ дворцѣ — очаровательной постройкѣ Растрелли, небольшой, изящной и уютной, расположенной среди зелени Царскаго Сада. Очередныя засѣданія происходили въ одной изъ гостинныхъ, а въ особо торжественныхъ случаяхъ — въ парадной залѣ дворца.

Я уже говорилъ о происхожденіи и составѣ Исполнительнаго Комитета. Это былъ центральный органъ, въ который входили делегаты главнѣйшихъ организацій, представленныхъ въ «Совѣтѣ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева», а также представители Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ; впослѣдствіи къ этому основному зерну присоединились делегаты главнѣйшихъ политическихъ партій. Предсѣдателемъ Комитета былъ гласный Городской Думы, заслуженный общественный дѣятель и прогрессивный кандидатъ въ Государственную Думу по I куріи, — докторъ Николай Федоровичъ Страдомскій. Это былъ хорошій работникъ и довольно тактичный руководитель преній, хотя и не достаточно властный и авторитетный. Онъ жилъ въ мирѣ и согласіи со всѣми партіями, старался не ссориться даже съ большевиками и не обострять отношеній съ украинцами. Никакой своей политической линіи онъ не велъ и вся его работа сводилась, съ одной стороны, къ техническимъ функціямъ, а съ другой, именно къ проведенію такой примирительной тактики.

Къ сожалѣнію, внутреннія разногласія неудержимо обострялись и à la longue сглаживать углы оказывалось невозможнымъ. Однако, показателемъ несомнѣннаго успѣха тактики нашего предсѣдателя явилось то, что онъ, не

принадлежа ни къ одной изъ партій и не имѣя особенно близкихъ личныхъ связей въ Комитетѣ, въ концѣ концовъ оказался наиболѣе пріемлемымъ кандидатомъ въ Городскіе Комиссары. На этотъ постъ Н. Ф. Страдомскій и былъ нами избранъ въ іюнѣ 1917 года; онъ оставилъ его въ началѣ сентября, послѣ возстанія Корнилова.

Въ соотвѣтствіи съ коалиціоннымъ характеромъ Исполнительнаго Комитета, онъ имѣлъ трехъ товарищей предсѣдателя, по одному отъ каждой изъ составлявшихъ Комитетъ организацій: представителя Совѣта общественныхъ организацій Д. Н. Григоровича-Барскаго, рабочаго А. В. Доротова и офицера Л. С. Карума.

Въ противоположность Н. Ф. Страдомскому, Григоровичъ-Барскій былъ вполнѣ опредѣленной политической фигурой. Это былъ признанный лидеръ кіевскихъ кадетовъ. И это его кадетство, по условіямъ момента, къ сожалѣнію, мѣшало ему пользоваться тѣмъ вліяніемъ въ Комитетѣ, котораго онъ заслуживалъ. При величайшемъ личномъ уваженіи, лѣвое большинство Комитета не могло, все же, оказывать ему достаточнаго политическаго довѣрія. А между тѣмъ, это былъ, несомнѣнно, наиболѣе дѣльный человѣкъ въ нашей средѣ...

Второй товарищъ предсѣдателя — Алексѣй Васильевичъ Доротовъ — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ. Онъ былъ с.-д. меньшевикъ, ярый врагъ большевиковъ и украинцевъ. Доротовъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ Комитетѣ. Подлинный самородокъ, незатуманенный соціалистическимъ доктринерствомъ, съ огненнымъ темпераментомъ и живымъ, практическимъ, здравымъ умомъ, съ успѣхомъ восполнявшимъ пробѣлы его образованія, — онъ былъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые въ Европѣ становятся величайшими парламентаріями и государственными дѣятелями — Бернсами, Бебелями, Эбертами. Какъ просто и достойно этотъ вчерашній наборщикъ, среди блеска и позолоты царскаго дворца, предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали министры...

А. В. Доротовъ умеръ отъ болѣзни сердца, — кажется, въ 1919 году, — всего 34-хъ лѣтъ отъ роду.

Я хочу здѣсь же сказать о другихъ самородкахъ, выдвинувшихся въ первые же дни революціи. Предсѣдателемъ С. Р. Д. былъ П. И. Незлобинъ, — также бывшій печатникъ, по партійной принадлежности с.-р. Это была значительно менѣе яркая фигура, чѣмъ Доротовъ. Онъ, подобно петербургскому рабочему Гвоздеву, выдвинулся въ качествѣ руководителя рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Незлобинъ былъ хорошимъ ораторомъ, человѣкомъ рѣшительнымъ и стойкимъ. Но надъ нимъ тяготѣло проклятіе россійской «широкой натуры» — необузданность, безалаберность и даже, увы! падкость къ алкоголю. — Крупнѣйшей фигурой въ Совѣтѣ Военныхъ депутатовъ и предсѣдателемъ этого Совѣта былъ солдатъ Е. Я. Таскъ. Онъ изрѣдка принималъ участіе въ засѣданіяхъ нашего комитета, но не здѣсь могъ онъ развернуться во всю свою ширь. Настоящимъ его поприщемъ были митинги и многоголовыя собранія рабочихъ и солдатъ. Онъ и сохранялъ надъ ними свою власть, пока это было возможно для такого убѣжденнаго оборонца...

Наконецъ, третій товарищъ предсѣдателя Исполнительнаго Комитета — офицеръ Л. С. Карумъ не игралъ большой роли. Зато значительнымъ вліяніемъ пользовался энергичный секретарь Комитета И. О. Фруминъ.

Изъ остальныхъ членовъ Исп. Комитета я хочу прежде всего отмѣтить въ высшей степени характерную фигуру начальника милиціи А. Н. Лепарскаго.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычныхъ въ революціонныя эпохи людей, которые поразительно быстро выдвигаются, а затѣмъ еще быстрѣе меркнутъ. Первый, кому было поручено организовать въ Кіевѣ милицію, былъ, свѣтлой памяти, незабвенный Владиміръ Константиновичъ Калачевскій *. Его и смѣнилъ черезъ нѣкоторое время поручикъ-кавалеристъ Лепарскій. Онъ казался вполнѣ на мѣстѣ на своемъ посту. Лихой наѣздникъ и въ области политики, онъ умѣлъ прекрасно обходиться съ той разношерстной массой, изъ которой состояла вновь народившаяся городская милиція. Его личная смѣлость, молодцеватость, словоохотливость и самоувѣренность импонировали его подчиненнымъ. Но, какъ мы скоро всѣ замѣтили, милѣйшій Александръ Николаевичъ ужъ слишкомъ много времени отдавалъ политическимъ засѣданіямъ, чтобы не страдали отъ этого его техническія обязанности. А затѣмъ, его прямолинейность никакъ не мирилась съ той, по необходимости, внѣпартійной позиціей, которую долженъ занимать блюститель благочинія и порядка. Въ результатѣ онъ натворилъ много безтактностей и такъ озлобилъ противъ себя украинцевъ, что, какъ только перешла къ нимъ власть, онъ былъ мгновенно отставленъ. Послѣ этого Лепарскій больше не фигурировалъ на политическомъ горизонтѣ.

Наряду съ указанными выше крупнѣйшими политическими организаціями города Кіева, въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ также представленъ «Коалиціонный совѣтъ кіевскаго студенчества». Повидимому, допущеніе представителей отъ студентовъ въ высшій органъ мѣстной власти было сдѣлано во вниманіе къ старымъ заслугамъ учащихся высшей школы въ освободительномъ движеніи. Но когда настроенія перваго момента нѣсколько осѣли и пришло время приступить къ серьезной организаціонной работѣ, дефилированіе студентовъ и курсистокъ, особенно на нашихъ соединенныхъ засѣданіяхъ (о нихъ рѣчь впереди), производило впечатлѣніе чего-то не вполнѣ умѣстнаго. Полномочнымъ делегатомъ студенчества въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ молодой студентъ Г. И. Гуревичъ. Это былъ довольно красивый и способный молодой человѣкъ, который, по мѣрѣ силъ, старался подогрѣвать нашъ «революціонный энтузіазмъ». Тогда онъ былъ с.-р'омъ, но затѣмъ пошелъ дальше... Четыре года спустя я сидѣлъ въ кабинетѣ помощника завѣдывающаго кіевскимъ «Губ'юстомъ» товарища Волкова и объяснялся съ нимъ по поводу полученнаго мною отъ Наркома Юстиціи вызова «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ» отправиться на службу въ Харьковъ. Товарищъ Волковъ уговаривалъ меня подчиниться приказу и обѣщалъ предоставить мнѣ съ женой для комфортабельнаго проѣзда — арестантскій вагонъ. Онъ не былъ въ восторгѣ отъ моей хорошей памяти, когда я напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ Исполнительномъ Комитетѣ и о «коалиціонномъ студенчествѣ»...

Фигура Г. И. Гуревича напоминаетъ мнѣ горячіе споры, которые мы вели съ нимъ по одному изъ самыхъ тягостныхъ вопросовъ, съ какими пришлось столкнуться Комитету, — по вопросу о судьбѣ бывшихъ служащихъ жандармскаго управленія и охранки. Февральскій переворотъ произошелъ у насъ, какъ я уже говорилъ, не только абсолютно безкровно, но и вообще совершенно безболѣзненно. Не было никакихъ насилій и эксцессовъ. И изъ огромной массы служителей стараго режима, единственные подвергшіеся аресту — были

* Этотъ талантливѣйшій кіевскій адвокатъ-криминалистъ безвременно скончался 28 мая 1921 г. въ Мелитополѣ, послѣ тяжелыхъ мытарствъ по большевистскимъ тюрьмамъ и этапамъ.

жандармы и охранники. Впослѣдствіи, для установленія индивидуальной отвѣтственности и вины каждаго изъ арестованныхъ, при Исполнительномъ Комитетѣ была организована слѣдственная комиссія, въ составъ которой вошли лучшіе криминалисты изъ кіевскаго судебнаго и адвокатскаго міра. Эта комиссія допрашивала заключенныхъ и свидѣтелей и затѣмъ сообщала свое заключеніе Исполнительному Комитету. Въ большинствѣ случаевъ заключенія комиссіи были въ смыслѣ немедленнаго освобожденія арестованнаго. Но въ Комитетѣ каждое такое заключеніе неминуемо вызывало бурю протестовъ. И особенно неистовствовалъ въ такихъ случаяхъ представитель коалиціоннаго студенчества.

Я всегда всѣми силами отстаивалъ заключенія слѣдственной комиссіи. Какъ человѣку, прикосновенному къ судебному дѣлу, мнѣ претила вся эта процедура заочнаго суда надъ людьми, дѣйствовавшими въ согласіи съ существовавшими въ данное время законами, а иногда и въ согласіи со своими политическими убѣжденіями. И во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ судить, необходимо было установить какія-либо общія правила, устанавливающія сущность вины и мѣру отвѣтственности. Тутъ же намъ предлагалось рѣшать судьбу живыхъ людей, руководствуясь исключительно тѣмъ, что впослѣдствіи было названо «революціоннымъ правосознаніемъ», — притомъ производить это какъ-то между дѣломъ, посреди десятка неотложныхъ вопросовъ порядка дня...

Своимъ противникомъ я имѣлъ, кромѣ Гуревича, обычно также А. В. Доротова, который откровенно признавался, что не можетъ спокойно говорить ни объ одномъ провокаторѣ и шпикѣ. Одинъ разъ онъ въ пылу полемики довольно рѣзко задѣлъ адвокатуру, составлявшую главный контингентъ членовъ слѣдственной комиссіи. Въ своемъ отвѣтѣ я напомнилъ оказавшіяся пророческими слова В. Д. Спасовича о томъ, что адвокатура должна быть и оставаться независимой — и въ царскомъ застѣнкѣ, и въ революціонномъ трибуналѣ...

Я съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ настаивалъ на освобожденіи бывшихъ жандармовъ, что и въ чисто-политическомъ отношеніи не видѣлъ отъ этого ни малѣйшаго вреда. Для меня было совершенно ясно, что постоянное запугиваніе контръ-революціей, которымъ занимались слѣва, было либо сознательной демагогіей, либо простымъ неразумѣемъ и наивностью. Никакой опасности справа нашей революціи не грозило. Эту опасность нужно было создавать, чтобы имѣть предлогъ для проведенія якобинской политики. Что же касается рядовыхъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ стараго режима, то я не сомнѣвался въ томъ, что имъ нужно было только дать возможность прислуживаться новымъ господамъ. Это бы ихъ абсолютно обезвредило, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесло бы пользу дѣлу, такъ какъ наши новыя учрежденія весьма нуждались въ техническомъ опытѣ старыхъ служакъ. — Понятно, что жандармы вызывали чувства, которыя трудно было подавить. Но незачѣмъ было поддаваться этимъ чувствамъ и совершенно недопустимо было давать имъ заглушать голосъ разума...

Очередныя засѣданія Исполнительнаго Комитета происходили три раза въ недѣлю, примѣрно отъ 1 часа до 5 часовъ дня. Въ остальные дни засѣдалъ президіумъ Комитета. Предсѣдательствовалъ всегда Страдомскій, членовъ Комитета собиралось въ обыкновенные дни человѣкъ десять. Пренія по каждому вопросу, какъ водится на русскихъ засѣданіяхъ, затягивались безконечно и повѣстка никогда не бывала исчерпана къ концу засѣданія. Она переходила, разбухая и удлиняясь, съ одного засѣданія на другое, какъ своего рода edictum translaticium.

На засѣданіяхъ присутствовали представители прессы; каждый день въ мѣстныхъ газетахъ печатался болѣе или менѣе подробный отчетъ о дебатахъ и рѣшеніяхъ Комитета. Кромѣ того, оффиціальный протоколъ опубликовывался въ «Извѣстіяхъ Исполнительнаго Комитета», замѣнившихъ прежнія «Губернскія Вѣдомости». Эта гласность и публичность мало способствовали дѣловитости и успѣшности нашихъ засѣданій. Комитетъ вѣдь долженъ былъ быть административнымъ органомъ, а не какимъ-то городскимъ парламентомъ... Но болѣе всего страдало дѣло отъ созываемыхъ по каждому болѣе или менѣе значительному вопросу объединенныхъ засѣданій Исполнительнаго Комитета съ президіумами С. Р. Д., С. В. Д. и Совѣта коалиціоннаго студенчества. Тутъ уже въ нашу дворцовую гостиную набивалось регулярно человѣкъ 50—60; произносились болѣе или менѣе удачныя рѣчи, но почти никогда не успѣвали принять конкретныхъ рѣшеній. Причемъ — опять-таки злополучный россійскій обычай — на этихъ засѣданіяхъ обсуждались и рѣшались исключительно вопросы общей политики, или точнѣе: пренія по подлежавшимъ нашему рѣшенію вопросамъ превращались въ утомительныя и безплодныя дискуссіи на обще-политическія темы. Представители отдѣльныхъ группъ считали необходимымъ дѣлать программныя «декларацiи», а группъ было много и становилось съ каждымъ днемъ все больше и больше, такъ что обыкновенно декларацiи отнимали почти все время, а рѣшенія либо вовсе не принимались, либо принимались на-спѣхъ, предъ шапочнымъ разборомъ. Зато каждый ораторъ могъ имѣть удовольствіе прочесть свою рѣчь на слѣдующее утро въ газетахъ.

Кстати, нѣсколько словъ о кіевской прессѣ того времени. Революція застала въ Кіевѣ нѣсколько газетъ, но свой характерный обликъ и нѣкоторое значеніе имѣли изъ нихъ три: «Кіевская Мысль», «Кіевлянинъ» и «Послѣднія Новости».

Это уже не были лучшія времена «Кіевской Мысли», когда руководителемъ ея былъ маститый І. Р. Кугель, постоянными сотрудниками — А. А. Яблоновскій и Д. І. Заславскій, а постоянными корреспондентами изъ-за границы — Л. Д. Троцкій (Антидъ Ото) и А. В. Луначарскій. Первые три, одинъ за другимъ, перешли въ столичныя изданія, а послѣдніе два, къ сожалѣнію, вернулись въ Россію. Но «Кіевская Мысль» уже успѣла составить себѣ весьма солидное положеніе и продолжала жить процентами съ этого капитала. Информаціонная часть была поставлена въ ней хорошо, на телеграммы средствъ не жалѣли. Но политическое руководство газетой лежало всецѣло въ рукахъ ортодоксальныхъ соціалъ-демократовъ (меньшевиковъ). — М. И. Эйшискина, Г. Наумова, М. Балабанова, К. Василенко, В. Дрелинга, — и это предопредѣлило ея характеръ въ эпоху Временнаго Правительства. Петроградскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его главари — Чхеидзе, Церетели, Скобелевъ и др. — имѣли въ лицѣ «Кіевской Мысли» лейбъ-органъ, всецѣло поддерживавшій ихъ тактику и одобрявшій ихъ программу. Въ украинскомъ вопросѣ «Кіевская Мысль» держалась на упорно враждебной украинцамъ позиціи. Поэтому газета погибла еще до прихода большевиковъ: ее задушила, въ декабрѣ 1918 года, петлюровская Директорія.

«Кіевлянинъ», старѣйшая газета въ краѣ, основанная въ 60-хъ годахъ проф. В. Я. Шульгинымъ и руководимая въ теченіе долгихъ лѣтъ Д. И. Пихно, — существовала въ то время только благодаря исключительному публицистическому таланту своего новаго редактора Василія Витальевича Шульгина. Его статьи во время дѣла Бейлиса, а также во время войны, читались всѣми,

правыми и лѣвыми. Его роль въ переворотѣ и отреченіи царя еще болѣе подняли его престижъ даже въ глазахъ умѣренно-либеральныхъ круговъ. И если бы не его неудержимый антисемитизмъ, Шульгинъ могъ бы сдѣлать «Кіевлянинъ» органомъ умѣренныхъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи. Но непримиримая позиція во всѣхъ національныхъ вопросахъ толкала его въ сторону самой черной реакціи. И, въ концѣ концовъ, «Кіевлянинъ» сталъ представителемъ только крайне-праваго крыла кіевскаго населенія, которое, впрочемъ, именно въ Кіевѣ всегда составляло довольно крупную величину.

Наконецъ, «Послѣднія Новости» какъ были, такъ и остались типичной бульварной газетой, совершенно безпринципной въ политическомъ отношеніи и не слишкомъ щепетильной въ смыслѣ провинціальнаго сплетничества и фаворитизма.

Уже послѣ революціи въ Кіевѣ появились органы нерусскихъ національностей — «Neue Zeit» (органъ еврейскихъ соціалистовъ) и «Нова Рада» (редактируемый Никовскимъ органъ умѣренныхъ украинскихъ націоналистовъ). Польское населеніе обслуживалъ «Dziennik Kijowski», довольно правый органъ, повидимому близкій къ народовой демократіи. Были попытки основать кадетскій органъ (кадетами была куплена «Южная Копѣйка»), но онѣ не успѣли осуществиться.

Изъ этихъ газетъ, «Кіевская Мысль» и «Послѣднія Новости» появлялись также вечернимъ изданіемъ.

Выше я описалъ личный составъ и внѣшнюю картину дѣятельности Кіевскаго Исполнительнаго Комитета. Что касается внутренняго содержанія этой дѣятельности, то къ ней можно примѣнить изреченіе: довлѣетъ дневи злоба его. Засѣданія наши были посвящены вопросамъ, захватывавшимъ тогда все наше вниманіе, — вопросамъ, которымъ мы придавали большое значеніе и изъ-за которыхъ готовы были спорить цѣлыя ночи на пролетъ. Теперь почти все это покрылось забвеніемъ, а то, что припоминается, кажется эфемернымъ, а иногда и мелкимъ и суетнымъ... Съ Совѣтами — рабочимъ и военнымъ — жили болѣе или менѣе мирно. Большинство въ нихъ принадлежало тогда оборонцамъ, а въ своей тактикѣ по отношенію къ Исполнительному Комитету они, къ счастью, не подражали своему петроградскому собрату съ его довѣріемъ «постольку-поскольку». Изъ столкновеній съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ я припоминаю только довольно рѣзкій конфликтъ по поводу самочиннаго закрытія магазиновъ, въ которыхъ работали штрейкбрехеры. —

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и рѣшительное въ ней было то, что позади всѣхъ этихъ очередныхъ вопросовъ и заботъ поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозовая туча украинскаго сепаратизма (большевистская опасность была въ ту эпоху въ Кіевѣ еще не на очереди). Мы всѣ видѣли эту тучу и чувствовали ея приближеніе; и это налагало отпечатокъ какой-то мрачности на наши мысли и настроенія. Впрочемъ, иногда мы развлекались революціонными празднествами; среди этихъ послѣднихъ наиболѣе интересны были періодическіе гастроли наѣзжавшихъ министровъ.

Первыми пріѣзжали (еще до моего вступленія въ Исполнительный Комитетъ) военный министръ — А. И. Гучковъ, а при мнѣ французъ Альберъ Тома. Этого заморскаго гостя мы встрѣтили съ величайшимъ любопытствомъ, принимали его и во дворцѣ, и въ Купеческомъ собраніи, говорили ему (черезъ переводчика и на болѣе или менѣе ломанномъ французскомъ языкѣ) привѣт-

ственныя рѣчи и слушали его темпераментное, галльское краснорѣчіе. Визитъ его сошелъ въ общемъ гладко и даже импозантно, хотя его агитація за продолженіе войны до побѣднаго конца встрѣтила невосприимчивую аудиторію, а отъ нѣкоторыхъ ораторовъ ему пришлось выслушать довольно нелюбезныя привѣтствія. Особенно отличилась, помнится, прославившаяся впослѣдствіи большевичка Евгенія Бошъ, которая прочитала нашему гостю цѣлую нотацію по вопросу объ имперіализмѣ и соглашательствѣ.

Вслѣдъ за Тома пріѣхалъ А. Ф. Керенскій. Это было въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Онъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и приступалъ къ своимъ агитаціоннымъ объѣздамъ фронта. Уже были имъ сказаны слова о взбунтовавшихся рабахъ и уже опредѣлилось направленіе его работы. Тогда-то, на зенитѣ славы, мы увидѣли этого всероссійскаго кумира. И нужно сказать безъ всякихъ оговорокъ и безъ ретроспективныхъ исправленій: впечатлѣніе было громадное, потрясающее, захватывающее... Мы увидѣли молодого человѣка съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ рукой на перевязи. Его наружность казалась оригинальной и значительной. Мы услышали его своеобразную, неподражаемую рѣчь, состоящую изъ отдѣльныхъ, отрывистыхъ и краткихъ, фразъ — услышали, какъ онъ — по мѣткому выраженію одного журналиста — «металъ слова». И, что самое главное и значительное, мы почувствовали обаяніе самоотверженной, почти подвижнической души, горящей пламенемъ самаго чистаго идеализма, ищущей одного только добра... Я не берусь и не хочу судить, насколько это впечатлѣніе было правильно, какова была въ немъ доля гипноза и самовнушенія. Я только констатирую фактъ: таково было всеобщее, всеохватывающее и всепобѣждающее впечатлѣніе отъ фигуры Керенскаго.

По установившемуся обычаю, для встрѣчи Керенскаго было устроено сначала привѣтственное засѣданіе въ парадномъ залѣ дворца, а затѣмъ большой митингъ въ Городскомъ театрѣ. Программа была здѣсь и тамъ одна и та же: сначала привѣтствія представителей различныхъ организацій, затѣмъ отвѣтная рѣчь Керенскаго. Привѣтствія были всѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыя, болѣе или менѣе восторженныя, болѣе или менѣе банальныя. Украинцы и большевики, ораторы которыхъ могли бы внести диссонансъ въ общій хоръ, не явились вовсе. Особенно тепло прозвучали рѣчи солдатъ (Таска и Зайцева), задушевную ноту сумѣлъ взять предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣ каждой рѣчи раздавались аплодисменты, Керенскій вставалъ и пожималъ руку оратора. Этотъ потокъ восторговъ и восхваленій окружалъ героя въ глазахъ взиравшей на него толпы все болѣе и болѣе яркимъ ореоломъ. Эти періодическіе взрывы рукоплесканій все болѣе и болѣе поднимали настроеніе зала. И этотъ восторгъ и подъемъ достигли апогея, когда (особенно помню эту сцену на митингѣ въ театрѣ), выслушавъ послѣдняго оратора, Керенскій не опустился обратно на стулъ, а медленно подошелъ къ рампѣ. Залъ дрожалъ отъ рукоплесканій, а Керенскій стоялъ у рампы, со своей рукой на перевязи, со своимъ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ... Какая рѣчь не потрясетъ аудиторію въ такой обстановкѣ? Какой большой ораторъ не зажжется огнемъ вдохновенія послѣ такого пріема? И мы услышали почти ту же рѣчь, которую нѣсколькими часами ранѣе прослушали во дворцѣ; услышали тѣ же мысли, облеченныя въ еще болѣе яркія слова, въ еще болѣе значительныя и отрывистыя фразы, произнесенныя еще болѣе глубокимъ, металлическимъ голосомъ. И послѣ каждой фразы, которую, какъ будто диктуя, отчеканивалъ Керенскій, раздавался новый

громъ аплодисментовъ... И когда онъ кончилъ, вся толпа ревѣла, всѣ были растроганы и потрясены до полной потери самообладанія...

Я не буду ни излагать, ни критиковать содержанія кіевскихъ рѣчей Керенскаго. Онъ не сказалъ у насъ ничего такого, что бы не было имъ сказано въ другихъ мѣстахъ. И повторяю: сила или слабость его рѣчи была не въ ея содержаніи. Воодушевлялъ, зажигалъ проникавшій эту рѣчь духъ, тотъ видимый скозь его рѣчь — я сказалъ бы — нравственный идеализмъ, который и былъ источникомъ необычайнаго обаянія Керенскаго. Я не знаю, былъ ли этотъ идеализмъ вполнѣ искреннымъ, — вполнѣ неискреннимъ онъ, при такой силѣ впечатлѣнія, быть не могъ. И въ немъ-то — національное своеобразіе всей фигуры Керенскаго и всего его, хотя и кратковременнаго, но поистинѣ всенароднаго успѣха. Ни одинъ государственный дѣятель и ни одинъ демагогъ въ исторіи, насколько мнѣ извѣстно, не игралъ на этихъ струнахъ души съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ. Словъ нѣтъ: возбуждаемыхъ Керенскимъ въ своихъ слушателяхъ настроеній было далеко недостаточно для государственнаго строительства. Словъ нѣтъ: они не соотвѣтствовали дѣйствительному уровню народныхъ массъ и реальнымъ нуждамъ историческаго момента. Но ни его донъ-Кихотство, ни плачевный финалъ его карьеры не лишитъ историческую личность Керенскаго чисто художественной законченности и силы...

Пріѣзжалъ къ намъ въ Кіевъ послѣ Керенскаго еще бельгійскій соціалистъ Эмиль Вандервельде. Вслѣдъ за Тома, онъ привезъ намъ (какъ онъ говорилъ) «не миръ, но мечъ»; его выступленіе произвело уже значительно менѣе сильное впечатлѣніе. Пріѣзжалъ, наконецъ, Церетели, и съ нимъ вторично Керенскій и Терещенко. Этотъ послѣдній министерскій визитъ имѣлъ весьма серьезныя послѣдствія въ нашихъ взаимоотношеніяхъ съ Украинской Радой. Къ исторіи этихъ взаимоотношеній я теперь и перейду.

Центральная Украинская Рада была избрана, какъ я уже упоминалъ, на съѣздѣ «спилокъ» въ апрѣлѣ 1917 года. Тогда же предсѣдателемъ Рады былъ единогласно избранъ проф. М. С. Грушевскій. Первоначально мы смотрѣли на Раду, какъ на чисто національное объединеніе, на подобіе нашего «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» и «Польскаго исполнительнаго комитета»*. Еврейскій Совѣтъ даже пытался конкурировать съ Радой, хлопоча предъ Исполнит. Комитетомъ о предоставленіи ему помѣщенія въ Педагогическомъ музеѣ. Однако, этотъ послѣдній остался въ исключительномъ обладаніи украинцевъ и сталъ ихъ штабъ-квартирой. Оттуда и начали исходить нити, постепенно охватившія провинціальные города и даже деревни Украины, а также и армію. Украинскіе дѣятели проявили въ эту эпоху большую энергію и сумѣли въ короткое время создать широко развѣтвленную, крѣпкую организацію. До поры до времени, однако, все оставалось въ рамкахъ чисто національнаго движенія, отнюдь не претендующаго на захватъ власти. Временное Правительство признавалось и противъ него идти еще не рѣшались. Но уже очень скоро Рада перестала считаться съ властью нашего Исполнительнаго Комитета или, во всякомъ случаѣ, стала смотрѣть на себя, какъ на органъ автономный и независимый отъ мѣстныхъ «россійскихъ» учрежденій.

---

* Этотъ послѣдній возникъ приблизительно одновременно съ еврейскимъ Совѣтомъ и былъ построенъ приблизительно на тѣхъ же началахъ. Предсѣдателемъ Комитета былъ І. І. Бартошевичъ (н.-д.), его товарищемъ І. Н. Пересвѣтъ-Солтанъ, впослѣдствіи трагически погубленный Чрезвычайкой. Судьба «Польск. Исп. Комитета» также напоминала участь еврейскаго Совѣта: расколъ, выходъ лѣвыхъ, маразмъ и смерть.

Эта тенденція впервые проявилась въ обращеніи Центральной Рады къ Временному Правительству съ особой декларацією, заключавшей въ себѣ цѣлый рядъ національныхъ требованій. Декларацію эту повезли въ Петроградъ особые посланцы Рады, во главѣ съ Виниченко.

Эта-то депутація къ Временному Правительству, посланная за спиной его мѣстнаго органа — Исполнительнаго Комитета, и послужила сигналомъ къ началу внутренней борьбы между Комитетомъ и Радой. На ближайшемъ засѣданіи Комитета Страдомскаго спросили, извѣстенъ ли ему этотъ фактъ и считаетъ ли онъ нормальнымъ, чтобы такого рода сношенія велись съ Временнымъ Правительствомъ помимо насъ и безъ нашего вѣдома. Помню, какъ нашъ миролюбивый предсѣдатель сейчасъ же сказалъ, чтобы лучше не касаться этого больного мѣста. Но было уже поздно. Вопросъ вызвалъ пренія, въ которыхъ было отмѣчено, что представитель украинскихъ организацій пересталъ посѣщать засѣданія Комитета и что Рада, вообще, начинаетъ держать себя, какъ государство въ государствѣ. Какъ водится, наши разговоры окончились тѣмъ, что было рѣшено созвать соединенное засѣданіе съ рабочими, военными и студенческими депутатами. На слѣдующій день все это было воспроизведено въ газетахъ подъ многозначительнымъ заголовкомъ «Украинскій вопросъ въ Исполнительномъ Комитетѣ». Черезъ пару дней состоялось соединенное засѣданіе и на немъ всѣ партійные и групповые представители получили возможность выступить съ широковѣщательными декларацiями. Я упорно молчалъ, получивъ отъ президіума еврейскаго Совѣта репримандъ за недипломатическое выступленіе въ Комитетѣ . . .

Въ концѣ концовъ, Исполнительный Комитетъ послалъ въ Петроградъ контръ-депутацію (въ составѣ д-ра Фрумина и еще кого-то), которой, однако, сказалось нечего дѣлать, такъ какъ Временное Правительство и безъ того отклонило всѣ требованія Рады *. Исполнительный Комитетъ былъ удовлетворенъ, «Кіевская Мысль» торжествовала, — но украинцы сумѣли tirer les conséquences . . .

Агитація Центральной Рады, начиная съ этого момента, приняла болѣе рѣзкій и боевой характеръ. Вмѣсто простого будированія противъ Временнаго Правительства стали раздаваться призывы къ освобожденію изъ-подъ его «узурпаторской» власти; вмѣсто игнорированія Исполнительнаго Комитета, Рада вступила на путь прямой оппозиціи и борьбы противъ него.

Былъ изданъ и торжественно оглашенъ на Софійской площади «Универсалъ», въ которомъ припоминались всѣ преступленія Московской власти противъ Украины и который заканчивался призывомъ къ украинскому народу сплотиться вокругъ своего органа. Стали созываться украинскіе войсковые съѣзды, — сначала воспрещенные, а затѣмъ, въ сознаніи своего безсилія, дозволенные Керенскимъ, — на которыхъ проповѣдь сепаратизма раздавалась все громче и громче. «Передайте Кіевскому Исполнительному Комитету, — говорилъ на одномъ изъ такихъ съѣздовъ украинскій с.-р. Ковалевскій городскому головѣ Бурчаку, не въ попадъ появившемуся съ привѣтствіемъ, — что украинскій народъ признаетъ надъ собой только одну власть — Центральную Раду» . . . А Испол-

* Въ чемъ состояли эти требованія, я теперь точно не помню. Кажется, рѣчь шла въ нихъ объ оффиціальномъ допущеніи украинскаго языка, о выдѣленіи украинскихъ войсковыхъ частей и объ отдѣльномъ участіи украинской делегаціи на предстоявшемъ международномъ мирномъ конгрессѣ.

нительному Комитету не оставалось ничего иного, какъ молча все это выслушивать . . .

Для всѣхъ было ясно, что сила украинскаго движенія лежитъ, главнымъ образомъ, въ слабости его противниковъ. Его же собственная сила и быстрота распространенія обуславливались доступностью и завлекательностью лозунговъ, съ которыми оно тогда подходило къ массамъ. Національный подъемъ, несомнѣнно, игралъ извѣстную роль. Но онъ не могъ быть такимъ могучимъ и всенароднымъ. Секретъ успѣха національной украинской агитаціи былъ въ томъ, что она — также, какъ впослѣдствіи агитація большевистская — вполнѣ угождала желаніямъ и склонностямъ широкихъ, по преимуществу сельскихъ, массъ. Крестьянамъ внушалось, что Центральная Рада защититъ ихъ отъ невыгоднаго общаго передѣла земли съ безземельными крестьянами сѣвера. Ихъ настраивали противъ Временнаго Правительства, требовавшаго отъ нихъ все новыхъ и новыхъ жертвъ и настаивавшаго на выполненіи всѣхъ старыхъ повинностей. Имъ внушали мысль, что не Украина затѣяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкія массы воспринимали возвѣщенные Центральной Радой лозунги именно въ такомъ, полу-анархическомъ и полу-дезертирскомъ, смыслѣ. И они пошли за Радой — впрочемъ, ненадолго. Полгода, а затѣмъ вторично полтора года спустя, тѣ же самые Виниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тѣмъ уже вполнѣ откровенно анархическимъ и дезертирскимъ лозунгамъ, съ которыми двигались на Украину большевики. И, какъ Гётевскій «Zauberlehrling», украинскіе лидеры не смогли совладать съ духами, которыхъ они же вызвали наружу . . .

Въ эпоху Временнаго Правительства къ украинцамъ постоянно обращались съ увѣщаніемъ: «подождите, молъ, до Учредительнаго Собранія». Этотъ аргументъ, при трезвомъ взглядѣ на вещи, нельзя не признать нѣсколько прекраснодушнымъ и наивнымъ. Вѣдь для всѣхъ было ясно (а яснѣе всего для самихъ украинцевъ), что при Учредительномъ Собраніи ихъ позиція будетъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе, чѣмъ теперь. Зачѣмъ же имъ было ждать его?

Но, какъ бы то ни было, факты оставались фактами. Временное Правительство (особенно послѣ неудачи іюньскаго наступленія) все слабѣло, а вслѣдъ за нимъ ослабѣвалъ и представлявшій его въ Кіевѣ Исполнительный Комитетъ. А украинцы, учитывая измѣнившееся соотношеніе силъ, довольно искусно эксплоатировали въ свою пользу всѣ прошлые и настоящіе грѣхи россійской власти и россійской интеллигенціи.

Къ этому времени (дѣло было въ серединѣ іюня) относится послѣдняя попытка Исполнительнаго Комитета найти спасительный компромиссъ и помириться съ Радой. Послѣ нѣсколькихъ довольно безплодныхъ засѣданій съ украинскими представителями*, Лепарскій внесъ довольно неожиданное предложеніе — устроить слѣдующую встрѣчу на пароходѣ. И вотъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ іюньскихъ вечеровъ состоялось катанье по Днѣпру, въ которомъ приняли участіе всѣ революціонные властители города Кіева. Были приглашены и украинцы, причемъ самъ Грушевскій насъ не удостоилъ, но явился Виниченко и цѣлый рядъ deum minorum. Больше всѣхъ былъ доволенъ катаньемъ его иниціаторъ Лепарскій, распѣвавшій пѣсни во всю свою богатырскую грудь. Но остальные участники, менѣе поддавшіеся дѣйствію вина и свѣжаго воздуха,

* Проф. Грушевскимъ и Виниченко.

чувствовали нѣкоторую натянутость. Украинцы и за столомъ сидѣли отдѣльно, и на шутливо-примирительные тосты отвѣчали довольно угрюмо. Помню, какъ тотъ же Лепарскій, съ комическимъ азартомъ, взывалъ къ украинскимъ соціалъ-демократамъ: «Покажите мнѣ, какіе тексты у Маркса оправдываютъ національный сепаратизмъ!» Несоотвѣтствіе украинскихъ національныхъ домагательствъ постулатамъ ортодоксальнаго марксизма было однимъ изъ любимыхъ аргументовъ, которыми наши с.-д. пытались поразить украинскихъ...

Въ концѣ концовъ, изъ всего сказаннаго и спѣтаго въ эту ночь имѣли политическое значеніе только нѣкоторыя слова изъ рѣчи Виниченко, котораго чарующая обстановка заставила немного разоткровеничаться. Говорилъ онъ къ концу вечера, на палубѣ, при свѣтѣ луны. И вотъ, послѣ неизбѣжныхъ разсужденій на тему о классовомъ составѣ украинскаго народа, вынуждающемъ къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ лозунговъ чистаго марксизма, онъ перешелъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ теченій среди украинскихъ націоналистовъ. Тутъ-то съ его словъ мы узнали, что среди украинцевъ имѣется теченіе, — и притомъ довольно значительное, — которое рекомендуетъ вмѣсто длинныхъ переговоровъ съ Временнымъ Правительствомъ, — оголить фронтъ, отозвавъ украинцевъ изъ воинскихъ частей. Жуткое впечатлѣніе произвели на насъ эти слова... Если Временное Правительство будетъ продолжать упорствовать, — сказалъ Виниченко, — умѣренные элементы украинства окажутся безсильными въ борьбѣ противъ этого теченія.

Около того же времени Центральная Рада избрала свой исполнительный органъ — «Генеральный Секретаріатъ». Хотя, по утвержденію украинцевъ, это не было министерство, но по своей конструкціи Генеральный Секретаріатъ былъ построенъ по образцу министерствъ и несомнѣнно былъ предназначенъ для того, чтобы, при первой возможности, присвоить себѣ функціи таковыхъ. Предсѣдателемъ Генеральнаго Секретаріата и генеральнымъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ былъ Виниченко, ген. секретаремъ военныхъ дѣлъ — Петлюра, земледѣлія — Ковалевскій, межнаціональныхъ дѣлъ — Ефремовъ *.

На образованіе Генеральнаго Секретаріата «Кіевская Мысль» реагировала громовой статьей К. Василенко подъ заглавіемъ «Узурпаторы власти»...

Такъ все шире и шире разверзалась пропасть между Исполнительнымъ Комитетомъ и Центральной Радой. И наконецъ пріѣхалъ изъ Петрограда насъ разсудить и примирить самый вліятельный членъ перваго коалиціоннаго кабинета Ираклій Церетели.

Пріѣздъ Церетели былъ большимъ событіемъ для нашихъ соціалистическихъ круговъ, которые въ немъ, а не въ Керенскомъ, видѣли своего призваннаго вождя и руководителя. «Церетели — мозгъ революціи, Керенскій — ея нервы», такъ формулировала различіе между обоими лидерами «Кіевская Мысль». Праздникъ былъ на этотъ разъ тѣмъ болѣе блестящій, что насъ одновременно посѣтили и мозгъ, и нервы революціи: вмѣстѣ съ Церетели заѣхалъ къ намъ съ фронта Керенскій. Кромѣ того, «буржуазная» группа правительственной коалиціи нарядила въ Кіевъ своего представителя въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Терещенко.

Высокихъ гостей принимали, конечно, въ парадномъ залѣ дворца. Дѣло было вечеромъ, залъ блисталъ огнями и былъ поэтому особенно эффектенъ.

---

* Его замѣстителемъ и преемникомъ былъ мой гимназическій товарищъ А. Я. Шульгинъ. Объ этихъ главнѣйшихъ фигурахъ Центр. Рады рѣчь впереди.

Керенскій сначала сказалъ нѣсколько словъ съ балкона окружавшей дворецъ толпѣ, а затѣмъ торжественный кортежъ вошелъ въ залъ и занялъ мѣста за столомъ президіума. Предсѣдательствовалъ, въ виду отъѣзда Страдомскаго, его товарищъ А. В. Доротовъ. Программа дня была выработана слѣдующая: краткія привѣтствія отъ важнѣйшихъ организацій, рѣчи министровъ и отвѣты представителей партій. Все это и было выполнено, согласно росписанію, но во всемъ звучала какая-то тревога и не было прежняго всеохватывающаго подъема и энтузіазма. Керенскій, впрочемъ, оставался вѣренъ себѣ; его рѣчь была поразительно красива и касалась исключительно общихъ вопросовъ революціоннаго и патріотическаго долга, въ частности, въ связи съ начавшимся тогда на фронтѣ наступленіемъ. Но Церетели говорилъ уже въ совершенно иномъ духѣ и тонѣ. Я не помню въ точности содержанія его рѣчи; помню только его глубокіе, прекрасные глаза и проникновенный голосъ, помню оттѣняемую грузинскимъ акцентомъ простую и выразительную форму, въ которую онъ облекалъ свои мысли. И помню, что въ его словахъ не было именно того, чѣмъ, — по крайней мѣрѣ меня, — очаровывалъ Керенскій: не было нравственнаго подъема, не было доброты, не было братства и любви. Человѣчество, а въ томъ числѣ и граждане Россіи, дѣлились для него на два по необходимости враждебные класса — на «революціонную демократію» (онъ особенно часто повторялъ эти два слова) и на остальныя сословія. И смыслъ революціи состоялъ для него не въ томъ, чтобы, какъ призывалъ Керенскій, всѣ граждане въ могучемъ порывѣ къ добру стали строить лучшее будущее, и не въ томъ даже, чтобы, какъ проповѣдывали большевики, «революціонная демократія» выхватила власть изъ рукъ буржуазіи; для Церетели задача и цѣль революціи была въ томъ, чтобы демократія, не принимая власти въ свои руки, путемъ хитрыхъ компромиссовъ и осторожныхъ шахматныхъ ходовъ заставила враждебную ей стихію буржуазіи, противъ своей воли, работать ей на пользу. Эта хитрая и холодная «восточная дипломатія» (какъ называлъ тактику Церетели и Чхеидзе покойный Плехановъ) скрашивалась въ выступленіяхъ Церетели красотой его личности, окруженной ореоломъ мученичества. Онъ вѣдь появился въ революціонный Петроградъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, изъ «глубины сибирскихъ рудъ», и на его лицѣ еще былъ виденъ отпечатокъ тюремной блѣдности . . . Но по своему истинному содержанію и смыслу его кіевская рѣчь, какъ и другія его рѣчи, была все-таки порожденіемъ не душевнаго порыва, а марксистской дипломатіи.

Въ первый вечеръ, въ парадномъ залѣ дворца, Церетели выступалъ еще до переговоровъ съ украинцами. Поэтому онъ не сказалъ ничего опредѣленнаго по самому больному для насъ вопросу. Слѣдующій день (кажется, это было 1 или 2 іюля) пріѣхавшіе министры совѣщались съ представителями Рады и, къ вечеру, Церетели сообщилъ намъ о соглашеніи, которое было достигнуто. По этому соглашенію, которое еще нуждалось въ ратификаціи со стороны Временнаго Правительства, Генеральный Секретаріатъ получалъ функціи краевого исполнительнаго органа, а Центральная Рада становилась законодательнымъ центромъ автономной провинціи; оба учрежденія должны были быть пополнены представителями «національныхъ меньшинствъ» — въ первый разъ мы услышали тогда это слово. И въ тотъ же вечеръ, въ присутствіи Церетели и Терещенко и при участіи Виниченко, мы занялись конструированіемъ новорожденной автономной Украины и ея мѣстнаго правительства. Помню тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на меня то, съ какой легкостью и быстротой «отвалили» Украинѣ десятокъ губерній. И помню, что уже тогда всѣ присут-

ствовавшіе представители отдѣльныхъ партій и группъ явно интересовались больше всего тѣмъ, сколько мѣстъ каждая изъ нихъ получитъ въ Радѣ . . .

Всѣ кіевскія партіи, въ томъ числѣ и кадеты, одобряли достигнутое соглашеніе, хотя почти всѣ смотрѣли на него, какъ на неизбѣжное зло. Какъ извѣстно, въ самомъ Временномъ Правительствѣ на почвѣ украинскаго вопроса произошелъ тогда же кризисъ и министры-кадеты (Шингаревъ, Мануиловъ и кн. Шаховской) вышли изъ его состава. Но дѣло было сдѣлано, а послѣдовавшее затѣмъ въ Петроградѣ возстаніе большевиковъ, хотя оно и было подавлено, все же не могло не упрочить впечатлѣнія, что Временное Правительство слишкомъ слабо, чтобы сопротивляться украинскому сепаратизму.

Въ результатѣ создавшагося у насъ, послѣ отъѣзда Церетели, новаго положенія, предъ кіевской общественностью встали новые вопросы и тревоги. Въ томъ же ночномъ засѣданіи, въ которомъ мы «съ кондачка» устанавливали границы будущей автономной Украины, была избрана небольшая комиссія, которой было поручено вести переговоры съ Радой о количествѣ представляемыхъ «меньшинствамъ» депутатскихъ мѣстъ. Не знаю, очень ли неискусно велись эти переговоры, но въ результатѣ различныхъ этнографическихъ исчисленій мы получили 30% мѣстъ, а одинъ украинецъ (впрочемъ, не очень надежный) говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что его друзья согласились бы дать 35%. Вообще, въ настроеніяхъ нашихъ революціонныхъ главарей произошелъ внезапный надломъ. Легкомысленное пренебреженіе ко всему украинскому съ непріятной быстротой смѣнилось полной резиньяціей и сознаніемъ своего безсилія. «Теперь уже не только украинцы, но и остальные политиканы наши, — писалъ я вскорѣ затѣмъ въ одномъ письмѣ отъ 15 августа 1917 года, — оказались ярыми сторонниками автономіи и требуютъ проведенія ея немедленно, безъ Учредительнаго Собранія». Едва ли было достаточно основаній для столь рѣшительной перемѣны фронта, главнымъ виновникомъ которой я считаю бундовца М. Г. Рафеса (о немъ рѣчь впереди); его-то я прежде всего и имѣлъ въ виду въ цитированномъ письмѣ. И я подозрѣвалъ, что въ то время сами украинцы еще не считали себя такими могучими и непреодолимыми, какими они вдругъ предстали ихъ вчерашнимъ господамъ и менторамъ . . .

Но, такъ или иначе, восемнадцать мѣстъ въ Радѣ было получено. Предстояло ихъ распредѣлить между всѣми не-украинскими организаціями и партіями. И тутъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, началась торговля, подкапываніе другъ подъ друга и интриги. Рафесъ, который пріобрѣталъ все больше и больше значенія, пустилъ здѣсь въ ходъ всю свою энергію; и можно сказать, что утвержденное въ конечномъ результатѣ распредѣленіе мѣстъ было въ общихъ чертахъ произведено по его проэкту, причемъ даже случайная ошибка въ наименованіи одной еврейской партіи перешла изъ его записной книжки въ текстъ оффиціальнаго протокола.

Окончательная схема представительства «меньшинствъ» въ Радѣ, принятая на соединенномъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета со всѣми заинтересованными организаціями, была слѣдующая (воспроизвожу ее по памяти) *:

---

* Мною приводится распредѣленіе мѣстъ въ такъ-наз. «Малой Радѣ», о которомъ тогда и шла рѣчь. О Малой Радѣ и ея отношеніи къ пленуму Центр. Рады говорится въ слѣдующей главѣ.

БИБЛІОТЕКА КАФЕДРЫ ИСТОРІИ

Обще-россійскія организаціи:

Исполнительный Комитетъ	1	
Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ	2	
Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ	2	
Всего		5
Обще-россійскія партіи:		
К.-д.	1	
С.-д. (меньшевики)	2	
С.-д. (большевики)	1	
С.-р.	2	
Всего		6
Еврейскія партіи:		
Бундъ	1	
Объединенные соціалисты	1	
Поалей-ціонъ	1	
Демократическое объединеніе	1	
Сіонисты	1	
Всего		5
Польскія партіи:		
Демократическій централъ:	1	
P. P. S.	1	
Всего		2
Всего представителей меньшинствъ		18

Внѣпартійныя національныя организаціи — Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева, Польскій исполнительный комитетъ — были отъ представительства въ Радѣ отстранены.

Черезъ нѣсколько дней состоялось торжественное засѣданіе Рады съ участіемъ представителей меньшинствъ, которые, каждый на своемъ языкѣ, славословили воцарившееся національное примиреніе. Это послѣднее было, со стороны украинцевъ, ознаменовано изданіемъ Второго Универсала, въ которомъ констатируется побѣда украинскаго движенія надъ своими московскими супостатами.

Съ этого дня центръ политической жизни города Кіева перемѣстился изъ дворца (гдѣ продолжали засѣдать Исполнительный Комитетъ и Совѣты) въ Педагогическій музей — мѣсто собраній новорожденнаго украинскаго парламента. Однако, около того же времени возникъ въ Кіевѣ новый общественный центръ, которому предстояло олицетворять демократическую оппозицію — сначала противъ Рады, затѣмъ противъ большевиковъ, и наконецъ противъ гетмана: я говорю о вновь избранной на демократическихъ началахъ Городской Думѣ.

На выборы въ Городскую Думу мнѣ пришлось итти отъ тѣхъ же еврейскихъ организацій, которыя я представлялъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Избраніе въ Исп. Комитетъ и напряженная работа въ немъ не освободили

меня отъ заботъ и хлопотъ по секретарству въ Совѣтѣ объединенныхъ еврейскихъ организацій. Какъ и прежде, мнѣ приходилось руководить всѣмъ дѣлопроизводствомъ и канцеляріей Совѣта, участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ пленума и бюро, нести на себѣ значительную долю заботъ и отвѣтственности по исполненію всѣхъ принимаемыхъ рѣшеній. Особенно много работы и волненій было въ связи съ созывомъ и руководствомъ «Областного еврейскаго совѣщанія», состоявшагося въ Кіевѣ 9, 10 и 11 мая 1917 года.

Идея созвать областной еврейскій съѣздъ возникла въ первые же дни существованія Совѣта. Уже въ началѣ апрѣля была установлена программа съѣзда, назначенъ срокъ и разосланы приглашенія.

Нашъ призывъ встрѣтилъ въ провинціи очень живой откликъ. Всего съѣхалось около 300 делегатовъ*, и интересъ къ съѣзду, какъ на мѣстахъ, такъ и въ самомъ Кіевѣ, былъ большой**.

Всѣ намѣченные доклады были прочтены и обсуждены, по всѣмъ имъ были приняты соотвѣтствующія резолюціи. Работы Совѣщанія были зафиксированы въ подробномъ протоколѣ, который, вмѣстѣ съ текстомъ докладовъ и резолюцій, былъ затѣмъ напечатанъ отдѣльной брошюрой. Вся эта оффиціальная сторона протекла «честь-честью», какъ полагается. Но не въ ней оказался наиболѣе жгучій интересъ съѣзда, не она привлекла къ себѣ наиболѣе острое вниманіе участниковъ, слушателей и прессы. Наиболѣе драматическіе моменты съѣзда относятся къ выступленіямъ руководимой Рафесомъ оппозиціи и, въ той или иной формѣ, вращались вокругъ заполнившей вниманіе всего съѣзда фигуры Рафеса.

Я уже упомянулъ о томъ, что Рафесъ сталъ постепенно играть все болѣе и болѣе центральную роль въ кіевской революціонной общественности. Областное еврейское совѣщаніе, состоявшее сплошь изъ его самыхъ ожесточенныхъ противниковъ и зложелателей, оказалось весьма благодарнымъ фономъ, на которомъ развернулась эта мефистофельская фигура. Рафесъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе яркой личностью изъ всѣхъ подвизавшихся въ это время въ Кіевѣ политиковъ. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ — и по-русски, и по-еврейски, — искуснымъ полемистомъ, опаснымъ критикомъ. И, что самое главное, въ немъ была неисчерпаемая энергія и дѣйственная сила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ поистинѣ «духомъ отрицанія и сомнѣнія»; оппозиція и политическая интрига были его подлинной сферой. Къ созиданію, даже просто къ руководительству массами онъ былъ неспособенъ. Натура дѣйственная и практическая, онъ много разъ мѣнялъ фронтъ; онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые жертвуютъ успѣхомъ ради идей и принциповъ. Наиболѣе славные моменты его дѣятельности относятся ко времени перваго прихода большевиковъ въ февралѣ 1918 г. Тогда онъ съ большимъ мужествомъ боролся противъ большевизма и изобличалъ его. Въ 1919 году онъ сталъ коммунистомъ и съ большимъ рвеніемъ

---

* Изъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

** Въ программѣ Совѣщанія звачились доклады 1) объ объединеніи и организаціи еврейства (докладчикъ М. И. Юдинъ), 2) объ общинѣ (М. С. Мазоръ), 3) о правахъ національныхъ меньшинствъ въ Россіи (І. М. Маховеръ), 4) о выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія (И Л. Бабатъ), 5) объ автономіи и федераціи (Я. С. Гольденвейзеръ), 6) о гражданскихъ обязанностяхъ евреевъ въ связи съ переживаемымъ моментомъ (Г. Б. Быховскій). Во время самого съѣзда въ программу были включены еще два доклада — 7) о всероссійскомъ еврейскомъ съѣздѣ (Виленскій) и 8) объ областномъ еврейскомъ союзѣ (А. А. Гольденвейзеръ).

руководилъ ночными обысками для изъятія «излишковъ». А въ 1920 году, во время третьяго пребыванія большевиковъ въ Кіевъ, Рафесъ пользовался такимъ вліяніемъ въ кіевскомъ Губревкомѣ, что его въ шутку называли «Губ-Рафесомъ»...

Рафесъ не былъ кіевляниномъ и никому не былъ у насъ извѣстенъ, когда, въ мартѣ или апрѣлѣ 1917 года, центральный комитетъ «Бунда» командировалъ его на югъ для руководства мѣстной партійной работой. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ день открытія областного еврейскаго совѣщанія, когда онъ, во главѣ цѣлой группы своихъ сторонниковъ, проникъ въ залъ на основаніи мандатовъ, самочинно выданныхъ имъ комитетомъ «Бунда». Рафесъ первый взялъ слово на вечернемъ засѣданіи, по поводу выслушанныхъ докладовъ Юдина, Мазора и Маховера. И эта его главная рѣчь, продолжавшаяся около часа, была настоящимъ chef-d'oeuvre'омъ ораторскаго и агитаціоннаго искусства. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта рѣчь, сказанная на мало знакомомъ мнѣ языкѣ (жаргонѣ) и защищавшая совершенно чуждую мнѣ точку зрѣнія. Въ ней было столько юмора, язвительности и силы, что даже внимавшая ей клерикально-сіонистская аудиторія не могла противостоять чарамъ ненавистнаго противника...

Къ концу второго дня произошла на съѣздѣ драматическая сцена, врѣзавшаяся въ мою память. На трибунѣ стоялъ бердичевскій общественный раввинъ — яркій и темпераментный народный ораторъ. Рѣчь его, естественно, была призывомъ къ національному сплоченію на основѣ общихъ скрижалей вѣры. «Въ началѣ съѣзда, — сказалъ онъ между прочимъ, — всѣ вы поднялись съ мѣстъ въ память погибшихъ борцовъ за свободу. Поднимитесь же теперь въ честь Торы!» Аудиторія поднимается съ мѣстъ — за исключеніемъ группы бундовцевъ. Воцаряется невообразимый шумъ, большинство требуетъ удаленія «Бунда», оскорбившаго религіозныя чувства собранія. Президіумъ безсиленъ внести успокоеніе... И вотъ у ораторской кафедры появляется прекрасная сѣдая голова писателя С. А. Ан—скаго. Онъ поднимаетъ руку, залъ стихаетъ. Онъ говоритъ, что Тора — не только религіозный символъ, но и символъ вѣковой еврейской культуры. И въ честь этой культуры, составляющей нашу національную гордость и символизируемую свитками Торы, онъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ встать съ мѣстъ. Всѣ встаютъ... Инцидентъ улаженъ.

Я помню Ан—скаго съ 1915 года, когда я встрѣчался съ нимъ предъ своей поѣздкой въ оккупированную тогда русскими войсками Галицію. Помню разсказы многихъ галичанъ о неотразимомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на нихъ. И въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось самому увидѣть магическое дѣйствіе этого поистинѣ благороднаго человѣка на толпу. Черезъ два мѣсяца, въ Петроградѣ, мнѣ пришлось вести съ С. А. переговоры о поѣздкѣ его въ Румынію, куда нашъ Совѣтъ командировалъ его для обслѣдованія на мѣстѣ положенія евреевъ. Поѣздка эта не состоялась. Больше я Ан—скаго не видѣлъ, а въ 1921 году, будучи проѣздомъ въ Варшавѣ, я услышалъ объ его смерти, — наканунѣ перваго представленія его поэтической пьесы «Dybuk», которая съ тѣхъ поръ не сходитъ со сцены... Еврейское населеніе Варшавы устроило этому пѣвцу и печальнику еврейства торжественные, народные похороны.

Въ послѣдній день Областного совѣщанія, въ концѣ дневного засѣданія, Рафесъ организовалъ свой финальный coup de théâtre: коллективный выходъ

всей группы «Бунда» изъ залы. Въ своей «прощальной» рѣчи онъ далъ съѣзду крылатое названіе «черно-голубого* еврейскаго блока».

Областное Совѣщаніе, превратившееся, благодаря стараніямъ Рафеса, въ непрерывное оказательство внутреннихъ раздоровъ среди русскаго еврейства, разумѣется, могло только способствовать дальнѣйшему обостренію этихъ раздоровъ. Никакія попытки примиренія не имѣли успѣха. Два лагеря противостояли другъ другу, расходясь и въ основномъ направленіи, и въ мельчайшихъ деталяхъ программы и тактики. И эти же два непримиримые еврейскіе лагеря застали большевистскій переворотъ, временно положившій конецъ всякому національному движенію среди евреевъ.

Обоимъ направленіямъ еврейской общественности дважды пришлось въ Кіевѣ помѣряться силами, представъ со своими лозунгами на судъ массы избирателей.

Въ концѣ іюля 1917 года происходили въ Кіевѣ выборы въ Городскую Думу, на которыхъ фигурировали различные еврейскіе списки, а въ слѣдующемъ декабрѣ и январѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскую общину. Результатъ получился въ обоихъ случаяхъ весьма различный... О выборахъ въ еврейскую общину, на которыхъ мнѣ пришлось занять срединную и примирительную позицію, я скажу позже: они относятся къ слѣдующей эпохѣ нашей революціонной исторіи. Къ выборамъ же въ Городскую Думу перехожу сейчасъ.

Старый составъ Городской Думы и Управы былъ, въ самомъ началѣ революціи, пополненъ новыми, «кооптированными» членами; списокъ ихъ былъ предложенъ Думѣ вновь возникшими революціонными организаціями. Въ качествѣ члена Исполн. Комитета, я ex officio считался также и гласнымъ Городской Думы; однако, засѣданій Думы я не посѣщалъ**, и фактически никакого отношенія къ ней не имѣлъ. Предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій вступилъ въ число членовъ вновь пополненной Городской Управы, главной задачей которой была подготовка и организація всеобщихъ выборовъ въ Думу. Руководящую роль въ этой организаціонной работѣ сыгралъ, также вступившій въ управу, Абрамъ Моисеевичъ Гинзбургъ — меньшевикъ, давно извѣстный въ Кіевѣ подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ «Г. Наумовъ», а впослѣдствіи, уже въ новой Думѣ, избранный замѣстителемъ Городского Головы.

Выборы должны были происходить по новому, изданному Врем. Правительствомъ, закону, на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Эта послѣдняя квалификація — пропорціональность — была главнымъ новшествомъ; она опредѣлила собой характеръ и результаты выборовъ. Согласно пропорціональной системѣ, предстояло голосовать не за людей, а за списки, составленные партійными комитетами, безъ права вносить какія-либо измѣненія въ списокъ въ отношеніи именъ кандидатовъ или хотя бы ихъ порядка. Партіи давали избирателю готовый листъ и ему оставалось только сдѣлать свой выборъ между листами различныхъ партій.

Здѣсь не мѣсто вступать въ теоретическія разсужденія о преимуществахъ и дефектахъ пропорціональной системы выборовъ. Но надо отмѣтить, что намъ пришлось наблюдать пропорціональную систему въ дѣйствіи въ странѣ, гдѣ вопросъ шелъ не только о правильномъ отображеніи воли народа въ представитель-

---

* Черный — цвѣтъ клерикализма, голубой — національное знамя сіонистовъ.

** Для этого не хватало времени, да меня нѣсколько и коробило положеніе вторгнувшагося «явочнымъ порядкомъ» пришельца, въ которомъ я оказался бы въ Городской Думѣ.

ныхъ органахъ, но и объ организаціи этой воли, еще совершенно сырой и неоформленной. Нужно было научить русскихъ гражданъ властно проявлять свою волю, устраивать свою общественную жизнь по своему усмотрѣнію. А вмѣсто этого имъ навязываютъ систему выборовъ, при которой гражданинъ лишается самаго естественнаго и неотъемлемаго права — права подавать голосъ за тѣхъ людей, за которыхъ хочетъ, и въ томъ порядкѣ, въ которомъ хочетъ. Ему дается готовый списокъ, десять, двадцать списковъ. Одни имена ему симпатичны въ одномъ спискѣ, другія — въ другомъ; есть симпатичныя ему имена, не попавшія ни въ одинъ списокъ; даже среди данныхъ именъ онъ хотѣлъ бы сдѣлать перестановки, выдвинувъ того или иного кандидата впередъ и отодвинувъ другого на послѣднее мѣсто... Но всѣ свои сознательныя желанія онъ безсиленъ осуществить. Онъ обязанъ голосовать за готовый списокъ, за тотъ составъ и порядокъ кандидатовъ, который предложенъ какимъ то комитетомъ. Ни добавить, ни вычеркнуть, ни переставить ни одного имени нельзя. Избиратель чувствуетъ себя скованнымъ. Выборы даютъ ему ощущеніе не свободы, независимости и самоопредѣленія, а насилія и давленія на его совѣсть со стороны новыхъ господъ.

Разумѣется, на бумагѣ все это не такъ. Каждые 50 или 100 избирателей могутъ подать свой списокъ, номинально равноправный со списками могущественнѣйшихъ партій и группъ. Но вѣдь на дѣлѣ это право не осуществляется и не можетъ осуществляться. Подавать списки, разсчитывающіе на успѣхъ, могутъ только партіи. А русскому избирателю — въ подавляющемъ большинствѣ не только безпартійному, но и не разбирающемуся въ партійныхъ программахъ, — остается только выбирать между готовыми списками, олицетворяющими различныя партійныя группировки.

И какое безконечно широкое поле раскрываетъ эта система для партійной демагогіи! Вѣдь, какъ хорошо сказалъ одинъ наблюдатель, на массы можно дѣйствовать не идеями, а обѣщаніями. Какой же соблазнъ оказывается тутъ для всѣхъ партій соперничать между собой въ красочности и завлекательности предвыборныхъ лозунговъ! Не личныя свойства кандидатовъ, не ихъ честность, подготовленность и надежность представляются на судъ избирателей: всѣ эти вопросы безапелляціонно рѣшаетъ комитетъ. Избирателя же нужно соблазнить и завербовать программой, лозунгомъ, обѣщаніемъ. И въ результатѣ, выборы изъ борьбы лицъ и идей превращаются въ соревнованіе плакатовъ... Для меня нѣтъ сомнѣній въ томъ, что всероссійскій колоссальный успѣхъ эсэровъ на выборахъ былъ въ нѣкоторой степени вызванъ доступнымъ и волнующимъ крестьянскую душу лозунгомъ «земля и воля». По существу, другія партіи предлагали болѣе пріемлемыя для крестьянъ программы земельной реформы, чѣмъ эсэровская соціализація земли. Но ни одна партія не имѣла такого выигрышнаго лозунга, какъ слова «земля и воля», красовавшіяся на всѣхъ эсеровскихъ плакатахъ....

Никакая аптекарская точность въ оцѣнкѣ результата такихъ выборовъ не можетъ искупить той фальсификаціи и денатурализаціи народнаго мнѣнія, которыя неизбѣжно должна была въ россійскихъ условіяхъ повести за собой система связанныхъ списковъ. Мы видѣли эту фальсификацію на дѣлѣ — во время выборовъ въ городскія Думы еще болѣе явственно, чѣмъ при выборахъ въ Учредительное собраніе, такъ какъ первые выборы прошли при большемъ интересѣ избирателей и въ болѣе нормальной обстановкѣ. Весь подъемъ и оживленіе общественныхъ инстинктовъ, которыми несомнѣнно сопровождались во всей

Россіи эти первые всенародные выборы, благодаря книжной новинкѣ пропорціональнаго голосованія, пропали втунѣ, не были ни въ малѣйшей мѣрѣ использованы для политическаго воспитанія массъ. А въ результатѣ всей тонкой математики избирательныхъ подсчетовъ мы получили думы, состоящія изъ ставленниковъ чуждыхъ народу партійныхъ комитетовъ. —

Въ Кіевѣ на выборахъ въ Гор. Думу конкуррировало, кажется, около пятнадцати кандидатскихъ списковъ. Списокъ № 1 былъ выставленъ блокомъ четырехъ соціалистическихъ партій — с.-д. меньшевиковъ, с.-р., Бунда и Р. Р. S. Это былъ очевидно, по условіямъ момента, самый сильный списокъ и его побѣда была обезпечена заранѣе. Затѣмъ, списокъ № 2 былъ предложенъ «еврейскимъ соціалистическимъ блокомъ», то-есть объединенными еврейскими соціалистами и партіей Поалей-ціонъ. Это былъ, напротивъ, слабый списокъ, такъ какъ наиболѣе заслуженная еврейская соціалистическая партія — Бундъ со своимъ лидеромъ Рафесомъ — стояла внѣ его. Списокъ № 3, если не ошибаюсь, былъ спискомъ «внѣпартійной группы русскихъ избирателей», съ В. В. Шульгинымъ и А. И. Савенко на первыхъ мѣстахъ; это было первое со времени революціи публичное выступленіе кіевскихъ правыхъ круговъ, оказавшееся весьма успѣшнымъ и многообѣщающимъ. Списокъ № 9 былъ выставленъ «еврейскимъ демократическимъ блокомъ». Были еще списки кадетовъ, большевиковъ, украинцевъ (списокъ украинскихъ с.-р. и с.-д. и списокъ соціалистовъ-федералистовъ), поляковъ, служащихъ городской управы и др.

Во всѣхъ спискахъ первыя мѣста были заняты признанными лидерами соотвѣтственныхъ группъ, въ спискахъ коалиціонныхъ — лидерами блокирующихъ партій. Списокъ № 1 возглавлялся будущимъ предсѣдателемъ Городской Думы В. А. Дрелингомъ, списокъ № 2 — Лещинскимъ, № 3 — Шульгинымъ, № 9 — сіонистомъ Сыркинымъ, кадетскій списокъ — Григоровичъ-Барскимъ, большевистскій — Пятаковымъ, украинскіе — Виниченко и Ефремовымъ и т. д. Почти ни одинъ изъ прежнихъ гласныхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ кадетовъ) не былъ включенъ въ важнѣйшіе списки; имъ въ утѣшеніе, служащіе Городской Управы подали свой особый списокъ съ Бурчакомъ, Дубинскимъ, Шефтелемъ и другими управцами, но онъ никакого успѣха на выборахъ имѣть не могъ. Вѣдь на этихъ выборахъ рѣчь шла не объ избраніи хозяйственнаго органа, а объ очередныхъ политическихъ маневрахъ, на которыхъ скрестили оружіе обще-политическіе программы и лозунги. Въ этомъ гипертрофированіи политическаго момента за счетъ хозяйственнаго и дѣлового также сказалось разлагающее вліяніе пропорціональной системы.

Предвыборная агитація и подготовка кандидатскихъ списковъ началась мѣсяца за полтора до дня выборовъ. Съ самаго начала предъ еврейскимъ Совѣтомъ, какъ національнымъ органомъ, сталъ вопросъ, принимать ли участіе въ этихъ обще-политическихъ выборахъ и выставлять ли на нихъ свой собственный списокъ. Противъ перваго, и особенно противъ второго, имѣлись серьезныя принципіальныя возраженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оба вопроса по необходимости должны были быть разрѣшены въ положительномъ смыслѣ. Отстраниться отъ участія въ выборахъ значило бы совершенно сойти съ политической сцены, на что, разумѣется, никакая политическая организація добровольно пойти не могла. Не выставлять особаго еврейскаго списка означало блокировать съ какой-либо изъ политическихъ партій (напримѣръ, съ кадетами: объ этомъ шла рѣчь); но такой шагъ совершенно бы скомпрометировалъ Совѣтъ, какъ національную организацію. Повторяю: фактически оставался только

одинъ путь — въ выборахъ участвовать и притомъ выставить особый списокъ. На этотъ путь Совѣтъ и сталъ. Я не могъ особенно энергично этому сопротивляться, такъ какъ, признавая принципіальную непослѣдовательность этого шага, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать его практическую неизбѣжность. Но съ самаго начала выборовъ я уже не могъ заглушить въ себѣ сознаніе внутренняго противорѣчія, въ которое меня втягивали.

Совѣтъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выставить свой отдѣльный списокъ. Естественно было искать союзниковъ среди не-соціалистическихъ еврейскихъ партій. Такіе союзники и нашлись справа въ лицѣ партіи сіонистовъ и ортодоксальнаго союза «Ахдусъ», слѣва — въ лицѣ «Еврейскаго демократическаго союза Единеніе».

Союзъ «Единеніе» образовался еще въ апрѣлѣ 1917 года; я принималъ въ немъ ближайшее участіе. Это была демократическая интеллигентская группа, въ основаніи которой лежалъ блокъ трехъ профессіональныхъ группъ: группы евреевъ-адвокатовъ, группы евреевъ-врачей и группы евреевъ-инженеровъ. Въ національномъ вопросѣ «Единеніе» стояло на почвѣ свѣтскости и идишизма, но отличалось отъ еврейскихъ соціалистовъ тѣмъ, что допускало обще-національные объединенія и блоки. Никакой обще-политической программы намѣренно выставлено не было. — Союзъ «Единеніе» имѣлъ въ то время нѣкоторый успѣхъ среди мѣстнаго еврейства, хотя онъ, естественно, долженъ былъ страдать болѣзнью всѣхъ срединныхъ партій: для націоналистовъ «Единеніе» было недостаточно націоналистичнымъ, а для ассимиляторовъ и національно-индифферентныхъ группъ — слишкомъ національнымъ... Оглядываясь теперь назадъ, я могу сказать, что единственнымъ несомнѣннымъ достоинствомъ «Единенія» былъ его интеллигентскій характеръ и культурный составъ членовъ. — Впослѣдствіи, союзъ «Единеніе» превратился въ мѣстную организацію «Еврейской народнической партіи» («Фолькспартай»).

Блоковое соглашеніе между четырьмя еврейскими группами состоялось, о количествѣ и порядкѣ мѣстъ участники столковались. Предстояло избрать кандидатовъ отдѣльныхъ группъ* и составить изъ нихъ списокъ...

Когда всѣ номинаціи и отводы были закончены и списокъ № 9 былъ, наконецъ, готовъ, я почувствовалъ себя совершенно измученнымъ и больнымъ. Мои нервы, уже истощенные напряженной работой предыдущихъ мѣсяцевъ, были окончательно изнурены. Меня охватилъ какой-то tædium politicæ и я сталъ жаждать временнаго отдыха и покоя.

Въ такомъ настроеніи я получилъ телеграмму изъ Петрограда отъ М. М. Винавера съ просьбой содѣйствовать тому, чтобы отъ кіевскихъ еврейскихъ организацій были посланы на созываемую на 18 іюля Всероссійскую еврейскую конференцію делегаты, сочувствующіе программѣ Еврейской народной группы (мѣстной организаціи группы тогда въ Кіевѣ не было). Меня не особенно прельщала перспектива участвовать въ конференціи и слушать тамъ неизбѣжныя программныя рѣчи сіонистовъ и бундовцевъ; я наслушался достаточно этихъ рѣчей на нашемъ областномъ совѣщаніи. Но представившаяся возможность

---

* Предъ самыми выборами въ списокъ были включены также представители двухъ, сорганизовавшихся ad hoc, группъ — ремесленной и торгово-промышленной.

уѣхать изъ Кіева и не принимать больше участія въ предвыборной агитаціи и борьбѣ весьма мнѣ улыбалась *. Я выставилъ поэтому свою кандидатуру и былъ избранъ делегатомъ отъ союза «Единеніе» на всероссійскую конференцію.

16 іюля я распрощался съ членами Исполнительнаго Комитета, которому предстояло въ ближайшемъ будущемъ, тотчасъ по избраніи Городской Думы, ликвидировать свои дѣла, и облегченно вздохнулъ въ купэ петроградскаго поѣзда.

Послѣ нѣсколькихъ дней въ Петроградѣ, я уѣхалъ дальше — въ Финляндію . . .

* *
*

Отдыхая на берегахъ Сайменскаго озера, я невольно возвращался мыслями въ Кіевъ, къ моей такъ внезапно и рѣзко оборванной политической работѣ. Я искалъ причины неудачи «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» — неудачи, въ которой для меня уже не было никакого сомнѣнія. «Совѣту» не только не удалось объединить вокругъ себя кіевскаго еврейства, но, напротивъ, онъ сталъ факторомъ раздоровъ, сталъ тѣмъ химическимъ реактивомъ, который обнаружилъ несоединимость отдѣльныхъ составляющихъ еврейство элементовъ.

Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилось мнѣ, что «Совѣтъ» былъ съ самаго начала мертворожденнымъ учрежденіемъ . . .

Совѣтъ былъ предназначенъ для того, чтобы играть роль центральнаго органа кіевскаго еврейства; онъ долженъ былъ проводить, отъ имени евреевъ города Кіева, единую еврейскую національную политику. Между тѣмъ, — и въ этомъ пунктѣ, повидимому, были правы еврейскіе соціалисты, — въ ту эпоху въ Россіи не могло быть никакого единаго еврейскаго національнаго органа и нельзя было вести никакой единой еврейской національной политики.

Защищая идею Совѣта, мы говорили, что русское еврейство, для осуществленія своихъ національныхъ интересовъ, должно дѣйствовать организованно и сплоченно. Должны быть созданы межпартійныя, національныя организаціи, которыя и осуществятъ миссію еврейскаго національнаго возрожденія въ Россіи . . . Такой національно-политической организаціей долженъ былъ стать, въ рамкахъ города Кіева, Совѣтъ, въ масштабѣ всей Россіи — Всероссійскій еврейскій съѣздъ.

Логически противъ этой схемы трудно было возражать: разъ существуютъ національные интересы (а таковые у русскаго еврейства несомнѣнно были и есть), то, естественно, наиболѣе призванными защитниками этихъ интересовъ будутъ національные органы. Однако, отстаивая съ большимъ жаромъ эту логически-безупречную конструкцію, мы забывали одно: что національные вопросы играли сравнительно небольшую роль въ общемъ комплексѣ политическихъ интересовъ русскаго еврейства въ ту эпоху. Въ этомъ было существенное различіе между еврейской націей и другими, — территоріальными, — національностями Россіи. Для каждаго еврея несравненно важнѣе были вопросы

* Я не чувствовалъ себя морально обязаннымъ участвовать въ этой агитаціи, такъ какъ къ тому времени окончательно убѣдился въ томъ, что выставленіе еврейскаго національнаго списка было ошибкой. Въ послѣдній моментъ я принялъ поэтому мѣры, обезпечивавшія мое неизбраніе въ Думу по этому списку.

о монархіи или республикѣ, демократіи или соціализмѣ, — чѣмъ всѣ вопросы, къ которымъ сводилась національная еврейская политика, то-есть вопроса о свѣтской или религіозной общинѣ, о жаргонѣ или древне-еврейскомъ языкѣ, и даже вопросы о національной автономіи. Между тѣмъ, по основнымъ общеполитическимъ вопросамъ русское еврейство никоимъ образомъ не могло представлять собой единаго фронта; тутъ оно естественно разслаивалось по соціальнымъ классамъ и политическимъ теченіямъ.

Мы пытались устранить это несоотвѣтствіе тѣмъ, что ограничивали національныя организаціи исключительно сферой національной политики; въ области же общей политики каждый членъ ихъ могъ принадлежать къ любой партіи. Въ этомъ мы расходились съ крайнимъ націоналистическимъ крыломъ еврейства — сіонистами, которые проповѣдывали приматъ національныхъ интересовъ и единый еврейскій фронтъ по всѣмъ вопросамъ общей политики.

Однако, нашъ компромиссъ былъ возможенъ въ сферѣ политической абстракціи, но разлетался въ дребезги при первомъ соприкосновеніи съ жизнью. Онъ предполагалъ какое-то двоеніе человѣка, одновременно состоящаго членомъ, скажемъ, меньшевистскаго комитета и еврейскаго національнаго органа. Онъ предполагалъ и двоеніе самихъ организацій, съ полнымъ изъятіемъ общеполитическихъ вопросовъ изъ сферы организацій національныхъ, а вопросовъ національной политики — изъ сферы обще-политическихъ партій.

Дѣйствительность вскорѣ обнаружила всю неосуществимость такого раздвоенія. «Совѣту» пришлось тотчасъ же послѣ своего возникновенія встрѣтиться съ неотложными задачами обще-политическаго свойства — съ представительствомъ отъ еврейства въ различныхъ органахъ, съ выборами въ городскія думы, въ земства, въ Учредительное Собраніе. Я испыталъ самъ всю ложность положенія, въ которомъ оказывался командированный Совѣтомъ делегатъ, долженствовавшій ex professo «представлять еврейство». Когда я былъ делегированъ Совѣтомъ въ Исполнительный Комитетъ, это положеніе все-еврейскаго представителя фактически лишало меня возможности высказываться по всѣмъ жгучимъ вопросамъ. И мнѣ чаще всего не оставалось ничего иного, какъ торжественно, отъ имени еврейской націи — воздерживаться отъ голосованія... Съ другой стороны, партіи (особенно у насъ на Украинѣ) стали посвящать все больше и больше вниманія вопросамъ національной политики. Такимъ образомъ всѣ партійные члены Совѣта принуждены были двоить уже и національную свою программу и тактику. Но это было очевидно немыслимо. Въ результатѣ всѣ болѣе или менѣе активные члены Совѣта стали отходить отъ него въ свои партійныя ячейки. И въ концѣ концовъ въ немъ остались только люди, которымъ, по условіямъ времени, было нечего терять внѣ его.

Этотъ маразмъ, отъ котораго въ концѣ концовъ безславно погибъ Совѣтъ, сталъ обнаруживаться еще въ мою бытность въ Кіевѣ. А по возвращеніи изъ Финляндіи я засталъ его уже въ агоніи.

* *
*

27 августа 1917 года я возвращался изъ Петрограда въ Кіевъ. Путь шелъ черезъ Могилевъ, гдѣ, какъ извѣстно, находилась ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Во время стоянки поѣзда въ Могилевѣ, гдѣ все имѣло вполнѣ обычный видъ, до меня донеслись изъ корридора вагона слова: «Вы знаете,

Корниловъ поставилъ ультиматумъ Керенскому, требуетъ передачи ему власти. Теперь любопытно, чья возьметъ»... Слова эти были произнесены съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла о томъ, какая лошадь выиграетъ очередной призъ. Тонъ настолько не соотвѣтствовалъ важности и трагизму сообщаемаго извѣстія, что я рѣшительно не повѣрилъ въ серьезность всего разговора. Да и вся обстановка по пути изъ Петрограда и здѣсь, въ самой штабъ-квартирѣ мятежниковъ, была ужъ слишкомъ нормальной и спокойной...

Однако, пріѣхавъ на слѣдующій день въ Кіевъ, я узналъ, что таинственный голосъ изъ корридора былъ правъ и что мы дѣйствительно переживаемъ кризисъ. Въ самомъ Кіевѣ, впрочемъ, особаго волненія въ эти дни не было. Едва ли кто сомнѣвался въ неудачѣ возстанія. И единственнымъ его результатомъ (у насъ, какъ и во всей Россіи) было дальнѣйшее усиленіе лѣвыхъ элементовъ. Наконецъ осуществился тотъ контръ-революціонный заговоръ, которымъ они стращали все время. И теперь уже никакой скептикъ не могъ убѣдить ихъ, что съ этой стороны опасность не угрожаетъ. Для консолидаціи создавшагося настроенія былъ пущенъ пресловутый лозунгъ «спасенія революціи». Причемъ спасеніе это, разумѣется, сводилось къ усиленію якобинскаго деспотизма стоявшихъ у власти партій. — Избранный Исполнительнымъ Комитетомъ комиссаръ города Кіева Страдомскій принужденъ былъ уйти; въ его должность вступилъ его замѣститель — меньшевикъ Доротовъ. Печать была взята подъ цензуру, причемъ эта мѣра была, разумѣется, направлена исключительно противъ правой печати. Помню, какъ бундовецъ Темкинъ впослѣдствіи съ большимъ юморомъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ, по порученію «Комитета спасенія революціи», цензурировалъ «Кіевлянинъ»...

Политическая ситуація, которую я засталъ по пріѣздѣ въ Кіевъ, была весьма неутѣшительной. Въ письмѣ, датированномъ 22 августа, еще изъ Финляндіи, я писалъ:

> «Ѣдемъ подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ вѣстей изъ-подъ Риги. Неспокойно на душѣ. Все идетъ съ какой-то фатальной правильностью внизъ по наклонной плоскости»...

Уже по возвращеніи въ Кіевъ, въ письмѣ отъ 10 сентября, я могъ добавить:

> «О нашихъ политическихъ дѣлахъ вы информируетесь газетами. Вѣроятно, чехарда министровъ и генераловъ издалека кажется еще болѣе чудовищной...
>
> Дѣла идутъ скверно — et voila tout!»

Черезъ недѣлю я писалъ:

> «Въ политикѣ у насъ все еще туманъ. Правительство занимается конструированіемъ самаго себя и пока довольно безуспѣшно. А всякіе грозные процессы разложенія и обнищанія идутъ совершенно параллельно, независимо, съ фатальной неизмѣнностью... До чего мы докатимся, трудно сказать».

И, наконецъ, въ письмѣ отъ 1 октября:

> «Политическія и военныя дѣла идутъ все хуже и хуже. Воцаряется полная апатія и усталость».

То была эпоха предсмертныхъ судорогъ Временнаго Правительства. Паденіе Риги, Корниловщина, нападеніе нѣмцевъ на острова Эзель и Даго, Демократическое совѣщаніе, Совѣтъ Россійской Республики — всѣ эти впечатлѣнія смѣнялись съ утомительной быстротой. А основной фонъ всему давалъ неудержимый ростъ большевизма. Онъ давалъ себя чувствовать и у насъ въ Кіевѣ. Первые предсѣдатели Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ — оборонцы Незлобинъ и Таскъ — были отстранены. Перваго замѣнилъ интернаціоналистъ Смирновъ, второго — украинскій с.-р. Григорьевъ. А затѣмъ, — въ то же время, когда большевики стали господствовать въ Петроградскомъ Совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Троцкій, — наши два Совѣта слились и избрали своимъ предсѣдателемъ большевика Георгія Пятакова.

Единственнымъ свѣтлымъ пунктомъ на фонѣ кіевской общественности казалась тогда молодая Городская Дума. Произведенные въ концѣ іюля выборы окончились, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдой списка № 1 — списка «соціалистическаго блока». Этотъ списокъ получилъ, кажется, около 80-ти мѣстъ въ Думѣ. Остальныя сорокъ распредѣлялись между кадетами (10 гласныхъ), польскимъ блокомъ (7), еврейскимъ демократическимъ блокомъ (5), еврейскими соціалистами (3), внѣпартійной группой русскихъ избирателей (во главѣ съ Шульгинымъ), украинцами и большевиками. Первые засѣданія Думы произошли еще въ мое отсутствіе. Изъ газетъ я узналъ, что предсѣдателемъ Думы избранъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ журналистъ В. А. Дрелингъ (с.-д. меньшевикъ). Онъ съ большимъ достоинствомъ исполнялъ свои функція во всѣхъ разнообразныхъ обстановкахъ, въ какихъ пришлось работать кіевской Городской Думѣ. Въ послѣдніе годы, при большевикахъ, онъ очень нуждался, работалъ въ кооперативахъ и переутомлялъ себя лекціями въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лѣтомъ 1920 года онъ погибъ отъ холеры, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: истощенный организмъ потерялъ всякую способность сопротивленія... О должности городского головы между партіями соціалистическаго блока шли продолжительные переговоры. Въ концѣ концовъ, этотъ постъ достался эс-эрамъ, основывавшимъ свое право главнымъ образомъ на повсемѣстномъ успѣхѣ, который имѣла тогда на выборахъ ихъ партія. Кіевскимъ Городскимъ Головой сталъ эс-эръ Евгеній Петровичъ Рябцевъ, о которомъ я уже упоминалъ. Для насъ — его товарищей по адвокатскому сословію — его выборъ казался нѣсколько неожиданнымъ. Въ большихъ личныхъ качествахъ — природномъ умѣ, тактѣ, трудоспособности, прекрасномъ ораторскомъ дарованіи — никто ему не отказывалъ. Но, какъ мы всѣ знали, его подготовка къ руководству муниципальными дѣлами крупнаго города не могла быть очень солидной. При этомъ мы, однако, забывали хорошую нѣмецкую поговорку, особенно пригодную во времена революцій: Amt gibt Verstand. Если Гучковъ и Керенскій были военными министрами, Некрасовъ — министромъ путей сообщенія, Терещенко — министромъ финансовъ, то отчего бы Рябцеву не быть кіевскимъ городскимъ головой? Будущее показало, что нѣмецкая поговорка оправдалась въ отношеніи Рябцева больше, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Да и обстоятельства сложились такъ, что кіевской Городской Думѣ меньше всего пришлось хозяйствовать, а чаще и больше всего — защищать себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, населеніе города Кіева отъ всей галлереи нашихъ завоевателей — сначала отъ украинскихъ шовинистовъ, затѣмъ отъ большевистскихъ конквистадоровъ, отъ германскихъ комендантовъ, отъ гетманскихъ «хорунжихъ», отъ Петлюровцевъ, снова отъ большевиковъ и т. д.

И эту-то миссію защиты правъ городского самоуправленія Рябцевъ выполнялъ, по общему мнѣнію, блестяще — съ большой смѣлостью и твердостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтствіи со своими наклонностями и талантами; то-есть торжественно и картинно. Повторяю, всѣ партіи были довольны Рябцевымъ; даже В. В. Шульгинъ отозвался о немъ съ уваженіемъ и благодарностью послѣ его предстательства въ интересахъ арестованнаго большевиками редактора «Кіевлянина».

Хозяйственныя функціи городской управы въ большей степени, чѣмъ на городскомъ головѣ, лежали на его товарищѣ — А. М. Гинзбургѣ-Наумовѣ (с.-д., меньшевикъ), проявившемъ на своемъ посту выдающіяся организаціонныя способности.

Городская управа была составлена на коалиціонныхъ началахъ: кромѣ соціалистовъ, въ нее вошли кадеты, украинцы и представители польскаго и еврейскаго національныхъ блоковъ. Представителемъ послѣдняго былъ избранъ инженеръ А. И. Богомольный.

Въ работѣ Городской Думы въ эти первые мѣсяцы ея существованія было много бодрости и увлеченія. Новизна дѣла, желаніе расчистить авгіевы конюшни стараго думскаго хозяйства, живой и реальный характеръ работы — все это объединяло новоиспеченныхъ управцевъ и гласныхъ и призывало къ напряженной дѣятельности. Наряду съ этимъ, публичность и парламентскій характеръ пленарныхъ засѣданій импонировали и участникамъ, и публикѣ.

Населеніе города, которое въ огромномъ большинствѣ никогда не сочувствовало соціализму, а теперь уходило все дальше вправо, — въ основныхъ вопросахъ момента было, тѣмъ не менѣе, солидарно съ соціалистической Городской Думой. Эти основные вопросы были вопросы украинскій и большевистскій. Вмѣстѣ со своей Думой, населеніе города Кіева больше двухъ лѣтъ боролось противъ засилья, которому оно съ разныхъ сторонъ подвергалось. Побѣда очередныхъ завоевателей приводила обычно сначала къ умаленію правъ, а затѣмъ къ роспуску Думы. А при каждомъ ихъ изгнаніи Городская Дума возрождалась изъ пепла. «Рябцевъ уже въ Думѣ»: подъ этимъ паролемъ прошли всѣ наши освободительные перевороты, — эти слова въ эти дни повторяли другъ другу кіевляне сначала шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче, и всѣ воспринимали ихъ, какъ символъ совершившагося освобожденія . . .

Естественно, что съ именемъ Е. П. Рябцева и съ Городской Думой у кіевлянъ связаны, въ общемъ, хорошія воспоминанія. Нашъ городской голова дѣйствительно, какъ его иронически назвалъ Шульгинъ, сталъ «революціонной реликвіей», — но реликвіей въ лучшемъ смыслѣ этого слова . . .

Первые шаги пополненной представителями національныхъ меньшинствъ Центральной Рады также относятся къ моему пребыванію въ Финляндіи.

> «Скучно возвращаться въ Кіевъ, — писалъ я оттуда 15 августа, — гдѣ всѣ съ ума сошли на украинской автономіи и играютъ въ какую-то глупую оппозицію Временному Правительству».

Эта «глупая оппозиція» происходила главнымъ образомъ на почвѣ составленія «Инструкціи Генеральному Секретаріату», которую Временное Правительство должно было утвердить. Украинцамъ все было недостаточно правъ, которыя имъ удѣляли; а Временное Правительство, не учитывая своихъ

силъ, упорствовало*. Курьеры летали изъ Кіева въ Петроградъ и обратно, но вопросъ никакъ не улаживался. А въ это время положеніе Временнаго Правительства становилось все менѣе и менѣе прочнымъ.

Украинскимъ націоналистамъ это было только на руку. Естественно поэтому, что делегатъ Центральной Рады Поршъ требовалъ на Демократическомъ совѣщаніи** отказа отъ коалиціи съ буржуазіей и чисто соціалистическаго правительства. Чисто-соціалистическое правительство означало переходъ власти къ большевикамъ и совѣтамъ. Оставляя у себя Центральную Раду, украинцы съ легкой душой рекомендовали передать обще-россійскую власть въ руки съѣзда совѣтовъ, который долженъ былъ завершить разруху и распадъ страны. И близорукимъ украинскимъ политикамъ казалось, что тогда-то, на развалинахъ Россіи, расцвѣтетъ самостійная Украина...

Во главѣ Центральной Рады продолжалъ стоять М. С. Грушевскій, во главѣ Генеральнаго Секретаріата — Виниченко. Въ составъ Секретаріата вступили отдѣльные представители національныхъ меньшинствъ (А. Н. Зарубинъ, М. Г. Рафесъ).

Все положеніе носило видимо временный, переходный характеръ.

II. Центральная Рада, большевики, нѣмцы

(ноябрь 1917 — апрѣль 1918)

Первый снарядъ. — Украинская Народная Республика. — Политическія событія и адвокатура. — Организація національныхъ меньшинствъ. — Вокругъ Учредит. Собранія. — Украинская делегація въ Брестъ-Литовскѣ. — Самостійность. — Одиннадцать дней бомбардировки. — Большевики въ Кіевѣ. — «Миръ безъ аннексій и контрибуцій». — Приходъ нѣмцевъ. — Обостреніе украинскаго націонализма. — Малая Рада въ апрѣлѣ 1918 г.: личности и партіи. — Подготовка конфликта съ нѣмцами. — Арестъ А. Ю. Добраго и приказъ Эйхгорна. — Послѣдній день Центральной Рады.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней октября 1917 года, предъ вечеромъ, что-то вдругъ прожужжало надъ нашими головами. Мы тогда еще не привыкли различать артиллерійскіе нюансы и въ первый моментъ не знали, что случилось. Но черезъ минуту уже показывали другъ другу небольшое, довольно аккуратное отверстіе, пробитое въ стѣнѣ пассажа страхового общества «Россія». Сомнѣній быть не могло: надъ городомъ пролетѣлъ снарядъ.

Стрѣляли, какъ потомъ выяснилось, большевистскія части, засѣвшія въ арсеналѣ. Арсеналъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ въ нашемъ не-фабричномъ городѣ — издавна считался цитаделью большевизма. Въ октябрьскіе дни въ арсеналѣ находился военно-оперативный центръ большевиковъ, а политическій центръ ихъ — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ помѣщался во дворцѣ.

На этотъ разъ судьба пощадила кіевлянъ и большого артиллерійскаго обстрѣла не было. Дѣло обошлось нѣсколькими орудійными выстрѣлами, на

---

* Послѣдній министръ юстиціи — П. Н. Малянтовичъ — вздумалъ даже привлечь Генер. Секретаріатъ къ отвѣтственности по какой-то статьѣ Уголовнаго Уложенія.

** На московское Государственное Совѣщаніе, созванное для поддержки Врем. Правительства, украинцы своего делегата не послали вовсе.

причинившими особаго вреда. Вообще, въ октябрѣ 1917 года въ Кіевѣ не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выясненіемъ своихъ силъ.

Конкурирующихъ претендентовъ на власть было у насъ въ эти дни не два, какъ въ Петроградѣ и Москвѣ, а три: кромѣ Временнаго Правительства и большевиковъ, была еще Центральная Украинская Рада. Политическимъ центромъ силъ, вѣрныхъ Временному Правительству, была Городская Дума; но среди войскъ кіевскаго гарнизона оно могло расчитывать, какъ выяснилось, только на юнкеровъ, на командный составъ и на отдѣльныя небольшія части. Большевики также не имѣли за собой значительной вооруженной силы. Такимъ образомъ, силы обоихъ основныхъ противниковъ уравновѣшивались; и рѣшеніе зависѣло отъ Центральной Рады и тѣхъ воинскихъ частей, въ которыхъ господствовали украинцы.

Какъ и слѣдовало ожидать, Центральная Рада рѣшила соблюдать нейтралитетъ въ возгорѣвшейся борьбѣ «россійскихъ» группъ. Въ средѣ ея членовъ былъ образованъ «Комитетъ спасенія революціи на Украинѣ», засѣдавшій въ теченіе нѣсколькихъ ночей, составляя воззванія и резолюціи. Но никакихъ активныхъ шаговъ въ Педагогическомъ музеѣ предпринято не было. Такъ прошли первые два-три дня, пока соотношеніе силъ еще не выяснилось. Но затѣмъ, когда побѣда большевиковъ опредѣлилась повсемѣстно, Центральная Рада вспомнила данное Бисмаркомъ опредѣленіе задачи нейтральныхъ державъ: во-время поспѣшить на помощь побѣдителю. Всѣ имѣвшіяся въ Кіевѣ украинскія части были брошены на сторону противниковъ Временнаго Правительства. Послѣ этого юнкерамъ и остальнымъ правительственнымъ войскамъ не оставалось ничего иного, какъ капитулировать. Въ состоявшемся между тремя группами соглашеніи украинцы дали почувствовать свою превосходную силу. Временное Правительство было побѣждено, большевики не чувствовали въ Кіевѣ достаточной опоры. Выходъ намѣчался самъ собой: власть должна была перейти къ Центральной Радѣ.

О первыхъ дняхъ украинской власти у меня остались не очень розовыя воспоминанія. Какой-то вульгарный тонъ воцарился тогда въ нашей общественной жизни. Въ городѣ выходили только украинскія газетки, составленныя грубо и аррогантно, полныя издѣвательствъ надъ Временнымъ Правительствомъ и надъ его мѣстными представителями. Вѣрнымъ правительству войскамъ, по соглашенію, должны были предоставить возможность эвакуироваться на Донъ; въ дѣйствительности, однако, ихъ выѣздъ шелъ не гладко. Не обошлось и безъ эксцессовъ, въ особенности въ отношеніи командnаго состава. Конечно, не было ничего подобнаго той большевистской расправѣ съ офицерствомъ, которую мы пережили три мѣсяца спустя; но, съ непривычки, намъ тогда казалось чѣмъ-то вопіющимъ, если, напримѣръ, главнаго начальника военнаго округа держали нѣсколько дней арестованнымъ, безъ пищи и на соломѣ . . .

9 ноября былъ принятъ Центральной Радой и опубликованъ 3-й Универсалъ, подводившій итогъ происшедшимъ событіямъ. Украина провозглашалась «Украинской Народной Республикой», съ сохраненіемъ федеративной связи съ Россіей; Генеральные Секретари получили титулъ Народныхъ Министровъ *.

* Предсѣдателемъ Рады народныхъ министровъ былъ Виниченко (у. с.-д.), военнымъ министромъ Петлюра (у. с.-д.), министромъ труда Поршъ (у. с.-д.), министромъ финансовъ Туганъ-Барановскій (соц.-федер.), мин. иностр. дѣлъ Шульгинъ (с.-ф.), министромъ

Кромѣ того, въ Универсалъ были включены декларативныя заявленія о предстоящихъ соціальныхъ реформахъ — отмѣнѣ права собственности на землю и введеніи восьмичасового рабочаго дня.

Универсалъ былъ принятъ въ Радѣ всѣми украинскими партіями единогласно, какъ и полагалось торжественному манифесту, составленному по предварительному соглашенію между фракціями. Помнится, остальныя національныя партіи (польскія и еврейскія) также голосовали за Универсалъ; россійскіе же с.-д. и с.-р. воздержались отъ голосованія.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ этихъ событій мнѣ предстояла поѣздка по Московско-Кіево-Воронежской линіи, по направленію къ Брянску. Условія сообщенія на желѣзныхъ дорогахъ были тогда уже неважныя; однако, билеты и плацкарты еще продавались заранѣе. Запасшись билетомъ, я поѣхалъ на вокзалъ къ часу отхода поѣзда — 7 часовъ вечера. Выяснилось, однако, что поѣздъ изъ Москвы, приходившій утромъ и отправлявшійся въ тотъ же день обратно, еще не прибылъ. Я прождалъ его на вокзалѣ до 2-хъ часовъ ночи и отправился ночевать домой. Рано утромъ, по пути къ вокзалу, я сталъ просматривать газету и увидѣлъ въ ней сенсаціонное сообщеніе: Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, съ самаго начала не признававшій власти Центральной Рады и отдѣленія Украины отъ Россіи, прервалъ начатые съ Радой переговоры и объявилъ ей войну. Большевистскія войска движутся на югъ, всякое сообщеніе съ Великороссіей прекращено. Очевидно, ни о какой поѣздкѣ думать уже не приходилось. Я забралъ свои вещи и возвратился въ городъ, — чтобы затѣмъ болѣе трехъ лѣтъ не выѣзжать за предѣлы Кіева.

Началась гражданская война.

Украинская Народная Республика была объявлена, власть Петрограда отпала и мѣстныя правительственныя учрежденія стали постепенно перестраиваться и приспособляться къ новымъ условіямъ. Со стороны чиновничества, какъ и слѣдовало ожидать, украинская власть не встрѣтила особой оппозиціи. Иначе обстояло дѣло въ средѣ интеллигенціи. Предстоящая украинизація приводила въ смущеніе всѣхъ неукраинцевъ, причастныхъ къ школѣ, наукѣ, адвокатурѣ. Украинскій языкъ, съ которымъ впослѣдствіи немного свыклись, вызывалъ аффектированныя насмѣшки; никто не собирался учиться этому языку*.

Особенно упорна была борьба противъ сепаратизма въ средѣ адвокатуры, — этой наиболѣе независимой профессіи, давно привыкшей быть въ оппозиціи къ «видамъ правительства».

Мнѣ не приходилось еще упоминать о томъ, какъ реагировала кіевская адвокатура на событія революціоннаго времени. Нужно сказать, что ея роль въ этихъ событіяхъ была довольно незамѣтна и общественный вѣсъ ея выступленій былъ значительно ниже, чѣмъ, по старымъ традиціямъ, можно было ожидать. Адвокатура, какъ сословіе, могла проявить себя въ эпоху земскаго и интеллигентскаго освободительнаго движенія; она и играла выдающуюся роль

почтъ и телегр. Зарубинъ (росс. с.-р.), госуд. контролеромъ Золотаревъ (Бундъ). Министрами по дѣламъ національностей были Зильберфарбъ (евр. соц.), Мицкевичъ (Польск. Дем. Центр.) и Одинецъ (н.-с.).

* Злополучный вопросъ объ украинскомъ языкѣ продолжаетъ съ тѣхъ поръ быть излюбленнымъ предметомъ словопреній. Одни отрицаютъ его бытіе, презрительно называя его «мѣстнымъ нарѣчіемъ»; другіе, напротивъ, защищаютъ его право на существованіе. Любопытно при этомъ, что самые ярые отрицатели украинскаго языка судятъ о немъ, какъ знатоки, и даже уличаютъ его сторонниковъ въ томъ, что они исказили подлинный украинскій языкъ галиційскими словами и т. д.

въ движеніи 1904—1905 гг. Но переворотъ 1917 года, а тѣмъ болѣе послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ событія имѣли подъ собой ужъ слишкомъ широкую, массовую базу; съ другой стороны, живо затрагивая самые насущные интересы всѣхъ и каждаго, они слишкомъ разслаивали и раскалывали прежнія сословныя и профессіональныя образованія. Предъ лицомъ такихъ событій, сословіе адвокатуры потеряло всякое единство; а недоставшая ему опора въ массахъ лишала его позицію всякаго политическаго значенія.

Отдѣльные адвокаты стали членами Временнаго Правительства, товарищами министровъ, сенаторами, старшими предсѣдателями и прокурорами судебныхъ палатъ. Но русская адвокатура, какъ сословіе, съ 1917 года утратила всякое значеніе, какъ факторъ политической борьбы.

То же, въ мѣстномъ масштабѣ, произошло и въ Кіевѣ. Наша адвокатура проявила въ первые дни революціи значительный интересъ къ событіямъ. Однако, къ созидательному, коллективному участію въ политической жизни она оказалась неспособной. Въ мартѣ или апрѣлѣ была у насъ избрана такъ-называемая «Большая адвокатская комиссія», въ которую вошли in corpore Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и избранные общимъ собраніемъ представители сословія. Имѣлось въ виду концентрировать въ «Большой комиссіи» всю политическую работу адвокатуры. Были выдѣлены подкомиссіи — лекціонная, законодательная, судебная и др. Было много споровъ о томъ, должны ли читаемыя лекціи носить безпартійный характеръ или же лектору-адвокату разрѣшается открыто становиться на почву той или иной партійной программы. Вопросъ разрѣшился тѣмъ, что фактически ни одной лекціи прочитано не было . . .

Съ момента отдѣленія Украины и, связаннаго съ нимъ, обостренія національныхъ вопросовъ, положеніе кіевской адвокатуры нѣсколько измѣнилось. Образовался общій фронтъ, на которомъ можно было объединиться; были задѣты общіе и близкіе всѣмъ членамъ сословія интересы. Украинизація суда была жупеломъ, для отраженія котораго готовы были слиться всѣ адвокаты, правые и лѣвые, монархисты и соціалисты*. И естественно, что центръ тяжести борьбы противъ украинизаціи оказался не въ средѣ судей и прокуроровъ, а въ нашей адвокатской средѣ.

Были среди насъ крайніе и непримиримые украинофобы, не желавшіе вовсе признавать «незаконной» власти Рады; были элементы, болѣе считавшіеся съ реальной обстановкой. Но протестъ противъ насильственной украинизаціи роднилъ всѣхъ. И никто не хоронилъ идеи возрожденія Россіи.

* *
*

Октябрьскій переворотъ привелъ къ образованію у насъ на югѣ Россіи фактически независимой республики, построенной на чисто національной основѣ. Естественнымъ результатомъ нарожденія самостоятельной Украины явилось то, что на первый планъ нашей политической жизни были выдвинуты вопросы національные. То же, какъ извѣстно, произошло въ Латвіи, Литвѣ, Грузіи и т. д. Большевики въ данномъ отношеніи достигли антипода своихъ же собственныхъ

* Членовъ нашего сословія, ставшихъ на сторону украинскаго движенія, почти не было. Изъ дѣятелей Рады только Ткаченко и Поршъ, а впослѣдствіи членъ Директоріи Андріевскій, были адвокатами.

цѣлей: подъ знаменемъ пролетарскаго Интернаціонала они способствовали расцвѣту на всѣхъ окраинахъ Россіи самаго «буржуазнаго» націонализма...

Кіевъ всегда жилъ подъ знакомъ національной розни. Эта рознь препятствовала развитію у насъ широкихъ объединеній даже среди дѣятелей искусства, науки, литературы. Въ области же политики обостренность національныхъ вопросовъ питала мракобѣсіе и человѣко-ненавистничество. Это наслѣдіе старорежимнаго Кіева проявилось теперь во всемъ блескѣ. Національный моментъ былъ оффиціально выдвинутъ на первое мѣсто: результатомъ не могли не стать національное обособленіе, вражда и упадокъ обще-человѣческихъ благъ культуры.

Конечно, теперь роли перемѣнились. Въ 60-тыхъ годахъ, выпуская первый номеръ «Кіевлянина», В. Я. Шульгинъ счелъ нужнымъ поставить своимъ лозунгомъ фразу: «Юго-Западный край — русскій, русскій, русскій». Очевидно, такой лозунгъ былъ бы смѣшонъ и безсодержателенъ въ чисто-русскомъ краѣ, напримѣръ, въ Москвѣ; онъ получалъ опредѣленный смыслъ и политическое значеніе именно въ Кіевѣ, притомъ именно потому, что Юго-Западный край въ дѣйствительности не былъ чисто-русскимъ. Цѣль В. Я. Шульгина и его преемниковъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать его таковымъ. Черезъ 50 лѣтъ политика руссификаторовъ принесла свои неизбѣжные плоды: захватившая власть Центральная Рада не переставала повторять, что Юго-Западный край — украинскій, украинскій, украинскій.

Изъ неукраинскихъ національностей политики Рады согласны были признавать еврейскую и польскую; «россійская» же была подъ большимъ подозрѣніемъ, такъ какъ ужъ слишкомъ трудно было провести демаркаціонную черту между русскими и украинскими жителями Украины. Это было и небезопасно для украинцевъ. Не различая на Украинѣ украинцевъ и «россіянъ», можно было всѣхъ жителей объявить украинцами. Въ деревнѣ, какъ я уже упоминалъ, этотъ флагъ имѣлъ большой успѣхъ, благодаря чему, напримѣръ, на выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе украинцамъ удалось провести отъ нашего края почти исключительно депутатовъ своего національнаго блока. Но предоставлять коренному населенію право національнаго самоопредѣленія было все же не безопасно; особенно въ городахъ, это привело бы къ большому конфузу для украинцевъ. Поэтому украинскіе политики были съ своей точки зрѣнія совершенно правы, когда они, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отказались отъ мысли создавать особое національное меньшинство изъ гражданъ, причисляющихъ себя къ русской національности.

Какъ я уже говорилъ, и въ Малой Радѣ были представлены, въ качествѣ «національныхъ меньшинствъ», только евреи и поляки. Русскаго національнаго представительства не было. Впрочемъ, наряду съ польскимъ и еврейскимъ министрами, былъ первоначально учрежденъ постъ министра по великорусскимъ національнымъ дѣламъ. Постъ этотъ былъ занятъ весьма симпатичнымъ дѣятелемъ — народнымъ соціалистомъ Д. М. Одинцомъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, работа этого министерства была весьма бѣдна содержаніемъ; начиная же съ марта, послѣ изгнанія большевиковъ, министерство по великорусскимъ дѣламъ было уничтожено.

Польское и еврейское министерства существовали все время владычества Центральной Рады. Польскимъ министромъ былъ демократъ Мицкевичъ, еврейскимъ — сначала еврейскій соціалистъ Зильберфарбъ, затѣмъ членъ Фолькспартай В. И. Лацкій. При обоихъ министрахъ образовались національные

совѣты, составленные на паритетныхъ началахъ изъ представителей отдѣльныхъ національныхъ партій.

Лозунгомъ національной политики «меньшинствъ», оффиціально одобряемыхъ со стороны украинской власти, была въ то время «національно-персональная автономія». Эта идея, заимствованная изъ книги австрійскаго соціалиста Шпрингера (Реннера) о національной проблемѣ, сводилась къ тому, что члены отдѣльныхъ національностей, живущіе въ данномъ государствѣ, объединяются въ національные союзы. Эти союзы пользуются самоуправленіемъ и конституція гарантируетъ невмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла со стороны общегосударственной власти. Представителями національныхъ союзовъ въ правительствѣ являются министры по національнымъ дѣламъ. Въ кругъ вѣдѣнія органовъ автономныхъ союзовъ входятъ вопросы народнаго образованія и національной культуры, соціальной помощи, эмиграціи и т. д. Національно-персональная автономія мыслится обыкновенно дѣйствующей въ федеративномъ государствѣ, разбитомъ на территоріально-автономныя части. При этомъ членами національныхъ союзовъ граждане становятся не по территоріальному, а по персональному признаку: въ него вступаютъ всѣ члены данной націи, гдѣ бы они не проживали на всемъ пространствѣ федеративнаго государства. Отсюда и самый терминъ: «національно-персональная автономія».

Насколько созданіе такихъ національныхъ «государствъ въ государствѣ» осуществимо и насколько оно, въ частности, соотвѣтствуетъ интересамъ русскаго еврейства, которое съ внѣшней стороны наиболѣе подходитъ къ указанной выше конструкціи, — сказать трудно. Несомнѣнно, однако, то, что въ описываемую эпоху лозунгъ «національно-персональной автономіи» былъ очень выгодной оборонительной позиціей противъ агрессивной національной политики господствующаго большинства. Украинская власть сама родилась изъ національнаго движенія, она еще не успѣла заразиться привычками «державности». Ей не шло поэтому подавлять чисто національныя устремленія другихъ народовъ. И дѣйствительно, проекты меньшинствъ о національной автономіи не встрѣтили особыхъ возраженій. И въ началѣ января законъ о «національно-персональной автономіи» былъ принятъ Центральной Радой.

Самоуправленіе національныхъ союзовъ должно было строиться по демократическому принципу, на началахъ всеобщаго избирательнаго права и парламентаризма. Между тѣмъ, ни Рада въ цѣломъ, ни отдѣльныя представительства національныхъ меньшинствъ въ Радѣ и національныхъ Совѣтахъ не соотвѣтствовали этимъ началамъ. Здѣсь и тамъ были представлены революціонныя организаціи и партіи; умѣренные же и правые элементы либо устранились сами, либо не были допущены. Между тѣмъ, въ населеніи эти элементы были сильны и становились все сильнѣе и сильнѣе. Отсюда не могли не возникнуть конфликты, которые особенно рѣзко проявились въ еврейской средѣ.

Совершенно отказаться отъ демократическихъ началъ, какъ это впослѣдствіи сдѣлали большевики и Директорія, господствующія группы тогда еще не рѣшались. Поэтому всеобщіе выборы, гдѣ было возможно, происходили и результаты ихъ не подтасовывались. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣвыя группы стремились использовать свое большинство въ тѣхъ временныхъ органахъ, куда они были вброшены революціонной волной. Между тѣмъ, элементы умѣренные и правые не могли примириться съ тѣмъ, что ихъ майоризируютъ въ Радѣ и національныхъ совѣтахъ, въ то время, какъ каждые новые выборы приносятъ имъ все большіе и большіе успѣхи.

Въ декабрѣ и январѣ по всей Украинѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскія общинныя управленія. Повсюду побѣдили сіонисты и ортодоксы, повсюду соціалисты остались въ меньшинствѣ. А въ то же время въ Еврейскомъ Національномъ Совѣтѣ, гдѣ партіи были представлены паритетно, три соціалистическія партіи имѣли 30 голосовъ, Фолькспартай — 10 и сіонисты — 10; ортодоксы же не были представлены вовсе. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что сіонисты демонстративно вышли изъ Совѣта и всѣми силами саботировали его работу. Естественно также, что отношенія между «высшимъ» національнымъ органомъ — Совѣтомъ, и мѣстными органами — общинами складывались совершенно ненормально.

Выборы въ кіевскую, «столичную», еврейскую общину происходили 31 декабря 1917 года и 1 января 1918 года. Пропорціональная система снова проявилась на нихъ во всѣхъ своихъ специфическихъ чертахъ. Никакихъ предвыборныхъ блоковъ на этотъ разъ заключено не было. Каждая партія выставила свой кандидатскій списокъ и, на предвыборныхъ плакатахъ, обѣщала избирателямъ рай земной — если только они подадутъ голосъ за ея кандидатовъ. Интересъ къ выборамъ былъ небольшой. Безпартійныя массы наперед недовѣрчиво относились къ ихъ результату; а интеллигенцію въ значительной мѣрѣ оттолкнулъ бойкотъ русскаго языка и, опять-таки, тотъ же принудительно-партійный характеръ выборовъ. Среди еврейскихъ партій первое мѣсто безспорно принадлежало сіонистамъ. Еврейскія соціалистическія группы не имѣли именно въ Кіевѣ значительной опоры въ массахъ; въ нашемъ городѣ фабрично-заводской пролетаріатъ вообще былъ малочисленъ, а еврейскій, въ виду выдѣленія города Кіева изъ черты осѣдлости, былъ совсѣмъ слабъ. Соціалистамъ пришлось опираться исключительно на интеллигентскую молодежь и на вспомогательный и ремесленный персоналъ торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій. «Фолькспартай», несмотря на свое наименованіе, не была народной партіей; она объединяла группу интеллигентовъ, стремившихся — притомъ довольно безуспѣшно — приблизиться къ народу.

Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе сильное представительство въ новой общинѣ получили сіонисты; вмѣстѣ съ ортодоксальными фракціями они имѣли обезпеченное большинство. Соціалистическія группы собрали, насколько я помню, около 30% всѣхъ голосовъ; списокъ Еврейской народнической партіи, къ которой я тогда принадлежалъ, провелъ въ общину только двухъ кандидатовъ. Предсѣдателемъ общиннаго совѣта былъ избранъ лидеръ сіонистовъ — Н. С. Сыркинъ*, общинное управленіе было составлено изъ представителей сіонизма и ортодоксіи. Соціалистическое крыло — впервые за все время революціи — оказалось въ положеніи оппозиціоннаго меньшинства.

* *
*

Такъ-то въ роковой моментъ укрѣпленія совѣтской власти мы въ Кіевѣ были заняты своими мѣстными и національными дѣлами. Связующимъ звеномъ съ обще-россійской дѣйствительностью служили для насъ только старыя политическія партіи, особенно эсеры и эсдеки-меньшевики. Ихъ ряды уже тогда

* Этотъ несомнѣнно даровитый еврейскій дѣятель безвременно скончался въ декабрѣ 1918 года отъ воспаленія легкихъ, полученнаго во время торжественной встрѣчи Украинской Директоріи.

стали пополняться начавшими пріѣзжать къ намъ съ сѣвера бѣглецами. Эти партіи, какъ тогда выражались, «оріентировались на Всероссійское Учредительное Собраніе». Они же муссировали агитацію за его поддержку. Для этого былъ созданъ особый «Комитетъ защиты Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». Но агитація россійскихъ партій особаго успѣха у насъ не имѣла. Безъ всякаго подъема прошли передъ тѣмъ и самые выборы въ Учредительное Собраніе. Я имѣлъ касательство къ этимъ выборамъ въ качествѣ предсѣдателя одной изъ участковыхъ избирательныхъ комиссій. Вмѣстѣ съ моими сотрудниками я провелъ дни 27 и 28 ноября 1917 года, отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера, въ помѣщеніи комиссіи, принимая избирательные бюллетени. По городу Кіеву очень много голосовъ получилъ тогда «Союзъ русскихъ избирателей», ведшій на первомъ мѣстѣ В. В. Шульгина. Но деревня голосовала «оптомъ» за списокъ у. с.-р. и у. с.-д. съ Грушевскимъ, Виниченко и др. И въ результатѣ изъ 22 депутатовъ отъ кіевской губерній 21 мѣсто получили украинцы и одно — «еврейскій національный комитетъ», по списку котораго прошелъ Н. С. Сыркинъ.

Между прочимъ, на выборахъ въ Учредительное Собраніе, благодаря пресловутой системѣ списковъ, практиковался еще одинъ способъ одурачиванія избирателей, который не былъ извѣстенъ на выборахъ въ Городскія Думы. По изданному Временнымъ Правительствомъ — послѣ шестимѣсячнаго обсужденія — избирательному закону, одинъ и тотъ же кандидатъ могъ баллотироваться въ пяти губерніяхъ. Всѣ партійные лидеры, для обезпеченія своихъ мандатовъ и для рекламы своихъ партій, использовали это право. Избранные сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ отказывались отъ излишнихъ мандатовъ въ пользу слѣдующаго кандидата по списку. Такъ, въ Кіевѣ кадетскій списокъ возглавлялся М. М. Винаверомъ (фактически избраннымъ въ Петроградѣ), а списокъ еврейскаго національнаго блока — О. О. Грузенбергомъ (прошедшимъ въ Одессѣ). То и другое дѣлалось для уловленія голосовъ. И такимъ образомъ кіевскіе избиратели, голосуя за Грузенберга, въ дѣйствительности избирали Сыркина, а голосуя за Винавера, избирали Григоровича-Барскаго . . .

Выборы въ Учред. Собраніе протекали довольно вяло. А имѣвшіе мѣсто спустя пару мѣсяцевъ выборы въ Украинское Учред. Собраніе не вызвали уже рѣшительно никакого интереса у населенія; абсентеизмъ достигъ на этихъ выборахъ колоссальнаго процента. Избиратели какъ будто предчувствовали, что ни та, ни другая конституанта не дойдетъ до выработки конституціи.

Трагическая борьба противъ большевизма, которая въ эти первые мѣсяцы еще не затихла въ Петроградѣ и Москвѣ, встрѣчала наше безсильное сочувствіе. Мы, со всей Россіей, возмущались разгономъ Учредительнаго Собранія, оплакивали судьбу Духонина, Шингарева и Кокошкина и героическую гибель московскихъ и петроградскихъ юнкеровъ. Но мы чувствовали себя и были скованными . . .

Украина отдѣлилась въ самый роковой моментъ русской революціи, когда внутри страны захватили властъ и все болѣе и болѣе укрѣплялись большевики, а во внѣ нѣмцы рѣшили дать Россіи coup de grâce и — освободить свои арміи для рѣшительнаго наступленія на Западѣ. «Какъ часто, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ, — я надѣялся на русскую революцію для облегченія нашего военнаго положенія . . . Вотъ она и наступила, — наступила все же какъ неожиданность. Пудовикъ свалился у меня

съ сердца»*. Теперь Людендорфъ дѣйствительно могъ торжествовать: на всемъ Восточномъ фронтѣ было заключено перемиріе и въ Брестъ-Литовскѣ начались переговоры о сепаратномъ мирѣ между центральными державами и Россіей.

Новорожденная «Украинская Народная Республика» въ первыя недѣли своего существованія еще окончательно не остановилась на германской оріентаціи. Черезъ Кіевъ проѣзжали въ то время, покинувъ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, военные атташе союзниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, надѣялись найти въ Украинѣ центръ для продолженія борьбы, послѣ того, какъ всероссійское правительство положило оружіе. Украинскій министръ иностранныхъ дѣлъ — А. Я. Шульгинъ — не былъ германофиломъ; его честной натурѣ претила идея сепаратнаго мира, противъ воли и за счетъ вчерашнихъ союзниковъ. Онъ видимо надѣялся способствовать миру всеобщему; его патріотизму льстила мысль о томъ, чтобы Украина выступила какъ его иниціаторъ. Поэтому онъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1917 года всячески старался войти въ контактъ съ союзниками, хотя бы въ лицѣ пріѣхавшихъ въ Кіевъ военныхъ атташе.

Однако, событія оказались сильнѣе самыхъ благородныхъ побужденій. Слишкомъ ужъ явственна была выгода для самостійной Украины отъ немедленнаго мира, чтобы менѣе разборчивые въ средствахъ коллеги нашего министра иностранныхъ дѣлъ не ухватились за эту возможность. И дѣйствительно, Генеральный Секретаріатъ послалъ въ Брестъ для переговоровъ украинскую делегацію. Германцы поступили очень умно, тотчасъ же признавъ ее и начавъ вести съ ней переговоры, параллельно переговорамъ съ Троцкимъ.

Делегація Центральной Украинской Рады въ Брестѣ состояла изъ Голубовича, Севрюка и Левицкаго. Мнѣ пришлось присутствовать въ засѣданіи Рады, на которомъ эта делегація дѣлала свой первый докладъ; засѣданіе было чрезвычайно характернымъ и интереснымъ. Впрочемъ, рѣчь шефа делегаціи и будущаго украинскаго премьера Голубовича была, по обыкновенію, безцвѣтна. Но большое оживленіе внесъ докладъ Севрюка — совершенно еще молодого человѣка, чуть ли ни студента, но при этомъ весьма неглупаго и занимательнаго юноши. Онъ не безъ юмора разсказалъ о препирательствахъ украинцевъ съ большевистской делегаціей. Наконецъ, третій делегатъ, Левицкій, въ простотѣ душевной, никакъ не могъ скрыть своего восторга по поводу выпавшей на его долю почетной миссіи — представлять самостоятельную Украину на международной конференціи. Украинскіе делегаты могли услышать критику только со скамей «меньшинствъ»: разногласія между самими украинскими партіями по вопросамъ войны и мира естественно не выносились наружу. И дѣйствительно, на этотъ разъ мирной делегаціи досталось отъ Рафеса, произнесшаго по этому поводу одну изъ удачнѣйшихъ своихъ рѣчей.

Рафесъ находился тогда какъ разъ въ полосѣ оппозиціи противъ украинцевъ (въ октябрѣ онъ выступилъ въ Городской Думѣ съ рѣчью противъ Временнаго Правительства и въ пользу украинцевъ и большевиковъ). Смыслъ его рѣчи въ Радѣ былъ тотъ, что украинская мирная делегація стремится использовать Брестъ въ цѣляхъ утвержденія самостійности и что для этой цѣли ею сознательно предаются интересы Россіи; и безъ того слабая позиція Россіи на конференціи еще ослабляется внутреннимъ расколомъ, который не преминутъ использовать нѣмцы.

---

* См. Ludendorff „Meine Kriegserinnerungen“ стр. 327.

Все это было сказано открыто и съ большой смѣлостью; смѣлостью онъ, вообще, обладалъ. Залъ Педагогическаго музея, въ которомъ засѣдала Рада, былъ переполненъ, на хорахъ размѣстились солдаты и настроеніе аудиторіи было чрезвычайно враждебно по отношенію къ оратору. Ему отвѣчалъ съ трибуны Шульгинъ, которому пришлось заступиться за своихъ коллегъ. Онъ въ довольно сдержанной формѣ заявилъ, что миръ приходится заключать, такъ какъ воевать мы больше не можемъ. Легко критиковать дѣйствія делегаціи, работающей при такихъ условіяхъ. Но пусть товарищъ Рафесъ лучше скажетъ, какъ же намъ продолжать войну?

Дайте ему ружницу! — раздалось откуда-то съ хоровъ.

Этотъ добродушный Zwischenruf нѣсколько разрядилъ атмосферу . . .

Вторично мнѣ пришлось быть въ Радѣ уже въ началѣ января 1918 года, когда ясно обозначилась угроза большевистскаго завоеванія Украины. Настроеніе было чрезвычайно напряженное, солдаты на хорахъ неистовствовали, требуя объявленія «самостійности». Военный министръ Поршъ, котораго потребовали на трибуну, далъ объясненія о положеніи на фронтѣ и объ организаціи украинской арміи («Вильнаго казачества», какъ она тогда называлась). Ему приходилось усовѣщевать аудиторію, взывать къ терпѣнію и выдержкѣ. Еще, по его словамъ, не время провозглашать Украину независимой державой, пока у нея нѣтъ настоящей арміи . . .

Неизвѣстно, насколько искренны были увѣщеванія Порша. Но несомнѣнно то, что пустивъ въ солдатскія массы лозунгъ «самостійности», украинскіе политики ничѣмъ ужъ не могли заставить эти массы терпѣливо дожидаться подходящаго момента для ея провозглашенія. Демагогія всегда была и будетъ палкой о двухъ концахъ — она доставляетъ главарю призрачную власть надъ толпой, и въ то же время даетъ толпѣ реальную власть надъ главаремъ.

Подъ несомнѣннымъ давленіемъ солдатскихъ массъ, лидеры украинскихъ партій въ концѣ концовъ рѣшились на объявленіе самостійности. Оно произошло 14 января 1918 года, въ формѣ провозглашенія Четвертаго (и послѣдняго) Универсала. Всѣ украинскія партіи, разумѣется, голосовали въ Радѣ з а Универсалъ. Но изъ представителей меньшинствъ на этотъ разъ никто не голосовалъ з а, большинство воздержалось и, кажется, россійскіе с.-д., с.-р. и «Бундъ» голосовали п р о т и въ.

То была начальная эпоха большевизма, когда совѣтъ народныхъ комиссаровъ каждый день издавалъ декреты, знаменовавшіе собой осуществленіе тѣхъ или иныхъ «завоеваній революціи» — отмѣну права собственности, націонализацію, провозглашеніе различныхъ правъ и преимуществъ пролетаріата. Украинцы не могли слишкомъ отставать въ этомъ революціонномъ пылу; поэтому въ Четвертый Универсалъ было включено провозглашеніе соціализаціи земли, рабочаго контроля надъ производствомъ и т. п. Вообще, позиція господствовавшихъ украинскихъ партій состояла тогда въ томъ, что они, въ сущности, отнюдь не правѣе большевиковъ — тѣ за немедленный миръ и эти за немедленный миръ, тѣ за непосредственный переходъ къ соціализму и эти за непосредственный переходъ къ соціализму, у тѣхъ власть въ рукахъ совѣтовъ, а у этихъ — въ рукахъ Центральной Рады, которая также является представительствомъ пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. Однако, несмотря на всѣ старанія украинцевъ доказать, что они — тѣ же большевики, это соревнованіе въ лѣвизнѣ окончилось не въ ихъ пользу . . .

Въ митинговой рѣчи, произнесенной въ 1919 году въ Кіевѣ, Троцкій (какъ мнѣ передавали) очень картинно изобразилъ поведеніе украинской мирной делегаціи въ Брестѣ. Онъ разсказалъ о томъ, какъ украинцы, согласно телеграфнымъ инструкціямъ изъ Кіева, стремились во что бы то ни стало заключить миръ, притомъ возможно скорѣе. Послѣ каждаго разговора по прямому проводу съ Кіевомъ, делегація становилась все уступчивѣе и уступчивѣе. Но когда все уже было налажено и предстояло только получить санкцію Рады для подписанія договора, — телеграфная связь съ Кіевомъ оказалась прерванной: въ тотъ самый день Кіевъ заняли большевики, а Рада бѣжала въ Житомиръ.

Для населенія города Кіева это первое большевистское завоеваніе прошло, однако, далеко не такъ легко и гладко, какъ могло казаться въ Брестѣ. Мы пережили тогда заправскую артиллерійскую аттаку, воспоминанія о которой до сихъ поръ живы у кіевлянъ.

Бомбардировка города длилась цѣлыхъ 11 дней — отъ 15 до 26 января. Большевистскія батареи были расположены на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ районѣ Дарницы. Оттуда перелетнымъ огнемъ производился обстрѣлъ города. Посылали они къ намъ поперемѣнно трехдюймовки и шестидюймовки . . .

Жертвъ среди жителей было сравнительно немного; но разрушенія были ужасны. Думаю, что не менѣе половины домовъ въ городѣ такъ или иначе пострадало отъ снарядовъ. Возникали пожары и это производило особенно жуткое впечатлѣніе. Большой 6-тиэтажный домъ Баксанта на Бибиковскомъ бульварѣ, въ чердакъ котораго попалъ снарядъ, загорѣлся и пылалъ въ теченіе цѣлаго дня. Водопроводъ не дѣйствовалъ, такъ что пожарная команда и не пыталась тушить. Пламя медленно опускалось съ этажа на этажъ, на глазахъ у всего города. Отъ дома остался только голый каменный остовъ.

Легко представить себѣ состояніе кіевлянъ въ эти дни. Переживъ затѣмъ еще десятокъ переворотовъ, эвакуацій, погромовъ и т. п., кіевскіе жители до сихъ поръ съ особымъ ужасомъ вспоминаютъ объ этихъ одиннадцати дняхъ бомбардировки. Почти все время населеніе провело въ подвалахъ, въ холодѣ и темнотѣ. Магазины и базары, само собой разумѣется, были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которыхъ тогда никто еще не считалъ нужнымъ имѣть.

Къ ужасамъ и страхамъ, вызываемымъ непосредственной опасностью отъ артиллерійскаго огня, прибавлялись страхи внутренняго порядка. Тогда мы въ первый разъ увидѣли, что въ гражданской войнѣ, въ моментъ перехода власти, о б ѣ борющіяся стороны одинаково враждебны и одинаково опасны для населенія. Завтрашняя власть, естественно, отождествляетъ его съ враждебной ей партіей, подъ ферулой которой оно еще находится; вчерашняя же власть, потерявъ надежду удержаться, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякій интересъ къ населенію — къ его безопасности, къ его пропитанію, къ его политическимъ симпатіямъ. У насъ часто случалось, что отступавшія войска творили больше бѣдъ, чѣмъ смѣнявшіе ихъ завоеватели. Впослѣдствіи мы неоднократно имѣли случай убѣдиться въ непреложности этого своеобразнаго соціологическаго закона.

На этотъ разъ уходили украинцы; и они покидали Кіевъ не такъ, какъ оставляютъ родной городъ и столицу, а какъ эвакуируютъ завоеванную территорію. Въ центрѣ города, на улицахъ и площадяхъ, были разставлены батареи; это, въ нѣкоторой степени, и оправдывало, съ стратегической точки зрѣнія, артиллерійскій обстрѣлъ извнѣ. Городъ не эвакуировался до послѣдней

возможности, хотя никакой надежды удержать его у украинскаго командованія не было. Это, разумѣется, только напрасно затягивало обстрѣлъ.

Внутри города, какъ и естественно, царилъ хаосъ и сумятица. «Вильное казачество», защищавшее городъ, чинило всякіе эксцессы; во дворѣ нашего дома разстрѣливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными. Въ послѣдніе дни, уже подъ обстрѣломъ, происходилъ министерскій кризисъ: Виниченко ушелъ, его смѣнилъ умѣренный с.-р. Голубовичъ. Рада засѣдала (въ подвалѣ Педагогическаго музея) и разсматривала какіе-то законопроекты.

Населеніе города чувствовало себя оставленнымъ на произволъ судьбы, — жалкой игрушкой въ рукахъ безотвѣтственныхъ политическихъ экспериментаторовъ.

Мы сидѣли по подваламъ и нижнимъ этажамъ, прислушивались къ звукамъ пролетавшихъ снарядовъ и при каждомъ ударѣ обсуждали вопросъ: выстрѣлъ это или разрывъ? За два дня до конца бомбардировки, посреди такихъ разсужденій, насъ оглушилъ невообразимый грохотъ. Это ужъ, несомнѣнно, былъ разрывъ, притомъ въ самой непосредственной близи. Оказалось, что артиллерійскій залпъ угодилъ въ нашъ домъ. Насчитывали впослѣдствіи около двадцати попавшихъ въ насъ снарядовъ. Всѣ стекла фасада вылетѣли. Снаружи и внутри дома оказалось много поврежденій.

Улучивъ минуту затишья, я съ трепетомъ поднялся на 7-й этажъ въ свою квартиру, представлявшую весьма благодарную мишень для прицѣла. Предо мной развернулось довольно непонятное зрѣлище. Всѣ стекла были выбиты, большое трюмо въ передней разлетѣлось въ дребезги. Въ библіотекѣ картина была такова, будто въ ней похозяйничали домовые или какіе-нибудь озорники: толстые фоліанты Свода законовъ валялись на полу, среди вещей былъ замѣтенъ безпорядокъ. Однако, непосредственныхъ слѣдовъ отъ снаряда замѣтно не было. Это и придавало обстановкѣ характеръ какого-то намѣренно устроеннаго безпорядка... Но когда я зашелъ въ свой кабинетъ, картина совершенно разъяснилась; тамъ была выломана часть стѣны, обстановка, вещи и книги представляли кучу развалинъ; воздухъ былъ полонъ густой пылью, какъ это бываетъ возлѣ построекъ, которыя сносятся на ломъ. Очевидно, снаряды попали именно сюда, здѣсь же произошелъ и разрывъ. Но сотрясеніе было такъ сильно, что движеніе воздуха надѣлало безпорядокъ и въ сосѣднихъ комнатахъ...

26 января, утромъ, въ городъ вступили большевики.

Они пробыли тогда въ Кіевѣ всего три недѣли, и тотъ первый ликъ большевизма, который мы увидѣли за это короткое время, не былъ лишенъ красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатлѣніе со всѣми послѣдующими, то въ немъ ярче всего выступаютъ черты удальства, подъема, смѣлости и какой-то жестокой непреклонности. Это былъ именно тотъ большевизмъ, художественное воплощеніе котораго далъ въ своей поэмѣ «Двѣнадцать» Александръ Блокъ.

Послѣдующіе навыки и опыты подмѣшали къ большевистской пугачевщинѣ черты фарисейства, рутины и всяческой фальши. Но тогда, въ февралѣ 1918 г., она предстала предъ нами еще во всей своей молодой непосредственности.

Разумѣется, и 26 января, когда стихла канонада и въ городъ вступили большевики, и въ послѣдующіе дни намъ было не до спокойныхъ наблюденій и параллелей. Эти первые дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избіеніе всѣхъ, кто имѣлъ какую-либо связь съ украинской арміей и особенно съ офицерствомъ. Произведенная незадолго предъ тѣмъ

регистрація офицеровъ имѣла въ этомъ отношеніи роковыя послѣдствія: многіе предъявляли большевикамъ свои регистраціонныя карточки, и это вело къ неминуемой гибели. Солдаты и матросы, увѣшанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили изъ дома въ домъ, производили обыски и уводили военныхъ. Во дворцѣ, гдѣ расположился штабъ, происходилъ краткій судъ и тутъ же, въ царскомъ саду, — расправа. Тысячи молодыхъ офицеровъ погибли въ эти дни. Погибло также много военныхъ врачей — между ними извѣстный въ городѣ хирургъ Бочаровъ, который ѣхалъ на своей пролеткѣ въ госпиталь и показалъ остановившему его солдату свою регистраціонную карточку. Та же участь постигла доктора Рахлиса, недавно только возвратившагося изъ австрійскаго плѣна и схваченнаго такимъ же образомъ, когда онъ стоялъ на улицѣ въ какой-то очереди.

Тогда же былъ самочинно, гнусно и безсмысленно разстрѣлянъ кіевскій митрополитъ Владиміръ. Говорили также о разстрѣлѣ генерала Н. І. Иванова, но это оказалось мифомъ.

Открытыхъ грабежей и реквизицій тогда, насколько я помню, еще не было. Но были случаи вымогательствъ и шантажа подъ угрозою разстрѣла.

Во главѣ большевистскихъ войскъ стоялъ тогда знаменитый полковникъ Муравьевъ, участвовавшій впослѣдствіи въ возстаніи эс-эровъ и пустившій себѣ пулю въ лобъ послѣ его неудачи. При немъ былъ извѣстный кронштадтскій матросъ Рошаль. Это были вполнѣ подходящіе главари для банды, которую представляла собой завоевавшая насъ армія — жестокіе и сокрушительные въ отношеніи враговъ, строгіе и деспотическіе въ отношеніи своихъ подчиненныхъ. Тотчасъ послѣ своего вступленія въ городъ, Муравьевъ призвалъ къ себѣ представителей банковъ и торгово-промышленнаго капитала и въ самомъ разбойничьемъ тонѣ завелъ съ ними рѣчь объ уплатѣ наложенной на городъ контрибуціи. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ — завоевывать Одессу.

Въ одномъ изъ своихъ приказовъ Муравьевъ писалъ, что большевистская армія «на остріяхъ своихъ штыковъ принесла съ собой идеи соціализма». Рафесъ отвѣтилъ на этотъ приказъ очень смѣлой статьей подъ названіемъ «Штыкократія». Это было тогда возможно, такъ какъ нѣкоторые остатки прессы существовали при этихъ «первыхъ большевикахъ» — сохранились «Послѣднія Новости», украинскія и еврейскія газеты. «Кіевская Мысль» была не только закрыта, но въ ея редакціи и на ея бумагѣ печатались какія-то большевистскія газеты. Само собой разумѣется, что та же участь постигла и «Кіевлянинъ». В. В. Шульгинъ былъ даже арестованъ большевиками; послѣ предстательства городского головы Рябцева, онъ былъ освобожденъ.

Это былъ, вообще, одинъ изъ героическихъ моментовъ въ исторіи нашей Городской Думы. Большевики съ нею, до извѣстной степени, считались. И Дума — въ частности, городской голова Рябцевъ — дѣлала все, что было въ ея силахъ для защиты населенія и города.

Понятно, за три недѣли большевики не могли успѣть создать свои новыя учрежденія и органы. Въ различныя учрежденія были ими назначены комиссары. Судъ былъ закрытъ и адвокатура упразднена. Говорили о предстоящемъ переѣздѣ въ Кіевъ харьковскаго Совнаркома, но онъ до насъ такъ и не доѣхалъ. Въ опубликованномъ спискѣ назначенныхъ Украинскихъ Народныхъ Комиссаровъ не было ни одного извѣстнаго имени. Комическое впечатлѣніе производило назначеніе г-жи Бошъ комиссаромъ внутреннихъ дѣлъ. Комиссаромъ юстиціи былъ назначенъ какой-то Люксембургъ; никто ни раньше, ни

послѣ ничего о немъ не слышалъ, и мы спрашивали другъ друга, сдѣлано ли это назначеніе въ честь Розы Люксембургъ или въ честь опереточнаго графа Люксембурга . . .

Во время пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ заканчивались мирные переговоры въ Брестѣ и въ одинъ прекрасный день мы получили текстъ подписанныхъ большевиками условій мира. Впечатлѣніе было потрясающее. Слухи о томъ, какъ разговаривалъ съ русской делегаціей генералъ Гофманъ и какъ онъ, на подобіе Николая I, проводилъ на картахъ по линейкѣ черты будущихъ границъ, усиливали чувство униженія и стыда, которое всѣ мы въ этотъ моментъ испытывали. Театральные пріемы, которыми хотѣла спасти свое достоинство русская делегація — подписываніе, не читая, и т. д., — производили впечатлѣніе жалкой и неумѣстной комедіи.

Помню, какъ я поднимался по Караваевской улицѣ, читая выпущенную только-что телеграмму о мирѣ. «Вотъ вамъ и миръ безъ аннексій и контрибуцій!» крикнулъ мнѣ кто-то съ проѣзжавшаго мимо извозчика. Я оглянулся и встрѣтился взглядомъ съ экспансивнымъ д-ромъ Б.

Итакъ, сепаратный миръ между Германіей и Россіей былъ подписанъ. «Посылкой Ленина въ Россію, — пишетъ въ своихъ мемуарахъ генералъ Людендорфъ, — наше правительство взяло на себя особую отвѣтственность. Съ военной точки зрѣнія поѣздка оправдывалась: Россія должна была пасть».

И она, дѣйствительно, пала.

Текстъ подписаннаго мира сообщили намъ не полностью и мы не могли тотчасъ увидѣть, какъ онъ отразится на судьбѣ нашего города. Рада, бѣжавъ изъ Кіева, засѣдала въ Житомирѣ; о ея переговорахъ съ нѣмцами ничего еще не знали. Но уже въ ближайшіе дни послѣ полученія первой телеграммы о мирѣ по городу стали ходить слухи о германскомъ наступленіи на Украину. Вскорѣ стало замѣтно смущеніе и у самихъ большевиковъ. А еще черезъ пару дней одна изъ мѣстныхъ газетъ осмѣлилась перепечатать приказъ одного нѣмецкаго генерала, въ которомъ говорилось, что германская армія, по просьбѣ представителей дружественнаго украинскаго народа, идетъ освобождать Украину изъ-подъ власти большевиковъ.

Наступленіе нѣмцевъ шло съ фантастической быстротой. Никакого сопротивленія имъ не оказывали. Черезъ какихъ-нибудь 7 дней послѣ подписанія мира они были уже въ Кіевѣ. При этомъ вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ городъ еще было задержано на день или два, пока прошли на востокъ эшелоны чехо-словацкихъ полковъ.

Большевистскія власти вели себя въ послѣдніе дни совсѣмъ по-мальчишески. Оффиціозные органы ихъ ссылались на неизбѣжную помощь со стороны ожидаемой со дня на день всемірной революціи. Совнаркомъ воспользовался случаемъ, чтобы наложить на все населеніе города какую-то новую контрибуцію. Кажется, по этому приказу каждый квартиронаниматель долженъ былъ внести въ казначейство за счетъ домовладѣльца трехмѣсячную квартирную плату. Домовые комитеты составляли списки и собирали деньги, стараясь придержать ихъ какъ можно дольше у себя. И дѣйствительно, отъ большинства комитетовъ большевики не успѣли получить своей мзды.

Еще въ послѣдній вечеръ пресловутая комиссарша Евгенія Бошъ на митингѣ въ Купеческомъ собраніи съ пафосомъ восклицала, что Кіевъ не будетъ сданъ. А черезъ два часа она, вмѣстѣ съ другими сановниками, промчалась по

Александровской улицѣ вверхъ на особо быстроходныхъ автомобиляхъ, которые доставляли своихъ сѣдоковъ на лѣвый берегъ Днѣпра...

Послѣднія ночи, какъ обычно предъ смѣной власти, были довольно тревожныя. Во всѣхъ домахъ дежурила охрана, организованная домовыми комитетами изъ жильцовъ. Имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ налетовъ.

Пожаловали незванные гости въ эту ночь и къ намъ. Къ дому подъѣхалъ чуть ли ни цѣлый эскадронъ въ расшитыхъ мундирахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. И вмѣсто того, чтобы протанцовать балетъ изъ «Пиковой Дамы», эти кавалеристы занялись повальнымъ обыскомъ во всѣхъ квартирахъ. Для острастки было выпущено на лѣстницѣ нѣсколько зарядовъ, жертвой которыхъ палъ одинъ изъ нашихъ жильцовъ. А затѣмъ приступили къ обходу квартиръ.

Остальные жильцы, какъ говорится въ газетной хроникѣ, отдѣлались испугомъ. Была своевременно вызвана охрана, состоявшая изъ солдатъ какого-то другого полка. Обѣ части вели нѣкоторое время переговоры и, кажется, чуть-чуть не помѣнялись ролями. Но въ концѣ концовъ, — вѣроятно, въ предвидѣніи наѣзда еще какой-нибудь третьей части, — объяснили дѣло поисками оружія и оставили насъ.

На слѣдующее утро послѣ бѣгства Евгеніи Бошъ и остальныхъ комиссаровъ, въ городъ вступили довольно мизерныя украинскія части подъ командой Петлюры. Нѣмцы изъ галантности предоставили имъ честь войти первыми. А въ серединѣ дня въ городѣ стало извѣстно, что на вокзалѣ нѣмцы.

Съ тѣхъ поръ совѣтская власть въ значительной мѣрѣ интернаціонализировала населеніе Россіи — по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что большинство готово привѣтствовать иностранцевъ всѣхъ націй, лишь бы они избавили его отъ большевизма. Но въ 1918 году настроеніе было, разумѣется, еще иное. За три недѣли пребыванія у насъ, большевики не успѣли настолько досадить кіевлянамъ, чтобы заглушить въ нихъ всѣ другія чувства.

Имена Гинденбурга и Макензена вызывали трепетъ, но не внушали симпатіи. И приходъ нѣмцевъ, въ качествѣ побѣдителей и покровителей, ощущался, какъ что-то обидное и оскорбительное. Наиболѣе ярко выразилъ эти чувства В. В. Шульгинъ, который въ день прихода нѣмцевъ выпустилъ прощальный номеръ «Кіевлянина», съ полной достоинства передовой статьей, и временно прекратилъ изданіе своей газеты. «Кіевлянинъ» возобновился только въ сентябрѣ 1919 года послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой арміи. Тѣ же чувства, въ менѣе острой формѣ, раздѣлялись тогда всѣми. Но любопытство брало верхъ и кіевляне массами устремлялись на вокзалъ, чтобы поглядѣть на заморскихъ гостей. Долженъ сознаться, что побывалъ въ тотъ день на вокзалѣ и я. $3^1/_2$ года мы не видѣли ни одного нѣмца, не слышали нѣмецкаго слова, не прочли нѣмецкой газеты. Было уже очень любопытно поглядѣть на нихъ, да еще въ такой неожиданной обстановкѣ.

Нѣмецкія войска, которыя мы увидѣли на кіевскомъ вокзалѣ, были очень мало похожи на тѣхъ молодцеватыхъ манекеновъ, которые въ мирное время занимались шагистикой на улицахъ Берлина. Видъ они имѣли обвѣтренный, уставшій и истощенный. Одѣтые въ однотонно-сѣрый цвѣтъ, съ сѣрыми мѣшками на плечахъ, возлѣ сѣрыхъ повозокъ и кухонь, — нѣмецкіе полки производили впечатлѣніе какого-то каравана странниковъ.

Впрочемъ, на слѣдующій день на Софійской площади нѣмецкое командованіе устроило довольно импозантный парадъ, который, по словамъ присутствовавшихъ, уже болѣе напоминалъ наши прежнія впечатлѣнія о германской арміи.

При этомъ, какъ мнѣ передавали, одинъ офицеръ съ презрѣніемъ воскликнулъ по адресу провинившагося въ чемъ-то прохожаго: «Er glaubt, er wäre noch in Rußland!»

Съ величайшимъ любопытствомъ кіевляне наблюдали поведеніе нѣмцевъ въ первые дни оккупаціи. Свою административную дѣятельность нѣмцы начали съ того, что нарядили сорокъ бабъ, которымъ было велѣно горячей водой и мыломъ вымыть кіевскій вокзалъ. Объ этомъ анекдотѣ много говорили; но, тѣмъ не менѣе, это сущая правда. Правда и то, что на моей памяти — ни до, ни послѣ этого случая — никто не подумалъ вымыть нашъ вокзалъ.

Затѣмъ началось то, что одинъ нѣмецкій солдатъ, на разспросы о цѣли ихъ прихода, формулировалъ словами: «Wir werden Ordnung schaffen». Былъ отпечатанъ прекрасный планъ города на нѣмецкомъ языкѣ. На всѣхъ перекресткахъ были прибиты дощечки съ нѣмецкими надписями. Особыя стрѣлки указывали, какъ куда пройти, и тутъ же было приписано, сколько минутъ это займетъ. Весь городъ былъ, какъ паутиной, опутанъ телеграфными и телефонными проводами, служившими для надобностей германскаго штаба. Эти проволоки какъ бы символизировали то, какъ по рукамъ и ногамъ связывала насъ оккупація.

Самой положительной стороной этого времени было возстановленіе связи хоть съ частью Европы. Нѣмцы открыли въ Кіевѣ два большихъ книжныхъ магазина. Въ нихъ можно было получать, кромѣ книжныхъ новинокъ по всѣмъ отраслямъ знанія, также свѣжія берлинскія и вѣнскія газеты.

Сѣрое зданіе кіевскаго дворянства на Думской площади было, послѣ надлежащей мойки, обращено въ германскую комендатуру. Каждое утро у входа въ это зданіе можно было прочесть сообщенную по радіо послѣднюю сводку германскаго штаба, за подписью генерала Людендорфа.

Нѣмцы съ перваго дня не скрывали, зачѣмъ они пришли. По мирному договору съ Украиной, они должны были получить отъ насъ столько-то милліоновъ пудовъ хлѣба. Для обезпеченія этой поставки имъ и нужно было «Ordnung schaffen» на Украинѣ. — Продовольствіе вывозилось въ Германію по различнымъ каналамъ. Для обывателей наиболѣе замѣтными были частныя посылки солдатъ, которыя, разумѣется, въ дѣйствительности не играли существенной роли. Нѣмцы, со своей педантично-дѣловитой сентиментальностью, устроили въ Кіевѣ спеціальный магазинъ, въ которомъ продавались «Kistchen für Heimatspakete» — небольшіе деревянные ящички подходящаго размѣра и формы, куда упаковывалась отправляемая посылка. Пытались наладить частный экспортъ и въ широкомъ масштабѣ; въ Кіевѣ открылись конторы обширныхъ торговыхъ организацій (въ частности, такъ-называемой «Deutsche Wirtschaftszentrale»), основанныхъ съ этой цѣлью. Пріѣзжалъ тогда въ Кіевъ и глава имперскаго военно-продовольственнаго вѣдомства фонъ-Вальдовъ.

Въ конечномъ результатѣ, какъ извѣстно, германцамъ и австрійцамъ не удалось вывезти изъ Украины того количества продовольствія, на которое они разсчитывали. Помѣшала незамиренность деревни, разстройство транспорта и обще-политическая обстановка, при которой закончилась оккупація. Въ первые мѣсяцы, однако, нѣмцы были на вершинѣ своего могущества; съ большой энергіей и настойчивостью принялись они за выкачиваніе необходимаго имъ хлѣба. Естественно, что они не могли терпѣть ничего, что шло въ разрѣзъ съ ихъ цѣлями и планами. И потому-то оккупаціоннымъ властямъ очень скоро пришлось вмѣшаться въ наши внутреннія политическія дѣла.

Формально, въ Кіевѣ и во всей Украинѣ съ 1 марта 1918 года (когда были изгнаны большевики* была возстановлена верховная власть Украинской Центральной Рады. Въ Кіевъ возвратился и украинскій парламентъ, со своимъ президентомъ М. С. Грушевскимъ, и кабинетъ министровъ, который возглавлялся Голубовичемъ. Но по существу, эта возрожденная самостійно-украинская государственность производила въ эти мѣсяцы довольно жалкое впечатлѣніе. Чувствовалось ея полное безсиліе рядомъ съ опекавшей ее германской военщиной.

Единственная область, въ которой украинской власти предоставлялась полная свобода дѣйствій, это была политика національная (вѣрнѣе, націоналистическая). И сами украинцы, по возвращеніи въ Кіевъ, давали себѣ волю въ этой области. Именно въ эту эпоху начались анти-еврейскіе эксцессы, — сначала въ видѣ самосудовъ надъ отдѣльными заподозрѣнными въ большевизмѣ лицами. Подъ предлогомъ обвиненія въ большевизмѣ, украинскіе сѣчевики захватывали и расправлялись съ евреями, которыхъ имъ почему-либо хотѣлось убрать. Въ самомъ Кіевѣ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ такихъ самосудовъ; въ провинціи, естественно, дѣло обстояло еще хуже. Были случаи пытокъ и издѣвательствъ. Все это оставалось безнаказаннымъ . . .

Такъ расправлялись съ евреями. Въ области же украинской haute politique шла ожесточенная борьба противъ всего «россійскаго». Началась украинизація различныхъ учрежденій — обязательное введеніе украинскаго языка и т. д.

Особенно больно затронула насъ націонализація суда. Настроенія кіевской адвокатуры, проявившіяся въ общихъ собраніяхъ въ декабрѣ, получали все больше и больше пищи. Политика и націонализмъ захлестывали дѣло правосудія. Такъ какъ и составъ суда и составъ адвокатуры былъ абсолютно несвѣдущъ въ украинскомъ языкѣ, а между тѣмъ сразу замѣнить ихъ было некѣмъ, то, естественно, украинизаторамъ приходилось дѣйствовать медленнѣе, чѣмъ они бы хотѣли. Они начали свою реформу сверху, упразднивъ кіевскую судебную палату и замѣнивъ ее «Аппелляціоннымъ судомъ», составъ котораго былъ избранъ Центральной Радой. Всѣ правила о судейскомъ цензѣ были при этомъ отмѣнены — иначе бы реформа оказалась неосуществимой — и новоиспеченные «аппелляційные судьи» были во многихъ случаяхъ на уровнѣ членовъ мирового съѣзда. Всѣ прежніе члены палаты, среди которыхъ были хорошіе юристы, были уволены. Только немногіе изъ нихъ выставили свою кандидатуру въ Аппелляційный судъ.

Одновременно съ этимъ былъ учрежденъ Генеральный судъ, въ качествѣ замѣняющей сенатъ кассаціонной инстанціи.

Перспективы для судебныхъ дѣятелей были мрачныя. Но, кромѣ вынесенія резолюцій протеста, мы были безсильны что-либо дѣлать. И на годовомъ общемъ собраніи молодой адвокатуры 27 марта 1918 года я не могъ иначе подвести итогъ царившему у насъ настроенію духа, чѣмъ воспроизведя заключительныя слова В. В. Шульгина изъ его статьи въ прощальномъ номерѣ «Кіевлянина»: «Есть положенія, въ которыхъ нельзя не погибнуть. Нѣтъ положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью» . . .

Слова эти оказались въ данномъ случаѣ, быть можетъ, ужъ слишкомъ пессимистическими. Черезъ мѣсяцъ погибли не мы, а та власть, при которой намъ

* Большевики вступили въ Кіевъ 26 января и ушли 1 марта. Тѣмъ не менѣе, они пробыли у насъ только три недѣли. Дѣло въ томъ, что съ 1 февраля 1918 г. былъ введенъ новый стиль; такъ что мы перешли сразу отъ 31 января къ 14 февраля.

«нельзя было не погибнуть». Мнѣ самому пришлось присутствовать при ея умираніи и вблизи вглядѣться въ гиппократовъ ликъ Центральной Рады.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1918 года я былъ делегированъ комитетомъ Еврейской народнической партіи («Фольkспартай») въ Малую Раду*. Лидеръ нашей партіи въ Кіевѣ — В. И. Лацкій-Бертольди — около того же времени вступилъ въ кабинетъ Голубовича въ качествѣ еврейскаго національнаго министра. Это послѣднее обстоятельство не мѣшало, однако, нашей партіи входить въ хронически-оппозиціонный блокъ національныхъ меньшинствъ. Ближе къ правительственной политикѣ примыкали сіонисты, которымъ только ихъ буржуазная репутація преграждала доступъ въ министерство.

Въ радѣ я пробылъ всего около трехъ недѣль — въ концѣ апрѣля она была распущена — и успѣлъ только присмотрѣться къ окружающей обстановкѣ, рѣдко принимая активное участіе въ преніяхъ. Впрочемъ, по занимаемой мною позиціи, я и не могъ быть особенно активенъ въ Радѣ. Кадетовъ въ Радѣ уже не было, сіонисты и польскіе демократы заигрывали съ украинцами, украинскіе соціалисты-федералисты очень дорожили своей національной и соціалистической репутаціей. Такимъ образомъ, я оказался на самомъ правомъ крылѣ, чуть ли ни единолично представляя по многимъ вопросамъ оппозицію господствовавшимъ теченіямъ. Поэтому я не могъ бы выступать иначе, какъ рѣзко оппозиціонно; а навлекать на свою партію и національность одіумъ модерантизма и контр-революціонности мнѣ бы не позволилъ мой Ц. К.

Недѣли черезъ двѣ мое положеніе стало для меня уже совершенно яснымъ и я началъ подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли мнѣ уйти изъ Рады. Но черезъ нѣсколько дней объ этомъ уже не приходилось больше думать, такъ какъ сама Рада перестала существовать.

Малая Рада, — только она имѣла значеніе, такъ какъ пленумъ Центральной Рады собирался разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и, воспроизводя въ расширенномъ масштабѣ то же соотношеніе силъ, не вносилъ ничего новаго, — Малая Рада засѣдала въ Педагогическомъ музеѣ. Это выстроенное милліонеромъ Могилевцевымъ зданіе, на освященіи котораго въ 1911 году присутствовалъ, за нѣсколько дней до своей гибели, П. А. Столыпинъ, было болѣе или менѣе подходящимъ пристанищемъ для миніатюрнаго парламента, какимъ и была Малая Рада. Большой лекціонный залъ подъ стекляннымъ куполомъ былъ даже очень эффектенъ, какъ залъ парламентскихъ засѣданій.

Предсѣдателемъ (или, какъ его называли по-украински: головой) Центральной Рады былъ Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій. Онъ былъ, дѣйствительно, главой и менторомъ всего сборища депутатовъ. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ по своему образованію, европейскому такту и умѣнію руководить засѣданіями. Отношеніе членовъ Рады къ Грушевскому было чрезвычайно почтительное; его называли «профессоромъ», «батькой» и даже «дѣдомъ». Онъ и по возрасту годился въ дѣды большинству депутатовъ. Низко-рослый, подвижный, съ большой сѣдой бородой, въ очкахъ, съ блестящимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ густыхъ рѣсницъ — онъ напоминалъ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ сказочнаго Дѣда-Черномора...

Въ министерствѣ въ это время не было ни одной яркой фигуры. Премьеръ Голубовичъ былъ совершенно безцвѣтенъ и не выдерживалъ никакого сравненія

* Моимъ замѣстителемъ былъ П. Красный, впослѣдствіи министръ по еврейскимъ дѣламъ въ Петлюровскихъ правительствахъ.

со своимъ предшественникомъ Виниченко; изъ министровъ выдавался своимъ умомъ и хитрецой министръ юстиціи Шелухинъ; нѣкоторымъ темпераментомъ обладалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ткаченко. Остальные — какъ военный министръ Жуковскій, министръ торговли и промышленности Фещенко-Чоповскій, министръ труда Михайловъ — ничѣмъ не возвышались надъ общей массой дѣятелей Рады.

Депутаты-украинцы дѣлились на три значительныя фракціи: у. с.-р., у. с.-д. и с.-ф. Украинскіе эсэры были самой сильной партіей въ Радѣ; къ нимъ подъ конецъ присоединился и Грушевскій, долго остававшійся безпартійнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта фракція была наиболѣе бѣдна людьми; даже въ премьеры она не могла выдвинуть никого ярче, чѣмъ Голубовичъ. Украинскіе соціалъ-демократы, къ которымъ принадлежали Виниченко, Петлюра, Ткаченко, Поршъ и другіе, были малочисленны, такъ какъ городскіе рабочіе на Украинѣ шли за обще-россійскими партіями, а крестьянство, по традиціи, поддерживало эсэровъ; но несравненно болѣе значительный персональный составъ этой фракціи нѣсколько сглаживалъ численное превосходство эсэровъ. Наконецъ, соціалисты-федералисты представляли наиболѣе умѣренный и культурный элементъ украинской общественности. Лидеромъ этой партіи былъ уважаемый всѣми литераторъ С. А. Ефремовъ, ея газету («Нова Рада») редактировалъ А. В. Никовскій. Какъ наиболѣе умѣренно націоналистическая группа, с.-ф. жили сравнительно въ ладу съ представителями «меньшинствъ».

Эти послѣднія продолжали фигурировать въ Радѣ приблизительно въ томъ же составѣ, который я привелъ въ первой главѣ. Присоединился только еще представитель народныхъ соціалистовъ, а кадеты (въ лицѣ С. Г. Крупнова) еще до 3-го Универсала демонстративно вышли изъ Рады. Самой враждебной къ украинцамъ, хронически оппозиціонной партіей были россійскіе эсэры, которыхъ представлялъ въ Радѣ энергичный и способный А. Н. Зарубинъ. Меньшевики, съ М. С. Балабановымъ во главѣ, также держались независимо, а иногда и мужественно. Рафесъ, представлявшій «Бундъ», говорилъ и орудовалъ больше всѣхъ; какъ я уже упомянулъ, онъ былъ въ это время въ полосѣ оппозиціи къ украинцамъ, которые весьма побаивались его остраго язычка. Остальныя еврейскія партіи были представлены довольно слабо.

Да и вообще, общій уровень членовъ Малой Рады былъ не изъ высокихъ. Грушевскій умѣлъ придавать засѣданіямъ нѣкоторые парламентскіе аппарансы. Но по содержанію, большая часть того, что говорилось въ Радѣ, было въ значительной степени посредственнымъ диллетантствомъ.

Рада была номинально верховнымъ органомъ украинской государственности. Но съ момента прихода германскихъ войскъ она фактически не обладала никакой силой и властью. Близорукость украинскихъ главарей въ томъ и проявилась, что они не учли этого осязательнаго факта и не сумѣли найти какой либо пріемлемый политическій компромиссъ, при которомъ нѣмцы могли бы продолжать поддерживать Раду. Вмѣсто этого, они упорствовали въ своей политикѣ соціалистическихъ фразъ, не хотѣли отступить ни на шагъ отъ своей аграрной программы и т. д.

Между тѣмъ, какъ должно было быть ясно для всякаго, нѣмцы прислали свои войска на Украину не ради прекрасныхъ глазъ украинскихъ министровъ и дипломатовъ. Имъ нужно было столько-то милліоновъ пудовъ продовольствія, которые они выговорили себѣ по мирному договору. Чтобы обезпечить доставку этого продовольствія — а въ этомъ была единственная задача нѣмецкихъ

войскъ — нужно было немедленно «Ordnung schaffen» въ деревнѣ. Земельная же политика Рады, — во всякомъ случаѣ, въ ближайшее лѣто, — могла привести только къ сумятицѣ и недосѣву. Этого-то нѣмцы никакъ не могли потерпѣть. На земельномъ вопросѣ политика Рады въ концѣ концовъ и сорвалась.

Около середины апрѣля, когда я уже былъ въ Радѣ, нѣмецкій главнокомандующій, фельдмаршалъ фонъ-Эйхгорнъ, издалъ приказъ, по которому временно, впредь до разрѣшенія аграрнаго вопроса, устанавливалось, что какъ крестьяне, такъ и помѣщики будутъ считаться собственниками урожая съ тѣхъ полей, которые каждый изъ нихъ засѣетъ. Мѣра эта была по-существу разумная; она правильно учитывала хозяйственный духъ крестьянства. Но, разумѣется, это было явное вмѣшательство нѣмцевъ въ наши внутреннія дѣла. Рада разразилась протестами и жалобами въ Берлинъ. Протесты эти, конечно, ни къ чему не привели; приказъ не былъ взятъ обратно. Между тѣмъ, украинцы потеряли послѣднюю возможность столковаться со своими покровителями.

Послѣ этого инцидента, германское командованіе (получивъ, очевидно, соотвѣтственные директивы свыше) окончательно извѣрилось въ возможность работать съ Центральной Радой. Оно стало ждать удобнаго случая, чтобы разъ навсегда отъ нея отдѣлаться. Такой случай скоро и представился.

Въ одно прекрасное утро — дѣло было въ двадцатыхъ числахъ апрѣля — городъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о происшедшемъ ночью таинственномъ похищеніи директора Русскаго для вн. торг. банка А. Ю. Добраго. Къ его дому подъѣхали какіе-то люди и, предъявивъ мандатъ, увезли его въ автомобилѣ. Домъ находился недалеко отъ полицейскаго участка, куда успѣли дать знать. Но пріѣхавшіе представители сыскной полиціи вели себя какъ-то странно и никакихъ мѣръ не приняли. Несмотря на это послѣднее, никто въ городѣ не сомнѣвался, что Добрый не арестованъ законными властями, а палъ жертвой какихъ-то вымогателей и налетчиковъ. Эту версію не опровергало и правительство.

Я имѣлъ въ этотъ день судебное засѣданіе и, возвращаясь около 2 часовъ дня домой, увидѣлъ, что по всему городу расклеены афишки съ какимъ-то приказомъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ. Возлѣ афишекъ толпилась публика, оживленно комментируя текстъ приказа. Я протиснулся къ одной изъ афишъ и прочелъ приказъ главнокомандующаго нѣмецкими войсками ф.-Эйхгорна, въ которомъ говорилось о зловредной агитаціи противъ германскихъ властей и объявлялось, что отнынѣ всякіе проступки противъ нѣмцевъ будутъ караться германскими военно-полевыми судами.

Трудно было установить связь между этимъ распоряженіемъ и исчезновеніемъ Добраго, но смыслъ приказа былъ совершенно ясенъ. Онъ объявлялъ по существу о военной оккупаціи Украины германскими войсками. «Союзная и дружественная армія», въ качествѣ которой пришли нѣмцы, разумѣется, не устанавливаетъ своей юрисдикціи надъ гражданскимъ населеніемъ занятой территоріи, и, во всякомъ случаѣ, не дѣлаетъ этого безъ вѣдома и согласія «союзнаго» правительства. Приказомъ Эйхгорна маска была сорвана.

Впослѣдствіи выяснилось, что Добрый былъ не похищенъ, а подвергнутъ аресту и высылкѣ по распоряженію двухъ министровъ — Ткаченко и Жуковскаго, — съ вѣдома министра-президента Голубовича. Причиной его ареста было его предполагаемое германофильство *. Фактически этотъ «арестъ», однако,

* Нѣкоторые украинскіе круги въ то время конспирировали противъ нѣмцевъ.

мало отличался отъ самочиннаго налета: достойные исполнители министерскаго приказа за взятку согласились отвезти арестованнаго не въ тотъ глухой городокъ, куда онъ значился высланнымъ, а въ Харьковъ. Въ Харьковѣ ему удалось дать знать о себѣ нѣмецкимъ офицерамъ, которые и освободили его черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Рады. Но не только низшіе агенты — само украинское правительство вело себя странно и недостойно въ этомъ дѣлѣ. На запросы съ разныхъ сторонъ, въ томъ числѣ отъ нѣмцевъ, Ткаченко и другіе министры отвѣчали, что приняты мѣры къ розыску Добраго. Это, разумѣется, укрѣпляло всѣхъ въ предположеніи о самочинномъ налетѣ. Въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ кабинета, какъ мнѣ передавалъ Лацкій, о случаѣ съ Добрымъ говорилось въ такомъ же смыслѣ. Между тѣмъ, одни изъ министровъ знали, а другіе подозрѣвали правду. Какъ выяснилось впослѣдствіи на судѣ, зналъ ее и премьеръ Голубовичъ. И тѣмъ не менѣе, кабинетъ продолжалъ свою недостойную игру. На мой вопросъ въ закрытомъ засѣданіи Рады, какъ онъ объясняетъ непонятный образъ дѣйствій уголовно-розыскного отдѣленія, министръ юстиціи Шелухинъ кратко отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ дать никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу. Я объяснилъ себѣ его отвѣтъ, сказанный въ довольно рѣзкомъ тонѣ, нежеланіемъ нашего генералъ-прокурора обнаруживать тайны незаконченнаго слѣдственнаго производства. Въ дѣйствительности, однако, Шелухинъ, повидимому, также чуялъ правду, но не установилъ еще своей линіи поведенія.

Германскія власти черезъ нѣсколько дней, видимо, получили свѣдѣнія о причастности къ дѣлу Добраго украинскихъ министровъ. Это и рѣшило судьбу министерства Голубовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ судьбу избравшей его Центральной Рады.

Наши политическіе круги, и прежде всего Рада, были чрезвычайно взволнованы приказомъ Эйхгорна. Малая Рада собиралась 27 апрѣля три раза: утромъ въ закрытомъ засѣданіи, вечеромъ въ открытомъ и ночью снова въ закрытомъ. Премьеръ Голубовичъ въ открытомъ засѣданіи заявилъ съ трибуны протестъ противъ нарушенія германцами суверенныхъ правъ Украинской Народной Республики; онъ сказалъ, что правительство обратится въ Берлинъ съ требованіемъ объ отозваніи изъ Кіева представителей высшаго германскаго командованія. Послѣ рѣчи Голубовича начались пренія. Говорилъ въ тотъ вечеръ, впрочемъ, одинъ только представитель «руководящей фракціи» — у. с.-р. Янко; а затѣмъ засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня.

На слѣдующее утро, при громадномъ стеченіи публики, засѣданіе возобновилось. Настроеніе было очень встревоженное, но не безнадежное. Въ кулуарахъ Рады передавали, что отъ берлинскаго посланника Севрюка получена телеграмма съ благопріятными свѣдѣніями. По открытіи засѣданія, первымъ выступилъ представитель у. с.-д. Поршъ, послѣ него Виниченко, впервые появившійся въ Радѣ со времени ея бѣгства изъ Кіева въ январѣ 1918 года. Виниченко говорилъ часа полтора, онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію объ украинскомъ національномъ движеніи. Затѣмъ появлялись на трибунѣ представители «меньшинствъ» — эсэръ Зарубинъ, поалей-ціонъ Гольдельманъ, еврейскій соціалистъ Шацъ. Всѣ рѣчи въ той или другой формѣ протестовали противъ поведенія нѣмцевъ. Зарубинъ, какъ убѣжденный украинофобъ, перекладывалъ вину на правительство, призвавшее нѣмцевъ. А Шацъ — молодой человѣкъ съ франтоватымъ видомъ — такъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что назвалъ

70-тилѣтняго фельдмаршала Эйхгорна «прусскимъ лейтенантикомъ съ нафабренными усами».

Министерская ложа была въ началѣ засѣданія полна, но постепенно большинство министровъ, въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковскій, исчезли. Помню, какъ поразило меня въ этотъ день осунувшееся лицо Ткаченко и лихорадочный блескъ его глазъ. Засѣданіе все продолжалось, приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать и, около 4 часовъ дня, на трибунѣ появился Рафесъ. Его рѣчь — послѣдняя рѣчь, сказанная въ Радѣ, — была очень удачной. Онъ пытался очертить реальное положеніе вещей, потонувшее «въ морѣ словъ, сказанныхъ сегодня къ дѣлу и не къ дѣлу». И эта неприкрашенная дѣйствительность состояла, по его словамъ, въ томъ, что нѣмцы совершенно пренебрегаютъ Радой и правительствомъ и начинаютъ хозяйничать по своему. Такого оборота событій слѣдовало ожидать съ того момента, какъ нѣмцевъ призвали; и за него отвѣтственны тѣ, кто призвалъ ихъ. «Говорю это, — сказалъ Рафесъ, — не съ злорадствомъ, а съ печалью въ душѣ»... Во время рѣчи Рафеса кто-то подошелъ сзади къ предсѣдательствовавшему Грушевскому и шепнулъ ему что-то на ухо. Грушевскій ничѣмъ не реагировалъ на сообщенное ему извѣстіе и только черезъ нѣсколько минутъ, посмотрѣвъ на часы, замѣтилъ Рафесу, что его время закончилось. Рафесъ, однако, продолжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Грушевскій снова обратился къ нему со словами: «Ваш час скончівся».

Рафесъ еще говорилъ заключительныя фразы своей рѣчи, когда съ лѣстницы донесся шумъ, дверь въ залъ растворилась и на порогѣ появились нѣмецкіе солдаты. Нѣсколько десятковъ солдатъ тотчасъ вошли въ залъ. Какой-то фельдфебель (потомъ выяснилось, что это былъ чинъ полевой тайной полиціи) подскочилъ къ предсѣдательскому креслу и на ломанномъ русскомъ языкѣ крикнулъ:

«По распоряженію германскаго командованія, объявляю всѣхъ присутствующихъ арестованными. Руки вверхъ!»

Солдаты взяли ружья на прицѣлъ.

Всѣ присутствующіе встали съ мѣстъ и подняли руки. Съ поднятыми руками, саркастически улыбаясь, стоялъ на трибунѣ Рафесъ. Поршъ (какъ будто въ знакъ своей нѣмецкой лойяльности) высоко поднялъ руку съ номеромъ «Neue Freie Presse»; въ другой, также поднятой рукѣ онъ держалъ свой паспортъ.

Грушевскій, смертельно блѣдный, оставался сидѣть на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, и, единственный во всей залѣ, рукъ не поднялъ. Онъ по-украински говорилъ что-то нѣмецкому фельдфебелю о неприкосновенности правъ «парламѐнта», но тотъ еле его слушалъ.

Нѣмецъ назвалъ нѣсколько фамилій — въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковскаго, — которые приглашались выступить впередъ. Никого изъ названныхъ въ залѣ не оказалось.

Тогда всѣмъ депутатамъ было предложено перейти въ сосѣднюю комнату; при этомъ въ дверяхъ залы засѣданія солдаты ощупывали насъ, ища оружія.

Мы столпились въ указанномъ намъ помѣщеніи. Комизмъ положенія невольно настроилъ всѣхъ юмористически. Обсуждали вопросъ, что же съ нами будетъ — поведутъ ли въ тюрьму, или, можетъ быть, вышлютъ въ концентраціонный лагерь?

Я оказался рядомъ съ украинскимъ эсэромъ Янко, выступавшимъ наканунѣ отъ имени своей фракціи. «Теперь вы видите, — сказалъ я ему, — что было довольно легкомысленно, не имѣя никакой силы, вести политику, которая шла въ разрѣзъ съ видами тѣхъ, у кого сила была. Отчего вы не столковались во-время съ нѣмцами?» Мой эсэръ былъ видимо подавленъ. «Да, нужно было пойти на уступки въ земельномъ вопросѣ», сказалъ онъ наконецъ.

Наше сидѣніе взаперти продолжалось не больше часу. Вдругъ двери на лѣстницу раскрылись и кто-то грубымъ и насмѣшливымъ тономъ крикнулъ намъ:

Raus! Nach Hause gehen!

Мы спустились по лѣстницѣ внизъ. На улицѣ, у входовъ въ зданіе Рады, стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытныхъ глазѣла на пикантное зрѣлище.

Мы разошлись по домамъ...

III. Гетманъ и Директорія

(май 1918 — январь 1919)

Пантомима въ циркѣ. — Новое правительство. — Высокая коньюктура. — Защиты въ нѣмецкихъ военно-полевыхъ судахъ. — Политическія преслѣдованія. — Въ еврейскомъ національномъ совѣтѣ. — Московскій адъ и кіевское эльдорадо. — Финалъ германской оккупаціи. — Внутренняя политика гетмана. — Напускной украинскій націонализмъ. — Возстаніе Петлюры и крушеніе гетманства. — Директорія. — Борьба противъ русскихъ вывѣсокъ. — Трудовой Конгрессъ. — Налеты. — Большевики съ сѣвера или союзники изъ Одессы? — Исходъ изъ Кіева.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гетманскаго переворота въ Кіевѣ состоялась всеукраинская конференція Еврейской народнической Партіи (Фолькспартай). Комитетомъ партіи мнѣ было поручено прочесть на этой конференціи рефератъ о политическомъ моментѣ. Я началъ его слѣдующими словами:

> «Въ результатѣ политической пантомимы, разыгранной 29 апрѣля въ циркѣ Крутикова, гетманъ Скоропадскій возсѣлъ на свой прародительскій престолъ. Его избраніе произошло, какъ и полагается въ пантомимѣ, почти безъ словъ, одними жестами и восклицаніями. И любопытнѣйшей чертой всего спектакля было то, что наиболѣе активное (въ сущности: единственное активное) дѣйствующее лицо фигурировало не на эстрадѣ и не на трибунѣ, а на крышѣ цирка: это былъ тотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ, который долженъ былъ съ этой крыши охранять государственный переворотъ отъ возможныхъ покушеній со стороны законной государственной власти»...

Этотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ былъ не метафорой, а самой подлинной реальностью. Мы видѣли, какъ онъ съ нашего двора влѣзъ на крышу цирка и стоялъ тамъ въ полной боевой готовности. Съ нашего же двора производилось снабженіе этого своеобразнаго фронта продовольствіемъ.

А въ циркѣ была, дѣйствительно, разыграна пантомима. Каждое слово и каждый жестъ былъ заранѣе подготовленъ и инсценированъ. Все и прошло,

какъ по нотамъ. Всенародно избранный гетманъ отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ онъ обосновался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ*. Никакого сопротивленія, даже никакой попытки сопротивленія ни съ чьей стороны не было.

Какъ могло случиться, чтобы кучка дрессированныхъ «хлѣборобовъ» въ нѣсколько часовъ свергла власть Центральной Рады и учредила гетманство? Объясненіе этого дикаго факта лежитъ, прежде всего, въ томъ, что Рада не имѣла ни физической, ни моральной опоры въ городскихъ массахъ. Что же касается деревни, то она «безмолвствовала» 29 апрѣля, но послѣдующимъ своимъ поведеніемъ по отношенію къ гетману и къ нѣмцамъ показала, что она, во всякомъ случаѣ, не на ихъ сторонѣ. У Рады имѣлся военный министръ Жуковскій, который занимался похищеніемъ банкировъ, но украинской арміи, которая могла бы защитить Раду, не существовало. Если не считать нѣсколькихъ сотенъ сѣчевыхъ стрѣльцовъ, то военная опора Рады могла бы базироваться исключительно на германскихъ войскахъ, да еще на привезенныхъ нѣмцами частяхъ, составленныхъ изъ бывшихъ русскихъ военно-плѣнныхъ. Эти послѣднія, маршируя по улицамъ города, вызывали всеобщую зависть своей новёхонькой формой изъ синяго сукна. Ихъ и стали называть «синими жупанами». Но въ политическомъ отношеніи синіе жупаны въ концѣ концовъ показались нѣмцамъ слишкомъ красными, и, наканунѣ паденія Рады, они были разоружены. Позиція же самихъ германскихъ войскъ воплощалась фигурой солдата съ пулеметомъ на крышѣ цирка...

Рада успѣла собраться еще разъ въ самый день 29 апрѣля — мнѣ не удалось попасть на это засѣданіе — и впопыхахъ принять конституцію Украинской Народной Республики, выработанную Грушевскимъ. Сейчасъ послѣ засѣданія Грушевскій скрылся, а члены Рады разошлись по домамъ, безъ особой увѣренности въ томъ, что имъ дадутъ ночевать дома. Однако, въ этотъ и ближайшіе дни никакихъ арестовъ не было**. Нѣмцы чувствовали себя слишкомъ непреоборимо сильными, чтобы охранять себя отъ членовъ разогнанной и униженной Центральной Рады. Гетманская же власть еще не успѣла наладить свой собственный полицейскій аппаратъ.

Гетманскій переворотъ произошелъ во всей Украинѣ совершенно безболѣзненно. Никакого сопротивленія новая власть не встрѣтила. Ей оставалось выявить свое лицо и сорганизоваться.

Члены комитета Фолькспартай собирались въ эти дни на квартирѣ С. Б. Ратнера для взаимнаго обмѣна информаціями. Тамъ-же, помню, мы прочли первое пронунціаменто гетмана, оправдывавшее переворотъ и устанавливавшее конституцію новой власти. Когда стали читать вслухъ, статью за статьей, эту необычайно быстро испеченную конституцію, она показалась мнѣ подозрительно-знакомой. Я взялъ изъ шкафа т. I ч. 1 Свода Законовъ и началъ сравнивать читаемое съ Основными законами по изд. 1906 года. Оказалось, что, за немногими отступленіями, гетманская конституція воспроизводила эти Основные законы. Порядокъ и почти весь текстъ статей Основныхъ законовъ 23 апрѣля

---

* Тактъ свѣтскаго человѣка и бывшаго придворнаго, повидимому, удержалъ его отъ того, чтобы поселиться въ императорскомъ дворцѣ. У Керенскаго этого такта, къ сожалѣнію, не оказалось.

** Насколько я помню, былъ только временно задержанъ И. О. Фруминъ, какъ разъ не состоявшій членомъ Рады.

1906 года былъ сохраненъ. Недоставало только «Учрежденія Государственнаго Совѣта и Думы». Зато былъ почему-то воспроизведенъ архаическій «Комитетъ Финансовъ».

Составленіе министерства представляло нѣкоторыя трудности. Украинскія партіи, въ частности соціалисты-федералисты, съ которыми велись переговоры, отказались участвовать въ правительствѣ. Правыя группы охотно пошли бы, но придавать кабинету явно реакціонную окраску, повидимому, не хотѣли. Къ участію въ правительствѣ были приглашены кадеты, среди которыхъ произошелъ по этому вопросу расколъ, причемъ большинство высказалось за вхожденіе въ кабинетъ.

Этотъ шагъ былъ особенно труденъ для кадетовъ вслѣдствіе той германской оріентаціи, которую сама сила обстоятельствъ предуказывала гетманскому правительству. Участіе въ такомъ правительствѣ означало для партіи Народной Свободы рѣзкій разрывъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отказъ отъ основной своей позиціи по вопросамъ внѣшней политики. Съ другой стороны, нельзя же было требовать отъ гетмана и его министровъ, чтобы они выступили противъ того нѣмецкаго солдата, который защищалъ ихъ рожденіе на свѣтъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, областной комитетъ партіи Народной Свободы высказался за участіе кадетовъ въ министерствѣ. Собравшійся вслѣдъ затѣмъ областной съѣздъ подтвердилъ это рѣшеніе, причемъ на этомъ съѣздѣ выступили съ программными рѣчами новые министры-кадеты Н. П. Василенко, А. К. Ржепецкій и С. М. Гутникъ. Однако, эти рѣчи только усилили впечатлѣніе отступничества, совершеннаго партіей. Если при создавшейся ситуаціи кадеты имѣли полное основаніе считаться съ германской оккупаціей, какъ съ совершившимся фактомъ, и не устранять себя отъ работы для пользы населенія, то уже совершенно излишне было выступать съ историческимъ обоснованіемъ германофильства, какъ это сдѣлалъ Василенко, припомнившій въ своей рѣчи всѣ грѣхи англичанъ противъ Россіи начиная съ 1878 года...

Кабинетъ былъ въ концѣ концовъ составленъ подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Лизогуба, — полтавскаго предсѣдателя губ. земск. управы, человѣка, пользовавшагося безукоризненной репутаціей, но въ политическомъ отношеніи довольно безцвѣтнаго. Онъ же былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ украинецъ Д. И. Дорошенко, замѣчательный главнымъ образомъ своей красивой наружностью, министромъ народнаго просвѣщенія — Н. П. Василенко, финансовъ — А. К. Ржепецкій, юстиціи — проф. Чубинскій, труда — проф. Ю. Н. Вагнеръ, торговли — С. М. Гутникъ, военнымъ министромъ — ген. Рогоза и министромъ здравоохраненія — д-ръ П. И. Любинскій. Составъ этого перваго гетманскаго министерства былъ отнюдь не правый; напротивъ, наряду съ умѣренными консерваторами, въ него вошли дѣятели опредѣленно прогрессивнаго направленія. Но трагедія гетманскаго правительства въ томъ и состояла, что по существу дѣла его направленіе и политическая программа были совершенно безразличны. Надъ нимъ была болѣе сильная, бронированная рука, отъ которой въ дѣйствительности зависѣло все.

«Въ лицѣ гетмана Скоропадскаго, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Людендорфъ, —получилъ въ Кіевѣ власть человѣкъ, съ которымъ можно было хорошо работать»*.

---

* Meine Kriegserinnerungen, S. 502.

Естественно, что нѣмцы стремились всемѣрно использовать эту возможность и направляли политику гетмана въ ту сторону, въ какую имъ казалось выгоднымъ. Истиннымъ главой Украинской Державы былъ все это время не ясновельможный Панъ Гетманъ, и не Голова Рады Министровъ, а — начальникъ штаба армейской группы Эйхгорна ген. Грёнеръ. Впрочемъ, Грёнеръ не только по своему положенію, но и по своей личности былъ самый крупный человѣкъ изъ всѣхъ подвизавшихся тогда въ Кіевѣ дѣятелей, русскихъ и нѣмецкихъ; мы не были удивлены, когда въ октябрѣ 1918 года его призвали на самый высшій постъ въ германской арміи, на мѣсто ушедшаго въ отставку Людендорфа *.

Германская гражданская власть была, напротивъ, представлена довольно блѣдно въ лицѣ посланника барона Мумма. Зато австро-венгерскимъ посланникомъ въ Кіевѣ былъ знаменитый графъ Форгачъ, котораго считаютъ авторомъ пресловутаго ультиматума Сербіи въ іюлѣ 1914 г.

Гетманскій переворотъ прошелъ подъ лозунгомъ возстановленія земельной собственности и свободы торговли. Въ этомъ отношеніи программа новаго правительства вполнѣ соотвѣтствовала видамъ нѣмцевъ; поэтому здѣсь ему давалась полная свобода дѣйствій. Въ первое время особенно проводилась политика покровительства торгово-промышленнымъ кругамъ; и только въ послѣдніе мѣсяцы гетманщины, съ дальнѣйшимъ поворотомъ вправо, объектомъ попеченія сдѣлалось землевладѣльческое дворянство.

Эта политика принесла реальные плоды.

Эпоха гетмана, дѣйствительно, характеризуется нѣкоторымъ экономическимъ подъемомъ. Она была у насъ временемъ «высокой коньюнктуры». Промышленные и торговые круги, съ одной стороны, были близки къ власть имущимъ и вліяли на послѣднихъ въ выгодномъ для себя направленіи; а съ другой, обезпеченный сбытъ всевозможныхъ товаровъ въ Германію и Австрію создавалъ и въ чисто-экономическомъ смыслѣ весьма благопріятную коньюнктуру для нашего края. Мы и пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки. Парализованная буржуазія сѣвера устремилась въ Кіевъ. А у насъ учреждались все новыя и новыя акціонерныя компаніи и дѣлались крупныя дѣла.

Эта черта гетманскаго времени воплощается для кіевлянъ въ таинственномъ словѣ «Протофисъ». Таково было сокращенное наименованіе Всеукраинскаго союза торговли, промышленности и финансовъ. Протофисъ образовался въ первые же дни гетманщины, на торгово-промышленномъ съѣздѣ, на которомъ съ большой рѣчью выступилъ новый министръ торговли Гутникъ. Онъ существовалъ все это время и былъ весьма активнымъ факторомъ въ нашей внутренней политикѣ.

Въ связи съ оживленіемъ промышленности, банковъ, биржи, въ эпоху гетмана возстановились до нѣкоторой степени и функціи суда. Помогли этому и невольныя послабленія въ области украинизаціи, о которыхъ рѣчь впереди. Адвокатура вновь почувствовала нѣкоторую почву подъ ногами. Превращеніе Кіева въ столицу, обиліе административныхъ дѣлъ, — въ частности, проведеніе уставовъ и концессій, — обезпечивали для дѣловыхъ адвокатовъ хорошія времена. Наряду съ этимъ, начавшіяся нѣсколько позднѣе политическія преслѣдованія вызывали необходимость въ организаціи политическихъ защитъ. Были даже попытки учрежденія «группы политическихъ защитниковъ», подобно той группѣ, которая работала въ 1905 — 1907 гг.

---

* Въ настоящее время Грёнеръ, какъ извѣстно, является министромъ путей сообщенія въ республиканскомъ правительствѣ Германіи.

У меня лично связано съ гетманскимъ временемъ одно весьма своеобразное воспоминаніе изъ области адвокатской практики.

Это было въ концѣ мая 1918 года. Однажды предъ вечеромъ телефонируютъ ко мнѣ изъ комитета еврейск. объед. соц. партіи и просятъ выѣхать въ тотъ же вечеръ съ членомъ комитета Шацомъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ нѣсколько дней тому назадъ арестованъ тов. городского головы Лембергъ, предсѣдатель Гор. Думы Рутгайзеръ и еще одинъ гласный, по обвиненію въ анти-германской пропагандѣ. Завтра утромъ ихъ будутъ судить въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Возможно, что допустятъ защитниковъ. Комитетъ проситъ меня, вмѣстѣ съ Шацомъ, взять на себя защиту.

Я былъ крайне взбудораженъ и смущенъ этимъ предложеніемъ. Военно-полевой судъ, особенно германскій, — тотъ самый военно-полевой судъ, который былъ введенъ роковымъ апрѣльскимъ приказомъ Эйхгорна, — представлялся намъ чѣмъ-то весьма жуткимъ. О дѣлѣ Бѣлоцерковскихъ гласныхъ я слышалъ впервые и не имѣлъ никакого понятія ни о сущности обвиненія, ни о возможностяхъ защиты. И притомъ предстояло выступить въ германскомъ судѣ, процессуальные порядки котораго были мнѣ совершенно неизвѣстны, и плэдировать на нѣмецкомъ языкѣ...

Но отказать въ своемъ содѣйствіи я считалъ себя не въ правѣ и поэтому, сложивъ фракъ и необходимыя вещи, отправился на вокзалъ. Въ поѣздѣ меня познакомили съ пріѣхавшими изъ Бѣлой-Церкви членами городской управы, которые и разсказали намъ вкратцѣ суть дѣла. Подсудимыхъ обвиняли въ произнесеніи «рѣчей возмутительнаго содержанія» въ засѣданіи думы вскорѣ послѣ германскаго переворота. Они нѣсколько дней тому назадъ были арестованы, допрошены и въ любой день, когда засѣдаетъ полевой судъ, дѣло ихъ можетъ быть заслушано. Завтра, въ субботу, въ 8 часовъ утра — очередное засѣданіе суда. Къ этому времени нужно явиться въ штабъ, прочитать дѣло и «подготовиться къ защитѣ».

На слѣдующее утро, — надѣвъ фраки со значками, чтобы хоть чѣмъ-нибудь импонировать нѣмецкимъ офицерамъ, — мы отправились въ штабъ расположенной въ Бѣлой-Церкви германской дивизіи. Штабъ помѣщался въ старинной помѣщичьей усадьбѣ владѣлицы мѣстечка — графини Браницкой. Наши информаторы еще раньше объяснили намъ, что все дѣло находится въ рукахъ одного лейтенанта, котораго называютъ «Gerichtsoffizier»; онъ велъ слѣдствіе, онъ же будетъ и обвинять на судѣ. Послѣ переговоровъ съ накрашенной особой, которая исполняла обязанности секретаря и переводчика, мы и предстали предъ свѣтлыя очи этого лейтенанта.

Лейтенантъ Флешъ принялъ насъ вѣжливо, но съ глубокимъ сознаніемъ своего величія. Дѣло, къ счастью, должно было слушаться только черезъ недѣлю, и, хотя показать самые акты Флешъ обѣщалъ только предъ засѣданіемъ, но изъ разговора съ нимъ мы составили себѣ приблизительное представленіе о томъ, что ожидаетъ насъ на судѣ. Самъ Флешъ былъ великолѣпенъ въ истинно-прусскомъ апломбѣ своихъ непогрѣшимыхъ сужденій. Разумѣется, обвиняемые были виновны во всемъ, что имъ приписываютъ; и разумѣется, ничего другого нельзя и ожидать отъ этой городской управы, состоящей изъ русскихъ соціалистовъ. Дума занимается только политическими разговорами и агитаціей. А всѣ отрасли городского хозяйства, — и въ томъ числѣ, какъ онъ выразился, «das Bordellenwesen», — совершенно запущены...

Изъ разговора съ Флешемъ мы приблизительно уяснили себѣ характеръ германскаго военно-полевого судопроизводства. Постояннаго состава суда не существовало. Судъ назначался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приказомъ командующаго генерала. Вся подготовка дѣла, слѣдствіе, прокурорскія обязанности и наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ лежали на «судебномъ офицерѣ (Gerichtsoffizier), имѣвшемся при каждомъ штабѣ или комендатурѣ. Онъ фактически предсѣдательствовалъ и въ засѣданіи и даже, самъ не подавая голоса, руководилъ совѣщаніемъ судей.

Самый процессъ былъ свободенъ отъ формальностей и не очень связанъ законами *. Судъ могъ по своему усмотрѣнію повышать и понижать назначенныя въ уголовномъ кодексѣ наказанія. А командующій генералъ, въ качествѣ верховнаго распорядителя надъ судомъ, обладалъ неограниченнымъ правомъ не утверждать и измѣнять уже состоявшіеся приговоры суда. Отъ него же зависѣло и допущеніе защиты, преданіе суду, назначеніе засѣданій и т. д. Всѣ эти правила имѣлись въ видѣ печатной инструкціи, которая, однако, какъ военная тайна, штатскимъ на руки не выдавалась.

Ощущеніе нѣкоторой жути, съ которымъ я взялся за эту защиту, разумѣется, не могло пройти послѣ разговора съ Флешомъ. Мало того, что приходилось защищать на чужомъ языкѣ, предъ враждебными судьями — неюристами; какъ теперь выяснилось, намъ предстояло участвовать въ процессѣ, не зная и даже не имѣя возможности узнать тѣ законы, по которымъ онъ происходитъ . . .

Однако, дѣлать было нечего. Положеніе обвиняемыхъ б е з ъ з а щ и т н и к а представлялось намъ при этихъ условіяхъ еще въ тысячу разъ трагичнѣе. И мы надѣялись, по мѣрѣ силъ, помочь имъ въ предстоявшей неравной борьбѣ.

Повидавшись съ подзащитными и условившись относительно подлежащихъ вызову свидѣтелей, мы съ Шацомъ въ тотъ же вечеръ отправились обратно въ Кіевъ. Черезъ недѣлю я снова поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь, но уже не съ Шацомъ, который заболѣлъ тифомъ, а съ членомъ центральнаго комитета Бунда Ниренбергомъ. Остановились мы въ Бѣлой-Церкви у городского головы Каткова — симпатичнѣйшаго провинціальнаго ветеринара и земца старой школы, который долженъ былъ быть главнымъ свидѣтелемъ защиты.

На слѣдующее утро, предъ засѣданіемъ, мы успѣли наскоро просмотрѣть протоколы допросовъ и уяснили себѣ уязвимыя мѣста обвиненія. Оно было цѣликомъ построено на показаніяхъ полицейскаго чина, присутствовавшаго въ засѣданіи Думы, но сидѣвшаго у выходныхъ дверей и часто покидавшаго залъ, чтобы подышать воздухомъ. У нѣмцевъ, на основаніи малограмотнаго доноса этого урядника, создалось впечатлѣніе, что это собраніе было чѣмъ-то въ родѣ митинга. Намъ нетрудно было установить на судѣ, что въ дѣйствительности имѣло мѣсто очередное засѣданіе Городской Думы, на которомъ подсудимые выступали съ докладомъ о съѣздѣ городскихъ дѣятелей, незадолго предъ тѣмъ происходившемъ въ Кіевѣ. Въ дѣйствительности докладъ, разумѣется, носилъ рѣзко анти-германскій и анти-гетманскій характеръ. Но Флешу не удалось установить это путемъ допроса, при помощи переводчика, полицейскаго урядника.

---

* Между прочимъ, въ рядѣ случаевъ германскій судъ, предвкушая грядущіе пріемы большевистскаго трибунала, превращалъ во время самаго засѣданія свидѣтелей въ обвиняемыхъ и тутъ же выносилъ имъ приговоръ. Такъ было, напр., съ Голубовичемъ въ дѣлѣ объ арестѣ Добраго.

Катковъ же и нѣкоторые гласные, допрошенные по нашей ссылкѣ, дали показанія въ пользу подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, на судебномъ слѣдствіи создалась обстановка, довольно благопріятная для подсудимыхъ. Наши защитительныя рѣчи судъ выслушалъ со вниманіемъ. Къ намъ вообще относились корректно и съ видимымъ любопытствомъ. Бравый майоръ, предсѣдательствовавшій въ судѣ, только одинъ разъ остановилъ моего коллегу.

Несмотря на всѣ эти признаки, я лично не сомнѣвался въ обвинительномъ вердиктѣ. Отношеніе судей къ подсудимымъ, какъ къ русскимъ, революціонерамъ и евреямъ, было явно враждебнымъ. Флешъ, подзадориваемый наличностью защиты, изо всѣхъ силъ старался добиться обвиненія. Казалось, что, каковы бы не были результаты слѣдствія, приговоръ долженъ былъ прежде всего поддержать нѣмецкій престижъ и, ужъ во всякомъ случаѣ, не осканда-лить Флеша.

Съ большимъ волненіемъ возвратились мы поэтому въ залъ, когда насъ позвали для объявленія приговора. «Судъ постановилъ, — заявилъ Флешъ, — признать подсудимыхъ оправданными. У суда имѣются подозрѣнія, что рѣчи возмутительнаго содержанія дѣйствительно были произнесены. Но слѣдствіе не дало тому достаточныхъ доказательствъ»...

— Нѣмецкая добросовѣстность за себя постояла, подумалъ я, услышавъ этотъ неожиданно-пріятный приговоръ.

Послѣ этого перваго дебюта мнѣ приходилось еще не разъ выступать въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Въ той же Бѣлой-Церкви я защищалъ нѣкоего Гельфмана, который имѣлъ неосторожность насплетничать въ Кіевѣ, Кіевѣ, что бѣлоцерковскіе нѣмецкіе интенданты берутъ взятки. Гельфманъ былъ привлеченъ къ суду за ложный доносъ, Флешъ издѣвался надъ нимъ и назвалъ его въ своей рѣчи «ein schmutziger Jude»; доказательствъ злоупотребленій со стороны интендантовъ у обвиняемаго, разумѣется, не было. Послѣ продолжительнаго засѣданія, онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюрьмы. Я никогда не забуду отчаянія и плача, съ которымъ встрѣтила этотъ суровый приговоръ многоголовная семья Гельфмана. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что нѣмцы вѣроятно не просидятъ и года на Украинѣ, такъ что пятилѣтнее заключеніе останется только на бумагѣ. Такъ оно впослѣдствіи и случилось: уже въ декабрѣ 1918 года Гельфманъ былъ освобожденъ изъ Васильковской тюрьмы, въ которой отбывалъ наказаніе.

Было у меня нѣсколько дѣлъ въ нѣмецкомъ полевомъ судѣ и въ Кіевѣ: храненіе оружія, шпіонажъ, оскорбленіе величества. Была и защита домовладѣльца, обвинявшагося въ спекулятивномъ повышеніи цѣнъ на квартиры. Какъ это послѣднее преступленіе можно было подвести подъ приказъ Эйхгорна, — это остается на совѣсти кіевскаго Gerichtsoffizier'а лейтенанта Бюттнера.

Подслѣдственные и обвиненные германскимъ судомъ содержались въ арестномъ домѣ, рядомъ съ Лукьяновской тюрьмой, который, послѣ надлежащей чистки, былъ превращенъ въ особую германскую тюрьму. Тамъ въ отдѣльной камерѣ содержались обвиненные по дѣлу Добраго — Голубовичъ, Жуковскій и др. Тамъ же окончилъ свои дни несчастный убійца Эйхгорна Борисъ Донской.

Ежедневно къ воротамъ «нѣмецкой тюрьмы» подходили и подъѣзжали жены заключенныхъ и передавали имъ обѣдъ. Свиданія разрѣшались довольно либерально; въ частности я, какъ защитникъ, имѣлъ всегда доступъ къ своимъ кліентамъ.

Самымъ тяжелымъ моимъ дѣломъ въ нѣмецкомъ судѣ былъ процессъ бывшаго мирового судьи П., обвинявшагося въ шпіонажѣ. Онъ передалъ какому-то посланцу пакетъ съ различными свѣдѣніями о германской арміи и въ томъ числѣ съ картой ея расположенія на Украинѣ для врученія англійскому консулу въ Москвѣ. Посланецъ, однако, предпочелъ вручить преступный пакетъ нѣмецкому начальству въ Кіевѣ. Отрицать, что онъ передалъ пакетъ посланцу, было для П. невозможно.

Положеніе его предъ германскимъ военнымъ судомъ было трагическое. Въ результатѣ дѣла нельзя было и сомнѣваться, если бы только оно дошло до разбирательства. Вся наша цѣль въ томъ и состояла, чтобы «тянуть» и какънибудь отдалить этотъ роковой день. Судьба помогла намъ въ этихъ нелойяльныхъ намѣреніяхъ и дѣло было назначено къ слушанію только въ ноябрѣ, незадолго до заключенія перемирія на Западномъ фронтѣ.

Вечеръ, когда я узналъ о назначеніи дѣла, былъ самымъ тяжелымъ моментомъ въ моей адвокатской практикѣ. Одновременно съ извѣстіемъ о назначеніи дѣла къ слушанію на слѣдующее утро, мнѣ сообщили, что комендантъ города въ послѣднюю минуту отказался допустить меня къ защитѣ и назначилъ защитникомъ какого-то офицера...

Какимъ-то образомъ, однако, колесо фортуны въ послѣднюю минуту повернулось въ сторону моего кліента. Часовъ въ семь вечера я былъ экстренно вызванъ въ комендатуру и лейтенантъ Бюттнеръ сообщилъ мнѣ, что онъ все-таки побудилъ коменданта допустить меня къ защитѣ; дѣло поэтому откладывается и мнѣ дается срокъ для ознакомленія съ документами. Черезъ недѣлю произошла революція въ Берлинѣ, еще черезъ два дня было подписано перемиріе. О назначеніи дѣла П. къ слушанію не было и рѣчи. «Es macht keinen Spaß mehr!» какъ откровенно признался Бюттнеръ.

П., вмѣстѣ съ другими заключенными «нѣмецкой тюрьмы», былъ вскорѣ освобожденъ въ силу общей амнистіи.

Нѣмецкіе военно-полевые суды налагали на подсудимыхъ очень тяжкія наказанія — 5 лѣтъ тюрьмы за пустяшный проступокъ Гельфмана, $2^1/_2$ года тюрьмы за нарушеніе приказа о выдачѣ оружія и т. п. могутъ служить тому примѣрами. Положеніе подсудимыхъ, не знающихъ нѣмецкаго языка, было ужасно; произволъ «Gerichtsherr'a» (коменданта) и всепоглощающія функціи «Gerichtsoffizier'a» мало соотвѣтствовали представленію объ упорядоченномъ судопроизводствѣ. Однако, если сравнить эти суды съ остальными формами политической расправы, которыя практиковались въ то время, то придется признать, что это была еще наилучшая форма. Она была лучше административныхъ высылокъ, производимыхъ въ большомъ количествѣ самими нѣмцами; и она была несравненно лучше полицейскихъ репрессій, за которыя принялось гетманское правительство.

Къ серединѣ лѣта въ кабинетѣ министровъ наибольшее вліяніе получилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Игорь Кистяковскій. Онъ былъ самымъ толковымъ и активнымъ членомъ гетманскихъ кабинетовъ. Но и въ новой роли его не оставила та неудержимая безпринципность, которой онъ отличался уже въ качествѣ адвоката. Вплоть до послѣдней фазы гетманщины онъ проводилъ украинскую національную политику, что не помѣшало ему вступить 15 ноября 1918 года въ новый кабинетъ, лозунгомъ котораго было возстановленіе единой и недѣлимой Россіи... Игорь Кистяковскій и во время и послѣ гетмана былъ у насъ притчей во языцѣхъ. Его обвиняли во всевозможныхъ порокахъ и называли «злымъ

геніемъ» Скоропадскаго. Едва ли, однако, это было такъ. Народная молва, по моему убѣжденію, сильно преувеличивала значеніе и зловредность его личности.

Въ одной изъ своихъ программныхъ рѣчей Кистяковскій установилъ принципіальное различіе между «эволюціоннымъ» и «революціоннымъ» соціализмомъ; по отношенію къ первому обѣщана была терпимость, второму же объявлялась безпощадная борьба. И, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эта борьба свелась къ тому, что «вартовые», замѣнившіе прежнихъ урядниковъ, хватали кого имъ было угодно изъ общей массы участниковъ революціоннаго движенія; этимъ послѣднимъ затѣмъ предоставлялось, сидя въ узилищахъ, доказывать, что они исповѣдуютъ не «революціонный», а «эволюціонный» соціализмъ. Кому не удавалось доказать это, тотъ обычно подвергался выдачѣ германскимъ властямъ, упрятывавшимъ его въ одинъ изъ ближайшихъ концентраціонныхъ лагерей.

И какъ неизбѣжно бываетъ при всѣхъ формахъ административныхъ репрессій, личные счеты, доносъ и взятка стали рѣшающими факторами этой организованной Кистяковскимъ юстиціи.

Положеніе адвоката въ подобныхъ дѣлахъ было совершенно безсильно. Пріѣзжаетъ, бывало, изъ какого-нибудь городка мать, сестра или жена арестованнаго, устанавливаетъ со слезами на глазахъ гнусную подоплеку дѣла и молитъ о защитѣ. Но что дѣлать и чѣмъ ей помочь? Приходилось обыкновенно ограничиваться составленіемъ какого нибудь прошенія, которое имѣло единственной цѣлью успокоить несчастную женщину и едва ли когда-либо дѣйствительно помогало арестованному. Если арестъ былъ произведенъ нѣмцами и прошеніе подавалось въ какой нибудь штабъ, то черезъ нѣсколько дней хоть получался тотъ или иной (обычно, неутѣшительный) отвѣтъ. Если же арестованный числился за «Державной Вартой» или за какимъ либо «Воеводой» (губернаторомъ), то въ этомъ случаѣ нельзя было разсчитывать даже на отвѣтъ. Въ отдѣльныхъ, наиболѣе серьезныхъ дѣлахъ, когда аресты носили массовый характеръ, мы пытались лично обращаться къ министру юстиціи либо къ прокурору судебной палаты. Насъ обыкновенно принимали очень любезно и обѣщали полное содѣйствіе; тѣмъ дѣло и кончалось. Изъ такихъ крупныхъ дѣлъ я помню въ своей практикѣ случай высылки въ концентраціонный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволеннаго учителя талмудъ-торы; и арестъ нѣсколькихъ десятковъ наиболѣе почтенныхъ обывателей мѣстечка Казатинъ, организованный, съ явно шантажными цѣлями, какимъ-то житомирскимъ портнымъ...

Еще болѣе тяжелый характеръ носили массовыя репрессіи противъ крестьянъ. Были образованы особыя комиссіи по возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ въ революціонную эпоху землевладѣльцамъ. Установленныя комиссіями суммы убытковъ безжалостно выколачивались у крестьянъ съ примѣненіемъ начала круговой поруки. Деревня отвѣчала мѣстными возстаніями, подавлявшимися съ большой жестокостью.

Изъ городского населенія больше всѣхъ подвергались репрессіямъ евреи. Гетманское правительство взяло антисемитскій курсъ, котораго и слѣдовало отъ него ожидать. Гетманъ опирался съ одной стороны на нѣмцевъ, съ другой — на правые русскіе круги. Во многихъ отношеніяхъ эти его десница и шуйца расходились и тянули каждая въ свою сторону. Но въ еврейскомъ вопросѣ онѣ были болѣе или менѣе солидарны: и десница, и шуйца не любили евреевъ и приписывали евреямъ всѣ крайности революціи.

Когда, въ концѣ апрѣля 1918 г., Центральная Рада была разогнана, въ новомъ министерствѣ посты министровъ по національнымъ дѣламъ не были заняты, а затѣмъ самыя министерства были упразднены. За ихъ ликвидацію и за отказъ отъ принципа національно-персональной автономіи высказался въ совѣтѣ министровъ, между прочимъ, министръ торговли и промышленности, еврей С. М Гутникъ. Еврейскій національный совѣтъ, однако, продолжалъ существовать. Имъ мало интересовались, но его не закрывали. Въ главѣ II-ой я указалъ способъ образованія и составъ этого совѣта: въ него входили представители четырехъ партій (3-хъ соціалистическихъ и Фолькспартай), всего 40 человѣкъ. Сіонисты бойкотировали Совѣтъ, ортодоксальный «Ахдусъ» не былъ въ него допущенъ. Какъ я указалъ, положеніе Совѣта становилось совершенно ненормальнымъ послѣ того, какъ произведенные всеобщимъ голосованіемъ выборы въ еврейскіе общинные совѣты повсюду доставили большинство сіонистамъ и ортодоксамъ. Теперь, когда за спиной Совѣта уже не было соціалистической Рады, онъ совсѣмъ висѣлъ въ воздухѣ. Приходилось либо преобразоваться и включить правыя группы, либо устраниться.

Мнѣнія по этому вопросу въ Совѣтѣ расходились. «Объед. еврейскіе соціалисты», съ Литваковымъ и Хургинымъ во главѣ, заняли совершенно непримиримую позицію. Они отказывались «своими руками передать власть въ руки реакціи». Но Рафесъ, со своимъ реалистическимъ чутьемъ, предлагалъ пойти на компромиссъ. Не считаться съ измѣнившимися условіями, — говорилъ онъ въ своей рѣчи, — не значитъ соблюдать завѣты революціи. Что сказали бы мы о какихъ нибудь 50-ти сѣчевикахъ, которые продолжали бы стоять и, съ бомбами въ рукахъ, охранять опустѣвшее зданіе Рады? И должны ли мы, — сорокъ сѣчевиковъ, — уподобиться имъ и стоять у входа въ Національный Совѣтъ, который превратился въ пустое мѣсто?

Точка зрѣнія Рафеса взяла верхъ. Было рѣшено включить въ составъ Національнаго Совѣта сіонистовъ и Ахдусъ. И послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ принятъ слѣдующій хитроумный модусъ: наличныя партіи сохраняютъ 50% мѣстъ и 50% получаютъ вновь вступающія группы.

Нетрудно представить себѣ, сколь плодотворна могла быть работа конструированнаго такимъ образомъ новаго Національнаго Совѣта. По огромному большинству вопросовъ голоса раздѣлялись въ немъ поровну и никакихъ рѣшеній не принималось. Это было абсолютно мертворожденное учрежденіе. Я изрѣдка посѣщалъ засѣданія Совѣта и могъ только удивляться, какъ взрослые люди могутъ такъ безнадежно топтаться на одномъ мѣстѣ.

Къ концу владычества гетмана былъ, по инціативѣ націон. совѣта, созванъ всеукраинскій еврейскій съѣздъ, состоявшій изъ выборныхъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Большинство на съѣздѣ было въ рукахъ сіонистовъ. Съѣздъ избралъ различнаго рода исполнительные органы и даже делегацію на мирный конгрессъ, но работа этихъ учрежденій еще не успѣла обнаружиться, какъ появилась Директорія, воскресившая національную политику Центральной Рады и въ томъ числѣ еврейское министерство во главѣ съ соціалистомъ *). А затѣмъ пришли большевики и всѣ національные вопросы были упразднены. . .

Я говорилъ уже о томъ, что благодаря частичному замиренію, порядку и возстановленію права собственности, эпоха гетмана была для Кіева и всей Украины временемъ высокой коньюнктуры. Дѣйствительно, хотя хозяйственная

* Этотъ постъ занималъ п.-ц. Ревуцкій.

жизнь носила нѣсколько взвинченный, спекулятивный характеръ, хотя прочной валюты не было, деньги обезцѣнивались и цѣны росли, — все же лѣтомъ и осенью 1918 года жизнь въ Кіевѣ била ключомъ. Сами нѣмцы, создавшіе у насъ «Ordnung» и сдѣлавшіе возможнымъ хозяйственный подъемъ, позитивно ничѣмъ не могли способствовать благосостоянію оккупированной Украины. Это былъ моментъ наибольшого экономическаго истощенія Германіи и нѣмцы ждали отъ насъ питательной манны. Поэтому они, въ нарушеніе всѣхъ традицій, фигурировали у насъ не какъ импортеры, а исключительно какъ экспортеры. Притомъ предметомъ вывоза въ Германію служило не только продовольствіе и сырье; даже такіе предметы, какъ электрическая арматура и лампочки, скупались нѣмцами въ кіевскихъ розничныхъ магазинахъ и вывозились въ Германію. Снабжали нѣмцы насъ книгами (въ томъ числѣ русскими, въ изданіи Ладыжникова) и отчасти химическими продуктами, въ частности аптекарскими товарами. Но главная роль ихъ въ хозяйственной жизни была, какъ сказано, роль покупателей. Покупатели же они были крупные и щедрые, платили аккуратно въ германскихъ маркахъ *. Поэтому торгово-промышленный міръ охотно съ ними работалъ.

Огромной заслугой нѣмцевъ было то, что они наладили у насъ транспортъ. Стало опять возможнымъ ѣздить и перевозить грузы по желѣзнымъ дорогамъ. Связь съ Польшей и Германіей была вполнѣ нормальная: изъ Кіева въ Берлинъ поѣзда шли около двухъ сутокъ.

Сравнительное благополучіе Кіева въ гетманское время рѣзко оттѣнялось быстрымъ обнищаніемъ Петрограда и Москвы, подпавшихъ подъ власть большевиковъ. На сѣверѣ начинался уже голодъ, который былъ намъ еще совершенно незнакомъ. А начиная съ осени, послѣ покушенія на Ленина, начался и красный терроръ, съ разстрѣломъ заложниковъ, чрезвычайками и ревтрибуналами.

Всѣ, кто только какъ-нибудь могъ, устремились къ намъ на югъ. Кіевъ, хотя и на короткое время, сталъ подлиннымъ всероссійскимъ центромъ.

Къ намъ переѣхали правленія всѣхъ банковъ, крупные промышленники и финансисты, представители аристократіи, придворныхъ и бюрократическихъ круговъ. За ними потянулась и интеллигенція — адвокаты, профессора, журналисты. Все устремилось въ Кіевъ . . .

Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1918 г., у насъ, можно сказать, перебывалъ «весь Петроградъ» и «вся Москва». Были основаны газеты съ петроградскими редакторами и сотрудниками, въ театрахъ гастролировали столичные артисты, въ мѣстныхъ банковскихъ филіалахъ пріютились центральныя правленія банковъ.

Городъ былъ переполненъ, найти комнату становилось почти невозможнымъ, квартиры продавались за сотни тысячъ. На улицахъ было необычное оживленіе, кинематографы и театры не вмѣщали всѣхъ жаждавшихъ развлеченія, открылись десятки новыхъ кабарэ, кафе и игорныхъ клубовъ. Попавъ послѣ московскаго ада въ это кіевское эльдорадо, русскій человѣкъ кутилъ, сорилъ деньгами, основывалъ новыя предпріятія и спекулировалъ. Разумѣется, въ этомъ вихрѣ излишествъ кружились только немногочисленные слои богатыхъ и разбогатѣвшихъ. Широкіе же круги Петрограда и Москвы, въ особенности круги

* При вступленіи нѣмецкихъ войскъ въ Кіевъ былъ объявленъ обязательный курсъ 1 марка = 66 коп. Затѣмъ курсъ марки былъ повышенъ до 75 коп. Австрійская крона обращалась по курсу 50 коп. Нѣмецкая и австрійская валюты обращались въ публикѣ и охотно принимались по этимъ курсамъ.

интеллигентскіе, снявшись съ мѣстъ, начали тогда свою печальную бѣженскую страду . . .

Не знаю, были ли наши сѣверные гости довольны оказаннымъ имъ пріемомъ; думаю даже, что большинство, не имѣвшее въ Кіевѣ родныхъ, могло быть весьма недовольно испытаніями, которыя пришлось пережить въ дорогомъ, переполненномъ и кутящемъ Кіевѣ. Но наша кіевская интеллигентская среда, въ частности адвокатура, была чрезвычайно рада тому оживляющему и стимулирующему контакту со столичными товарищами, которымъ она была обязана ихъ несчастью и изгнанію.

Однажды въ серединѣ іюня, предъ вечеромъ, мнѣ принесли телеграмму со станціи Ворожба отъ М. М. Винавера, извѣщающую о его пріѣздѣ въ Кіевъ. Телеграмма не была подписана фамиліей М. М., что указывало на конспиративный характеръ его пріѣзда. Я еле успѣлъ выѣхать на вокзалъ ему навстрѣчу. Въ окнѣ подъѣзжавшаго поѣзда я увидѣлъ знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ преображенное лицо. Присмотрѣвшись, я замѣтилъ, что М. М. сбрилъ бороду; это одно показало мнѣ, черезъ какія испытанія онъ, должно быть, прошелъ въ послѣдніе мѣсяцы.

М. М. Винаверъ пробылъ тогда въ Кіевѣ, на пути въ Крымъ, недѣли двѣ. На слѣдующій день послѣ пріѣзда онъ сообщилъ мнѣ по секрету полученное имъ отъ Григоровича-Барскаго извѣстіе, что П. Н. Милюковъ — также въ Кіевѣ, притомъ также конспиративно, даже съ обритыми усами. Вскорѣ и произошло свиданіе обоихъ кадетскихъ лидеровъ. Вѣсть объ ихъ пребываніи въ Кіевѣ быстро распространилась по городу, а затѣмъ попала и въ печать.

Не буду перечислять всѣхъ перебывавшихъ въ эти мѣсяцы въ Кіевѣ петроградскихъ и московскихъ адвокатовъ. Нашими гостями оказались всѣ видные представители сословія. Число ихъ было такъ велико, что въ цѣляхъ взаимной информаціи и координированія дѣйствій и петроградцы и москвичи собирались въ общія собранія и избрали исполнительныя бюро обѣихъ группъ. Многіе зачислились въ кіевскую адвокатуру и выступали въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ. —

Установившееся сравнительное спокойствіе и временная остановка процесса обнищанія дали возможность подумать и о научной работѣ. Связь съ Германіей доставляла случай печатать книги по дешевымъ цѣнамъ въ Лейпцигѣ. Представители нѣмецкихъ издательствъ пріѣзжали съ этой цѣлью въ Кіевъ и, кажется, были уже подписаны нѣкоторые контракты. Быстрое крушеніе гетманства не дало осуществиться этимъ проэктамъ и, кромѣ карбованцевъ и гривенъ, ничего въ Германіи для насъ напечатано не было.

Состоявшее при Кіевскомъ университетѣ Юридическое общество, руководимое правой профессурой, бездѣйствовало съ начала революціи. У группы молодыхъ юристовъ, во главѣ съ проф. В. И. Синайскимъ, возникла лѣтомъ 1918 года мысль создать, параллельно съ университетской, еще одну болѣе живую ассоціацію правовѣдовъ. Вскорѣ такое общество и было основано подъ названіемъ Кіевскаго О-ва юристовъ «Право и жизнь». Съ осени наше общество стало выпускать еженедѣльный журналъ, также пазывавшійся «Право и жизнь» и составляемый по образцу заслуженныхъ «Права» и «Вѣстника права и нотаріата». Журналъ дожилъ, кажется, до седьмого или восьмого номера. Набранный въ январѣ 1919 г. очередной выпускъ не былъ разрѣшенъ большевистской цензурой.

* * *

Нѣмцы, видимо, крѣпко держали въ своихъ рукахъ Украину, Крымъ, Пріазовскій край. Отношенія ихъ съ московскимъ совнаркомомъ были какія-то неясныя и нетвердыя *. Но несомнѣнно было одно: они не хотѣли дать большевизму возможность распространиться на плодородный югъ Россіи. И пока германская армія занимала Украину, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Большевики какъ будто признали въ то время независимость «Украинской Державы». Въ Петроградѣ и Москвѣ были учреждены украинскія консульства, которыя стали исполнять функціи, впослѣдствіи оказавшіяся основнымъ назначеніемъ всѣхъ вообще иностранныхъ миссій въ Совѣтской Россіи; а именно, они начали промышлять выдачей болѣе или менѣе законныхъ документовъ объ украинскомъ происхожденіи и подданствѣ. Этимъ способомъ они доставляли тысячамъ возможность выбраться за предѣлы Совѣтскаго государства.

Въ серединѣ лѣта прибыла въ Кіевъ Совѣтская мирная делегація. Во главѣ ея стоялъ будущій властитель Совѣтской Украины Раковскій.

Въ украинской мирной делегаціи предсѣдательствовалъ Шелухинъ. Переговоры велись, по большевистскому обычаю, публично, со стенографической записью рѣчей. Для большей продуктивности, обѣ стороны, прекрасно понимавшія другъ друга, объяснялись черезъ переводчика. Фактически переговоры свелись къ безконечному обмѣну колкостями и не привели ни къ чему. Большевики использовали ихъ для пропаганды и рекогносцировки; но для чего они нужны были украинцамъ и стоявшимъ за ихъ спиной нѣмцамъ, — ты, Господи, вѣси.

Пребываніе нѣмцевъ на Украинѣ совпало съ наиболѣе драматическимъ періодомъ міровой войны — съ грандіознымъ вторичнымъ наступленіемъ германцевъ противъ Парижа и съ послѣдовавшимъ затѣмъ контръ-наступленіемъ Фоша и пораженіемъ германской арміи. Мы принуждены были смотрѣть на всѣ эти событія глазами нѣмцевъ, такъ какъ наша информація ограничивалась нѣмецкими источниками. Оффиціальныя сводки за подписью Людендорфа извѣщали насъ объ успѣхахъ германскаго оружія; попадавшая къ намъ нѣмецкая пресса, какъ водится, раздувала и подогрѣвала эти извѣстія.

Стоявшія у насъ германскія части представлялись намъ чудомъ организованности и дѣловитости. Однако, духъ этой арміи уже давалъ трещины. Правда, офицерство сохраняло свою классическую самоувѣренность и высокомѣріе. Но всѣмъ было вѣдомо, что а parte тѣ же самые лейтнанты — какъ германскіе, такъ въ особенности австрійскіе — сбавляли тонъ и шибко обдѣлывали всевозможныя дѣла съ русскими, украинскими и еврейскими «лиходателями». Солдаты же расквартированныхъ у насъ нѣмецкихъ частей, набранные изъ наименѣе активныхъ элементовъ арміи, съ самаго начала не проявляли никакого воинскаго энтузіазма. Помню поразившій меня разговоръ между двумя солдатами, читавшими вывѣшенную сводку объ очередной побѣдѣ. «Довольно кормили насъ извѣстіями о тысячахъ плѣнныхъ — мира бы намъ, одного только мира»... Эти слова были сказаны солдатомъ, на улицѣ, у самаго входа въ комендатуру. Притомъ дѣло было, кажется, еще въ апрѣлѣ 1918 года.

Въ іюлѣ, на пути изъ зданія штаба въ свою квартиру, былъ убитъ брошенной въ него бомбой германскій главнокомандующій фельдмаршалъ Эйхгорнъ.

---

* Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ выражаетъ сожалѣніе по поводу двойственности германской политики въ отношеніи большевиковъ. Слѣдовало, — говоритъ онъ, — въ 1918 г. произвести короткіе удары на Петроградъ и Москву и посадить тамъ другое правительство, хотя бы цѣной измѣненія Брестскаго мира (S. 529).

Почти одновременно съ этимъ, въ Москвѣ, жертвой террористическаго акта палъ германскій посолъ графъ Мирбахъ. Эти два факта не вызвали со стороны нѣмцевъ ожидаемой реакціи. Очевидно, Германія не чувствовала себя уже въ силахъ отвѣтить на нихъ такъ, какъ она отвѣтила въ 1900 году китайскимъ боксерамъ на убійство нѣмецкаго посла Келлера...

Аппарансы, впрочемъ, соблюдались до самаго конца. Еще въ сентябрѣ 1918 года, когда положеніе на Западномъ фронтѣ стало уже критическимъ, императоръ Вильгельмъ пригласилъ къ себѣ въ гости гетмана Скоропадскаго, которому показывали заводы Круппа, Кильскія пароходныя верфи и т. д. И по возвращеніи въ Кіевъ, гетманъ заявилъ (эти слова тогда же попали въ прессу), что послѣ всего видѣннаго у него нѣтъ сомнѣній въ непобѣдимости Германіи.

Однако, совершенно скрыть истину становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ. Отступленіе во Фландріи и параллельное отступленіе полицейски-монархическаго режима на внутреннемъ фронтѣ довольно явно обнаруживали приближеніе роковой развязки. А затѣмъ пришло 9 ноября 1918 года, образованіе правительства Эберта въ Берлинѣ и — «Soldatenrat» въ Кіевѣ.

Внезапный разгромъ германской арміи и заключеніе перемирія на продиктованныхъ ей убійственныхъ условіяхъ тотчасъ же отразились на направленіи внутренней политики гетманскаго правительства. Политика эта, съ самаго начала гетманства, была совершенно безпринципной. Единственнымъ постояннымъ элементомъ въ правительственной программѣ было угожденіе нѣмцамъ. Нѣмцы, повидимому, хотѣли образованія независимой Украины*); поэтому гвардейскій офицеръ Скоропадскій сталъ украинскимъ націоналистомъ и самостійникомъ. Но его націонализмъ, какъ и націонализмъ его приближенныхъ и министровъ, не могъ быть искреннимъ; это былъ лицемѣрный, притворный націонализмъ. Когда Грушевскій и Виниченко производили украинизацію и боролись противъ русскаго языка, это могло казаться некультурнымъ и вреднымъ, но во всякомъ случаѣ это было осуществленіе мечты всей ихъ жизни. Но когда насъ стали украинизировать Скоропадскій и Игорь Кистяковскій, то это сугубо оскорбляло и коробило своимъ напускнымъ, дѣланнымъ характеромъ.

Опираясь на тѣ круги, на которые опиралось правительство гетмана, — то-есть на помѣщиковъ, буржуазію и старое чиновничество, — невозможно было проводить на дѣлѣ украинизаторскую политику. Въ концѣ концовъ, люди, не умѣвшіе говорить по-украински, не могли украинизировать, какими бы національными титулами ихъ не называли. Потому-то весь историческій церемоніалъ, которымъ окружалъ себя гетманъ, — всѣ эти хорунжіе, бунчуковые, атаманы и старшины, — производили впечатлѣніе дурного маскарада. А дѣловыя учрежденія — министерства, суды — подъ новыми украинскими наименованіями сохраняли свою прежнюю русскую сущность**.

Полнѣйшая безпринципность гетмана какъ нельзя лучше проявилась въ послѣдній мѣсяцъ его правленія. Въ первыхъ числахъ ноября въ нашихъ «сферахъ» отчего-то взяло верхъ національно-украинское теченіе. Кабинетъ былъ

---

* За отдѣленіе Украины стояли, по крайней мѣрѣ, германскіе правительственные и парламентскіе круги. Высшее военное командованіе какъ будто предпочитало въ качествѣ германскаго вассала единую Россію.

** «Кіевская Судовая Палата», въ которую былъ преобразованъ учрежденный Радой «Апелляційный судъ», была фактически возстановленной Судебной Палатой; во главѣ ея вновь сталъ Д. Н. Григоровичъ-Барскій. А «Державный Сенатъ», въ который превратился прежній «Генеральный Судъ», фактически сдѣлался кіевскимъ отдѣленіемъ Правительствующаго Сената.

преобразованъ, въ него вошли соціалисты-федералисты и былъ взятъ рѣзко-украинскій курсъ. Но прошли двѣ недѣли, принесшія съ собой германскую революцію и конецъ войны, и картина перемѣнилась съ фантастической быстротой. Украинствующій кабинетъ ушелъ въ отставку, ушелъ даже умѣренный премьеръ Лизогубъ. Мѣсто предсѣдателя Совѣта Министровъ получилъ царскій министръ земледѣлія Гербель, въ министерство внутреннихъ дѣлъ вернулся преображенный Кистяковскій и былъ открыто провозглашенъ курсъ на «единую, недѣлимую Россію».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ правительственной политикѣ произошелъ рѣзкій поворотъ вправо. Доминирующую роль стали играть пріѣхавшіе изъ Петрограда генералы, установился контактъ Кіева съ Добровольческой Арміей, которая тогда шла въ значительной мѣрѣ подъ реакціонными лозунгами. И первымъ актомъ новаго правительства былъ вооруженный разгонъ безобидной студенческой манифестаціи, повлекшій за собой много жертвъ.

Однако, «россійскій» и правый кабинетъ гетмана просуществовалъ всего одинъ мѣсяцъ; образованіе этого кабинета послужило сигналомъ къ возстанію Петлюры, которое закончилось паденіемъ гетманщины.

Петлюра, бывшій въ то время предсѣдателемъ кіевской губернской земской управы, лѣтомъ 1918 года былъ признанъ недостаточно «эволюціоннымъ» соціалистомъ и упрятанъ Игоремъ Кистяковскимъ въ Лукьяновскую тюрьму. Но эфемерное національно-украинское министерство въ началѣ ноября освободило его. А 15-го того же ноября онъ, вмѣстѣ съ Виниченко, выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлую-Церковь и выпустилъ тамъ воззваніе отъ имени «Директоріи Украинской Народной Республики», въ которомъ призывалъ народъ къ возстанію и свержению гетмана.

«Это — авантюра!» съ апломбомъ твердили у насъ всѣ, кто только говорилъ о политикѣ. Объ «авантюрѣ Петлюры» и объ его «бандахъ» писала «Кіевская Мысль» и вся остальная пресса. Однако, эта авантюра все распространялась и усиливалась и, въ концѣ концовъ, вплотную подошла къ Кіеву. Правительство гетмана металось въ безсильной злобѣ, вело переговоры съ высадившимися въ Одессѣ войсками союзниковъ, производило мобилизацію*. Но все это было напрасно. «Авантюра» Петлюры была ужъ очень скороспѣлой и его армія, созданная за 2 недѣли, не могла быть сильна. Но гетманъ, со своими хорунжими и министрами, не опирался ни на кого и не могъ создать никакой арміи...

Нѣсколько дней Кіевъ былъ въ осадѣ, ощущался недостатокъ въ продуктахъ, цѣны подскочили, хлѣбъ стоилъ 3 рубля фунтъ. Союзники все не появлялись, никакой помощи ни извнѣ, ни изнутри подоспѣть не могло и, 14 декабря 1918 года, министерство вынесло постановленіе о сдачѣ города. Власть была передана демократической Городской Думѣ, которая нѣсколькими мѣсяцами раньше была распущена и замѣнена «Комиссіей по дѣламъ городского хозяйства» съ И. Н. Дьяковымъ во главѣ. Теперь, въ послѣдній часъ, гетману пришлось потревожить «революціонную реликвію» — Е. П. Рябцова, которому, по традиціи, была вручена власть надъ городомъ въ эти переходные дни.

Въ Кіевъ вступили войска Директоріи, во главѣ съ командиромъ «осаднаго корпуса» галичаниномъ Коновальцемъ.

---

* 1 декабря былъ объявленъ призывъ 20-тилѣтнихъ, черезъ недѣлю — мобилизація всѣхъ мужчинъ отъ 20—30 лѣтъ. Главнокомандующимъ гетманскими войсками былъ графъ Келлеръ.

Какъ могло случиться, что правительство гетмана, державшееся 8 мѣсяцевъ и установившее во всей странѣ относительный порядокъ, исчезло съ лица земли въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль, почти безъ борьбы и сопротивленія? Ключъ къ разрѣшенію загадки былъ, разумѣется, въ той позиціи, которую заняли въ отношеніи возстанія Петлюры нѣмцы. У насъ настолько прочно укоренилась увѣренность, что на Украинѣ ничто не происходитъ противъ воли нѣмцевъ, что неожиданный успѣхъ возстанія многіе стали объяснять прямымъ содѣйствіемъ и руководительствомъ съ ихъ стороны. Въ дѣйствительности, однако, никакой прямой помощи нѣмецкія войска повстанцамъ не оказывали; содѣйствіе ихъ выражалось, пожалуй, только тѣмъ, что отдѣльные нѣмецкіе отряды охотно давали себя обезоруживать и такимъ образомъ снабжали войска Директоріи оружіемъ. Но не помогали нѣмцы и гетману. А безъ ихъ помощи вся гетманская держава должна была моментально лопнуть, какъ мыльный пузырь.

Нѣмецкій нейтралитетъ во время возстанія Петлюры не объяснялся ни сочувствіемъ повстанцамъ, ни (какъ нѣкоторые говорили) злокозненнымъ желаніемъ оставить на Украинѣ хаосъ и тѣмъ повредить Антантѣ. Лучшее объясненіе этого нейтралитета заключается въ приведенныхъ мною выше словахъ, которыми лейтенантъ Бюттнеръ мотивировалъ прекращеніе дѣла П. о шпіонажѣ: «Es macht keinen Spaß mehr»... У истощенной, уставшей и разочарованной германской арміи не было ни малѣйшей охоты проливать кровь ни за, ни противъ гетмана. Ей хотѣлось возвратиться поскорѣе домой: въ этомъ заключалась вся ея политическая платформа.

Войска Директоріи вступили въ Кіевъ, на Софійской площади былъ устроенъ парадъ; самой Директоріи, пріѣхавшей нѣсколькими днями позже, была устроена торжественная встрѣча на вокзалѣ. Произошла очередная — по счету четвертая — перемѣна власти.

Первые дни Директоріи живо напомнили мнѣ начало ноября 1917 года, когда впервые надъ нами получили власть украинцы. Сразу въ политикѣ и общественности установился тотъ же грубоватый* и вызывающій тонъ. Но только на этотъ разъ наши властители, имѣя за собой фееріческій успѣхъ поднятаго ими возстанія, чувствовали себя уже подлинными національными героями. Поэтому время владычества Директоріи — какихъ-нибудь шесть недѣль — было временемъ самаго необузданнаго украинскаго націонализма и руссофобства. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это было время неслыханно-кровавыхъ и жестокихъ еврейскихъ погромовъ.

Единственное административное мѣропріятіе, которое Директорія успѣла не только декларировать, но и осуществить, было снятіе всѣхъ имѣвшихся въ городѣ русскихъ вывѣсокъ и замѣна ихъ украинскими. Центръ тяжести приказа лежалъ не въ томъ (какъ обычно бываетъ), чтобы каждый магазинъ имѣлъ обязательно украинскую вывѣску, а въ томъ, чтобы русскія вывѣски были обязательно сняты. Русскій языкъ не допускался даже наряду съ украинскимъ. Вывѣски же на иностранныхъ языкахъ не подлежали снятію. Приказъ о немедленной украинизаціи вывѣсокъ — частнымъ образомъ — мотивировался тѣмъ, что галиційскія войска, которыхъ Петлюра призвалъ освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладѣвъ наконецъ Кіевомъ, оказались

* Характерно въ этомъ отношеніи то, что народный вождь Петлюра, для поднятія дисциплины въ своихъ войскахъ, — ввелъ наказаніе розгами!

въ совершенно русскомъ городѣ. Между тѣмъ, для нихъ-то русскій языкъ былъ дѣйствительно чуждъ и мало понятенъ. И вотъ, уступая чувствамъ своихъ войскъ, атаманъ Коновалецъ издалъ свой историческій приказъ, слѣды котораго долго еще напоминали кіевлянамъ объ эфемерномъ владычествѣ Директоріи.

Въ большинствѣ случаевъ — тамъ, гдѣ вывѣски содержали только фамилію владѣльца магазина — реформа ограничилась измѣненіемъ орфографіи. Въ серединѣ словъ «и» были замѣнены «і», въ окончаніи, напротивъ, «і» замѣнялись «и». Такъ, «Вишневскій» превращался въ «Вішневський» и т. п. Твердые знаки исчезли безвозвратно. Ал. Яблоновскій острилъ потомъ въ одномъ фельетонѣ, что кіевскіе спекулянты усиленно скупали въ эти дни всѣ твердые знаки, снимаемые съ вывѣсокъ, разсчитывая, при слѣдующемъ переворотѣ, на большой спросъ на этотъ товаръ. — Реформа именъ нарицательныхъ на вывѣскахъ была болѣе радикальна. «Столовая» превращалась въ «ідальню», «парикмахерская» — въ «голярню», «женскія болѣзни» — въ «жиночи хороби».

Весь городъ въ эти веселые дни представлялъ собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лѣстницъ, ведеръ съ красками и т. п. Особые патрули расхаживали по городу и провѣряли, исполненъ ли приказъ. Въ случаѣ какихъ либо орфографическихъ сомнѣній они же разрѣшали ихъ съ авторитетностью академіи наукъ . . .

Наряду съ націонализмомъ, Директорія воскресила въ усиленномъ видѣ еще одну традицію начальной эпохи Рады: соревнованіе съ большевиками въ лѣвизнѣ. Составъ правительства былъ сплошь соціалистическій, причемъ преобладающее значеніе имѣли у. с.-д. и у. с.-р. Въ самой Директоріи руководящей фигурой былъ ея предсѣдатель Виниченко. Окруженный ореоломъ славы Петлюра былъ занятъ войсковыми дѣлами. Остальные члены Директоріи — Швецъ, Андріевскій и Макаренко — не имѣли значенія. А Виниченко, всегда принадлежавшій къ наиболѣе лѣвому флангу національно-украинскаго движенія, сталъ тогда все болѣе и болѣе, какъ выразились бы теперь, «большевизанствовать».

Вопросы государственнаго строя возрожденной Украинской Народной Республики были совершенно не выяснены. Ясно было одно: родившаяся изъ народнаго возстанія Директорія должна была опираться на народныя массы. Въ прежнія времена такая предпосылка повела бы къ установленію демократической конституціи, всеобщаго избирательнаго права и т. д. Но вѣдь съ 25 октября 1917 года «nous avons changé tout cela»: демократизмъ былъ объявленъ опаснѣйшимъ изъ буржуазныхъ предразсудковъ. Потому-то Директорія, по примѣру большевиковъ, предпочла ввести аристократію на-изнанку. И воплощеніемъ этого псевдо-народнаго принципа долженъ былъ явиться своеобразный представительный органъ — «Трудовой Конгрессъ».

По закону о выборахъ въ Трудовой Конгрессъ избирательными правами обладали три сословія: крестьяне, рабочіе и трудовая интеллигенція. Собственники, промышленники и торговцы были лишены права голоса. При этомъ весьма любопытна была конструкція представительства отъ третьей группы — «трудовой интеллигенціи». По инструкціи о выборахъ, въ ея первоначальной редакціи, адвокаты, профессора и врачи были исключены изъ числа избирателей. Званіе трудового интеллигента удѣлялось только сельскимъ учителямъ, служащимъ и, — въ качествѣ представителей медицины, — фельдшерамъ. Повидимому, кто-то обратилъ вниманіе Директоріи на вызывающій и каррикатурный характеръ

этой инструкціи и, въ концѣ концовъ, наряду съ фельдшерами были допущены и врачи. Адвокаты и профессора также удостоились права голоса. Всѣ интеллигентскія группы въ своей совокупности имѣли, однако, столь ничтожное представительство, что ихъ голоса не имѣли никакого реальнаго значенія.

Среди заинтересованныхъ круговъ города Кіева, предъ созывомъ Трудового Конгресса, довольно горячо обсуждался вопросъ: участвовать ли въ этихъ выборахъ? Была образована комиссія изъ представителей Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, союза врачей, профессоровъ, союза младшихъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, союза инженеровъ, учителей и другихъ интеллигентскихъ группъ. Этой комиссіи, которая получила названіе «контактной», было поручено вынести рѣшеніе по вопросу объ участіи въ выборахъ, а при нуждѣ и руководить самой выборной кампаніей. Большинство въ комиссіи оказалось противъ бойкота и въ выборахъ мы участвовали.

Помню, какъ мы съ д-ромъ Г. Б. Быховскимъ и пр.-доц. А. К. Елачичемъ составляли, по порученію контактной комиссіи, какое-то предвыборное воззваніе. Помню и собраніе адвокатовъ, на которомъ избирались представители на «Губернскій съѣздъ уполномоченныхъ трудовой интеллигенціи». Помню, наконецъ, и самый Губернскій съѣздъ.

Съѣздъ засѣдалъ въ залѣ Купеческаго собранія и продолжался день или два. Выборы депутатовъ въ Конгрессъ производились по спискамъ, согласно пропорціональной системѣ. Всѣ украинскія группы выдвинули блоковый списокъ; кромѣ того, были выставлены списки с.-р., с.-д. и «безпартійной интеллигенціи». Этотъ послѣдній списокъ и принадлежалъ нашей контактной комиссіи; его поддерживало подавляющее большинство делегатовъ адвокатуры, врачей, профессоровъ и т. д. Вѣроятно, онъ нашелъ бы сторонниковъ и среди другихъ группъ. Но запуганность наша въ отношеніи украинскаго засилія была такъ велика, что было рѣшено объединить всѣ неукраинскіе голоса на какомъ-либо одномъ спискѣ, чтобы провести хоть одного депутата-неукраинца. Выборъ палъ на списокъ № 2 — с.-д. меньшевиковъ, возглавляемый бывшимъ министромъ труда во Временномъ Правительствѣ, Гвоздевымъ. Списки с.-р. и нашъ были сняты, всѣ мы голосовали за списокъ № 2 и, къ удивленію и досадѣ, въ конечномъ результатѣ провели не только оборонца Гвоздева, но и слѣдовавшаго за нимъ кандидата — интернаціоналиста И. С. Биска. Остальныя мѣста были заняты кандидатами украинскаго блока.

Какъ производились выборы въ уѣздахъ, по деревнямъ и мѣстечкамъ, при отсутствіи свободной прессы, полномъ административномъ произволѣ и совершенной пассивности непартійныхъ массъ, — вообразить нетрудно.

Трудовой Конгрессъ собрался въ январѣ 1919 года, за нѣсколько дней до взятія Кіева большевиками. Представители Директоріи выступили на немъ съ декларативными заявленіями; ихъ усиленно критиковали слѣва (въ частности критиковалъ ихъ Рафесъ, ставшій уже на платформу совѣтской власти); затѣмъ ихъ переизбрали, и Конгрессъ закрылся. Это было какое-то повтореніе — mutatis mutandis — съѣзда хлѣборобовъ въ циркѣ, избравшаго 29 апрѣля 1918 года гетмана: та же инсценированность, то же самозванство, то же фактическое безсиліе номинально-всесильнаго собранія; но только безъ нѣмецкаго солдата съ пулеметомъ на крышѣ . . .

Въ области административной дѣятельности Директорія доказывала свою лѣвизну объявленіемъ о провѣркѣ сэфовъ, изъятіемъ цѣнностей у ювелировъ и многочисленными арестами. Эти послѣдніе производились такъ безпорядочно и безконтрольно, что трудно было установить, гдѣ былъ арестъ, а гдѣ налетъ и похищеніе. Многократно и въ худшемъ видѣ повторялась исторія съ А. Ю. Добрымъ.

Время Директоріи вообще было для города Кіева эпохой хулиганства par excellence. Изъ всѣхъ властей, которыя царили надъ нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшіеся хулиганы спѣшили снять сливки съ понаѣхавшей въ Кіевъ при гетманѣ денежной публики. Импровизированная армія, которая совершила возстаніе, была, разумѣется, полна всяческихъ авантюристовъ; поэтому налетчики иногда носили форму казаковъ или старшинъ. Дѣйствовали они обычными пріемами: выслѣдивъ жертву, являлись въ квартиру, начинали какой-нибудь разговоръ, а улучивъ удобную минуту, приставляли къ виску револьверъ и предъявляли свои требованія. Уходя, для острастки, оставляли въ квартирѣ, у выходныхъ дверей, пару ручныхъ гранатъ, — которыя затѣмъ часто оказывались незаряженными.

Бороться противъ налетовъ было очень трудно, и случаевъ ареста налетчиковъ, насколько я помню, почти не было. Во всѣхъ домахъ функціонировали охраны изъ жильцовъ; но, какъ всегда, онѣ были совершенно безсильны.

Чтобы получить полную картину жизни Кіева въ эти недѣли, необходимо еще прибавить къ этому угрозу большевистскаго наступленія, которая все болѣе и болѣе выдвигалась на авансцену. Конечная катастрофа — занятіе города большевиками — казалась почти неизбѣжной. На украинскую армію, послѣ опыта 1918 года, особой надежды не было. Правда, въ Одессѣ уже были войска союзниковъ и стоустая молва всячески старалась преувеличить силы этого десанта. Но Директорія со своими друзьями слѣва не могла призвать на свою защиту капиталистическихъ варяговъ. Говорили о расколѣ, существовавшемъ по этому вопросу между «большевизанствующимъ» Виниченко и болѣе умѣреннымъ Петлюрой; что у послѣдняго не было бы принципіально-соціалистическихъ сомнѣній въ возможности такого альянса, — это онъ доказалъ впослѣдствіи своимъ союзомъ съ Польшей. Да и вскорѣ послѣ паденія Кіева, въ Винницѣ, какъ потомъ выяснилось, Петлюра велъ переговоры съ французскимъ консуломъ Эно и другими одесскими дипломатами и генералами Антанты.

Но въ декабрѣ и январѣ ни Петлюра, ни солидарный съ нимъ военный министръ Грековъ не могли рѣшиться на открытый шагъ въ сторону союзниковъ. Директорія обмѣнивалась нотами и съ Москвой, и съ Одессой: Москва отвѣчалъ на ноты и продвигала свои войска на югъ; Одесса также отвѣчала, но войскъ на сѣверъ не двигала. Нетрудно было предвидѣть, кто окажется раньше въ Кіевѣ.

Кіевляне это и предвидѣли.

Съ первыхъ же недѣль господства Директоріи начался исходъ новыхъ и старыхъ кіевлянъ за-границу и въ Одессу.

Переселившіяся къ намъ при гетманѣ «вся Москва» и «весь Петроградъ» двинулись въ путь дальше, къ слѣдующему этапу своего бѣженства. За ними потянулся и «весь Кіевъ».

Пессимисты, считавшіе, что уѣзжаютъ надолго, старались пристроиться къ отъѣзжавшимъ нѣмецкимъ эшелонамъ и направлялись черезъ Польшу въ Берлинъ. Оптимисты, разсчитывавшіе на скорое избавленіе и на помощь союзниковъ, устремлялись въ Одессу. Уѣзжали всѣми способами и путями, уѣзжали даже украинскіе дѣятели, превращавшіеся для этого въ пословъ и атташе... Уѣзжали за большія деньги и за большія взятки.

Съ тяжелой душой мы съ женой рѣшили остаться въ Кіевѣ. Мы стали ждать прихода большевиковъ.

IV. Большевики

(февраль—августъ 1919 года)

Междувластье. — Первыя впечатлѣнія. — «Жилищная политика совѣтской власти.» — Стратегическое переселеніе буржуазіи. — Большевикъ-идеалистъ. — Професс. союзы. — Въ юридич. отдѣлѣ Совнархоза. — Судебная реформа. — Мой товарищъ Звонштейнъ. — Праздникъ просвѣщенія. — Работа въ школѣ для взрослыхъ. — Наркомвоенъ, Предсовнаркомъ, Наркомсобезъ. — Губчека и Вучека. Лацисъ. — Жертвы: Раичъ, Приступа, Науменко, Горбуновъ, Пересвѣтъ-Солтанъ. — Дѣлопроизводство Чрезвычайки. — Городская жизнь и городскія настроенія. — Военныя дѣла большевиковъ. Повстанцы. — Наступленіе Добровольческой арміи. — Кіевъ предъ эвакуаціей. Петерсъ и послѣднія жертвы Че-ка.

Войска Директоріи оставили Кіевъ заблаговременно и съ преувеличенной поспѣшностью. Большевики были еще не близко и никакъ не могли вступить въ городъ тотчасъ же послѣ его эвакуаціи. Поэтому между уходомъ однихъ и приходомъ другихъ образовался нѣкоторый vacuum — періодъ безвластья, когда никто нами не володѣлъ и никакого начальства въ Кіевѣ не было.

Періодъ этотъ продолжался цѣлую недѣлю. За это время все населеніе убѣдилось въ томъ, что отсутствіе правительства есть тоже своего рода форма государственнаго строя, притомъ, пожалуй, не самая худшая форма. Царило совершенное спокойствіе, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ѣздили. Было только какъ-то неуютно-тихо...

Ожиданіе большевиковъ стало уже нѣсколько надоѣдать, а Директорія почувствовала неловкость изъ-за своего не въ мѣру поспѣшнаго бѣгства. Снова стали поговаривать о предстоящемъ приходѣ французовъ изъ Одессы и былъ изданъ какой-то приказъ о мобилизаціи. Въ этомъ приказѣ, между прочимъ, дезертирамъ угрожали каторжной работой на срокъ 15—20 лѣтъ; это звучало довольно комично въ устахъ власти, которой, по всеобщему (и въ томъ числѣ ея собственному) мнѣнію, оставалось существовать не болѣе нѣсколькихъ дней... Былъ еще какой-то шутовской приказъ, предостерегавшій населеніе отъ гибельнаго дѣйствія «химическихъ лучей», которые будутъ пущены въ ходъ противъ большевиковъ. Объ этомъ новомъ смертоносномъ оружіи, будто бы употреблявшемся на Западномъ фронтѣ, уже давно шли разговоры. Въ дѣйствительности, это былъ мифъ. И со стороны главнаго командованія Директоріи «пугать» такимъ образомъ врага (подобно тому, какъ говорятъ, китайцы нѣкогда рисовали декораціи крѣпостей) было недостойнымъ и неумѣстнымъ фарсомъ.

Такъ прошло нѣсколько сравнительно спокойныхъ дней, въ которые многіе, не успѣвшіе уѣхать въ дни паники 28—29 января, выѣхали въ болѣе сносныхъ условіяхъ въ Одессу.

Въ концѣ концовъ, однако, — это было, помнится, 6 февраля 1919 года, большевистскія войска вступили въ Кіевъ.

На этотъ разъ приходъ большевиковъ обошелся безъ избіеній и разстрѣловъ. Первое наше специфическое переживаніе, связанное съ совѣтской властью, были солдатскіе постои, которые расположились по всѣмъ лучшимъ домамъ города.

Большевики оправдывали необходимость расквартированія войскъ по частнымъ домамъ тѣмъ, что украинскія части, уходя, привели казармы въ совершенно нежилое состояніе: выломали окна, сожгли нары, попортили водопроводъ и т. д. Это былъ, дѣйствительно, варварскій пріемъ; онъ лишній разъ подтверждаетъ уже высказанное мною наблюденіе о той распоясанности, съ которой уходящая власть поступаетъ въ отношеніи мирнаго населенія города. Въ самомъ дѣлѣ, Совѣтскія войска ничуть не пострадали оттого, что казармы оказались загаженными и необитаемыми: они тѣмъ удобнѣе размѣстились по «буржуазнымъ» квартирамъ. Но легко вообразить, каково было обитателямъ этихъ квартиръ въ присутствіи такихъ гостей. Первыя недѣли пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ по всему городу стоялъ настоящій стонъ отъ требованій и издѣвательствъ, которыя приходилось переносить жителямъ отъ своихъ новыхъ постояльцевъ. Всѣ наперерывъ разсказывали другъ другу о поведеніи стоявшихъ у нихъ красноармейцевъ.

Хуже всего солдаты вели себя въ квартирахъ, оставленныхъ хозяевами. Тогда появился терминъ «бѣжавшій буржуй», вполнѣ соотвѣтствовавшій древнеримскому sacer или германскому friedlos. Имущество «бѣжавшихъ» отдавалось — и de jure, и de facto — на потокъ и разграбленіе.

Вскорѣ начались повальные обыски. За нѣсколько дней предъ ними былъ изданъ громовой приказъ объ обязательной сдачѣ оружія. А затѣмъ патрули, подъ начальствомъ чекистовъ, стали обходить одинъ домъ за другимъ въ поискахъ не сданнаго оружія. Настоящаго обыска, разумѣется, при этомъ производить не могли: это отняло бы слишкомъ много времени въ каждой квартирѣ. А при поверхностномъ осмотрѣ, конечно, невозможно было обнаружить оружія, даже если бы таковое дѣйствительно было припрятано. Такъ эти повальные обыски и свелись къ трепкѣ нервовъ для обывателей и къ нѣкоторой возможности «незаконнаго обогащенія» для обыскивающихъ.

Еще при директоріи въ Кіевѣ нелегально существовалъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ которомъ большинство принадлежало фракціи большевиковъ. Съ вступленіемъ совѣтской власти онъ вышелъ на поверхность и избранный имъ «Исполкомъ» принялъ бразды правленія городомъ.

Предсѣдателемъ Исполкома былъ въ это время Бубновъ, человѣкъ энергичный и рѣчистый, который очень хорошо позировалъ подъ завоевателя. Онъ принялся съ перваго же дня «разносить» сохранившіеся въ Кіевѣ остатки буржуазіи.

На городъ была наложена контрибуція въ размѣрѣ 200 милліоновъ рублей — тогда это была колоссальная сумма, собрать которую было совершенно невозможно. Образовались комиссіи и подкомиссіи для распредѣленія контрибуціи между отдѣльными категоріями «буржуевъ» — сахарозаводчиками, торговцами, банкирами, домовладѣльцами и т. д. Такъ какъ большинство внесенныхъ въ проскрипціонные списки оказались въ отсутствіи, то Чека, которой

было поручено взысканіе контрибуціи, арестовывало женъ, дѣтей и служащихъ въ качествѣ заложниковъ. Ихъ затѣмъ выкупали . . .

Одновременно съ наложеніемъ на городъ контрибуціи, на насъ какъ изъ рога изобилія посыпались мобилизаціи. До этого времени мы знали только одинъ видъ мобилизаціи — призывъ на военную службу. Теперь оказалось, что и помимо военнаго призыва каждый человѣкъ можетъ быть мобилизованъ. Мобилизировались врачи, инженеры, техники, фельдшера, санитары, ветеринары, артисты; регистрировались, въ виду предстоящей мобилизаціи, юристы. Люди, съ сотворенія міра, занимались добровольно каждый своимъ дѣломъ; безъ этого они умерли бы съ голода. Но явились большевики и оказалось, что работать можно только по мобилизаціи.

Самый тяжелый видъ мобилизаціи это была «мобилизація буржуазіи». Мобилизованныхъ посылали на принудительныя работы, — разумѣется, самыя тяжелыя и отвратительныя, и въ самыхъ невыносимыхъ условіяхъ, моральныхъ и физическихъ. Въ категорію «буржуевъ» входили и «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Освобождались отъ мобилизаціи совѣтскіе служащіе (въ ту эпоху это было еще вполнѣ привилегированное сословіе); страхъ предъ принудительными работами побудилъ многихъ искать прибѣжища въ какомъ-нибудь изъ быстро размножавшихся учрежденій.

Солдатскіе постои продолжались сравнительно недолго — недѣли четыре, — такъ какъ часть арміи была постепенно выведена изъ Кіева и продвинута дальше на югъ. Солдатъ гарнизона, въ концѣ концовъ, переселили въ казармы; самимъ большевикамъ стало ясно, что пребываніе въ «буржуазныхъ квартирахъ» ужъ слишкомъ развращаетъ ихъ и отбиваетъ всякую охоту служить.

Но освобожденные отъ постоя обыватели сейчасъ же начали испытывать прелести р е к в и з и ц і и. Это излюбленное словцо большевистской терминологіи, примѣняемое рѣшительно ко всѣмъ родамъ и видамъ жизненныхъ благъ, самый ужасный свой смыслъ пріобрѣтаетъ въ отношеніи жилыхъ помѣщеній. Всякій человѣкъ, имѣющій хоть минимальныя культурныя потребности и привычки, дорожитъ своимъ жильемъ. И опасность ежеминутно его лишиться, которая живетъ въ Россіи въ сознаніи всѣхъ и каждаго, — кладетъ особый отпечатокъ на человѣческое прозябаніе подъ властью совѣтовъ.

Для большевиковъ же реквизиція помѣщеній, уплотненіе и выселеніе — это неизбѣжный, естественно-необходимый аттрибутъ власти. Никакія перемѣны курса и политики не могутъ ничего измѣнить въ немъ. Даже противъ своей воли они не могутъ къ нему не прибѣгать . . .

Учрежденія растутъ какъ грибы, служащіе плодятся и размножаются, все организованное реорганизуется и снова реорганизуется: для всего нужны новыя и новыя помѣщенія. Изъ Харькова, вскорѣ по занятіи Кіева большевиками, долженъ былъ переселиться украинскій совнаркомъ и иже съ нимъ; по этому поводу въ Кіевъ были присланы «квартирьеры» (характерное слово, перешедшее изъ терминологіи штабовъ и казармъ въ словоупотребленіе совдеповъ и исполкомовъ), съ порученіемъ реквизировать, кажется, 3000 комнатъ. При гетманѣ у насъ существовали всѣ министерства, вплоть до министерства здравоохраненія, и всѣ они имѣли вполнѣ комфортабельныя помѣщенія. Казалось бы, отчего не въѣхать каждому наркому по своему вѣдомству и дѣло съ концомъ? Такъ разсуждали мы, непосвященные профаны. А совнаркомъ прислалъ квартирьеровъ и онъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ: сколько бы они не реквизировали квартиръ и комнатъ, все было недостаточно.

Осуществленіе «жилищной политики» большевиковъ началось въ Кіевѣ съ восхитительнаго по формѣ приказа коменданта города — матроса съ какой-то односложной фамиліей. Приказъ этотъ предлагалъ томящимся въ подвалахъ рабочимъ переселиться въ хоромы ихъ бывшихъ эксплуататоровъ и заканчивался словами: «а буржуазію переселить въ подвалы и потѣснить».

Затѣмъ стали рыскать по городу «квартирьеры», которые брали на учетъ «лишнія» комнаты и объяснялись съ протестующими хозяевами. Комнаты эти немедленно заполнялись совѣтскими сотрудниками, приносившими свои мандаты и удостовѣренія. Послѣ этого на городъ налетѣла саранча сотрудниковъ изъ Харькова: для нихъ реквизировали цѣлые этажи, разселяя несчастныхъ жильцовъ, не въ счетъ уплотненія, по остальнымъ этажамъ дома. И наконецъ начались выселенія цѣлыхъ домовъ — для переселенія рабочихъ и по стратегическимъ соображеніямъ. Въ освобожденные спеціально для рабочихъ дома, при посредствѣ профессіональныхъ союзовъ, попадали въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣ же совѣтскіе сотрудники.

Огромный домъ, въ которомъ мы жили, оказался первой жертвой «комиссіи по стратегическому переселенію буржуазіи». Эта комиссія и руководившія ею стратегическія соображенія — это было какое-то вопіющее издѣвательство надъ здравымъ смысломъ. Какія военныя дѣйствія имѣла въ виду эта стратегія, оставалось неизвѣстнымъ. Уличныхъ боевъ не ожидалось и не было; а если бы они и были, то всякая квартира съ окнами на улицу имѣла одинаковое «стратегическое значеніе». Тѣмъ не менѣе образовалась спеціальная комиссія, съ полагающимся штатомъ «отвѣтственныхъ» и «техническихъ» сотрудниковъ, и начала намѣчать свои жертвы. Во главѣ комиссіи стоялъ 18-тилѣтній стратегъ Шейнинъ.

Стратегическая Комиссія какъ-то являлась къ намъ, осматривала съ серьезнымъ видомъ подвалы и другія помѣщенія, сдѣлала распоряженіе объ отводѣ помощникамъ швейцаровъ комнатъ въ барскихъ квартирахъ партера* и удалилась. Посѣщеніе стратегической комиссіи носило настолько несолидный характеръ, что какъ-то не вѣрилось въ возможность серьёзныхъ результатовъ этого визита. Однако, черезъ нѣсколько дней нашъ Домовый Комитетъ получилъ приказъ, какъ обухомъ ударившій насъ по головѣ.

Я очень жалѣю, что не сохранилъ копіи этого приказа; онъ достоинъ помѣщенія въ музей. Приказъ гласилъ, что жильцы трехъ верхнихъ этажей должны въ теченіе 24 часовъ оставить свои квартиры. Взять съ собой разрѣшалось по 2 смѣны бѣлья и, на каждаго члена семьи, по одной ложкѣ, вилкѣ, ножу, тарелкѣ и проч. Все остальное предписано было оставить въ квартирахъ.

Одновременно съ объявленіемъ намъ приказа стратегической комиссіи, на лѣстницахъ между несчастнымъ седьмымъ и шестымъ этажами, были поставлены красноармейцы, которые слѣдили за тѣмъ, чтобы никакія вещи не переносились изъ обреченныхъ квартиръ въ нижнія... Тѣмъ не менѣе, разумѣется, главной заботой всѣхъ верхнихъ жильцовъ было именно стремленіе спустить такъ или иначе все портативное имущество въ тѣ квартиры, которыя должны были

---

* Противъ переселенія швейцаровъ и мальчиковъ изъ сырыхъ, темныхъ подваловъ нельзя было возражать по существу. Но своей агрессивной манерой большевики и здѣсь, въ этомъ справедливомъ дѣлѣ, достигли самыхъ отрицательныхъ результатовъ. Мальчики былы поселены въ комнатахъ съ роскошной обстановкой, изъ которой собственникамъ было строго наказано ничего не забирать. Они пожили нѣсколько мѣсяцевъ въ новыхъ обиталищахъ и, одинъ за другимъ, бросили службу, захвативъ съ собой лучшія вещи изъ своихъ комнатъ.

уцѣлѣть. И тѣ 24 часа, которые продолжали срокъ нашего ультиматума, въ особенности ночные часы, были посвящены перетаскиванію вещей чернымъ ходомъ, въ скрытомъ подъ платьями видѣ и т. п.

На слѣдующій день, стратегическая комиссія въ полномъ составѣ явилась въ нашъ домъ и, въ сопровожденіи Домового Комитета, начала осмотръ подлежавшихъ выселенію квартиръ. Осмотрѣть ихъ до изданія своего приказа Комиссія не удосужилась.

Я былъ тогда членомъ Домкома, избраннаго еще до прихода большевиковъ, и продѣлалъ вмѣстѣ съ тов. Шейнинымъ и другими этотъ обходъ обреченныхъ квартиръ. Я никогда не забуду этихъ нѣсколькихъ часовъ униженія — униженія за себя и за тѣхъ, кого мы стремились защитить. Во всѣхъ квартирахъ насъ встрѣчала та же картина.

Благоустроенная обстановка, уютъ. Нѣкоторые слѣды поспѣшнаго изъятія отдѣльныхъ цѣнныхъ предметовъ. Вся семья въ сборѣ, налицо и комнатонаниматели. Всѣ вооружены «бумажками» — удостовѣреніями о принадлежности къ той или другой категоріи привилегированнаго сословія: къ совѣтскимъ служащимъ, артистамъ, членамъ профессіональныхъ союзовъ и т. д. Въ глазахъ испугъ, трепетъ, иногда отчаяніе. Говорятся безсвязныя слова, взываютъ къ справедливости или снисхожденію. Наши стартеги отвѣчаютъ или съ презрительной сдержанностью или съ издѣвательски-притворнымъ сочувствіемъ. Число комнатъ и составъ жильцовъ записывается, документы пріобщаются къ дѣлу и мы идемъ дальше — изъ квартиры въ квартиру, изъ этажа въ этажъ.

Осмотръ конченъ. Комиссія садится за столъ и готовитъ свою резолюцію. Черезъ четверть часа она объявляется жильцамъ. Подлежатъ освобожденію всѣ квартиры, кромѣ квартиръ пѣвца Смирнова, жены одного московскаго большевика и еще двухъ или трехъ. Правила о взятіи вещей нѣсколько смягчаются. Зато строго предписывается оставлять квартиры въ порядкѣ, съ полнымъ оборудованіемъ и, въ частности, не прикасаться къ библіотекамъ. Домовый Комитетъ составлялъ впослѣдствіи описи всѣхъ оставленныхъ въ каждой квартирѣ вещей и передавалъ ихъ подъ росписку новымъ жильцамъ; въ Россіи тогда еще была лишняя бумага...

Вечеръ. Стратегическая Комиссія, сдѣлавъ свое дѣло, удалилась. Но нашъ домъ продолжаетъ быть въ лихорадочномъ оживленіи. Линіи оконъ всѣхъ обреченныхъ квартиръ ярко освѣщены: за ними на спѣхъ собираютъ и упаковываютъ вещи. Это продолжается всю ночь. А съ утра дворъ полонъ площадокъ и возовъ, развозящихъ по роднымъ и знакомымъ достояніе выселенныхъ...

Господа члены стратегической комиссіи сразу облюбовали нашъ домъ и, до самаго уходa большевиковъ въ августѣ 1919 года, не оставляли насъ въ покоѣ. Прежде всего они поселились у насъ сами. Шейнинъ занялъ комнату у почтеннаго присяжнаго повѣреннаго Ш. и первымъ его дѣйствіемъ по укрѣпленію завоеванной стратегической позиціи было то, что онъ вырѣзалъ изъ рамокъ разставленныя въ комнатѣ семейныя фотографіи и вставилъ въ рамки свои. Въ остальныхъ освобожденныхъ квартирахъ размѣстились военные, чекисты, а въ нѣкоторыхъ — какіе-то подозрительные рабочіе. Разъ десять въ теченіе этихъ мѣсяцевъ намъ снова грозило выселеніе, домъ осматривался, составъ жильцовъ переписывался, даже назначался къ намъ особый комендантъ по переселенію. Но нашъ переизбранный Домовой Комитетъ (въ которомъ я участія уже не принималъ) съумѣлъ войти въ контактъ съ Жилищнымъ отдѣломъ и, при посредствѣ этой высшей инстанціи, парализовалъ дѣйствія стратегической комиссіи. Главнѣйшимъ

средствомъ къ этой цѣли были обѣды и ужины, которыми Комитетъ угощалъ членовъ жилищной коллегіи въ организованной у насъ общественной столовой. При этомъ приходилось быть, по возможности, внимательными хозяевами; и когда какимъ-то образомъ стало извѣстно, что одинъ изъ членовъ коллегіи «обожаетъ» тыквенныя сѣмечки, наши жильцы спеціально отправлялись на базаръ, чтобы добывать къ столу тыквенныя сѣмечки . . .

* *
*

Заступникомъ моей квартиры былъ все это время покойный Гессель Рувиновичъ Гинзбургъ. Это былъ глубоко честный и добрый человѣкъ, совершенно не гармонировавшій со средой, въ которой онъ оказался. Вѣчный студентъ, перебывавшій на всѣхъ факультетахъ; неблагонадежный, посидѣвшій по тюрьмамъ; по способу заработка репетиторъ и учитель, — онъ въ 1918 году, по внутреннему убѣжденію, примкнулъ къ партіи коммунистовъ. Когда большевики заняли Кіевъ Г. Р. пошелъ работать въ жилищно-реквизиціонный отдѣлъ, полагая, — и не безъ основанія, — что именно тамъ будутъ злоупотребленія, отъ которыхъ онъ страстно желалъ оградить совѣтскую власть. Разумѣется, его — человѣка уже немолодого и вполнѣ интеллигентнаго — приняли съ распростертыми объятіями. Ему давали отвѣтственныя назначенія и, въ концѣ концовъ, онъ сталъ членомъ коллегіи Отдѣла Коммунальнаго хозяйства — то-есть большевизированной Городской управы, — завѣдывавшимъ юридической и жилищной частью.

Среди совѣтскихъ властителей Г. Р. занималъ совершенно исключительное положеніе: онъ былъ коммунистомъ и работалъ въ самомъ ненавистномъ совѣтскомъ учрежденіи — въ жилищномъ отдѣлѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ я ни отъ кого не слышалъ о немъ буквально ни одного дурного слова. Можно себѣ представить, сколько жалобъ и просьбъ приходилось выслушивать этому человѣку; его пріемы тянулись по пять-шесть часовъ. И не смотря на то, что въ значительномъ большинствѣ жалобы были справедливыя, а онъ былъ безсиленъ помочь, — все же жалобщики уходили отъ него сравнительно успокоенными и отзывались о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ. Въ клоакѣ жилищнаго отдѣла, въ которой ему пришлось работать, среди шарлатановъ, взяточниковъ и воровъ, — Г. Р. сумѣлъ сохранить чистый душевный идеализмъ, сердечное отношеніе къ людямъ и наивный оптимизмъ.

При всемъ томъ Г. Р. былъ убѣжденный коммунистъ, съ увлеченіемъ говорилъ объ успѣхахъ совѣтской власти и твердо вѣрилъ въ то, что «реакція не побѣдитъ». Какъ настоящій партійный работникъ, онъ усваивалъ себѣ всѣ ходячія въ его «наркомѣ» мотивировки и разсужденія, и оправдывалъ почти всѣ мѣропріятія совѣтской власти. Онъ искренно вѣрилъ въ необходимость чрезвычайной комиссіи и даже въ цѣлесообразность «стратегическаго переселенія буржуазіи».

Я старался не пускаться съ Г. Р. въ политическіе разговоры, но иногда невольно бесѣда переходила на эти темы. Помню, какъ однажды я не удержался и высказалъ ему самое банальное, но тѣмъ не менѣе неопровержимое возраженіе противъ тактики большевиковъ. «Вашъ учитель Марксъ, — сказалъ

я ему, — основывалъ свое ученіе на началѣ закономѣрности соціальнаго развитія. Оттого онъ и считаетъ себя въ правѣ называть свою теорію научнымъ соціализмомъ. Можно ли признать правовѣрнымъ марксизмомъ тактику большевиковъ, которые хотятъ осуществить соціализмъ въ странѣ наиболѣе отсталой по капиталистическому развитію, недозрѣвшей до экономической концентраціи и притомъ страдающей не отъ перепроизводства, а отъ недостатка товаровъ? Какъ примирить съ идеей соціальной закономѣрности то, что въ Россіи будетъ соціализмъ въ то время, какъ Англія и Германія до него еще не доразвились?» — «Марксъ, — невозмутимо отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — не ограничивалъ своей теоріи территоріально. Онъ разсматривалъ весь міръ, какъ единый хозяйственный организмъ. И для момента, когда назрѣетъ переворотъ, онъ не предуказалъ, гдѣ именно начнется его осуществленіе».

Такъ, значитъ, большевики устраняли тогда свое противорѣчіе съ Марксомъ. Ихъ, видимо, не смущала явная несообразность, которую они такой интерпретаціей приписывали своему учителю. Вѣдь марксистская закономѣрность получала при такомъ толкованіи совершенно непонятный характеръ; выходило, что въ Лондонѣ будутъ предпосылки для соціализма, а въ Россіи — соціализмъ . . .

Но Г. Р., повидимому, не замѣчалъ этой несообразности.

Судьба бѣднаго Г. Р. Гинзбурга и всей его семьи была глубоко трагической. Ихъ было пять братьевъ. Одинъ умеръ молодымъ, еще до революціи, отъ болѣзни сердца. Другой — Абрамъ — былъ въ плѣну и въ 1918 г. возвратился въ Россію. Третій — Исаакъ — много лѣтъ мучился, лишившись мѣста и не находя новой службы. Всѣ они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу и особенно Исаакъ служилъ всеобщей нянькой. — Когда большевики въ августѣ 1919 года эвакуировали Кіевъ, всѣ три брата выѣхали съ ними на сѣверъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одного изъ нихъ не было уже на свѣтѣ. Г. Р. получилъ въ Москвѣ назначеніе членомъ коллегіи Коммунотдѣла въ Уфу. Не смотря на даль, тяжелыя условія переѣзда и эпидеміи, онъ съ радостью отправился туда, желая, какъ онъ говорилъ, прикоснуться къ землѣ — увидѣть работу Совѣтской власти среди чисто русскаго населенія. Поѣхалъ въ Уфу и Исаакъ. То, что они застали въ Уфѣ, — разсказывала мнѣ впослѣдствіи жена Г. Р., — не поддается описанію. Этотъ городъ представлялъ сплошной тифозный баракъ. При этомъ городъ былъ переполненъ и морозы стояли жестокіе. Едва вступивъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, Г. Р. заболѣлъ сыпнякомъ, а черезъ нѣсколько дней слегла его жена. Ихъ перевезли въ больницу, гдѣ они лежали въ различныхъ палатахъ, оба въ сорокаградусномъ жару и безъ сознанія. Братъ сначала посѣщалъ ихъ, сообщая женѣ, въ свѣтлыя минуты, свѣдѣнія о состояніи мужа. Затѣмъ онъ исчезъ. Никакихъ извѣстій о состояніи Г. Р. его жена не получала, больничный персоналъ отдѣлывался незначащими фразами. Несчастная женщина рѣшилась, наконецъ, спросить: «когда умеръ Гинзбургъ?» — и узнала ужасную правду . . . Когда она вышла изъ лѣчебницы, ей разсказали, что Исаакъ Гинзбургъ, едва успѣвъ похоронить брата, очертя голову бросился обратно въ Москву. Этотъ самоотверженный, заботливый Исаакъ вдругъ преобразился. Имъ овладѣлъ какой-то непреоборимый страхъ предъ тифомъ. Онъ оставилъ невѣстку въ тяжеломъ состояніи и бѣжалъ . . . Въ Москву онъ пріѣхалъ уже больнымъ, умолялъ помѣстить его въ лучшую лѣчебницу, добился этого, пролежалъ тамъ двѣ или три недѣли, всѣми силами цѣпляясь за жизнь, и — умеръ. — А третій братъ Абрамъ,

вернувшійся въ 1918 году изъ плѣна, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Исаака гдѣ-то въ Брянскѣ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое унесло и его . . .

* * *

Въ 1919 году большевики явились въ Кіевъ на всей высотѣ своего величія. Неувѣренность и болѣзни дѣтства прошли, преждевременная старость еще не наступила. «Старый міръ» былъ разрушенъ, но не всѣ оставшіеся отъ него запасы съѣдены; всякія сдержки въ печатаніи бумажныхъ денегъ были устранены, а деньги еще не были окончательно обезцѣнены. Однимъ словомъ, была полная возможность, подъ видомъ строительства новой жизни, расточать остатки наслѣдія старой.

Совѣтская власть проявила въ это свое появленіе къ намъ максимальную энергію какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической области. Притомъ Кіевъ былъ тогда еще украинской столицей и резиденціей всѣхъ совѣтскихъ наркомовъ, главковъ и центровъ. И Совнархозъ и Совнаркомъ работали полнымъ ходомъ. А надъ ними обоими бодрствовала В. У. Че-Ка.

Работа Совнархоза (Губернскаго и Всеукраинскаго) сводилась къ взятію на учетъ матеріаловъ и сырья, къ націонализаціи банковъ и къ обобществленію большинства промышленныхъ предпріятій. Магазины торговали болѣе или менѣе по прежнему, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что крупнѣйшія фирмы укрылись подъ флагомъ кооперативовъ или «товариществъ служащихъ».

Весьма энергично дѣйствовалъ тогда и Совѣтъ профессіональныхъ союзовъ, занимавшій большое зданіе гостиницы «Савой» на Крещатикѣ. Организованныя съ самаго начала революціи примирительныя камеры, страховые суды и фабрично-заводскіе комитеты развили весьма интенсивную дѣятельность. Начало паритетности, на которомъ были прежде основаны рабочія судилища, теперь, при диктатурѣ пролетаріата, отпало: всѣ мѣста во всѣхъ органахъ были заняты представителями рабочихъ. Соотвѣтственно съ этимъ, не могъ не измѣниться ихъ характеръ. Работая въ такомъ однобокомъ составѣ, да еще обвѣваемые духомъ времени, они не могли дѣлать ничего иного, какъ бить и добивать лежачую буржуазію. Нужно сказать, что сами органы союзовъ, — тогда еще въ большинствѣ свободно избранные рабочими, а не назначенные коммунистической властью, — проявляли нѣкоторую сознательность и всячески старались не перетягивать дуги. Но на всю массу опекаемыхъ ими — рабочихъ, низшихъ служащихъ и прислуги — наличность Профсоюза, въ такой противоестественной конструкціи и съ такими громадными полномочіями, дѣйствовала развращающимъ образомъ.

Я стоялъ не особенно близко къ профессіональному движенію ни до, ни послѣ революціи. Въ эту эпоху мнѣ пришлось участвовать въ такъ-называемомъ «Рабочемъ секретаріатѣ» — своего рода бюро юридической помощи при Совѣтѣ Профсоюзовъ. Въ качествѣ представителя секретаріата я присутствовалъ раза два на засѣданіяхъ примирительныхъ камеръ и, по назначенію отъ секретаріата, выступалъ повѣреннымъ потерпѣвшихъ въ страховомъ судѣ.

Ко времени пребыванія большевиковъ у насъ въ 1919 году относится и мой кратковременный экспериментъ состоянія на «совѣтской службѣ». Въ концѣ іюня мой товарищъ по адвокатурѣ Пл. Льв. Симиренко убѣдилъ меня вступить вмѣстѣ съ нимъ въ юридическій отдѣлъ «Губсовнархоза». Я пробылъ

на службѣ ровно два мѣсяца, — до ухода большевиковъ, — и очень радъ какъ тому, что имѣлъ случай вглядѣться въ жизнь совѣтскаго учрежденія, такъ и тому, что происшедшій переворотъ далъ мнѣ возможность такъ скоро вернуться на свободу.

«Юридическій подъотдѣлъ Отдѣла Управленія Кіевскаго Губернскаго Совѣта Народнаго Хозяйства» состоялъ изъ пяти лицъ: трехъ членовъ коллегіи, секретаря и дѣлопроизводительницы. Впрочемъ, непосредственно предъ моимъ поступленіемъ, было сдѣлано еще «сокращеніе штатовъ», жертвой котораго палъ шестой чинъ нашего подъотдѣла (если не ошибаюсь, «завѣдующій канцеляріей»). Среди этихъ пяти человѣкъ было четыре юриста. Кромѣ того, большинство отдѣловъ Совнархоза — какъ, напримѣръ, лѣсной, страховой и т. д. — имѣли своихъ юрисконсультовъ. Такимъ образомъ, господство права было какъ будто вполнѣ обезпечено.

Что дѣлала вся эта орава юрисконсультовъ? По своему кратковременному опыту могу констатировать, что не менѣе 75% всѣхъ восходившихъ на наше заключеніе вопросовъ касались интересовъ служащихъ — ликвидаціонныя, тарифныя ставки, наказы, регламенты и т. д., — а, изъ остальныхъ, процентовъ двадцать упадало на дѣла о злоупотребленіяхъ служащихъ.

Въ «юридическихъ отдѣлахъ», бюрократическая экспансія, составляющая неизбѣжный аттрибутъ соціалистическаго хозяйства, выкристаллизовывалась особенно явно и особенно явно доходила до полнаго абсурда. Разъ всѣ совѣтскія учрежденія главнымъ образомъ обслуживаютъ своихъ служащихъ, то ихъ юридическіе отдѣлы, естественно, должны заниматься главнымъ образомъ оказаніемъ тѣмъ же служащимъ юридической помощи. Нашъ юридическій отдѣлъ и былъ безплатнымъ консультаціоннымъ бюро для сотрудниковъ Совнархоза.

Хотя служащихъ въ многочисленныхъ отдѣлахъ Совнархоза было много (кажется, около 2000) и хотя юридическихъ вопросовъ служебныя дѣла каждаго изъ нихъ вызывали немало, — нашъ многоголовый подъотдѣлъ не былъ заваленъ работой. По совѣсти, для выполненія всей нашей работы было бы достаточно одного юриста и, пожалуй, въ виду бюрократической переписки со всѣми отдѣлами, — дѣлопроизводительницы. Но вѣрный совѣтскимъ принципамъ, нашъ подъотдѣлъ обслуживалъ сначала шесть, а затѣмъ пять сотрудниковъ. Свободное время мы посвящали регистраціи декретовъ и т. п. душеспасительнымъ занятіямъ. Отсиживать положенные шесть, а затѣмъ, при милитаризаціи, восемь часовъ полагалось. При полной невозможности заполнить это время, мы, какъ гимназисты, читали принесенныя изъ дому книги. Мы скоро усвоили себѣ чиновничью психологію, защищали свои штаты и ставки и не жаловались на отсутствіе работы.

Во главѣ Губсовнархоза стоялъ въ мое время Алексѣй Ивановичъ Ашупъ-Ильзенъ. Это былъ коммунистъ самаго лучшаго типа. Но окруженъ онъ былъ либо малоинтеллигентными ремесленниками, либо партійными карьеристами, либо, наконецъ, нечистыми на руку инженерами и спекулянтами. Поэтому хозяйственная работа Совнархоза шла изъ рукъ вонъ плохо, а количество служебныхъ злоупотребленій все возрастало. Совершенная неразбериха царила во взаимоотношеніяхъ между Губсовнархозомъ, засѣдавшимъ въ Дворянскомъ домѣ, и Укрсовнархозомъ, занявшимъ гостиницу Михайловскаго монастыря. Повидимому, это послѣднее учрежденіе, при наличности Выссовнархоза въ Москвѣ и Губсовнархозовъ на мѣстахъ, не имѣло рѣшительно никакого raison d'être. И

дѣйствительно, въ слѣдующій приходъ большевиковъ на Украину оно не было возстановлено. —

Приходъ большевиковъ въ февралѣ 1919 года засталъ меня начинающимъ адвокатомъ и активнымъ участникомъ сословныхъ дѣлъ адвокатуры, въ качествѣ старшины Кіевскаго Совѣта помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Естественно, что съ особымъ вниманіемъ я относился къ операціямъ большевиковъ надъ судомъ и адвокатурой. Предстоящее упраздненіе судовъ, дѣйствующихъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года, и всѣхъ связанныхъ съ этими судами учрежденій, въ томъ числѣ независимаго сословія адвокатовъ, — было намъ вѣдомо. Совершенно туманными представлялись намъ только тѣ новые институты, которымъ предстояло смѣнить эти близкія и родныя учрежденія. Да и сами большевики не были подготовлены къ судебной реформѣ; народные суды и правозаступники, введенные годомъ раньше въ Великороссіи, уже успѣли обнаружить свою нежизнепригодность; но ничего иного въ запасѣ у Совѣтскихъ законодателей не было. Поэтому, послѣ непродолжительнаго періода колебаній, московскіе декреты объ упраздненіи судовъ и адвокатуры и о введеніи народнаго суда и правозаступничества были, съ несущественными варіантами, опубликованы и у насъ.

Въ отношеніи правозаступниковъ были первоначально введены нѣкоторыя послабленія; въ частности, по изданной въ Кіевѣ инструкціи, за ними признавалась извѣстная самостоятельность и, что было особенно важно, ихъ нельзя было, противъ ихъ воли, назначать обвинителями. Инструкція была составлена съ несомнѣнной цѣлью captare benevolentiam кіевской адвокатуры; до извѣстной степени это и удалось, такъ какъ на многочисленномъ собраніи адвокатовъ было признано вполнѣ допустимымъ для члена сословія вступать въ число правозаступниковъ. Таково же было финальное рѣшеніе по этому вопросу Московскаго и Петроградскаго сословій, о которомъ намъ докладывали въ Кіевскихъ Совѣтахъ М. Л. Гольдштейнъ и Л. Д. Ляховецкій. Но на Сѣверѣ пріемлемость правозаступничества была провозглашена только черезъ годъ послѣ октябрьской революціи, — годъ, въ который проводилась тактика саботажа. Впрочемъ, наше кіевское рѣшеніе реальныхъ результатовъ почти не имѣло. Данной индульгенціей воспользовались весьма немногіе коллеги; притомъ всѣ они, почти безъ исключеній, потомъ сожалѣли о сдѣланномъ шагѣ. Самый же институтъ правозаступниковъ, несмотря на либеральную инструкцію, оказался на практикѣ весьма непривлекательнымъ учрежденіемъ.

Большевики не только упразднили адвокатуру, но и всячески старались деклассировать самихъ адвокатовъ. Не было ни одного декрета или приказа, перечисляющаго предосудительныя категоріи гражданъ въ родѣ фабрикантовъ, домовладѣльцевъ и т. д., въ которомъ среди прочихъ «буржуевъ» не значились бы «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Мы подлежали всѣмъ мобилизаціямъ и повинностямъ; у насъ съ особой охотой производили реквизиціи конторской мебели, пишущихъ машинъ и даже портфелей; наше званіе приходилось, при всякихъ столкновеніяхъ или опасностяхъ, по возможности скрывать.

Адвокатскіе Совѣты въ первое время засѣдали довольно часто, обсуждая вопросъ о позиціи адвокатуры и о допустимости для адвоката тѣхъ или иныхъ занятій; но съ теченіемъ времени ихъ жизнь замерла — безъ оффиціальнаго самоупраздненія, но сама собой. Къ тому же и помѣщеніе наше въ Окружномъ судѣ было занято Народнымъ Комиссаріатомъ Юстиціи.

Въ теченіе послѣдовавшихъ шести мѣсяцевъ я всего нѣсколько разъ по неотложнымъ дѣламъ заходилъ въ зданіе суда. Было тяжело видѣть въ этомъ мѣстѣ, которое съ дѣтства въ моихъ глазахъ окружалось какимъ-то ореоломъ, новыхъ людей и новыя учрежденія. Коробила введенная большевиками номерація комнатъ и прикрѣпленныя ко всѣмъ дверямъ вывѣски. Коробила и работа засѣдавшихъ въ этомъ домѣ людей, которые легкомысленно и безотвѣтственно разрушали то самое лучшее, что въ смыслѣ соціальнаго устроенія и правопорядка завѣщалъ намъ старый режимъ.

Однажды, — кажется, въ серединѣ апрѣля, — я былъ вызванъ въ «Нарком'юстъ» для переговоровъ объ участіи въ работахъ комиссіи по кодификаціи гражданскаго права. Предсѣдателемъ комиссіи состоялъ нѣкто Гроссъ, но верховное руководство надъ ея работами сохранялъ самъ Народный Комиссаръ Юстиціи Хмѣльницкій. Со специфической вѣжливостью, напоминавшей обходительность жандармскихъ офицеровъ, Гроссъ пытался уловить меня на службу въ это учрежденіе. Когда это не удалось сдѣлать добромъ, онъ попробовалъ пугнуть мобилизаціей юристовъ; но я уже состоялъ лекторомъ на различныхъ курсахъ и мобилизаціи не боялся. Въ концѣ концовъ, кодификаціонная комиссія, въ которую Гроссу удалось различными способами втянуть нѣкоторыхъ юристовъ, такъ и обошлась безъ моего сотрудничества.

Приглашеніемъ въ комиссію я, какъ затѣмъ выяснилось, былъ обязанъ протекціи одного моего университетскаго товарища, фигура котораго настолько характерна для совѣтскаго Министерства Юстиціи, что я не могу оставить его безъ упоминанія.

Назову его Звонштейномъ.

Впервые я услышалъ его вкрадчивый голосъ и размѣренную рѣчь въ корридорѣ кіевскаго университета, вскорѣ послѣ моего поступленія. Онъ что-то проповѣдовалъ своимъ сосѣдямъ, стоявшимъ въ очереди въ деканскую. Снова тотъ же голосъ донесся до моего слуха на практическихъ занятіяхъ у проф. Билимовича. Вскорѣ мы познакомились, стали бывать другъ у друга и работали вмѣстѣ въ цѣломъ рядѣ научныхъ кружковъ.

Звонштейнъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный. Сынъ умнаго провинціальнаго адвоката дѣлеческаго типа, онъ необыкновенно рано началъ «жить и мыслить». Кажется, уже 10 лѣтъ отъ роду онъ писалъ письма въ редакцію уманской газеты, защищая невинность Дрейфуса. Аттестатъ зрѣлости онъ, въ качествѣ экстерна, получилъ въ 15 или 16 лѣтъ и тогда же поступилъ на юридическій факультетъ университета. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія Звонштейнъ выступилъ съ часовой рѣчью въ качествѣ оппонента на диспутѣ проф. Билимовича. А на послѣднемъ курсѣ онъ сумѣлъ въ короткій срокъ написать объемистое сочиненіе по гражданскому праву, удостоенное золотой медали.

При всѣхъ талантахъ, феноменальной памяти и трудоспособности, Звонштейну чего-то не хватало, чтобы быть «настоящимъ человѣкомъ» въ какой бы то ни было роли. Все въ немъ было утрировано; у него совершенно отсутствовало чувство мѣры и то, что англичане называютъ «sence of humour». Воплощеніе шаржа, онъ такъ и просился на каррикатуру. При всѣхъ обстоятельствахъ и со всякими собесѣдниками онъ говорилъ тѣмъ же докторальнымъ тономъ съ тѣмъ же гомерическимъ количествомъ цитатъ, именъ, цифръ и терминовъ. Собесѣдникъ былъ ему, вообще, безразличенъ — онъ самъ никого не

слушалъ и считалъ (или дѣлалъ видъ, что считаетъ) всякаго достойнымъ слушателемъ своихъ рѣчей.

Случилось такъ, что Звонштейнъ, который по окончаніи университета забросилъ науку и занимался коммерческими дѣлами на Кавказѣ, въ 1919 году счелъ своимъ гражданскимъ долгомъ вступить въ партію коммунистовъ. Онъ объявилъ объ этомъ во всеуслышаніе открытымъ письмомъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ и началъ работать въ партіи.

Звонштейнъ былъ неоцѣнимой находкой для большевиковъ. Онъ вѣдь былъ въ состояніи испекать по дюжинѣ декретовъ въ день, выступать на неограниченномъ числѣ митинговъ и читать любое количество лекцій. Онъ и сталъ на нѣкоторое время воплощать своей персоной «весь Нарком'юстъ». Звонштейнъ былъ и обвинителемъ, и защитникомъ, и юрисконсультомъ, и инструкторомъ, и декретодателемъ. Нужно было видѣть, какъ онъ, со своимъ шалымъ лицомъ, съ длинными кудрями, въ какомъ-то пальто весьма страннаго покроя и съ красной звѣздой на груди, носился по городу — изъ учрежденія въ учрежденіе, изъ засѣданія въ засѣданіе . . .

Воспоминанія о большевистскихъ судахъ и, въ частности, о Революціонномъ трибуналѣ невольно ассоціируются для меня съ фигурой Звонштейна.

Мы со Звонштейномъ и съ другими товарищами по университету одно время очень увлекались «литературными процессами». Мы судили, по всѣмъ правиламъ Устава уголовнаго судопроизводства, Алеко изъ «Цыганъ», Карла и Франца Моора изъ «Разбойниковъ», графа Старшенскаго изъ Гауптмановской «Эльги», Хлестакова и многихъ другихъ литературныхъ преступниковъ. Суды происходили у кого либо изъ знакомыхъ, въ присутствіи многочисленной публики. Подысканіе подходящей квартиры для этихъ судьбищъ служило предметомъ постоянныхъ заботъ для нашихъ предсѣдателей и прокуроровъ. И каждый разъ, какъ я слышалъ о «постановкѣ» большевиками того или иного дѣла въ Ревтрибуналѣ (засѣдавшемъ въ Купеческомъ собраніи со всѣми аттрибутами эффектнаго зрилища), у меня невольно въ ушахъ звучалъ торжественный голосъ Звонштейна и слова: «Товарищъ, не имѣете ли вы въ виду квартиры для предстоящаго процесса?»

У большевиковъ квартира для процессовъ къ несчастью всегда была. И они «ставили» и «ставили» ихъ, собирая полные сборы любопытныхъ. Въ отличіе отъ нашихъ литературныхъ судилищъ, ихъ суды кончались кровью и страданіями.

Ассоціація Ревтрибунала съ нашими инсценированными процессами такъ прочно укоренилась въ моемъ сознаніи изъ-за того, что первая судебная постановка, инсценированная большевиками, носила особенно эксцентричный характеръ. Это былъ судъ надъ палачемъ, казнившимъ убійцу Эйхгорна — Бориса Донского и надъ всѣми участниками его дѣла въ германскомъ военно-полевомъ судѣ. Большевиковъ ничуть не смущало то, что почти всѣ обвиняемые — германскіе офицеры — были въ то время уже въ Германіи и даже ничего не знали о судѣ надъ ними. И къ отвѣтственности предъ революціонной совѣстью кіевскихъ судей были привлечены, кромѣ имѣвшагося въ наличности палача, также всѣ отсутствовавшіе члены военнаго суда, обвинитель, директоръ тюрьмы и др. Всѣхъ ихъ заочно приговорили къ смертной казни . . . Чѣмъ не процессъ Франца и Карла Моора? — Среди обвиненныхъ былъ и мой знакомый Gerichtsoffizier кіевской комендатуры лейтенантъ Бюттнеръ. Воображаю, какіе глаза бы сдѣлалъ этотъ дѣтина — онъ былъ въ косую сажень ростомъ и атлетическаго тѣло-

сложенія, — если бы узналъ, что кіевскій Ревтрибуналъ приговорилъ его къ смерти . . .

Въ довершеніе каррикатурности, Ревтрибуналъ постановилъ «снестись съ германскимъ правительствомъ о приведеніи приговора въ исполненіе» . . . Чѣмъ не литературный процессъ? * . . .

* *

*

Я говорилъ уже, что пребываніе Совѣтской власти въ Кіевѣ въ 1919 году совпадаетъ съ эпохой ея полнаго расцвѣта. Размахъ строительства былъ у нея еще неудержимо широкъ, никакія досадныя сомнѣнія въ осуществимости затѣянныхъ нововведеній еще не появлялись. И большевики строили и строили.

Строили они — учрежденія. Ничего иного они и тогда не были въ силахъ создать. Но учрежденія создавались по истинѣ безъ удержа.

Особенно въ фаворѣ была въ то время просвѣтительная часть. Почти вся интеллигенція, постепенно отходившая отъ тактики саботажа, охотно шла на службу именно въ просвѣтительныя учрежденія. Такимъ образомъ, личный составъ учрежденій наркомпроса былъ всегда обезпеченъ. Съ другой стороны, здѣсь легче и проще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было создать «потемкинскія деревни». И ихъ создавали сотнями.

Каждое уважающее себя совѣтское учрежденіе имѣло «культ-просвѣтъ» либо «агит-просвѣтъ», то-есть культурно-просвѣтительный либо агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ. При болѣе крупныхъ учрежденіяхъ были также особые издательскіе, библіотечные, лекціонные, школьные и внѣшкольные отдѣлы. Болѣе всего умиляли меня имѣвшіеся въ разныхъ «губвоен-продснабахъ» и «компочтеляхъ» особые «кино-комитеты» или «кино-секціи», спеціально вѣдавшіе кинематографической частью.

Такъ какъ бумажныхъ денегъ печатали ad libitum и на просвѣтительныя цѣли экономничать не полагалось, то народнымъ просвѣщеніемъ занимались рѣшительно всѣ вѣдомства. Военное вѣдомство, въ которомъ денегъ было особенно много, представляло собой настоящее царство науки. Народный Комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ, окружный военный комиссаріатъ, губернскій военный комиссаріатъ — всѣ учреждали школы, читальни, кинематографы и клубы.

Громадное большинство всѣхъ этихъ начинаній оставалось, разумѣется, на бумагѣ, а во многихъ случаяхъ просвѣтительная цѣль была лишь предлогомъ для реквизиціи помѣщеній и мебели. Кое-что, однако, было все же сдѣлано; кое-какія, если не знанія, то полузнанія, получили и большинство красноармейцевъ и довольно значительный контингентъ городского населенія. И изъ всей массы богатствъ, растраченныхъ совѣтской властью, деньги, потраченныя на просвѣтительныя цѣли, израсходованы наименѣе непроизводительно.

Рядомъ со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ обезпеченныхъ средствами военныхъ и политическихъ органовъ, работа самаго вѣдомства народнаго просвѣщенія была сравнительно скромной. Почти всѣ силы его уходили на ежемѣсячную реорганизацію университетовъ и гимназій, на засѣданія по выработкѣ

---

* Коммунистическая звѣзда Звонштейна скоро закатилась. У него были какія-то непріятности и въ результатѣ онъ былъ исключенъ изъ партіи. Послѣ этого онъ, кажется, и самъ разочаровался въ большевизмѣ.

программъ и т. д. Притомъ, по старой традиціи, средства самому Наркомпросу отпускались не столь щедро, чтобы могло хватать на всѣ старыя и новыя школы.

Народнымъ Комиссаромъ Просвѣщенія былъ Затонскій — приватъ-доцентъ Кіевскаго политехникума и лютый коммунистъ. Съ работой комиссаріата мнѣ сталкиваться не приходилось, но зато весьма близкая связь установилась у меня съ «Губернскимъ отдѣломъ народнаго образованія».

Я впервые попалъ въ «Губотдѣлъ» еще въ февралѣ или началѣ марта, хлопоча объ «охранной грамотѣ» для своей библіотеки. Среди служащихъ отдѣла я встрѣтилъ много знакомыхъ изъ газетнаго и литературнаго міра, которые съ увлеченіемъ принялись тогда за работу надъ различными культурными начинаніями. Меня привлекли къ участію по отдѣлу внѣшкольнаго образованія, вѣдавшему публичными лекціями, вечерними курсами и библіотеками. Я подалъ заявленіе о зачисленіи меня лекторомъ по исторіи и правовѣдѣнію и былъ назначенъ преподавателемъ въ первую изъ открывшихся вечернихъ школъ для взрослыхъ. Отношенія мои съ Губотдѣломъ продолжались и послѣ зачисленія лекторомъ, такъ какъ я принималъ участіе въ комиссіяхъ по выработкѣ программъ для вечернихъ школъ.

Наша школа открылась 24 апрѣля 1919 года, въ помѣщеніи Екатерининскаго реальнаго училища, въ которомъ намъ отвели на вечерніе часы нѣсколько классовъ. Ученики были разбиты на двѣ группы по степени подготовки.

О работѣ въ школѣ у меня остались въ общемъ самыя лучшія воспоминанія. Нѣсколько мѣсяцевъ я преподавалъ также въ другой подобной же школѣ на Печерскѣ, но та съ уходомъ большевиковъ въ августѣ 1919 года заглохла, тогда, какъ наша первая школа — единственная изъ сотенъ основанныхъ тогда школъ — пережила, мѣняя наименованія, всѣ послѣдовавшіе перевороты и, вѣроятно, существуетъ и понынѣ. Ея жизненность обусловливалась тѣмъ, что въ нее съ самаго начала вступило крѣпкое ядро сознательныхъ и интересовавшихся дѣломъ слушателей. Это ядро и вынесло школу на своихъ плечахъ чрезъ всѣ политическія бури, тогда какъ составъ преподавателей (за исключеніемъ завѣдующаго школой Л. М. Левицкаго и меня — преподавателя второстепенныхъ предметовъ) постоянно мѣнялся.

Я не педагогъ и не берусь судить, насколько раціонально было поставлено наше начинаніе, правильны ли были наши методы и достаточны ли результаты. Склоненъ думать, что лекціонная система, по которой я велъ занятія, не вполнѣ соотвѣтствовала уровню слушателей. Однако, самый интересъ, съ которымъ эти послѣдніе относились къ урокамъ, а также составлявшіяся нѣкоторыми изъ нихъ записки, показываютъ, что совершенно безрезультатно лекціи не проходили.

Записки подавались мнѣ слушателями для просмотра и исправленія. Разумѣется, регулярныя записи лекцій умѣли вести только нѣсколько человѣкъ изъ всего класса. Но читая записки этихъ нѣсколькихъ слушателей и слушательницъ, я поражался здравому смыслу, воспріимчивости и понятливости, которыя обнаруживались въ этихъ неотесанныхъ, не видавшихъ настоящей школы мозгахъ. Нѣкоторымъ, по умѣнію схватить и изложить сущность лекціи, могли бы позавидовать иные студенты. И это впечатлѣніе выигрывало въ яркости оттого, что записки обычно были писаны полу-дѣтскими, невыписанными почерками — писаны нерѣдко съ грубыми орѳографическими ошибками.

Послѣднее, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ нейтрализовалось благодаря новой орѳографіи.

Составленные комиссіями при Губотдѣлѣ учебныя программы были посланы на утвержденіе въ Наркомпросъ. Но тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, программы были признаны буржуазными (это, дѣйствительно, были серьезныя учебныя программы безъ всякихъ тенденцій и безъ политики) и въ утвержденіи ихъ было отказано. Программы были сданы для переработки въ новую комиссію при Комиссаріатѣ, которая своихъ занятій, какъ водится, такъ и не закончила. Къ счастью, школы не были закрыты въ ожиданіи новыхъ программъ — повидимому, и большевикамъ нѣсколько импонировало, что какое-то ихъ культурное начинаніе существуетъ не только на бумагѣ. Мы обходились безъ утвержденныхъ учебныхъ программъ, фактически руководствуясь неутвержденными проектами комиссіи при Губотдѣлѣ. Преподаваніе наше было совершенно свободно. Я, по крайней мѣрѣ, читая самый скользкій предметъ (начальное правовѣдѣніе, переименованное впослѣдствіи въ «обществовѣдѣніе», а затѣмъ даже политическую экономію), до самаго конца моей работы въ школѣ, то-есть до поздней осени 1920 года, ни единаго раза не удостоился ни посѣщенія какого либо ревизора, ни вообще давленія съ той или иной стороны. Разумѣется, я тщательно избѣгалъ касаться вопросовъ злободневной политики, — но вѣдь, съ точки зрѣнія марксизма, теорія цѣнности есть также политика.

Пришлось мнѣ лѣтомъ 1919 года принять участіе еще въ одномъ просвѣтительномъ проектѣ, носившемъ уже болѣе декоративный характеръ. «Агитпросвѣт Полит-управленія Наркомвоен» (читай: агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ политическаго управленія Народнаго Комиссаріата по военнымъ дѣламъ) затѣялъ организацію «Дворца просвѣщенія». Средствъ должно было быть отпущено сколько угодно (у Наркома Подвойскаго была широкая натура) и въ этомъ «дворцѣ» предполагалось сосредоточить и театры, и кинематографъ, и лекціи, и курсы, и Богъ знаетъ что еще. Я былъ приглашенъ въ организаціонную комиссію въ качествѣ консультанта по научно-учебному отдѣлу. Изъ всей затѣи ничего не вышло.

Участіе въ организаціи Дворца Просвѣщенія привело меня въ контактъ съ однимъ изъ бывшихъ тогда въ Кіевѣ центральныхъ учрежденій У. С. С. Р. — съ Наркомвоен'омъ. Комиссаріатъ, со всѣми своими оперативными, интендантскими, агитаціонными, библіотечными, кинематографическими и прочими отдѣлами, занималъ огромный домъ 1-го Россійскаго Страхового Общества, на углу Крещатика и Прорѣзной улицы. Во главѣ его стоялъ Подвойскій — по общимъ отзывамъ, наряду съ Раковскимъ, самая яркая фигура украинскаго Совнаркома.

Самъ Раковскій — предсѣдатель Совнаркома и Наркомъ Иностранныхъ Дѣлъ — имѣлъ штабъ-квартиру во дворцѣ, а частное жилье — въ особнякѣ милліонера Могилевцева, на парадной лѣстницѣ котораго былъ, на страхъ врагамъ, установленъ пулеметъ.

Я ни разу его не видѣлъ, такъ какъ на митингахъ не бывалъ, а съ комиссаріатами имѣть соприкосновенія не приходилось. Репутація и имя у Раковскаго были громкія и низкопоклонничество предъ нимъ (и даже предъ его секретаремъ, товарищемъ Миррой) было громадное. Но, насколько я могу судить, въ коммунистической партіи его не считали вождемъ или даже лидеромъ группы. Онъ былъ безспорно талантливый и ловкій исполнитель московскихъ предписаній, повидимому, не имѣвшій самъ никакого политическаго багажа. Раковскій слылъ умѣреннымъ, но это не мѣшало ему издавать декреты, объявлявшіе

форменную войну украинской деревнѣ, не мѣшало прокламировать «красный терроръ». Думаю, что его репутація и сравнительно благожелательное отношеніе къ нему не-совѣтскихъ круговъ основывалось исключительно на его внѣшнемъ европеизмѣ и на томъ, что онъ составлялъ оппозицію такимъ ошалѣлымъ элементамъ, какъ Георгій Пятаковъ. Однако, эта оппозиція, какъ и вся линія поведенія Раковскаго, была основана исключительно на улавливаніи московскихъ директивъ. Карьеризмъ и безпринципность Раковскаго были и морально-отвратительнѣе, и политически-опаснѣе, нежели прямолинейная пугачевщина Пятакова. А европейскій лоскъ, — быть можетъ, пріятный въ личномъ обращеніи, весьма мало гармонировалъ съ внутренними качествами его ума и сердца. Что можетъ быть ужаснѣе палача въ смокингѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ? Раковскій же моментально становился палачемъ, какъ только это соотвѣтствовало видамъ Ленина.

Хорошо отзывались въ Кіевѣ о Наркомѣ Соціальнаго Обезпеченія (фамиліи его не могу припомнить). Это былъ убѣжденный и безкорыстный коммунистъ, весьма благожелательно относившійся къ своимъ сотрудникамъ изъ интеллигенціи. Ему удалось сосредоточить въ своемъ комиссаріатѣ весьма видный составъ работниковъ. Юрисконсультомъ комиссаріата былъ Ю. И. Лещъ, завѣдующимъ однимъ изъ отдѣловъ — В. К. Калачевскій. Наркомсобезъ слылъ «нейтральнымъ», «аполитичнымъ» — поэтому въ него охотно шла интеллигенція. Однако, поступившіе въ Собезъ интеллигенты жестоко разочаровались въ немъ, и многіе изъ нихъ пережили тяжелую душевную драму. Въ дѣйствительности, работа Собеза была далеко не такой аполитичной, какъ казалось извнѣ. Не знаю, кого обезпечило это «Соціальное обезпеченіе», — но уничтожило оно цѣлый рядъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ, дѣйствительно аполитичныхъ учрежденій.

Однимъ изъ первыхъ, палъ его жертвой Международный Красный Крестъ. За нимъ послѣдовалъ черезъ нѣкоторое время «Всеукраинскій комитетъ помощи пострадавшимъ отъ погромовъ». Этотъ комитетъ былъ организованъ еще во времена Директоріи, въ самую эпоху погромовъ. Во главѣ его стоялъ сначала М. Н. Крейнинъ, а затѣмъ продолжительное время М. Л. Гольдштейнъ. Я принималъ участіе въ Юридической комиссіи комитета, предсѣдателемъ которой состоялъ маститый Я. Л. Тейтель. Комитетъ работалъ и при большевикахъ. М. Л. Гольдштейнъ употреблялъ всѣ свои адвокатскіе таланты, чтобы защитить его или, по крайней мѣрѣ, затянуть процессъ его уничтоженія. Но существованіе общественно-филантропическаго комитета противорѣчило духу времени, а духъ времени былъ тогда очень силенъ. Онъ и смелъ погромный комитетъ съ своего пути, замѣнивъ его какой-то подкомиссіей при подъотдѣлѣ Собеза, главная задача которой состояла въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы возстанавливались только пострадавшія отъ погромовъ т р у д о в ы я хозяйства и чтобы ни одна копѣйка денегъ, собранныхъ среди буржуевъ, не попала въ руки вдовы или сиротъ убитаго погромщиками буржуя.

Въ Погромномъ Комитетѣ, въ предвидѣніи его неминуемой гибели, всѣ бумаги составлялись въ двухъ экземплярахъ. Второй экземпляръ сохранился у президіума Комитета послѣ оффиціальной передачи дѣлъ Собезу. Онъ явится цѣннымъ источникомъ для исторіи этой мрачной полосы изъ жизни украинскаго еврейства.

* *
*

Въ первые же дни прихода большевиковъ у насъ была организована «Чрезвычайная Комиссія» и первымъ ея предсѣдателемъ былъ нѣкто Соринъ. При немъ этотъ «аппаратъ» только налаживался — реквизировалась мебель, набирался штабъ шпиковъ и другихъ сотрудниковъ, оборудовались необходимыя помѣщенія. Соринъ былъ человѣкъ недисциплинированный и не подчинялся распоряженіямъ и декретамъ. Говорили, что онъ бралъ взятки. Въ концѣ концовъ, его убрали, причемъ въ поднятой противъ него кампаніи большую роль игралъ, — къ чести его будь сказано, — Звонштейнъ. На смѣну Сорину въ кіевскую Губчека былъ назначенъ нѣкто Дегтяренко, но къ этому времени губернская чрезвычайка потеряла всякое значеніе, такъ какъ, вмѣстѣ съ центральнымъ правительствомъ, переѣхала изъ Харькова въ Кіевъ Чрезвычайка Всеукраинская.

Эта послѣдняя (Вучека, какъ ее называли) размѣстилась въ лучшемъ особнякѣ въ Липкахъ, въ которомъ во время войны жилъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, а при нѣмцахъ — фельдмаршалъ Эйхгорнъ. Ея предсѣдателемъ еще въ Харьковѣ былъ назначенъ знаменитый Лацисъ. Это имя весьма много говоритъ уху кіевлянина . . .

Лацисъ не былъ взяточникомъ, онъ не былъ атаманомъ разбойничьей шайки, онъ не былъ одураченнымъ идеалистомъ. Онъ былъ настоящій организаторъ и глава своего специфическаго вѣдомства. При немъ чрезвычайка разрослась и обогатилась цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ учрежденій — особымъ корпусомъ войскъ, клубомъ, кинематографомъ, больницей. Онъ редактировалъ и спеціальный печатный органъ че-ка, который назывался «Красный мечъ» и имѣлъ подзаголовокъ: «Органъ Всеукраинской Чрезвычайной Комиссіи». Впослѣдствіи, на досугѣ, Лацисъ издалъ цѣлую книжку о дѣятельности чрезвычайки, — кажется, подъ названіемъ «Два года борьбы на внутреннемъ фронтѣ». Въ этой книжкѣ со статистическими данными и даже діаграммами изображается вся дѣятельность чрезвычайки, число разстрѣловъ, распредѣленіе ихъ по годамъ и мѣсяцамъ, по полу, возрасту и сословію жертвъ . . . Въ своихъ писаніяхъ Лацисъ всецѣло опирался на марксистскія представленія о государствѣ, какъ орудіи классоваго господства. Изъ этой доктрины онъ дѣлалъ внѣшне послѣдовательные выводы, сводившіеся къ теоретическому оправданію всякаго насилія, и такъ, съ феноменальнымъ цинизмомъ, выступалъ публицистомъ, теоретикомъ, а иногда и фельетонистомъ заплечнаго мастерства.

Вучека, руководимая министерской головой Лациса, развила въ Кіевѣ, лѣтомъ 1919 года, весьма напряженную дѣятельность. Былъ декретированъ красный терроръ и это давало возможность разстрѣливать всѣхъ и каждаго, безъ указанія какой-либо индивидуальной вины. Въ публикуемыхъ въ газетахъ «сводкахъ» обычно послѣ имени разстрѣляннаго, въ скобкахъ, приводилась причина разстрѣла: бандитизмъ, контр-революціонность, преступленіе по должности, спекуляція и т. п. Но послѣ декрета о красномъ террорѣ нерѣдко, вмѣсто опредѣленнаго мотива, значились слова: «разстрѣлянъ въ порядкѣ краснаго террора».

Первыми жертвами краснаго террора были 68 кіевлянъ, значавшихся въ обнаруженномъ у кого-то спискѣ членовъ клуба націоналистовъ. Среди нихъ были почтенные судебные дѣятели, какъ товарищъ предсѣдателя окружнаго суда Н. Н. Раичъ, профессора университета, какъ Армашевскій и Флоринскій, адвокаты, какъ Мининковъ и Приступа, гласные Городской Думы, какъ Коноплинъ и Моссаковскій. Большинство казненныхъ были глубокими стариками (и Раичу, и Армашевскому, и Моссаковскому, и директору Общества

Взаимнаго Кредита Цытовичу, и владѣлицѣ мастерской надгробныхъ памятниковъ вдовѣ Де-Векки было за 70 лѣтъ). Нѣкоторые изъ нихъ были активными правыми дѣятелями (Коноплинъ, Мининковъ, Армашевскій), но большинство было политически безцвѣтно и состояло въ клубѣ націоналистовъ только потому, что того требовало ихъ служебное положеніе и господствовавшія въ этихъ кругахъ правила приличія и тона. Гнетущее впечатлѣніе производило убійство Раича — популярнѣйшаго старожила кіевскаго суда, строгаго и по-генеральски рѣзкаго предсѣдателя, но умнаго и независимаго судьи. Траги-комедіей было политическое мученичество присяжнаго повѣреннаго Приступы — адвоката по крестьянскимъ дѣламъ, забитаго и заваленнаго мелкой практикой, не вылѣзавшаго изъ своего старенькаго фрака, въ которомъ онъ ежедневно выступалъ во всѣхъ отдѣленіяхъ суда и палаты. Онъ былъ безтолковый, но вполнѣ честный и порядочный ходатай за своихъ кліентовъ-крестьянъ, чѣмъ выгодно выдѣлялся изъ среды остальныхъ спеціалистовъ по крестьянскимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что онъ не имѣлъ никакого отношенія къ политикѣ, — никто въ судѣ не зналъ, какому направленію онъ сочувствуетъ, — и, по всей вѣроятности, какой-либо пріятель на его несчастье записалъ его въ клубъ націоналистовъ . . .

Вторая партія разстрѣлянныхъ ударила прямо по кіевской интеллигенціи. Списокъ былъ короче, но среди именъ были два близкихъ и родныхъ Кіеву имени — имена Владиміра Павловича Науменко и Сергѣя Ивановича Горбунова. Разстрѣлъ Науменко былъ, несомнѣнно, самымъ вопіющимъ преступленіемъ кіевской чрезвычайки. Какъ мотивъ разстрѣла было указано, что Науменко состоялъ членомъ послѣдняго гетманскаго кабинета и что онъ, вмѣстѣ съ братомъ Игоря Кистяковскаго — профессоромъ Богданомъ Кистяковскимъ, основалъ какую-то умѣренную украинскую партію. Я лично не былъ знакомъ съ Науменко и не хочу посвящать его свѣтлой памяти банальныхъ или заимствованныхъ словъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей, пользовавшихся совершенно исключительной репутаціей и извѣстныхъ всему Кіеву, — одно изъ немногихъ именъ, которое произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Если бы ему дали умереть своей смертью, за его гробомъ шла бы стотысячная толпа . . . И такого человѣка схватили и поспѣшили разстрѣлять черезъ 24 часа, — чтобы никто не успѣлъ за него заступиться. А въ качествѣ основанія казни не сумѣли объявить ничего иного, какъ то, что онъ былъ товарищемъ по партіи съ братомъ Игоря Кистяковскаго . . .

С. И. Горбуновъ, павшій жертвой своего юрисконсульства въ гетманскомъ Министерствѣ Финансовъ, былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ кіевскихъ адвокатовъ. Онъ былъ человѣкъ умный и способный, но вмѣстѣ съ тѣмъ надломанный, неврастеничный, прекрасный товарищъ и собутыльникъ — настоящая русская «широкая натура». Онъ былъ прирожденнымъ пессимистомъ и скептикомъ; общественная и сословная работа у него какъ-то не клеилась. Предъ приходомъ большевиковъ онъ бѣжалъ въ Одессу, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на свою погибель, возвратился и поступилъ на службу въ «карательный отдѣлъ» Комиссаріата Юстиціи. Отчего палъ на его несчастную голову гнусный мечъ Лациса, — невѣдомо и необъяснимо.

Процедура арестовъ, сидѣнія въ че-ка, вызова смертниковъ и разстрѣла много разъ описана. Я стараюсь передавать только непосредственныя впечатлѣнія и не буду поэтому своимъ блѣднымъ перомъ вновь описывать всѣ эти ужасные въ своей упрощенности пріемы чекистской расправы . . . Намъ

пришлось столкнуться съ этимъ кошмаромъ лицомъ къ лицу въ связи съ разстрѣломъ одной изъ жертвъ пресловутаго проходимца, «бразильскаго консула» графа Пирро. Я не буду касаться и этой драмы, такъ какъ вся роль Пирро для меня остается загадочной *.

Однажды — это было въ іюлѣ, — развернувъ газету, я былъ потрясенъ, прочитавъ въ кровавомъ синодикѣ еще одно имя. Че-ка сообщала о разстрѣлѣ Іордана Николаевича Пересвѣтъ-Солтана. Онъ былъ пламенный польскій патріотъ и погибъ на посту, какъ рыцарь безъ страха и упрека. І. Н. былъ въ то время предсѣдателемъ польскаго Исполнительнаго Комитета. Когда начались аресты среди поляковъ, онъ временно скрылся на пригородную дачу одного товарища по адвокатскому сословію. И вотъ однажды зять его Стемпковскій, посѣтившій его въ этомъ убѣжищѣ, передалъ ему, что въ польскомъ обществѣ существуетъ неудовольствіе тѣмъ, что онъ, оффиціальный глава его, скрывается и какъ бы бросаетъ тѣнь на всѣхъ поляковъ. Іордану Николаевичу было достаточно этихъ словъ, чтобы немедленно же сняться съ мѣста и возвратиться обратно въ городъ. Въ ту же ночь онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ невольнымъ виновникомъ его гибели Стемпковскимъ. Черезъ нѣсколько недѣль они оба были разстрѣляны по обвиненію въ связяхъ съ польскими легіонами. Въ очередной газетной «сводкѣ» подлѣ имени Пересвѣтъ-Солтана значилось: «бывшій предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты». Въ дѣйствительности, онъ никогда не былъ судьей, а былъ извѣстнымъ въ городѣ адвокатомъ и состоялъ предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета, а затѣмъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Но такими деталями, повидимому, не интересовались слѣдователи и судьи, рѣшавшіе вопросъ о его жизни и смерти...

Такъ дѣлала свое дѣло чрезвычайка.

Типичное «совѣтское учрежденіе», со своими сотрудниками, барышнями, комслужемъ, агит-просвѣтомъ и прочими аттрибутами, — осуществляло функціи террористовъ и палачей . . .

Достоевскій вложилъ въ уста Шатова слѣдующія слова о «бѣсахъ» революціи:

> «О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ» . . . («Бѣсы», ч. II, гл. VI.)

Этотъ геніальный психологическій штрихъ слишкомъ хорошо подтвержденъ большевизмомъ и чрезвычайкой. Послѣ прихода Добровольческой Арміи среди оставленныхъ Вучека бумагъ нашлись нѣкоторые журналы засѣданій ея коллегіи, подъ предсѣдательствомъ Лациса. Журналы эти были составлены, примѣрно, по слѣдующему типу:

Слушали	Постановили
1) Объ отпускѣ по болѣзни товарищу Иванову.	1) Дать отпускъ на 2 недѣли по представленіи медицинскаго свидѣтельства.
2) О бывшемъ профессорѣ университета Армашевскомъ, обвиняемомъ въ контръ-революціи.	2) Подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія.

* См. Архивъ, т. 3 с. 210.

И такъ далѣе, — приговоры къ разстрѣлу въ перемежку съ постановленіями о выдачѣ ликвидаціонныхъ и наградныхъ и съ другими вопросами внутренней жизни канцеляріи. Нельзя себѣ представить ничего характернѣе этихъ кровавыхъ журналовъ «Коллегіи В. У. Ч. К.». Какъ эти люди — революціонеры и ниспровергатели par excellence — раболѣпно цѣплялись за самую внѣшнюю, мелкую сторону разрушаемаго міра! Коллегія чекистовъ, «отрекшихся отъ стараго міра», творитъ судъ и расправу надъ контръ-революціонерами — и въ то же время всѣми силами стремится ни на шагъ не отойти отъ шаблона какого-нибудь уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ. При этомъ, въ качествѣ настоящихъ выскочекъ и parvenus, канцеляристы изъ че-ка употребляютъ техническіе термины тамъ, гдѣ это даже и не полагается. Уголовный приговоръ, а тѣмъ паче приговоръ къ смертной казни, разумѣется, никогда не бывалъ изложенъ въ видѣ абстрактной формулы — «подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія». Но вѣдь рабоче-крестьянская власть такъ безмѣрно любитъ высокопарные термины и бумаги съ печатями, которыя «три съ половиной человѣка подписываютъ»...

* *
*

Занятые высокой политикой и борьбой на многочисленныхъ фронтахъ, большевики въ 1919 году еще не успѣли наложить своей мертвящей руки на всѣ проявленія хозяйственной и культурной жизни Кіева. Магазины продолжали торговать*, гимназіи и университеты еще существовали въ прежнемъ видѣ. Населеніе еще не успѣло изголодаться и опуститься. Люди жили съ запасовъ или со службъ; жалованій еще хватало на минимальныя потребности, особенно если въ семьѣ было нѣсколько служащихъ. Независимыхъ газетъ въ Кіевѣ не выходило. Помѣщеніе «Кіевской Мысли» было занято редакціей «Извѣстій Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета». Кромѣ этого оффиціальнаго органа выходилъ оффиціозъ «Коммунистъ» и нѣсколько украинскихъ большевистскихъ газетъ. Въ Харьковѣ нѣкоторое время еще существовалъ меньшевистскій органъ — не помню его названія, — въ которомъ военный обозрѣватель различными темными намеками поддерживалъ въ публикѣ надежду на интервенцію союзниковъ. Эта газета бралась въ Кіевѣ на расхватъ и мы называли ее «буржуазнымъ утѣшителемъ».

Слухи о помощи со стороны союзниковъ, объ ихъ близкомъ приходѣ изъ Одессы, о спасительныхъ условіяхъ Версальскаго мирнаго договора, возлагавшихъ будто бы не то на Германію, не то на Польшу миссію удушенія большевиковъ, — уже тогда непрерывно муссировались въ Кіевѣ. Большевистскій режимъ вообще является золотымъ вѣкомъ слуховъ; впрочемъ, эта черта эпохи, вмѣстѣ съ другими бытовыми чертами, вполнѣ проявилась впослѣдствіи, въ третій и четвертый приходы большевиковъ.

Въ дѣйствительности, несмотря на обнадеживающія статьи «буржуазнаго утѣшителя» и на слухи объ интервенціи, военныя дѣла большевиковъ шли, по началу, блестяще. Ихъ власть распространялась все дальше и дальше на югъ; въ началѣ апрѣля пала Одесса, за ней послѣдовалъ и Крымъ. Вся Украина и Донъ были подъ властью большевиковъ... Одновременно съ этимъ спартаковскій

* Кромѣ націонализированныхъ книжныхъ магазиновъ.

«путчъ» въ Берлинѣ и авантюра Бэла-Куна въ Венгріи поддерживали разговоры о начинающейся всемірной революціи.

Однако, большевикамъ на этотъ разъ не было дано и часа насладиться плодами побѣды. Какъ морской прибой, безъ единой минуты остановки, смѣняется отливомъ, такъ и волна большевистскаго наступленія, достигнувъ предѣльной точки, въ тотъ же моментъ покатилась обратно. Первые удары военному могуществу большевиковъ на Украинѣ были нанесены повстанцами. Отложился покоритель Одессы атаманъ Григорьевъ, затѣмъ возникли повстанческіе очаги въ Уманьщинѣ, въ Подоліи, у Полтавы. Струкъ, Ангелъ, Зеленый, Махно — всѣ эти имена бандитскихъ и повстанческихъ вождей привлекали къ себѣ все бо́льшее вниманіе. Каждый отрядъ въ отдѣльности былъ слабъ, никакихъ лозунговъ (кромѣ неизмѣннаго «бей жидовъ!») у нихъ не существовало и возстанія обычно безъ труда ликвидировались красной арміей. Но, разсѣянные въ одномъ уѣздѣ, повстанцы появлялись черезъ нѣкоторое время въ другомъ. Они останавливали поѣзда, убивали коммунистовъ и евреевъ, грабили, портили желѣзно-дорожный путь.

Эта партизанская война подкашивала силы большевиковъ, необходимыя имъ для сопротивленія противъ начавшагося въ іюнѣ 1919 г. историческаго похода Добровольческой арміи. Ей предстояло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ завоевать не только всю Украину, но и почти всю Россію.

Кіевскіе шептуны и передатчики слуховъ какъ будто меньше всего интересовались Добровольческой арміей. Имя Деникина, унаслѣдовавшаго постъ ея вождя послѣ смерти ген. Алексѣева, очень мало говорило тогда уму и сердцу кіевлянъ. А единственное соприкосновеніе съ добровольческими частями, которое мы имѣли во время защиты Кіева отъ Петлюры въ декабрѣ 1918 года, не могло оставить особенно обнадеживающихъ воспоминаній. Однако, со времени занятія добровольцами Донского бассейна наступленіе ген. Деникина силою вещей выдвинулось на первый планъ общественнаго вниманія. Стало ясно, что не взирая на всѣ слухи, только это и есть тотъ единственный сильный врагъ, съ которымъ большевикамъ предстоитъ бороться не на жизнь, а на смерть.

Наступленіе добровольцевъ шло чрезвычайно быстро, какъ всѣ пережитыя нами наступленія — отступленія. 25 іюня 1919 г. палъ Харьковъ, черезъ нѣсколько дней — Екатеринославъ. Положеніе красной арміи на Украинѣ становилось серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что основная коммуникаціонная линія съ Москвой была подъ угрозой. Наше правительство начало нервничать. Раковскій носился по митингамъ и провозглашалъ повсюду, что республика въ опасности.

Начались мобилизаціи. Сначала было декретировано «всеобщее военное обученіе», — глупая затѣя, изъ которой абсолютно ничего не вышло. Затѣмъ пошли призывы все новыхъ и новыхъ возрастовъ. Параллельно начались усиленныя хлопоты объ отсрочкахъ. За время гражданской войны мы пережили безконечное количество мобилизацій; насъ мобилизовалъ гетманъ противъ Петлюры, затѣмъ Петлюра противъ большевиковъ, затѣмъ большевики противъ добровольцевъ, затѣмъ добровольцы противъ большевиковъ, наконецъ, снова большевики противъ поляковъ и Врангеля. Всѣ эти мобилизаціи были, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Всегда въ мобилизаціонномъ декретѣ стремились захватить возможно болѣе широкій кругъ лицъ и каждому уклоняющемуся отъ призыва отставному ветеринару или бѣлобилетнику грозили самыми суровыми наказаніями. Вопросъ о предоставленіи отсрочекъ учащимся и служащимъ различныхъ учрежденій регламентировался съ величайшей подробностью. Устанавливались

процентныя нормы, по которымъ учрежденіямъ предоставлялось ходатайствовать объ отсрочкѣ исключительно для самаго ограниченнаго числа своихъ самыхъ необходимыхъ, незамѣнимыхъ и неоцѣнимыхъ сотрудниковъ. Разрѣшенный процентъ былъ обыкновенно весьма малъ и, при точномъ соблюденіи нормы, оказывалось, что на отсрочку можетъ разсчитывать, въ каждомъ учрежденіи, примѣрно, $^3/_4$ одного служащаго. Однако, ходатайства о предоставленіи отсрочки можно было возбуждать въ неограниченномъ числѣ. И съ первыхъ же дней мобилизаціи, комиссіи по отсрочкамъ бывали завалены такимъ необозримымъ количествомъ прошеній, что на разсмотрѣніе ихъ уходило нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ кандидаты на отсрочку были свободны отъ явки. Обыкновенно, эти кандидаты такъ и не успѣвали получить отвѣта изъ комиссіи, пока не приходила новая власть и не нужно было готовиться уже къ новой мобилизаціи.

По мѣрѣ приближенія Добровольческой арміи положеніе въ Кіевѣ становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Была объявлена милитаризація учрежденій, при которой служащихъ заставляли бездѣльничать, вмѣсто шести, восемь часовъ въ день. Наряду съ этимъ, шло сокращеніе штатовъ и начиналась подготовка къ эвакуаціи. По мѣрѣ того какъ приходъ добровольцевъ представлялся уже неминуемымъ, вопросъ объ эвакуаціи начиналъ все больше и больше волновать населеніе. Было тяжело и противно видѣть, какъ увозилось безконечное количество запасовъ и всякаго имущества, въ томъ числѣ, напр., оборудованія реквизированныхъ частныхъ лѣчебницъ и т. д. Но самымъ грознымъ былъ вопросъ о возможности принудительной эвакуаціи людей. Въ городѣ распространялись слухи о предстоящемъ увозѣ цѣлаго ряда категорій интеллигенціи — инженеровъ, профессоровъ, адвокатовъ, врачей. Въ дѣйствительности, это несчастье стряслось только надъ послѣдними. «Обычаи» гражданской войны, повидимому, допускали, чтобы населеніе эвакуируемой территоріи было оставлено безъ медицинской помощи. Какія-то чрезвычайныя коллегіи и комитеты съ неограниченными полномочіями, руководствуясь какими-то загадочными критеріями, намѣчали, по спискамъ врачей, своихъ жертвъ и публиковали ихъ имена въ «Извѣстіяхъ». Обреченные должны были въ 2 — 3 дня сняться съ мѣстъ и ѣхать куда-то вдаль . . .

Между тѣмъ, извѣстія съ фронта становились все менѣе и менѣе утѣшительными для красной арміи. На западѣ, у австрійской границы, воскресъ Петлюра, собравшій снова какую-то армію и также двигавшійся на Кіевъ. Его войска заняли Жмеринку и перерѣзали прямую связь Кіева съ Одессой.

Въ то же время добровольцы не переставали приближаться. Палъ Константиноградъ, пала Полтава. Стали поговаривать о томъ, что Деникинъ не идетъ прямо на Кіевъ только для того, чтобы совершенно отрѣзать большевиковъ отъ Москвы, занявъ, прямымъ ударомъ изъ Харькова, Бахмачъ и Ворожбу. Настроеніе въ совѣтскихъ кругахъ сдѣлалось паническимъ. Многіе стали спѣшно отправлять на сѣверъ своихъ женъ, оставаясь въ Кіевѣ налегкѣ, чтобы уѣхать въ послѣднюю минуту. Для отступленія большевикамъ оставалось только два пути — гужомъ по Черниговскому шоссе или по Днѣпру въ Гомель. Для высшихъ сановниковъ были приготовлены автомобили, которые должны были увезти ихъ, въ минуту опасности, по шоссе. А остальные уѣзжавшіе дрались изъ-за мѣстъ на пароходахъ.

Совѣтскія учрежденія стали спѣшно готовиться къ эвакуаціи. Это выражалось, прежде всего, въ томъ, что «отдѣлы личнаго состава» тщательно сжигали

всевозможные табели и списки съ именами служащихъ. Въ этомъ дѣлѣ «совѣтскія барышни» и кавалеры проявляли колоссальное рвеніе. Они высиживали цѣлыя ночи на пролетъ, пересматривая груды бумагъ и выискивая подлежащія уничтоженію фамиліи сотрудниковъ.

Одновременно съ этимъ шелъ спѣшный раздѣлъ всѣхъ запасовъ комслужей, продовольственныхъ секцій и т. п.

Учрежденія, вѣдавшія транспортъ, — въ частности Губтрамотъ Совнархоза, — были облечены исключительными полномочіями и стремились осуществить широкіе планы увоза изъ Кіева всего того, что большевикамъ хотѣлось бы захватить съ собой.

Результаты дѣятельности Трамота были видны на улицахъ города.

Безконечное количество подводъ, груженныхъ всякими вещами, спускалось по улицамъ города на Подолъ, къ гавани. Тутъ были и реквизированныя швейныя машины, и утварь эвакуируемыхъ учрежденій, и кожа, и мѣшки съ солью. . . Иногда попадалась подвода съ щегольскими чемоданами, довольно часто — подводы съ мебелью. Возлѣ гавани, особенно въ послѣдніе дни, происходилъ форменный базаръ: половина свезенныхъ къ Днѣпру вещей попадала не на пароходы, а въ руки перекупщиковъ. Этотъ специфическій видъ спекуляціи — скупка подлежащихъ вывозу «казенныхъ» вещей — впервые возникъ въ эти дни; впослѣдствіи онъ всплывалъ на поверхность при каждой эвакуаціи, которыхъ мы пережили еще немало . . .

Когда дѣло начинало уже близиться къ развязкѣ и окончательное оставленіе Кіева ожидалось со дня на день, въ нашемъ городѣ появился спеціальный посланецъ Москвы — Петерсъ. Ему, повидимому, было поручено вспрыснуть камфору умиравшей совѣтской власти на Украинѣ. Кіевъ былъ объявленъ «укрѣпленнымъ райономъ» и Петерсъ назначенъ его комендантомъ. Его помощникомъ былъ назначенъ Лацисъ.

Будучи не въ силахъ измѣнить что-либо въ военномъ положеніи, Петерсъ и Лацисъ стали отыгрываться на внутреннемъ врагѣ. Была объявлена какая-то грозная мобилизація для рытья окоповъ, участились облавы на дезертировъ и провѣрки документовъ на улицахъ. При этомъ хватали и сажали въ че-ка по малѣйшему подозрѣнію и безъ всякаго подозрѣнія.

Такимъ образомъ, въ подвалахъ чрезвычайки набрались сотни сидѣльцевъ. И надъ ними была учинена кровавая расправа.

Однажды утромъ газеты вышли съ безконечно-длиннымъ, столбца въ два, спискомъ разстрѣлянныхъ. Ихъ было, кажется, 127 человѣкъ; мотивомъ разстрѣла было выставлено враждебное отношеніе къ совѣтской власти и сочувствіе добровольцамъ. Въ дѣйствительности, какъ выяснилось потомъ, коллегія чрезвычайки, усиленная Петерсомъ, рѣшила для острастки произвести массовый разстрѣлъ и выбрала по списку заключенныхъ всѣхъ, противъ кого можно было выставить хоть что-нибудь компрометирующее.

Среди 127-ми разстрѣлянныхъ былъ Мих. Ник. Добрынинъ — предсѣдатель Домоваго Комитета нашего дома. Эти семь мѣсяцевъ онъ по должности присутствовалъ на всѣхъ обыскахъ, арестахъ, реквизиціяхъ. Онъ держался вполнѣ корректно съ большевиками и былъ вообще очень остороженъ. Но въ каждомъ его словѣ, въ самыхъ интонаціяхъ его по великосвѣтскому картавящей рѣчи чувствовалось такое безконечное презрѣніе къ своимъ собесѣдникамъ изъ че-ка или жилотдѣла, — что онъ не могъ не нажить себѣ враговъ и недоброжелателей

въ совѣтскихъ кругахъ. И вотъ, наканунѣ освобожденія Кіева, они свели съ нимъ счеты...

Дѣйствительное число разстрѣлянныхъ не ограничивалось опубликованнымъ въ газетахъ спискомъ. Въ самый послѣдній день предъ уходомъ большевиковъ въ че-ка разстрѣливали уже безъ всякаго учета и контроля. Ужасная судьба постигла одного изъ жильцовъ нашего дома — Іос. Сол. Горенштейна. Несчастье его состояло въ томъ, что онъ выглядѣлъ не по лѣтамъ моложаво. При уличной провѣркѣ документовъ указанный въ его паспортѣ возрастъ — 53 года — вызвалъ подозрѣніе. Горенштейнъ былъ арестованъ. Стали за него хлопотать, но изъ высшихъ чекистскихъ сферъ былъ полученъ отвѣтъ: кто это безпокоится о немъ, вѣдь онъ сахарозаводчикъ? Заступники, послѣ этого, не рѣшались проявлять большой активности въ его дѣлѣ. — Въ спискѣ разстрѣлянныхъ Горенштейнъ не значился, это отчасти успокаивало его семью. Но его все же не освобождали. Наконецъ, большевики ушли — а узникъ домой не вернулся и среди увезенныхъ заложниковъ его также не было...

Только черезъ нѣсколько дней выяснилась его участь. Люди, жившіе въ домѣ напротивъ Губчека, видѣли, какъ за нѣсколько часовъ до оставленія города красноармейцы вывели изъ помѣщенія че-ка нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного съ длинной бородой и въ черныхъ лакированныхъ ботинкахъ съ сѣрыми вставками; ихъ повели въ домъ на Садовой № 5, гдѣ производились разстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома вышелъ красноармеецъ, державшій въ рукахъ черные, съ сѣрыми вставками, ботинки.

Быть можетъ, эти полюбившіеся солдату ботинки и погубили Горенштейна...

V. Добровольцы

(сентябрь — ноябрь 1919 года)

Деникинъ или Петлюра? — Печальныя реликвіи. — Начало юдофобской травли. — Подъ знакомъ возстановленія. — Адвокатура и бывшіе совѣтскіе служащіе. — День 1 октября 1919 г. — Погромъ. — «Пытка страхомъ». — Разочарованіе и упадокъ. — Политическія ошибки и военныя неудачи. Деморализація. — Кіевскія настроенія въ октябрѣ и ноябрѣ. — Паническая эвакуація 28 ноября. — Ночь на вокзалѣ. — «Въ третій и послѣдній разъ».

По направленію къ Кіеву продвигались одновременно двѣ противобольшевистскія арміи — съ востока добровольцы, съ запада Петлюра съ галичанами Было неясно, кто изъ нихъ займетъ городъ и каковы ихъ взаимоотношенія.

Наши кіевскіе всезнайки — а таковыхъ много въ каждомъ городѣ — утверждали, что, какъ само собою разумѣется, между Петлюрой и добровольцами есть соглашеніе, чуть ли ни санкціонированное Антантой. Приводили и детали этого соглашенія... Любопытно, что диллетантизмъ въ политическихъ сужденіяхъ часто приводитъ къ чрезмѣрной раціонализаціи всего происходящаго: для всезнаекъ причина всякихъ переворотовъ, завоеваній и т. д. есть всегда чье-то тайное велѣніе, тайное соглашеніе и т. п. Только простаки, по ихъ глубокому убѣжденію, могутъ удѣлять въ современной исторіи мѣсто и для случайности, и для безсознательныхъ стихійныхъ процессовъ...

Въ данномъ случаѣ, вопреки всякой очевидности, оказались правы именно простаки. Добровольцы и петлюровцы шли навстрѣчу другъ другу не только безъ всякаго соглашенія между собой, но даже съ опредѣленно враждебными намѣреніями. И тѣ, и другіе стремились захватить Кіевъ. Особенно добивались этого петлюровцы, которые, въ сущности, шли почти безъ боя, слѣдуя за эвакуирующими правобережную Украину красноармейскими частями.

Украинцамъ и удалось перехватить на одинъ день нашъ городъ. Утромъ 31 августа 1919 года, послѣ довольно тревожной ночи, со снарядами и пожарами, мы застали на Городской Думѣ желто-голубое знамя и увидѣли на Думской площади хорошо одѣтыхъ и имѣющихъ европейскій видъ галиційскихъ солдатъ. Неизмѣнный Е. П. Рябцовъ, уже вступившій въ исполненіе обязанностей Городского Головы, велъ переговоры съ галиційскимъ начальствомъ. Въ тотъ же день съ утра стали появляться въ городѣ пришедшіе изъ-за Днѣпра патрули добровольцевъ.

Населеніе встрѣчало тѣхъ и другихъ съ энтузіазмомъ. Но было непонятно, кѣмъ же, собственно говоря, Кіевъ занятъ и что будетъ дальше.

Въ серединѣ дня въ городъ вступилъ значительный конный отрядъ добровольцевъ во главѣ съ генераломъ Бредовымъ. Въ первый же часъ его пребыванія въ Кіевѣ произошелъ инцидентъ, ускорившій дальнѣйшее развитіе событій. Когда отрядъ Бредова спускался внизъ по Александровской улицѣ, его встрѣтили съ Крещатика выстрѣлами; то же потворилось у Думы, когда добровольцы пожелали водрузить, рядомъ съ желто-голубымъ, также и трехцвѣтное русское знамя.

Генералъ Бредовъ немедленно вызвалъ къ себѣ представителей галиційскихъ частей и предложилъ послѣднимъ въ теченіе 24-хъ часовъ покинуть городъ. Тѣ подчинились и на слѣдующее утро въ Кіевѣ оставались уже одни только добровольцы.

Настроеніе въ городѣ было приподнятое. Все населеніе высыпало на улицы, мелькали бѣлыя платья и праздичные наряды. Сами добровольцы въ своихъ англійскихъ хаки имѣли щегольской и молодцеватый видъ. Толпы народа ходили по городу съ національными флагами и, — несмотря на тяжелыя воспоминанія, связанныя съ «патріотическими манифестаціями», — въ этотъ день было пріятно видѣть и эти толпы, и эти знамена. Чувствовалось всеобщее единеніе, напоминавшее первые дни революціи. Большевистская власть, чрезвычайка и разстрѣлы представлялись какимъ-то дурнымъ сномъ, навсегда схороненнымъ. Поспѣшное бѣгство большевиковъ, кровавыя расправы предъ уходомъ, всеобщее возмущеніе противъ нихъ — все это не оставляло, казалось, и сомнѣнія въ томъ, что эта опозорившаяся и всѣми проклинаемая власть окончательно отошла въ исторію . . .

Впрочемъ, эти мысли невольно охватывали насъ регулярно при каждой эвакуаціи . . . Тѣмъ трагичнѣе бывало разочарованіе, когда большевики — возвращались.

Анти-большевистскія чувства толпы били черезъ край. Они особенно муссировались тѣми печальными реликвіями, которыя оставили по себѣ послѣдніе дни совѣтской власти. Слово «чрезвычайка» было у всѣхъ на устахъ. Толпы народа тянулись въ бывшія помѣщенія че-ка. Самая ужасная картина открывалась предъ посѣтителями въ домѣ на Садовой № 5. Какъ я уже говорилъ, тамъ Губчека (помѣщавшаяся напротивъ, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ) производила разстрѣлы. Для этого дѣла былъ приспособленъ особый бетонированный

сарай, стѣны котораго хорошо заглушали звуки выстрѣловъ... Сарай этотъ былъ оставленъ ушедшими большевиками въ самомъ кошмарномъ видѣ. Полъ былъ залитъ кровью, по угламъ валялись куски человѣческихъ мозговъ. Картина была потрясающая.

Хотя дѣйствительность была достаточно ужасна, но народная молва стремилась сдѣлать ее еще ужаснѣе. Создавались легенды о будто бы найденныхъ изуродованныхъ трупахъ, объ орудіяхъ пытокъ и т. д. Все это было чистымъ вымысломъ. Большевики дѣлали свое заплечное дѣло самымъ упрощеннымъ и быстрымъ образомъ...

Тѣла жертвъ послѣднихъ разстрѣловъ, въ большинствѣ, не были еще похоронены. Они лежали въ мертвецкой Анатомическаго театра, гдѣ несчастные родные разыскивали и опознавали ихъ. Изъ Анатомическаго театра ежедневно направлялись на кладбища похоронныя процессіи.

Во всѣхъ учрежденіяхъ служили панихиды по погибшимъ сочленамъ. На нашемъ первомъ адвокатскомъ собраніи мы не досчитались десяти товарищей, павшихъ жертвами чрезвычайки и самосудовъ...

Газеты чернѣли траурными объявленіями.

* *
*

Съ первыхъ же дней добровольческой власти, фанатики и слѣпцы стремились использовать всеобщія чувства траура и скорби для человѣконенавистническихъ, пагубныхъ цѣлей.

Возбужденіе народа, какъ и слѣдовало ожидать, направилось съ первыхъ же дней противъ евреевъ. Въ эту именно сторону направляли его, если не сами добровольцы, то весьма значительная часть ихъ политическихъ друзей.

Шульгинъ въ первомъ же номерѣ возобновленнаго «Кіевлянина» счелъ умѣстнымъ напомнить слова своего отца о томъ, что «Юго-Западный Край — русскій, русскій, русскій», и обѣщалъ отнынѣ не отдавать его больше «ни украинскимъ предателямъ, ни еврейскимъ палачамъ». Въ своемъ націоналистическомъ ослѣпленіи Шульгинъ считалъ, что сила Добровольческаго движенія — въ національныхъ русскихъ лозунгахъ. Въ дѣйствительности, однако, сила движенія была въ лозунгахъ не національныхъ, а государственныхъ, не русскихъ, а россійскихъ. И какъ разъ роковой ошибкой для всего грандіознаго движенія оказалось то, что оно не сумѣло побѣдить въ себѣ національное высокомѣріе и оттолкнуло отъ себя всѣ не націоналистически-русскіе элементы населенія.

Въ отношеніи украинства ложный шагъ былъ сдѣланъ самимъ Деникинымъ. Въ отношеніи же еврейства ему оказали медвѣжью услугу его правые сторонники во главѣ съ В. В. Шульгинымъ.

Что бы ни говорить о роли евреевъ въ большевистскомъ движеніи, — изображеніе большевизма какъ *національнаго* еврейскаго движенія, направленнаго противъ всего русскаго, есть не только клевета, но невѣжество и глупость. Большевизмъ не есть національное движеніе; напротивъ, онъ уничтожаетъ всѣ національные институты. Большевизмъ и не направленъ спеціально ни противъ какой націи; среди его жертвъ наблюдается полное равноправіе національностей. И если Троцкій и Урицкій евреи, то евреями же были Дора Каплanъ и Каннегиссеръ.

Этихъ безспорныхъ истинъ не существовало тогда ни для несознательныхъ массъ, ни для нѣкоторыхъ вполнѣ сознательныхъ руководителей. Народъ, проклиная большевизмъ, находилъ въ евреяхъ его живое воплощеніе. А погромные идеологи всѣми силами поддерживали и лелѣяли въ немъ эти чувства и представленія.

Съ первыхъ же дней послѣ ухода большевиковъ начались анти-еврейскіе эксцессы. Примѣръ показали наши калифы на часъ — галичане. На одной изъ окраинъ они захватили небольшой отрядъ гражданской милиціи, на-спѣхъ организованной въ эти дни Городской Думой, и безжалостно разстрѣляли 34 еврейскихъ юношей, бывшихъ среди милиціонеровъ. Какъ жестоко и слѣпо національное предубѣжденіе: эти юноши, самоотверженно откликнувшіеся на зовъ Думы и еще въ присутствіи большевиковъ, съ большимъ рискомъ для себя, образовавшіе охрану мирныхъ жителей, — эти несчастные юноши были привлечены къ отвѣту за преступленія большевиковъ...

Отдѣльные эксцессы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе дни на улицахъ города. Хватали и избивали людей, которыхъ — правильно или неправильно — «признавали» за бывшихъ комиссаровъ. Въ лучшемъ случаѣ ихъ отводили въ Контръ-развѣдку. Оттуда же продержавъ ихъ пару недѣль, обычно отпускали съ миромъ.

Въ одинъ изъ этихъ первыхъ дней, возвращаясь домой, я увидѣлъ группу возбужденныхъ людей, толпившихся у подъѣзда. Я подошелъ ближе. Одинъ изъ нашихъ жильцовъ, К., съ прежнихъ временъ имѣвшій отношеніе къ сыскной полиціи, съ азартомъ доказывалъ, что стоявшій тутъ же молодой человѣкъ — комиссаръ изъ чрезвычайки. Къ ужасу я узналъ въ этомъ послѣднемъ своего хорошаго знакомаго Б., шедшаго ко мнѣ въ гости. Б. служилъ въ городскомъ управленіи и былъ нѣсколько разъ въ че-ка, хлопоча за арестованныхъ рабочихъ городскихъ предпріятій. Нашъ жилецъ, очевидно, встрѣтилъ его тамъ однажды. И этой встрѣчи было для него достаточно, чтобы теперь называть Б. комиссаромъ и чекистомъ.

К. видимо уже успѣлъ завести связи въ контръ-развѣдкѣ, такъ какъ, по его вызову, черезъ полчаса явился взводъ солдатъ, арестовавшій моего знакомаго. Я направился за нимъ. Его предъявили начальствовавшему въ нашемъ районѣ полковнику, который велѣлъ перевести арестованнаго на ночь въ какое-то помѣщеніе на глухомъ Кловскомъ спускѣ.

«Г. полковникъ, — спросилъ я его, подавляя волненіе, — арестованному ничего не угрожаетъ?»

Полковникъ перемѣнился въ лицѣ и рѣзко отвѣтилъ: «Мы не большевики, не разстрѣливаемъ».

Однако, эту ночь мы были не вполнѣ спокойны за судьбу Б. — На слѣдующее утро его перевели въ контръ-развѣдку, помѣщавшуюся на Фундуклеевской улицѣ, а оттуда въ тюрьму. Мы сейчасъ же подняли на ноги всѣхъ и вся, получили отъ Городского Головы удостовѣреніе о совершенной лойяльности Б., но все это не произвело большого впечатлѣнія. Его освободили только недѣли черезъ двѣ. Впослѣдствіи, по другому дѣлу, я обратился съ просьбой о заступничествѣ къ прокурору судебной палаты С. М. Чебакову, который лично зналъ арестованную (помощника присяжнаго повѣреннаго). Но тогда же мнѣ передали отзывъ о Чебаковѣ одного генерала изъ контръ-развѣдки, заявившаго, что Чебаковъ, котораго назначилъ прокуроромъ «мерзавецъ — Керенскій», для него не авторитетъ... Единственнымъ способомъ вызволить

кого-либо изъ контръ-развѣдки было найти знакомаго слѣдователя или нащупать путь къ кому либо изъ не безсеребренныхъ чиновъ канцеляріи...

Въ этомъ всѣ подобныя учрежденія — большевистскія и анти-большевистскія — похожи другъ на друга!..

* *
*

Эпоха добровольцевъ, — особенно въ первое время, — была эпохой возрожденія и возстановленія всего разрушеннаго совѣтскимъ режимомъ. Скажу болѣе: это была послѣдняя возможная попытка возстановленія въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть возстановленія безъ постройки на-ново, путемъ простой отмѣны всего содѣяннаго большевиками. Въ Кіевѣ, гдѣ большевики провели всего полгода, такое возстановленіе было тогда еще возможно. Уничтоженныя большевиками учрежденія еще существовали, ихъ матеріальный и личный составъ былъ еще на лицо. Достаточно было снять налетъ декретовъ, и все могло еще воскреснуть — судъ, городское самоуправленіе, университетъ, торговля, банки и т. д. Эта возможность тогда еще была, но, повторяю, это была послѣдняя возможность...

Подъ знакомъ возстановленія и прошли первыя недѣли Деникинской власти. Всѣ выселенные устремлялись обратно въ свои квартиры, разыскивая по городу реквизированную у нихъ мебель. Банки, изъ которыхъ были увезены векселя и процентныя бумаги, открыли вновь свои операціи. Заработали фабрики и заводы. Жизнь стала значительно дешевле — хлѣбъ дошелъ до 7-ми рублей за фунтъ, въ то время какъ при большевикахъ онъ стоилъ около 20 рублей, а предъ эвакуаціей даже 70 рублей.

Нѣкоторое смятеніе на рынкѣ вызвали валютныя мѣропріятія новой власти. До этого момента широкая публика почти не дѣлала различія между различными сортами русскихъ денегъ. Извѣстнымъ фаворомъ пользовались только такъ-называемыя «царскія деньги», которыя почти не обращались на рынкѣ. Но о возможности различныхъ цѣнъ на одинъ и тотъ же предметъ при разсчетѣ на разную валюту никто тогда еще и не подозрѣвалъ. «Керенки», «украинки» и «совѣтскія» шли совершенно на-равнѣ; послѣднія принимались даже охотнѣе всего, такъ какъ среди «керенокъ» и особенно среди украинскихъ пятидесятирублевокъ было много фальшивыхъ и рваныхъ. — Непосредственно предъ приходомъ добровольцевъ появился лажъ на керенки и украинки; курсъ совѣтскихъ денегъ палъ. А вскорѣ послѣ переворота совѣтскія деньги были аннулированы особымъ приказомъ и большая масса населенія, снабженная главнымъ образомъ этими деньгами, оказалась въ весьма тяжеломъ положеніи.

Валютный вопросъ, повторяю, внесъ нѣкоторое смятеніе и вызвалъ неудовольствіе противъ новой власти; но общая картина была все же картиной возрожденія нормальной хозяйственной жизни. Всѣ продукты появились въ изобиліи, продавцы перестали бояться реквизицій, условія транспорта улучшились. Жить стало легче.

Быстро возродилась, съ приходомъ добровольцевъ, также общественная и правовая жизнь.

Городская управа, съ Городскимъ Головой Рябцевымъ во главѣ, стояла на своемъ посту съ самыхъ первыхъ дней. Впослѣдствіи составъ управы былъ измѣненъ и мѣсто Рябцова занялъ кадетъ П. Э. Бутенко.

Возродился старый судъ. Старшій предсѣдатель судебной палаты Д. Н. Григоровичъ-Барскій пріѣхалъ въ Кіевъ чуть не съ передовымъ отрядомъ генерала Бредова и тотчасъ же созвалъ общее собраніе судебной палаты, постановившее, начиная съ послѣдующаго дня, открыть вновь всѣ судебныя учрежденія округа. Предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, получивъ отъ Григоровичъ-Барскаго оффиціальное увѣдомленіе объ этомъ, немедленно созвалъ адвокатскіе Совѣты. По зданію суда стали тащить и перетаскивать мебель, возстанавливая помѣщенія въ прежнемъ видѣ...

Возродилась и пресса. «Кіевлянинъ», молчавшій съ марта 1918 года, вышелъ съ лирической статьей Шульгина подъ заглавіемъ: «Они вернулись»... «Они» — это были тѣ офицеры и юнкера, которые въ ноябрѣ 1917 года, послѣ побѣды Центральной Рады, ушли изъ Кіева на Донъ. «Кіевская Мысль», вслѣдствіе политическихъ треній въ средѣ редакціи, не могла быть возстановлена въ старомъ видѣ. Вмѣсто нея вышла газета подъ названіемъ «Кіевская Жизнь», въ которой не принимали участія руководившіе «Кіевской Мыслью» меньшевики: Эйшискинъ, Балабановъ, Дрелингъ, Наумовъ. Д. І. Заславскій (Homunculus) — по партійной принадлежности бундовецъ — остался въ «Жизни». — Появилось нѣсколько новыхъ газетъ: состоявшее при какомъ-то торгово-промышленномъ комитетѣ «Кіевское Эхо», антисемитскіе «Вечерніе Огни» и др.

Возрожденіе кіевской адвокатуры — его мнѣ пришлось наблюдать ближе всего — происходило далеко не безболѣзненно. Вѣроятно, та же картина имѣла мѣсто и въ другихъ сословіяхъ и учрежденіяхъ; но здѣсь, благодаря публичному характеру нашей сословной жизни, все было болѣе открыто и явно. Вмѣстѣ съ охватившей всѣхъ радостью, съ перваго же дня поднялась волна злобы. Среди адвокатуры она была направлена противъ бывшихъ «совѣтскихъ служащихъ», то-есть тѣхъ адвокатовъ, которые занимали при большевикахъ тѣ или иныя должности. Почти вся молодая часть сословія относилась къ этой категоріи: не имѣя никакихъ запасовъ и средствъ, представители молодой адвокатуры неминуемо должны были поступать на службу. Они дѣлали это съ тѣмъ большимъ правомъ, что тактика саботажа была уже похоронена и на сѣверѣ, а нашъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, неоднократно запрошенный по данному предмету, никакого принципіальнаго воспрещенія не высказалъ.

Итакъ, было среди насъ много — нѣсколько сотъ — бывшихъ совѣтскихъ служащихъ. Огромное большинство служило въ различныхъ канцеляріяхъ на нейтральныхъ должностяхъ и ничѣмъ себя не скомпрометировало. Тѣ, которые занимали политическіе посты, теперь уѣхали съ большевиками. Наконецъ, было и нѣсколько такихъ, которые, не переходя къ коммунистамъ, опозорили себя и косвенно опозорили сословіе своимъ поведеніемъ, наживая деньги благодаря знакомствамъ въ «сферахъ» или участвуя въ отдѣльныхъ неблаговидныхъ затѣяхъ большевиковъ. Имена этихъ послѣднихъ адвокатовъ были болѣе или менѣе у всѣхъ на устахъ, и, казалось бы, не было ничего проще и естественнѣе, чѣмъ возбудить противъ данныхъ лицъ дисциплинарное преслѣдованіе.

Однако, охватившій довольно широкіе круги духъ мстительности, подогрѣваемый юдофобскими настроеніями, не удовлетворялся такимъ непоказнымъ результатомъ. Многимъ неудержимо хотѣлось вести травлю. Они и стали травить всѣхъ бывшихъ совѣтскихъ служащихъ, выдвигали фантастическіе проекты объ исключеніи всѣхъ ихъ изъ сословія, объ особой реабилитаціонной комиссіи и т. д.

Къ сожалѣнію, въ первыя недѣли этому по существу злобному и несправедливому настроенію поддались довольно многіе искренніе и честные элеметны. Нѣкоторыхъ охватила потребность къ покаянію и самобичеванію и они, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, поддерживали этимъ мстительныя тенденціи людей иного типа. Къ числу такихъ невинно-кающихся принадлежалъ и покойный Юрій Исааковичъ Лещъ. Смыслъ его прекрасной рѣчи въ первомъ нашемъ общемъ собраніи сводился къ тому, что всѣ виновны въ трусости и чуть ли не въ измѣнѣ и что поэтому никто не смѣетъ судить другихъ. Къ сожалѣнію, рѣчь, которая въ наиболѣе яркихъ своихъ частяхъ носила характеръ обличенія, была воспринята какъ поддержка наиболѣе рѣзкихъ правыхъ резолюцій. И въ концѣ концовъ, несмотря на противодѣйствіе обоихъ Совѣтовъ, была большинствомъ голосовъ принята резолюція, заключавшая въ себѣ элементъ общаго порицанія поведенію адвокатуры съ самаго начала революціи.

Проявившіяся въ этомъ общемъ собраніи тенденціи встрѣтили, однако, все усиливавшееся противодѣйствіе среди прогрессивныхъ элементовъ сословія. Организаціоннымъ центромъ для послѣднихъ явилась образованная еще въ сентябрѣ 1919 года «Адвокатская группа Союза Возрожденія Россіи». Группѣ удалось вызвать нѣкоторый переломъ въ настроеніи сословія и провести свой, отнюдь не правый, кандидатскій списокъ на выборахъ въ оба Совѣта.

* *
*

Общее собраніе для выборовъ въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ было первоначально назначено на 1 октября 1919 года. Но этотъ день сулилъ намъ нѣчто совсѣмъ иное . . .

30 сентября вечеромъ я былъ въ своей школѣ и засидѣлся тамъ довольно поздно, такъ какъ происходило общее собраніе «школьнаго коллектива» (то-есть учениковъ и учителей) для обсужденія ряда вопросовъ. Оно затянулось часовъ до 11-ти вечера. Вернувшись домой усталый, я легъ спать; а утромъ, часовъ въ восемь, меня разбудили и сказали мнѣ, что городъ эвакуируется и черезъ нѣсколько часовъ будетъ занятъ большевиками.

Это событіе — большевистскій налетъ на Кіевъ въ октябрѣ 1919 года — имѣлъ въ дѣйствительности точно такой же характеръ чисто кинематографической неожиданности, какой ему приданъ мною въ этомъ описаніи. 30 сентября никому въ Кіевѣ (быть можетъ, за исключеніемъ высшаго военнаго начальства) не приходила въ голову мысль о возможности прихода большевиковъ; а 1 октября этотъ приходъ сталъ, хотя и эфемерной, но все же реальной дѣйствительностью.

Было извѣстно, что большевистскія части, отрѣзанныя на югѣ Украины, пробиваются на сѣверъ. Извѣстно было и то, что Петлюровскія войска съ ними не сражаются, а пропускаютъ ихъ впередъ — въ тылъ Добровольческой Арміи. Но газеты сообщали объ этихъ большевистскихъ частяхъ, какъ о дезорганизованныхъ, голодныхъ и безоружныхъ бандахъ, скрывающихся по лѣсамъ. И этимъ сообщеніямъ нельзя было не вѣрить; мы всѣ видѣли, что представляетъ изъ себя отступающая красная армія, — здѣсь же говорилось о частяхъ, отрѣзанныхъ отъ своей базы и обреченныхъ на гибель.

Извѣстно было и то, что большевистскія части подходятъ къ Ирпеню, гдѣ стоитъ добровольческій заслонъ. Разумѣется, Ирпень недалекъ отъ Кіева, верстахъ въ 20-ти, и это обстоятельство могло бы внушать нѣкоторое безпокойство. Но въ нашихъ штатскихъ головахъ не умѣщалась мысль о томъ, что Добровольческая Армія, побѣдоносно продвигавшаяся вглубь Россіи, занявшая Курскъ и Воронежъ и подступавшая къ Орлу, — не поставила у Кіева достаточно сильнаго заслона, чтобы защитить его отъ дезорганизованныхъ большевистскихъ бандъ.

Тѣмъ не менѣе, случилось именно это невозможное.

Въ ночь съ 30-го на 1-е большевики прорвали возлѣ Пущи-Водицы тонкій добровольческій заслонъ и продвинулись вплотную къ городу. Остальныя части арміи, чтобы не быть окруженными, должны были спѣшно отступить за Днѣпръ. Городъ былъ оставленъ на произволъ судьбы.

Возбужденіе среди жителей было колоссально. Большевистскій налетъ считали кратковременнымъ эпизодомъ, въ мощь Добровольческой Арміи еще вѣрили. Но всѣ представляли себѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, что̀ большевики успѣютъ натворить даже за нѣсколько дней хозяйничанья въ Кіевѣ.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ предпочло вовсе не переживать этихъ дней въ Кіевѣ и послѣдовало за отступавшими добровольцами на лѣвый берегъ Днѣпра.

Мы рѣшили остаться въ городѣ, но перейти на другую квартиру. Весь день ушелъ на приведеніе въ порядокъ различныхъ оставляемыхъ вещей и бумагъ, и только часовъ въ семь вечера мы могли двинуться въ путь. Къ этому времени въ городѣ наступила уже знакомая намъ полоса безвластья. Армія уже оставила городъ, пока еще никѣмъ не занятый. На улицахъ было жутко и тихо. И только издали доносилась порой трескотня пулеметовъ.

Не встрѣтивъ на своемъ пути ни одного человѣка, мы прошли черезъ Липки на Александровскую улицу и подошли къ дому, въ который направлялись. Подлѣ дома стояла кучка солдатъ, какъ будто выжидающихъ чего-то. «Должно быть, какая-нибудь запоздавшая часть отступающей арміи», подумалъ я. Не вступая ни въ какіе разговоры съ солдатами, мы вошли въ подъѣздъ.

Какъ оказалось, это былъ передовой отрядъ большевиковъ.

Домъ, въ которомъ мы нашли пріютъ, былъ во власти этого отряда всю послѣдовавшую затѣмъ ночь. Нѣсколько комнатъ было уже «реквизировано» для ночевки солдатъ. А отъ времени до времени красноармейцы заходили въ квартиры съ различными требованіями — пищи, одежды и т. д.

Отрядъ предъ нашимъ домомъ все увеличивался. Подвезли артиллерію, подъѣхали конные и красноармейскія войска заполнили всю лежащую предъ нами улицу. Но впередъ они отчего-то не продвигались. Такъ мы и легли спать, съ красноармейскимъ отрядомъ подъ окнами. На слѣдующее утро, однако, солдатъ предъ домомъ уже не было, а про ночевавшихъ въ домѣ сообщалось, что и они въ серединѣ ночи куда-то исчезли. Въ городѣ продолжала царить тишина.

Положеніе было для насъ совершенно неяснымъ. Обѣ борющіяся арміи какъ будто боялись другъ друга и опасались продвинуться впередъ. А городъ Кіевъ оказался какъ бы нейтральнымъ островомъ между ними...

Въ дѣйствительности, какъ потомъ выяснилось, добровольцы не оставили всего города. Мосты черезъ Днѣпръ и Печерскія высоты непрерывно оставались въ ихъ обладаніи. Развѣдчики, высланные стоявшей предъ нашими окнами

большевистской частью, повидимому, сообщили ей эти свѣдѣнія, послѣ чего она поспѣшила ретироваться. Такъ обстояло дѣло въ нашемъ районѣ; другія же части города, расположенныя со стороны брестъ-литовскаго шоссе, были во власти большевиковъ.

Мы скоро увидѣли, что городъ не только не былъ нейтральной полосой, но, напротивъ, сталъ настоящимъ полемъ сраженія.

Бой начался 2 октября. Мимо нашихъ оконъ, спускаясь съ Печерска на Крещатикъ, проскакала добровольческая конница. Со всѣхъ сторонъ раздалась пулеметная и ружейная стрѣльба. А вскорѣ къ этимъ звукамъ присоединились знакомые напѣвы артиллеріи . . .

Въ теченіе двухъ или трехъ дней мы находились въ полосѣ боя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы были въ полномъ невѣдѣніи о его ходѣ и результатахъ. Мы судили по тому, что было предъ нашими глазами. Добровольческія части то спускались съ Печерска внизъ, то снова отступали наверхъ. По этимъ маневрамъ мы судили о стратегическихъ успѣхахъ всего фронта и съ замирающимъ сердцемъ вглядывались въ лицо каждаго солдата, стремясь прочесть на немъ, какова ожидающая насъ участь. 3-го или 4-го октября предъ самымъ нашимъ домомъ добровольцами была водружена пушка и это событіе, разумѣется, привлекло напряженнѣйшее вниманіе всего дома. Пушка выстрѣлила, посыпались разбитыя стекла нижнихъ квартиръ. Мы чувствовали себя на позиціи, чуть ли не участниками боя... Черезъ нѣсколько часовъ пушку отвезли по Александровской вверхъ и мы съ отчаяньемъ смотрѣли ей вслѣдъ — намъ казалось, что теперь, значитъ, все пропало . . .

На самомъ дѣлѣ, однако, картина, которая развертывалась предъ нашими окнами, не давала правильнаго представленія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Хотя бой и шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ общемъ производилось систематическое выбиваніе большевиковъ изъ города. Добровольцы занимали улицу за улицей, участокъ за участкомъ. Мы были въ ближайшемъ тылу боя и къ намъ даже не долетали снаряды. То, что мы считали наступленіемъ и отступленіемъ, было въ дѣйствительности лишь тыловыми маневрами по смѣнѣ частей.

Числа пятаго стало совершенно очевидно, что городъ отвоеванъ у большевиковъ. Пушка предъ нашимъ домомъ не обманула нашихъ ожиданій.

* *
*

Нашъ предсѣдатель Домоваго Комитета съ какимъ-то смущеннымъ видомъ заходитъ къ намъ въ квартиру.

— О чемъ вы объяснялись съ этими офицерами, Василій Корниловичъ?

— Да такъ, знаете. . . Они спрашивали, гдѣ у насъ въ домѣ еврейскія квартиры . . .

Такъ вотъ оно что.

Невольно вспомнился вечеръ 18 октября 1905 года. Я былъ тогда гимназистомъ 6-го класса. Мы всей семьей спускались внизъ по лѣстницѣ, направляясь къ знакомымъ праздновать объявленіе конституціи. Но, еще не успѣвъ сойти внизъ, мы увидѣли швейцара, поспѣшно запирающаго выходную дверь.

— Что случилось?

— Да такъ, знаете. . . У насъ тутъ внизу живетъ портной. . . еврей. Такъ у него стекла разбили . . .

Тотъ же смущенный, какъ будто виноватый голосъ...

Погромъ. Онъ висѣлъ въ воздухѣ въ первые дни прихода добровольцевъ. Но не было санкціи, — хотя бы молчаливой, — со стороны начальства, а безъ нея погромы не начинаются. Въ сентябрѣ изъ разныхъ мѣстъ стали поступать извѣстія о погромахъ. Но въ Кіевѣ настроеніе улегалось. Грозившій и несостоявшійся погромъ никогда не осуществляется безъ новаго толчка. Налетъ большевиковъ 1 октября и обратное завоеваніе города дали такой новый толчокъ погромнымъ настроеніямъ. А обстановка была такая, что явное одобреніе нѣкоторой части населенія и прессы и молчаливая санкція начальства были обезпечены...

Погромъ и начался.

Странный это былъ погромъ, спокойный, дѣловитый, — по-моему, даже какъ бы компрометирующій идею еврейскаго погрома. При всемъ желаніи, въ томъ, что дѣлалось въ эти дни въ Кіевѣ, нельзя было видѣть и тѣни стихійнаго проявленія народнаго гнѣва. Никакого подъема, никакой ширины, *никакого разрушенія*. Въ прежнія времена расхищеніе еврейскаго имущества происходило хоть въ облакѣ пуха изъ распоротыхъ перинъ и подъ звонъ разбитыхъ стеколъ. Теперешніе погромщики стали несравненно дѣловитѣе и практичнѣе. Они понимали, что при существующихъ цѣнахъ было бы грѣшно разломать хоть бы бездѣлицу...

Техника октябрьскаго погрома 1919 года была примѣрно слѣдующая. Въ еврейскую квартиру заходитъ вооруженная группа, человѣкъ пять-шесть. Одинъ становится у парадной двери, другой у двери на черный ходъ. Послѣ этихъ предупредительныхъ мѣръ начинается лирическая часть. Одинъ изъ шайки обращается къ хозяину квартиры съ рѣчью: вы, евреи, молъ, большевики и предатели, вы стрѣляли въ насъ изъ оконъ, вы уклоняетесь отъ призыва въ армію и т. д. — извольте отдать на нужды Добровольческой арміи все, что у васъ есть цѣннаго, деньги, золото, драгоцѣнности; не отдадите добровольно, будете немедленно разстрѣляны; найдется что-либо запрятанное, сдѣлаемъ обыскъ, все обнаружимъ, а васъ разстрѣляемъ за укрывательство. Если жертва народнаго гнѣва послѣ этого спѣшила выложить достаточную сумму, все этимъ и кончалось; если нѣтъ, пускались въ ходъ болѣе интенсивные пріемы вымогательства — ее ставили къ стѣнкѣ, приставляли дуло револьвера къ головкамъ дѣтей и т. д. и т. д.

Въ болѣе глухихъ частяхъ города, въ особенности въ уединенныхъ, оставленныхъ хозяевами усадьбахъ, происходило не вымогательство, а настоящее разграбленіе. Тутъ на помощь «иниціативной» группѣ являлись въ большинствѣ случаевъ живущіе по сосѣдству дворники, мастеровые, прислуга и т. д. Имущество растаскивали до нитки, оставляя только мебель. Но и здѣсь оконъ не били и ни одного стула не ломали.

Среди участниковъ такихъ разграбленій бывали иногда люди, знакомые или связанные въ дѣловомъ отношеніи съ ограбленной еврейской семьей. Въ этихъ случаяхъ мстители за поруганные національные идеалы послѣ погрома для избѣжанія обыска и для возстановленія знакомства, возвращали хозяевамъ что-либо изъ «взятыхъ на храненіе» и «спасенныхъ отъ гибели» вещей...

По сравненію съ романтическими временами 1881 и 1905 гг., нынѣшніе погромщики стали практичнѣе и въ самомъ выборѣ своихъ жертвъ. Въ прежнія времена, когда путемъ погромовъ боролись съ еврейской эксплоатаціей, жертвами погрома оказывались въ громадномъ большинствѣ — бѣдняки изъ предмѣстій; теперь, когда погромы являются возмездіемъ за большевизмъ, они падаютъ исключительно на богатыхъ...

Человѣческія жертвы были, увы! и отъ того погрома. Но убійства производились какъ-то параллельно и независимо отъ ограбленій. Не было бунтующей толпы, грабящей и убивающей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ солдаты, — преимущественно кавказцы, весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было русскихъ патріотическихъ чувствъ, — ловили на глухихъ улицахъ молодыхъ евреевъ и расправлялись съ ними. Но даже и отъ нихъ часто можно было откупиться.

Въ дни погрома и въ послѣдующіе дни бывали и иного рода случаи самосудовъ и разстрѣловъ. Подъ предлогомъ ареста уводили еврейскихъ молодыхъ людей, которые больше не возвращались. Расправлялись и съ тѣми, кто позволялъ себѣ защищаться и защищать другихъ.

Убивали не въ квартирахъ, не въ пылу борьбы. Нѣтъ, жертву уводили и приканчивали въ укромномъ мѣстѣ. И въ этомъ сказалась модернизація погромнаго дѣла.

Ни одного разбитаго стекла, ни одного поломаннаго стула; дѣловитость и экономія силъ; деньги, деньги и деньги . . .

Таковъ былъ этотъ современный погромъ въ октябрѣ 1919 года въ Кіевѣ.

Разумѣется, юдофобская пресса сумѣла сочинить и для этого погрома благовидныя причины и придать ему нѣкоторую долю идейности. Погромную кампанію въ прессѣ начали «Вечерніе Огни» — бездарный и безчестный уличный органъ. А увѣнчалась она не менѣе безчестными, но болѣе талантливыми статьями В. В. Шульгина въ «Кіевлянинѣ».

Вмѣсто разорванныхъ царскихъ портретовъ, которые играли такую важную роль въ погромахъ 1905 г., на этотъ разъ фигурировала стрѣльба евреевъ изъ оконъ въ добровольческія войска. «Вечерніе огни» въ первомъ же своемъ номерѣ, вышедшемъ по возвращеніи добровольцевъ въ Кіевъ, помѣстили пространную статью съ указаніемъ десятковъ случаевъ стрѣльбы евреевъ въ уходившія и наступавшія добровольческія войска. Всѣ случаи сообщались съ образцовой подробностью и точностью, съ называніемъ именъ и указаніемъ адресовъ. Всѣ они были затѣмъ провѣрены и *всѣ*, безъ единаго исключенія, оказались ложью. Результаты разслѣдованія были черезъ два дня опубликованы «Кіевской Жизнью». Но, разумѣется, никакихъ практическихъ результатовъ разоблаченіе не имѣло: публикація, естественно, не успѣла предотвратить погрома, а впечатлѣніе статьи «Вечернихъ огней» все равно не изгладилось. Можно ли доводами разума заставить кого-либо усомниться въ томъ, во что онъ *хочетъ вѣрить*? Въ данномъ же случаѣ, Шульгинъ откровенно сказалъ въ одной изъ своихъ статей, что напрасно евреи отрицаютъ, что они стрѣляли изъ оконъ, такъ какъ имъ «все равно никто не повѣритъ». По компетентному мнѣнію Шульгина, всѣ эти попытки самооправданія со стороны евреевъ только разжигаютъ юдофобскія чувства; поэтому онъ и назвалъ Зарубина и Рябцева, особенно много работавшихъ надъ выясненіемъ истины, «самыми главными погромщиками города Кіева» . . .

Еврейское населеніе отнеслось къ погрому съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ. Нервы были истощены до крайности, а послѣ кровавыхъ кошмаровъ послѣднихъ лѣтъ можно было ожидать отъ погромщиковъ величайшихъ жестокостей. По ночамъ изъ домовъ, въ которые пытались войти погромщики, доносился душу раздирающій вой; сотни голосовъ взывали о помощи. Иногда это дѣлалось отъ страха, а иногда изъ разсчета: погромщиковъ обычно бывало человѣкъ 5—6 и видъ цѣлаго дома, бодрствующаго и зовущаго на помощь, въ большинствѣ случаевъ смущалъ ихъ и заставлялъ пройти мимо. Глубоко трагиченъ этотъ ночной

крикъ былъ въ обоихъ случаяхъ — и какъ результатъ отчаянія и какъ единственный возможный пріемъ самозащиты.

Но В. В. Шульгинъ счелъ возможнымъ увѣковѣчить эти ночные крики, какъ назиданіе. Въ своей знаменитой статьѣ «Пытка страхомъ», появившейся въ «Кіевлянинѣ» дня черезъ два послѣ погрома, онъ совѣтовалъ евреямъ, слушающимъ этотъ крикъ, поразмыслить о томъ, сколько вреда еврейская молодежь надѣлала Россіи. Эта пытка, которой подвергаются старики и дѣти, — «пытка страхомъ», — есть, съ одной стороны, возмездіе евреямъ за ихъ грѣхи, а съ другой напоминаніе и предупрежденіе. А заканчивалась эта позорная статья, — говорю позорная съ полнымъ сознаніемъ смысла и значенія слова, — заканчивалась статья слѣдующимъ канибальскимъ умозаключеніемъ: погромы съ политической точки зрѣнія вредны и съ ними нужно бороться, такъ какъ они вызываютъ слишкомъ много жалости къ евреямъ.

Такъ защищалъ дѣло возрожденія Россіи въ октябрѣ 1919 г. В. В. Шульгинъ.

* *
*

Эпизодъ 1 октября и послѣдовавшіе за нимъ погромные дни наложили мрачный отпечатокъ на кіевскую жизнь. Добровольцы оставались у насъ еще два мѣсяца, но все это время городъ жилъ страхами и слухами о приходѣ большевиковъ. Къ тому же распоясанный антисемитизмъ арміи и нѣкоторыхъ ея идеологовъ не могъ не уничтожить того радостнаго чувства единенія и душевнаго подъема, съ которымъ все населеніе Кіева встрѣтило въ августѣ Добровольческую армію.

Получались извѣстія о новыхъ и новыхъ погромахъ. Особенно кровавую страницу добровольцы вписали въ свою исторію въ Фастовѣ. Тамъ уже былъ не погромъ, а рѣзня, истребленіе всего еврейскаго населенія.. Такъ какъ погромы нужно было чѣмъ-нибудь оправдать, то юдофобская пропаганда правыхъ круговъ все усиливалась. Стали распространять легенды о жестокостяхъ, чинимыхъ евреями надъ солдатами Деникинской арміи. Легенды эти были настолько нелѣпы и неправдоподобны, что не воспроизводились даже въ самой крайней правой печати. Тѣмъ не менѣе ихъ повторяли люди, которые какъ будто причисляются къ интеллигенціи... Повидимому, въ иныхъ случаяхъ, когда нѣтъ ритуальнаго убійства, нужно его создать.

Еврейство насильно выключалось изъ состава группъ, поддерживающихъ Добровольческую армію. Нѣкоторые еврейскіе круги принимали крайнія мѣры къ тому, чтобы предотвратить это пагубное для обѣихъ сторонъ отчужденіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ кіевскаго погрома, человѣкъ двадцать кіевскихъ еврейскихъ дѣятелей, — не смущаясь презрительнымъ шипѣніемъ и еврейскихъ, и русскихъ націоналистовъ, — образовали «Еврейскій комитетъ содѣйствія возрожденію Россіи». Комитетъ выступилъ въ печати съ декларацією, призывавшей еврейство къ всемѣрной поддержкѣ Добровольческой арміи. —

Но событія были сильнѣе самыхъ благихъ намѣреній и начинаній. И ихъ голосъ звучалъ громче самаго горячаго призыва. Между еврействомъ и арміей образовалась пропасть. Еврей, пережившій погромъ, не могъ всѣми силами души стремиться не уѣхать въ такія мѣста, гдѣ ему не грозило бы его повтореніе. Еврейскій купецъ, неувѣренный въ своей безопасности и въ безопасности семьи, не могъ ѣздить за товаромъ; этимъ онъ саботировалъ хозяйственное возрожденіе.

Еврей — бывшій юнкеръ, произведенный въ офицеры, не могъ продолжать любить армію, которая изгнала его изъ своей среды.

Становилось тяжело жить. Впервые въ эти дни во мнѣ появилось желаніе уѣхать — хотя бы и надолго — за границу. Всякая общественная работа дѣлалась все труднѣе и мучительнѣе... Ухудшались, съ приближеніемъ зимы, и внѣшнія условія жизни.

Между тѣмъ, военное положеніе Добровольческой Арміи начало замѣтно измѣняться къ худшему. Большевистскій налетъ на Кіевъ былъ какъ бы сигналомъ, положившимъ начало обратной волнѣ добровольческаго наступленія. Возможности такого налета обнаруживала чрезвычайную необезпеченность тыла добровольцевъ на Украинѣ. Въ значительной мѣрѣ эта необезпеченность была вызвана ошибками политическаго характера.

Деникинъ объявилъ Петлюру измѣнникомъ и не умѣлъ столковаться съ Польшей. Естественно, что и Петлюра и поляки старались, чѣмъ могли, вредить Добровольческой Арміи. Петлюра открылъ свой фронтъ большевикамъ и далъ имъ возможность съ юга подойти къ Кіеву. Поляки не желали «протянуть руку», чтобы сомкнуть въ раіонѣ Гомеля свой фронтъ съ фронтомъ Деникина и тѣмъ завершить окруженіе оставшихся на Украинѣ большевистскихъ частей.

Хозяйственная жизнь, которая не переноситъ даже самыхъ справедливыхъ еврейскихъ погромовъ, не налаживалась. Транспортъ былъ разстроенъ совершенно. У насъ не было прямого сообщенія съ Одессой — туда приходилось ѣздить черезъ Бахмачъ. Сообщеніе съ правительственнымъ центромъ — Ростовомъ на Дону — также было крайне медленное и трудное. Надвигалась зима, а между тѣмъ городъ былъ безъ топлива. Стали обзаводиться комнатными печками, такъ какъ на центральное отопленіе уже не разсчитывали. Уголь изъ Харькова не подвозили, электрическія станціи жили изо дня въ день. Трамвайное движеніе сокращалось, электрическое освѣщеніе дѣйствовало нерегулярно. Каждый вечеръ насъ оставляли на часъ или два во мракѣ. Невеселыя думы навѣвалъ этотъ мракъ...

Я невольно сравнивалъ эти внѣшнія условія кіевской жизни въ октябрѣ и ноябрѣ 1919 года съ тѣмъ, что было годомъ раньше — при гетманѣ и нѣмцахъ. Вѣдь тогда тоже была эпоха «контръ-революціи» — отчего же тогда жизнь била ключомъ, а теперь она такъ явно замирала? Неужели все дѣло было въ нѣмцахъ, въ этихъ сѣрыхъ, исполнительныхъ солдатахъ и въ франтоватыхъ, наглыхъ лейтенантахъ? Неужели такъ-таки невозможно своими силами возстановить угольныя шахты и заставить работать электрическую станцію?..

* *
*

Армія была деморализована. Непрекращавшіеся еврейскіе погромы не прошли для нея даромъ. Растерявъ всеобщее уваженіе и сочувствіе, растерявъ симпатіи торгово-промышленныхъ и, въ частности, еврейскихъ элементовъ населенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ подтачивалась и изнутри. «Грабители, — сказалъ генералъ Деникинъ, — не могутъ долго оставаться на мѣстѣ грабежа». Сначала они, послѣ грабежей, уходили впередъ; теперь они стали уходить обратно.

Разлагающее вліяніе еврейскихъ погромовъ призналъ, въ концѣ концовъ, и Шульгинъ. Въ одной изъ послѣднихъ статей въ «Кіевлянинѣ» онъ, со свойственнымъ ему талантомъ, формулировалъ эти мысли въ яркихъ и лакониче-

скихъ строкахъ. И для Шульгина стало ясно, что погромы вредны не только изъ-за вызываемой ими чрезмѣрной жалости къ евреямъ... Но было уже поздно.

Національная нетерпимость Добровольческаго командованія и въ другомъ отношеніи отмстила за себя на судьбѣ арміи. Все украинское движеніе было въ оффиціальномъ приказѣ Деникина объявлено измѣнническимъ; ни о какомъ соглашеніи съ Петлюрой, разумѣется, не было и рѣчи. Такой политикой этотъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ большевиками былъ обращенъ въ врага. И въ то время, какъ Добровольческая Армія двигалась на Москву, Украина оставалась незамиренной и связи съ портами Чернаго моря не было... Неумѣлыми и нерѣшительными переговорами добровольцы оттолкнули отъ себя и другого союзника — Польшу.

Политическія ошибки командованія и эксцессы войскъ прощались общественнымъ мнѣніемъ, пока оно вѣрило, что Добровольческая Армія — такая, какъ она есть — все же ведетъ насъ къ сверженію большевиковъ. Но когда эта вѣра пошатнулась, а затѣмъ стала быстро слабѣть и исчезать, — широкіе круги рѣзко отшатнулись отъ командованія, арміи и политики добровольцевъ.

Та-же картина происходила, повидимому, и у Колчака. Но, характернымъ образомъ, у насъ въ Кіевѣ о Колчакѣ и его правительствѣ не находили иныхъ словъ, кромѣ самаго горячаго восхищенія. Деникину даже ставили въ вину, что онъ нарочито не допускаетъ въ свои края извѣстій о положеніи въ Сибири, чтобы имѣть возможность не слѣдовать либеральному и демократическому примѣру Колчака. Возможно, что въ Сибири въ это время думали то же объ Украинѣ. Эта траги-комедія на тему: «гдѣ же лучше? — гдѣ насъ нѣтъ», происходила въ миніатюрѣ и между Кіевомъ и Одессой. Въ Кіевѣ всѣ надежды возлагали на одесскаго командующаго генерала Шиллинга и на какія-то подчиненныя ему идеальныя части, составленныя изъ нѣмецкихъ колонистовъ. А въ Одессѣ, говорятъ, ждали спасенія отъ кіевскаго генерала Бредова...

Я сказалъ уже, что событія 1 октября были для добровольцевъ сигналомъ къ повороту военнаго счастья. Съ октябрьскими днями совпало взятіе Орла — этого крайняго пункта на пути къ Москвѣ, который удалось занять добровольцамъ. Черезъ нѣсколько дней, однако, Орелъ былъ оставленъ. Писали о различныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, по которымъ эвакуація Орла добровольцами должна была быть гибельной для большевиковъ. Этому хотѣлось, но трудно было вѣрить. А когда затѣмъ каждая недѣля стала приносить вѣсть о новомъ отступленіи и о новой эвакуаціи, для насъ стало ясно, что мы о б р е ч е н ы.

Подавляюще дѣйствовало на жизнь Кіева то, что большевики, отступивъ отъ города въ первыхъ числахъ октября, снова остановились на Ирпенѣ. Такимъ образомъ, мы все время находились подъ ударомъ. Доносившаяся по ночамъ канонада напоминала намъ о близости фронта и объ измѣнчивости военнаго счастья... Въ городѣ часто распространялись слухи о предстоящей эвакуаціи; нѣсколько разъ подымалась паника. Въ десятыхъ числахъ ноября даже началась форменная эвакуація, которая затѣмъ была пріостановлена.

Послѣ октябрьскихъ дней я твердо рѣшилъ уѣхать изъ Кіева. Я приводилъ въ порядокъ дѣла и готовился къ отъѣзду. Хотя никакихъ формальныхъ разрѣшеній и пропусковъ для выѣзда не требовалось, но все же это было дѣломъ нелегкимъ: трудно было найти хоть какой-нибудь вагонъ, не говоря уже о болѣе или менѣе оборудованномъ и болѣе или менѣе защищенномъ; трудно было установить свой маршрутъ. 11 ноября мы сдѣлали первую неудачную попытку

уѣхать. Мы провели цѣлую ночь на вокзалѣ, сидя на чемоданахъ, въ переполненной теплушкѣ. Утромъ выяснилось, что насъ съ собой не берутъ и мы вернулись домой... Теплушка, въ которой мы просидѣли эту ночь, еще дней пять стояла на кіевскомъ вокзалѣ, пока какой-то поѣздъ не включилъ ее въ свой составъ.

Около 20-го ноября условія выѣзда изъ Кіева значительно улучшились: благодаря переходу галиційскихъ частей на сторону Добровольческой Арміи, открылось прямое сообщеніе между Кіевомъ и Одессой на Казатинъ, Жмеринку, Раздѣльную. Мы завели переговоры съ какимъ-то желѣзнодорожникомъ, обѣщавшимъ перевезти насъ въ Одессу. У него былъ, будто бы, готовый къ отправкѣ вагонъ и нужно было только выждать нѣсколько дней, пока возвратятся съ линіи какіе-то локомотивы.

Пока мы ждали этихъ локомотивовъ, Добровольческая Армія все отступала, а большевики все приближались къ Кіеву. Въ военныхъ сводкахъ стали попадаться названія совершенно ужъ близкихъ пунктовъ: Нѣжинъ, Бобровица, Бобрикъ, Бровары... Городъ пустѣлъ.

Мы со дня на день ожидали возможности отъѣзда. И не дождались.

28 ноября намъ пришлось быть на еврейскомъ кладбищѣ и тамъ же, во время похоронъ, мы услышали усиленную канонаду, доносившуюся изъ-за Днѣпра. Въ городѣ мы застали уже картину бѣгства. Носились автомобили, военные останавливали на улицахъ извощиковъ и реквизировали лошадей, все устремлялось на вокзалъ. Стало извѣстно, что большевики прорвали фронтъ у Дарницы и значительно приблизились къ Кіеву.

Подвелъ насъ нашъ желѣзнодорожникъ!..

На слѣдующее утро я отправился съ двумя изъ предполагавшихся нашихъ спутниковъ къ вокзалу на развѣдку. На Фундуклеевской улицѣ какіе-то военные остановили насъ и пригласили зайти за ними во дворъ ближайшаго дома. Почуя недоброе, я не послѣдовалъ ихъ приглашенію, повернулся и сталъ быстро спускаться внизъ по направленію къ Крещатику. За своей спиной я услышалъ чей-то голосъ: «Эй, вы, въ черной шляпѣ, — пожалуйте-ка сюда!» Не оборачиваясь, я ускорилъ шагъ и завернулъ за уголъ. Народа на улицѣ было много и солдатъ счелъ неудобнымъ (а можетъ быть и не стоящимъ) гнаться за мной по улицамъ. Я сталъ ожидать возвращенія своихъ спутниковъ. Вскорѣ появился одинъ, отпущенный послѣ того, какъ онъ предъявленіемъ паспорта доказалъ свою непричастность къ еврейству. Второй пришелъ позже; у него забрали 10.000 рублей и кольцо.

Мысль о прогулкѣ на вокзалъ пришлось оставить...

Я заранѣе рѣшилъ, въ случаѣ если не удастся уѣхать, не оставаться при большевикахъ въ своей квартирѣ. Въ тотъ же день, — это было 29 ноября, — мы переѣхали въ намѣченную для этого случая комнату. Предъ самымъ нашимъ приходомъ, на лѣстницѣ того дома, гдѣ намъ предстояло поселиться, какой-то солдатъ застрѣлилъ одного изъ еврейскихъ жильцовъ...

Мы провели три дня въ нашемъ новомъ жильѣ. По ночамъ слышна была канонада; городъ усиленно обстрѣливался. Днемъ на улицахъ было тихо и пустынно. Мы поголадывали, такъ какъ запасовъ никакихъ не имѣли, а купить что-нибудь было трудно. Да и «деникинскихъ» денегъ торговцы уже не принимали опасаясь ихъ аннулированія большевиками.

2 декабря къ намъ явился вѣстникъ, сообщившій, что вагонъ нашего желѣзнодорожника готовъ, стоитъ на вокзалѣ и сегодня же ночью отойдетъ. Недолго думая, мы рѣшили послѣдній разъ попытать счастья...

* *
*

Снова ночь на вокзалѣ, въ теплушкѣ, на этотъ разъ при несмолкаемомъ грохотѣ снарядовъ. Посреди ночи мы чувствуемъ движеніе колесъ — насъ перевозятъ съ запаснаго пути. Мысленно прощаемся съ Кіевомъ...

Утро. На такъ-называемой «дачной» или «фруктовой» платформѣ большое оживленіе. Стоитъ въ полной готовности поѣздъ, локомотивъ пышетъ уже разведенными парами. Это — такъ-называемый «головной» поѣздъ. Въ немъ размѣстились канцеляріи послѣднихъ воинскихъ частей и нѣкоторые гражданскіе чины. Этотъ поѣздъ, — какъ объясняютъ мнѣ, — уйдетъ послѣднимъ. На путяхъ рядомъ — нѣсколько вагоновъ безъ паровоза, и среди нихъ нашъ вагонъ. Желѣзнодорожникъ съ гордостью показываетъ мнѣ на немъ помѣтку мѣломъ: «отправка 3/XII». «Хорошо, — думаю я, — но вѣдь эта помѣтка не замѣнитъ паровоза»...

Проходитъ нѣсколько часовъ. Мы сидимъ въ вагонѣ, выходимъ въ буфетъ чай пить, прогуливаемся по платформѣ. Изъ города намъ приносятъ еще коекакіе продукты на дорогу. Прощаемся.

Около 12 часовъ дня я замѣчаю нѣкоторое оживленіе среди пассажировъ «головного» поѣзда. Не придаю ему значенія. Вѣрую въ нашего желѣзнодорожника, въ помѣтку мѣломъ «3/XII» и въ обѣщанный паровозъ...

На платформѣ ко мнѣ подходитъ знакомый.

— Если у васъ есть знакомые въ головномъ поѣздѣ, — говоритъ онъ мнѣ, — постарайтесь устроиться тамъ.

— Зачѣмъ же, — наивно возражаю я, — вѣдь головной поѣздъ уйдетъ послѣднимъ?

— Да, но зато онъ уйдетъ навѣрно... Долженъ вамъ сказать, что положеніе ухудшилось. Большевики могутъ черезъ часъ быть на вокзалѣ. Вы представляете себѣ, что будетъ съ тѣми, кого они здѣсь застанутъ... Устраивайтесь въ головномъ поѣздѣ или возвращайтесь въ городъ!

Серьезность нашего положенія ясно предстала предъ моимъ сознаніемъ. Необходимо дѣйствовать, притомъ сейчасъ, не медля ни минуты. Прошу жену, на всякій случай, сложить наши вещи и направляюсь къ головному поѣзду.

«Знакомые?» Какъ будто есть нѣсколько знакомыхъ. Но что изъ того? Они сами съ трудомъ выпросили себѣ мѣсто. Что они могутъ сдѣлать для насъ?

Вотъ товарищъ предсѣдателя суда Дугановъ.

— Митрофанъ Ивановичъ, въ какомъ вагонѣ вы ѣдете? Нельзя ли примоститься у васъ?

— Я ѣду съ Персидскимъ Консуломъ Виттенбергомъ. Если хотите, я познакомлю васъ.

Представляетъ меня этому кіевскому персіанину. На барашковой шапкѣ у него значекъ «льва и солнца», видъ вполнѣ дипломатическій.

— Нельзя ли... и т. д.

— Въ моемъ вагонѣ мѣстъ нѣтъ!

Еще нѣсколько попытокъ съ такимъ же успѣхомъ, и я въ отчаяніи возвращаюсь къ нашему вагону. Бросаюсь къ желѣзнодорожнику.

— Вывезете вы насъ или нѣтъ?!

— Да какъ же, вѣдь вы видѣли помѣтку «3/XII». Вагонъ назначенъ къ отправкѣ. Вотъ только паровоза ждемъ.

— А если не будетъ паровоза?

— Долженъ быть. Управленіе должно вывезти всѣ составы...

Слово «должно» разрѣшило всѣ мои колебанія. Мало ли что должно было случиться и не случилось? Добровольцы должны были взять Москву, а не уходить изъ Кіева! Категорію долженствованія лучше вовсе устранить изъ нашихъ разсужденій въ такихъ случаяхъ...

— Немедленно возвращаемся въ городъ.

Предъ вокзальнымъ подъѣздомъ нахожу какого-то захудалаго носильщика съ санками.

Вокзалъ все наполняется народомъ. Цѣлыя воинскія части проходятъ пѣшкомъ по рельсамъ по направленію къ Посту-Волынскому. Однако, слышны разговоры, что Постъ-Волынскій уже занятъ большевиками и что мы отрѣзаны.

Мы спѣшимъ вверхъ по Безаковской, доходимъ до угла Бибиковскаго бульвара. Снизу слышны ружейные выстрѣлы. Поперекъ улицы стоитъ солдатская цѣпь. Намъ кричатъ:

— Поворачивай обратно, здѣсь прохода нѣтъ.

Куда же дѣться?

Вспоминаю про друзей, живущихъ на Владимірской улицѣ. Туда можно пробраться переулками...

— Попробуемъ пройти черезъ Назарьевскую.

— Не возьмемъ мы горы-то. Силъ у меня нѣтъ.

Впрягаюсь самъ въ санки, носильщикъ подталкиваетъ сзади. По пути встрѣчаемъ массу какихъ-то людей. Всѣ спѣшатъ куда-то, всѣ стремятся перемѣнить мѣсто, думая этимъ спастись отъ грядущихъ непріятностей. Какой-то перепуганный человѣческій муравейникъ. Встрѣчаются и воинскія части, отступающія къ вокзалу. Мимо насъ пробѣгаетъ сестра милосердія, растерянно спрашивая, застанетъ ли она еще головной поѣздъ...

Выстрѣлы раздаются все чаще и чаще. Слышны и разрывы снарядовъ. Мы узнали впослѣдствіи, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы находились, былъ въ этотъ моментъ убитъ снарядомъ вызванный къ больной профессоръ Брюно...

Лишь бы добраться до Владимірской...

Дошли, завернули направо. Мы у цѣли.

Въ полномъ изнеможеніи бросаюсь на первую кушетку. Физическая усталость, пережитое нервное напряженіе, сознаніе неудачи, ожиданіе долгихъ мучительныхъ дней — все это окутываетъ душу какимъ-то безпросвѣтнымъ мракомъ...

«Красная армія, — гласилъ опубликованный 3 декабря 1919 года приказъ, — послѣ героической борьбы, въ третій и послѣдній разъ заняла Кіевъ».

VI. Большевики и поляки

(декабрь 1919 — іюнь 1920)

Будни большевизма. — Политическое затишье. — Матерьяльныя заботы. — Въ уединеніи. — Условія жизни. Сыпнякъ. — Неожиданная эвакуація. — Вступленіе польскихъ войскъ. — Экономическій тупикъ. Валюта. — Окно въ Европу. — Польское отступленіе. — Послѣдняя «перемѣна».

Въ 1918 году мы увидѣли буйную молодость большевизма, въ 1919-омъ онъ предсталъ предъ нами во всемъ своемъ жестокомъ размахѣ. Въ 1920 году начались большевистскія будни — картина сѣрая и мутная, настроенія томительныя и скучныя.

Съ первыхъ же дней прихода большевиковъ въ концѣ 1919 года было видно, что они полиняли и выдохлись. Исчезло увлеченіе юности и энергія зрѣлаго возраста; наступила усталость. Исчезла дѣтская вѣра въ себя и въ свои силы; началось додѣлываніе дѣла, за которое взялись и которое нельзя было уже бросить, безъ всякой надежды на конечный успѣхъ.

Періодъ третьяго пребыванія у насъ большевиковъ — между добровольцами и поляками — былъ временемъ политическаго затишья. Кіевъ пересталъ быть украинской столицей и высокая политика дѣлалась, подъ суфлера изъ Москвы, въ Харьковѣ. Красная армія одерживала легкія побѣды надъ остатками добровольцевъ. Пала Одесса, палъ Ростовъ, палъ Новочеркасскъ; большевистская лавина остановилась только на порогѣ Крыма.

Мы ждали отъ большевиковъ преслѣдованій и мести; вѣдь весь городъ былъ въ той или иной степени скомпрометированъ въ ихъ глазахъ проявленнымъ сочувствіемъ къ ихъ врагамъ. Однако, никакихъ репрессій не было. Че-ка нѣсколько присмирѣла. Только изрѣдка она давала о себѣ знать облавами и разстрѣлами «валютчиковъ» и «спекулянтовъ».

Совѣтскія учрежденія обрѣли свой характерный обликъ — собранія недоѣдающихъ и озябшихъ людей съ подавленной волей, въ апатіи и праздности. Наступившая зима наложила этотъ видимый отпечатокъ на внѣшность совѣтскихъ канцелярій. Эти полу-пустыя комнаты съ желѣзными печками, эти люди, сидящіе за своими столами въ пальто, платкахъ и перчаткахъ, эта наносимая съ улицы грязь — все это сливалось въ картину необычайно стильную, но и безконечно унылую. Поражала, послѣ прежней расточительности, скудость во всемъ — въ бумагѣ, въ мебели, въ перьяхъ, въ пишущихъ машинкахъ... Почти въ каждой комнатѣ торжественно разрѣзался и дѣлился между присутствующими дурной черный хлѣбъ — пресловутый паекъ, символъ совѣтскаго существованія.

Если прежде сильнѣе всего проявлялась жестокость и наглость большевистскаго режима, то начиная съ этого времени самой характерной и показательной его чертой стала нечестность и продажность. Наблюдательному взору эти свойства открывались уже по внѣшнему виду людей, занявшихъ теперь начальническіе посты, и, еще болѣе, по наружности тѣхъ, кто ихъ облѣпливалъ. Каждаго вошедшаго въ любое изъ совѣтскихъ учрежденій сразу обдавала атмосфера канцеляріи старорежимнаго полицейскаго участка или воинскаго присутствія...

Глубокая перемѣна наступила и въ жизни населенія, въ частности его болѣе культурныхъ слоевъ. У всѣхъ, за самыми ничтожными исключеніями, выдви-

нулся на первый планъ вопросъ о томъ, какъ прокормиться? Всѣ помыслы были направлены на добываніе хлѣба; остальное отодвинулось далеко назадъ. Дороговизна стала расти катастрофически, процентовъ на 30—40 въ мѣсяцъ. Жалованья, тарифныя ставки, ликвидаціонныя, — о которыхъ столько говорили въ 1919 году, — все это потеряло существенное значеніе. У всѣхъ была увѣренность, что все равно жалованьемъ не проживешь и что нужно искать другихъ источниковъ для существованія. Экономическая необходимость пробивала бреши въ нелѣпыя схемы тарифной политики, на разработку которыхъ было въ 1919 г. затрачено столько труда. Запрещенное на бумагѣ «совмѣстительство» стало теперь общимъ и терпимымъ явленіемъ. Началась математика разсчета «преміальныхъ», «сверхурочныхъ», «сдѣльныхъ» и т. п. Все это, однако, не могло заполнить зіяющихъ дыръ, образовавшихся у каждаго въ повседневномъ бюджетѣ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей.

Хотя магазины были открыты и базары торговали, но уже началъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ натуральный обмѣнъ вещей на продукты, особенно съ крестьянами. Денегъ на покупки у большинства не хватало, а вещи было выгоднѣе вымѣнивать, чѣмъ продавать. Впрочемъ, практиковалось и то, и другое... При этомъ главнымъ, а одно время даже единственнымъ, пріобрѣтателемъ всего продаваемаго былъ привозившій въ городъ продукты крестьянинъ. Позже къ числу покупателей присоединилась новая плутократія изъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ и казнокрадовъ.

Характерной чертой этой внутренней, домашней стороны совѣтскаго существованія является то, что матеріальныя тяготы въ каждой семьѣ оказались въ значительной мѣрѣ переложенными съ мужей на женъ. Выборъ предназначенныхъ для продажи вещей — главнымъ образомъ платья и бѣлья, — ихъ передѣлка подъ крестьянскій вкусъ, самая продажа или обмѣнъ — все это, разумѣется, дѣло женское. А такъ какъ именно «ликвидсобхозъ» (какъ въ шутку называли ликвидацію собственнаго хозяйства) сталъ основнымъ факторомъ матерьяльнаго существованія, то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ семьяхъ оказалась женщина.

Что же дѣлали мы, мужья, мужчины? Разумѣется, помогали женамъ въ физической работѣ. А кромѣ этого, дѣлали безконечно мало или почти ничего. Это всеобщее, подневольное бездѣлье стало однимъ изъ проклятій русской жизни. Оно было естественнымъ результатомъ большевистской хозяйственной и политической системы. Прежде всего, всѣхъ (или почти всѣхъ) заставили перестать дѣлать то, что каждый умѣлъ и къ чему привыкъ: коммерсанта заставили перестать быть коммерсантомъ, адвоката — адвокатомъ, журналиста — журналистомъ, чиновника — чиновникомъ. Благодаря многообразнымъ мобилизаціямъ выбили изъ колеи также большинство работниковъ остальныхъ профессій — врачей, инженеровъ и т. д. Засимъ, всѣхъ обратили въ совѣтскихъ служащихъ, совершенно не заинтересованныхъ въ результатѣ своей работы и обязанныхъ отсиживать положенное казенное число часовъ въ канцеляріяхъ. И наконецъ, поставили всѣхъ въ такія матерьяльныя условія, при которыхъ у каждаго явилось сознаніе, что трудомъ онъ, во всякомъ случаѣ, на жизнь не выработаетъ, и если можетъ честнымъ образомъ облегчить женѣ тяготы базара, то только защитой своихъ правъ на «преміальныя», орудованіемъ въ комитетѣ служащихъ и хлопотами объ усиленіи пайка.

Трудъ сталъ подневольнымъ и непроизводительнымъ: таковъ былъ результатъ установленія у насъ царства труда. Апофеозомъ этого парадокса стали

такъ-называемые «воскресники». По идеѣ, воскресники мыслились, какъ веселые и дружные пикники или экскурсіи, на которыхъ служащіе различныхъ учрежденій, въ праздничные дни, выполняли бы тѣ или иныя физическія работы: нагрузку, очистку, рубку дровъ и т. п. Въ такомъ именно видѣ представляетъ себѣ, между прочимъ, нѣчто подобное нашимъ воскресникамъ П. А. Крапоткинъ въ своей книгѣ «Завоеваніе хлѣба». Но въ дѣйствительности воскресники свелись къ тому, что несчастныхъ совѣтскихъ служащихъ сгоняли по воскресеніямъ въ какой нибудь пунктъ и заставляли дружно и весело работать. Тѣ, разумѣется, отвиливали отъ этой новой обузы всѣми знакомыми по гимназическимъ воспоминаніямъ способами. И въ результатѣ получалась, какъ всегда и во всемъ, — каррикатура.

Невольное бездѣліе, какъ результатъ подневольнаго труда, царило не только въ канцеляріяхъ и не только въ городахъ.

Тэнъ разсказываетъ о томъ, какъ при якобинскомъ владычествѣ самый трудолюбивый хозяинъ на свѣтѣ — французскій крестьянинъ — пересталъ сѣять. Наше крестьянство при совѣтской власти также сократило площадь запашки. Большевики вздумали бороться съ этимъ — газетной агитаціей! Выдумали какой-то «посѣвный фронтъ», разослали агитаторовъ и черезъ нѣкоторое время при помощи подтасованныхъ цифръ торжествовали побѣду на этомъ новомъ фронтѣ. И никто въ совнаркомѣ или наркомѣ не подумалъ о томъ, какое это, въ сущности, testimonium paupertatis — агитировать въ газетахъ за то, что крестьянинъ дѣлалъ безъ всякаго понужденія цѣлыя тысячелѣтія до изобрѣтенія печатнаго станка...

Экономическая политика большевиковъ въ эти мѣсяцы также отличалась отсутствіемъ агрессивности. Магазины торговали, хотя въ большинствѣ подъ вывѣсками вновь возникшихъ кооперативовъ. Наряду съ новыми, фиктивными, продолжали существовать и прежнія, настоящія кооперативныя объединенія. Въ виду оказываемаго имъ покровительства, они въ нѣкоторыхъ областяхъ заняли положеніе монополистовъ, благодаря которому кооперативы расширялись или, точнѣе, разбухали. Къ нимъ переходило, на предметъ спасенія отъ реквизицій, много частнаго добра. Совѣтская власть сначала съ ними кокетничала, затѣмъ стала ихъ «реорганизовывать»*, и наконецъ — поглотила ихъ.

Большимъ расположеніемъ совѣтской власти пользовались, особенно первое время, артисты. Ихъ профессіональные органы сохраняли нѣкоторую автономію; а мобилизаціи, которымъ ихъ подвергали, не были страшны. Артистическій трудъ оплачивался, по началу, довольно широко. Постепенно, по мѣрѣ общаго оскудѣнія, это благополучіе кончилось.

Театръ также испыталъ на себѣ всѣ изломы совѣтской политики. Сначала его сдѣлали безплатнымъ для зрителей, а актеровъ вознаграждали очень щедро. Затѣмъ, когда кончились веселые Расплюевскіе дни, это положеніе смѣнилось обратнымъ: стали у публики деньги брать, а актерамъ платить по-нищенски. Мнѣ пришлось только однажды быть въ театрѣ во время большевиковъ. Ставили «Овечій Источникъ» Лопе-де-Вега, причемъ революціонная цензура замѣнила въ строфахъ въ честь испанскаго государя слово «король» словомъ «народъ»...

---

* Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ однимъ кооперативомъ, который за пять мѣсяцевъ былъ пять разъ реорганизованъ и переименованъ. Сначала это былъ «Областный союзъ рабочей кооперації», затѣмъ его слили съ «Центросекціей», затѣмъ съ «Согорюзомъ», послѣдній переименовали въ «Губсекцію», а ее слили съ «Губсоюзомъ».

Мѣсяцы третьяго пребыванія въ Кіевѣ большевиковъ мы прожили въ пріютившей насъ комнатѣ на Прорѣзной, куда мы перешли 28 ноября, въ день эвакуація Добровольцевъ. Мы жили въ довольно укромномъ мѣстѣ, во второмъ дворѣ, и до насъ, въ большинствѣ случаевъ, не докатывалась волна обысковъ, облавъ, провѣрокъ и реквизицій. За эти мѣсяцы мы не видѣли у себя ни одного сановника изъ Жилотдѣла и, такъ какъ уплотнить насъ больше, чѣмъ мы были уплотнены, былс невозможно, то мы были сравнительно спокойны за свое жилье и могли повторять слова англійской поговорки «my home is my castle»[1]).

Нашъ castle, какъ я сказалъ, состоялъ изъ одной комнаты, служившей спальней, столовой, кухней, пріемной и рабочимъ кабинетомъ. Это былъ приспособленный для своего новаго назначенія салонъ модной мастерской. Теперь пришлось въ самомъ центральномъ мѣстѣ его водрузить печурку, которая топилась щепками и не поддерживала тепла ни на одну минуту дольше, чѣмъ щепки подкладывались . . .

Первое время мы почти не выходили изъ своей комнаты, но затѣмъ, когда нѣкоторыя тучи разсѣялись, мы снова вышли на свѣтъ Божій. Я возобновилъ чтеніе лекцій въ школѣ. Отсутствіе всякой профессіональной и общественной работы давало возможность и досугъ для работы научной. Я ухватился за эту возможность и, впервые послѣ окончанія университета, сталъ систематически и интенсивно заниматься наиболѣе интересовавшими меня теоретическими вопросами.

Въ мартѣ 1920 года кружокъ юристовъ, группировавшійся съ 1918 года возлѣ О-ва «Право и Жизнь», возобновилъ свои занятія подъ флагомъ вновь открытаго «Кіевскаго Соціологическаго Общества». Еженедѣльно О-во устраивало публичныя собранія съ докладами и преніями. Никакихъ препятствій со стороны властей намъ не дѣлали и только однажды, помнится, меня попросили объявить себя больнымъ и отложить докладъ въ виду ожидаемаго посѣщенія кого-то изъ чиновъ Управленія высшей школы . . .

* *
*

Повторяю: большевики вели себя въ эти мѣсяцы довольно мирно. Но это, разумѣется, не могло ни на минуту остановить тѣхъ гибельныхъ процессовъ разложенія, обнищанія и вымиранія всей страны, къ которымъ велъ ихъ режимъ.

Кустарное отопленіе желѣзными печками съ выпускомъ дыма черезъ вентиляторы и окна, не могло не приводить къ пожарамъ. А недостатокъ воды вызывалъ то, что о тушеніи рѣчи быть не могло. Сколько ни сгоняли для этого «буржуевъ», — загорѣвшійся домъ неминуемо догоралъ до основанія.

Физическія условія существованія становились все хуже и хуже. Въ большинствѣ домовъ съ центральнымъ отопленіемъ, въ которыхъ теперь еле обогрѣвались печками въ каждой квартирѣ 2—3 комнаты, замерзали и лопались водопроводныя и канализаціонныя трубы. Эту катастрофу пришлось испытать и намъ въ нашемъ новомъ жилищѣ, которое оберегало насъ отъ комиссаровъ, но не отъ стихій. Три зимнихъ мѣсяца мы прожили въ самыхъ примитивныхъ санитарныхъ условіяхъ. А когда наконецъ ледъ въ трубахъ оттаялъ, то на

---

* «Мой домъ — мой замокъ.»

электрической станціи стало недоставать топлива и въ результатѣ вода подавалась водопроводомъ на какія-нибудь полчаса за цѣлыя сутки, притомъ чаще всего ночью. Бывало, раздается у насъ среди ночи звукъ самодѣльнаго гонга: это дворникъ извѣщаетъ жильцовъ, что въ водопроводѣ показалась вода. Обычно она доходила только до подвальнаго или перваго этажа, а иногда показывалась лишь въ одномъ, — самомъ низкомъ, — кранѣ на всю усадьбу. И вотъ, дворъ наполняется народомъ. Жильцы съ ведрами и кувшинами становятся въ очередь и получаютъ живительную влагу. Очередь еще далеко не исчерпана, когда напоръ воды слабѣетъ, а затѣмъ вовсе прекращается. Не наполнившіе своего ведра выбѣгаютъ на улицу и спѣшатъ внизъ, — на Крещатикъ, на Подолъ, — гдѣ, быть можетъ, еще возможно набрать воды...

Убійственныя санитарныя условія и всеобщее недоѣданіе фатально вели къ развитію эпидемій. Въ эту зиму насъ посѣтилъ сыпной тифъ и именно въ первое свое посѣщеніе эта страшная эпидемія приняла самыя жестокія формы. Удовлетворительной статистики не было, несмотря на всѣ «статбюро», но несомнѣнно, что сыпнымъ тифомъ переболѣли въ Россіи милліоны и что смертность была чрезвычайно велика.

Въ каждомъ домѣ было по нѣсколько больныхъ, больницы были переполнены, а на кладбищахъ тѣла по нѣсколько дней выжидали очереди, пока ихъ не предавали землѣ.

Наибольшій рискъ заразы былъ на желѣзныхъ дорогахъ. Люди, пускавшіеся въ путешествіе, натирались какими-то маслами и обвѣшивались амулетами съ нафталиномъ. И все же обычно, послѣ пріѣзда, гдѣ либо въ складкахъ пальто находился экземпляръ передатчика заразы — платяной вши — и приходилось съ замирающимъ сердцемъ выжидать окончанія періода инкубаціи.

А между тѣмъ, эта форма тифа въ Западной Европѣ уже сдана въ архивъ исторіи и о ней вспоминаютъ, какъ о бичѣ, посѣщавшемъ человѣчество когда-то давно — давно...

* *
*

Въ концѣ января 1920 года красная армія заняла Одессу. Вскорѣ палъ Ростовъ и на фронтѣ установилось затишье.

Въ западномъ направленіи большевики на этотъ разъ не продвинулись такъ далеко, какъ въ 1919 году. Части волынской и подольской губерніи оставались въ рукахъ поляковъ. Въ Каменцѣ и Могилевѣ-Подольскомъ удерживался и Петлюра съ перешедшими вновь на его сторону галичанами.

Отношенія большевиковъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ были для насъ не вполнѣ ясны.

Съ поляками мы все время были на положеніи войны. Никто толкомъ не зналъ, когда эта война началась и изъ-за чего она ведется. Но привыкли къ мысли, что на Западѣ имѣется «фронтъ» и что тамъ, отъ времени до времени, происходятъ незначительныя боевыя столкновенія.

Въ апрѣлѣ 1920 года этотъ фронтъ внезапно оживился. Какъ мы узнали впослѣдствіи, въ это время Пилсудскій заключилъ свое соглашеніе съ Петлюрой и рѣшилъ предпринять большое наступленіе на Украину. Тогда ничего объ этомъ извѣстно не было и мы не ждали никакихъ событій, ни военныхъ, ни политическихъ. Они и наступили, какъ всегда, неожиданно и бравурно.

Около 20 апрѣля Кіевъ посѣтилъ польскій аэропланъ, сбросившій надъ городомъ нѣсколько бомбъ. Затѣмъ стали распространяться слухи о неудачныхъ для большевиковъ бояхъ гдѣ-то подъ Коростенемъ и Овручомъ. А 27 апрѣля уже была рѣшена эвакуація Кіева.

Я всегда относился весьма скептически къ слухамъ, особенно же къ благопріятнымъ, порождаемымъ не фактами, а желаніями. И на этотъ разъ я упорно отрицалъ возможность какихъ либо перемѣнъ, пока, въ самый день 27 апрѣля, одинъ весьма положительный «продработникъ» не сообщилъ мнѣ, что «создалось положеніе, при которомъ мы вынуждены оставить городъ».

Въ этотъ день Кіевъ имѣлъ еще нормальный видъ, но уже на слѣдующее утро мы увидѣли знакомую намъ картину панической эвакуаціи. Ея полнѣйшая внезапность усиливала стремительность и поспѣшность бѣгства. Красноармейскія части и совѣтскія учрежденія уходили такъ быстро, что врагъ фактически не могъ за ними поспѣвать. Кіевъ былъ совершенно оставленъ большевиками въ послѣдніе дни апрѣля, между тѣмъ какъ поляки подоспѣли къ городу только черезъ 7—8 дней. Мы опять пережили періодъ безвластья...

Этотъ разъ переходное время было особенно тяжелымъ въ продовольственномъ отношеніи. Опыть послѣднихъ переворотовъ съ послѣдовавшимъ аннулированіемъ денегъ прежней власти (сначала совѣтскихъ, затѣмъ деникинскихъ) научилъ торговцевъ, что въ дни эвакуаціи ни въ какомъ случаѣ нельзя ничего продавать, такъ какъ рискуешь остаться затѣмъ съ кипой ничего не стоющихъ бумажекъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ научилъ и обывателя, что необходимо по возможности обезпечить себя запасами на все время эвакуаціи. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій и повело къ тому, что уже съ утра 28 апрѣля, то-есть въ первый же день эвакуаціи, во всемъ городѣ нельзя было достать ни одного фунта хлѣба, ни одной картошки, ни пуда дровъ.

Отказываться отъ пріема совѣтскихъ денегъ торговцы не рѣшались; поэтому они и предпочитали припрятывать товаръ или же торговать подъ полой за «керенки» и «царскія». Населеніе, — особенно женская его половина, — изощрялось, изобрѣтая способы обмѣна или кредита.

И почти всѣ голодали.

* * *

Польскія войска вступили въ Кіевъ 7 мая 1920 года и оставались у насъ пять недѣль.

Радость при избавленіи отъ совѣтской власти была, какъ всегда, большая. Но на этотъ разъ у всѣхъ было сознаніе неестественности и непрочности новаго порядка. Пришла и завоевала насъ ч у ж а я армія — это было ясно всѣмъ. Ни болѣе благоразумные изъ числа поляковъ, ни тѣмъ менѣе населеніе Украины не думали о томъ, чтобы нашъ край могъ окончательно подпасть подъ власть воскресшей Рѣчи Посполитой. Оффиціальныя пронунціаменто Пилсудскаго говорили только о помощи самостійной Украинѣ. Это напоминало приходъ нѣмцевъ и гетманщину; большевистская пресса и называла Петлюру кандидатомъ въ гетманы. Но различіе было въ томъ, что вмѣсто нѣмцевъ пришли поляки, а также и въ томъ, что тогда экспериментъ продѣлывался въ первый, а теперь во второй разъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія города польскія войска устроили блестящій парадъ. Со свойственной имъ любовью къ помпѣ и остентаціи, поля-

ки дали намъ весьма импозантное представленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ воинскія части всѣхъ видовъ оружія маршировали по Крещатику. Формы были новехонькія, лошади прекрасныя, муштровка великолѣпная. Офицерство — сама элегантность и удаль.

Гражданской администраціи поляки у насъ не завели, предоставивъ эту функцію украинцамъ. Верховный Атаманъ Петлюра составилъ кабинетъ министровъ во главѣ съ Прокоповичемъ, при участіи Ефремова, Никовскаго, Саликовскаго и другихъ лучшихъ представителей умѣреннаго украинства. Резиденціей правительства былъ не слишкомъ близкій къ фронту Кіевъ, а Винница. Но и эта предосторожность не спасла кабинетъ отъ необходимости, черезъ нѣсколько дней послѣ своего конструированія, приступить къ эвакуаціи.

Въ кіевскихъ органахъ управленія царилъ совершенный хаосъ. Мы имѣли польскую комендатуру, украинскую комендатуру, губернскаго комиссара Преснухина, какой-то суррогатъ городского управленія. Все это не налаживалось и функціонировало чрезвычайно безпорядочно и растерянно.

Совершенно не налаживалась и хозяйственная жизнь. Если при добровольцахъ мы пережили, какъ я писалъ, полосу возстановленія, то во время поляковъ мы успѣли только убѣдиться въ томъ, какъ безконечно трудно или даже невозможно стало теперь возстановленіе всего разрушеннаго большевизмомъ. Ни банки, ни магазины, ни городскія учрежденія, ни судъ ожить и воскреснуть теперь не успѣли или не смогли. Матеріальный субстратъ всѣхъ этихъ институтовъ — мебель, дѣлопроизводство, архивы, запасы — за протекшіе нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ расхищаться и разрушаться. Личный же составъ окончательно порѣдѣлъ послѣ вторичнаго кіевскаго исхода въ ноябрѣ 1919 года.

Безконечно сложной стала самая элементарная хозяйственная операція — покупка провизіи на обѣдъ. Прежде всего, негдѣ было достать денегъ. При большевикахъ населеніе въ весьма значительной своей части состояло на совѣтской службѣ, теперь оно лишилось жалованія и бросилось на поиски заработковъ. О запасахъ и фондахъ, на которые можно было бы жить въ переходное время, не могло быть и рѣчи: кто могъ что либо накопить за долгіе мѣсяцы недоѣданія и растраты всего накопленнаго прежде?

Однако, голымъ фактомъ бѣдности и безденежья не исчерпывались трудности хозяйственной ситуаціи. Даже для тѣхъ, кто имѣлъ деньги, вставалъ вопросъ, тѣ ли у него деньги, на которыя можно что либо купить. Валютный вопросъ сталъ во время польской оккупаціи фантастически запутаннымъ и острымъ. Циркулировало безконечное количество сортовъ денегъ: совѣтскія, думскія, украинскія, царскія, керенки, польскія марки. Украинскія деньги дѣлились на карбованцы и гривны, карбованцы на тысячные и пятидесятки. Среди керенокъ различали сороковки и двадцатки, среди царскихъ — пятисотки, сотки и мелочь. Въ качествѣ раритетовъ попадались на базарѣ и всѣ виды звонкой монеты: золотые, серебряные рубли и мелочь. На каждый изъ этихъ четырнадцати сортовъ денегъ былъ особый, притомъ измѣнчивый, курсъ. И цѣны каждаго товара были различны на каждый сортъ валюты.

Базарныя торговки должны были стать профессорами математики, чтобы разобраться во всемъ этомъ финансовомъ лабиринтѣ!

Курсъ денегъ варіировался по сословіямъ. У крестьянъ были свои вкусы, у «биржи» свои. Всеобщими фаворитами были «гривны», царскія и керенки-двадцатки. Съ карбованцами или сороковками въ карманѣ можно было и не

ходить на базаръ... Достать привилегированные сорта денегъ было, конечно, чрезвычайно трудно.

Результатомъ бѣдности и валютной путаницы былъ всеобщій голодъ. Ни въ одинъ изъ пережитыхъ нами періодовъ — даже при большевикахъ — экономическая разруха не чувствовалась такъ болѣзненно и остро, какъ въ эти пять недѣль польской оккупаціи. И оставалось только утѣшаться тѣмъ, что и этотъ голодъ и эта валютная неразбериха — неизбѣжный этапъ на пути къ хозяйственному возстановленію, тогда какъ мнимое благополучіе пайковъ и неограниченныхъ бумажныхъ эмиссій есть путь къ дальнѣйшему разоренію и обнищанію. Но нетерпѣніе есть роковой недостатокъ человѣческихъ сужденій, а въ данномъ случаѣ дѣйствительно не было времени для выжиданія.

Настроенія кіевлянъ въ недѣли польской оккупаціи были мрачныя и озлобленныя.

* *
*

Единственнымъ дѣльнымъ учрежденіемъ въ Кіевѣ былъ во времена польской оккупаціи Американскій Красный Крестъ. Делегація его пріѣхала въ Кіевъ въ первые же дни; она устроилась въ чистенькомъ бюро и стала проявлять весьма большую активность. Только когда поляки уходили и населеніе начало грабить и распродавать припасы изъ складовъ Краснаго Креста, — мы увидѣли, сколько добра успѣли за столь короткое время привезти американцы.

Были у насъ и польскія красно-крестныя организаціи. Много бывшихъ кіевлянъ-поляковъ, превратившихся въ красно-крестныхъ генераловъ, посѣтило насъ въ эти недѣли, блистая щегольскими формами. Наладить какую либо реальную работу польскій Красный Крестъ не успѣлъ.

Свѣтлымъ пятномъ среди всѣхъ золъ и бѣдъ было только одно: пріотворенное окно въ Европу, чрезъ которое дохнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ. Желѣзно-дорожная связь съ Варшавой была возстановлена, путешествіе туда длилось всего (!) 36 часовъ. Мы видѣли живыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы, получали свѣжія письма. Всѣ рвались туда — на волю. Но немногіе успѣли уѣхать, такъ какъ затрудненія чинились чрезвычайныя.

— Чѣмъ объяснить, спрашивалъ меня одинъ полякъ, мой товарищъ по сословію, пріѣхавшій теперь изъ Варшавы, — что въ Варшавѣ всѣ бывшіе кіевляне умоляютъ меня помочь имъ возвратиться во-свояси, а здѣь ни одинъ знакомый не пропускаетъ меня, чтобы не просить вывезти его за-границу?

— Очевидно, русскимъ въ достаточной мѣрѣ плохо живется и здѣсь, и тамъ...

Мы, разумѣется, чувствовали только то, какъ плохо здѣсь. И стремились, и искали путей туда.

Наѣзжавшіе польскіе пріятели, на протекцію которыхъ многіе разсчитывали, оказывались въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ сдержанными. Своими средствами получить возможность уѣхать было немыслимо. Поэтому всѣ, кто имѣлъ родныхъ заграницей, бомбардировали ихъ письменными просьбами о помощи въ этомъ дѣлѣ.

«Вопросъ о томъ, какъ бы отсюда выбраться, — писалъ я брату въ Америку въ маѣ 1920 года, — сталъ послѣдніе полгода основнымъ вопросомъ нашего существованія. Мы совершенно извелись

физически, духовно и морально. Жизнь невыносима и непрерывно ухудшается, независимо отъ политическихъ перемѣнъ.

Теперь произошла очередная — по счету 12-ая — смѣна власти: большевики ушли, явились, pour changer, поляки. Но мы живемъ, кромѣ текущихъ заботъ, исключительно мыслью объ отъѣздѣ.

Хлопочите за насъ!»

Въ письмѣ къ роднымъ въ Парижъ, относящемся къ тому же времени, я писалъ:

«Теперь у насъ, въ связи съ пріотворившимся окномъ въ Европу, на очереди вопросъ объ отъѣздѣ. Мы твердо рѣшили при первой возможности бросить все и ѣхать сломя голову, безъ средствъ, безъ плановъ —лишь бы уѣхать. Въ холодномъ ужасѣ отъ мысли, что, можетъ быть, снова здѣсь застрянемъ и будемъ переживать все сначала».

Эти письма дошли до своихъ адресатовъ, когда въ Кіевѣ уже были большевики.

* *
*

Кіевъ оказался предѣльнымъ пунктомъ продвиженія поляковъ на Востокъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, у Бровaровъ, польскія войска укрѣпились; завоеваніе лѣвобережной Украины Петлюра долженъ былъ произвести своими силами.

Все время пребыванія въ Кіевѣ поляковъ, до насъ доносились изъ-за Днѣпра звуки канонады; отъ времени до времени прилетали аэропланы, бросавшіе бомбы. Разумѣется, это не могло способствовать налаженію жизни и успокоенію. Зато въ крѣпости своего фронта поляки не сомнѣвались. На лѣвый берегъ подвезли черезъ весь городъ тяжелыя орудія необычайно внушительнаго вида... Приблизительно за недѣлю до бѣгства поляковъ, одинъ изъ красно-крестныхъ генераловъ говорилъ мнѣ, цитируя слова главнокомандующаго: «Пускай вся германская армія попытается продолбить наши Броварскія позиціи — удержимся!»

Вспоминая парадъ польскихъ войскъ на улицахъ города и сравнивая эту картину съ видомъ отступавшихъ красноармейскихъ частей, невозможно было сомнѣваться въ томъ, что эта похвальба, при данныхъ условіяхъ, имѣетъ нѣкоторыя основанія.

Однако, какъ я говорилъ, прошло немного времени послѣ произнесенія этихъ гордыхъ словъ, какъ все пошло прахомъ. Поляковъ гдѣ-то обошли или потѣснили, ихъ стратегическое положеніе сдѣлалось невозможнымъ и вся эта щегольская армія съ необычайной поспѣшностью ринулась обратно. Кажется, 23 іюня былъ оставленъ Кіевъ, а черезъ два мѣсяца большевики были въ 20-ти верстахъ отъ Варшавы...

Эвакуація наступила, какъ всегда, неожиданно и внезапно. До послѣдняго дня газеты сообщали о прекрасномъ положеніи на фронтѣ. А затѣмъ вдругъ вовсе перестали писать о фронтѣ... Мы же своимъ опытнымъ глазомъ увидѣли всѣ непреложные признаки предстоящей «п е р е м ѣ н ы»*.

---

* Слово «перемѣна» было простонароднымъ терминомъ, установившимся въ Кіевѣ для обозначенія политическаго переворота. Всего съ 1917-го по 1920-й годъ мы

Уходъ поляковъ сопровождался различными безобразіями и разрушеніями, какъ намѣренными, такъ и стихійными. Были, по стратегическимъ соображеніямъ, взорваны всѣ мосты, ведущіе черезъ Днѣпръ. Цѣпной мостъ, построенный при Николаѣ I и являющійся одной изъ кіевскихъ достопримѣчательностей, такъ и не былъ потомъ возстановленъ. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ. Сгорѣла 4-я гимназія, въ которой съ 1914 года помѣщался лазаретъ, сгорѣла украинская комендатура. Сгорѣлъ — это стало эвакуаціонной традиціей — пакгаузъ на товарной станціи. Товары изъ этого пакгауза и изъ разграбленныхъ складовъ американскаго краснаго креста затѣмъ долгое время продавали на всѣхъ базарахъ. Эта массовая продажа и покупка краденаго была хорошимъ показателемъ для уровня общественныхъ нравовъ, до котораго мы докатились. Вѣроятно во всемъ Кіевѣ не было тогда ни одной семьи, которая не распивала бы въ послѣдовавшіе затѣмъ голодные дни американскаго какао . . .

* *
*

Поляки уходили. Наши надежды на отъѣздъ не осуществились. Въ самый день ухода войскъ я подошелъ къ помѣщенію американцевъ для послѣдней попытки умолить ихъ вывезти насъ.

— Have you any official business? * — спросилъ меня стоявшій у входной двери очаровательный мальчикъ — курьеръ.

Онъ такъ мнѣ понравился, что я не рѣшился сказать ему неправду.

Меня не приняли.

Я вернулся домой. Снова, какъ 3 декабря 1919 года, на душѣ былъ мракъ и тупое отчаяніе.

Въ одномъ изъ писемъ въ Европу, писанныхъ при полякахъ, я просилъ поспѣшить съ помощью, пока не успѣла «закрыться крышка гроба».

Теперь она закрывалась.

VII. Снова большевики

(іюль 1920 — іюль 1921)

Осуществленный совѣтскій строй. — Теорія и практика. — Непобѣдимый лавочникъ. — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. — Юридическая мобилизація. — Жертва совѣтской юстиціи. — Процессъ Вайнштейна. Тюремные порядки. — Высшая школа. Студенчество. Профессура. — Изъ области общественныхъ настроеній. Вѣра въ интервенцію. Слухи. — Измельчаніе жизни. Неумѣстный снобизмъ . — Переживанія. — Отъѣздъ.

Большевики возвратились въ Кіевъ, — на этотъ разъ на долго, — какъ послѣ экскурсіи. Они застали все на своемъ мѣстѣ, въѣхали въ свои прежнія

пережили тринадцать такихъ «перемѣнъ»: февральская революція, Украинская Рада, большевики, Рада съ нѣмцами, гетманъ, Директорія, большевики, добровольцы, большевики (на два дня въ октябрѣ 1919 г.), снова добровольцы, опять большевики, поляки и снова большевики.

* «У васъ какое-либо оффиціальное дѣло?»

квартиры и стали продолжать свою работу съ той точки, на которой остановились. Съ тѣхъ поръ никто ихъ больше не тревожилъ, — если не считать ложной тревоги въ сентябрѣ 1920 года, когда поспѣшили почти совершенно эвакуировать городъ, хотя врагъ и не собирался его занимать. Совѣтская власть, наконецъ, получила возможность осѣсть въ Кіевѣ и проявить себя у насъ во всю ширь и глубь.

У насъ установился и продержался въ теченіе цѣлаго года настоящій совѣтскій строй — говорю: въ теченіе года, потому что черезъ годъ, весной 1921 года, началась новая экономическая политика и возжи стали сами собой отпускаться. Но въ теченіе этого года мы испытали на себѣ все, или почти все, что написано въ программѣ россійской Коммунистической партіи и что должно привести къ царству справедливости, добра и красоты.

Магазины были закрыты*, частная торговля уничтожена, вывѣски сняты, все было національзировано, зарегистрировано, взято на учетъ. Каждый день мы заполняли какія нибудь новые вѣдомости или формуляры — то о числѣ своихъ стульевъ, то о размѣрѣ комнатъ, то о своихъ годахъ, занятіяхъ и способностяхъ. Всѣ эти вѣдомости и формуляры шли въ соотвѣтственное учрежденіе, имѣющее, вмѣсто названія, сокращенный «адресъ для телеграммъ»; тамъ они, должно быть, соотвѣтственнымъ образомъ сортировались, распредѣлялись и подшивались. Безъ надлежащаго ордера отъ надлежащей инстанціи не могло произойти ни малѣйшаго измѣненія въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ совѣтской республики. Чтобы перенести матрацъ изъ одной квартиры въ другую, нуженъ былъ ордеръ; чтобы выѣхать на сосѣднюю станцію, нуженъ былъ пропускъ; чтобы купить листъ бумаги, нужно было предварительно исписать нѣсколько листовъ просьбами о надлежащемъ разрѣшеніи.

Вся жизнь стала подвѣдомственна учрежденіямъ. Кіевъ, какъ и вся Россія, сталъ похожъ на деревню одного чудака-помѣщика, описаннаго во второй части «Мертвыхъ душъ».

> «Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: Депо земледѣльческихъ орудій, на другомъ: Главная счетная экспедиція, на третьемъ: Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ; словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!»

Когда, однако, Чичиковъ «рѣшился самъ отправиться поглядѣть, что это за комиссіи и комитеты», то —

> «что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятіе. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе — разбирать пьяницу приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ».

---

* До закрытія базаровъ дѣло въ Кіевѣ не дошло, но Харьковъ и Одесса испытали и это.

Сколько было у насъ комитетовъ и комиссій, существовавшихъ только на вывѣскахъ! Сколько было школъ безъ учителей, учениковъ и учебныхъ пособій! Сколько больницъ безъ лѣкарствъ! Сколько мастерскихъ безъ инструментовъ! И не во всѣхъ ли совѣтскихъ учрежденіяхъ главнѣйшія функціи выполнялись исключительно на бумагѣ?

У насъ, какъ и во всей Россіи, жизнь шла мимо совѣтскаго аппарата, такъ какъ жизнь несравнимо сильнѣй жалкихъ попытокъ доктринерской регламентаціи...

Всѣ жители Кіева имѣли продуктовыя и хлѣбныя карточки различныхъ категорій. Но за все время моей жизни при большевикахъ (а потомъ и подавно) ни единаго раза хлѣба по хлѣбнымъ карточкамъ выдано не было. Такъ они и лежали мирно у насъ въ ящикахъ со всѣми своими талонами, печатями и подписями. И отъ времени до времени въ «Извѣстіяхъ» выходилъ цѣлый листъ съ объявленіями объ утратѣ тѣмъ или инымъ гражданиномъ карточки. Безъ такихъ публикацій — тоже пережитокъ дореформенной канцелярщины — этотъ драгоцѣнный документъ не возобновлялся. По продуктовымъ карточкамъ иногда выдавали сахаръ, соль и спички.

Хлѣбъ покупался —на базарѣ.

Жизнь была сильнѣе. Она выпирала изъ всѣхъ щелей и прорѣхъ соціалистической брони. Одно время, напримѣръ, частная торговля преслѣдовалась, но кооперативы терпѣлись. И вотъ всѣ торговыя предпріятія, какъ по мановенію волшебнаго жезла, преисполнились духа Рочдэльскихъ піонеровъ и объявили себя кооперативами. Когда уже въ городѣ не было ни одной частной вывѣски, повсюду красовалась надпись «КЕПО №...» КЕПО означало «Кіевск. единое потребительское о-во». Вывѣски КЕПО до того примелькались, что для меня онѣ сдѣлались настоящимъ кошмаромъ. Разъ ночью мнѣ снилось, что по новому декрету отмѣнены фамиліи и отнынѣ всѣ граждане будутъ ходить съ привѣшенными на груди табличками «КЕПО № такой-то»...

Когда закрыли и кооперативы, изъ всѣхъ видовъ частныхъ предпріятій остались разрѣшенными только кустарныя мастерскія. Тогда въ короткое время всѣ лавочники на Васильковской и на Подолѣ оказались суздальскими и иными кустарями и начали выдѣлывать бензинныя зажигалки и резиновыя подошвы изъ краденныхъ автомобильныхъ шинъ. Разрѣшено было торговать только съѣстными припасами: во всѣхъ лавкахъ появился въ окнѣ хлѣбъ и коробочки съ суррогатами чая; остальные товары продавались въ заднихъ комнатахъ. Запретили и продовольственныя лавки: вся торговля перешла на квартиры лавочниковъ или производилась съ задняго крыльца.

Замѣчательно приспособлялся къ экономическимъ декретамъ лавочникъ нашего дома Гершманъ. Во времена апогея коммунизма онъ ограничился только маленькой перестановкой мебели: фасадное помѣщеніе магазина было превращено въ жилую комнату и черезъ окна можно было видѣть съ улицы, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше царилъ развратъ спекуляціи, теперь семья мирныхъ пролетаріевъ Гершманъ обѣдаетъ и пьетъ чай. Торговля въ это время производилась въ прежней жилой комнатѣ лавочника, выходящей во дворъ. Времена измѣнились, новая экономическая политика разрѣшила торговать бакалеей: снова маленькая перестановка мебели, прилавокъ опять водворенъ въ переднюю комнату, а обѣденный столъ перенесенъ обратно въ заднюю.

Большевики успѣшно боролись съ контр-революціей, съ Деникинымъ и Колчакомъ, съ Петлюрой и Пилсудскимъ. Но они никакъ не могли побѣдить

лавочника. Отъ всѣхъ ихъ декретовъ лавочникъ только богатѣлъ. И, что самое замѣчательное, изъ всего городского населенія богатѣлъ только лавочникъ. Въ прежнее время въ большихъ домахъ на лучшихъ улицахъ города владѣлецъ помѣщавшейся въ полу-подвалѣ лавки былъ самымъ послѣднимъ изъ жильцовъ. Теперь онъ сталъ самымъ богатымъ и почетнымъ жильцомъ дома. На дороговизнѣ онъ только зарабатывалъ, а декреты умѣлъ обходить. И поэтому, хотя всѣ мобилизаціи и контрибуціи неминуемо падали на него, какъ на «нетрудовой элементъ», все же онъ — и онъ одинъ — благоденствовалъ посреди всеобщаго обнищанія.

Большевики стремились уничтожить спекуляцію и частную торговлю, хотѣли, чтобы всѣ жили исключительно заработкомъ отъ своего труда. А на дѣлѣ вышло то, что никогда ни въ одной странѣ столько не торговали, какъ въ эти годы въ Россіи, и никогда спекулятивная горячка не охватывала столь широкіе круги населенія. «Націонализація торговли означаетъ, что вся нація торгуетъ», говорили остряки. Я уже упоминалъ о томъ, какъ основа всѣхъ частныхъ бюджетовъ неизбѣжно перемѣщалась отъ жалованій и гонораровъ къ выручкѣ за проданныя скатерти и простыни. Благодаря этому, въ результатѣ всѣхъ запретовъ, не только торговцы остались торговцами, но торговцами же стали и бывшіе пролетаріи — люди физическаго и духовнаго труда. Достаточно было выйти на базаръ (въ Москвѣ на Сухаревку, въ Кіевѣ на Еврейскій), чтобы увидѣть, кто только ни торгуетъ и чѣмъ только ни торгуютъ въ Совѣтской Россіи. Базары получили характеръ постоянныхъ ярмарокъ, на которыхъ можно было достать рѣшительно все — разумѣется, подержанное...

Кромѣ лавочниковъ, зарабатывали достаточно на сносную жизнь самостоятельные ремесленники — печники, стекольщики, сапожники, пильщики и т. п. Притомъ и изъ числа ремесленниковъ могли сносно существовать не пролетаріи, о которыхъ пеклись большевики, а мелкіе предприниматели, работавшіе своими инструментами и изъ своего сырья. Настоящіе же фабричные рабочіе, какъ это признавалось и оффиціально, были деклассированы и либо разъѣхались по деревнямъ. либо занялись мѣшечничествомъ. Классъ фабричныхъ рабочихъ пересталъ существовать, такъ какъ въ большинствѣ перестали работать фабрики и заводы, а продолжавшіе работать не могли прокормить своихъ новыхъ владѣльцевъ.

Каковы были результаты казеннаго хозяйства въ промышленности, объ этомъ пусть судятъ спеціалисты. Я хочу только иллюстрировать раціональность соціалистическаго хозяйства однимъ примѣромъ, взятымъ изъ сферы главнѣйшей отрасли юго-западной индустріи — сахароваренія. Сахарная промышленность была какъ полагается націонализирована и объединена подъ однимъ центральнымъ управленіемъ. Называлось это управленіе «Главсахаръ», а Кіевскій его отдѣлъ назывался «Кіевсахаръ». Одинъ сотрудникъ Кіевсахара — человѣкъ въ высшей степени положительный — разсказалъ мнѣ о томъ, что въ виду полнаго обезцѣненія совѣтскихъ денегъ заводы принуждены расплачиваться съ крестьянами за всякія работы натурой, притомъ главнымъ образомъ — сахаромъ изъ имѣвшихся запасовъ. И вотъ по калькуляціи стоимости производства 1920 — 1921 гг. было оффиціально установлено, что одинъ пудъ вырабатываемаго новаго сахара обходился на однихъ заводахъ — въ 30 ф. стараго сахара, на другихъ въ 35 ф., на третьихъ — во всѣ 40 ф. и, наконецъ, на нѣкоторыхъ, особенно похозяйски поставленныхъ заводахъ — въ 50 и 55 фунтовъ! Чтобы изготовить

пудъ сахара, «Кіевсахаръ» выдавалъ изъ своего запаса 1 п. 10—15 ф.! «Это звучитъ, какъ анекдотъ, — сказалъ мой собесѣдникъ, — а между тѣмъ это печальная дѣйствительность».

Дѣятели совнархоза прекрасно знали — и не могли не знать — объ истинныхъ результатахъ своей работы. При этомъ скептическое отношеніе большевиковъ къ ихъ собственнымъ хозяйственнымъ мѣропріятіямъ выражалось не только въ измышленіи или пересказѣ болѣе или менѣе удачныхъ курьезовъ. Къ нѣкоторымъ областямъ, они, сознавая свое безсиліе, и не рѣшались подступить. Не подступили, напримѣръ, къ не разъ возвѣщенному аннулированію денегъ. Безъ печатнаго станка «Экспедиціи» они бы задохлись на второй день . . . Еще въ мою бытность въ Кіевѣ началось генеральное отступленіе по всей линіи, а съ осени 1921 года, какъ извѣстно, было оффиціально декларировано банкротство коммунизма и подъ названіемъ «новой экономической политики» большевики стали усердно — возвращаться къ старому.

Любопытнымъ примѣромъ невольной недодѣланности совѣтскаго режима даже въ самыя лучшія его времена можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

Страннымъ образомъ, въ моментъ полнаго расцвѣта коммунистическаго строя у насъ оставался въ неприкосновенности одинъ пережитокъ капитализма — извощики. Въ то время, когда ничего нельзя было ни купить, ни продать; когда всякія услуги оплачивались исключительно по тарифнымъ ставкамъ; когда всѣ люди, мужского и женскаго пола, были либо мобилизованы либо на службѣ у государства, — въ это время все же разрѣшалось всѣмъ и каждому нанимать извощика и условливаться съ нимъ о цѣнѣ на основахъ самаго вольнаго соглашенія.

— Чѣмъ объяснить такую непослѣдовательность? спросилъ я однажды у одного чина «Губтрамота». Отчего вы не націонализируете извощиковъ?

— Видите ли, задумчиво отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — мы попробовали, но выяснилось одно большое затрудненіе. Когда людей не кормятъ, они отчего-то все же продолжаютъ жить. А когда лошадей не кормятъ, они непремѣнно умираютъ. Оттого мы и не націонализируемъ извощиковъ.

* *
*

Въ этотъ заключительный періодъ у насъ успѣлъ, наконецъ, вполнѣ оформиться и административный аппаратъ совѣтской власти. Былъ избранъ совѣтъ рабоч. депутатовъ и выдѣленный имъ изъ своей среды «Губисполкомъ» смѣнилъ засидѣвшійся у насъ временный органъ — «Губревкомъ».

Совѣтъ — центральный органъ всего организма большевистской власти, основа нашей конституціи и fundamentum regnorum. Совѣтъ далъ имя всему въ Россіи, — самой республикѣ, всѣмъ ея учрежденіямъ, деньгамъ, программѣ, идеологіи. Въ этомъ понятіи и терминѣ мы имѣемъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ Западъ заимствуетъ у Россіи политическія идеи.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго же момента большевистской власти совѣты играли фактически весьма незначительную роль въ политической жизни. Въ описываемую эпоху ихъ значеніе совершенно сошло на нѣтъ. Какъ отъ многаго другого въ большевистской системѣ, отъ власти совѣтовъ осталась одна только вывѣска.

Выборы въ кіевскій совѣтъ состоялись, кажется, въ началѣ 1921 года. Во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ были для этого созваны собранія служащихъ, на которыхъ отъ имени мѣстной Ком'ячейки предлагалась сначала обще-политическая резолюція, а затѣмъ списокъ кандидатовъ въ совѣтъ. Тамъ, гдѣ предсѣдателемъ собранія былъ коммунистъ, онъ вносилъ эти предложенія и спрашивалъ: кто противъ? Обычно, такихъ смѣльчаковъ не находилось. Спрашивали: кто воздержался? — и нѣсколько дрожащихъ рукъ поднималось вверхъ. Тѣмъ избирательныя собранія въ большинствѣ случаевъ и заканчивались. Тамъ, гдѣ не-коммунистическому большинству удавалось провести предсѣдателя изъ своей среды, выборы проходили уже не столь упрощенно. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ коммунисты, находившіеся повсюду въ ничтожномъ меньшинствѣ, заключали блокъ съ безпартійными, и при блоковомъ соглашеніи выговаривали для своихъ кандидатовъ число мѣстъ, которое бы не роняло престижа руководящей партіи.

Меньшевики и эсеры были по возможности отстранены отъ участія въ выборахъ: большинство ихъ активныхъ дѣятелей предварительно арестовали, а въ отношеніи самихъ «соглашательскихъ» партій подняли такую травлю, что выбирать послѣ этого въ совѣтъ открытаго меньшевика или эсера оказывалось небезопаснымъ для избирателей.

Въ концѣ концовъ, въ совѣтъ (въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи) прошло подавляющее большинство коммунистовъ и нѣкоторое количество безпартійныхъ (кажется, послѣднихъ было въ кіевскомъ совѣтѣ процентовъ двадцать). Что собой представляла эта «фракція безпартійныхъ», никто не зналъ и не узналъ. Въ всякомъ случаѣ, это была запуганная фракція.

Тѣхъ немногихъ меньшевиковъ и эсеровъ, которые какимъ-то образомъ все же оказались въ кіевскомъ совѣтѣ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій торжественно исключили изъ его состава. При этой расправѣ новыхъ монтаньяровъ съ новыми жирондистами безпартійные воздержались отъ голосованія.

При полномъ отсутствіи политической жизни, выборы въ совѣтъ внесли у насъ нѣкоторое оживленіе. Но о самомъ совѣтѣ забыли немедленно послѣ того, какъ онъ былъ избранъ. Руководящіе круги провели черезъ совѣтъ выборы въ Губисполкомъ, въ составъ котораго прошелъ in corpore прежній Губревкомъ съ Яномъ Гамарникомъ въ качествѣ предсѣдателя. Послѣ этого совѣтъ собирали только для большихъ оказій, въ родѣ торжественныхъ пріемовъ какихъ-нибудь заморскихъ делегатовъ на съѣздъ III интернаціонала или для празднованія годовщины заговора Бабефа.

Ни малѣйшаго вліянія на администрацію и политику совѣтъ не имѣлъ.

Послѣднимъ предсѣдателемъ кіевскаго Губревкома и первымъ предсѣдателемъ Губисполкома былъ, какъ я уже сказалъ, Янъ Гамарникъ. Передъ нимъ этотъ высшій постъ губернской администраціи занималъ Вѣтошкинъ, а передъ Вѣтошкинымъ — Ивановъ. Смѣна высшаго начальства каждый разъ сопровождалась болѣе или менѣе фантастическими слухами объ ея причинахъ. Вѣроятно, подобные же слухи возникали въ провинціяхъ древней Персіи, когда Великій Царь мѣнялъ своихъ сатраповъ. Такъ какъ жизнь становилась у насъ все тяжеле и тяжеле, то, естественно, прошлыя времена и прошлое начальство вспоминали всегда со вздохомъ. Смѣну начальствующихъ лицъ чаще всего объясняли чрезмѣрнымъ либерализмомъ отставляемыхъ. Ивановъ, по слухамъ, ушелъ будто бы потому, что противился повальнымъ обыскамъ, Вѣтошкинъ

— уже не припомню вслѣдствіе какого свободомыслія. Когда же, наконецъ, бразды правленія получилъ Янъ Гамарникъ, то между губернск. комитетомъ комм. партіи и Губ. Рев. комитетомъ установилась персональная унія: Гамарникъ былъ предсѣдателемъ обоихъ комитетовъ.

Послѣ этого всякія междувѣдомственныя тренія прекратились. Наша административная практика стала вѣрнымъ стереотипомъ московской ряби.

Че-ка отъ времени до времени давала о себѣ знать расправами съ людьми, заподозрѣнными въ участіи въ гражданской войнѣ на сторонѣ враждебныхъ большевикамъ армій. Спорадически происходили разстрѣлы такъ-называемыхъ спекулянтовъ и валютчиковъ. Въ остальное время чрезвычайка развлекалась «борьбой съ бандитизмомъ».

Отъ времени до времени у насъ затѣвались повальные обыски для такъ-называемаго изъятія излишковъ. На населеніе, при посредствѣ районныхъ и домовыхъ «комбѣдовъ», налагались различнаго рода вещевыя повинности. А раза два или три снова поднималась гибельная волна выселеній.

Послѣдній разъ въ мою бытность въ Кіевѣ выселяли весной 1921 года, уже при наличности новаго курса и началѣ новой экономической политики. Выселяли цѣлые дома для вселенія въ нихъ рабочихъ, которыхъ хотѣли хоть чѣмъ-нибудь ублаготворить. Выселяемые дома были населены по-преимуществу членами профсоюзовъ, то-есть тѣми же рабочими. И получалась довольно дикая картина: членовъ одного профсоюза выселяли и разоряли въ угоду членамъ другого профсоюза. Выселяемые жаловались въ Рабоче-крестьянскую инспекцію и въ народный судъ. Но туда были даны надлежащія директивы изъ наркома и жалобы оставлялись безъ послѣдствій. Выселенія были вскорѣ пріостановлены, — такъ какъ оказалось, что нѣтъ желающихъ вселяться въ освобожденные дома.

* *
*

Я подлежалъ учету и мобилизаціи дважды: какъ юристъ и какъ преподаватель. Случилось такъ, что одна изъ этихъ мобилизацій спасла меня отъ другой. Профессіональный союзъ учителей повторно пытался мобилизовать меня —, въ первый разъ для чтенія лекцій въ красной арміи, во второй — на борьбу съ Врангелемъ. Оба раза я предъявлялъ въ профсоюзѣ отношенія «Губ'юста» о томъ, что я мобилизованъ какъ юристъ и никакимъ инымъ мобилизаціямъ не подлежу, и это меня вывозило. Сама же юридическая мибилизація свелась къ тому, что мнѣ пришлось руководить практическими занятіями по уголовному праву на краткосрочныхъ курсахъ для народныхъ судей. На этихъ занятіяхъ мы разбирали съ будущими совѣтскими преторами элементарные казусы о покушеніи, умыслѣ, неосторожности, соучастіи и т. п. И занятія протекали безъ всякихъ инцидентовъ *.

---

* Только однажды обнаружилось одно маленькое разногласіе между мной и лекторомъ по теоріи уголовнаго права — обратившимся въ коммунизмъ петроградскимъ адвокатомъ Бессарабовымъ. Въ одномъ изъ моихъ разъясненій я указалъ слушателямъ на извѣстный принципъ, по которому кража, совершенная служащимъ у своего хозяина, считается болѣе тяжкимъ видомъ кражи, чѣмъ кража обыкновенная. Повидимому слушатели не могли согласовать этотъ принципъ съ тѣмъ, что имъ пришлось

Курьезно, что не только юридическая мобилизація спасла меня отъ педагогической, но и vice versa — какъ будто въ качествѣ реванша — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ преподавательство спасло меня отъ непріятностей, грозившихъ мнѣ въ качествѣ юриста.

Зимой 1921 года, самъ Народный Комиссаръ юстиціи (повидимому, по внушенію кого-либо изъ своихъ сотрудниковъ — кіевлянъ) вздумалъ затребовать меня въ Харьковъ, «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ», для участія въ работахъ кодификаціоннаго отдѣла Нарком'юста. Приказъ былъ составленъ довольно рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезно; мѣстному Губ'юсту предлагалось снабдить меня деньгами и предоставить возможность перевезти семью. Несмотря на такое обиліе вниманія, я все же пришелъ въ ужасъ отъ перспективы переѣзда въ Харьковъ и работы по части кодификаціи совѣтскаго права. Я отправился въ Губ'юстъ и хотѣлъ умолить пом. завѣдующаго, тов. Волкова, какъ нибудь освободить меня отъ этой непріятности. Какъ я разсказывалъ въ I главѣ, я при этомъ весьма некстати напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ 1917 году въ Исполнит. Комитетѣ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ делегата «коалиціоннаго студенчества» Г. И. Гуревича. Но все, чего я могъ отъ него добиться, было обѣщаніе пойти мнѣ навстрѣчу въ смыслѣ удобствъ переѣзда. Тогда я сталъ искать путей къ самому «Наркому» Терлецкому и заручился поддержкой, благодаря которой возбужденныя изъ Кіева ходатайства Института Народнаго Хозяйства и Народнаго Университета о моемъ оставленіи, какъ преподавателя, были удовлетворены. Впрочемъ, формально я получилъ только отсрочку на два мѣсяца съ обязательнымъ «использованіемъ» меня мѣстнымъ губ'юстомъ. Но второй пом. завѣдующаго губ'юстомъ, къ которому я явился говорить объ этомъ использованіи, тов. Мамасъ, оказался гораздо податливѣе Волкова. Мы порѣшили съ тов. Мамасомъ, что я уже достаточно использованъ въ качествѣ лектора, и дѣло о моемъ призывѣ въ Харьковѣ тѣмъ и закончилось. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ самый Мамасъ числился студентомъ Института Народнаго Хозяйства и, чего добраго, еще могъ попасть ко мнѣ на экзаменъ. Этимъ, должно быть, и объяснялась его любезность.

* *
*

Занятіями на краткосрочныхъ курсахъ и хлопотами по поводу мобилизаціи ограничилось мое соприкосновеніе съ совѣтской юстиціей. Засѣданій рев. трибунала и народныхъ судовъ я не посѣщалъ. Но однажды мнѣ пришлось воочію увидѣть уголокъ того ужаса, который творился въ этихъ учрежденіяхъ.

Я лѣчилъ зубы у Ник. Льв. Головчинера, котораго близко зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Какъ-то разъ, когда я явился на пріемъ, мнѣ сказали, что докторъ арестованъ. Дня черезъ два его освободили, и онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ о происшедшемъ. Жильцы избрали его предсѣдателемъ Домового комитета. Онъ рѣшилъ отказаться, но такъ какъ, по новымъ правиламъ, отказываться отъ

услышать изъ устъ моего коммунистическаго коллеги. Принципъ этотъ дѣйствительно, весьма расходился, если не съ теоріей, то во всякомъ случаѣ съ практикой совѣтскаго права. Озадаченные слушатели попросили у Бессарабова поясненій. Онъ пожалъ плечами и сказалъ, что я очевидно еще провожу буржуазную точку зрѣнія.

этого званія безъ уважительныхъ причинъ не разрѣшалось, то онъ пробылъ въ немъ нѣсколько дней, пока соотвѣтствующая инстанція не признала выставленныя имъ причины отказа достаточно уважительными. За дни его предсѣдательствованія ему пришлось посвидѣтельствовать подпись одного изъ жильцовъ, обратившагося съ какимъ-то заявленіемъ въ Рев. трибуналъ. На несчастье случилось такъ, что этотъ жилецъ затѣмъ былъ изъ свидѣтеля превращенъ въ обвиняемаго и скрылся. Слѣдователь ревтрибунала Ковальскій вызвалъ Головчинера для допроса о личности жильца, подпись котораго онъ засвидѣтельствовалъ. Бѣдный Коля ничего о немъ показать не могъ и поэтому слѣдователь рѣшилъ подержать его пока подъ арестомъ. При этомъ, — разсказывалъ онъ мнѣ, — Ковальскій съ какимъ-то невыразимымъ цинизмомъ предупреждалъ его: «Вы вѣдь врачъ и, значитъ, человѣкъ компетентный. Вы понимаете, что у насъ вы и сыпнячекъ можете схватить и всякое иное. Лучше скажите открыто все, что знаете»...

Головчинера освободили черезъ два дня, благодаря хлопотамъ какихъ то вліятельныхъ паціентовъ. Но предупрежденіе Ковальскаго сбылось съ ужасающей точностью. Смертельный укусъ уже былъ сдѣланъ и черезъ положенное число дней несчастный заболѣлъ сыпнякомъ и умеръ.

Ему было 26 лѣтъ. Жизнерадостный, цвѣтущій...

* *
*

Процессъ, случайной жертвой котораго палъ несчастный Коля Головчинеръ, былъ изъ наиболѣе громкихъ въ практикѣ Революціоннаго трибунала. Это было дѣло Вайнштейна — бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь коммуниста, правозаступника и публичнаго обвинителя. Обвиняли его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ весьма тяжкаго свойства — а именно, не болѣе и не менѣе, какъ въ вымогательствѣ милліонной взятки у родныхъ подсудимаго по одному изъ дѣлъ, въ которомъ онъ выступалъ обвинителемъ. Взятка дана не была, и Вайнштейнъ съ большимъ пафосомъ требовалъ смертной казни. Трое изъ подсудимыхъ по этому дѣлу были казнены.

Процессъ Вайнштейна обнаружилъ истинное лицо клоаки, именуемой совѣтскимъ судомъ. Самъ Вайнштейнъ былъ человѣкъ ограниченный и нудный; онъ пользовался небезупречной репутаціей въ средѣ нашего сословія. Его превращеніе въ яраго коммуниста было, однако, неожиданностью; революціонный пылъ, съ которымъ онъ исполнялъ прокурорскія обязанности въ трибуналѣ, казался напускнымъ и недоброкачественнымъ. Тѣмъ не менѣе, никто не считалъ Вайнштейна способнымъ на то вопіющее дѣло, въ которомъ онъ теперь былъ изобличенъ. И процессъ его производилъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Было страшно думать, что интеллигентный и даже по своему начитанный человѣкъ могъ дойти до такого моральнаго паденія.

Его приговорили къ разстрѣлу, но затѣмъ (кажется, по очередной амнистіи) замѣнили смертную казнь десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ тюрьмѣ онъ, если не ошибаюсь, былъ назначенъ завѣдующимъ культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ. — Есть и такіе отдѣлы и въ очагахъ тифозной заразы, именуемыхъ теперь въ Россіи тюрьмами...

Характерной чертой совѣтской юстиціи является то, что настоящимъ образомъ приводятся въ исполненіе только приговоры къ смертной казни. Всякія срочъ-

ныя наказанія съ каррикатурной поспѣшностью сокращались, а затѣмъ сводились на нѣтъ, регулярными амнистіями, которыя ВЦИК провозглашалъ во всѣ табельные дни революціи — 1 мая, 25 октября и т. д. Для людей со средствами или со связями (не говоря уже о коммунистахъ) отбытіе тюремнаго заключенія происходило въ самыхъ необычайныхъ формахъ: сначала ихъ переводили, не взирая на состояніе здоровья, въ тюремную больницу, затѣмъ назначали тамъ завѣд. хозяйствомъ или чѣмъ либо въ этомъ родѣ и въ качествѣ таковыхъ обычно «командировали» въ городъ на цѣлые дни. Иногда обнаруживались комическія гримасы этого оригинальнаго тюремнаго режима. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ торжественныхъ процессій по улицамъ Кіева участвовалъ, среди другихъ чиновъ губ'юста, какой-то проворовавшійся коммунистъ, недавно только упрятанный тѣмъ же губ'юстомъ въ тюрьму. Теперь онъ фигурировалъ на торжествѣ въ качествѣ делегата одного изъ тюремныхъ комитетовъ.

Кромѣ смертной казни, дѣйствительно приводились въ исполненіе только всякія административныя мѣры наказанія — заключеніе въ концентраціонномъ лагерѣ, аресты, высылки и т. д. Арестованные меньшевики и эсеры по полгода и больше валялись по тюрьмамъ и имъ, разумѣется, никакихъ поблажекъ не дѣлалось . . .

Какимъ недостойнымъ фарсомъ были при такихъ реальныхъ условіяхъ всѣ разговоры большевиковъ о пенитенціарной реформѣ, всѣ ихъ комитеты по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ и т. д.!

* * *

Что сказать о жизни высшей школы при совѣтской власти?

Хотя я послѣдніе полтора года жизни въ Россіи имѣлъ непосредственное касательство къ академической жизни, я все же не чувствую себя призваннымъ разсказать всю ея печальную повѣсть. Въ этой области, какъ нигдѣ, обнаруживался провинціализмъ нашей кіевской администраціи. Мы жили отголосками Москвы и Харькова, верховоды нашихъ «Увуз'овъ»* и «Главпрофобр'овъ»** постоянно мѣнялись и дурили каждый по своему. Кромѣ того, я намѣренно держался въ сторонѣ отъ всей административной части учебнаго дѣла, не вступалъ ни въ какіе комитеты и комиссіи и не участвовалъ въ тяжелой борьбѣ за сохраненіе высшей школы, которую вели въ нихъ другіе. Я читалъ лекціи и былъ радъ, что мнѣ даютъ ихъ читать, не навязывая мнѣ никакихъ программъ.

Поэтому я и не могу дать достаточно полной картины школьной политики совѣтской власти. Ограничусь отдѣльными штрихами, по необходимости отрывочными и бѣглыми.

Изъ всѣхъ институтовъ нашей жизни, вѣроятно, именно школа больше всего пострадала отъ того неудержимаго реформаторскаго психоза, которымъ вообще отличаются большевики. Исторія высшей школы за послѣдніе годы есть исторія непрерывныхъ реформъ, реорганизацій, переименованій. При этомъ, со свойственнымъ имъ максимализмомъ, наши реформаторы обязательно бросались изъ одной крайности въ другую. Напримѣръ, сначала было объявлено объ от-

* Управленіе высшими учебными заведенія.
** Главное управленіе профессіон. образованія.

мѣнѣ всякихъ экзаменовъ, балловъ и т. д. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ открытъ для всѣхъ; обученіе было, разумѣется, безплатнымъ. А затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, не только были возстановлены всѣ виды экзаменовъ, но еще были выдуманы истинно-драконовскія мѣры надзора и контроля за занятіями студентовъ. Всѣ студенты стали считаться мобилизованными, а нѣкоторыя категоріи — «ударными». Каждый студентъ былъ обязанъ ежемѣсячно сдавать не менѣе опредѣленнаго числа экзаменовъ; въ случаѣ невыполненія этого, онъ подлежалъ немедленному исключенію и имя его сообщалось въ «Губкомдезертиръ» для привлеченія на принудительныя работы.

Учебные планы и программы подвергались переработкѣ едва ли не ежемѣсячно. При этомъ, если нечего было реформировать по существу, то хоть переносили старое съ одного мѣста на другое или мѣняли его названіе. Юридическій факультетъ университета былъ закрытъ. Но черезъ нѣкоторое время онъ воскресъ подъ видомъ «правового факультета» Института Народнаго Хозяйства (то-есть бывшаго Коммерческаго института). Въ программѣ новоиспеченнаго правового факультета было вычеркнуто уголовное право, но зато введены два новыхъ предмета: криминальная соціологія и криминальная политика. Въ названіи факультета иностранное слово было замѣнено русскимъ; въ названіи учебнаго предмета русское — двумя иностранными. Духъ реформаторства былъ удовлетворенъ.

Студенчество представляло собой массу весьма пестраго характера и состава. Большую его часть составляли прежніе студенты и студентки, прервавшіе свои занятія въ время войны и стремившіеся теперь наверстать пропущенное. Хотя по новымъ правиламъ дипломъ не давалъ никакихъ правъ и преимуществъ, все же студенты весьма ревностно стремились сдать побольше зачетовъ, набрать въ свои матрикулы побольше подписей. Здѣсь, какъ и во всемъ, отражался духъ времени — всѣ чувствовали себя «sur la branche», никто не вѣрилъ въ прочность режима и всѣ «оріентировались» на предстоящее возстановленіе прежняго.

Если профессоровъ дергали постоянными реформами и измѣненіями учебныхъ плановъ, то студентамъ не давали покоя безконечныя регистраціи и перерегистраціи. Большевики хотѣли добиться того, чтобы въ высшей школѣ обучались только дѣти пролетаріевъ и коммунисты. Достигнуть этого было невозможно; но тѣмъ не менѣе, начальство съ большимъ упорствомъ занималось отсѣваніемъ наличнаго состава учащихся. Для этой цѣли и выдумывали все новыя и новыя регистраціи, заставляли студентовъ заполнять безконечное количество анкетъ и отвѣчать на всякіе изустные вопросы. Въ анкетахъ спрашивалось о занятіяхъ самаго учащагося во всѣ періоды революціи, о профессіи его родителей, объ его политическихъ симпатіяхъ и т. д. На послѣдніе вопросы, естественно, стремились отвѣчать по возможности уклончиво (напримѣръ, на вопросъ объ отношеніи къ совѣтской власти отвѣчали «лойяльное», на вопросъ о сочувствіи той или иной партіи отвѣчали «политикой не занимаюсь» и т. д.).

Разочаровавшись въ анкетахъ, большевики принялись за допросы. Были образованы какія-то «тройки» изъ представителей начальства и «надежныхъ» студентовъ; каждый студентъ долженъ былъ предстать предъ ясныя очи подлежащей тройки и подвергался инквизиторскому допросу. По существу, однако,

и изъ этого варварскаго пріема ничего не вышло. Студенты изворачивались, тройка записывала отвѣты, а затѣмъ весь собранный матерьялъ клался куда-нибудь подъ сукно и вскорѣ предавался забвенію.

Въ Институтѣ народн. хозяйства, гдѣ я лекцій не читалъ и встрѣчался со студентами исключительно на экзаменахъ, я имѣлъ дѣло почти только со студентами прежнихъ временъ, — постарѣвшими, обвѣтренными въ окопахъ и потрепанными жизнью, но все же студентами прежняго типа. Только на лекціяхъ въ Народномъ университетѣ и въ «Академіи нравственныхъ наукъ имени Л. Н. Толстого» я приходилъ въ соприкосновеніе съ новымъ типомъ студента, — студента не получившаго гимназическаго образованія, занятаго тяжелымъ трудомъ и урывающаго у вечерняго досуга два — три часа для пополненія пробѣловъ своего развитія. Впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ общенія съ моими слушателями, было самое отрадное. Я видѣлъ предъ собой людей, дѣйствительно стремившихся къ знанію, внимательно слушавшихъ и задававшихъ вопросы, свидѣтельствовавшіе о подлинномъ, глубокомъ интересѣ къ предмету. Для всей этой молодежи книга была абсолютно недоступна, журналовъ не было вовсе, газеты были полны надоѣвшими агитаціонными фразами. Только на лекціяхъ ей приходилось иногда слышать слова, отрывавшія ее отъ печальной и тоскливой дѣйствительности.

Только этимъ можно объяснить, что несмотря на неблагопріятнѣйшія внѣшнія условія, лекціи посѣщались довольно исправно, а устраиваемые Народнымъ Университетомъ отъ времени до времени краткосрочные курсы* имѣли большой успѣхъ. И это несмотря на то, что занятія зимой происходили въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ, часто при жалкомъ мерцаніи керосиновой коптилки.

Если мнѣ было съ чѣмъ-либо жаль разставаться, уѣзжая изъ Кіева, то только съ этой аудиторіей въ Народномъ университетѣ и въ Академіи...

Впрочемъ, оба учрежденія задыхались отъ различныхъ житейскихъ невзгодъ и, насколько мнѣ извѣстно, въ слѣдующемъ учебномъ году занятія ни здѣсь ни тамъ не возобновились.

Отъ учащихся слѣдуетъ перейти къ учащимъ. О нихъ страшно и больно писать...

Могу сказать — не для оправданія какого либо политическаго тезиса, а по опыту и личнымъ наблюденіямъ, — что изъ всѣхъ слоевъ населенія Россіи отъ большевистскаго режима сильнѣе всего пострадала интеллигенція. Режимъ былъ направленъ противъ такъ-называемой буржуазіи, то-есть противъ представителей финансоваго и торгово-промышленнаго капитала. Но у этихъ послѣднихъ было сравнительно много средствъ сопротивленія: они имѣли запасы, на которые могли жить, они имѣли кредитъ, они въ значительномъ количествѣ могли выѣхать за-границу.

Интеллигенція и, въ особенности, дѣятели высшей школы были, напротивъ, совершенно безоружны въ борьбѣ съ ограбленіемъ и обнищаніемъ. Ни запасовъ, ни кредита у нихъ не было. Выѣхать очень многіе изъ нихъ не могли или не рѣшались. И они остались и страдали больше и глубже другихъ. Для

---

* Въ 1920 г. были организованы курсы на слѣдующія темы: «Объ эмиграціи и международной жизни», «Товарообмѣнъ», «Управленіе фабричныхъ предпріятій», «Библіотечное дѣло», «Введеніе въ изученіе современной культуры». Лекторы курсовъ набирались изъ наличныхъ остатковъ кіевской профессуры. Организаторомъ ихъ былъ неутомимый Е. И. Кельманъ.

человѣка духовнаго труда выселеніе, мобилизація, лишеніе привычной работы — все это чувствуется острѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ для всякаго иного. А этому подвергались всѣ — интеллигенты не меньше другихъ.

Помню, какъ въ одну изъ эпидемій выселенія цѣлыхъ домовъ, которыя мы иногда переживали въ Кіевѣ, талантливый и заслуженный зоологъ, профессоръ кіевскаго университета, тщетно искалъ заступничества предъ всѣми властями. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ выѣхать изъ своей трехкомнатной квартиры, такъ какъ весь домъ предназначался для какихъ-то желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ.

Матеріальныя условія жизни людей науки были ужасны. Педагогическая работа, по всемірной и вѣковой традиціи, оплачивается хуже всякаго иного труда. Въ этомъ — и въ этомъ одномъ — совѣтская власть не отступила отъ традицій. Намъ платили гроши, платили съ запозданіемъ въ 2—3 мѣсяца... Предъ отъѣздомъ изъ Кіева, я зарабатывалъ около 20.000 рублей въ мѣсяцъ въ то время, какъ на прокормленіе небольшой семьи нужна была такая же сумма въ день. Другіе, читавшіе больше лекцій и занимавшіе должности по администраціи учебныхъ заведеній, зарабатывали больше — въ пять, въ десять, но не въ тридцать разъ больше. И всѣ недоѣдали, всѣ тащили тяжести и рубили дрова, всѣ жили безъ книгъ, безъ свѣта, безъ бумаги, безъ рабочей комнаты...

«Академическій паекъ» внѣ Петрограда и Москвы существовалъ почти только на бумагѣ. Въ Москвѣ же онъ былъ таковъ, что популярный литературный критикъ, имя котораго извѣстно всей Россіи, еле прокармливался вдвоемъ съ женой, а дѣтей долженъ былъ отослать въ колонію Собеза. Пользовавшійся академическимъ пайкомъ Іосифъ Алексѣевичъ Покровскій — самый крупный цивилистъ въ Россіи — умеръ отъ болѣзни сердца, нажитой при колкѣ дровъ. А его коллега по московскому университету, профессоръ-романистъ, В. М. Хвостовъ, покончилъ съ собой, оставивъ записку: «Вотъ единственный способъ избавиться отъ совѣтской власти...» То же сдѣлалъ годомъ ранѣе сенаторъ бар. Нолькенъ — неутомимый комментаторъ нашего торговаго законодательства. Не проходило мѣсяца безъ вѣсти о новой смерти: умеръ Е. Н. Трубецкой, умеръ Л. М. Лопатинъ, умеръ М. Я. Капустинъ, умеръ С. А. Венгеровъ — не перечислить всѣхъ...

Въ Кіевѣ академическій паекъ стали выдавать въ декабрѣ 1920 года и выдавали, помнится, всего мѣсяца три. По нашимъ карточкамъ мы получали какую-то ячную муку, получали иногда пшено и умѣренныя количества сахара и соли. Съ какой тревогой всѣ эти дары судьбы ожидались, съ какимъ трудомъ доставались и разносились по домамъ...

Если большевики вздумаютъ построить памятникъ или тріумфальную арку въ честь совѣтской власти, то я представляю себѣ слѣдующій сюжетъ для фронтоваго барельефа:

Раннее зимнее утро. Холодъ, снѣгъ и вьюга. Еще полутемно. На Николаевской улицѣ, у входа въ кооперативъ, гдѣ выдается академическій паекъ, задолго до его открытія, стоитъ профессорская очередь. Тутъ и математики, и біологи, и языковѣды, и знатоки античной древности. Почтенныя, сѣдыя лица. Попадаются среди нихъ и жены и ребята — эти дежурятъ у привезенныхъ съ собой санокъ. У каждаго профессора въ рукахъ нѣсколько мѣшковъ или корзина. Онъ ждетъ нѣсколько часовъ того счастливаго момента, когда от-

кроется дверь кооператива, ему насыпятъ въ мѣшки муку и крупу, онъ взвалитъ ихъ на плечи и поплетется домой.

Подъ барельефомъ можно сдѣлать надпись словами Ремизова:

«Нищенскій хвостъ на паперти коммуны».

* *
*

Каковы были общественныя настроенія въ Кіевѣ этой эпохи? Что думало, что чувствовало, на что надѣялось населеніе?

Мнѣ разсказывали, что одинъ крестьянинъ, вспоминая о прежнихъ временахъ, приговаривалъ со вздохомъ:

— Колысь була свобода...

Для этого крестьянина прошлое отождествлялось съ представленіемъ о томъ, какъ онъ могъ невозбранно запречь свой возокъ и съѣздить, безъ риска реквизиціи, съ хлѣбомъ или картофелемъ въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ въ лавкахъ продавалось все, что было нужно для его хозяйства. И это прежнее, невозвратное приволье жизни въ самодержавной Россіи онъ, нарушая политическую терминологію, выражалъ словомъ «свобода».

О такой «свободѣ» мечтаетъ послѣдніе годы едва ли не все населеніе Россіи. Каждый мыслитъ ее себѣ по-иному. Но для всѣхъ эта «свобода» состоитъ въ возможности нестѣсненной и лучшей жизни — для начала, хотя бы въ такой степени правового порядка и матерьяльнаго довольства, какая имѣлась при старомъ режимѣ.

Было бы несправедливо заклеймить эти настроенія, какъ реставраціонныя. Въ нихъ вообще нѣтъ никакой сознательной политической идеи. Конечно, многіе не умѣютъ выдѣлять предметовъ своихъ нынѣшнихъ воздыханій изъ общей обстановки, въ которой они были дѣйствительностью. Позади «французской булки за пятакъ» и «извощика за пятиалтынный» представляютъ себѣ и Императора Николая II, при которомъ этотъ сонъ былъ явью. Но если теперь сплошь и рядомъ въ Россіи говорятъ, что «при царѣ было лучше», то это отнюдь не значитъ, что у насъ особенно сильны монархическія настроенія. Массы мечтаютъ о «свободѣ», которая когда-то была, и рады привѣтствовать всякій строй, который ее дастъ.

Но какимъ путемъ осуществить эту мечту? Этотъ вопросъ безконечно мученъ и труденъ для всякаго, кто хочетъ надъ нимъ серьезно задуматься...

Въ странахъ съ налаженной политической жизнью имѣются трафареты въ видѣ программъ отдѣльныхъ партій, между которыми нужно только сдѣлать выборъ, и имѣются лидеры, среди которыхъ нужно остановиться на томъ или другомъ. Въ Россіи послѣдніе годы ничего этого нѣтъ, гражданинъ предоставленъ самому себѣ и своимъ слабымъ силамъ. Естественно, что у насъ политическія оріентаціи больше, чѣмъ гдѣ-либо, подсказываются не идеями, а желаніями. И понятно, что широкая публика, лишенная руководителей, не умѣетъ и не хочетъ задумываться надъ сложнѣйшими проблемами, которыя ставитъ дѣло возрожденія Россіи.

Цѣль — воскресить былую «свободу» — налицо. Ее сознаютъ и чувствуютъ отчетливо и ясно. Но когда ставится вопросъ о средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли, то общественное мнѣніе оказывается совершенно безпомощнымъ. И ища

выхода, оно естественно прежде всего останавливается на средствахъ, представляющихся ему наиболѣе простыми и быстрыми.

Какъ античные трагики прибѣгали для драматической развязки къ непосредственному вмѣшательству божества въ человѣческія дѣла, такъ и у насъ долгое время тѣшили себя проектами того «deus ex machina», который бы свергъ большевиковъ.

Такимъ deus ex machina многимъ долгое время (примѣрно: 1918, 1919 и 1920 гг.) казалось вмѣшательство иностранной вооруженной силы, такъ-называемая интервенція. У насъ на Украинѣ интервенціонныя настроенія питались еще и тѣмъ, что мы фактически три раза были освобождены отъ совѣтской власти при помощи военной интервенціи: въ первый разъ при нѣмцахъ, во второй — при Деникинѣ и въ третій — при полякахъ. Всѣ три попытки, въ концѣ концовъ, потерпѣли крушеніе. Но эти неудачи не могли нарушить вѣру въ спасительность интервенціи, такъ какъ причины ихъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, не были, такъ сказать, имманентны самой идеѣ интервенціи: нѣмцевъ одолѣлъ Версальскій миръ и германская революція, добровольцевъ — внутреннее разложеніе, поляковъ — стратегическія ошибки. О національномъ подъемѣ, побѣждающемъ вторженіе иностранцевъ, мы читали въ исторіи французской революціи; но ничего подобнаго мы не видѣли въ Россіи ни при нѣмцахъ, ни при полякахъ. И многимъ казалось, что послѣ трехъ неудачныхъ будетъ четвертая удачная интервенція, и что для этого требуется только, чтобы иностранная армія была достаточно сильна . . .

О томъ, существуетъ ли въ данный моментъ на Западѣ такая сильная армія, готовая на военную экспедицію въ Россію, наши интервенціонисты не задумывались. Ихъ пылкое воображеніе создавало и арміи, и военачальниковъ, и коалиціи. И общественное мнѣніе г. Кіева цѣлые годы жило химерой интервенцій.

Оно жило химерой, и самая возможность столь длительной психической аббераціи служитъ лучшимъ признакомъ той упадочности, которой было отмѣчено все наше существованіе.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать одно прискорбное явленіе. Переживаемая трагедія отразилась не только на жизни и тѣлесномъ здоровьи людей; она наложила свой отпечатокъ и на ихъ психику. Не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ смыслѣ мы стали жить упадочно и убого.

Мыслительная реакція на все происходящее вокругъ стала у большинства элементарнѣе и примитивнѣе. Люди спустились на нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ духовной культуры. Городъ сталъ жить въ духовномъ смыслѣ такъ, какъ прежде жила деревня; люди XX-го вѣка стали мыслить и умозаключать, какъ это дѣлали ихъ предки; интеллигенты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опустились до уровня захолустнаго мѣщанства.

Характерными чертами примитивнаго мышленія являются подозрительность и легковѣрность. Мужику всегда кажется, что собесѣдникъ его обманываетъ; а въ то же время онъ слѣпо вѣритъ знахарю, вѣритъ самому вздорному слуху или баснѣ. Этотъ — на первый взглядъ парадоксальный — симбіозъ подозрительности и легковѣрія сталъ теперь въ значительной мѣрѣ опредѣлять собой политическое мышленіе даже наиболѣе культурныхъ слоевъ.

Настоящей информаціи о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, у насъ не было. Были только казенныя газеты, открыто преслѣдовавшія свои агитаціонныя цѣли. И въ результатѣ наши политическія сужденія и оцѣнки стали пробавляться,

съ одной стороны, слухами, а съ другой — перетолковываніемъ тѣхъ извѣстій, которыя сообщались въ газетахъ.

Особенно широкое поприще для упражненія своей подозрительности находили въ — предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ — умолчаніяхъ совѣтскихъ газетъ. Все міросозерцаніе большинства было построено на презумціи, что есть какой-то спасительный для всѣхъ насъ секретъ, который большевики тщательно скрываютъ. Во время Кронштадтскаго возстанія въ Кіевѣ по какому-то случаю не дошелъ одинъ номеръ московскихъ «Извѣстій» — кажется, номеръ отъ 5 марта 1921 года. И вотъ, когда номеръ отъ 6-го марта былъ уже расклеенъ, одинъ профессоръ кіевскаго университета говорилъ мнѣ съ совершенно увѣреннымъ видомъ, что номеръ отъ 5-го въ Кіевѣ получился, но скрытъ, такъ какъ въ немъ есть извѣстіе о занятіи возставшими матросами Петрограда. Почтеннаго профессора совершенно не смущало, что имѣвшійся на-лицо слѣдующій номеръ газеты не содержалъ въ себѣ ничего, что бы было хоть сколько-нибудь совмѣстимо съ такимъ извѣстіемъ въ предыдущемъ . . .

Мнимые и дѣйствительные пробѣлы совѣтской информаціи восполнялись — слухами. И тутъ уже находила примѣненіе вторая черта нашей вульгаризированной психики — легковѣрность.

Слухи — это цѣлая эпопея. Никогда не было сочиняемо столько слуховъ, сколько въ эти годы, никогда они не находили столь воспріимчивой почвы, никогда они не играли столь значительной роли въ политическомъ обиходѣ широкихъ круговъ. Отсѣкая время начатковъ и время умиранія этого царства слуховъ, можно смѣло сказать, что весь 1920 годъ Кіевъ жилъ слухами.

Было тяжело видѣть, какъ некритически и наивно эти слухи воспринимались, — видѣть, кто въ нихъ вѣрилъ и кто ихъ распространялъ. Въ легковѣрномъ ослѣпленіи не замѣчали самыхъ явныхъ несообразностей, не замѣчали очевидныхъ признаковъ выдуманности. Не замѣчали того, что одни и тѣ же слухи періодически повторяются съ незначительными варіантами. Не замѣчали того, какъ постепенно многіе изъ этихъ слуховъ превратились въ нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ «бродячихъ сюжетовъ» фольклора, повторяющихся въ народныхъ сказаніяхъ различныхъ странъ и эпохъ.

Было нѣсколько такихъ «бродячихъ сюжетовъ», которые всплывали вновь каждые пару мѣсяцевъ и каждый разъ встрѣчали откликъ. По своему содержанію — незамысловатому, сшитому бѣлыми нитками — они также напоминали народныя легенды и сказки. Тѣмъ не менѣе, ихъ принимали за чистую монету и многіе буквально жили и дышали этими легендами. Припоминаю отдѣльные образцы.

Говорили, напримѣръ, о томъ, что изъ Одессы получено письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ сказано, чтобы къ такому-то празднику мы ждали «гостей». Гости — это означало иностранныя войска, которыя идутъ оккупировать Украину. О такомъ письмѣ говорили и въ 1919-мъ, и въ 1920-мъ, и въ 1921-мъ году. Мѣстомъ отправки письма называли сначала Одессу, затѣмъ Варшаву.

Говорили много разъ о томъ, что въ такомъ-то домѣ, населенномъ коммунистами, прачкѣ данъ приказъ: экстренно закончить стирку къ такому-то (близкому) сроку. Отсюда дѣлалось заключеніе о предстоящей на-дняхъ эвакуаціи большевиковъ.

Говорили нѣсколько разъ о полученномъ въ Кіевѣ номерѣ румынской (затѣмъ польской) газеты. Этотъ номеръ всегда былъ перепроданъ кому-нибудь

за большую сумму (смотря по состоянію валюты — сначала за 1000 рублей, затѣмъ за 10.000 рублей). Въ газетѣ имѣлось сообщеніе о рѣчи румынскаго короля (затѣмъ ее замѣнилъ манифестъ Пилсудскаго), въ которой румынскій (затѣмъ польскій) народъ предупреждался, что черезъ страну пройдутъ нѣмецкія войска; король (или Пилсудскій) просилъ своихъ подданныхъ отнестись къ этимъ войскамъ благожелательно, такъ какъ они приходятъ не какъ враги, а съ единственной цѣлью освободить Украину (или Россію) отъ власти большевиковъ.

Говорили десятки разъ о томъ, что большевикамъ поставленъ нѣмцами (или Антантой, или Лигой Націй) ультиматумъ: въ такой-то срокъ (обыкновенно двухнедѣльный) эвакуировать Украину.

Были и другіе слухи съ повторяющимися сюжетами, которые я теперь уже не могу припомнить въ точности. Про указанные четыре сюжета могу сказать съ увѣренностью, что слышалъ ихъ по нѣсколько разъ, въ разныя эпохи, иногда отъ тѣхъ же самыхъ людей, и что ихъ передавали съ вѣрой и надеждой.

Всякій обрывокъ сообщенія, приходившій съ Запада, разукрашивался и расцвѣчивался самымъ причудливымъ образомъ. Дошло, напримѣръ, до насъ извѣстіе о томъ, что въ Спа состоялась конференція. Этого было достаточно для возникновенія слуховъ о томъ, что въ Спа нѣмцамъ сдѣланы большія поблажки въ отношеніи условій мира — съ тѣмъ условіемъ, чтобы они оккупировали Украину. Подобнаго рода соглашеніе Антанты съ нѣмцами было одной изъ излюбленныхъ темъ, фигурировавшихъ уже во времена Версаля. Говорить нечего, что всякое интервью съ ген. Людендорфомъ или съ ген. Гофманомъ истолковывалось, какъ готовое рѣшеніе всѣхъ державъ производить интервенцію.

Самое нелѣпое въ этихъ слухахъ и самое печальное въ фактѣ довѣрія къ нимъ было то, что, какъ было ясно для всякаго неослѣпленнаго наблюдателя, большевики меньше всего были склонны скрывать что-либо, касавшееся интервенціонныхъ плановъ «западныхъ капиталистовъ». Напротивъ, они всячески подогрѣвали и муссировали всякое подобное извѣстіе, приходившее съ Запада. Любимой темой приказовъ Троцкаго всегда служило разсужденіе на тему, что хотя, молъ, мы всѣхъ побѣдили, но коварный врагъ не дремлетъ и нужно быть на чеку. Уже по одному этому, всѣ передававшіяся «пантофельной почтой» извѣстія о предстоящихъ интервенціяхъ не имѣли и тѣни правдоподобія. Вѣдь презумпціей достовѣрности слуха является невозможность получить свѣдѣнія нормальнымъ порядкомъ; въ данномъ случаѣ эта презумпція безусловно отпадала . . .

Апогеемъ развитія слуховъ, въ частности слуховъ объ интервенціи антанты или нѣмцевъ, была осень 1920 года, когда было оффиціально объявлено о радіо лорда Керзона, говорившемъ о помощи союзниковъ Польшѣ, и когда послѣ этого началось отступленіе красной арміи, уже дошедшей до преддверья Варшавы и затѣмъ за два мѣсяца откатившейся обратно почти до самаго Кіева.

Затѣмъ все постепенно улеглось. Поляки не обнаруживали никакого желанія занять Кіевъ, уже почти эвакуированный большевиками. Въ Ригѣ начались длительные переговоры, закончившіеся миромъ*. Армія Врангеля эва-

* Какъ за послѣднюю соломинку, хватались за пунктъ Рижскаго мира, въ которомъ говорилось о независимости Украины «на основѣ самоопредѣленія народовъ».

куировала Крымъ. Красинъ подписалъ торговый договоръ съ Англіей. Объ интервенціи, видимо, рѣчи больше быть не могло. Это должны были, въ концѣ концовъ, признать самые ярые шептуны и паникеры.

Такъ какъ «невозможно жить безъ вѣры», то, разочаровавшись въ интервенціи, стали надѣяться на быструю внутреннюю эволюцію большевиковъ. Но здѣсь уже и наиболѣе восторженные оптимисты не могли назначать такихъ близкихъ и осязательныхъ сроковъ, какъ это дѣлалось въ отношеніи воображаемыхъ ультиматумовъ Антанты. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, наступилъ упадокъ духа и все чаще стали слышны ноты отчаянія и безнадежности.

Примирился ли кто-либо съ большевизмомъ? Думаю, что искренно и честно едва ли кто съ нимъ примирился. Но многіе, не видя и не зная выхода, примирились со своей судьбой и съ своимъ положеніемъ обреченныхъ и пассивныхъ жертвъ большевизма . . .

Убожество и измельчаніе нашей жизни выражалось между прочимъ въ томъ, какими важными событіями стали представляться самыя, казалось бы, обыкновенныя вещи. Случилось мнѣ, напримѣръ, лѣтомъ въ 1921 году съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Не преувеличивая можно сказать, что объ этомъ событіи зналъ и говорилъ весь нашъ кварталъ. Послѣ возвращенія, ко мнѣ подходили на улицѣ еле знакомые люди, обычно въ сопровожденіи вовсе незнакомыхъ, и начинали разспрашивать о моихъ московскихъ впечатлѣніяхъ. Долженъ признаться, что я рѣшительно разочаровалъ всѣхъ любителей сенсацій. Пріѣзжавшіе изъ Москвы обыкновенно разсказывали — не иначе, какъ въ самыхъ суперлативныхъ тонахъ, — либо о налаженности и спокойствіи, либо о голодѣ и нищетѣ московской жизни. Я же, по совѣсти, не могъ сказать ничего другого, какъ то, что въ Москвѣ живется приблизительно такъ же, какъ въ Кіевѣ. Меньше разрушенныхъ домовъ, болѣе высокія базарныя цѣны, немного больше связи съ западомъ *, больше высокой политики и «придворныхъ» сплетенъ, немного меньше озорства со стороны низшей администраціи; но, въ общемъ и цѣломъ, то же, что и въ Кіевѣ, — тотъ же духъ и тонъ, та же комедія и та же драма.

Единственное различіе, которое я могъ установить между Москвой и Кіевомъ, находилось въ плоскости общественныхъ настроеній. Въ Москвѣ не было того десятка переворотовъ, который мы пережили послѣ перваго прихода большевиковъ въ 1918 году. И тамъ гораздо раньше воцарилась та резиньяція и пассивность, до которой, послѣ столькихъ надеждъ и разочарованій, въ концѣ концовъ дошелъ и Кіевъ. Нѣкоторые интеллигентскіе круги Москвы, насколько я могъ видѣть, больше нашего спасовали предъ большевизмомъ — приняли его, какъ неизбѣжное и чуть ли ни заслуженное испытаніе неумолимаго рока.

Въ этой резиньяціи я вижу одинъ изъ опаснѣйшихъ моментовъ въ духовной жизни современной Россіи.

Небезопасно еще одно послѣдствіе большевистскихъ наѣздовъ на психику русскаго интеллигента, — послѣдствіе, которое я назвалъ бы развитіемъ у

Изъ этого пункта выводили, что на Украинѣ предстоитъ чуть ли ни плебисцитъ о формѣ правленія и что дни совѣтской власти у насъ сочтены.

* Съ величайшей жадностью кіевляне набросились на привезенный мною комплектъ «Бюллетеней Нар. Коммиссаріата Иностр. Дѣлъ» — довольно добросовѣстной компиляціи заграничной прессы, періодически выпускаемой московскимъ Коминдѣломъ. Событіемъ для насъ было полученіе каждаго случайнаго номера иностранной газеты.

насъ своеобразнаго политическаго снобизма. Большевистская агитація состояла, въ своей разрушительной части, главнымъ образомъ въ изобличеніи «буржуазныхъ предразсудковъ» демократической государственности — всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, неприкосновенности жилища, тайнаго голосованія, законности, института суда присяжныхъ, мѣстнаго выборнаго самоуправленія и т. д., и т. д. Приходится, къ сожалѣнію, констатировать, что эта часть большевистской пропаганды падала на слишкомъ воспріимчивую почву и оставила нѣкоторые слѣды. Казалось бы, вся дѣятельность большевиковъ и ея результаты должны были бы только убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что отъ этихъ выработанныхъ вѣковымъ опытомъ началъ культурной государственности ни при какихъ условіяхъ отступать нельзя. На дѣлѣ получилось, однако, иное. Несамостоятельные умы оказались въ извѣстной степени воспріимчивы къ большевистской критикѣ этихъ началъ и, въ значительной мѣрѣ безсознательно, восприняли ее. Способствовала этому и та каррикатура народовластія, которую осуществили большевики, выполняя положительную сторону своей программы. Многіе по этой каррикатурѣ дѣлали заключенія о негодности самихъ извращенныхъ большевиками принциповъ. Большевистскіе выборы были дурной комедіей — стали говорить, что всякіе выборы являются комедіей; большевистская пресса была лжива и цинична — стали говорить то же о всякой прессѣ; въ большевистскихъ учрежденіяхъ царило кумовство, протекція и взятка — стали утверждать то же о всякихъ государственныхъ учрежденіяхъ и органахъ. Въ однихъ этотъ снобизмъ питалъ самыя реакціонныя и монархическія настроенія, а въ другихъ, напротивъ, готовилъ почву для примиренія съ совѣтскимъ режимомъ, такъ какъ вездѣ, молъ, такъ же плохо.

При здравой оцѣнкѣ, опытъ совѣтской власти долженъ былъ послужить предметнымъ урокомъ политической грамоты. Но у насъ, къ сожалѣнію, не любятъ брать элементарныхъ уроковъ. Еще Тургеневъ гдѣ-то сказалъ о томъ, что если дать русскому гимназисту карту звѣзднаго неба, то онъ и не подумаетъ ее изучать, но черезъ четверть часа возвратитъ ее вамъ со своими исправленіями.

Страшнѣе всего подумать, какую умственную дисциплину и культуру вынесетъ изъ этой эпохи подростающее поколѣніе. И утѣшеніемъ можетъ служить лишь то, что если молодежь легко и быстро усваиваетъ, то она не менѣе легко и быстро забываетъ. А затѣмъ усваиваетъ новое.

Объ этомъ новомъ только и нужно позаботиться.

* *
*

Мѣсяцы и годы жили мы среди этого обнищанія и оскудѣнія, подъ постояннымъ гнетомъ и въ постоянной тревогѣ.

Выселятъ... Ограбятъ на обыскѣ... Мобилизуютъ... Обложатъ какой-нибудь повинностью... Закроютъ магазины и ничего нельзя будетъ достать... Потащатъ на какія-нибудь работы... Съ завтрашняго дня не будетъ свѣта... Истекаетъ срокъ на обмѣнъ такихъ-то удостовѣреній...

Кругомъ выселяли, обыскивали, тащили на работы...

Матерьяльно жилось скверно и было ясно, что не можетъ не становиться все хуже и хуже. Жили изо дня въ день, — во всѣхъ смыслахъ. Съ чувствомъ облегченія ложились вечеромъ въ постель, сознавая, что по крайней мѣрѣ сегодняшнія непріятности закончились. Съ волненіемъ шли на каждый звонокъ

и были рады, если оказывалось, что звонили въ нашу дверь по ошибкѣ. Прислушивались ко всякому шороху на лѣстницѣ — не къ намъ ли...

Ходили по мертвымъ улицамъ города, смотрѣли на кошмарно-однообразныя вывѣски «КЕПО № такой-то», на изможденныя и тупыя лица прохожихъ.

Читали расклеенныя по стѣнамъ газеты, сообщавшія о революціи въ Лиссабонѣ и о побѣдѣ на какомъ-нибудь вновь изобрѣтенномъ фронтѣ...

Мы задыхались. И вокругъ насъ задыхались. Всѣ — близкіе и далекіе. Европа, Западъ представлялись обѣтованной землей...

* * *

27 іюля 1921 года мы снова провели ночь на вокзалѣ; снова, какъ полтора года назадъ, въ вагонѣ желѣзнодорожника.

Утромъ вагонъ двинулся, но на этотъ разъ уже не для маневрированія. Онъ увезъ насъ изъ Кіева.

Надолго. Надѣюсь, что не навсегда.

Апрѣль 1922.

Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства

Изъ впечатлѣній года службы

А. Гуровича

1.

Въ первые мѣсяцы послѣ октябрьскаго переворота торжествующіе побѣдители, овладѣвшіе аппаратомъ государственной власти, думали, что предстоящая имъ задача управленія страною чрезвычайно проста и не таитъ въ себѣ никакихъ затрудненій. Требованія какихъ либо особыхъ знаній, опыта или иной какой либо подготовки къ руководству административнымъ механизмомъ государства — они не только ради демагогіи, а и совершенно искренне и безъ малѣйшихъ колебаній относили къ числу предразсудковъ, порожденныхъ буржуазнымъ лицемѣріемъ или бюрократической рутиной. Если освободить государственную жизнь отъ политическаго засилія буржуазіи и ея приспѣшниковъ, то всѣ вопросы, возникающіе въ государствѣ, дѣлались, по ихъ мнѣнію, настолько ясными и несложными, что для разрѣшенія ихъ и въ теоріи, и на практикѣ болѣе чѣмъ достаточна — небольшая доза обыкновеннѣйшей житейской сметки. Отсюда получался очень простой и очень обнадеживающій выводъ: стоитъ только путемъ «національзаціи» захватить въ свои руки банки — эту цитадель «финансоваго капитала», дирижирующаго современнымъ буржуазнымъ обществомъ, да при помощи ареста нѣсколькихъ десятковъ капиталистовъ сломить злонамѣренное противодѣйствіе «господствующаго класса», — и политическая роль буржуазіи будетъ парализована, а тѣмъ самымъ автоматически упростятся и облегчатся всѣ безъ исключенія проблемы государственнаго управленія. И тогда достаточно лишь быть сознающимъ свою классовую миссію пролетаріемъ или просто честнымъ слугою пролетаріата, чтобы съ полной гарантіей совершеннѣйшаго успѣха взяться хотя бы за самый отвѣтственный рычагъ административнаго аппарата. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія, новые правители Россіи начали свою административную практику съ назначенія на всѣ болѣе или менѣе значительные посты «представителей пролетаріата», при чемъ даже наличность или отсутствіе у назначаемаго хотя бы самой скромной степени интеллигентности совершенно не принимались въ расчетъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такой характеръ первыхъ шаговъ большевизма объяснялся въ значительной мѣрѣ, кромѣ изложенной теоріи управленія, еще и такъ называемымъ «саботажемъ» интеллигенціи, служилой и неслужилой, рѣшительно от-

казавшейся вначалѣ отъ какого бы то ни было сотрудничества съ новою «рабоче-крестьянскою» властью; но съ другой стороны, и большевистская власть, благодаря своему административному оптимизму, очень легко и спокойно отнеслась къ факту саботажа, а иные, какъ напримѣръ, предсѣдатель московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ В. Г. Смидовичъ или не менѣе его извѣстный большевистскій лидеръ — В. Н. Ногинъ, говорили даже, что саботажъ только «развязываетъ имъ руки, облегчая задачу радикальной революціи въ личномъ составѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій». Вѣра въ пролетарскія административныя способности была настолько сильна, что даже принимая услуги нѣкоторыхъ чиновниковъ или интеллигентовъ, поспѣшившихъ перебѣжать на сторону побѣдителей, послѣдніе подчеркивали (и не только для демагогіи, а и вполнѣ добросовѣстно), что берутъ ихъ на службу не потому, чтобы испытывали въ нихъ нужду, а потому, что «пролетаріатъ въ своемъ побѣдномъ великодушіи» не хочетъ отвергать прозрѣвшихъ, желающихъ «служить его великому историческому дѣлу». Такъ формулировалъ отношеніе къ этому вопросу, между прочимъ, первый народный комиссаръ юстиціи (правда, очень кратковременный, чуть ли не «однодневный») А. Ломовъ (Г. И. Оппоковъ).

Такова была первоначальная теорія, но злокозненная практика не замедлила разрушить ее до тла, — и первыя разочарованія не заставили себя долго ждать. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала большевистскаго правленія въ «правящихъ кругахъ» начали раздаваться голоса, вначалѣ робкіе и нерѣшительные, а затѣмъ все болѣе и болѣе настойчивые и твердые, говорившіе, что безъ широкаго «привлеченія и использованія» интеллигентныхъ силъ обойтись невозможно. Оказалось, что истина крыловской басни не сметена пролетарской революціей, и что даже и въ освобожденномъ отъ буржуазной косности «соціалистическомъ» государствѣ не слѣдуетъ допускать, чтобы «пироги пекъ сапожникъ». Потрясающая безпомощность новоявленныхъ администраторовъ изъ «честныхъ коммунистовъ», невообразимый сумбуръ, внесенный ими въ ходъ управленія, сумбуръ, окончательно обезсиливавшій и безъ того не очень крѣпкую власть, быстро развивавшееся и обострявшееся на этой почвѣ всеобщее недовольство, да наконецъ, и пышно распустившееся, благодаря такому порядку, господство самыхъ беззастѣнчивыхъ злоупотребленій, — все это побудило руководящіе круги пересмотрѣть свое первоначальное административное міровоззрѣніе и придти къ прямо противоположнымъ результатамъ. Ко времени переѣзда правительственнаго центра изъ Петербурга въ Москву новыя тенденціи упрочились окончательно, и вмѣсто «пролетаризированія» личнаго состава администраціи, явились настойчивыя стремленія поставить на всѣ мало-мальски серьезныя мѣста въ управленіи, если не всегда техническихъ спеціалистовъ дѣла, то во всякомъ случаѣ людей вполнѣ интеллигентныхъ. Однако, эти новыя стремленія нельзя было осуществить легко и просто безъ всякихъ затрудненій. «Саботажныя» настроенія интеллигенціи еще изжиты не были, какъ равно не была еще изжита и всеобщая почти увѣренность въ чрезвычайно близкомъ паденіи большевистской власти, увѣренность, отбивавшая всякую охоту идти на службу къ большевистскому правительству. Съ другой стороны, интеллигенція въ большинствѣ своемъ не испытывала въ этомъ тогда никакой принуждающей ее житейской необходимости; потокъ «національзацій» только еще начинался, еще не все было поглощено совѣтскимъ Левіафаномъ, и для независимаго отъ власти труда оставалось еще очень много мѣста и въ частныхъ предпріятіяхъ, и въ занятіяхъ свободныхъ профессій. Только двѣ категоріи интеллигентовъ готовы были отвѣтить на «но-

выя вѣянія» въ правительствѣ: всегда и всюду имѣющіеся любители половить рыбу въ мутной водѣ, во-первыхъ, и тѣ, кто расчитывалъ такимъ путемъ отстаивать государственныя цѣнности или «смягчать» большевистскій режимъ. Первая категорія имѣлась налицо съ самаго же начала большевистскаго владычества, но, надо признать правду, сами властители знали ея настоящую цѣну и за людьми этого сорта не очень гонялись; вторая же — сдѣлалась замѣтной съ весны 1918 года, когда стало очевиднымъ, что методы саботажа, какъ орудіе политической борьбы, оказались недостигающими цѣли, а съ другой стороны многіе видные общественные дѣятели, какъ напримѣръ — Е. Д. Кускова и нѣсколько менѣе рѣшительно — Н. М. Кишкинъ, стали склоняться къ тому взгляду, что отказъ отъ службы у большевистскаго правительства — ошибка, ибо онъ отдаетъ страну всецѣло въ жертву невѣжественнымъ «самодѣльнымъ» чиновникамъ новаго режима, отъ невѣжественности же этой проистекаетъ зло не меньшее, чѣмъ отъ самаго направленія коммунистической политики. Этотъ взглядъ ко времени перенесенія правительственнаго центра въ Москву имѣлъ довольно много сторонниковъ среди московской интеллигенціи, — и такихъ лицъ большевистская власть, несмотря на враждебную ей сущность ихъ мотивовъ, всѣми мѣрами старалась заполучить себѣ на службу.

Типичною иллюстраціею такихъ стараній можетъ послужить разсказъ о томъ, какъ приглашался на совѣтскую службу пишущій настоящія строки.

Однажды, въ половинѣ апрѣля 1918 года непосредственно въ мой служебный кабинетъ въ Главномъ Комитетѣ Всероссійскаго Союза Городовъ была передана «телефонограмма», приглашавшая меня отъ имени «товарища Кузовкова» прибыть въ одинъ изъ ближайшихъ дней въ помѣщеніе «бывшей Городской Думы» для личныхъ переговоровъ съ нимъ по неотложному дѣлу.

«Товарищъ Кузовковъ» былъ въ то время грозою московскихъ «буржуевъ». Онъ стоялъ во главѣ двухъ самыхъ «страшныхъ» отдѣловъ московскаго «исполкома» — финансоваго и жилищнаго и, опираясь на эти двѣ твердыни, «штурмовалъ», по его собственному выраженію, буржуазію. Не будучи большевикомъ по своей партійной принадлежности (онъ былъ «лѣвый соціалъ-демократъ-интернаціоналистъ»), онъ ничѣмъ не отличался отъ самыхъ примитивныхъ большевиковъ ни по своей преданности новому строю и всѣмъ его начинаніямъ, ни по своей бурно-пламенной ненависти къ «буржуямъ». Ecraser le bourgeois — была его главная цѣль и, завѣдуя двумя отдѣлами, онъ шелъ къ ней двоякимъ путемъ. Именно по его иниціативѣ и плану, даже больше — каждый разъ по его распоряженію, финансовый отдѣлъ весною того года началъ облагать, подъ видомъ подоходнаго взиманія, московскія промышленныя и торговыя предпріятія такими потрясающими подлежавшими немедленной уплатѣ налогами, что оставалось только диву даваться. Достаточно сказать, что не менѣе, чѣмъ въ трехъ четвертяхъ случаевъ, цифра постигшаго фирму обложенія превышала основной ея капиталъ, а порою и весь ея активъ. Почти ни въ одномъ изъ случаевъ уплатить налогъ не было возможности, а неуплата его влекла за собою карательный арестъ владѣльцевъ предпріятія. Не приходится изумляться, что обыкновенно владѣльцы, немедленно по полученіи окладного листа изъ финансоваго отдѣла, или спѣшили скрыться изъ Москвы, или сами возбуждали ходатайство о націонализаціи ихъ предпріятій. Понималъ ли Кузовковъ, что назначаемыя имъ цифры непосильны для облагаемыхъ? Уже одно то, что онъ не былъ неучемъ въ этой области, но былъ даже оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ финансоваго права, говоритъ противъ обратнаго предположенія; точно также не было

его цѣлью вынудить капиталистовъ къ просьбамъ о націонализаціи ихъ имуществъ; большевизмъ, во-первыхъ, вовсе не стремился передать въ этомъ дѣлѣ иниціативу въ руки самой буржуазіи, а во-вторыхъ, воздерживался тогда еще отъ широкаго примѣненія націонализаціи производства и не приступалъ еще совершенно къ націонализаціи торговли. Истинныя цѣли распоряженій Кузовкова были иныя; онъ самъ въ разговорѣ со мною, происшедшемъ, когда я явился къ нему по его приглашенію, формулировалъ ихъ словами: «дисциплинировать буржуазію». Если расшифровать эти слова, то смыслъ ихъ выражаетъ двоякое желаніе: съ одной стороны — просто разгромить имущественно «буржуя», а съ другой — показать ему силы и возможности совѣтской власти, запугать, терроризировать его (другого, кроваваго террора «чрезвычаекъ» тогда еще не было). Тотъ же характеръ террористическаго «дисциплинированія» буржуазіи носила дѣятельность Кузовкова и въ жилищномъ отдѣлѣ; отъ него ведутъ свое начало ненужныя и жестокія выселенія «буржуевъ» изъ квартиръ въ трехъ-дневный срокъ подъ угрозой ареста на случай неоставленія квартиры въ назначенный день. «Я самъ знаю», говорилъ мнѣ Кузовковъ, «что эти квартиры часто потомъ пустуютъ; но это неважно; важно показать буржуазіи, что ея прежняя жизнь кончена». Здѣсь проявлялся несомнѣнный своего рода классовый садизмъ, такъ часто наблюдавшійся впослѣдствіи среди «чекистовъ» наряду съ обыкновеннымъ, лишеннымъ классоваго признака садизмомъ общимъ. Сдержки же не было никакой, ибо и сейчасъ существующая въ большевистской администраціи анархическая «самодѣятельность» не только отдѣльныхъ учрежденій, но даже различныхъ отдѣловъ одного учрежденія, тогда была въ полномъ цвѣту; да и репутація Кузовкова, какъ «ученаго финансиста», стояла въ правящихъ кругахъ высоко.

Къ этому-то Кузовкову я и явился дня черезъ два послѣ его телефонограммы, думая, что дѣло идетъ, повидимому, о выселеніи изъ занимаемаго помѣщенія находившагося въ моемъ завѣдываніи отдѣла В. Союза Городовъ, имѣвшаго отдѣльную отъ общаго помѣщенія Главнаго Комитета квартиру.

Однако, ожиданія эти оказались неправильными. Цѣль вызова заключалась въ «переговорахъ» о поступленіи моемъ на совѣтскую службу, и именно въ качествѣ не то секретаря, не то фактическаго ревизора финансоваго отдѣла Московскаго Исполкома. Подобнаго рода переговоры велись тогда каждый день то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ работниковъ общественныхъ организацій и неизмѣнно отличились, во-первыхъ, крайнею примитивностью «дипломатическихъ» пріемовъ, а во-вторыхъ, стремительнымъ «американскимъ» нажимомъ на приглашаемое ко вступленію на службу лицо. Большевики тогда еще льстили себя увѣренностью въ томъ, что вмѣсто обычной русской интеллигентской расхлябанности, они внесутъ въ русскую жизнь дѣловой американизмъ и очень любили дѣйствовать съ такою головокружительностью, какая по ихъ нѣсколько наивному представленію должна быть свойственна какому-нибудь Нью-йоркскому стальному или угольному «королю». Откровенность и безстрашіе, быстрота и натискъ, — такими способами пытались они плѣнять и побѣждать нужныхъ имъ людей. Къ такому же методу прибѣгнулъ и Кузовковъ для «уловленія» меня въ свои сѣти. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній на тему о томъ, что ему извѣстны съ одной стороны мои кадетскіе взгляды, а съ другой мои «заслуги» (кстати сказать, по крайней мѣрѣ — наполовину мнимыя) въ области общественнаго контроля, онъ съ мѣста въ карьеръ предложилъ мнѣ поступить въ «финотдѣлъ» для организаціи контроля надъ главною работою отдѣла — надъ производи-

вшеюся имъ въ податныхъ цѣляхъ оцѣнкою имущества и доходности московскихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Предложеніе свое онъ мотивировалъ отчасти важностью этого дѣла, а отчасти полной непригодностью для его осуществленія имѣвшагося въ его распоряженіи личнаго состава. По его словамъ, а они отвѣчали дѣйствительности, — положеніе было поистинѣ грустное. «Вы не можете себѣ представить всю безвыходность моего положенія», говорилъ онъ, «сотрудники всѣ до одного — или безтолковые невѣжды, или продаются за взятку направо и налѣво. Поневолѣ обращаешься къ политическимъ противникамъ. Впрочемъ, языкъ цифръ и бухгалтеріи чуждъ вѣдь всякой политикѣ». Этотъ языкъ, конечно, самъ по себѣ дѣйствительно всегда бываетъ чуждъ политикѣ, — но дѣло въ томъ, что Кузовковъ къ звукамъ этого языка не прислушивался; цифры были ему нужны развѣ изъ отвлеченно-статистическаго интереса, а въ своей податной практикѣ онъ руководствовался охарактеризованными выше «дисциплинарными» цѣлями. При такихъ условіяхъ, самая добросовѣстная работа въ финансовомъ отдѣлѣ означала бы или верченье въ бѣличьемъ колесѣ, или же пріобщеніе къ политикѣ дисциплинированія «буржуевъ». Это я и сказалъ Кузовкову и, къ моему удивленію, онъ, вмѣсто отрицанія такого факта, развилъ теорію оправданія осуществляемой имъ финансовой и жилищной дисциплины. «Нельзя управлять», говорилъ онъ, «если обыватель не боится власти, не вѣритъ въ ея всемогущество; царскому режиму вѣрили, ибо привыкли вѣрить, а совѣтскій строй долженъ наглядно продемонстрировать свое всемогущество передъ буржуазной обывательщиной». Можетъ быть, эта теорія не лишена была нѣкоторой примитивной правды, но привлечь меня она, конечно, не могла, что я и высказалъ моему собесѣднику. Понявъ, что дальнѣйшія убѣжденія будутъ безполезны, онъ «по-американски» мгновенно прекратилъ ихъ и далъ вопросу о поступленіи моемъ на совѣтскую службу болѣе широкую постановку. «Если Вы не хотите поступить ко мнѣ, то я сообщу о Васъ въ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства товарищу Пятигорскому, который ищетъ какъ разъ спеціалиста по организаціи центральнаго контроля». Такъ закончилась наша бесѣда. Такъ, надо замѣтить, заканчивались многія бесѣды въ то время, ибо добросовѣстный совѣтскій бюрократъ, потерпѣвъ неудачу при попыткѣ завербовать кого либо въ свои сотрудники, не просто отпускалъ человѣка на всѣ четыре стороны, но указывалъ на него другимъ учрежденіямъ, отыскивающимъ интеллигентныя силы, дабы онѣ попробовали заполучить «цѣнную рабочую силу» къ себѣ.

Такъ и на сей разъ поступилъ Кузовковъ. Дня черезъ три послѣ нашего разговора я получилъ снова по телефону приглашеніе отъ управляющаго дѣлами Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства — Пятигорскаго прибыть къ нему для срочныхъ переговоровъ. Эти переговоры въ части ихъ были настолько любопытны, что соотвѣтственная часть ихъ заслуживаетъ дословной передачи. Изложивъ свое предложеніе мнѣ взяться за устройство контрольнаго отдѣла при президіумѣ В. С. Н. Х., онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами.

— «Вы понимаете, конечно, что это очень отвѣтственная роль, а на отвѣтственныя мѣста намъ желательны лица, признающія совѣтскій строй».

— «Я признаю, что совѣтскій строй существуетъ, но мое отношеніе къ нему опредѣленно отрицательное», былъ мой отвѣтъ.

— «Отрицательное? Да?.. Но, впрочемъ, это несущественно. Мы не доктринеры. Я самъ, напримѣръ, не коммунистъ, а лѣвый с.-р. Но во всякомъ случаѣ одно необходимо: мы не терпимъ совмѣстительства, и человѣкъ, работаю-

щій въ В. С. Н. Х., долженъ отдавать этой работѣ все свое время. На это Вы вѣдь согласны?»

— «Нѣтъ, не согласенъ. Я Союза Городовъ не брошу и буду работать тамъ, пока онъ существуетъ».

— «Да?.. Но, собственно, и это второстепенный вопросъ. Словомъ, попробуйте наладить у насъ контроль, а тамъ сами увидите, стоитъ ли Вамъ оставаться дальше».

Такъ, начиная съ предъявленія къ приглашаемому разныхъ требованій, ищущіе людей большевики легко сдавали всѣ свои торжественно занимаемыя позиціи и предавались самому безудержному «соглашательству» съ «контръреволюціонными» интеллигентами, лишь бы заполучить ихъ на службу, уговорить ихъ хотя бы «попробовать».

II

Я «попробовалъ». Посовѣтовавшись со своими политическими единомышленниками, старшими товарищами по сословію присяжныхъ повѣренныхъ и нѣкоторыми пріятелями и знакомыми изъ торгово-промышленныхъ круговъ, я рѣшилъ попытаться «спасать цѣнности» и «смягчать режимъ» путемъ работы въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства. Правда, попробовалъ я это не въ той роли, для которой прочилъ меня «товарищъ Пятигорскій». Въ этомъ важнѣйшемъ большевистскомъ учрежденіи интересъ могъ бы представлять только фактическій контроль; предварительная ревизія кассовыхъ расходовъ никакой особой цѣнности имѣть не могла, ибо девять десятыхъ огромныхъ суммъ, проходившихъ черезъ кассу В. С. Н. Х., выдавались въ видѣ авансовъ подвѣдомственнымъ ему лицамъ и учрежденіямъ, — и вся ревизія сводилась бы только къ формальной справкѣ о наличности соотвѣтствующаго распоряженія; что же касается такъ называемой «послѣдующей ревизіи», то ей приходилось бы главнымъ образомъ болѣе или менѣе платонически рыться въ авансовыхъ отчетахъ лицъ, производившихъ расходованіе суммъ не менѣе, чѣмъ полгода назадъ. Это была бы безцѣльная и мертвая работа, а фактическій контроль относился къ вѣдѣнію уже существующаго отдѣла инспекціи. Вотъ почему не болѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ поступленія моего въ В. С. Н. Х., я перешелъ въ качествѣ юрисконсульта въ юридическій отдѣлъ при президіумѣ Совѣта.

Въ это время (начало мая 1918 года) Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства былъ уже очень большимъ учрежденіемъ съ нѣсколькими десятками отдѣловъ (точнаго числа не помню) и оброслъ уже значительнымъ количествомъ «главковъ» и «центровъ», которые по своему юридическому положенію также приравнивались къ его отдѣламъ. Уже отошелъ тогда въ безвозвратное прошлое тотъ первый періодъ его существованія, когда по его не лишенному образности, хотя и нѣсколько сгущавшему комическія краски разсказу А. И. Рыкова (первый народный комиссаръ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ предсѣдатель В. С. Н. Х.), весь Совѣтъ состоялъ только изъ двухъ лицъ: В. Оболенскаго и извѣстнаго совѣтскаго экономиста Ю. Ларина; каждый изъ нихъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и диктовалъ своей личной секретаршѣ какой-нибудь умопомрачительный декретъ; затѣмъ декретъ снабжался санкціонирующей его угрозой арестовать и объявить «внѣ закона» каждаго ослушника, подписывался авторомъ въ слѣдующей формѣ: «за Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства — такой-то» и отсылался въ «Извѣстія»

для напечатанія. На эту водевильную картину Совѣтъ, какъ будто, не былъ болѣе похожъ. Нѣсколько сотъ служащихъ, доклады, заключенія, засѣданія, комиссіи, разслѣдованія, свѣдущія лица, — все это придавало Совѣту по внѣшности солидный видъ; но былъ ли его аппаратъ дѣйствительно солиденъ?

Уже самая фантастичность заданій Совѣта въ корнѣ подрывала такую возможность. Методы же ихъ осуществленія еще болѣе усугубляли безпорядочную хаотичность, которая, вмѣсто мнимой солидности, рѣзко бросалась въ глаза каждому, кто хоть на мгновеніе приближался къ этому учрежденію. Задача В. С. Н. Х. заключалась, во-первыхъ, въ установленіи единаго плана производства и снабженія и въ проведеніи этого плана, а во-вторыхъ, въ быстромъ, но «послѣдовательно-планомѣрномъ обобществленіи» народнаго хозяйства. При грандіозности такихъ замысловъ, если на минуту повѣрить въ ихъ осуществимость, надлежало бы, повидимому, работать съ исключительнымъ напряженіемъ и величайшею точностью. На дѣлѣ — въ руководящихъ кругахъ Совѣта царило какое-то потрясающее легкомысліе, граничащее съ вѣрою въ то, что все само собою «образуется», или же просто съ желаніемъ спрятаться подъ ворохомъ безтолковыхъ мелочей отъ неразрѣшимыхъ крупныхъ проблемъ. Къ основной задачѣ Совѣта, къ выработкѣ единаго общаго хозяйственнаго плана даже и не приступали (его не существуетъ и по сіе время); разбирали и утверждали порознь, въ разбивку отдѣльныя программы для того или иного вида производства, или для снабженія населенія тѣмъ или другимъ фабрикатомъ; программы производства и снабженія другъ съ другомъ не связывались; такъ напримѣръ, предполагалось распредѣлить среди крестьянъ одного только центральнаго раіона гораздо больше земледѣльческихъ орудій, чѣмъ можно было по другой программѣ ихъ произвести, закупить, да взять изъ готоваго запаса на пространствѣ всей Россіи; для производства стали въ утвержденныхъ размѣрахъ надо было бы получить раза въ четыре больше желѣза, чѣмъ это было возможно по также утвержденной «желѣзной программѣ». Всѣ эти программы производства и снабженія составлялись наспѣхъ, «къ завтрашнему засѣданію», безъ аналитической работы надъ надлежащими данными статистики и технологіи, а просто изъ чистаго разума. Иногда, впрочемъ, на составленіе программы вліяли и совсѣмъ пикантныя обстоятельства; какой-либо заводъ, еще находящійся въ частномъ владѣніи и желающій получить заказъ «съ авансомъ», подсовывалъ, гдѣ слѣдуетъ, приличную «благодарность», и въ результатѣ программа непомѣрно раздувала «потребную» цифру фабрикатовъ, составлявшихъ предметъ производства этого завода. Мало того; уже утвержденные планы постоянно подвергались поправкамъ, мѣнялись и отмѣнялись, — и все это — отъ случая къ случаю, безъ всякой связи одного съ другимъ. Гдѣ ужъ тутъ было «централистически регулировать» народно-хозяйственную жизнь... А пока что для исполненія утвержденныхъ плановъ на подлежащія предпріятія свозилось топливо, сырье, оборудованіе, отбиравшееся отъ другихъ фабрикъ и заводовъ, работавшихъ часто полнымъ ходомъ; тамъ производство останавливалось, а здѣсь не могли его наладить; потомъ съ перемѣною плана снова начинали пересортировывать и перевозить матеріалы и машины и съ тѣмъ же результатомъ. То, что было, разорялось, новаго не возникало.

Не лучше обстояло дѣло и съ «обобществленіемъ». Въ теоріи существовалъ намѣченный порядокъ націонализаціи производства. Предполагалось, что сначала націонализуются концентрированныя въ рукахъ немногихъ крупныхъ предпріятій отрасли производства, въ остальныхъ же областяхъ путемъ при-

нудительнаго трестированія и другихъ искусственныхъ мѣръ создается сперва такая же концентрація и лишь затѣмъ наступаетъ и для нихъ моментъ націонализаціи. На дѣлѣ — порядка въ этомъ вопросѣ не было абсолютно никакого. «Націонализировалъ» всякій, кто хотѣлъ: мѣстные «совнархозы», «исполкомы», «военревкомы», — даже чрезвычайки въ порядкѣ карательныхъ «конфискацій». Дѣлалось это все не по какому либо плану, а по спеціальнымъ на каждый данный случай мотивамъ. То «исполкомъ» разсердился на фабриканта, то кому либо приглянулся запасъ топлива, имѣющійся на данномъ заводѣ, то конкуррентъ посѣщалъ президіумъ «губсовнархоза» съ приношеніями, то какой-нибудь инженеръ изъ соотвѣтствующаго отдѣла В. С. Н. Х. находилъ, что на данномъ предпріятіи онъ сумѣетъ развернуть свои непризнанныя до сихъ поръ новаторскія идеи. Націонализированное прежде всего подвергалось потоку и разграбленію со стороны разнообразныхъ мѣстныхъ властей, и лишь спустя продолжительное время В. С. Н. Х. отвоевывалъ то, что хотѣлъ получить въ свое непосредственное вѣдѣніе, и получалъ это предпріятіе обыкновенно въ совершенно разоренномъ видѣ. Когда-нибудь архивы Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства раскроютъ передъ историкомъ всю трагическую эпопею «обобществленія».

Руководители Совѣта въ большинствѣ случаевъ замѣчали, что ходъ событій не поддается ихъ управленію, что ихъ силамъ немногое доступно, — но какой-то безшабашный оптимизмъ заставлялъ ихъ все же вѣрить, что они дѣлаютъ большое дѣло, и народное хозяйство Россіи затанцуетъ въ концѣ-концовъ по ихъ указкѣ. Они не смущались поэтому ни отрывочностью своихъ плановъ и рѣшеній, ни присущими имъ противорѣчіями и отсебятиной. И если ихъ вниманіе кѣмъ-либо на эти декреты обращалось, то они относили такія замѣчанія на счетъ «буржуазной узколобости» или злонамѣренной оппозиціи. Даже большевистскіе авторитеты не расхолаживали ихъ. Такъ, однажды на засѣданіи президіума при обсужденіи программы выплавки чугуна группою чугунолитейныхъ заводовъ видный большевистскій экономистъ и публицистъ М. Павловичъ, выслушавъ всѣ великолѣпные планы, указалъ, что нужное для ихъ реализаціи количество угля никоимъ образомъ не сможетъ быть доставлено этимъ заводамъ. «Вы разсуждаете слишкомъ узко, товарищъ», отвѣчалъ ему членъ президіума Оппоковъ, «въ періодъ налаживанія организаціи хозяйства всѣ планы и расчеты всегда могутъ быть спутаны какими либо неустранимыми обстоятельствами. Но наши расчеты вовсе не нуждаются въ аптекарской точности; они должны приспособляться къ нашимъ цѣлямъ, а не средствамъ, и если ихъ не удастся сегодня осуществить, то завтра они не потеряютъ также своей силы, и будутъ стоять передъ нами какъ руководящій для данной сферы индустріи идеалъ, къ которому надо стремиться. Только такимъ путемъ можно хозяйствовать не въ обрѣзъ»... И президіумъ согласился съ Оппоковымъ.

Для солидности аппарата В. С. Н. Х. недоставало также еще одного необходимаго для сего условія: недоставало опредѣленнаго плана конструкціи. Многочисленные отдѣлы и «главки» возникали не примѣнительно къ какому либо продуманному плану управленія народнымъ хозяйствомъ Россіи, но совершенно случайно. Въ большинствѣ случаевъ возникновеніемъ своимъ они бывали обязаны желанію того или иного интересующагося экономическими вопросами виднаго коммуниста или стремящагося въ ряды совѣтской іерархіи «буржуя»-спеціалиста получить въ свое завѣдываніе ту или иную отрасль россійской промышленности. Такой аппаратъ сочинялъ небольшой письменный или устный, но непремѣнно «со статистическими данными» докладъ для президіума В. С. Н. Х.

о необходимости спеціальнаго отдѣла для той или иной области индустріи, и президіумъ почти неизмѣнно постановлялъ «отдѣлъ учредить и поручить его организацію» автору доклада. Въ другихъ случаяхъ, при обсужденіи какого либо вопроса президіумъ иногда по собственной иниціативѣ находилъ, что ему было бы легче такіе вопросы разрѣшать, если бы они предварительно разрабатывались въ спеціально вѣдающемъ ихъ отдѣлѣ, — и тутъ-же такой отдѣлъ учреждался и намѣчался его руководитель. Бывало и такъ, что по соображеніямъ чисто персональнаго характера, относившимся къ личности завѣдующихъ, какой либо отдѣлъ разбивался на нѣсколько самостоятельныхъ частей, или, наоборотъ, нѣсколько отдѣловъ сливалось въ одинъ. При этомъ компетенція и задачи различныхъ отдѣловъ почти никогда не были точно опредѣлены, но формировались лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, благодаря чему часто получалось, что перекрещивались компетенціи нѣсколькихъ отдѣловъ; то цѣлый рядъ ихъ ссорился изъ-за того, кому должно достаться на разрѣшеніе данное дѣло, то, наоборотъ, они усиленно старались «спихнуть» другъ другу ту или иную проблему; и аргументація каждаго изъ нихъ была при такихъ казусахъ равно справедливой. Неопредѣленными оставались не только взаимоотношенія отдѣловъ между собой, но и отношенія ихъ къ президіуму. Никакихъ правилъ о томъ, какіе вопросы могутъ разрѣшаться отдѣлами самостоятельно и какіе должны ими вноситься на разрѣшеніе президіума, не существовало. Дѣйствовали какъ Богъ на душу положитъ. Можно сказать, что фактически два признака опредѣляли практику въ этомъ отношеніи; если отдѣлу для намѣченнаго имъ рѣшенія какого либо дѣла требовались средства, превышающія размѣры выданнаго ему и неизрасходованнаго еще аванса, то дѣло вносилось для испрошенія неодостающихъ суммъ въ президіумъ, — таковъ былъ одинъ признакъ; другой имѣлся на-лицо, если завѣдующій отдѣломъ почему-либо не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственность за то или иное рѣшеніе вопроса. Такъ и получалось, что въ зависимости отъ дѣлового темперамента завѣдующаго отдѣлы по-разному задавали президіуму работу; тогда какъ одни, «робкіе», загромождали своими докладами каждое или почти каждое засѣданіе президіума, — другіе, «рѣшительные», лишь очень рѣдко напоминали ему о своемъ существованіи. Даже «національзаціи» и «конфискаціи» происходили часто по простому распоряженію завѣдующаго отдѣломъ.

Столь же неясными были и отношенія всего В. Сов. Нар. Хоз. въ цѣломъ къ смежнымъ съ нимъ комиссаріатамъ, а именно къ народному комиссаріату торговли и промышленности въ первую очередь, а затѣмъ къ комиссаріатамъ труда, земледѣлія, продовольствія, путей сообщенія, — словомъ ко всему тому, что имѣло соприкосновеніе съ народнымъ хозяйствомъ. В. С. Н. Х. проявлялъ весьма рѣзко выраженную тенденцію «съѣсть» эти комиссаріаты, превративъ ихъ просто въ своихъ техническихъ совѣтчиковъ или въ скромныхъ техническихъ же исполнителей своихъ велѣній и предначертаній. И такъ какъ на совѣтъ возлагались огромныя надежды, какъ на учрежденіе, которое должно и сможетъ наладить «на соціалистическую ногу» всю хозяйственную жизнь страны, то совѣтъ являлся какъ бы фаворитомъ лидеровъ большевизма и встрѣчалъ ихъ полную поддержку въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. По отношенію къ комиссаріату торговли и промышленности ему удалось, строго говоря, полностью осуществить эти стремленія; за названнымъ комиссаріатомъ очень скоро осталось только «управленіе» внѣшней торговлей (фактически прекратившей свое существованіе), да сочиненіе законопроектовъ, разсматривавшихся президіумомъ

В. С. Н. Х. или же «совнаркомомъ» по заключеніямъ того же президіума. Съ остальными же упомянутыми комиссаріатами происходили постоянныя стычки и пререканія; то совѣтъ измѣнялъ или уничтожалъ правила комиссаріата труда объ отношеніяхъ между работодателями и рабочими или объ условіяхъ работы въ какой либо отрасли промышленности, то принималъ на себя распредѣленіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, орудій и инструментовъ, несмотря на протесты комиссаріата земледѣлія, то «регулировалъ» производство нѣкоторыхъ предметовъ питанія, то начиналъ распоряжаться желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ (водные пути сообщенія онъ отобралъ въ свое распоряженіе сравнительно легко). Подлежащіе комиссаріаты возмущались, протестовали, пытались отстаивать свои права, но почти всегда, благодаря отмѣченному положенію совѣта, какъ «господскаго любимчика», возникшіе споры разрѣшались въ его пользу. Но такъ какъ заранѣе нельзя было знать, захочетъ ли совѣтъ наложить руку на тотъ или иной вопросъ или какъ отнесется къ этому «совнаркомъ», то получалось полное отсутствіе элементарнаго разграниченія компетенціи, и путаница возникала невообразимая.

Еще хуже дѣйствовала неопредѣленность въ отношеніяхъ между совѣтомъ и отдѣльными гражданами, то-есть реальными субъектами народнаго хозяйства. Свои права и функціи по управленію послѣднимъ совѣтъ понималъ очень широко и упрощенно. Онъ считалъ, что его задача не исчерпывается завѣдываніемъ націонализированной частью производства или регулированіемъ той его части, которая осталась въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ совѣтѣ твердо господствовалъ тотъ взглядъ, что онъ можетъ и даже долженъ рѣшать всѣ безъ исключенія вопросы, относящіеся къ тѣмъ имуществамъ, которыя объемлются понятіемъ народнаго хозяйства, и не только эти вопросы рѣшать, но и рѣшенія свои въ исполнительномъ порядкѣ осуществлять. Основываясь на такомъ взглядѣ, совѣтъ и въ лицѣ своего президіума, и въ лицѣ различныхъ своихъ отдѣловъ разрѣшалъ конфликты между служащими и владѣльцами предпріятій, принималъ къ своему разбору чисто исковыя, гражданскія дѣла между различными фирмами и постановлялъ по нимъ рѣшенія, дѣлалъ то же самое по отношенію къ спорамъ о правѣ собственности или, по совѣтской терминологіи, о правѣ владѣнія (этотъ терминъ примѣнялся и къ собственности) тѣми или иными предпріятіями, ихъ оборудованіемъ или товарами и т. д. Другими словами, совѣтъ, когда хотѣлъ, присваивалъ себѣ полномочія гражданскаго суда, причемъ судъ этотъ былъ безъ какого бы то ни было апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованія; высшей инстанціей надъ В. С. Н. Х. былъ «совнаркомъ», но послѣдній оставлялъ безъ разсмотрѣнія жалобы частныхъ лицъ на дѣйствія совѣта. Впрочемъ, и функцій уголовнаго суда совѣтъ не чуждался. За неисполненіе его распоряженій или просто за вызвавшія его гнѣвъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ онъ отдавалъ приказы о карательномъ арестѣ виновныхъ. Такіе приказы отдавались обыкновенно завѣдующими отдѣлами, ихъ помощниками, секретарями, а иногда даже дѣлопроизводителями... Хотя количество арестованныхъ въ такомъ порядкѣ лицъ и не было велико, но положеніе ихъ бывало по большей части исключительно трагично; отдавшій грозное распоряженіе «судья» обыкновенно вскорѣ забывалъ о немъ или перемѣнялъ службу, и ни самъ арестованный, ни начальство мѣста его заключенія не знали, по чьему приказу онъ арестованъ, за кѣмъ онъ долженъ числиться; благодаря этому, всѣ хлопоты направлялись не по адресу и встрѣчали отвѣтъ: «ничего не знаемъ, мы тутъ не при чемъ», — а арестованный продолжалъ «сидѣть», пока какая либо счастли-

вая случайность или солидная взятка его не освобождали. Были случаи, когда по винѣ такой забывчивости карающихъ дѣлопроизводителей люди проводили въ заключеніи болѣе года. И любопытно, что такая практика никому изъ руководителей В. С. Н. Х. не казалась ненормальной, — но напротивъ воспринималась ими, какъ нѣчто совершенно естественное.

Для полноты характеристики отношеній Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства къ частнымъ лицамъ нельзя не упомянуть о юридическомъ положеніи его контрагентовъ. Въ описываемое время (май 1918 года) число этихъ контрагентовъ было довольно значительнымъ, ибо тогда націонализовано было сравнительно еще небольшое число производственныхъ предпріятій, и совѣту для осуществленія своихъ хозяйственныхъ плановъ (а плановъ было очень много, и добрая ихъ половина считались «грандіозными») приходилось прибѣгать къ договорамъ съ частными предпринимателями, по большей части къ договорамъ поставки или подряда; точно также, для «планомѣрнаго» осуществленія своихъ идей о развитіи, расширеніи или преобразованіи той или иной отрасли производства совѣтъ широко субсидировалъ владѣльцевъ ненаціонализированныхъ еще предпріятій на расходы, связанные съ этими операціями; субсидіи эти давались на опредѣленныхъ условіяхъ, и обратно — при извѣстныхъ условіяхъ совѣтъ обязывался повторить или увеличить субсидію. Казалось бы, что во всѣхъ этихъ случаяхъ между совѣтомъ и частными предпринимателями должны были бы существовать отношенія, построенныя по обычному типу взаимоотношеній между казной и ея контрагентами, — но такъ только казалось. Дѣло въ томъ, что В. С. Н. Х. существованіе договорныхъ обязанностей признавалъ только на сторонѣ своихъ контрагентовъ, — себя же связаннымъ по договору ни въ какой мѣрѣ не разсматривалъ; онъ считалъ себя вправѣ по своему одностороннему усмотрѣнію «аннулировать» договоръ или измѣнять его въ любомъ пунктѣ и въ любомъ смыслѣ, хотя бы чрезвычайно отяготительномъ для контрагента, при чемъ за послѣднимъ совѣтъ не признавалъ никакого права ни на отказъ отъ измѣненнаго договора, ни на какія либо компенсаціи за нарушеніе его договорныхъ правъ и интересовъ. Мотивировалось это обыкновенно двумя не лишенными юридическаго интереса соображеніями; во-первыхъ, по доктринѣ совѣта ему принадлежитъ право верховнаго распоряженія всѣми имущественными правами хозяйствующихъ въ соціалистическомъ государствѣ гражданъ, и если онъ можетъ ограничить или отнять даже ихъ права собственности, то тѣмъ паче и съ тою же легкостью можетъ онъ поступать такимъ же образомъ и въ отношеніи принадлежащихъ имъ правъ обязательственныхъ; а во-вторыхъ, при соціалистическомъ строѣ хозяйственной свободы гражданъ не существуетъ; каждый является лишь исполнителемъ велѣній центральной хозяйственной власти, которая вправѣ наложить на любого изъ хозяйствующихъ субъектовъ тѣ или иныя обязанности сообразно своимъ видамъ и предположеніямъ, — и такимъ образомъ какія либо измѣненія договорнаго порядка являются лишь однимъ изъ возможныхъ видовъ этого способа возложенія обязанностей на частныхъ лицъ. Другими словами, совѣтъ придавалъ чисто публичный, государственно-правовой характеръ частно-правовымъ имущественнымъ отношеніямъ между казною и отдѣльными лицами. Вначалѣ контрагенты совѣта пробовали было бороться противъ такой практики В. С. Н. Х., но изъ ихъ попытокъ ничего не выходило. Самъ совѣтъ на ихъ протесты вниманія не обращалъ, совнаркомъ жалобъ частныхъ лицъ на совѣтъ разсматривать не хотѣлъ, — а суды... суды, правда, судили, но результатовъ отъ сего также не получалось никакихъ. «Народные

окружные суды» принимали къ своему разсмотрѣнію иски къ В. С. Н. Х. и съ грѣхомъ пополамъ пытались примѣнять старыя нормы о производствѣ дѣлъ по искамъ къ казнѣ, — но самъ совѣтъ къ отвѣту по такимъ искамъ не являлся, а на судебныя рѣшенія, если онѣ постановлялись, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, — и на томъ дѣло и заканчивалось. Принудить совѣтъ къ исполненію судебнаго рѣшенія — возможности не было никакой, но зато, наоборотъ, для осуществленія своихъ требованій и притязаній совѣтъ, отнюдь не обращаясь къ помощи суда, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, насильственно реализуя ихъ и карая арестомъ за самую блѣдную тѣнь противодѣйствія или протеста. Получалось, такимъ образомъ, что заключить договоръ съ совѣтомъ значило не обезпечить себя въ какомъ бы то ни было отношеніи, но только лишь — обратить его вниманіе на себя, какъ на еще одного «хозяйствующаго субъекта», на еще одно лицо, надъ которымъ можно продѣлывать «грандіозныя» экономическія упражненія.

Таковъ былъ характеръ этого учрежденія съ точки зрѣнія организаціонной. Не менѣе любопытнымъ былъ и личный его составъ. Переступая порогъ огромнаго дома въ одномъ изъ переулковъ Мясницкой улицы, принадлежавшаго прежде пользовавшейся не очень хорошей репутаціей гостиницѣ, — я думалъ, что подавляющее большинство служащихъ В. С. Н. Х. — партійные коммунисты или принадлежатъ по крайней мѣрѣ къ какимъ либо такимъ теченіямъ, вродѣ «лѣвыхъ с.-д. интернаціоналистовъ», отличить которыя отъ большевиковъ можно было только подъ микроскопомъ. Такое мнѣніе существовало въ Москвѣ вообще, — но дѣйствительность съ первыхъ же моихъ шаговъ радикально опровергла такое предположеніе. Правда, большинство высшихъ служащихъ было коммунистами (о нихъ, какъ и о президіумѣ будетъ рѣчь впереди), правда, существовала «комячейка» и среди прочей толпы служащихъ, — но главная ихъ масса ничего общаго съ большевизмомъ и большевиками не имѣла и состояла почти сплошь изъ «контръ-революціонеровъ» разныхъ категорій. Низшія должности были по преимуществу заняты многочисленными барышнями и молодыми людьми изъ бывшихъ бухгалтеровъ, прикащиковъ, конторщиковъ или изъ студентовъ. гимназистовъ, «экстерновъ». Всю эту армію молодежи привлекало на службу сравнительно высокое вознагражденіе и очень малое количество работы, приходящейся на долю каждаго. Всѣ они по цѣлымъ днямъ слонялись по многочисленнымъ корридорамъ громаднаго дома, флиртовали, бѣгали покупать въ складчину халву и орѣхи, распредѣляли между собою добытые кѣмъ либо изъ нихъ билеты въ театрѣ или мясные консервы и, въ качествѣ рефрена къ этимъ дѣловымъ занятіямъ, ругательски ругали большевиковъ и распространяли слухи о томъ, что Мирбахъ грозитъ ввести нѣмецкія войска въ Москву. Если въ канцелярію являлся проситель или какой либо иной посѣтитель по дѣлу, ему долго приходилось ждать, пока въ пустую комнату случайно влетитъ, наконецъ, давясь отъ смѣха, какая нибудь барышня и, немного отдышавшись, броситъ на него вопросительно-грозный взглядъ; поймавъ этотъ взглядъ и съ тоскою за него ухватившись, посѣтитель пытался начать излагать свое дѣло, но получалъ обыкновенно отвѣтъ, что дѣло его относится къ вѣдѣнію другого служащаго, который въ настоящій моментъ «вышелъ»; если барышня была очень добрая, то послѣ нѣкотораго времени она, сжалившись надъ несчастнымъ просителемъ, отправлялась на розыски «вышедшаго» (причемъ превратившійся въ «вошедшаго» служащій обыкновенно сердито и категорически отсылалъ посѣтителя въ совершенно другой отдѣлъ, гдѣ та-же исторія повторялась

со стереотипной точностью), — если же барышня была изъ строгихъ, то посѣтитель могъ провести цѣлый часъ въ пріятномъ, но безполезномъ tête-à-tête съ нею, не достигая рѣшительно никакихъ результатовъ. Такова была наиболѣе многочисленная категорія низшихъ (и пожалуй среднихъ) служащихъ совѣта.

Слѣдующая по многочисленности категорія состояла изъ бывшихъ министерскихъ чиновниковъ еще царскаго режима. Этихъ побуждала идти на совѣтскую службу или матеріальная необходимость, или не менѣе часто — тоска по привычному дѣлу, съѣвшему не одинъ десятокъ лѣтъ жизни почти каждаго изъ нихъ. Нужно было видѣть, съ какою страстью накидывались они на «исходящія» и «входящія», или на «отзывы» и «отношенія», на «докладныя записки» и прочую канцелярскую премудрость, чтобы понять, что безъ этой бумажной атмосферы имъ гораздо труднѣе жить, чѣмъ безъ хлѣба и сапогъ. Эти старались служить добросовѣстно, приходили первыми, уходили послѣдними, какъ прикованные сидѣли на своихъ стульяхъ, — но, можетъ быть, именно благодаря такой добросовѣстности, изъ ихъ работы ничего, кромѣ невообразимой чепухи, не получалось, ибо безпорядочность и стремительность дѣйствій высшихъ органовъ путала всю ихъ любовно-кропотливую пряжу «входящихъ» и «отношеній». Очень часто бывало, что десятка полтора такихъ вѣрныхъ жрецовъ канцелярскаго искусства въ теченіе мѣсяца трудились надъ подготовкой какого либо «дѣла» по всѣмъ правиламъ доброй традиціи, — и когда, наконецъ, «дѣло» восходило «на резолюцію», то оказывалось, что оно уже давнымъ давно рѣшено, и рѣшеніе уже исполнено, но начальство не увѣдомило только объ этомъ своихъ подчиненныхъ; бывало часто и такъ, что ко времени полученія дѣла на резолюцію начальство забывало о состоявшемся рѣшеніи, или просто мѣнялась персона начальника, и вопросъ получалъ новое, совершенно противоположное прежнему рѣшеніе; а черезъ недѣлю въ канцелярію съ шумомъ врывалось заинтересованное лицо и подымало вопль по поводу перерѣшенія дѣла... Чиновники путались, путались, часто ничего не понимали, искренно отъ этого страдали, проклинали свою новую службу, но не въ силахъ были съ нею разстаться, не въ силахъ были распрощаться съ дорогимъ ихъ сердцу бумажнымъ царствомъ.

Наконецъ, большая часть среднихъ служащихъ и часть высшихъ, не принадлежавшая къ коммунистамъ, состояла изъ интеллигентовъ разныхъ типовъ. Были здѣсь, такъ сказать, романтическія натуры, которымъ въ службѣ въ одной изъ вражескихъ цитаделей чудился запахъ какой-то острой авантюры; были люди безпринципные, которымъ все на свѣтѣ безразлично, кромѣ собственнаго благополучія, и просто темныя фигуры, стремившіяся примазаться къ большевистскому хаосу для того, чтобы подъ покровомъ его тьмы и безтолочи грабить, сколько влѣзетъ; были и люди другого сорта: спеціалисты, надѣявшіеся спасти дорогое имъ дѣло, или тѣ, кто подобно мнѣ отправился «смягчать режимъ». Романтики очень скоро разочаровывались въ своихъ мечтаніяхъ, попадая, вмѣсто ожидавшагося ими міра приключеній, въ самую обыкновенную и будничную бюрократическую прозу, и либо для утѣшенія направляли свои романтическія склонности на флиртъ съ представлявшими богатый выборъ совѣтскими барышнями, либо начинали искать романтики въ авантюрахъ корыстнаго характера, хищеніяхъ и взяткахъ. О «спасателяхъ» и «смягчателяхъ» будетъ подробнѣе говориться дальше, — а пока слѣдуетъ остановиться на той категоріи интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, которая старалась изъ своей службы сдѣлать для себя доходное дѣло. Достигнуть такой цѣли было очень нетрудно; при

той путаницѣ и безтолковости, которыя пропитывали собою всю жизнь Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, можно было продѣлывать, что угодно. Можно было получить крупный авансъ на какіе либо «важные» расходы и преспокойно обратить его въ свою пользу въ полной увѣренности, что никто о немъ болѣе не вспомнитъ, да и до бухгалтеріи вѣсти о немъ дойдутъ въ худшемъ случаѣ черезъ годъ, а то и вовсе не дойдутъ; можно было даже, при «очень большой щепетильности» вернуть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ авансъ, какъ неизрасходованный, заработавъ въ промежуткѣ на этомъ оборотномъ капиталѣ двойную или тройную сумму (этимъ видомъ обогащенія не брезгали порою и люди, въ совершеннѣйшей порядочности которыхъ еще годъ назадъ никому бы не пришло въ голову усумниться); можно было безвозбранно торговать націонализированными и конфискованными товарами, ибо никакого учета имъ при «обращеніи ихъ въ собственность государства», да и въ дальнѣйшемъ не велось; можно было взыскивать съ частныхъ владѣльцевъ разные налоги и сборы, оставляя взысканное въ свою пользу на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ можно было присваивать и авансовыя суммы; открывалось, наконецъ, самое широкое поле для поистинѣ грандіозныхъ взятокъ. Одни платили за освобожденіе ихъ предпріятій отъ націонализаціи, другіе — за выгодный для нихъ договоръ подряда, — да всего и не перечтешь. Иные платили просто отъ страху; припугнутъ ихъ арестомъ за какое-нибудь дѣйствительное или мнимое нарушеніе какого нибудь существующаго или просто выдуманнаго ad hoc декрета, — и раскошеливались, да притомъ раскошеливались не какъ въ старыя дешевыя времена, а въ размѣрахъ порою гомерическихъ. Лица, шедшія на службу ради «доходовъ», мгновенно находили доходы легкіе, простые и огромные. «Попадались» такіе господа сравнительно очень рѣдко, да и тогда, если только за дѣло не хваталась «чрезвычайка» (которая и въ этихъ случаяхъ расправлялась обыкновенно своимъ излюбленнымъ методомъ), то почти всегда можно было отъ бѣды отвертѣться, пустивъ въ ходъ механизмъ личныхъ связей и . . . опять таки взятокъ.

Одинъ изъ такихъ случаевъ по анекдотичности своихъ формъ несомнѣнно заслуживаетъ разсказа, дабы не пропасть «для памяти потомства». Героемъ его былъ, правда, не «безпартійный» интеллигентъ, но одинъ изъ «октябрьскихъ» коммунистовъ, — однако типичности своей случай этотъ отъ того не теряетъ. Не помню теперь фамиліи этого героя, — но отлично помню его надменно-самоувѣренныя манеры, зычный голосъ и постоянное пересыпаніе своей рѣчи именами Ленина, Свердлова, Бончъ-Бруевича, съ которыми онъ постоянно видался, якобы — просто по-пріятельски (въ дѣйствительности, была въ томъ надобность или нѣтъ, онъ чуть ли не ежедневно надоѣдалъ имъ устными и телефонными сообщеніями о ходѣ ввѣренныхъ ему дѣлъ). Онъ завѣдывалъ однимъ изъ крупнѣйшихъ отдѣловъ В. С. Н. Х. (кажется, «отдѣломъ металла») и въ этой должности въ крупнѣйшемъ масштабѣ учинялъ всѣ тѣ злоупотребленія, возможность которыхъ только-что была упомянута, и цѣлый рядъ другихъ. Когда онъ почувствовалъ, что зашелъ, пожалуй, нѣсколько дальше, чѣмъ слѣдуетъ, — онъ устроилъ назначеніе свое на должность предсѣдателя орловскаго областного Совѣта Народнаго Хозяйства, и на этомъ новомъ, гораздо болѣе самостоятельномъ и, слѣдовательно, гораздо болѣе свободномъ отъ нескромныхъ взглядовъ мѣстѣ вновь широко развернулъ свои таланты. Но одного онъ не разсчиталъ: того, что и другіе члены областного сонвархоза могутъ возжаждать заработка, и что имъ могутъ быть обѣщаны взятки со стороны, конкуррирующей съ той,

которая платитъ ему. Такъ и случилось; проводя свои рѣшенія, онъ билъ по карману своихъ товарищей, и послѣдніе, собравъ цѣлый букетъ совершенно изобличающихъ его фактовъ, сдѣлали на него доносъ предсѣдателю В. С. Н. Х. — А. И. Рыкову. Рыковъ, человѣкъ — въ денежныхъ дѣлахъ очень честный, возмутился и назначилъ разслѣдованіе, въ которомъ нѣкоторое участіе принялъ и юридическій отдѣлъ. Но еще прежде, чѣмъ разслѣдованіе могло существенно подвинуться впередъ, виновникъ всполошился и нашелъ себѣ заступника, повидимому — также за солидную взятку, въ лицѣ знаменитаго Козловскаго, который въ первое время послѣ октябрьскаго переворота поперемѣнно бывалъ то предсѣдателемъ какой либо чрезвычайной слѣдственной комиссіи, то... подслѣдственнымъ по обвиненію во взяточничествѣ. Въ описываемое время Козловскій былъ членомъ коллегіи (то-есть товарищемъ министра) въ народномъ комиссаріатѣ юстиціи. По его совѣту герой разсказа самъ обратился въ «совнаркомъ» съ требованіемъ суда надъ собою; при помощи управляющаго дѣлами совнаркома — Бончъ-Бруевича (тоже, конечно, не безплатно) было устроено такъ, что разслѣдованіе поручили комиссаріату юстиціи, гдѣ дѣло взялъ въ свои руки, конечно, Козловскій.

Козловскій назначилъ слѣдователемъ по дѣлу фигуру, пригодность коей для этой цѣли лучше всего можетъ быть показана разсказомъ о моемъ съ ней знакомствѣ. Однажды, вскорѣ послѣ начатія этого дѣла, въ юридическій отдѣлъ вошелъ какой-то высокій, неуклюжій съ улыбающимся лицомъ господинъ и обратился къ одному изъ юрисконсультовъ на какомъ-то языкѣ, который тотъ нашелъ абсолютно ему неизвѣстнымъ; будучи призванъ имъ на помощь и, думая, что передо мною какой-либо германскій подданный, желающій воспользоваться какимъ-либо изъ благъ Брестъ-Литовскаго мира, я спросилъ его по-нѣмецки: «Вы совершенно не говорите по-русски?» — «А развѣ я говорю не по-русски?» изумился посѣтитель и посыпалъ какой-то тарабарщиной, въ которой я смутно чувствовалъ какіе-то славянскіе корни, но не понималъ ни слова. Это былъ «слѣдователь Пшерва», военноплѣнный не то чехъ, не то полякъ, коммунистъ и другъ Козловскаго, не знавшій ни одного слова по-русски, но глубоко убѣжденный въ томъ, что его немыслимая тарабарщина есть не что иное, какъ языкъ Пушкина и Толстого. Онъ пришелъ въ юридическій отдѣлъ за справками, относящимися къ порученному ему дѣлу, — и я не могъ не заинтересоваться, какъ же онъ будетъ при такомъ лингвиническомъ багажѣ производить разслѣдованіе. «Очень просто», отвѣчалъ слѣдователь: «Козловскій сказалъ мнѣ, что имя рекъ (фамилія обвиняемаго) хорошо владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ и въ случаѣ какихъ либо затрудненій можетъ переводить мнѣ и показанія свидѣтелей, и документы». — «Какъ? Обвиняемый будетъ одновременно переводчикомъ? Вы юристъ или нѣтъ?» удивился я. — «Да, я юристъ», спокойно и все съ тѣмъ же улыбающимся лицомъ сказалъ нисколько не смутившійся Пшерва, — «но я не фанатикъ всѣхъ формальностей буржуазнаго устава судопроизводства; дѣло не въ этихъ формальностяхъ, а въ слѣдовательскомъ нюхѣ. О, меня никто не обманетъ». Трудно сказать, было ли это наивнымъ бахвальствомъ большевистскаго «юриста», или же попыткой отвести глаза. Но какъ бы то ни было, а разслѣдованіе производилось именно такъ. Обвиняемый, присутствуя при всѣхъ безъ исключенія слѣдственныхъ дѣйствіяхъ Пшервы, служилъ ему переводчикомъ, и со словъ этого переводчика дѣлалъ свои записи «слѣдователь»; а затѣмъ, такимъ же манеромъ весь слѣдственный матеріалъ былъ переведенъ обратно на русскій языкъ. Свидѣтели подписывали составленные на незнако-

момъ для нихъ языкѣ слѣдовательскіе протоколы, думая, вѣроятно, что они точно передаютъ ихъ показанія; эти подлинники остались въ комиссаріатѣ юстиціи, то-есть у Козловскаго, а по инстанціямъ были пущены сдѣланные обвиняемымъ переводы и имъ же составленный, но подписанный Пшервою блещущій литературными красотами заключительный докладъ. Въ такомъ-то видѣ дѣло и пошло опять въ «совнаркомъ»; Рыковъ пробовалъ протестовать противъ произведеннаго слѣдствія, но Козловскій заступился за Пшерву, народный комиссаръ юстиціи Д. И. Курскій — за Козловскаго, Бончъ-Бруевичъ — за всѣхъ трехъ предыдущихъ, и дѣло было похоронено. А герой, убравшись, правда, изъ Орла, получилъ новое назначеніе, не помню точно — какое, но во всякомъ случаѣ вновь предоставлявшее ему желанныя перспективы.

III

Во главѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства находился президіумъ, состоявшій изъ предсѣдателя — народнаго комиссара А. И. Рыкова и пяти или шести (точо не помню) членовъ, а именно: Г. И. Оппокова, Л. Карпова, И. Чубаря, Г. Вейнберга, Л. Б. Красина (онъ вошелъ, впрочемъ, въ президіумъ лишь въ концѣ 1918-го или началѣ 1919-го года) и еще одного или двухъ человѣкъ, которые очень рѣдко показывались въ Совѣтѣ, почему ихъ имена и исчезли изъ моей памяти; не могу теперь сказать также съ полной увѣренностью, входилъ ли формально въ составъ президіума извѣстный большевистскій экономистъ Ю. Ларинъ, но во всякомъ случаѣ онъ очень часто присутствовалъ на его засѣданіяхъ.

Предсѣдатель Совѣта — Алексѣй Ивановичъ Рыковъ мало былъ похожъ на человѣка, способнаго перестроить на новый ладъ все народное хозяйство Россіи. Средняго роста, очень коренастый, плохо одѣтый, еще хуже вымытый, съ не глупымъ и не злымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе какого-нибудь захолустнаго земскаго агронома или статистика «изъ радикаловъ», каковымъ, кажется, онъ и былъ когда-то въ дѣйствительности. Не отличаясь ни особой образованностью, ни краснорѣчіемъ (онъ къ тому же — немного заика), Рыковъ на различныхъ партійныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ и во времена эмиграціи — въ Женевѣ, и въ 1917 году — въ Петербургѣ не рѣшался, да и не могъ при своихъ выступленіяхъ ни забираться на отвлеченныя высоты различныхъ теорій, ни прибѣгать къ эффектному словоизліянію; его рѣчи вращались всегда поэтому въ предѣлахъ пары какихъ либо практическихъ конкретныхъ вопросовъ и говорились будничнымъ житейскимъ языкомъ; а краткость его фразъ и происходящая отъ заиканія отрывистость ихъ придавали его рѣчи внѣшнее подобіе рѣшительности и энергіи. Эти-то его свойства и внушили главнымъ лидерамъ большевизма вѣру въ то, что Рыковъ не пустой теоретикъ, но человѣкъ живой практики, не краснобай, но крайне дѣловитъ, и притомъ характеромъ обладаетъ сильнымъ и трезвымъ. Именно за эти воображаемыя качества Рыкову былъ отданъ портфель внутреннихъ дѣлъ въ первомъ составѣ Совѣта народныхъ комиссаровъ, а затѣмъ онъ получилъ назначеніе на постъ предсѣдателя Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Но Рыковъ настоящій былъ въ дѣйствительности нѣсколько инымъ, чѣмъ Рыковъ воображаемый. Какъ разъ практичности и дѣловитости ему болѣе всего недоставало. Онъ очень недурно, и всегда съ горячимъ увлеченіемъ, могъ развивать отвлеченные планы какого либо обширнаго мѣро-

пріятія или выражалъ чисто академическія пожеланія по поводу осуществленія того или иного дѣла, — но едва надо было переходить къ конкретнымъ вопросамъ работы, онъ быстро дѣлался, самъ того не замѣчая, совершенно безпомощнымъ, и или говорилъ наивнѣйшія вещи, или просто отмахивался отъ вопроса словами: «ну, это ужъ дѣло спеціалистовъ» или «ничего, какъ-нибудь выйдетъ». Благодаря такой безпомощности, его очень легко во всѣхъ дѣловыхъ вопросахъ можно было уговорить почти въ чемъ угодно, — и такъ и бывало. Завѣдующіе отдѣлами всегда добивались отъ него всего, чего хотѣли, если только ему не чудилась въ ихъ желаніяхъ измѣна соціалистическимъ цѣлямъ и методамъ, или возможность какой-нибудь непорядочности; въ этихъ случаяхъ, и очень часто совершенно несправедливо, онъ дѣлался очень упоренъ, и на него нельзя было подѣйствовать ничѣмъ, по крайней мѣрѣ... до слѣдующаго дня. Ибо какъ всѣ безпомощные въ практическихъ дѣлахъ люди, онъ легко мѣнялъ свои дѣловые взгляды, и настойчивыми убѣжденіями на него всегда можно было воздѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. Точно также и обращавшіяся въ Совѣтъ по разнымъ своимъ дѣламъ частныя лица пользовались этими свойствами Рыкова, и часто несомнѣннѣйшіе и злостные спекулянты получали отъ него то, въ чемъ онъ отказывалъ цѣннымъ и солиднымъ предпріятіямъ съ установившейся репутаціей. Нельзя, однако, сказать, что у Рыкова не было своихъ опредѣленныхъ взглядовъ на задачи организаціи хозяйства «въ переходный періодъ диктатуры пролетаріата». Онъ считалъ, что въ этотъ «подготовительный къ соціализму періодъ» націонализаціи слѣдуетъ подвергать лишь крупныя предпріятія наиболѣе развитыхъ отраслей производства, въ прочихъ же областяхъ промышленности и въ отношеніи торговли надлежитъ ограничиться регламентаціей, договорными отношеніями и контролемъ. Если, однако, несмотря на такіе взгляды, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ занятія Рыковымъ предсѣдательскаго поста въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства послѣдній быстрымъ и рѣзкимъ темпомъ двинулся по пути всеобщей націонализаціи и полнаго уничтоженія частнаго хозяйства, — то это объясняется, главнымъ образомъ, вліяніемъ Ленина. Не только тѣмъ, что Ленинъ провелъ такой лозунгъ въ совнаркомѣ, и Рыковъ подчинился, — но еще больше тѣмъ, что къ числу основныхъ чертъ рыковскаго облика принадлежала слѣпая и безграничная вѣра въ Ленина и преданнѣйшая къ нему любовь. Для Рыкова во всѣхъ безъ исключеніяхъ случаяхъ жизни большаго авторитета, чѣмъ Ленинъ, не существовало, — и каковы бы ни были до того его собственныя мнѣнія, слова Ленина дѣлались для него непререкаемою истиною. Такъ повѣрилъ онъ и во всеобщую націонализацію. Нѣсколько разъ переживалъ онъ, правда, по сему поводу колебанія, но встрѣтивъ Ленинскій отпоръ, вновь обращался къ «истинѣ учителя»; но зато, вполнѣ естественно, что теперь, когда самъ Ленинъ почувствовалъ всѣ прелести націонализированнаго хозяйства, Рыковъ, окрыленный поддержкой своего высшаго авторитета, оказался однимъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ «новой экономической политики» большевизма. Таковъ былъ человѣкъ, въ рукахъ котораго оказалось верховное распоряженіе народнымъ хозяйствомъ Россіи.

Такимъ же отвлеченнымъ теоретикомъ, какъ и Рыковъ, былъ самый вліятельный (до появленія Красина) членъ президіума Г. И. Оппоковъ (извѣстный подъ псевдонимомъ «А. Ломовъ»). Сынъ богатаго банковскаго директора изъ Саратова, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, не занимавшійся практикой, молодой человѣкъ, никогда не знавшій иной жизни, кромѣ книгъ и партійныхъ кружковъ, — онъ волею судебъ оказался завѣдующимъ «отдѣломъ экономи-

ческой политики» во всемогущемъ В. С. Н. Х. Повидимому, отдѣлъ этотъ долженъ былъ заниматься лишь академической разработкой подлежащихъ вопросовъ, — но Оппокова такая роль не удовлетворяла. Онъ считалъ себя чрезвычайно дѣловымъ человѣкомъ «американской» складки, — и если только подсунуть ему какой-нибудь «американскій» проектъ, то можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ съ чрезвычайнымъ упорствомъ и несокрушимымъ самомнѣніемъ примется за его осуществленіе. Этимъ пользовались ловкіе дѣльцы, и именно благодаря Оппокову чуть ли не вся мѣдная промышленность Россіи была разорена въ пользу одной лишь фирмы, на заводы которой свозилось оборудованіе, сырье и инструменты со всѣхъ другихъ имѣющихъ отношеніе къ мѣди предпріятій. Идея «концентраціи» всего мѣднаго производства плѣнила его «американское» воображеніе, и онъ ревностно принялся за ея реализацію. Благодаря тому же наивному американизму Оппоковъ явился однимъ изъ первыхъ, если не первымъ глашатаемъ идеи концессій, и едва-едва не провелъ осуществленія одного грандіознаго мошенническаго замысла. Исторію эту стоитъ разсказать.

Группа сомнительныхъ дѣльцовъ, прикрывавшаяся именемъ какого-то норвежскаго подданнаго, якобы — крупнаго норвежскаго капиталиста-милліонера, представила въ концѣ 1918 года Оппокову проектъ грандіознаго «Великаго Сѣвернаго пути», который долженъ былъ связать желѣзною дорогою Москву съ устьемъ Печоры, а Печору съ Мурманомъ, Сѣв. Двиной, Ураломъ и Поволжьемъ. Проектъ этотъ мигомъ соблазнилъ Оппокова, и онъ не обратилъ вниманія на то, что постройка пути должна была по проекту длиться лѣтъ пятнадцать, а пока что немедленно по заключеніи концессіоннаго договора — концессіонеры должны были получить право на безвозмездную эксплоатацію нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ лѣса въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, да еще въ придачу многомилліонную правительственную субсидію на предварительныя нужды. Другими словами, россійская казна должна была сдѣлать многомилліардный (считая въ золотой валютѣ) подарокъ нѣсколькимъ предпріимчивымъ людямъ за ихъ эффектное обѣщаніе, неисполненіе котораго къ сроку не влекло притомъ за собою возвращенія въ казну реализованной ими уже къ этому моменту части подарка. То, что пропустилъ безъ вниманія Оппоковъ, было, однако, подчеркнуто нѣкоторыми другими, въ частности, Н. Н. Сухановымъ, завѣдывавшимъ тогда финансовой частью въ Комитетѣ Государственныхъ Сооруженій. Вокругъ проекта началась борьба; съ одной стороны были немногіе трезвые люди, какъ Сухановъ, или «лѣвые коммунисты», бывшіе вообще противъ концессій, видя въ нихъ капиталистическое начало, а на противоположной сторонѣ стояли Оппоковъ, уговоренный имъ Рыковъ, идущіе за Рыковымъ другіе дѣятели В. С. Н. Х., вмѣшивавшійся всюду, гдѣ пахло жаренымъ, Бончъ-Бруевичъ, и еще многіе другіе рангомъ помельче. Концессіонеры не скупились, разбрасывали взятки повсюду, организовывали агитацію, — и дѣло было бы ими выиграно, если бы не... чрезвычайка. Такое шумное дѣло не могло, конечно, не привлечь ея вниманія, и ей безъ особыхъ затрудненій удалось установить, что норвежскій чудодѣй, хотя дѣйствительно норвежецъ, но отнюдь не мультимилліонеръ, какимъ онъ самъ себя и другіе концессіонеры его изображали, а ломаннаго гроша за душой не имѣетъ и въ прошломъ не вполнѣ благополученъ по части уголовной. Становилось очевиднымъ, что средствъ на постройку даже одной сотой части проектируемаго пути у компаніи нѣтъ никакихъ, и весь расчетъ ея состоитъ въ полученіи «аванса» и права на лѣсъ, каковое право господа концессіонеры предполагали продать какимъ либо «англичанамъ», ибо сами, за отсутствіемъ

капиталовъ, не могли бы къ реализаціи своего права даже и приступить. Дѣло погасло. Но Оппокова этотъ казусъ, повидимому, ничему не научилъ, и теперь его имя постоянно упоминается почти при всякомъ проектѣ концессіи, «грандіозной» по оболочкѣ и просто грабительской по существу.

Такою же американскою маніею, какъ и Оппоковъ-Ломовъ, страдалъ и другой изъ вліятельныхъ членовъ президіума — Г. Вейнбергъ. Это былъ убѣжденный большевикъ изъ провинціальныхъ фармацевтовъ или помощниковъ бухгалтера. Образованіе его едва ли выходило за предѣлы популярной брошюры Каутскаго объ экономическомъ ученіи К. Маркса, да боевыхъ произведеній Ленина и Зиновьева; впрочемъ, можетъ быть, онъ прочиталъ еще пару книжекъ по вопросамъ профессіональнаго движенія. Это-то послѣднее обстоятельство и продвинуло его на то отвѣтственнѣйшее мѣсто, которое онъ занималъ. Будучи человѣкомъ честнымъ, отличаясь огромнымъ упорствомъ, способностью къ произнесенію предлинныхъ рѣчей и величественнѣйшимъ апломбомъ, — онъ обладалъ, такимъ образомъ, всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы пріобрѣсти большой авторитетъ въ охваченныхъ большевистской заразой «профсоюзахъ», которые и выдвинули его кандидатуру въ В. С. Н. Х. Большевики еще ухаживали тогда за рабочими массами, а потому и предложенная «рабочими организаціями» кандидатура была принята. Вейнбергъ получилъ въ свое завѣдываніе не болѣе и не менѣе, какъ отдѣлъ управленія національзированными предпріятіями, — и принялся за это дѣло съ тѣми же запасами эрудиціи и апломба, которые были ему свойственны и раньше. Легко можно себѣ представить, какъ онъ «управлялъ». Какъ «американецъ» онъ считалъ себя обязаннымъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, — и такъ и поступалъ. Но рѣшенія его бывали всегда или дѣтски-фантастичны, или просто грубо-невѣжественны, а твердость дѣйствій выражалась въ томъ, что онъ кричалъ на инженеровъ, принимая на себя видъ грознаго сановника, съ юности привыкшаго повелѣвать. Распоряженія его почти неизмѣнно были губительны для предпріятія, — но дѣлать нечего, ихъ исполняли. Иногда на это обращали вниманіе даже другіе члены президіума; Вейнбергъ въ такихъ случаяхъ очень обижался, произносилъ длиннѣйшія рѣчи, обвинялъ своихъ подчиненныхъ въ саботажѣ, своихъ критиковъ въ непониманіи соціалистическихъ методовъ, — и въ концѣ концовъ его оставляли въ покоѣ. Пусть гибнутъ предпріятія, — но не надо ссориться съ товарищемъ. На засѣданіяхъ президіума Вейнбергъ неизмѣнно выступалъ почти по каждому вопросу, упорно отстаивая свое мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ, очень запутанное и очень непрактичное, и часто бралъ несогласныхъ съ нимъ измором.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ членъ президіума и завѣдующій химическимъ отдѣломъ инженеръ Л. Карповъ. Опытный спеціалистъ и немолодой уже практическій работникъ, со спокойной и трезвой головой, — Карповъ ясно видѣлъ, въ какую бездну ведетъ страну политика большевиковъ и въ частности дѣятельность Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Онъ часто съ грустнымъ добродушіемъ острилъ надъ своими собственными распоряженіями или же надъ рѣшеніями президіума, въ которыхъ принималъ участіе и онъ самъ. Не болѣе оптимистиченъ былъ онъ и въ прогнозахъ, относившихся къ политической сторонѣ большевистскаго режима. Онъ ясно видѣлъ растущую съ каждымъ днемъ ненависть населенія къ этому режиму и предрекалъ ему быструю и жестокую гибель подъ натискомъ народнаго возмущенія. Терроръ чрезвычаекъ онъ рѣзко осуждалъ и называлъ Дзержинскаго не иначе, какъ «bête-humaine». И при

всемъ томъ Карповъ былъ давнишнимъ членомъ большевистской партіи и ряды ея покинуть не хотѣлъ. Однажды, разговорившись съ нимъ, я спросилъ его, какъ можетъ онъ при своихъ взглядахъ участвовать въ партіи и совершающемся ею экспериментѣ. «Не знаю, поймете ли Вы меня», отвѣчалъ Карповъ, «но представьте себѣ, что армія, къ которой Вы принадлежите, вступила въ послѣдній бой съ врагомъ. Вы ясно видите, что армія ваша не обучена, не снаряжена, дезорганизована, наполнена убійцами и мародерами, что военачальники нагромождаютъ ошибку на ошибку, что дѣлу Вашему — капутъ, и вы потерпите полный разгромъ. Что же, Вы должны дезертировать во время боя? Я на это пойти не могу. Я предпочитаю погибнуть въ рядахъ этой негодной, обреченной, но все-таки моей арміи». Карповъ погибъ раньше; онъ умеръ въ 1921 году отъ тифа, который долженъ былъ быть для него тѣмъ страшнѣе, что по словамъ близко знавшихъ его лицъ онъ и его жена принципіально не пользовались ни услугами «мѣшечниковъ», ни какими либо незаконными полученіями по протекціи, но жили исключительно на пайковыя выдачи, а это было немного: полъ фунта хлѣба въ день, да фунтовъ пять свеклы, фунтовъ восемь картошки, фунтъ рису и десятка полтора селедокъ въ мѣсяцъ (спеціальныхъ пайковъ для «совѣтскихъ работниковъ», если не считать военнаго вѣдомства, тогда еще не существовало).

Нѣкоторою наклонностью къ пессимизму обладалъ и членъ президіума И. Чубарь, подобно Вейнбергу вышедшій изъ рядовъ «профсоюзовъ». Желѣзнодорожный рабочій (за что онъ и былъ назначенъ завѣдующимъ отдѣломъ транспорта), спокойный и достаточно интеллигентный, съ прирожденной хохлацкой практической сметкой и большимъ здравымъ смысломъ, — онъ также не разъ переживалъ сомнѣнія предъ лицомъ открывавшихся предъ русскимъ народнымъ хозяйствомъ перспективъ. Но каждый разъ его сомнѣнія побѣждались благоговѣйною вѣрою полуинтеллигента въ непогрѣшимость изложенной въ соціалистическихъ книжкахъ теоріи; а лучше, чѣмъ онъ, знающіе «теорію» товарищи доказывали къ тому же, что они дѣйствуютъ именно согласно сей теоріи, и Чубарь вѣрилъ и имъ. Въ своемъ отдѣлѣ, поскольку рѣчь шла о вопросахъ конкретной практики, Чубарь дѣйствовалъ неглупо и осторожно, — но какъ только дѣло требовало болѣе широкаго кругозора, онъ неизмѣнно начиналъ танцовать отъ коммунистическо-марксистской печки, и дѣло обрекалось на неминуемую гибель.

Роль advocatus diaboli среди членовъ президіума исполнялъ знаменитый Ларинъ. Полуразбитый параличомъ, онъ все же довольно часто появлялся на засѣданіяхъ президіума, приходя туда неизмѣнно въ сопровожденіи личнаго секретаря или секретарши, задача которыхъ состояла не столько въ исполненіи секретарскихъ обязанностей, сколько въ исполненіи функцій больничнаго служителя или сестры милосердія при немъ. Высокій и изможденный, видимо непрерывно страдающій отъ болей, еле сдерживающій свои тики, но съ живымъ и насмѣшливымъ взглядомъ, онъ и наружностью подходилъ къ своей «мефистофельской» роли. Очень неглупый и образованный, говорящій логично, ясно и сжато, Ларинъ обыкновенно подвергалъ саркастической критикѣ всѣ проекты и замыслы своихъ товарищей. Въ этой критикѣ онъ былъ очень силенъ, и не разъ послѣ его краткихъ рѣчей въ президіумѣ наступало растерянное молчаніе. Но стоило Ларину отъ критики перейти къ положительнымъ предложеніямъ, какъ онъ становился неузнаваемъ. Самая наивная фантастика, подкрѣпляемая схоластическою игрою словъ и понятій, изливалась тогда на слушателей, — и дѣлалось просто жутко порою, точно вы присутствовали при таинственной

оккультной операціи мгновенной смѣны душъ въ одной и той же тѣлесной оболочкѣ. Трудно объяснить такое странное противорѣчіе между критической и конструктивной способностями этого безспорно талантливаго человѣка, — а между тѣмъ это противорѣчіе едва ли не самая характерная его черта. И нерѣдко, хотя его кредитъ и невысоко стоялъ среди большевистскихъ экономистовъ, онъ, завоевавъ вниманіе своею критикою, увлекалъ затѣмъ слушателей и въ пользу своихъ «творческихъ проектовъ». Едва-едва, въ концѣ 1919 года не прошелъ его проектъ отмѣны денежной системы; подвергнувъ разгрому разрабатывавшіеся тогда въ комиссаріатѣ финансовъ и въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства проекты девальваціи, онъ выдвинулъ идею замѣны денежныхъ знаковъ — «натуральными свидѣтельствами» на право полученія опредѣленнаго количества опредѣленныхъ предметовъ первой необходимости; съ 1 января новаго года такими свидѣтельствами правительство должно было начать производить всѣ свои платежи, и одновременно должны были быть аннулированы всѣ денежные знаки; этимъ, по мысли автора, достигалось и уничтоженіе существующихъ капиталовъ, и стимулъ къ накопленію новыхъ (каждое свидѣтельство должно было быть годнымъ лишь въ теченіе небольшого срока), и введеніе истинно соціалистической системы обмѣна. Въ принципѣ, правда — съ нѣкоторыми измѣненіями, проектъ этотъ былъ даже утвержденъ совнаркомомъ, и только «техническія причины», то-есть условія печатанія этихъ «натуральныхъ» денегъ отсрочили изданіе заготовленнаго декрета, а затѣмъ, повидимому, обольщенные Ларинымъ законодатели опомнились, и «величайшая реформа» погибла въ материнскомъ чревѣ совнаркома, что немало обозлило ея огорченнаго отца. Таковъ этотъ знаменитый совѣтскій экономистъ, и сейчасъ играющій очень большую роль въ коммунистическомъ раю.

Рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ вошедшій въ составъ президіума В. С. Н. Х. зимою 1918—1919 года на короткій срокъ (онъ вскорѣ былъ назначенъ на постъ народнаго комиссара торговли и промышленности) нынѣшняя міровая знаменитость и, можетъ быть, соперникъ Ленина — Леонидъ Борисовичъ Красинъ. Красинъ былъ большевикомъ еще со временъ своихъ студенческихъ лѣтъ, и хотя послѣ 1905 года въ партіи не работалъ, но всѣхъ связей съ партіей не порывалъ, и въ 1917 году вновь къ ней примкнулъ. Однако, активно онъ не выступалъ, старательно отъ этого уклоняясь, и даже послѣ октябрьскаго переворота не сразу вступилъ въ ряды «совѣтскихъ работниковъ», но лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда режимъ пріобрѣлъ нѣкоторый намекъ на возможную устойчивость. Но и тутъ онъ уклонился отъ того, чтобы сразу занять какое-нибудь слишкомъ видное или слишкомъ отвѣтственное мѣсто въ совѣтской іерархіи, и довольствовался сначала сравнительно скромною ролью завѣдующаго однимъ изъ отдѣловъ въ петербургскомъ, кажется, совнархозѣ. Лишь послѣ Красинъ согласился на большую роль, и сразу занялъ отвѣтственнѣйшее положеніе, войдя въ президіумъ В. С. Н. Х. и получивъ одновременно въ завѣдываніе «отдѣлъ металлической промышленности», а вскорѣ и должность русскаго Карно — завѣдывающаго снабженіемъ красной арміи съ диктаторскими полномочіями (эту должность Красинъ сохранялъ за собой и будучи «наркомомъ» торговли и промышленности). Такое отношеніе правящихъ круговъ къ Красину объяснялось, повидимому, тѣмъ, что имъ сильно импонировали два обстоятельства. Первымъ было то, что на фонѣ теоретиковъ-эмигрантовъ, журналистовъ, самоучекъ-рабочихъ, или просто провинціальныхъ выскочекъ Красинъ былъ едва ли не единственный большевикъ съ партійнымъ стажемъ, имѣвшій за собою

большое и дѣйствительно солидное коммерческое и административно-хозяйственное прошлое. Онъ былъ представителемъ въ Россіи одной изъ міровыхъ электротехническихъ фирмъ, а именно —Сименса и Гальске, и директоромъ нѣкоторыхъ ихъ предпріятій въ Россіи; кромѣ того, онъ былъ членомъ правленія или директорствовалъ еще въ нѣсколькихъ крупныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, — и при этомъ пользовался репутаціей прекраснаго коммерсанта, талантливаго администратора и вообще дѣлового человѣка перворазряднаго калибра. Въ мирное время онъ зарабатывалъ (такъ утверждали хорошо знающіе его люди) свыше ста тысячъ рублей ежегодно, и ... эта цифра также производила нѣкоторое впечатлѣніе на «добивающихъ буржуазію» большевиковъ. Другимъ импонирующимъ обстоятельствомъ была несомнѣнно красинская манера держаться въ обхожденіи съ людьми. Сдержанный и ровный, онъ старался быть со всѣми «на дѣловой ногѣ»; отъ товарищескаго панибратства онъ очень вѣжливо, но настойчиво и умѣло уклонялся, былъ съ другими въ отношеніяхъ прекрасныхъ, но не допускалъ перехода этихъ отношеній въ господствующую среди большевиковъ непріятельскую фамильярность; и большевики оттого невольно чувствовали къ нему инстинктивное уваженіе и даже нѣкоторый смутный страхъ. Прочіе были другъ для друга открыты на распашку, и потому извѣстны другъ другу какъ облупленные. Красинъ пріоткрывался лишь на четверть, и ослѣпленные его дѣловымъ прошлымъ теоретики-фантасты считали, что въ немъ таится во сто кратъ больше силъ и возможностей, чѣмъ онъ это показываетъ. Обычные пріемы Красина и самая его наружность только усиливали это впечатлѣніе.

Высокаго роста, одѣтый очень элегантно, несмотря на наступившія уже не только для дамскаго, но и для мужского туалета тяжелыя времена, среднихъ лѣтъ, съ сѣдѣющими волосами и бородкой, съ лицомъ умнымъ и энергичнымъ, Красинъ безспорно сразу выдѣлялся среди другихъ и даже «бросался въ глаза». Рѣчистъ онъ не былъ, не потому, что не могъ, а потому что не хотѣлъ. Онъ словно цѣдилъ свои слова, какъ бы расцѣнивая ихъ на вѣсъ золота, аргументировалъ нехотя, какъ человѣкъ привыкшій къ тому, что ему вѣрятъ безъ доказательствъ, и каждымъ жестомъ и взглядомъ точно хотѣлъ сказать при этомъ: «я знаю еще очень много, и сказать могъ бы въ десять разъ больше, — но не хочется терять времени; не бойтесь, дѣти мои, положитесь на меня, и все пойдетъ по-хорошему». А большевистскимъ заоблачнымъ мечтателямъ уже тогда такъ хотѣлось прильнуть къ какой-нибудь крѣпкой земной фигурѣ, которая все знаетъ, все можетъ, возьметъ на себя всѣ практическія заботы, и избавитъ ихъ отъ постояннаго непріятнаго ощущенія туповатыхъ школьниковъ передъ трудной арифметической задачей. И они рады были полагаться на Красина, и звѣзда его быстро разгоралась. Надо, впрочемъ, сказать, что замѣчанія Красина были дѣйствительно почти всегда практичны и умны; лишь иногда, должно быть — съ цѣлью отъ времени до времени напомнить, что и онъ, чортъ возьми, большевикъ, Красинъ запускалъ что-нибудь, вполнѣ достойное самаго чистокровнаго поборника соціалистическаго хозяйства. Но обыкновенно въ предложеніяхъ Красина соціалистическаго было очень мало; зато, противъ чужой соціалистической фантастики онъ почти никогда не возражалъ, и когда она созрѣвала до фазиса декрета, онъ дѣлалъ видъ, что вполнѣ согласенъ съ тѣмъ направленіемъ политики, которое вылилось въ этомъ декретѣ. Большевики ему при этомъ вѣрили, но на другихъ, въ томъ числѣ и на меня, это производило впечатлѣніе явной неискренности. Его неискренность стала для меня несомнѣнной, когда я узналъ два-три случая отношенія Красина къ ходатайствамъ част-

ныхъ предпринимателей; во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда просители приходили со своими просьбами къ Рыкову и послѣдній вызывалъ въ свой кабинетъ Красина на совѣщаніе, Красинъ неизмѣнно давалъ просителямъ рѣзкую «соціалистическую» отповѣдь, предлагалъ Рыкову взять на себя детальный разборъ и рѣшеніе дѣла, дабы разгрузить его, то-есть Рыкова, и получивъ его согласіе, предлагалъ просителямъ явиться къ нему, Красину, завтра. А на завтра, онъ преспокойно, безъ всякихъ фразъ, исполнялъ не только то, о чемъ они просили, но и то, о чемъ они не смѣли и мечтать.

Иные заключали на этомъ основаніи, что Красинъ вовсе и не большевикъ. И... пожалуй, это правда. Я также склоненъ думать, что Красинъ — не большевикъ. Онъ былъ имъ въ юношескіе годы, и если не оборвалъ потомъ связей съ партіей, — то по той же причинѣ, по которой оппозиціонно настроенные русскіе интеллигенты охотно завязывали и поддерживали связи съ революціонными организаціями, по своему партійному направленію совершенно чуждыми для нихъ. Въ 1917 году, когда всѣ спѣшили разсортироваться по партіямъ, Красинъ примкнулъ, пассивно и формально, къ той группѣ, для которой онъ не былъ homo novus, и отъ которой онъ могъ поэтому, въ случаѣ надобности, на кое-что разсчитывать; можетъ быть также, предчувствуя, какъ и многіе, ту линію, по которой будетъ развиваться настроеніе рабочихъ массъ, онъ правильно учелъ, что числясь большевикомъ, онъ вѣрнѣе спасетъ отъ разоренія тѣ предпріятія, которыми онъ управляетъ. А потомъ... потомъ онъ выждалъ время, осмотрѣлся и нашелъ, что предъ нимъ открылся путь для головокружительной карьеры. Конечно, не въ достиженіи «высокаго» званія народнаго комиссара видѣлъ онъ эту карьеру. Красинъ слишкомъ уменъ и слишкомъ честолюбивъ, чтобы прельститься эфемернымъ блескомъ въ томъ же созвѣздіи, гдѣ сіяютъ тѣмъ же званіемъ всякіе Шляпниковы, Цурюпы, Середы и т. п. Честолюбіе рисуетъ ему перспективы поистинѣ грандіозныя. Отъ «русскаго Карно» къ «русскому Баррасу» — вотъ мелькающій передъ нимъ путь. Стать фактическимъ диктаторомъ большевистской Россіи и подъ большевистскимъ флагомъ привести ее отъ большевистской фантастики къ нормальному общественному порядку, и въ естественное воздаяніе за это сохранить въ новой Россіи и власть, и пріобрѣтенное, можетъ быть, по дорогѣ къ ней богатство — вотъ о чемъ думаетъ инженеръ Л. Б. Красинъ, вотъ гдѣ видится мнѣ разгадка этого человѣка.

Таковы были главенствующіе коммунисты въ В. С. Н. Х.

Изъ тѣхъ, что играли подчиненную роль, наиболѣе многочисленными были лица, просто «примазавшіяся» къ партіи, потому ли, что въ этомъ они видѣли возможность лучше устроиться и продвинуться по службѣ, или потому, что красный билетъ члена «компартіи» казался имъ лучшей гарантіей безнаказанности за слабость передъ искушеніями, манившими ихъ на совѣтскую службу. Среди этихъ quasi-коммунистовъ были фигуры разнаго пошиба, начиная отъ юристовъ, инженеровъ, офицеровъ спеціальнаго рода оружія и кончая бывшими околодочными надзирателями и сидѣльцами казенныхъ лавокъ. Ихъ образъ службы ничѣмъ не отличался отъ описанной выше «работы» безпартійныхъ авантюристовъ, съ тою развѣ разницей, что они на каждомъ шагу торжественно гремѣли своимъ партійнымъ званіемъ и требовали особаго къ себѣ уваженія.

Меньшая часть служащихъ коммунистовъ состояла изъ малообразованныхъ, и по большей части малокультурныхъ молодыхъ людей, увлекшихся больше-

вистскимъ экстремизмомъ и увѣровавшихъ въ обѣщанія немедленнаго рая. Эти со страшно озабоченнымъ видомъ носились цѣлыми днями по зданію совѣта, строчили справки или составляли какія то таблицы, думая, что они тѣмъ самымъ участвуютъ въ созиданіи счастья всего человѣчества, густо пересыпали разговоры сочно произносимымъ словомъ «товарищъ» или организовывали какія-нибудь коммунистическія «ячейки», организаціи «сочувствующихъ» и т. п. Они были безполезны, но и сравнительно безвредны.

Наконецъ, послѣднюю, наименѣе многочисленную группу составляли старые «пострадавшіе» большевики, бывшіе народные учителя и заводскіе конторщики, находившіеся въ ссылкѣ или сидѣвшіе когда то въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ вліятельными теперь лицами, — и пристроенные за это нынѣ на приличныя должности секретарей, управляющихъ дѣлами, завѣдующихъ подотдѣлами и т. п. По большей части это были люди честные, но отличающіеся потрясающею тупостью. Когда имъ надо было что-нибудь сдѣлать, они долго и безнадежно передвигали тяжеловѣсныя мысли, и доползши до какого-либо мнѣнія отправлялись совѣтоваться съ партійными товарищами, чтобы затѣмъ, въ концѣ концовъ, рѣшить, что будетъ осторожнѣе вообще отъ всякаго дѣйствія воздержаться. Только прямое приказаніе начальства могло выжать изъ нихъ какое либо дѣйствіе, да и то при условіи, что начальство было внѣ политическихъ подозрѣній.

Вотъ какіе люди призваны были «перестраивать» русское хозяйство.

IV

Можно ли было при такихъ условіяхъ «спасать цѣнности» и «смягчать режимъ» путемъ службы въ этомъ совѣтскомъ учрежденіи? Отвѣчу съ полною убѣжденностью въ правильности моего мнѣнія: да, безусловно можно.

Именно благодаря общей путаницѣ и безтолковщинѣ, невѣжественности или безпомощности однихъ и беззаботности или погонѣ за деньгами другихъ, можно было очень многаго добиться при опредѣленно продуманной и твердо проводимой линіи поведенія. Можно было настойчиво предлагать различныя мѣропріятія, преслѣдующія цѣли «спасенія» и «смягченія», подбирая для нихъ, конечно, менѣе контръ-революціонную мотивировку, — и уже одна такая настойчивость сильно дѣйствовала на людей, постоянно и сильно сомнѣвавшихся въ правильности своихъ рѣшеній по конкретнымъ вопросамъ; и если эти настоянія убѣждали, наконецъ. хоть одного изъ нихъ, и онъ соглашался внести отъ своего имени соотвѣтствующее предложеніе или проектъ, то дѣло можно было считать выиграннымъ. Еще легче было парализовать вредоносные замыслы коммунистическихъ прожектеровъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ихъ планы нетрудно было подвергать уничтожающей критикѣ, и притомъ имманентной, то-есть основанной на ихъ же собственныхъ исходныхъ предпосылкахъ; а такая критика всегда производила огромное впечатлѣніе и часто достигала желанныхъ результатовъ. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, почти всегда можно было добиться по меньшей мѣрѣ нѣкоторыхъ измѣненій, поправокъ и дополненій къ губительнымъ проектамъ подъ предлогомъ редакціонной обработки, большей детализаціи или еще чего нибудь въ этомъ родѣ. Все это было возможно, и все это нѣкоторыми изъ «смягчателей» продѣлывалось, — но, увы, это были немногія капли воды, изрѣдка проливаемыя на безпорядочно свирѣпствующее пламя разрушительнаго пожара. Такъ получалось потому, что для дѣйствительности

политики смягченія не хватало двухъ главнѣйшихъ условій, отсутствовавшихъ въ образѣ дѣйствій «смягчателей» и ихъ единомышленниковъ.

Для того, чтобы тяжкая работа по борьбѣ съ большевистской политикой, внутри его собственныхъ учрежденій, могла разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, необходима была прежде всего наличность двухъ обстоятельствъ; нужно было, чтобы эта работа не парализовалась разлагающимъ ее поведеніемъ московской буржуазной массы, — и нужно было, чтобы взявшіеся за нее интеллигенты дѣйствовали дружно, рѣшительно и неуклонно. Но какъ разъ ни одного изъ этихъ двухъ условій не было налицо, — и потому немудрено, что разрозненныя попытки отдѣльныхъ дѣятелей въ общемъ и цѣломъ потерпѣли несомнѣнный крахъ.

Что касается московской промышленной и торговой буржуазіи, то наиболѣе видные ея представители, за рѣдкими исключеніями, считались съ фактомъ существованія большевистскаго режима, но въ дѣловое сотрудничество съ нимъ не вступали и ужъ во всякомъ случаѣ не пользовались его экспериментами для того, чтобы на чужой гибели поживиться самимъ. Совсѣмъ иныя настроенія царили въ толпѣ среднихъ «буржуа»; первоначально и они, испуганные грозными выкриками большевистскихъ вождей, сторонились и прятались отъ совѣтскихъ властей и учрежденій, а иногда даже прямо бойкотировали ихъ; но понемногу выяснилось, что господа коммунисты нѣсколько отсрочиваютъ обѣщанное ими экономическое «додушеніе буржуазіи», а пока что не прочь съ буржуазіей даже поработать въ «контактѣ», путемъ ли приглашенія ея представителей для участія въ управленіи націонализированными предпріятіями или даже путемъ разнаго рода «казенныхъ заказовъ» и субсидій «на общественно-полезныя» цѣли. Послѣдній видъ «контакта» былъ особенно соблазнителенъ для изголодавшихся по «чистой прибыли» промышленниковъ и коммерсантовъ, и предъ этимъ соблазномъ они не устояли. Съ весны 1918 года ледъ былъ сломанъ, и плотною толпою московскій коммерческій людъ хлынулъ на приступъ учрежденій, раздававшихъ заказы и субсидіи. Если бы при этомъ, стремленія представителей буржуазіи не выходили за предѣлы дѣйствительныхъ коммерческихъ возможностей и нормальнаго хозяйственнаго оборота, — то, можетъ быть, говорить о нихъ не приходилось бы. Но практическіе люди быстро смекнули, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и, соотвѣтственно этому, проявили аппетитъ къ такой наживѣ, которая была неминуемо связана съ разгромомъ россійской казны или съ разрушеніемъ россійскаго хозяйства. Они гнались за субсидіями, во много разъ превышавшими и ихъ потребности, и казначейскія возможности; они, пользуясь неопытностью контрагентовъ, заламывали такія цѣны, что оставалось только разводить руками; они увлекали коммунистическихъ младенцевъ на договоры, составленные такъ, что и будущей послѣбольшевистской казнѣ неминуемо пришлось бы съ ними считаться, да еще, считаясь, тяжело крякнуть. Но все это было бы еще полъ-бѣды. Гораздо хуже было другое. Раздобывая заказъ и ссылаясь на невозможность обзавестись потребнымъ для его выполненія сырьемъ, топливомъ, инвентаремъ въ нормальномъ порядкѣ, они добивались того, чтобы всѣмъ этимъ ихъ снабдило правительство, взявъ нужные матеріалы и оборудованіе съ другихъ фабрикъ и заводовъ и такимъ образомъ оголивъ и разоривъ послѣдніе; и не только націонализированныя уже предпріятія для такого закланія въ жертву намѣчались; нѣтъ, властямъ подсказывалось, что вотъ на такомъ то «частновладѣльческомъ» заводѣ все это есть, но чтобы его обчистить, надо его націонализировать; и націонализація не заставляла себя

ждать: долго ли выстукать на машинкѣ шаблонный декретъ? И часто пригомъ, вмѣстѣ съ топливомъ съ чужой фабрики къ счастливцу попадала и часть чужой мануфактуры, то-есть находившійся на складѣ запасъ готовыхъ издѣлій; конечно, это стоило денегъ, но вѣдь «не подмажешь — не поѣдешь». И нерѣдко для безстѣнчиваго совѣтскаго контрагента разорялось цѣнное дѣло. Потомъ, когда полугодомъ позже, большевистскій прессъ нажалъ покрѣпче, выяснилось, что все это по большей части въ прокъ не пошло, но тогда въ половинѣ 1918 года теплились еще надежды, что большевики остановятся на экономическомъ компромиссѣ.

При такомъ образѣ дѣйствій стоявшаго внѣ стѣнъ В. С. Н. Х. буржуазнаго элемента невозможно было внутри самого совѣта бороться противъ соотвѣтствующихъ безумствъ. «Контрагенты» умѣли и «подсыпать», гдѣ надо, и убѣждать «безхитростнымъ дѣловымъ» языкомъ; они умѣли парализовать всѣ старанія «смягчателей» и даже порою бывали на нихъ въ большой обидѣ; они требовали даже иногда отъ нихъ содѣйствія ихъ самымъ отчаяннымъ затѣямъ, и въ оправданіе себѣ говорили: «за обиженныхъ не безпокойтесь; когда нибудь мы съ ними разсчитаемся; а пока надо ловить моментъ». И ловили...

Еще хуже, впрочемъ, обстояло дѣло съ самими «смягчателями». Подавляющее большинство ихъ, переступивъ порогъ совѣтскаго учрежденія, какъ то вдругъ теряли свою первоначальную храбрость и начинали терзаться опасеніями на тему о томъ, какъ бы не были раскрыты ихъ «злонамѣренные» замыслы. За опасеніями являлось стремленіе какъ-нибудь себя застраховать; въ цѣляхъ такой страховки одни старались завязать тѣсныя личныя связи съ сослуживцами-коммунистами, и часто больно было видѣть, какъ какой-нибудь культурный и интеллигентный человѣкъ заискивающе напрашивается въ интимные пріятели грубому и непорядочному проходимцу; другіе избирали болѣе объективный методъ страховки; они въ своей работѣ старались зарекомендовать себя, какъ добросовѣстныхъ исполнителей коммунистическихъ предначертаній, съ убѣжденнымъ видомъ осуществляли гибельныя велѣнія свыше и даже сами предлагали соотвѣтственныя мѣропріятія. Одинъ изъ такихъ «страхующихся», довольно видный общественный дѣятель, поучалъ меня браня мою «неосторожность»: «Вы еще слишкомъ молоды; повѣрьте мнѣ: надо сначала внушить къ себѣ довѣріе, и тогда Вы будете командовать какъ на парадѣ». Но увы! Оба метода самострахованія приводили только лишь къ печальнымъ результатамъ. Личнымъ пріятельствомъ съ коммунистами достигалось только то, что они начинали смотрѣть на человѣка, какъ на вполовину своего, и брали его, если не «на учетъ», то во всякомъ случаѣ подъ присмотръ въ надеждѣ развить его до полной «сознательности»; и присмотръ выражался какъ въ томъ, что они пытались отгородить пріятеля отъ «вредныхъ вліяній», то-есть отъ его прежнихъ друзей и знакомыхъ, такъ и въ томъ, что они начинали слѣдить за коммунистической чистотой его служебной дѣятельности (не ради «пользы дѣла», но ради спасенія его души). И сопротивляться этому дружескому нажиму было очень трудно, почти невозможно; уклоненіе отъ него квалифицировалось, какъ «измѣна», измѣннику грозили, измѣнникъ пугался и окончательно увязалъ въ неосторожно избранной имъ, вмѣсто прямого пути, трясинѣ. Не лучше былъ и методъ саморекомендаціи. На такого работника его коммунистическое начальство начинало смотрѣть, какъ на человѣка опредѣленно соціалистическихъ въ хозяйственныхъ вопросахъ убѣжденій, и заранѣе всегда ожидало отъ него соотвѣтственныхъ мнѣній и дѣйствій; и если онъ, вопреки такимъ ожиданіямъ,

вдругъ поступалъ иначе, это бросалось въ глаза, это дѣлалось подозрительнымъ, думали, что онъ спеціально «заинтересованъ» въ данномъ дѣлѣ, а это могло кончиться очень плохо, и иногда такъ и кончалось. Я помню случай, когда одинъ изъ такихъ смягчателей, провинціальный педагогъ, служившій подъ начальствомъ извѣстнаго коммуниста Р. Арскаго, рѣшилъ, наконецъ, перейти къ политикѣ смягченія и составилъ для Арскаго проектъ доклада въ президіумъ В. С. Н. Х. въ духѣ своихъ желаній; Арскій, прочитавъ проектъ, вызвалъ бѣднягу и со свойственной ему рѣзкостью спросилъ: «сколько Вамъ заплачено?» Тотъ опѣшилъ, потомъ возмутился, началъ доказывать свою чистоту (человѣкъ онъ былъ дѣйствительно честнѣйшій); но Арскій не повѣрилъ: «я не могу допустить, чтобы Вы съ Вашими взглядами дѣйствительно думали то, что написали». Несчастный былъ преданъ въ руки чрезвычайки и просидѣлъ подъ стражей восемь мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ заключенъ въ концентраціонный лагерь. Такъ «страхующіеся» интеллигенты невольно и неминуемо превращались въ простыхъ слугъ ихъ коммунистическихъ господъ.

Еще непріятнѣе было другое явленіе. Очень многіе интеллигенты, поступавшіе на совѣтскую службу съ наилучшими намѣреніями, вскорѣ проникались неумѣстнымъ административнымъ честолюбіемъ или стремленіемъ сдѣлать служебную карьеру въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, въ коихъ это было для «спеца» доступно. Нѣкоторую роль играло здѣсь и продвиженіе къ болѣе высокимъ окладамъ, что при усиливавшейся съ каждымъ часомъ тягостности московской жизни могло быть приманкой немаловажной. И ради такихъ карьерныхъ мотивовъ люди очень скоро забывали всѣ свои благородные воинственные планы и вступали на традиціонный путь всѣхъ желающихъ выслужиться чиновниковъ, — то-есть поддѣлывались подъ всѣ желанія и капризы, подъ всѣ фантазіи и нелѣпости своего начальства, стараясь быть plus royaliste que le roi-même. Они начинали прилагать всю силу своей интеллигентности и образованія къ тому, чтобы придать завершенный видъ коммунистическимъ операціямъ, и нерѣдко благодаря имъ мѣра, сравнительно безобидная въ своей первоначальной формѣ, слишкомъ грубой и примитивной, чтобы быть страстной, — пріобрѣтала остро одіозный характеръ. Мало того, они начинали примѣнять всѣ декреты и распоряженія на практикѣ не по точному смыслу ихъ, но «по духу текущей экономической политики правительства», и такимъ образомъ часто лишали гражданъ даже тѣхъ послѣднихъ остатковъ, которые милостиво сохранялись за ними буквою законодательства. Не могу не вспомнить одного весьма виднаго московскаго общественнаго дѣятеля, благодаря такой дѣятельности котораго были окончательно добиты многія акціонерныя предпріятія, еще не подвергшіяся окончательной націонализаціи. То онъ истолковывалъ декретъ, сохранявшій право на дивидендъ за фактическими директорами предпріятія, въ томъ смыслѣ, что при развивающемся процессѣ націонализаціи декретъ этотъ потерялъ свой смыслъ и силу, то онъ разъяснялъ, что съ націонализаціей одного изъ предпріятій общества, прочія предпріятія того же общества должны расплатиться по долгамъ націонализованнаго, но не получаютъ принадлежащихъ ему кредиторскихъ правъ, то просто какимъ либо инымъ путемъ явно несправедливо «ущемлялъ буржуя». А еще недѣли за двѣ до своего поступленія на службу онъ говорилъ мнѣ: «меня зовутъ въ В. С. Н. Х., но я на это пойти не могу; я не могу взять на себя моральную отвѣтственность за его дѣятельность». А потомъ въ оправданіе своихъ дѣйствій онъ говорилъ: «я не большевикъ, но я вѣдь все таки соціалистъ, и противъ соціализаціи народнаго хозяйства дѣйствовать не

буду». Онъ достигъ своихъ цѣлей; онъ быстро подвигался по службѣ... Та же награда уготована была и другимъ карьеристамъ изъ бывшихъ «смягчателей»: выдвинуться на совѣтской службѣ было очень нетрудно.

При такихъ условіяхъ люди, не очень поддавшіеся страхамъ и соблазнамъ, продуктивно работать, конечно, не могли. Они чувствовали себя одинокими, не были другъ въ другѣ увѣрены, ихъ постоянно подводили собственные единомышленники, — да притомъ еще эти бывшіе единомышленники почти всегда вели противъ нихъ личную интригу. Ихъ присутствіе смущало «бывшихъ», ихъ противодѣйствіе раздражало, — ихъ старались удалить. Картина получалась не веселая.

Всѣ эти явленія постепенно усиливались къ концу 1918 года, когда они окончательно кристаллизовались и утвердились въ связи съ намѣтившимся тогда «укрѣпленіемъ» совѣтской власти съ одной стороны, и расцвѣтомъ кроваваго террора съ другой. — Относительная побѣда на волжскомъ фронтѣ, революція въ Германіи, какъ будто также собиравшаяся облечься въ одежды экстремизма, присмиреніе буржуазной части общества, все это внушало многимъ мнѣніе, что совѣтскій режимъ оказался побѣдителемъ, что ему принадлежитъ будущее въ Россіи еще на очень много лѣтъ, что даже, можетъ быть, не такъ ужъ фантастичны большевистскія мечты о міровомъ пожарѣ. А одновременно съ этимъ чрезвычайка начала ловлю «контръ-революціонеровъ» и безудержную расправу съ ними; стало слишкомъ опаснымъ возбуждать подозрѣнія въ контръ-революціонности, стало расти желаніе заслужить себѣ репутацію «честнаго слуги пролетаріата». Вмѣстѣ съ тѣмъ, и политика правящихъ круговъ, ускоряя съ каждымъ шагомъ свой темпъ, двинулась по пути полной реализаціи всѣхъ коммунистическихъ методовъ и въ хозяйствѣ, и въ другихъ областяхъ жизни. «Спасать» и «смягчать» было уже невозможно. Оставалось только или махнуть на все рукой, или бѣжать...

И только одно сохранялось все же свѣтлое пятно въ тягостной картинѣ интеллигентской службы у большевиковъ. Если шедшіе на эту службу съ горделивыми планами обезвреженія большевизма въ большинствѣ случаевъ дѣлались его мало достойными прислужниками, — то, наоборотъ, обыкновенный средній интеллигентъ, откровенно ради куска хлѣба рѣшавшійся, наконецъ, на этотъ шагъ, — въ большинствѣ случаевъ — умѣлъ остаться самимъ собою, не переступая границъ, диктовавшихся его общественной совѣстью. Онъ или рѣшительно ничего не дѣлалъ, слоняясь по корридорамъ, гоняясь за продовольствіемъ, болтая и превращая канцелярію въ клубъ, — или механически исполнялъ распоряженія начальства, стараясь придать ихъ исполненію по возможности приличныя формы. Онъ часто страдалъ отъ того толченія воды въ ступѣ, въ которомъ заключалась сущность его «работы», томился отъ вынужденнаго бездѣлья или отъ нелѣпости дѣла и утѣшалъ себя надеждою на лучшія времена.

Документы

ДОКУМЕНТЫ

ПОСЛѢДНІЙ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ М. В. РОДЗЯНКО.*

(10 февраля 1917 года.)

14 февраля предстоитъ возобновленіе занятій Государственной Думы, поэтому позвольте мнѣ, Государь, высказать мои соображенія о линіи возможнаго ея поведенія и мотивировать его.

Одиннадцать лѣтъ существованія Государственной Думы и одиннадцать лѣтъ непрерывной борьбы между правительствомъ и тѣми, кто отстаиваетъ новый конституціонный строй.

Въ первый періодъ русской жизни при новомъ строѣ бюрократическое правительство имѣло значительное количество сторонниковъ. Въ то время правительство, поддержанное значительнымъ большинствомъ, имѣло основаніе своего критическаго отношенія къ Государственной Думѣ перваго и второго созывовъ, такъ какъ разногласіе между правительствомъ и народными представителями касалось коренныхъ вопросовъ и, кромѣ того, со стороны народнаго представительства было предъявлено требованіе отвѣтственнаго министерства, какъ слѣдствія, вытекающаго изъ манифеста 17 октября.

Необходимо, тѣмъ не менѣе, отмѣтить, что этотъ лозунгъ раздался послѣ того, какъ правительство выступило въ Государственной Думѣ съ отвѣтомъ на всеподданнѣйшій адресъ въ агрессивномъ тонѣ.

Далека отъ этихъ стремленій была Государственная Дума третьяго созыва, и еще менѣе заслуживаетъ этого упрека Государственная Дума нынѣшняго созыва, которую война заставила отказаться отъ всякихъ партійныхъ лозунговъ и программъ. Ея единственной цѣлью было объединеніе всѣхъ силъ для успѣшной борьбы съ врагомъ.

Въ то же время правительство испугалось этого могучаго общественнаго порыва, видя въ немъ стремленіе къ захвату власти, и въ цѣляхъ предотвращенія этого, не только не постаралось использовать этотъ общественный подъемъ, но всячески стремилось погасить его.

Этимъ способомъ, который имѣлъ свои реальныя послѣдствія, въ смыслѣ разстройства нашего тыла, правительство съ каждымъ днемъ утрачивало своихъ сторонниковъ и въ настоящее время оно насчитываетъ ихъ отдѣльными единицами. Образовалось два лагеря — на одной сторонѣ правительство и на другой сторонѣ страна.

Война показала, что безъ участія народа страной править нельзя.

Въ тягчайшее время нашихъ военныхъ испытаній (отходъ нашихъ войскъ изъ Галиціи) пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію народныхъ представителей. Дума сумѣла поддержать бодрость духа и возбудить общественную самодѣятельность до степени тѣхъ результатовъ, которые достигнуты въ дѣлѣ снабженія арміи.

---

* Настоящій докладъ является частью матеріала, собраннаго учрежденной Вр. Правительствомъ «Чрезвычайной комиссіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ». Онъ былъ отпечатанъ въ вышедшей въ 1921 г. въ Петербургѣ книгѣ Александра Блока «Послѣдніе дни императорской власти». — Прим. ред.

Эта заслуга Государственной Думы была учтена страной, эту заслугу почувствовала и оцѣнила армія, которая и въ настоящее время чутко прислушивается ко всему, что происходитъ у насъ въ тылу.

Мы подходимъ къ послѣднему акту міровой трагедіи въ сознаніи, что счастливый конецъ для насъ можетъ быть достигнутъ лишь при условіи самаго тѣснаго единенія власти съ народомъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этого нѣтъ, и безъ коренного измѣненія всей системы управленія быть не можетъ. Это убѣжденіе не только насъ, членовъ Государственной Думы, но въ настоящее время это убѣжденіе и всей мыслящей Россіи, ибо недовѣріе правительства къ общественнымъ силамъ, ревнивое и недоброжелательное отношеніе къ нимъ и умышленныя препятствія, чинимыя въ ихъ энергичной патріотической работѣ, естественно не могутъ вселить въ странѣ довѣріе къ такому правительству и служить залогомъ счастливаго окончанія войны.

Россія объята тревогой, эта тревога не только естественна, но и является совершенно необходимой. Она вылилась въ многочисленныхъ резолюціяхъ, извѣстныхъ уже Вашему Величеству. Къ Вамъ неоднократно доносилась мольба о томъ, что надо спасать отечество, которое находится въ опасности исключительной, вслѣдствіе коренного разногласія между народомъ и правительствомъ и взаимнаго ихъ непониманія другъ друга.

Мы видимъ, какъ во время войны перестроилась власть соотвѣтственно съ требованіями момента у нашихъ союзниковъ, и какихъ огромныхъ результатовъ достигли они этой мѣрой. Что же въ это время дѣлаемъ мы? Въ то время какъ вся Россія сумѣла сплотиться воедино, отбросивъ въ сторону всѣ свои разногласія, правительство въ своей средѣ не сумѣло даже сплотиться, а единеніе страны вселило даже въ него страхъ. Оно не только не измѣнило своихъ методовъ управленія, но и вспомнило свою старую, уже давно отжившую систему. Съ прежней силой возобновились аресты, высылки, притѣсненія печати. Подъ подозрѣніемъ находятся даже тѣ элементы, на которыхъ раньше всегда опиралось правительство, подъ подозрѣніемъ вся Россія.

Создавшееся соединеніе правительство стремится разрушить. Запрещая дѣловые съѣзды всевозможныхъ общественныхъ организацій, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ съѣзды, такъ называемыхъ, монархическихъ организацій, очевидно, съ спеціальною цѣлью возбудить партійный раздоръ.

Неужели же этими мѣрами можно достигнуть благополучнаго конца? Неужели же эти мѣры могутъ измѣнить настроеніе и успокоить тревогу? Мѣры эти оскорбительны и являются ничѣмъ инымъ, какъ вызовомъ обществу, а, слѣдовательно, и результаты ихъ будутъ совершенно обратные. Раздраженія, внесенныя въ слои населенія, будутъ усугубляться по мѣрѣ того, какъ самыя мѣры, принимаемыя правительствомъ въ этомъ отношеніи, становятся все болѣе крутыми. Этимъ правительство окончательно подрываетъ свой авторитетъ.

Этого авторитета у правительственной власти уже нѣтъ, и бюрократическому правительству не удастся его болѣе пріобрѣсти послѣ печальнаго и неудачнаго опыта править страной въ тяжелыя годины ея существованія, не умѣя приспособляться ни къ нуждамъ, ни къ настроенію страны.

Я съ горечью долженъ отмѣтить, что тревога эта передалась нашимъ союзникамъ послѣ того, какъ делегаціи имѣли возможность воочію убѣдиться въ справедливости причинъ, вызывающихъ нашу тревогу.

Чувствуя возможность приближенія окончанія войны, тревога наша усиливается, такъ какъ мы сознаемъ, что въ моментъ мирныхъ переговоровъ страна можетъ быть сильна въ своихъ требованіяхъ только при условіи, когда у нея будетъ правительство, опирающееся на народное довѣріе. Безъ этого условія на этой конференціи нашъ голосъ будетъ слабый, и мы не сможемъ пожать тѣхъ плодовъ. которые достойны будутъ принесенныхъ нами жертвъ.

Эта наша тревога усугубляется еще тѣмъ, что разстройство тыла угрожаетъ намъ возможностью безпорядковъ на почвѣ продовольственной разрухи, которые, конечно, нельзя будетъ прекратить силою оружія.

Уже многое испорчено въ корнѣ и непоправимо, если бы даже къ дѣлу управленія были привлечены геніи. Но, тѣмъ не менѣе, смѣна лицъ и не только лицъ, а и всей системы управленія, является совершенно настоятельной и неотложной мѣрой.

Хотя, какъ я указалъ, новыя лица не смогутъ много исправить и многое наладить, но, тѣмъ не менѣе, вѣра населенія въ нихъ дастъ увѣренность, что все возможное въ этомъ отношеніи дѣлается, и эта вѣра будетъ стимуломъ къ болѣе терпѣливому отношенію къ тѣмъ тягостямъ жизни, въ значительной долѣ коихъ повинно правительство послѣднихъ лѣтъ.

Переходя къ предстоящимъ работамъ Государственной Думы, если они будутъ имѣть мѣсто при прежнихъ условіяхъ, мы должны обратить вниманіе на ту программу работъ, которую въ этомъ отношеніи намѣчаетъ правительство.

Всѣ вопросы, связанные съ войной, оно разрѣшаетъ самостоятельно. Что же оно вноситъ въ Думу? Оно заваливаетъ ее безсистемно законопроектами, имѣющими отдаленное значеніе для мирнаго времени.

Въ предвидѣніи возможной рѣзкой критики своихъ дѣйствій, правительство, устами Предсѣдателя Совѣта Министровъ, обращается къ Предсѣдателю Думы съ заявленіемъ о томъ, что мы должны употребить героическія усилія, дабы сохранить спокойствіе. Развѣ эти слова не свидѣтельствуютъ сами по себѣ, что условія нашей жизни не таковы, чтобы можно было соблюсти это спокойствіе? Рекомендуя намъ употребить героическія усилія, въ свою очередь, правительство не желаетъ употребить даже малѣйшихъ усилій для того, чтобы сдѣлать нашу работу спокойной.

Государственная Дума высказывала уже не разъ свое отношеніе къ моменту и отъ этого отступить не можетъ.

Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ не только ничто не измѣнилось къ лучшему, а наоборотъ. Правительство все ширитъ пропасть между собой и народнымъ представительствомъ. Министры всячески устраняютъ возможность узнать Государю истинную правду. Развѣ не характерно въ этомъ отношеніи поведеніе военнаго министра, который даже отказалъ доложить Вашему Величеству просьбу членовъ Особаго Совѣщанія? Развѣ возможна общая работа съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, котораго товарищъ его по делегаціи уличаетъ въ преднамѣренной лжи и который не находитъ нужнымъ такъ или иначе оправдаться? Развѣ возможна совмѣстная работа съ этимъ министромъ, который въ опьяненіи своей властью распространяетъ слухи о томъ, что имъ помимо Думы будутъ разрѣшены еврейскій и аграрный вопросы, — который, въ то время когда посредствомъ рабочихъ депутатовъ въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ удается сдерживать на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ на дѣло обороны, волненія, опубликовываетъ правительственное сообщеніе, въ которомъ опорочиваетъ всю ихъ дѣятельность, весьма полезную, и указываетъ на то, что эта дѣятельность была направлена исключительно на созданіе революціи. Онъ грозитъ нашу тревогу подавить пулеметами, онъ усиленно прибѣгаетъ къ арестамъ и высылкамъ, онъ, какъ никогда, стѣснилъ печать. Если такого рода цензура будетъ примѣнена и къ стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы, то это, несомнѣнно, снова породитъ тѣ же уродливыя явленія, которыя имѣли мѣсто ранѣе. Будутъ появляться апокрифическія рѣчи членовъ Государственной Думы возмутительнаго содержанія, что уже имѣло мѣсто, и раздаваться чьей-то невидимой рукой въ населеніе и въ армію, подрывая авторитетъ законодательнаго учрежденія, этого единственно сдерживающаго въ настоящій моментъ центра.

Государственной Думѣ грозятъ роспускомъ, но вѣдь она въ настоящее время по своей умѣренности и настроеніямъ далеко отстала отъ страны. При такихъ условіяхъ роспускъ Думы не можетъ успокоить страну а если въ это время, не дай Богъ, насъ постигнетъ, хотя бы частичная, военная неудача, то кто же тогда подниметъ бодрость духа народа?

Кромѣ того страна должна быть увѣрена, что во время мирной конференціи, правительство должно имѣть опору въ народномъ представительствѣ. Измѣненіе состава народныхъ представителей къ этому времени, при полной неизвѣстности, какіе результаты можетъ дать эта мѣра, представляется крайне опаснымъ. Поэтому, необходимо

немедля же разрѣшить вопросъ о продленіи полномочій нынѣшняго состава Государственной Думы внѣ зависимости отъ ея дѣйствій, ибо самое условіе, которое ставится правительствомъ о томъ, что полномочія могутъ быть продлены лишь въ случаѣ сохраненія спокойствія Государственной Думы, является само по себѣ оскорбительнымъ, такъ какъ оно доказываетъ, что правительство не только не нуждается, но даже не интересуется правдивымъ и искреннимъ мнѣніемъ страны. Такую мѣру продленія полномочій во время войны признали естественной и необходимой наши союзники.

Колебанія же принятія такой мѣры нашего правительства, равнымъ образомъ, какъ и отсрочка принятія этой мѣры, порождаетъ убѣжденіе, что именно въ моментъ мирныхъ переговоровъ правительство не желаетъ быть связаннымъ съ народнымъ представительствомъ. Это, конечно, вселяетъ еще большую тревогу, ибо страна окончательно потеряла вѣру въ нынѣшнее правительство.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, никакія героическія усилія, о которыхъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, предпринимаемыя Предсѣдателемъ Государственной Думы, не могутъ заставить Государственную Думу итти по указкѣ правительства, и едва ли Предсѣдатель, принимая для этого со своей стороны какія либо мѣры, былъ бы правъ и передъ народнымъ представительствомъ и передъ страной. Государственная Дума потеряла бы довѣріе къ себѣ страны и тогда, по всему вѣроятію, страна, изнемогая отъ тяготъ жизни, въ виду создавшихся неурядицъ въ управленіи, сама могла бы стать на защиту своихъ законныхъ правъ. Этого допустить никакъ нельзя, это надо всячески предотвратить и это составляетъ нашу основную задачу.

Предсѣдатель Государственной Думы
Михаилъ Родзянко.

10 февраля 1917 года.

Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста

о дѣятельности Чрезвычайной Комиссіи въ Кіевѣ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ РОССІЙСКАГО КРАСНАГО КРЕСТА
Помощи жертвамъ гражданской войны.

14 февраля 1920 года.

Въ Международный Комитетъ Краснаго Креста
въ Женевѣ.

Центральный Комитетъ Россійскаго Общества Краснаго Креста при семъ представляетъ очеркъ, составленный на основаніи доклада сестеръ милосердія Краснаго Креста, въ теченіе семи мѣсяцевъ оказывавшихъ помощь заключеннымъ въ тюрьмахъ города Кіева во время власти большевиковъ.

Воздерживаясь въ силу понятныхъ причинъ отъ опубликованія именъ сестеръ милосердія, Комитетъ свидѣтельствуетъ, что сестры эти хорошо извѣстны Красному Кресту, какъ честныя и самоотверженныя работницы, показанія коихъ заслуживаютъ безусловнаго довѣрія.

Красный Крестъ всегда считалъ своимъ долгомъ поднимать голосъ протеста, когда на глазахъ цивилизованнаго міра нарушались основныя требованія международнаго права и справедливости.

Картины насилій, ужаса и крови, нарисованныя ниже, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи культурнаго человѣчества. Замалчивать ихъ было бы преступленіемъ. Это и побуждаетъ насъ предоставить прилагаемыя при семъ страницы въ распоряженіе Международнаго Комитета въ Женевѣ, являющимся центромъ міровой дѣятельности Краснаго Креста и хранителемъ и защитникомъ его высокихъ идеаловъ.

И. д. предс. Комитета
(подпись) Д-ръ Юрій Ладыженскій

СООБЩЕНІЕ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІИ ВЪ КІЕВѢ.

I. Судьи и Палачи.

Кіевъ, бывшій до революціи однимъ изъ самыхъ богатыхъ и благоустроенныхъ южно-русскихъ городовъ, за послѣдніе два года нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и былъ ареной кровавой гражданской войны. Иногда она выражалась въ ожесточенныхъ уличныхъ бояхъ, иногда въ свирѣпыхъ погромахъ, когда красные безпощадно истребляли своихъ враговъ, безоружныхъ, неожидавшихъ нападенія. Такъ, въ февралѣ 1918 года, въ теченіе нѣсколькихъ дней, большевики вырѣзали въ Кіевѣ болѣе 2000 русскихъ офицеровъ, а съ февраля 1919 г. открыла свои дѣйствія, такъ называемая, «Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей», которая занялась систематическимъ истребленіемъ противниковъ.

Этотъ своеобразный институтъ, отчасти повторяющій средневѣковую инквизицію составляютъ политическую опору совѣтской власти. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было правовыхъ понятій, какой бы то ни было тѣни законности, безнаказанность палачей, беззащитность жертвъ, жестокость, порождающая садизмъ, — вотъ главныя особенности Чрезвычайной Комиссіи, которую принято сокращенно называть чрезвычайка или Ч.-К.

Передъ тѣмъ, какъ большевики въ февралѣ 1919 г. заняли Кіевъ, въ городѣ два мѣсяца царствовалъ Петлюра. Вождь украинскихъ самостійниковъ тоже допускалъ грабежъ, насиліе и убійства. При немъ тоже были разстрѣлы, но они производились исподтишка, украдкой. Встрѣтятъ на улицѣ русскаго офицера, или вообще человѣка, по возрасту и обличью похожаго на офицера, выведутъ на свалку, пристрѣлятъ и тутъ же бросятъ. Иногда запорютъ шомполами на смерть, иногда на полусмерть. Во время междуцарствія, когда Петлюра ушелъ изъ Кіева, а большевики еще не вошли, было найдено въ разныхъ частяхъ города около 400 полуразложившихся труповъ, преимущественно офицерскихъ. Примѣнялъ Петлюра и систему заложничества, возилъ съ собой бывшихъ министровъ, Митрополита Антонія, нѣсколько дамъ изъ аристократіи. Надъ заложниками издѣвались, не разъ грозили имъ смертью. Когда Петлюровцы разбѣжались — заложники были освобождены. Петлюровцы совершали преступленія случайно и безсистемно, давая возможность каждому дѣлать, что ему вздумается. При совѣтскомъ правительствѣ уголовныхъ преступленій стало гораздо меньше. Право убивать себѣ подобныхъ было предоставлено исключительно совѣтскимъ чиновникамъ.

Большевики вошли въ Кіевѣ въ февралѣ 1919 года и на слѣдующій же день начала свои дѣйствія Чрезвычайка, вѣрнѣе даже не одна, а нѣсколько. Штабы полковъ, районные комитеты, милиція, каждое отдѣльное совѣтское учрежденіе представляли изъ себя какъ бы филіалъ Чрезвычайной комиссіи. Каждое изъ нихъ арестовывало и убивало. По всему городу хватали людей. Когда человѣкъ исчезалъ, найти его было очень трудно, тѣмъ болѣе, что никакихъ списковъ арестованныхъ не было, а справки совѣтскія учрежденія давали очень неохотно. Центромъ сыска и казней была Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія. У нея были развѣтвленія и отдѣлы: такъ называемая Губчека, т. е. Губернская Чрезвычайка, Лукьяновская тюрьма, Концентраціонный лагерь, помѣщавшійся въ старой пересыльной тюрьмѣ. Опредѣлить взаимоотношенія и даже количество этихъ учрежденій не легко. Помѣщались они въ разныхъ частяхъ города, но, главнымъ образомъ, въ Липкахъ, въ нарядныхъ особнякахъ, которыхъ много въ Кіевѣ.

Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія (В.У.Ч.К.) заняла на углу Елизаветинской и Екатерининской большой особнякъ Попова. Въ немъ былъ подвалъ, гдѣ происходили убійства. Вообще расправы совершались вблизи, если можно такъ выразиться, присутственныхъ мѣстъ и мѣстъ заключенія. Крики и стоны убиваемыхъ были слышны не только въ мѣстахъ заключенія, но и въ залѣ, гдѣ засѣдали слѣдователи, разносились по всему дому Попова. Вокругъ В. У. Ч. К. цѣлый кварталъ былъ занятъ разными отдѣлами совѣтской инквизиціи. Черезъ дорогу, въ Липскомъ переулкѣ, жили наиболѣе важные комиссары. Въ этомъ домѣ происходили оргіи, сплетавшіяся съ убійствомъ и кровью. По другую сторону улицы помѣшалась комендатура, во дворѣ которой одинъ

домъ былъ отведенъ подъ заключенныхъ. Противъ этого дома во дворѣ иногда производились разстрѣлы. Туда приводили и заключенныхъ съ Елизаветинской улицы, гдѣ, въ такъ называемомъ Особомъ Отдѣлѣ, сидѣли, главнымъ образомъ арестованные за политическія преступленія. Эти дома, окруженные садами, да и весь кварталъ кругомъ нихъ, превратились подъ властью большевиковъ въ царство ужаса и смерти. Немного дальше, на Институтской улицѣ, въ домѣ Генералъ-Губернатора была устроена Губернская Чрезвычайная Комиссія (сокращенно ее называли Губчека). Во главѣ ея стоялъ Угаровъ. Съ его именемъ кіевляне связываютъ самыя страшныя страницы большевистскихъ застѣнковъ.

Дѣятельность Чрезвычайной Комиссіи нельзя ввести ни въ какія логическія схемы. Аресты производились совершенно произвольно, чаще всего по доносамъ личныхъ враговъ. Недовольные служащіе, прислуга, желающая за что-нибудь отомстить своимъ хозяевамъ, корыстные виды на имущество арестованныхъ, все могло послужить поводомъ ареста, а затѣмъ и разстрѣла. Но въ основу, въ идеологію Ч. К., была положена теорія классовой борьбы вѣрнѣе классоваго истребленія. Объ этомъ неоднократно заявляла большевистская печать*, это проводилось въ спеціальныхъ журналахъ Ч. К., какъ напримѣръ въ газетѣ «Красный Мечъ».

За популярность почти всегда платились тюрьмой. Кромѣ того, бывали случаи массовыхъ арестовъ людей по профессіямъ и не только офицеровъ, но банковскихъ служащихъ, техниковъ, врачей, юристовъ и т. д. Попадали иногда въ тюрьму и совѣтскіе служащіе.

Сестры милосердія, наблюдавшія жизнь Чрезвычаекъ въ теченіи семи мѣсяцевъ, ни разу не видѣли совѣтскаго служащаго, арестованнаго за насиліе надъ человѣческой личностью или за убійство. За неумѣренный грабежъ, за ссору съ товарищами, за бѣгство съ фронта, за излишнее снисхожденіе къ буржуямъ, вотъ за что попадали совѣтскіе служащіе въ руки чрезвычаекъ.

Убійство для коммисара всегда законно, — съ горечью подчеркнула сестра, — убивать своихъ враговъ они могутъ безпрепятственно.

Для веденія дѣлъ при Ч. К. былъ институтъ слѣдователей. Во Всеукраинской Ч. К. онъ былъ разбитъ на пять инспекцій. Въ каждой было около двадцати слѣдователей. Надъ инспекціей стояла коллегія изъ шести человѣкъ. Среди членовъ ея были мущины и женщины. Образованныхъ людей почти не было. Попадались матросы, рабочіе, недоучившіеся студенты.

Слѣдователи собственноручно не казнили. Только подписывали приговоры. Они, также какъ и коменданты, были подчинены коммисарамъ изъ Чрезвычайки.

Обязанности тюремщиковъ, а также исполненіе приговоровъ, возлагались на комендантовъ. Большевики дали это спеціальное военное наименованіе институту палачей. Служебныя обязанности комендантовъ и ихъ помощниковъ состояли въ надзорѣ за заключенными и въ организаціи разстрѣловъ. Обыкновенно они убивали заключенныхъ собственноручно.

II. Сестры Милосердія.

Сестры, по роду своихъ обязанностей, больше всего вынуждены были встрѣчаться именно съ комендантами и имѣли возможность наблюдать ихъ въ обычной служебной обстановкѣ. Краснокрестный Комитетъ Помощи Жертвамъ Гражданской войны, съ первыхъ дней большевизма, получилъ разрѣшеніе кормить и лѣчить заключенныхъ. Совѣтская власть согласилась на это, такъ какъ Красный Крестъ снималъ съ нея заботу о питаніи плѣнныхъ. Въ то же время большевистское начальство, невѣжественное и мни-

* Предсѣдатель Кіевской Ч. К. Лацисъ писалъ: «Не ищите въ дѣлѣ обвинительныхъ уликъ о томъ, возсталъ ли онъ противъ Совѣта оружіемъ или словомъ. Первымъ долгомъ вы должны его спросить, къ какому классу онъ принадлежитъ, какого онъ происхожденія, каково его образованіе и какова его профессія. Эти вопросы должны рѣшить судьбу обвиняемаго». «Красный терроръ», 1 ноября 1918 года.

тельное, относилось къ санитаріи съ суевѣрнымъ, если не уваженіемъ, то страхомъ. Они боялись болѣзней, боялись заразы и никогда не противорѣчили требованію сестеръ о дезинфекціи. Санитарныя условія въ мѣстахъ заключенія были ужасны: скученность, грязь, отсутствіе свѣта и воздуха, самыхъ примитивныхъ удобствъ. Согласіе удовлетворить санитарныя требованія сестеръ часто было похоже на кровавую буффонаду, особенно, когда дѣло касалось людей уже обреченныхъ на смерть. Но это смутное и сбивчивое уваженіе дикарей къ медицинѣ пріоткрыло передъ сестрами двери большевистскихъ казематовъ и дало возможность этимъ самоотверженнымъ дѣвушкамъ внести хоть маленькое облегченіе и утѣшеніе въ жизнь несчастныхъ жертвъ коммунизма.

Лучше всего, въ смыслѣ физическомъ, было положеніе тѣхъ, кто попалъ въ старую тюрьму, гдѣ сохранился дореволюціонный тюремный режимъ, опредѣленный и сравнительно сносный. Остальныя мѣста заключенія отданы были подъ надзоръ тюремщиковъ не дисциплинированныхъ, случайныхъ, которые обращались съ арестованными, какъ съ рабами.

Внѣшнимъ образомъ дѣятельность сестеръ механически повторялась изо дня въ день, налаженная и какъ будто однообразная. Но каждый день по новому вскрывались передъ ними человѣческія страданія, смѣнялись мучители и мученики, обнаруживалось неисчислимое разнообразіе какъ людского горя, такъ и людского искусства истязать себѣ подобныхъ.

Въ девять часовъ утра, сестры (ихъ было пять) сходились въ центрѣ города на пунктъ Краснаго Креста, на Театральную улицу, No. 4. Тамъ приготовлялась пища для заключенныхъ, помѣщавшихся въ разныхъ концахъ города. Коменданты присылали приказъ приготовить обѣдъ на столько-то человѣкъ, а Красный Крестъ готовилъ пищу, отвозилъ и раздавалъ ее. Это былъ единственный показатель количества заключенныхъ, да и то не очень точный, такъ какъ не рѣдко комендатура давала ложныя цифры, — то преувеличенныя, то преуменьшенныя. Списки заключенныхъ держались въ тайнѣ. Въ Чрезвычайкѣ, повидимому, настоящихъ списковъ не было. Родные и друзья метались по городу, отыскивая арестованныхъ. Иногда подолгу оставались въ полной и мучительной неизвѣстности. Они приходили на пунктъ Краснаго Креста въ надеждѣ, что тамъ имъ дадутъ какія-нибудь свѣдѣнія. Но Чрезвычайка сурово слѣдила за тѣмъ, чтобы сестры не знали заключенныхъ по именамъ.

При ежедневномъ посѣщеніи сестрами тюремъ имъ было-бы очень легко составить списки, но это категорически запрещалось. Попавъ въ эти круги адовы, люди превращались въ анонимовъ, теряющихъ даже право на свое имя. Такъ, напримѣръ, по приказанію Коменданта Угарова въ Концентраціонномъ Лагерѣ каждый заключенный долженъ былъ значиться не по имени, а только подъ номеромъ. Конечно, это была отвлеченная теорія. Жизнь просачивалась даже сквозь тюремныя рѣшетки, и тѣми или иными путями, преодолѣвая жестокость и издѣвательства тюремщиковъ, близкіе разыскивали своихъ, попавшихъ въ красный плѣнъ. Но сестры, оберегая свое право посѣщать тюрьмы и приносить хоть какое-нибудь облегченіе жертвамъ коммунистическаго террора, вынуждены были держать себя очень осторожно съ родными. Чрезвычайка разрѣшала только кормить и лечить ихъ, но очень подозрительно слѣдила за тѣмъ, чтобы черезъ сестеръ не установилась связь между заключенными и внѣшнимъ міромъ. Свиданія съ родными были запрещены, только иногда, въ видѣ каприза, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Лукьяновской тюрьмѣ, разрѣшались короткія и рѣдкія свиданія. При царскомъ режимѣ запрещеніе свиданій съ родными было особой карой за нарушеніе тюремной дисциплины. Даже въ Петропавловской крѣпости, куда сажали самыхъ, по мнѣнію Царскаго Правительства, опасныхъ политическихъ преступниковъ, къ нимъ еженедѣльно, а иногда и два раза въ недѣлю допускали родныхъ. Какъ извѣстно, заключенные дорожатъ каждой, хотя-бы самой короткой, встрѣчей съ близкими, которая придаетъ имъ бодрость среди подавляющей угрюмости тюрьмы. Для коммунистовъ, стремившихся къ тому, чтобы сломить духъ своихъ политическихъ враговъ, лишеніе свиданій было однимъ изъ средствъ пытки.

Приходъ сестеръ былъ единственнымъ свѣтлымъ лучемъ и единственной живой связью арестованныхъ съ міромъ. Сестры понимали какая огромная на нихъ лежитъ отвѣтственность и старались создать такое положеніе, при которомъ сотрудники Чрезвычайки не имѣли бы никакого повода придраться къ нимъ. Это было не легко, особенно при личномъ составѣ Чрезвычайки. Приходилось не только слѣдить за собой, строго выдерживать тонъ абсолютнаго безпристрастія, но и категорически отметать отъ себя просьбы родныхъ чѣмъ-нибудь нарушавшія порядокъ, установленный комендатурой.

Роднымъ разрѣшалось приносить заключеннымъ ѣду, но только самую необходимую: булки, масло, яйца, молоко. Баловство не допускалось. Иногда тюремщикамъ приходила фантазія всѣ приношенія превращать въ общую коммунистическую кучу, изъ которой каждому доставалось, что придется.

День сестры проводили въ аптекѣ Чрезвычайки, приготовляя и раздавая лекарство. обыкновенно имъ въ этомъ помогали заключенные, которые всегда рады были заняться чѣмъ-нибудь, что отвлекало бы ихъ отъ томительнаго тюремнаго бездѣлья. Также охотно помогали они сестрамъ раздавать пищу, которую въ походныхъ котлахъ подвозили къ мѣстамъ заключенія. Наконецъ, вечеромъ, сестры обходили камеры, всегда въ сопровожденіи караула. Это были самые тяжелые и мучительные часы въ жизни Чрезвычаекъ, такъ какъ по вечерамъ пріѣзжали автомобили за осужденными на смерть. Никто не зналъ, когда его ждетъ разстрѣлъ. Гулъ подъѣзжавшаго автомобиля для каждаго и каждой изъ нихъ звенѣлъ, какъ призывный голосъ смерти. Такъ шло изъ вечера въ вечеръ. Сестры старались именно въ эти часы быть съ заключенными.

— Не знаю почему, но заключенные любили, чтобы я была въ камерѣ, когда ихъ выводятъ на разстрѣлъ, — сказала мнѣ одна изъ сестеръ и улыбнулась тихой, какъ будто даже виноватой, улыбкой.

Какъ священники напутствовали онѣ людей, посылаемыхъ на казнь, какъ-бы давали имъ послѣднее благословеніе. Настоящихъ священниковъ комиссары не допускали въ тюрьмы, кромѣ тѣхъ, кого они держали тамъ, какъ арестантовъ. Нѣсколько разъ Красный Крестъ просилъ, чтобы приговореннымъ разрѣшили исповѣдываться и причаститься. Каждый разъ коммунисты отказывали въ этой просьбѣ. Между тѣмъ, среди заключенныхъ было не мало людей вѣрующихъ, которымъ послѣднее напутствіе священника могло облегчить ужасы казни.

Бывали періоды, когда палачи истребляли подрядъ всѣхъ, попавшихъ въ тотъ или иной казематъ. Единственными уцѣлѣвшими свидѣтельницами того, что еще наканунѣ были здѣсь живые люди, полные то отчаянья, то надежды, оставались сестры. Онѣ шли черезъ эту долину скорби и плача, точно монахини, ухаживающія за зачумленными. Онѣ знали, что спасти несчастныхъ отъ красной смерти не въ ихъ силахъ, и все-таки оставались на своемъ посту, чтобы хоть маленькой заботой, улыбкой, ласковымъ словомъ, освѣтить и согрѣть жизнь этихъ мучениковъ гражданской войны.

— Я никогда не думала, что это такая пытка быть среди осужденныхъ на смерть, — говорила мнѣ сестра. — Вокругъ меня двигались живые люди, они кое-какъ налаживали свое повседневное существованіе. Привыкали къ намъ, мы привыкали къ нимъ. И вотъ стучитъ автомобиль. Каждый ждетъ — не за нимъ-ли? Еще ужасно было, если приводили кого-нибудь очень одухотвореннаго, очень свѣтлаго. Тогда мы знали, что это обреченный на смерть. Все культурное, выдѣляющееся, высокое, большевиковъ задѣваетъ. Въ нихъ ненасытная потребность истребить все лучшее.

Моральное превосходство сестеръ вызывало въ палачахъ и тюремщикахъ смутное чувство подозрительности, тревоги, раздраженія. Мелькомъ упоминая о трудностяхъ своей работы, сестры говорили, что имъ приходилось приспосабливаться къ низкому уровню большевистскихъ властей. Надо было себя упрощать, стараться затушевать интеллектуальную пропасть. Это было унизительно, но совершенно необходимо. А коменданты хвастались другъ передъ другомъ и передъ руководителями Чрезвычайки своими сестрами. Сами распущенные и лѣнивые, они удивлялись неутомимости сестеръ. Все добивались, какой продолжительности у нихъ рабочій день? Одинъ изъ самыхъ

свирѣпыхъ комендантовъ, Сорокинъ, звалъ свою сестру, не то шутя, не то съ похвалой «Милостивый Филаретъ».

Сестры сумѣли завоевать уваженіе этихъ людей, не знающихъ ни удержу, ни стыда. Развратные — они при сестрахъ еще сдерживались. Жестокіе — они порой оказывали по просьбѣ сестеръ ту или иную милость. Увѣренные въ своей безнаказанности по отношенію къ сестрамъ, они все-таки не переходили извѣстной черты.

Быть можетъ, даже сестры, съ ихъ монашеской мягкой сдержанностью, пробуждали въ этихъ озвѣрѣвшихъ людяхъ какіе-то смутные проблески совѣсти. Комендантъ Авдохинъ взялъ разъ сестру за руку.

«Охъ, сестра, нехорошо мнѣ, голова горитъ».

— Что съ Вами? Развѣ что-нибудь особенное случилось?

Сестра знала, что въ тѣ дни Авдохинъ замучилъ много народу. Но вѣдь это были не первыя его жертвы. Маленькіе черные глаза коменданта впились въ лицо сестры.

«Охъ, сестра, не любите Вы меня».

— Какъ я могу Васъ любить, что между нами общаго? Вы, комендантъ, дѣлаете свое дѣло. Я — сестра, у меня свое дѣло.

Тогда онъ жаловался другой сестрѣ:

«Спать не могу. Всю ночь мертвецы лѣзутъ . . .»

Такія рѣчи рѣдко срывались съ устъ дѣятелей Чрезвычайки. Они творили свою кровавую работу, самоувѣренно и дерзко, не боясь человѣческаго, а тѣмъ болѣе Божескаго правосудія. Если бы имъ почудилось, что въ сестрахъ таится хоть что-нибудь опасное для нихъ, расправа была-бы коротка. Но сестры были осторожны.

А все-таки одна сестра, Мартынова, была разстрѣляна. Ее заподозрили въ сношеніяхъ съ Добрарміей. Арестовали, потомъ выпустили. Опять взяли и разстрѣляли.

Опасность постоянно угрожала сестрамъ.

Какъ то разъ сестра ночевала въ Концентраціонномъ Лагерѣ и слышала, какъ комендантъ, проходя подъ окнами, сказалъ:

— Сестру такую-то придется арестовать. —

Ей стало страшно. Лучше, чѣмъ кто-нибудь знали сестры, что такое власть Чрезвычаекъ.

Когда рано утромъ къ ней постучали, она была увѣрена, что пришелъ конецъ.

— Сестра, идите на кухню, на счетъ обѣда, — раздался голосъ.

Она вскочила. Значитъ, опасность миновала.

Онѣ все время шли, какъ по лезвію ножа. Подъ конецъ, когда началась эвакуація, коменданты откровенно говорили имъ:

— Мы увеземъ васъ съ собой. Васъ нельзя оставить, Вы слишкомъ много знаете. Часть насъ останется въ Кіевѣ будемъ вести конспиративную работу противъ Деникина. Вы почти всѣхъ насъ знаете въ лицо. Васъ надо или увезти, или отправить въ Штабъ Духонина.*

Сестры были такъ поглощены своей заботой о заключенныхъ, что сознаніе собственной физической опасности отходило на второй планъ.

Несравненно труднѣе было преодолѣвать моральное отвращеніе къ большевистскимъ чиновникамъ, съ которыми приходилось все время имѣть дѣло.

Тяжело было пересиливать въ себѣ непрестанную муку состраданья.

«Я не знала раньше, что можно, не говоря, понимать. Мы видѣли, чувствовали всѣ ихъ мысли, — писала одна изъ сестеръ въ письмѣ къ роднымъ. — Передъ нами открылось безконечное количество душъ человѣческихъ. Столько глазъ смотрѣло мнѣ въ душу, столькимъ я заглянула далеко, далеко въ то, что таится въ глубинѣ человѣческаго существа, въ его святое святыхъ. Столько ихъ прошло передо мной, что до сихъ поръ трудно опомниться, а тѣмъ болѣе — забыть. Тотъ, кто хоть разъ смотрѣлъ въ глаза уходящихъ изъ жизни, хоть разъ читалъ въ нихъ эту безконечную тоску по тому, что зовется жизнью, тотъ врядъ ли забудетъ ихъ. Таинство смерти вырвалось въ таинство

---

* На большевистскомъ жаргонѣ это значитъ — убить.

жизни, сокрушая, уничтожая, и точно насмѣхаясь. Эти замученные изстрадавшіеся люди проходятъ передо мной, какъ тѣни. Вокругъ насъ была бездна горя, море крови, толпы измученныхъ людей и тутъ же рядомъ пьяный разгулъ, оргіи и пиры сотрудниковъ роковой Чека.

Жить въ этомъ кошмарѣ, видѣть все это и то трудно было оставаться здоровымъ. А для сотрудниковъ Ч. К. это невозможно. Когда передо мной встаютъ образы Авдохина, Терехова, Асмолова, Никифорова, — комендантовъ В. У. Ч. К. Угарова, Абнавера и Гуща изъ Губчека, то вѣдь это все совершенно ненормальные люди, садисты, кокаинисты, почти утерявшіе обликъ человѣческій».

III. Система запугиванія.

Какъ и во всякомъ чиновничьемъ учрежденіи, а большевики-коммунисты прежде всего, конечно, чиновники, — среди сотрудниковъ Чрезвычайки есть генералы, есть и мелкая сошка, есть простые исполнители и есть руководители. Есть и изобрѣтатели, вносящіе въ свою работу фантазію и даже страсть.

Огромное большинство слѣдователей, комендантовъ и другихъ сотрудниковъ Ч. К. состояло изъ людей малообразованныхъ, часто почти неграмотныхъ.

Интеллигентные люди являлись исключеніемъ. Грубость и жестокость были совершенно необходимыми качествами, и въ этотъ отношеніи никакихъ исключеній не допускалось. Всякая снисходительность, а тѣмъ болѣе, мягкость къ заключеннымъ строго преслѣдовалась и могла подвести сотрудниковъ подъ самыя строгія кары, вплоть до разстрѣла.

Въ Особомъ Отдѣлѣ былъ комендантъ Ренковскій. По виду это былъ человѣкъ интеллигентный. Какъ-то разъ сестра вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

«Я больше не могу, слишкомъ тяжело».

Черезъ день сестра увидала его среди заключенныхъ и сказала ему:

— Заключенные будутъ жалѣть, что Вы больше не комендантъ. —

«Потому-то я здѣсь и сижу».

Позже онъ убѣжалъ изъ-подъ ареста.

Большинство сотрудниковъ носило чужія фамиліи. Евреи обыкновенно выбирали русскія имена. Добраться до прошлаго этихъ людей, понять, кѣмъ они были раньше — не легко. Про нихъ ходили различныя легенды. Разсказывали про ихъ уголовное прошлое, про службу въ царской полиціи.

Предсѣдателемъ В. У. Ч. К. былъ Лацисъ, свирѣпый, не знавшій пощады латышъ. Чѣмъ онъ раньше занимался неизвѣстно. Онъ былъ не простымъ палачемъ, а теоретикомъ и идеологомъ большевистской инквизиціи. За его подписью въ Кіевскихъ Совѣтскихъ Извѣстіяхъ печатались статьи, доказывавшія право коммунистовъ безпощадно истреблять своихъ враговъ. По внѣшности Лацисъ былъ благообразный, воспитанный человѣкъ и производилъ онъ свою свирѣпую работу съ латышской систематичностью. Позже ему на помощь пріѣхалъ другой латышъ Петерсъ.

Сотрудниками Ч. К. чаще всего были очень молодые люди. Они любили франтить. Денегъ у нихъ было много, такъ какъ обыски, аресты и разстрѣлы всегда сопровождались захватомъ добычи. При Ч. К. были особые склады, которые назывались хранилищами. Туда клались вещи, захваченныя при реквизиціяхъ и арестахъ. Далеко не всѣ вещи попадали въ склады, такъ какъ часть наиболѣе цѣнной добычи сразу расходилась по карманамъ коммунистовъ. Являясь въ домъ, гдѣ жилъ намѣченный ими контръреволюціонеръ, коммунисты обыкновенно интересовались не столько бумагами, письмами и тому подобными интеллектуальными доказательствами вреднаго образа мыслей заподозрѣнныхъ ими людей, сколько ихъ деньгами, ложками, кольцами, шубами, сапогами и т. д. Вещи, такимъ образомъ отобранныя, почти никогда не возвращались владѣльцамъ. Это была военная добыча, которую побѣдители отъ времени до времени дѣлили между собой, хотя въ декретахъ значилось, что все отобранное отъ буржуевъ принадлежитъ

народу. Съ особымъ цинизмомъ производилась дѣлежка вещей разстрѣлянныхъ и убитыхъ людей. Передъ казнью ихъ заставляли раздѣться, чтобы сберечь платье и сапоги. Ночью убьютъ, а на утро комендантъ-палачъ уже щеголяетъ въ обновкѣ, отобранной наканунѣ отъ казненнаго. По этимъ обновкамъ остальные заключенные догадывались объ участи исчезнувшихъ товарищей. Одинъ изъ помощниковъ коменданта В. У. Ч. К. Иванъ Ивановичъ Парапутцъ очень важно щеголялъ въ шинели на форменной красной подкладкѣ, принадлежавшей Генералу Медеру, котораго онъ убилъ. Бывало и такъ, что убьютъ, а потомъ идутъ на квартиру убитаго и реквизируютъ тамъ все, что понравится.

Тѣмъ, кого вызывали на разстрѣлы, всегда приказывали:

— Возьмите вещи съ собой.

На слѣдующій день шла открытая дѣлежка вещей. Не рѣдко и ссорились. Какъ-то сестра пришла въ комнату слѣдователя просить о переводѣ въ другое помѣщеніе заключеннаго, который заболѣлъ.

Слѣдователи помѣщались въ частномъ особнякѣ; одинъ велъ допросъ въ спальнѣ. Другой въ сосѣдней гостиной. Обѣ комнаты еще хранили слѣды прежней нарядной уютности.

Маленькій, черненькій слѣдователь Якубенко сидѣлъ за столомъ, какъ всегда развалившись въ креслѣ. Разваливаться на креслахъ, стульяхъ, диванахъ, кроватяхъ считалось у сотрудниковъ Чрезвычайки, высшихъ и низшихъ, необходимымъ признакомъ своеобразнаго щегольства.

Передъ развалившимся Якубенко сидѣлъ священникъ, котораго онъ допрашивалъ. Сестра не успѣла изложить своей просьбы, какъ изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ другого слѣдователя, Каана.

«Товарищъ Якубенко, Вы взяли вчера двѣ пары сапогъ, а Вамъ полагалась только одна. Извольте-ка вернуть».

— А Вы, товарищъ Каанъ, взяли два пиджака. Верните. —

Началась перебранка, невольными свидѣтелями которой были сестра и священникъ. Быть можетъ священникъ думалъ:

«Пройдетъ еще нѣсколько дней и убійцы будутъ метать жребій о рясахъ моихъ».

Слѣдователь Каанъ былъ латышъ. Высокій человѣкъ съ холоднымъ птичьимъ лицомъ, онъ славился своей жестокостью на допросахъ, изощреннымъ умѣньемъ выпытывать показанія. Между арестованными ходили даже слухи, что онъ самъ разстрѣливалъ, хотя это и не лежало на обязанности слѣдователей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сотрудниковъ Чрезвычайки, для которыхъ жестокость и издѣвательство были наслажденіемъ.

Сестра выждала конецъ ихъ спора о добычѣ и потомъ изложила свою просьбу. У заключеннаго открылся туберкулезъ. Надо было перевести его въ другое помѣщеніе.

Каанъ слушалъ ее стоя, небрежно барабанилъ по столу какой-то мотивъ и высокомѣрно усмѣхался.

— Что-жъ, сестра, можно и перевести. Но вѣдь мы все равно его разстрѣляемъ. —

«Это ужъ Ваше дѣло. Вы требуете, чтобы мы наблюдали за санитарными условіями. Я обязана Вамъ это сказать».

Она отлично понимала, что онъ издѣвается надъ ней, но все-таки упрямо добивалась хоть мимолетнаго, прощальнаго улучшенія жизни арестованныхъ.

Слѣдователи и разслѣдовали преступленія, и постановляли приговоръ, который коменданты приводили въ исполненіе.

Въ руки слѣдователя попадали тѣ, кого юридическая наука зоветъ подслѣдственными, люди, преступленіе которыхъ никѣмъ и ничѣмъ не было ни установлено, ни доказано. Современное правосудіе уже давно выработало къ подслѣдственнымъ особое правовое отношеніе, гарантирующее имъ возможность защищаться отъ несправедливыхъ обвиненій и доказывать свою невинность.

Обычно тюремный режимъ, примѣняемый къ подслѣдственнымъ, мягче, чѣмъ режимъ, примѣняемый къ преступникамъ.

Коммунистическое правосудіе, если только можно употреблять это слово говоря объ ихъ судахъ и Чрезвычайкѣ, разрушивъ старый русскій судъ, водворило вмѣсто него свирѣпую расправу дикарей надъ побѣжденнымъ врагомъ. Камеру слѣдователя они превратили въ застѣнокъ, откуда замученный обвиняемый попадалъ прямо въ руки палача, часто не зная даже толкомъ за что его убивали.

Вѣдь понятіе контръ-революціи широкое. Подъ него подходятъ прежде всего заговорщики противъ совѣтской власти, солдаты (combatants), взятые какъ бы съ оружіемъ въ рукахъ. Такихъ меньше всего попадало въ Чрезвычайки. Огромное большинство арестованныхъ было виновно просто въ томъ, что они образованные люди или принадлежатъ въ буржуазіи. Офицеръ, помѣщикъ, священникъ, инженеръ, юристъ, учитель всегда держались коммунистами подъ подозрѣніемъ. Ихъ арестовывали, тащили въ казематъ, а тамъ исходъ опредѣлялся не образомъ мыслей арестованнаго, не его активностью, а прихотью сотрудниковъ Ч. К. . . . Захотятъ — убьютъ, захотятъ — выпустятъ. Арестовывали иногда цѣлыя семьи, матерей съ грудными дѣтьми. Правда, казнили только матерей, а осиротѣлаго ребенка возвращали роднымъ и гордились этимъ, какъ проявленіемъ коммунистической гуманности.

Нерѣдко и казнили цѣлыми семьями. Разстрѣляли Стасика съ дочерью и ея мужа Биманъ, Пожаръ (отца и сына), Якубовскихъ (отца и сына), Пряниковыхъ (отца и сына) и т. д. . . .

Бывало, что устраивали повальныя облавы, охотясь на людей, какъ на зайцевъ. Цѣлый кварталъ оцѣплялся милиціей, у всѣхъ прохожихъ спрашивали бумаги. Тѣхъ, у кого были совѣтскіе документы, т. е. совѣтскихъ служащихъ, отпускали. Остальныхъ уводили въ тюрьмы, иногда по нѣсколько сотъ человѣкъ въ одинъ день. Такія облавы бывали и въ началѣ, и въ концѣ совѣтской власти. Тюрьмы сразу переполнялись. Въ нихъ начиналась паника, такъ какъ это переполненіе неизбѣжно вело къ простому способу очистки тюремъ — къ усиленному разстрѣлу. Привозили новую партію и сдавая ихъ комендатурѣ, цинично говорили:

«Вотъ списокъ. Изъ нихъ мало, кто уйдетъ».

Къ сестрамъ привыкли и подобные разговоры не стѣсняясь вели при нихъ.

Впрочемъ, заключенныхъ еще меньше стѣснялись, вѣрнѣе еще меньше щадили.

Жестокость, мучительство и издѣвательство, возведенныя въ систему, были въ рукахъ слѣдователей главнымъ орудіемъ судебнаго слѣдствія. Они держали заключенныхъ въ непрерывномъ ожиданіи мученій и смерти.

— Среди заключенныхъ, которыхъ я видѣла, — говорила мнѣ сестра, — не было ни вырванныхъ ногтей, ни погонъ, прибитыхъ къ плечамъ, ни содранной кожи, ни людей, ошпаренныхъ кипяткомъ. Но вся ихъ жизнь была одной сплошной пыткой.

Физическія условія были тяжелыя. Скученность, грязь, отсутствіе воздуха и свѣта. Не было кроватей. Почти не было прогулокъ. Пища была скудная, суровая, непривычная, особенно для стариковъ и дѣтей. Но со всѣмъ этимъ можно было бы мириться, если бы не угнетающее кошмарное сознаніе своей обреченности и полной беззащитности. Необразованные, грубые, озвѣрѣвшіе сотрудники Ч. К. другъ передъ другомъ щеголяли своей жестокостью. Они были прежде всего чиновники, для которыхъ было выгодно угодить начальству. Они отлично знали, что совѣтская власть жестокость одобряетъ, поощряетъ, вмѣняетъ въ обязанность, а всякую снисходительность къ заключеннымъ безпощадно караетъ.

Потому коммунистическіе судьи и тюремщики подвергали людей, попавшихъ подъ власть Ч. К. систематическому и непрерывному террору. Запугиванье было способомъ вырвать признанье. Но помимо этого, оно доставляло наслажденіе сотрудникамъ Ч. К., удовлетворяло ихъ низменнымъ, мстительнымъ, злобнымъ инстинктамъ. Сами принадлежащіе къ подонкамъ общества, они тѣшились тѣмъ, что могли до-сыта упиться униженіемъ и страданіемъ людей, которые еще недавно были выше ихъ. Богатство и соціальное положеніе было уже давно отнято большевистской властью отъ представителей буржуазіи. У нихъ оставалось только неотъемлемое превосходство образованія и культуры, которыя приводятъ разбушевавшуюся чернь въ ярость. Краснымъ палачамъ хотѣлось растоптать,

унизить, оплевать, замучить свои жертвы, сломить ихъ гордость и сознаніе человѣческаго достоинства.

Какъ только человѣкъ попадалъ во власть Ч. К., онъ терялъ всѣ человѣческія права, становился вещью, рабомъ, скотиной.

Съ перваго же допроса начинался крикъ. Слѣдователи не разговаривали обыкновеннымъ голосомъ, а кричали на заключенныхъ, стараясь не только сбить, но сразу ошеломить, запугать ихъ. Вокругъ Ч. К. ходили страшные слухи и шопоты. Но никто точно не зналъ, что тамъ творится. Попадая въ Ч. К. нельзя было не вѣрить, когда грозили пытками, разстрѣлами, грозили круговой порукой близкихъ. Если угрозъ было недостаточно, то начинались жестокіе, сопровождавшіеся издѣвательствами, побои. Ни возрастъ, ни полъ не ограждали отъ нихъ.

Четырнадцатилѣтнюю дочь артистки Е. К. Чалѣевой жестоко избили на глазахъ матери, чтобы добиться болѣе откровенныхъ показаній и отъ дочери, и отъ матери. Обѣ онѣ были привлечены по дѣлу Солнцева, котораго совершенно бездоказательно обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти.

Въ другой разъ слѣдователь избилъ 60-лѣтнюю Воровскую, въ присутствіи ея дочери, тоже арестованной. Потерявшая голову старуха, подъ вліяніемъ побоевъ, со всѣмъ соглашалась, во всемъ признавалась, хотя на самомъ дѣлѣ ни о какихъ заговорахъ ничего не знала.

Сотрудники Ч. К. любили заставлять близкихъ, жену, мать, отца, мужа смотрѣть на страданья дорогихъ имъ людей. Имъ нужно было ослабить, обезсилить волю жертвы, а это былъ одинъ изъ вѣрныхъ пріемовъ.

Часто они заявляли:

«Вы приговорены къ смерти, но если скажете, гдѣ такой-то, мы помилуемъ Васъ».

Потомъ все-таки разстрѣливали.

Или говорили:

«Выдайте намъ столько-то контръ-революціонеровъ и мы освободимъ васъ.»

Офицеру, Сергѣю Никольскому, предложили указать чей-то адресъ. Когда онъ отказался, красные пошли на домъ къ его отцу и матери и заявили:

«Выдайте такихъ-то, и вашъ сынъ будетъ свободенъ».

Старики Никольскіе выдержали этотъ, поистинѣ дьявольскій, соблазнъ и никакихъ свѣдѣній не дали.

Сынъ ихъ былъ убитъ.

Сажали арестованныхъ въ темный погребъ. Оконъ не было. На полу стояла вода. Такъ какъ сѣсть было не на что, то приходилось ложиться прямо въ воду. Сестрѣ разрѣшалось входить туда, носить ѣду заключеннымъ, даже спрашивать, нѣтъ-ли больныхъ? Она съ трудомъ получила разрѣшеніе опустить въ погребъ ящикъ, чтобы заключенные по очереди могли сидѣть на немъ.

Былъ еще стѣнной шкафъ, замѣнявшій карцеръ. Въ этомъ шкафу можно было только сидѣть скорчившись.

— Я и тѣмъ, кто сидѣлъ въ шкафу, носила ѣду, ходила къ коменданту по поводу санитарнаго осмотра, — съ горькой ироніей подчеркнула сестра.

Разъ она нашла въ шкафу троихъ, старика, его дочь и ея мужа-офицера. Они всѣ были сильно избиты. Вечеромъ всѣхъ троихъ разстрѣляли.

Часто производились, такъ-называемые, примѣрные разстрѣлы, когда заключеннаго отводили въ подвалъ, гдѣ происходили убійства, раздѣвали, готовили къ казни, на его глазахъ разстрѣливали другихъ, затѣмъ заставляли ложиться и нѣсколько разъ стрѣляли около его головы, но мимо. Потомъ раздавался хохотъ и приказъ:

— Вставай, одѣвайся. —

Несчастный вставалъ, какъ пьяный, уже переставая различать грань между жизнью и смертью.

Тамъ, гдѣ властвовали кровавые обычаи Ч. К., этой грани вообще не было.

Каждый каждую минуту ждалъ смерти. Старые и молодые, сильные и слабые, боровшіеся и пассивные, — всѣ равно были брошены на край пропасти, всѣ сознавали свою обреченность.

Въ одной изъ камеръ, послѣ особо свирѣпыхъ допросовъ, заключенные вдругъ поняли, что они всѣ осуждены. Начался плачъ. Съ кѣмъ-то сдѣлалась истерика, другой бился въ судорогахъ, третій громко бредилъ. Вошла сестра. Старикъ Генералъ бросился къ ней.

«Сестра, я бывалъ въ сраженіяхъ. Я отступалъ. Я знаю, что такое война. Но ничего подобнаго никогда въ жизни я не видалъ и не испыталъ».

Въ тюрьмѣ быстро крѣпло глубокое чувство общности, товарищества. Оно поддерживало, придавало силы переносить мученія, но въ то же время углубляло ихъ, заставляло каждаго переживать страданья всѣхъ.

Нервы были напряжены, натянуты. Каждый видѣлъ, понималъ, воспринималъ настроеніе другихъ, переживалъ столько смертей и ужасовъ, сколько было у него товарищей. А такъ какъ смерть неотступно стучалась въ стѣны камеръ, то не было у этихъ несчастныхъ ни одного мгновенія покоя, увѣренности въ слѣдующемъ днѣ.

Страданія такъ утончили ихъ воспріимчивость, что молча, безъ словъ, понимали они другъ друга.

— Даже я, не глядя, не разговаривая съ заключенными, могла читать ихъ мысли, — говорила сестра. — Мнѣ ничего не угрожало и все-таки эта открытость чужой смертной тоски все время была во мнѣ. Что же испытывали заключенные, изъ которыхъ каждый считалъ себя приговореннымъ. —

Сознаніе своей обреченности и полной беззащитности было у всѣхъ, переступившихъ порогъ Ч. К., хотя часть ихъ осталась въ живыхъ.

Сестры считаютъ, что всего разстрѣляно было съ февраля по августъ около 3000 человѣкъ. Но врядъ-ли даже самъ Лацисъ точно знаетъ, сколькихъ отправилъ онъ на смерть. У Ч. К. было много учрежденій и каждое имѣло право убивать. По всему Кіеву были разбросаны дома, гдѣ въ подвалахъ, въ гаражахъ, въ саду, подъ открытымъ небомъ людей беззащитныхъ, безоружныхъ убивали, какъ скотину.

Полныхъ списковъ никогда не печатали. Имена нѣкоторыхъ разстрѣлянныхъ приводились на страницахъ «Кіевскихъ Извѣстій Совѣта крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ». Обыкновенно съ краткой характеристикой: — бандитъ, контръ-революціонеръ, не признавалъ совѣтскую власть. Сестрамъ, работавшимъ въ Ч. К. было строго запрещено давать роднымъ какія-нибудь свѣдѣнія или справки. Да онѣ и сами не всегда знали, убитъ ли заключенный или дѣйствительно переведенъ куда-нибудь.

Наряду съ поразительной жестокостью сотрудники Ч. К., проявляли такую же поразительную лживость. Въ своей компаніи передъ заключенными и передъ сестрами они бравировали, хвастались, подробно разсказывали, какъ отправляли въ штабъ Духонина.* Но когда приходили родственники за справками, они никогда не говорили правду. Заключенный уже разстрѣлянъ, а комендантъ, иногда тотъ, который собственноручно убилъ его, увѣряетъ родныхъ, что онъ отправленъ въ Москву, въ Концентраціонный Лагерь, въ тюрьму.

— Идите скорѣй домой, вѣдь онъ уже свободенъ. —

А самъ отлично знаетъ, что тотъ, о комъ онъ говоритъ, уже зарытъ въ землю.

Въ Пересыльной тюрьмѣ долженъ былъ открыться Концентраціонный Лагерь. Онъ еще не былъ устроенъ, еще никого не было въ тюрьмѣ, а уже у запертыхъ воротъ стоялъ цѣлый хвостъ родственниковъ. Ихъ увѣрили, что ихъ близкіе въ лагеряхъ, хотя на самомъ дѣлѣ они уже были убиты.

Не было никакой мѣрки для опредѣленія состава преступленій, никакой нормы. Каждый заключенный могъ быть убитъ, а могъ и спастись. Полная неопредѣленность создавала мучительную сумятицу въ душѣ, когда надежда и отчаяніе свиваются въ одинъ клубокъ. Сотрудники Ч. К. поддерживали это лихорадочное, паническое душевное состояніе какъ въ своихъ жертвахъ, такъ и въ ихъ близкихъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ утонченныхъ видовъ издѣвательствъ.

---

* Генералъ Духонинъ, Главнокомандующій русской арміей, былъ звѣрски убитъ большевиками въ ноябрѣ 1917 года.

IV. Типы палачей.

Одинъ изъ старшихъ слѣдователей, еврей Іоффе, какъ-то сказалъ сестрѣ:

«Охъ, тяжело мнѣ, сестра».

— Да, не легко все это видѣть, — сдержанно отвѣтила она.

«Вамъ не легко, сестра, а каково мнѣ? Вы вѣдь не касаетесь этихъ ранъ, а мнѣ приходится своими руками лѣзть имъ въ душу, касаться этихъ ранъ».

При этомъ Іоффе сдѣлалъ хищный жестъ рукой, точно птица, впускающая когти въ чье-то сердце, и на лицѣ его промелькнуло выраженіе жестокаго сладострастія, которое въ этихъ адскихъ подземельяхъ не разъ вызывало въ сестрахъ содроганіе.

Разные люди были среди сотрудниковъ Ч. К., но у всѣхъ скоро вырабатывались общія страшныя черты.

Комендантъ Никифоровъ. Худенькій, смазливенькій блондинчикъ, мало интеллигентный. Въ началѣ держалъ себя сдержанно, почти мягко. Первое время самъ не разстрѣливалъ. Потомъ вдругъ началъ франтить. Это было для сестеръ первымъ, явнымъ доказательствомъ, что руки у коменданта уже въ крови. Значитъ, дана ему добыча въ уплату за палачество.

И другое еще сдѣлали онѣ наблюденіе на своемъ крестномъ пути:

«Я не ручаюсь, что это правильно. Можетъ быть, это намъ такъ чудилось, — сдержанно объясняла сестра. — Но когда тотъ или иной начиналъ разстрѣливать, это сразу накладывало печать, я всегда знала . . . Появлялась какая-то тяжесть во взглядѣ. Они не смотрѣли больше намъ въ глаза, а куда-то мимо, въ пространство. А когда случайно поймаемъ его взглядъ въ немъ сквозитъ сосредоточенная жестокость».

Чѣмъ больше человѣкъ убивалъ, тѣмъ больше пьянѣлъ отъ крови, какъ отъ вина. Подымались темныя волны садизма. Человѣческое замѣнялось звѣринымъ. Только людей способныхъ поддаваться озвѣрѣнію, возводила Ч. К. въ высокій и прибыльный санъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Разстрѣлы поручались и караульнымъ, когда работы бывало слишкомъ много, но караульныхъ приходилось къ этому пріучать. Вначалѣ они иногда отказывались. Ихъ принуждали, поили спиртомъ, соблазняли добычей, раздѣломъ имущества казненныхъ. Нѣкоторые, все-таки, упирались.

Прибѣжалъ разъ къ сестрѣ караульный, почти мальчикъ — еврей. Весь содрогаясь отъ отвращенія, онъ заявилъ, что не пойдетъ разстрѣливать. И не пошелъ.

Равнодушнѣе всего исполняли приговоръ латыши. Больше всего волновались и страдали кубанцы. Но все-таки отказываться не хватало у нихъ духу.

Караульные смѣнялись. Ихъ не спеціализировали на разстрѣлахъ. Только комендатура неизмѣнно, изъ ночи въ ночь, творила свое страшное дѣло.

Былъ въ В. У. Ч. К. помощникъ коменданта, Тереховъ. Кто онъ былъ — неизвѣстно, говорили, что уголовный. Вначалѣ этотъ высокій, стройный, красивый молодой человѣкъ былъ главнымъ палачомъ. Когда изящный и спокойный, въ безукоризненно сшитомъ офицерскомъ френчѣ, онъ шелъ по корридору, заключенные съ тоской прислушивались къ мелодичному звону его серебряныхъ шпоръ. Они знали, что пришелъ онъ не даромъ, что выхоленная рука съ дорогими кольцами скоро привычнымъ жестомъ, поднесетъ револьверъ къ затылку одного изъ нихъ.

Въ Концентраціонномъ Лагерѣ содержался какой-то захудалый галичанинъ, котораго большевики обвиняли въ томъ, что онъ петлюровецъ. Его почему-то заподозрили въ намѣреніи бѣжать.

И вотъ, среди бѣла дня въѣхалъ во дворъ тюрьмы автомобиль. Несчастнаго галичанина вывели на середину двора. Тереховъ ему крикнулъ:

«Стой».

Галичанинъ повернулся къ сестрѣ, точно хотѣлъ ей что-то сказать. Раздался выстрѣлъ. Разъ, два . . . Галичанинъ упалъ. Тотъ же выстрѣлъ могъ ранить не только заключенныхъ, но и каменьщиковъ, работающихъ во дворѣ.

Трупъ остался лежать во дворѣ. Комендантъ лагеря, Сорокинъ, послѣ такихъ исторій особенно любилъ разговаривать съ сестрой. Не то хотѣлъ себя подбодрить, не то хвастался. А можетъ быть, просто любовался впечатлѣніемъ. Пришелъ онъ къ ней и на этотъ разъ.

«Это мы для примѣра», сказалъ онъ.

— А вы увѣрены, что онъ хотѣлъ бѣжать? спросила сестра.

Сорокинъ засмѣялся.

«Это не важно, это все равно».

Пришелъ къ сестрѣ и убійца, Тереховъ, но не для того, чтобы съ ней болтать, а для того, чтобы попросить у нея кокаина.

Какъ и большинство сотрудниковъ Ч. К., Тереховъ не могъ жить безъ кокаина.

Кокаинистомъ былъ и комендантъ Михайловъ. Тоже молодой, стройный, съ усиками, холеный и франтоватый. Одѣтый по модѣ нарядного краснаго офицера. На груди у него красовалась красная звѣзда и другіе знаки отличія совѣтской арміи. Все отличной ювелирной работы.

Михайловъ былъ комендантомъ Губернской Ч. К., которая помѣщалась въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ. Въ лунныя, ясныя, лѣтнія ночи онъ выгонялъ арестованныхъ голыми въ садъ и съ револьверомъ въ рукахъ охотился за ними.

Попадались среди комендантовъ иногда и такіе, въ которыхъ какъ будто двоилось чувство. Было въ нихъ смутное желаніе быть болѣе человѣчными, но страхъ передъ начальствомъ заставлялъ преодолѣвать это чувство. Къ числу такихъ принадлежалъ помощникъ коменданта В. У. Ч. К., Извощиковъ. Молодой еврей, служившій мальчикомъ въ одномъ изъ кинематографовъ въ Черниговѣ, онъ всегда находился въ состояніи нервнаго волненія. По природѣ мягкотѣлый, быть можетъ даже сентиментальный, этотъ мальчикъ, вѣроятно движимый чувствомъ жадности, взялся за ремесло тюремщика и палача.

Порой трясся отъ страха, а все-таки убивалъ. Потомъ получалъ золотые часы, или новый костюмъ, или другую какую-нибудь добычу и былъ доволенъ. Этому мальчику изъ кинематографа поручили судьбу 29 юристовъ. Почти всѣ были убиты имъ.

Вмѣстѣ съ евреемъ Извощиковымъ служилъ во В. У. Ч. К. другой помощникъ коменданта Асмоловъ, русскій. Это былъ высокій матросъ съ бритымъ лицомъ, похожій на англичанина, одѣтый то въ щегольскую матроску и рубаху, то въ штатское тоже щегольское. Всегда спокойный, онъ творилъ свое дѣло съ холодной увѣренностью. Эта увѣренность красныхъ палачей, отсутствіе въ нихъ даже тѣни нравственнаго отвращенія къ преступленію больше всего терроризировала заключенныхъ.

Его родной братъ, Асмоловъ, попалъ въ Особый Отдѣлъ, какъ заключенный. Живой, всегда веселый, ко всѣмъ внимательный и ласковый, арестантъ Асмоловъ былъ любимцемъ тюрьмы, которая цѣнила въ немъ прирожденное благородство.

Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, плелъ какія-то колечки, раздавалъ ихъ своимъ товарищамъ. Танцовалъ, пѣлъ. Въ самыя тяжелыя минуты умѣлъ поддержать, подбодрить, даже примирить осужденныхъ со смертью.

Онъ былъ большевикъ. Сестра такъ и не поняла, въ чемъ его обвиняла совѣтская власть.

Разъ сестра его спросила:

— Неужели вашъ братъ не могъ похлопотать за васъ? . . .

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, выпрямился и съ негодованіемъ сказалъ:

— Съ братомъ у меня нѣтъ ничего общаго. Онъ палачъ. —

Асмолова разстрѣляли. Въ тюрьмѣ говорили, что онъ умеръ героемъ.

А вотъ другой комендантъ — Авдохинъ, подъ власть котораго былъ отданъ центральный органъ Кіевской инквизиціи, такъ называемая В. Укр. Ч. К. — Авдохинъ былъ средняго роста, толстый, приземистый, коренастый, почти атлетъ, съ большой четырехугольной головой. У него было отекшее лицо, нависшія брови, спускающіяся на маленькіе, бѣгающіе глаза, не смотрѣвшіе на собесѣдника. Его глаза бѣгали, бѣгали, точно выиски-

вали. Съ невольной тревогой слѣдили арестованные за этими глазами. Вотъ, вотъ они остановятся и обожгутъ намѣченную жертву.

«Ангелъ Смерти», называли его заключенные, и жутко, холодно дѣлалось имъ при его приближеніи. Всѣ боялись Авдохина. Сестры старались не попадаться ему на пути. Никто не зналъ, какое нелѣпое желаніе можетъ загорѣться въ темной головѣ этого человѣка, пьянаго отъ власти и отъ крови. Удержу на него никакого не было. Авдохинъ всегда находился въ состояніи непрерывнаго жестокаго и сладострастнаго возбужденія.

Какъ и другіе коменданты, Авдохинъ любилъ франтить. Каждый день онъ появлялся въ новомъ туалетѣ, иногда въ матросскомъ, иногда въ штатскомъ. Онъ очень любилъ широкіе, удобные, англійскіе плащи, мягкія шляпы. Все на немъ было съ иголочки, новенькое. На короткихъ толстыхъ пальцахъ горѣли драгоцѣнные камни. Трость была украшена серебрянымъ набалдашникомъ.

Авдохинъ былъ и пьяница, и кокаинистъ. Окруженный женщинами, нарядными, въ перьяхъ, съ браслетами и цѣпочками, катался онъ по городу, устраивалъ вмѣстѣ съ другими въ домахъ въ Липскомъ переулкѣ, гдѣ жили комиссары, буйныя празднества.

Этого развратнаго, преступнаго матроса, для котораго въ мірѣ не было ничего святого, его товарищи коменданты считали даже добрымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ разбойникъ, пугачевецъ, въ которомъ стихійное, звѣрское начало чудовищно переплеталось съ соціалистическимъ налетомъ. Ему было пріятно быть щедрымъ. Увидалъ, что у санитара нѣтъ сапогъ — велѣлъ дать. Товарищи не безъ гордости говорили: Мишка — онъ у насъ добрый.

А Мишка въ ту же ночь опять разстрѣливалъ арестованныхъ.

Каждый комендантъ, какъ и каждое отдѣленіе Ч. К., имѣлъ свою репутацію. Хуже всего считалось попасть въ Губ. Ч. К. Одно время тамъ былъ предсѣдателемъ Соринъ, скрывавшій подъ этимъ русскимъ именемъ свою еврейскую фамилію. Евреевъ вообще было много въ Губ. Ч. К.

Соринъ любилъ хвастать тѣмъ, что онъ будто-бы участвовалъ въ разстрѣлѣ Государыни. Человѣкъ онъ былъ безграничной наглости и цинизма. При немъ въ Губ. Ч. К. шли непрерывныя оргіи.

Къ Сорину ходила просить за арестованнаго отца молодая дѣвушка П. — Онъ велѣлъ ей придти въ страстную субботу вечеромъ. П. пришла съ подругой, такъ какъ одна боялась идти къ Сорину. Молодыхъ дѣвушекъ провели въ залъ, откуда слышались звуки рояля: раздернули передъ ними занавѣсъ и онѣ увидѣли Сорина, матросовъ и плясавшихъ передъ ними совершенно обнаженныхъ женщинъ.

Въ такой обстановкѣ пришлось молодой дѣвушкѣ вымаливать жизнь своему отцу. Отецъ ея остался живъ.

Разстрѣловъ больше всего было произведено во В. Укр. Ч. К. и въ гаражѣ Губ. Ч. К. Отдѣльно стояли Лукьяновская тюрьма и Концентраціонный Лагерь, гдѣ были свои порядки, свои властелины, свои событія и колебанія, которыя въ значительной степени отражали положеніе на фронтѣ. Хотя огромное большинство людей, попавшихъ въ тайники Кіевскихъ чрезвычаекъ, не имѣло никакой связи съ Деникинской Арміей, но это подозрѣніе тяготѣло надъ всѣми ними. Чѣмъ ближе подходили добровольцы, тѣмъ больше труповъ ложилось къ ногамъ коммунистическихъ палачей.

V. Жертвы.

Никакихъ доказательствъ виновности имъ не нужно было. Въ іюнѣ слѣдователи В. Укр. Ч. К. были очень заняты и взволнованы такъ называемымъ дѣломъ Солнцева, по которому было привлечено около 90 человѣкъ.

Солнцевъ былъ банковскій служащій. Человѣкъ лѣтъ 30, веселый, забулдыга, любилъ выпивать и проводить время въ кабачкахъ. Возможно, что тамъ, въ пьяномъ видѣ, онъ неосторожно высказывалъ ту ненависть къ совѣтской власти, которая таится въ душѣ у всѣхъ, кому выпало несчастье жить подъ этимъ гнетомъ.

Солнцева подслушали. Арестовали. Вмѣстѣ съ нимъ арестовали тѣхъ, у кого Солнцевъ жилъ, его знакомыхъ, его случайныхъ собутыльниковъ. Такъ, былъ арестованъ, маленькій актеръ Устинскій, артистка Чалѣева съ четынадцатилѣтней дочкой и рядъ другихъ лицъ. Ихъ всѣхъ обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти, хотя къ этому не было никакихъ уликъ. Люди, знавшіе Солнцева, утверждаютъ, что никакого заговора не было. Но почему то сотрудники Ч. К. взялись за дѣло Солнцева съ особеннымъ упорствомъ и свирѣпостью.

Каждую ночь водили ихъ на длительные допросы. Каждую ночь мучили, били, истязали, грозили. Запирали въ подвалъ, гдѣ лежали трупы убитыхъ. Устраивали примѣрные разстрѣлы и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ.

Устинскому, который никогда политикой не занимался, а былъ всецѣло поглощенъ своими театральными заботами, говорили:

— Назовите намъ такое-то число лицъ, сочувствующихъ Добрарміи и мы васъ отпустимъ. —

Онъ никого не называлъ. Его отводили на мѣсто казни въ подвалъ, раздѣвали, клали на полъ. Устинскій ждалъ смерти. Выстрѣлъ дѣйствительно раздавался, но съ такимъ расчетомъ, чтобы пуля пролетѣла близко, но мимо. Такъ близко, что по свидѣтельству сестры, вся кожа на рукахъ Устинскаго была обожжена. Такая стрѣльба повторялась много разъ.

Въ концѣ концовъ, Устинскаго застрѣлили.

Такимъ же мученьямъ подвергали Солнцева.

Онъ былъ человѣкъ очень нервный. Его заставляли присутствовать при казняхъ, потомъ запирали въ подвалъ, послѣдняго живого среди неостывшихъ труповъ.

Ночью, во время одного изъ допросовъ, Солнцевъ сошелъ съ ума. Тогда коммунисты-слѣдователи вызвали арестованнаго доктора психіатра Киричевскаго и приказали ему осмотрѣть больного. Онъ осмотрѣлъ.

«Что съ нимъ?» спросили красные.

— Онъ сошелъ съ ума — отвѣтилъ докторъ.

«А почему? Можете объяснить причины?» —

Докторъ, который самъ жилъ подъ угрозой пытки и казни, съ изумленьемъ посмотрѣлъ на слѣдователей-палачей.

— Почему? Вы, вѣроятно, это лучше знаете, чѣмъ я. —

Сумасшедшій Солнцевъ еще нѣкоторое время прожилъ въ Ч. К. Онъ помѣщался въ тѣсной душной комнаткѣ, гдѣ на сплошныхъ нарахъ лежало 35—40 заключенныхъ. Каждый вечеръ прислушивались они къ шагамъ, каждый вечеръ говорили они о смерти и ждали ея приближенія.

Всѣ они были полубезумны. Но Солнцевъ проявилъ свое безуміе явно и буйно. Ему казалось, что его увозятъ на кораблѣ. Онъ бросался на стѣну. Вопилъ. Умолялъ. По настоянію сестры Солнцева перевели въ больницу Лукьяновской тюрьмы. Оттуда его, сумасшедшаго, вывели на разстрѣлъ.

Большинство его мнимыхъ сообщниковъ тоже было разстрѣляно. Женщинъ, обвиняемыхъ по его дѣлу, избитыхъ и истерзанныхъ, выпустили.

Другое такое же темное, мучительно запутанное застращиваньемъ и пытками дѣло было такъ называемое дѣло Крылова-Чернявскаго. Это былъ офицеръ. Его обвиняли въ сношеніи съ Деникинымъ; били, истязали, устраивали примѣрный разстрѣлъ. Былъ слухъ, что доведенный до сумасшествія, Крыловъ будто-бы даже называлъ имена своихъ сообщниковъ, быть можетъ, мнимыхъ.

Въ концѣ мая сестра увидала, какъ во дворъ Лукьяновской тюрьмы подъѣхали два грузовыхъ автомобиля съ большимъ количествомъ караульныхъ. Изъ тюрьмы вызвали арестантовъ по списку.

Среди нихъ была 23-лѣтняя жена офицера, Нина Шаповаленко, съ мужемъ. Молодая, хрупкая, стройная она шла гордая и несдающаяся. Мужъ волновался больше, чѣмъ она. Она отъ него не отходила. Сестрѣ сказала:

«Сестра, я знаю, куда я иду. Это все дѣло одного мерзавца».

И показала на Крылова-Чернявскаго. Его тоже вели вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ въ больничномъ халатѣ, жалкій, явно психически больной. Комиссары относились къ нему съ презрѣньемъ.

Вмѣстѣ съ караульными явилось два матроса. Одинъ изъ нихъ франтоватый и важный спросилъ:

— Ну что, сестра, какъ они себя чувствуютъ? Какъ настроеніе?

Ей почудилось въ его голосѣ какое-то состраданіе. Только позже узнала она, что это и есть знаменитый палачъ Авдохинъ, которому поручено было это очередное убійство.

Между прочимъ въ спискѣ осужденныхъ значился Дружининъ Николай. Такого въ тюрьмѣ не было.

Къ несчастью тюремная администрація сказала:

— Николая нѣтъ, но есть Сергѣй Дружининъ. —

На слѣдующій день прислали за Сергѣемъ и его разстрѣляли.

Сестры и вообще посторонніе рѣдко бывали свидѣтелями разстрѣловъ, которые производились чаще всего вечеромъ въ подвалахъ, въ сараяхъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Но сестры часто слышали, какъ раздаются выстрѣлы и были постоянными свидѣтельницами того, какъ увозятъ и уводятъ заключенныхъ на казнь.

А бывало, что и уносили.

Былъ заключенъ во В. Укр. Ч. К. присяжный повѣренный В. А. Жолткевичъ, человѣкъ еще молодой, женатый, имѣвшій троихъ дѣтей. Въ Кіевѣ его всѣ знали, какъ талантливаго и хорошаго человѣка. Арестовали его за то, что онъ велъ дѣла своего родственника Фіалковскаго, который прятался отъ Ч. К. Повидимому, на Жолткевича былъ золъ кто-то въ комиссаріатѣ юстиціи.

Черезъ три дня послѣ ареста Жолткевичъ сказалъ:

— Я знаю, я приговоренъ. —

Онъ просилъ передать женѣ его кольцо, его послѣднюю волю и сталъ ждать смерти.

На допросахъ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Его спрашивали — признаетъ ли онъ совѣтскую власть, и недовольные его отвѣтомъ, говорили:

— Все равно, мы васъ должны уничтожить, такъ какъ вы вредный элементъ. —

Жолткевича посылали на работу. Работы по устройству второго Концентраціоннаго лагеря происходили на берегу Днѣпра. Бѣгая въ воду и затѣмъ по солнцу, онъ такъ обжегъ ноги, что его пришлось положить въ лазаретъ при Концентраціонномъ лагерѣ. Оттуда въ одинъ прекрасный день его увели въ В. У. Ч. К., якобы для допроса. Вечеромъ въ обычный часъ сестра обходила В. У. Ч. К., разговаривала съ заключенными и вдругъ увидала, что у нихъ мѣняются лица. Одинъ изъ нихъ поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками и хватился за косякъ.

— Что съ вами? —

Заключенный молча показалъ на окно. Сестра увидала, что черезъ дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ бывали разстрѣлы, несли на рукахъ Жолткевича.

«Это было ужасно», — вспоминая, содрогнулась сестра.

— Но вѣдь вы каждый день видѣли, какъ вели на разстрѣлъ? —

«Да, видѣла. И это было страшно. Но безконечно было страшнѣе смотрѣть, какъ приговореннаго больного несли на казнь. Когда онъ самъ идетъ, и то страшно. Но понимаете — больного? Это ужасно . . .»

Однако и непрерывное истребленіе здоровыхъ, сильныхъ, молодыхъ было не менѣе ужасно.

Какъ-то въ іюнѣ — это былъ кровавый мѣсяцъ, — привезли въ Концентраціонный Лагерь большую партію въ 47 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности 2 офицера, Снегуровскій и Филипченко, дѣтски радовались, что попали въ лагерь. Болтали, смѣялись, пѣли. Тогда считалось, что въ лагерѣ не казнятъ.

Были они оба очень славные. Да и вся пратія была какъ на подборъ интеллигентная, удивительно симпатичная. У сестеръ, глядя на нихъ, сжималось сердце. Онѣ уже знали, что именно все свѣтлое, духовное, безжалостно истребляется коммунистами.

А коменданты не скрывали, что это обреченные. Авдохинъ сразу сказалъ:

— Ну, изъ этихъ мало кто живъ останется. —

Почему-то для этой партіи сдѣлали исключеніе. Ихъ разстрѣляли днемъ.

Происходило это такъ. Офицеровъ вызывали въ контору. Приказывали раздѣться и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ отправляли ихъ за кухню. Тамъ, по очереди, разстрѣливали. Часть команды отказалась убивать, ушла. Тогда солдатъ стали поить водкой. Это всегда дѣлалось съ новичками, не привыкшими къ палачеству. Пьяные они плохо стрѣляли. Имъ помогалъ Тереховъ и три солдата, еврей, полякъ и бравый русскій гвардеецъ. Къ вечеру стали ссориться изъ-за добычи, оставшейся отъ убитыхъ.

Въ этой партіи были убиты сенаторъ Эссенъ и инженеръ Паукеръ. Эссенъ очень хорошо плелъ туфли изъ веревокъ. Комендантъ утромъ разрѣшилъ принять отъ его жены для передачи Эссену матеріалъ для его работы. А днемъ его убили. Но женѣ сказали, что ея мужъ увезенъ въ Москву, хотя сестра видѣла, какъ караульные дѣлили его вещи, что всегда происходило послѣ казни.

Каждый день тюремной жизни былъ полонъ страшныхъ и омерзительныхъ подробностей. Трудно сказать, когда сотрудники Ч. К. были отвратительнѣе: тогда-ли, когда, пьяные и безпутные, они вели себя съ откровенной разгульной свирѣпостью лѣсныхъ разбойниковъ, какъ Авдохинъ или Сорокинъ, или когда они пытались возвести свою кровавую работу въ какую-то чудовищную систему.

Послѣднее произошло въ Концентраціонномъ лагерѣ; онъ былъ устроенъ въ началѣ іюня въ пустовавшей старой военно-пересыльной тюрьмѣ. Въ ней было 9 камеръ и одна одиночная, въ общемъ разсчитанныя на 200 человѣкъ. Большевики рѣшили, что въ тюрьмѣ должно помѣщаться 1500. Когда они что-нибудь рѣшали, то не признавали никакихъ возраженій, никакихъ препятствій, ни съ чѣмъ не считались.

Въ тюрьму, ставшую лагеремъ, стали свозить заложниковъ и людей, приговоренныхъ къ общественнымъ работамъ. Обыкновенно приговаривали ихъ до конца гражданской войны. Составъ ихъ былъ смѣшанный. Были спекулянты, люди не уплатившіе контрибуціи, контръ-революціонеры, совѣтскіе служащіе. Изрѣдка попадались приговоренные трибуналомъ, чаще всего изъ сотрудниковъ Ч. К. Попадались и подслѣдственные.

Помощникомъ Коменданта былъ въ лагерѣ племянникъ Лациса, молодой латышъ, Иванъ Ивановичъ Парапутцъ. Тотъ самый, который щеголялъ въ шинели убитаго имъ генерала. Въ немъ была и наглость, и жестокость, но была и своеобразная дисциплина, даже честность. Пока арестованные были живы, Иванъ Ивановичъ не кралъ отъ нихъ ни ѣды, ни денегъ, ни вещей. А когда убьетъ кого-нибудь, тогда забираетъ себѣ добро убитаго, какъ добычу, уже съ сознаніемъ, что это заработано.

Этотъ латышъ любилъ хорошія вещи, въ особенности ковры. Въ его кабинетѣ стояла отоманка, покрытая чудеснымъ восточнымъ ковромъ.

Другимъ помощникомъ Коменданта былъ молодой матросъ Тарасенко. Это былъ хорошенькій милый мальчикъ, не грубый, скорѣе внимательный. Онъ какъ будто даже входилъ и въ положеніе арестованныхъ, оказывалъ имъ нѣкоторое снисхожденіе.

Тарасенко любилъ разсказывать о томъ, какъ онъ расправлялся въ Севастополѣ съ морскими офицерами, а въ Екатеринославской губерніи съ Добровольцами. Его разсказы дышали жестокостью. Это былъ правовѣрный коммунистъ, и другіе сотрудники Ч. К. относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Третьимъ помощникомъ былъ еврей Глейзеръ. Велъ онъ себя на словахъ нагло, на дѣлѣ былъ не хуже другихъ, но было въ немъ что-то тяжелое, недоброе. Съ сестрой старался держать себя запросто, но предупредилъ, что если она будетъ много разговаривать, ей будетъ плохо. Это Глейзеръ, небрежно, полушутя, говорилъ, что сестеръ увезутъ въ Москву. Такая была привычка у коммисаровъ, скажутъ что-нибудь жестокое, запугивающее и смотрятъ въ глаза, любуются впечатлѣніемъ.

Комендантомъ въ лагерѣ былъ Сорокинъ. Его прошлаго, какъ и прошлаго другихъ сотрудниковъ, никто не зналъ. Говорили, что онъ бывшій царскій городовой. Это былъ человѣкъ неотесанный, некультурный, малограмотный, грубый, но франтоватый.

Заключенныхъ, которые были въ полной и безконтрольной его власти, иначе не называлъ какъ:

— Фокусники и фокусницы. —.

Собственноручно онъ разстрѣливалъ довольно рѣдко, объясняя это тѣмъ, что ужъ довольно онъ въ своей жизни настрѣлялся.

Но порой и Сорокинъ принималъ участіе въ разстрѣлахъ. Въ іюлѣ Ч. К. были переполнены и палачи особенно свирѣпствовали. Разъ привезли въ Концентраціонный лагерь партію арестованныхъ. За недостаткомъ мѣста ихъ заперли въ сараѣ. Ночью двое бѣжали. Всѣ замерли. Ждали расправы. Послали за Лацисомъ.

Днемъ пріѣхалъ автомобиль. Изъ него вывели женщину, старика и молодого человѣка. Ихъ заперли въ темномъ чуланчикѣ, вѣрнѣе въ шкафу. Это были Стасюкъ и его дочь Биманъ съ своимъ мужемъ, офицеромъ. Къ нимъ приставили особый караулъ. Сестра снесла къ нимъ въ шкапъ обѣдъ и убѣдилась, что они сильно избиты.

Было ясно, что готовится разстрѣлъ. Къ ночи нѣсколькихъ арестованныхъ послали вырыть могилу, тутъ же въ оградѣ тюремнаго двора, за кухней. Никто не зналъ кому суждено лечь въ эту могилу. Мрачное возбужденіе царило во всемъ лагерѣ. Сестра осталась ночевать.

Ночью на автомобилѣ пріѣхали Сорокинъ и помощникъ Коменданта. По всей тюрьмѣ раздавались ихъ голоса, властные и пьяные.

Слышно было, какъ вывели заключенныхъ, какъ караульнымъ было приказано вести ихъ за кухню, туда, гдѣ рылись могилы.

Потомъ раздалась стрѣльба.

Коменданты вообще стрѣляли мѣтко. Въ ту ночь они были слишкомъ пьяны. Послышались безпорядочные выстрѣлы, стоны, крики, Опять выстрѣлы. Опять стоны.

Къ утру всѣ заключенные, которые отчетливо слышали крики и стрѣльбу, были какъ сумасшедшіе.

А на слѣдующій день Сорокинъ, не безъ сентиментальности, говорилъ:

— Пора мнѣ къ себѣ въ деревню, къ Аннушкѣ. Усталъ ужъ я. —

Въ ожиданіи Аннушки онъ развлекался попойками и оргіями. Для кокаина, по словамъ сестеръ, Сорокинъ былъ недостаточно культуренъ. Кокаиномъ увлекался тотъ своеобразный правящій классъ, та буржуазія, которую выдѣлили изъ своей среды большевики. Ее такъ и опредѣляли, какъ «кокаинистическую интеллигенцію».

Сорокинъ принадлежалъ къ числу большевиковъ, питавшихъ къ медицинѣ большое, но крайне своеобразное уваженіе. На помощь сестрѣ былъ данъ санитаръ изъ числа заключенныхъ, причемъ сестру заставили дать подписку, что если санитаръ убѣжитъ, она будетъ разстрѣляна. Женщина-врачъ, лѣчившая заключенныхъ, пользовалась со стороны Сорокина нѣкоторымъ почтеніемъ, но все-таки Сорокинъ самъ присутствовалъ при медицинскомъ осмотрѣ и самъ выслушивалъ больныхъ.

Этотъ невѣжественный человѣкъ, выражавшійся запутаннымъ, темнымъ языкомъ, состоявшимъ изъ смѣси иностранныхъ словъ, соціалистическаго жаргона и простонародныхъ выраженій, хвастливо говорилъ:

— Я эти всѣ дѣла не хуже васъ понимаю. Самъ всякую медицину знаю. Фельдшеромъ былъ. —

Онъ наклонялся, чтобы послушать сердце, прикладывалъ ухо къ правой сторонѣ груди и приказывалъ больному:

— Дышите. —

Затѣмъ давалъ свое медицинское заключеніе, которое обыкновенно повторяло заключеніе врача.

Сорокинъ хотѣлъ вмѣстѣ съ докторшей производить и спеціальные осмотры арестованныхъ женщинъ. Какимъ-то чудомъ ей удалось его отъ этого отговорить.

VI. Каторжники.

Вообще хворать въ Ч. К. не полагалось. Болѣзнь не давала правъ на снисхожденіе. Съ больными не церемонились.

Въ лучшемъ случаѣ клали въ тюремную больницу или въ околотокъ, что было огромнымъ облегченіемъ, передышкой на страдномъ пути. Это счастье доставалось немногимъ и не надолго. Между прочимъ, евреи жаловались на Сорокина за то, что евреи никогда не попадались въ околотокъ. Это конечно было случайностью, но они были правы, обвиняя его въ юдофобствѣ.

Сорокинъ и Лацисъ дѣйствительно не любили евреевъ.

Лацису приписывали такую фразу:

— Среди евреевъ 95 проц. жидовъ. Остальные евреи. Но эти 5 проц. для совѣтской власти необходимы.

Чаще всего больныхъ оставляли въ камерахъ, въ общихъ условіяхъ и продолжали посылать на тяжелыя работы.

Угаровъ — одинъ изъ самыхъ систематично-свирѣпыхъ комендантовъ, говорилъ въ присутствіи больныхъ арестантовъ:

— Признаю больными только тѣхъ, кто боленъ тифомъ или холерой. У насъ большевиковъ такой принципъ, если не годенъ къ работѣ, разстрѣлять. Это не богадѣльня. —

Особенно тяжело было хворымъ интеллигентнымъ женщинамъ, не привыкшимъ къ физическому труду. Ихъ посылали на самую тяжелую и грязную работу. Убирать казармы, мыть полы, чистить уборныя. Но когда на уличной облавѣ случайно забрали проститутокъ, то этихъ молодыхъ, здоровыхъ дѣвушекъ сразу освободили отъ принудительныхъ работъ. Онѣ пользовались всѣми льготами и образовали въ тюрьмѣ своеобразную аристократію, опиравшуюся на покровительство Коменданта.

Собственно работа не пугала заключенныхъ. Напротивъ, если она была посильной, они охотно записывались на нее, чтобы освободиться отъ убійственной монотонности тюрьмы. Инженеры, сидѣвшіе въ Концентраціонномъ лагерѣ, сами устроили тамъ водопроводъ и канализацію. Поѣздку съ бочкой за водой арестанты считали какъ-бы привилегіей, и старикъ адвокатъ радовался какъ ребенокъ, когда ему разрѣшили взять бочку, впречься въ нее вмѣсто лошади и выѣхать за тюремную ограду за водой.

Особенно ждали заключенные попасть на постоянную работу на заводы. Жизнь тамъ была легче, такъ какъ не было непрестаннаго коммунистическаго издѣвательства. На одинъ изъ заводовъ (Южно-русскій) попали главнымъ образомъ евреи. Говорили, что за хорошія деньги, данныя коменданту, можно всегда туда попасть. Работать тамъ не приходилось. Былъ только одинъ караульный. Можно было даже при удачѣ сбѣгать домой и опять вернуться. На заводѣ Гретера было тяжелѣе. Туда были отправлены поляки, заложники, привезенные изъ Одессы. Ихъ всего было перевезено 34 мущинъ и 9 женщинъ, но на заводъ отправили только мущинъ. Жены просились съ ними, но имъ отказали съ издѣвательствомъ, съ циничными разговорами. На тотъ же заводъ попали арестованные въ Кіевѣ польскіе студенты и курсистки, которыхъ заставляли исполнять всякія домашнія работы.

На заводѣ Гретера было еще 17 человѣкъ харьковскихъ крестьянъ изъ села Богодухово. Никто не зналъ почему они попали въ заложники. Были среди нихъ и зажиточные, и бѣдные. Младшему было 57 лѣтъ, старшему 82 года. Когда красная армія отступала, она увела этихъ крестьянъ съ собой, начала таскать изъ тюрьмы въ тюрьму, можетъ быть, и сейчасъ еще таскаетъ.

На работу посылали иногда отдѣльными партіями. Арестованные Ч. К. интеллигенты строили между прочимъ второй Концентраціонный лагерь, который большевики не успѣли открыть. Тѣ же арестанты разгружали арсеналъ для эвакуаціи. Это была тяжелая работа, такъ какъ она продолжалась днемъ и ночью. Но не столько трудность работы, сколько тѣ издѣвательства, которыми она сопровождалась, тяготили арестованныхъ. Какъ-то разъ сестра встрѣтила партію арестованныхъ, которыхъ вели на работу.

Она была рада за нихъ, зная, какъ они это любятъ. Вечеромъ, обходя тюрьму, она сказала имъ:

— Ну, что работали? Освѣжились? —

И увидала глаза, полные тоски:

— Вѣдь мы могилы рыли. Можетъ быть, для себя, — отвѣтили они ей.

Въ концѣ мая, когда разстрѣлы шли непрерывно, къ сестрѣ, раздававшей обѣдъ, подошли, какъ всегда, старосты изъ камеръ. Среди нихъ были Бѣлиницынъ, Щербакъ, князь Шаховской. Сестру поразило, что отъ нихъ пахнетъ трупнымъ запахомъ. Оказалось, что ихъ посылали вымыть и убрать погреба, гдѣ разстрѣливали арестованныхъ. Тамъ на полу скопилось слишкомъ много крови. Стояла лѣтная пора. Кровь разложилась, началось зловоніе. Комиссары отправили самихъ заключенныхъ привести въ порядокъ мѣсто казни. Кто знаетъ, можетъ быть, они же были намѣчены, какъ слѣдующія жертвы.

Посылка на работы не гарантировала отъ разстрѣла. Вѣдь не было никакихъ опредѣленныхъ категорій ни для преступленія, ни для наказанія. Каждый моментъ распаленная фантазія тюремщиковъ могла изобрѣсти новыя издѣвательства и новыя мученія.

Несмотря на всю грубость Сорокина, при немъ въ Концентраціонномъ Лагерѣ заключеннымъ жилось почти сносно. Это не понравилось. Начались на него доносы. Сорокина обвиняли въ томъ, что онъ со своей снисходительностью распустилъ тюрьму. И вотъ налетѣлъ на лагерь новый комендантъ, Угаровъ. Онъ былъ тоже русскій, какъ и Сорокинъ, но совершенно другого типа. Бывшій портной, Угаровъ, одѣвался изысканно, всегда былъ въ черномъ. У него было довольно интеллигентное лицо съ большими, черными, жесткими глазами, которые кололи при встрѣчѣ. У этого человѣка была собственная опредѣленная тюремная система. Онъ проводилъ ее безпощадно и свирѣпо.

Въ Кіевѣ въ ночь съ 17 на 18 іюля была произведена колоссальная облава, во время которой было арестовано около 700 человѣкъ. Всѣ казематы Ч. К. сразу оказались переполненными. Въ лагерѣ собралось до 700 человѣкъ. Угаровъ потребовалъ перевода въ лагерь всѣхъ работавшихъ на заводахъ. Всѣхъ заключенныхъ согнали толпой во дворъ. Никто не понималъ, въ чемъ дѣло, и по привычкѣ ждали самаго страшнаго. Угаровъ началъ съ распредѣленія всѣхъ заключенныхъ по категоріямъ: 1) Приговоренные, 2) заложники, 3) общественныя работы, 4) подслѣдственные, 5) до конца гражданской войны.

Весь день съ утра до вечера и часть ночи, по перекличкѣ вызывали заключенныхъ и тутъ же, среди суеты и торопливости наскоро, портной Угаровъ рѣшалъ вопросъ о жизни или смерти людей, о дѣятельности которыхъ онъ даже не имѣлъ понятія. Ему была дана полная власть. Ни доказательствъ, ни слѣдствія, ни возможности защищаться у заключенныхъ не было. Надъ ними царилъ единоличный безграничный произволъ, напоминавшій священную волю древняго восточнаго владыки, когда мимо трона побѣдителя проводили заключенныхъ имъ въ плѣнъ враговъ. Угарову помогали его жена и Глейзеръ съ женой. Въ одинъ день они распредѣлили, вѣрнѣе осудили, 700 человѣкъ и утромъ уже отправили въ Москву первую партію заложниковъ. Еще наканунѣ никто изъ заложниковъ не зналъ, что придется ѣхать. У многихъ изъ нихъ не было вещей, не было денегъ. Они даже не простились съ родными, не дали имъ знать о своемъ отъѣздѣ.

Смятеніе царило среди заключенныхъ. Это была сумасшедшая ночь. Но какое было до этого дѣло Угарову. Онъ проводилъ свою систему, которая должна была укрѣпить совѣтскій строй. При его предшественникѣ Сорокинѣ былъ полный безпорядокъ въ тюремныхъ бумагахъ. Теперь бумаги пришли въ порядокъ, за то жизнь стала невыносимой. Сортируя арестованныхъ, Угаровъ въ камеру, предназначенную на 30 человѣкъ, сажалъ — 120. Нельзя было ни лечь, ни протянуться. Не хватало воздуха для дыханія, заключенные буквально задыхались.

Поздно вечеромъ, часовъ въ 11, караульный начальникъ вызвалъ въ одну изъ камеръ сестру. Арестованный, молодой полякъ изъ Винницы, съ больнымъ сердцемъ, лежалъ въ глубокомъ обморокѣ. Жара была лѣтняя, іюльская. Окна въ камерѣ не открывались.

Маленькая форточка почти не пропускала воздуха. Было необходимо, какъ можно скорѣе перенести больного въ другое помѣщеніе. Сестра вышла на дворъ и обратилась къ Угарову:

— Товарищъ Угаровъ, разрѣшите мнѣ перенести больного въ околотокъ? —

Угаровъ повернулся къ ней и рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Если Вы скажете еще хоть одно слово, я Васъ разстрѣляю. Вы не смѣете вмѣшиваться въ мои приказы. —

«Но вѣдь меня вызвалъ начальникъ караула. Я не одна вошла».

— Я васъ сейчасъ поставлю къ стѣнкѣ. —

Онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ надъ головой сестры. На заключенныхъ эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе. Если такъ начали обращаться съ сестрой, которая раньше пользовалась уваженіемъ даже тюремщиковъ, то какая же участь ждетъ самихъ заключенныхъ?

А тутъ еще впервые за все время существованія Концентраціоннаго лагеря установили разрядъ смертниковъ. Раньше у каждаго заключеннаго оставалась искра надежды. Теперь первой категоріи приходилось ждать только одного — исполненія приговора.

31 іюля, послѣ взятія Кременчуга, въ Концентраціонный лагерь было привезено 17 военныхъ, захваченныхъ на улицахъ Кременчуга. За что ихъ взяли, ни одинъ изъ нихъ не зналъ. Имъ говорили: «Вы заложники, потому что вы враги совѣтской власти». Четыре дня считались они подслѣдственными, но никто ихъ не допрашивалъ. 3-го августа Угаровъ взглянулъ на нихъ и распорядился:

— Этихъ въ первую категорію. Каждый изъ нихъ намъ важенъ. —

Онъ приказалъ, чтобы часовой не отходилъ отъ нихъ. Эти люди десять дней непрестанно ждали разстрѣла. Но даже въ эти страшные дни, какъ дѣти, радовались они каждой мелочи. Когда сестра приносила имъ маленькую порцію молочной каши на каждаго — это была уже радость на полъ дня.

Неожиданно появилась комиссія Мануильскаго. Одному изъ кременчугскихъ заложниковъ удалось пробраться къ нему съ заявленіемъ отъ всей группы. Мануильскій ихъ выслушалъ, обѣщалъ допросить. У приговоренныхъ появилась надежда на болѣе милосердный исходъ. На слѣдующій день отношеніе къ нимъ измѣнилось. Имъ было объявлено, что они будутъ отправлены въ Москву для занятія высшихъ командныхъ должностей. 7-го августа они были вывезены подъ строжайшимъ карауломъ, присланнымъ изъ контръ-развѣдки 12-ой арміи. Сестра спросила:

— Куда вы ихъ везете?

Караульный начальникъ отвѣтилъ:

«Такихъ мерзавцевъ у насъ еще цѣлая партія».

Одна изъ сестеръ проводила ихъ до вокзала. Офицеровъ усадили въ теплушку и дѣйствительно куда-то повезли. Куда, гдѣ они, никто не знаетъ.

Угаровъ ввелъ въ Концентраціонномъ лагерѣ безпощадную каторжную систему. Всѣхъ заключенныхъ заперли по камерамъ, гдѣ помѣстили народу втрое больше, чѣмъ камеры могли вмѣстить. Это было лѣтомъ. Стояла іюльская жара. Въ камерѣ было мучительно душно. Но даже въ уборную разрѣшалось выходить не иначе, какъ съ караульнымъ. Заключенныхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, караульныхъ нѣсколько десятковъ. Имъ надоѣло, да они просто не успѣвали провожать арестованныхъ. Безъ воздуха, въ грязи, лишенные возможности удовлетворять самыя необходимыя физическія потребности, заключенные стали биться въ камерахъ, какъ звѣри въ клѣткахъ. Три дня стонъ стоялъ въ тюрьмѣ.

Къ счастью смѣнился караулъ. Пришли кубанцы, которые не пожелали исполнять приказа коменданта. Опять стали выпускать во дворъ, гдѣ по крайней мѣрѣ грудь могла дышать. Но какъ только раздавался стукъ Угаровскаго автомобиля, дворъ сразу пустѣлъ. Всѣ разбѣгались по мѣстамъ. Камеры запирались водворялась мертвая тишина, точно все вымирало кругомъ. Никто не попадался ему на глаза, никто ни о чемъ его не просилъ. Онъ внушалъ паническій страхъ не только заключеннымъ, но и начальству.

— Онъ и насъ можетъ разстрѣлять, — говорили сотрудники Ч. К.

Портной Угаровъ, наводившій терроръ даже на своихъ коммунистовъ, торопился отправкой заложниковъ.

VII. Заложники.

Съ первыхъ дней захвата власти, большевики ввели систему заложничества, возстановляя этимъ древній институтъ, казалось бы, давно отвергнутый современной моралью и современнымъ правосознаніемъ. Это одинъ изъ многихъ вопіющихъ парадоксовъ коммунистической идеологіи, гдѣ гордость своей прогрессивностью спокойно уживается съ пещерной дикостью и злобой.

Изъ всѣхъ преступленій, которыя творятся русскими коммунистами, система заложничества является едва-ли не самымъ грубымъ надругательствомъ надъ правомъ, справедливостью, надъ человѣческой личностью.

Простая и неоспоримая мысль, что за преступленіе долженъ отвѣчать тотъ, кто его совершилъ, кто къ нему причастенъ, превращается въ извращенную круговую поруку. Причемъ, даже нѣтъ необходимости доказывать наличность преступленія. Совершенно достаточно принадлежности къ профессіи, къ классу, къ семьѣ.

Жена, мать, дочь офицера бросаются въ тюрьму, разстрѣливаются. Иногда это происходитъ потому, что офицеръ исчезъ. Есть подозрѣніе, что онъ перешелъ къ бѣлымъ. Иногда офицеръ уже давно убитъ, а родныхъ все-таки берутъ въ плѣнъ, потому что весь офицерскій классъ держится подъ подозрѣніемъ. Берутъ въ заложники священниковъ. Самого патріарха Тихона держатъ въ плѣну въ Кремлѣ, какъ одного изъ самыхъ важныхъ заложниковъ. По всей совѣтской Россіи разбросаны такіе Концентраціонные лагери, гдѣ десятки тысячъ людей медленно умираютъ отъ холода, голода и горя. Каждый разъ, когда бѣлыя войска наступаютъ, красныя, уходя, уводятъ за собой гражданскихъ плѣнныхъ. Политически это дѣлается для усиленія террора. Практически большевики смотрятъ на заложниковъ, какъ на военную добычу, которую можно при случаѣ обмѣнять на деньги или на арестованныхъ большевиковъ. Если обмѣнъ не удается, заложниковъ убиваютъ.

Когда въ Кіевѣ большевики увидали, что силы Деникина тѣснятъ красныхъ, началась отправка заложниковъ. Первую партію Угаровъ набралъ по своему усмотрѣнію. Никто не зналъ и не понималъ, по какимъ признакамъ ставилъ онъ свой жестокій приговоръ:

«Вторая категорія».

Смертельная тоска охватила заложниковъ. Въ Кіевѣ за стѣнами тюрьмы были у нихъ родные и близкіе. Сохранялась связь съ жизнью, теплилась надежда. Наконецъ, они знали, что Добровольцы подходятъ. Тамъ на сѣверѣ, превращенномъ волею коммунистовъ въ царство голода и деспотизма, ждали плѣнниковъ новыя издѣвательства, новыя страданія. Имъ не дали даже проститься съ близкими. Вечеромъ состоялся приговоръ, а утромъ ихъ отправили на пароходъ, окружили стражей, которая стрѣляла въ каждаго, кто пытался подойти, и отправили дальше.

Всего въ первой партіи заложниковъ было отправлено 183 человѣка. Большинство было безъ средствъ. Это была мелкая трудовая интеллигенція. Много учащейся молодежи. Офицеры. Поляки изъ Одессы. Двадцать евреевъ. Туда же попали несчастные Богодуховскіе мужики. Ихъ тоже революціонная воля Угарова обрекла на горькую участь заложниковъ, хотя врядъ-ли 83-хъ-лѣтній харьковскій крестьянинъ могъ быть выгоднымъ объектомъ обмѣна.

Позже было отправлено еще двѣ партіи заложниковъ. Во второй было 27 человѣкъ, главнымъ образомъ богатыхъ людей, крупныхъ помѣщиковъ. Были поляки, русскіе. Одинъ еврей. Среди нихъ былъ извѣстный въ Кіевѣ ксендзъ Шафранскій и секретарь германскаго консула въ Одессѣ Паласъ. Ихъ тоже собрали въ дорогу такъ быстро, что съ трудомъ удалось оповѣстить родныхъ, достать необходимыя въ дорогу вещи, приготовить на 10 дней пищу, какъ было приказано комендантомъ.

Наконецъ, въ третьей партіи увезли послѣднихъ 30 человѣкъ. Тутъ были инженеры, къ которымъ относились болѣе бережливо, такъ какъ они были нужны, какъ спеціалисты. Щадили также и заложниковъ нѣмцевъ, которыхъ разсчитывали обмѣнять на Радека. Въ этой же послѣдней партіи было нѣсколько банковскихъ дѣятелей. Тутъ былъ французъ Камперъ, студентъ-медикъ, захваченный большевиками подъ Одессой. Французская коммунистическая ячейка, дѣйствовавшая въ Кіевѣ, добивалась разстрѣла Кампера, какъ буржуя. Но его только увезли въ Москву.

Среди этихъ людей очутился и 16-лѣтній мальчикъ Львовъ.

Это была послѣдняя партія. Она была отправлена на пароходѣ въ субботу вечеромъ, а въ воскресенье утромъ въ Кіевъ входили Добровольцы.

Послѣ отправки первой, самой большой и самой пестрой по составу партіи заложниковъ, въ Кіевѣ, оглушенномъ, запуганномъ, безмолвномъ, все-таки начался какой-то протестъ. Такъ какъ газетъ, кромѣ совѣтскихъ, не было, собраній также, то это дѣлалось получастными путями. Въ городѣ придавали большое значеніе волненію въ еврейскихъ кругахъ, которые будто-бы имѣли извѣстное вліяніе на комиссаровъ.

Быть можетъ, проснулось у совѣтской власти сознаніе, что удержаться на одномъ террорѣ нельзя. Во всякомъ случаѣ въ связи съ этимъ была назначена особая комиссія. Во главѣ ея былъ Мануильскій. Это видный большевикъ, человѣкъ интеллигентный, совсѣмъ другого склада, чѣмъ Авдохинъ или Сорокинъ. Дѣятельнымъ членомъ комиссіи Мануильскаго былъ другой старый революціонеръ, журналистъ, Феликсъ Конъ. Польскій еврей, онъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ и Сибири. Какъ тогда говорили, пострадалъ за свободу. Это не помѣшало ему на старости лѣтъ поддерживать кровавую тиранію совѣтской власти. Хотя самъ Конъ не большевикъ, а только с.-д. интернаціоналистъ.

Эти два соціалиста, люди несомнѣнно образованные, а слѣдовательно и до конца отвѣтственные за свои поступки, поставили себѣ великодушную задачу — смягчить ужасы коммунистической инквизиціи.

Мануильскій даже неосторожно обѣщалъ пересмотрѣть всѣ дѣла Чрезвычайки, хотя, въ Центральномъ учрежденіи въ В. Укр. Ч. К. онъ ни разу не побывалъ. Да его тамъ и не послушались-бы.

Сколько-нибудь серьезныхъ контръ-революціонныхъ дѣлъ Мануильскій не касался. Приказы его часто не исполнялись. Но такъ измучены, такъ истерзаны были несчастные, попавшіе въ Ч. К., что они бросились навстрѣчу Мануильскому, смотрѣли на него, какъ на избавителя, жаждали его пріѣзда. Для заключенныхъ былъ праздникъ, когда къ лагерю подъѣзжалъ автомобиль Мануильскаго и Кона, которые вели себя благожелательно и милостиво, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ не то что стыда, а хотя бы неловкости за свое идейное соучастіе въ преступленіяхъ товарищей, работавшихъ въ Ч. К.

Эти 5—6 дней, пока работала комиссія Мануильскаго, заключенные и ихъ близкіе жили въ угарѣ лихорадочныхъ надеждъ. Нѣсколько человѣкъ были освобождены. Двѣнадцать человѣкъ были освобождены по болѣзни, чего никогда не дѣлалось раньше. Молоденькую дѣвушку польку, повидимому поразившую Кона своимъ дѣтскимъ открытымъ личикомъ, старикъ взялъ какъ-бы на поруки. Появилась смутная надежда, что заключеннымъ дадутъ возможность выяснить возводимыя на нихъ обвиненія, а можетъ быть, и оправдаться.

Это продолжалось только нѣсколько дней. Совѣтская власть быстро оборвала эти надежды, не видя нужды сентиментальничать съ военно-плѣнными. Лацисъ, предсѣдатель Ч. К., не разрѣшилъ исполнять приказы Мануильскаго. Другой латышъ, Петерсъ, предсѣдатель Всероссійской Ч. К., назначенный руководителемъ обороны Кіева еще меньше былъ склоненъ къ какой-бы то ни было гуманности.

Мануильскій и Конъ перестали ѣздить въ тюрьмы, но, вѣроятно, продолжаютъ свое товарищеское сотрудничество съ совѣтской властью.

Эта недолго длившаяся борьба нашла свое отраженіе въ прессѣ. Лацисъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ Кіевскаго Совѣта» рядъ статей, гдѣ излагалъ идеологію Чрезвычаекъ. Было выпущено два номера спеціальнаго журнала «Красный Мечъ», посвященнаго восхваленію краснаго террора и Чрезвычаекъ.

VIII. Послѣдніе дни.

Подходили послѣдніе, самые страшные дни господства большевиковъ надъ Кіевомъ.

Недѣли за двѣ до прихода Добровольческой Арміи привезли во В. Укр. Ч. К. 29 человѣкъ судейскихъ. На нихъ смотрѣли, какъ на заложниковъ. Относились къ нимъ даже какъ будто снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ.

Давали имъ свиданія. Говорили, что Мануильскій, комиссія котораго еще существовала, затребовалъ ихъ списки. Большинство судей были старики, больные. Всѣ были увѣрены, что положеніе ихъ лучше, чѣмъ другихъ. Пугалъ только возможный увозъ въ Москву.

Бывшій мальчикъ изъ кинематографа, помощникъ коменданта Извощиковъ, явился, просмотрѣлъ списокъ, и нѣкоторыхъ изъ юристовъ приказалъ отправить въ больницу, при Лукьяновской тюрьмѣ. Шансы на спасеніе увеличивались, такъ какъ тюрьма была не такъ на глазахъ и людей тамъ забывали. Юристы сравнительно спокойно ждали своей участи, нѣкоторыхъ изъ нихъ освободили по хлопотамъ родныхъ.

Вдругъ въ пятницу, 9 августа, появилась комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Быстро стали разбирать дѣла, опрашивать. Многихъ освободили. В. Укр. Ч. К. совсѣмъ очистили. Перевели всѣхъ заключенныхъ въ самое страшное мѣсто въ Губ. Ч. К. Тамъ сразу пошли строгости, грубость и издѣвательства. Всѣхъ обыскали, все отобрали.

— Теперь мы вашимъ покажемъ, — повторяли тюремщики, точно раньше у нихъ былъ не застѣнокъ, а благотворительное учрежденіе.

Въ понедѣльникъ и вторникъ шли усиленные, торопливые допросы. Судейскихъ спрашивали.

«Вы участвовали въ процессѣ Бейлиса?»*

Если отвѣтъ былъ утвердительный, смертный приговоръ былъ неизбѣженъ.

Заключенные предчувствовали свою судьбу. Молодой товарищъ прокурора Гейнрихсонъ, когда вели его въ Губ. Ч. К., успѣлъ передать нянѣ своихъ дѣтей образокъ.

Разстрѣлы производились почти непрерывно и раньше. Въ іюнѣ, въ іюлѣ, въ августѣ каждую ночь разстрѣливали. Но послѣдняя недѣля была уже настоящая бойня.

Большевики предполагали, что имъ придется 14 августа сдать Кіевъ. 9 августа они закрыли Концентраціонный лагерь, потомъ В. Укр. Ч. К. — До послѣдняго дня существовалъ особый отдѣлъ. Въ особомъ отдѣлѣ сидѣли заподозрѣнные не только въ сочувствіи, но и въ организаціи контръ-революціи. Тамъ дѣла рѣшались обычно очень быстро — свобода или смерть.

Въ понедѣльникъ сестра раздала въ особомъ отдѣлѣ 80 обѣдовъ. Въ тотъ же день она нашла въ темномъ шкапу-карцерѣ молодую интеллигентную женщину. Она служила въ военномъ комиссаріатѣ и повидимому была уличена въ передачѣ какихъ-то свѣдѣній Арміи Деникина. Ночью ее разстрѣляли.

Въ среду уже никого изъ арестованныхъ въ особомъ отдѣлѣ не было. Смѣнилась стража. Никто ничего не зналъ о судьбѣ исчезнувшихъ заключенныхъ. Нельзя было понять, кто живъ, кто убитъ.

На слѣдующій день появился въ газетахъ списокъ:

«Въ отвѣтъ на разстрѣлы коммунистовъ Добровольческой Арміей мы разстрѣливаемъ такихъ-то . . .» Дальше шли имена.

Въ ночь на четвергъ привели человѣкъ двѣнадцать молодыхъ людей, только что арестованныхъ. Среди нихъ былъ 17-тилѣтній студентъ Глѣбъ Жикулинъ,сынъ извѣстной всему Кіеву Начальницы гимназіи. Были отецъ и сынъ Прянишниковы. Они лежали на носилкахъ жестоко избитые. Былъ офицеръ Ткаченко, также избитый. Эту всю партію передъ казнью жестоко били. Они знали свою судьбу, но держали себя спокойно и твердо.

---

* Еврей Бейлисъ обвинялся въ организаціи ритуальнаго убійства и былъ оправданъ. Этотъ процессъ вызвалъ въ русскомъ обществѣ много шума и большое недовольство Министерствомъ Юстиціи, такъ какъ считалось, что все дѣло задумано исключительно для возбужденія ненависти къ евреямъ.

Въ субботу санитары сказали сестрѣ, что на ихъ пунктѣ никого больше нѣтъ. У дома стояли караульные, въ палисадникѣ сосѣдняго дома князя Яшвили пьяные солдаты валялись на травѣ, спали на креслахъ, вытащенныхъ изъ дома.

Сестры боялись, что ихъ самихъ могутъ арестовать, но все-таки задали караульному начальнику обычный вопросъ:

«Сколько надо обѣдовъ?»

— Нисколько обѣдовъ не нужно, — махнулъ онъ рукой.

А въ это время рядомъ въ саду зарывали еще не остывшіе трупы убитой молодежи.

Только одинъ изъ нихъ спасся. Было схвачено два брата Дикихъ. За одного изъ нихъ хлопотала его пріятельница, коммунистка. Его освободили. Онъ не хотѣлъ уходить, пока не узнаетъ о судьбѣ брата. Но тюремщики, какъ всегда, солгали:

— Идите скорѣй домой, Вашъ братъ придетъ сейчасъ вслѣдъ за Вами. —

А въ это время брата разстрѣливали рядомъ въ саду.

13-го августа стала работать новая комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Въ Концентраціонный лагерь пріѣхали слѣдователи — двое мущинъ и одна женщина. Это были люди совсѣмъ неинтеллигентные. По очереди, въ алфавитномъ порядкѣ, вызывали заключенныхъ къ этимъ людямъ, отъ которыхъ всецѣло зависѣла ихъ судьба. Они имѣли право освободить, зачислить въ заложники, разстрѣлять.

Никакихъ предварительныхъ протоколовъ, никакого судебнаго дѣла эти революціонные слѣдователи не имѣли передъ собой. Въ ихъ рукахъ была только личная карточка арестованнаго. На ней значилось имя, лѣта, сословіе, занятія, категорія, къ которой его раньше причисляли, иногда краткая квалификація преступленія.

Затѣмъ передъ глазами слѣдователей былъ живой преступникъ. Они подвергали его быстрому допросу. Работали съ 12 до 5 часовъ и въ это время пропустили 200 человѣкъ, такъ что на каждаго приходилось одна-двѣ минуты. Съ молніеносной быстротой постановлялся приговоръ. Жаловаться было некуда и некому. Это былъ приговоръ въ окончательной формѣ.

Когда первые три слѣдователи устали — имъ на смѣну прислали другихъ, которые до ночи продолжали ту же безумную работу.

Человѣкъ 80 было выпущено на свободу. Молодые люди отправлены на фронтъ. Большинство было осуждено на смерть.

Нельзя дать точнаго опредѣленія, по какимъ признакамъ человѣка присуждали къ разстрѣлу.

Старика Маньковскаго разстрѣляли за то, что у него до революціи было 6000 десятинъ земли, хотя крестьяне уже давно отобрали у него всю землю.

Вмѣстѣ съ ними былъ осужденъ молодой Рейтеровскій, служившій гдѣ-то бухгалтеромъ.

Арестованнаго Бирскаго спросили:

«Вы были въ Гомелѣ Городскимъ Головой?»

— Былъ. —

«Останьтесь.»

Это простое слово — останьтесь — значило: «Останьтесь, мы Васъ убьемъ».

Въ одной изъ камеръ былъ старостой чехъ Вольфъ. Его всѣ уважали. Въ чешской колоніи онъ занималъ видное мѣсто. Его спросили:

«За что Вы арестованы?»

— Я не знаю, якобы за то, что я врагъ совѣтской власти. —

«А вотъ что. Останьтесь».

Имъ не нужно было доказательствъ. Достаточно было обвиненія.

Когда послѣ этого бѣглаго опроса, арестованныхъ собрали въ Губ. Ч. К., они поняли, что надежды больше нѣтъ. Раньше у всѣхъ была какая-то возможность уцѣлѣть. Теперь никакихъ иллюзій больше не оставалось.

Потянулись послѣдніе ужасные часы, о которыхъ даже караульные солдаты говорили шопотомъ.

Три камеры были наполнены смертниками. Всю ночь въ нихъ стоялъ сплошной шумъ. Они кричали, стонали, просили, проклинали. Болѣе религіозные устроили хоръ и пѣли молитвы. Среди приговоренныхъ были двѣ женщины.

Одна была совѣтская служащая, Марія Николаевна Громова, молодая интеллигентная женщина. Она была соціалистка, но врядъ ли большевичка. Ея честность возмущалась противъ взяточничества и грабежа комиссаровъ. Повидимому, она кого-то хотѣла обличить и за это попала въ тюрьму. Всѣ послѣдніе дни она страшно волновалась. Предчувствіе ее не обмануло. Коммунисты разстрѣляли ее.

Другая была Черниговская помѣщица Бобровникова. На нее донесла прислуга. Ее посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ грудным ребенкомъ. Когда она поняла, что смерть неизбѣжна, Бобровникова, рыдая, бросилась на полъ, рвала на себѣ волосы, умоляла пожалѣть ее, хотя бы ради ребенка. Но ея мольбы слышали только ея товарищи по несчастью, да караульные солдаты.

Кромѣ Громовой, въ этой послѣдней партіи, былъ еще одинъ совѣтскій служащій, предсѣдатель Полтавской Чрезвычайки, обвиненный въ растратѣ 20 милліоновъ.

Онъ умолялъ товарища коменданта, еврея Абнавера, спасти его, отправить на фронтъ, подвергнуть какому угодно наказанію, только бы сохранить ему жизнь.

Абнаверъ худой, извивающійся, наглый, смѣялся ему въ лицо, и поигрывая хлыстикомъ, презрительно говорилъ:

«Умѣлъ красиво жить, умѣй и умереть. Всѣ вы здѣсь приговорены къ смерти. Это не страшно. Одна минута и кончено. Этой ночью всѣ вы умрете».

Это было въ кухнѣ, гдѣ заключеннымъ въ послѣдній разъ раздавался обѣдъ. Какъ всегда за обѣдомъ пришли изъ камеръ старосты. Абнаверъ въ ихъ присутствіи говорилъ свои циничныя слова, чтобы лишній разъ насладиться страданіями жертвъ.

Садическое сладострастіе мучителя, старающагося какъ можно глубже заглянуть въ истерзанную душу мучениковъ, упоеніе чужимъ горемъ — это одна изъ психологическихъ особенностей большевизма.

Имъ было чѣмъ потѣшиться въ эти послѣднія сутки красной власти надъ Кіевомъ. Заключенные бились въ смертельной тоскѣ, еще живые были похожи уже на мертвецовъ.

Гейнрихсенъ, тотъ самый молодой прокуроръ, который успѣлъ переслать дѣтямъ образокъ, подошелъ къ сестрѣ за супомъ и тихонько шепнулъ ей по-французски:

— Я обреченъ. Перекрестите меня, сестра. —

Въ этотъ день, 14 августа, сестрѣ не позволяли дѣлать медицинскаго обхода.

«Они не нуждаются въ Вашемъ уходѣ. Мы сами имъ пропишемъ лѣкарства», — съ наглой усмѣшкой говорили коменданты.

Была вырыта огромная общая могила въ саду дома Бродскаго, на Садовой, 15. Домъ, гдѣ жили важные коммунисты, Глейзеръ, Угаровъ и другіе, выходилъ окнами въ садъ, гдѣ раздавались стоны въ перемежку съ выстрѣлами.

Арестованныхъ, совершенно раздѣтыхъ, выводили по 10 человѣкъ, ставили на край ямы и изъ винтовокъ разстрѣливали. Это былъ необычный способъ. Обыкновенно осужденнаго клали въ подвалъ на полъ лицомъ къ землѣ, и комендантъ убивалъ его выстрѣломъ изъ револьвера, въ затылокъ, въ упоръ.

На этотъ разъ перемѣнили систему, но, такъ какъ торопились, нервничали, были возбуждены, то стрѣляли плохо, безпорядочно.

Многіе падали недобитыми. Валились прямо съ края въ яму, живые и мертвые. Когда пришли Добровольцы и слѣдственная власть вскрыла эту общую могилу и произвела осмотръ труповъ, многіе были найдены въ скрюченномъ видѣ.

Должно быть бились подъ землей, но раненые не нашли силъ подняться изъ-подъ груды труповъ.

Ихъ было найдено 123.

Солдаты утромъ говорили, что всего застрѣлено въ ту ночь 139 человѣкъ.

Это были солдаты изъ особаго корпуса при Ч. К. Тамъ были русскіе, латыши и евреи. На слѣдующее утро они сами разсказали сестрамъ про эту страшную ночь. Солдаты были возмущены, возбуждены и не скрывали своего омерзѣнія.

28-го августа Добровольцы вошли въ Кіевъ.

На время кончилась власть большевиковъ надъ Кіевомъ.

Тюрьмы Ч. К. опустѣли. Сестрамъ осталось только отдать послѣдній долгъ послѣднимъ жертвамъ свирѣпаго большевистскаго режима. Онѣ присутствовали при вскрытіи могилъ, помогали омыть и убрать обезображенные трупы, которые краснорѣчивѣе словъ говорили о томъ, чѣмъ можетъ стать человѣкъ, когда его звѣрскимъ инстинктамъ нѣтъ сопротивленія, когда свирѣпость поощряется, когда на ней строится система управленія государствомъ.

Содержаніе

Госуд. Дума и февральская революція — М. В. Родзянко 5
Изъ воспоминаній — ген. А. С. Лукомскаго 81
Изъ Кіевскихъ воспоминаній — А. А. Гольденвейзера 161
Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства — А. Гуровича 304

Документы

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянко 335
Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста 339

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

10 руб 92 коп
1986

РЛ 127 У

31642

30/28.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГЕССЕНОМЪ

ТОМЪ VI

Складъ изданія.
Книготорговое Акц. Общ. «ЛОГОС»
Berlin SW 68